Л. Н. СМИРНОВ, Е. Б. ЗАЙЦЕВ

СУД В ТОКИО

Лев Николаевич Смирнов (справа) и Евгений Борисович Зайцев за работой над книгой.

Л. Н. СМИРНОВ, Е. Б. ЗАЙЦЕВ

СУД В ТОКИО

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1980

ББК 63.3(0)62
С 50

Смирнов Л. Н. Зайцев Е. Б.

С 50 Суд в Токио.— М.: Воениздат, 1980.— 544 с., портр.

В пер.: 2 р. 20 к.

В 1946—1948 годах Международный военный трибунал для Дальнего Востока, учрежденный одиннадцатью державами, воевавшими против Японии, судил в Токио главных японских военных преступников — руководителей правительства, армии и флота.

Именно этому событию посвящена книга Председателя Верховного суда СССР Л. Н. Смирнова и журналиста-международника Е. Б. Зайцева. В ней убедительно показан сам процесс и отлично передана атмосфера, в которой он проходил. Это удалось потому, что один из авторов — Лев Николаевич Смирнов участвовал в процессе в качестве заместителя советского обвинителя.

Книга рассчитана на широкую читательскую аудиторию.

С $\frac{11202\text{-}274}{068(02)\text{-}80}$ без объявл. 1207000000.

ББК 63.3(0)62
9(М)72

ЗАГОВОРЩИКИ БЕРУТ СТАРТ

По странной прихоти истории два события, внешне малозначительных и в свое время не вызвавших широкого внимания, произошли в Маньчжурии, в городе Мукдене. Целая эпоха разделила эти события, эпоха, как многим тогда казалось, беспросветно мрачная и, что уж бесспорно, беспрецедентно кровавая в отнюдь не безоблачной и не бескровной истории человечества...

В ночь на 4 июля 1928 года на Пекинском вокзале было пустынно. У салон-вагона специального состава стояли трое — китайский маршал Чжан Цзо-линь, его японский военный советник генерал Нанао и адъютант советника полковник, тоже японец, Кэндзи Доихара. Поезд должен был отойти с минуты на минуту. Маршал попрощался со своими спутниками, которые задерживались в Пекине по срочному делу, и вошел в салон-вагон. Поезд тронулся. Красные сигнальные огни хвостового вагона последний раз сверкнули и скрылись за поворотом пути. Тогда Нанао и Доихара неторопливо направились к выходу и сели в машину. На следующий день они тоже должны были выехать в Мукден.

Но встретиться с Чжан Цзо-линем им больше не довелось: 4 июля 1928 года, когда поезд уже находился в пригороде Мукдена, произошел взрыв. Хотя состав двигался довольно быстро, взрыв пришелся именно на тот участок пути, на котором в тот момент находился салон-вагон. Маршал и все, кто следовал вместе с ним, погибли. Состав в целом не пострадал. Лишь один вагон сошел с рельсов.

Необычные обстоятельства катастрофы давали основания полагать, что дело не обошлось без опытных подрывников.

Хоронили Чжан Цзо-линя торжественно. Гроб был установлен на артиллерийском лафете, и конная упряжка

медленно везла его через весь Мукден, запруженный любопытными. Рядом с сыном маршала Чжан Сюэ-ляном шли глава японской правительственной делегации на похоронах, барон, генерал Хаяси, военный советник маршала Нанао и командующий японской армией в Маньчжурии генерал Хондзё. Гроб сопровождали многочисленные офицеры из штаба японской армии в Маньчжурии и среди них — капитан Кавамото и адъютант Нанао полковник Доихара.

Только один человек не почтил память Чжан Цзо-линя своим присутствием, хотя, казалось, положение его к этому обязывало. Говорили, что Сюмэй Окава — председатель правления японской акционерной компании Южно-Маньчжурской железной дороги — заболел от потрясения: ведь злодейское убийство китайского маршала произошло как раз в том месте, где дорога, принадлежавшая компании, пересекает другую, идущую на Пекин. Читатели могут справедливо заметить, что это странное совпадение вряд ли могло явиться поводом для столь сильного потрясения. Возможно, Сюмэй Окава был человеком со слабой нервной системой. Это порождало немало странностей в его поступках и поведении. Известно, например, что, будучи любителем и знатоком мировой литературы, он не признавал Шекспира, так как считал, что многие пьесы этого автора изобилуют ситуациями, неправдоподобными по своей изощренной жестокости и цинизму...

Токийские газеты в связи со смертью Чжан Цзо-линя писали тогда, что погиб большой друг Японии, что маршал стал жертвой китайских бандитов-террористов. Штаб же японской армии высказался по поводу этого события еще более определенно. В его сообщении было указано, что убийство маршала совершено партизанами, подчиненными гоминьдановскому правительству в Нанкине, с которым правитель Маньчжурии вплоть до своей гибели вел непримиримую самоотверженную борьбу.

Мировое общественное мнение тех лет, приученное к тому, что китайские милитаристы нередко быстро всплывали на поверхность и так же неожиданно сходили со сцены, не придало этому событию большого значения. Да и прошлое покойного было весьма неприглядным.

В самом начале нашего века в Маньчжурии бесчинствовали вооруженные уголовники, объединившиеся в многочисленные шайки и прозванные хунхузами. Главарем

одной из таких шаек был и Чжан Цзо-линь. Во время русско-японской войны в 1904—1905 годах в Маньчжурии японское командование использовало хунхузов для рейдов по русским тылам, где они совершили немало кровавых преступлений. Чжан Цзо-линь был тогда в числе первых, кто перешел со своими шайками в услужение к японцам. Это определило его дальнейший путь. Став японской креатурой, Чжан Цзо-линь впоследствии был принят в китайскую армию и быстро сделал карьеру. В 1916 году, действуя по наущению своих хозяев, он попытался объявить независимость Маньчжурии, чтобы превратить ее в японскую колонию такого же типа, какой была в те времена Корея.

Пекинское правительство срочно назначило его военным губернатором Мукдена и этим на время купило его лояльность. Однако вскоре Чжан Цзо-линь,— правда, без объявления формальной независимости Маньчжурии — стал фактическим слугой Токио, а не Пекина. Маневрируя, торгуя шпагой, оборотистый маршал к 1928 году уже хозяйничал не только в Маньчжурии, но и в Пекине, куда перенес свою резиденцию. А когда в начале лета 1928 года войска гоминьдана, побеждая северных милитаристов и помогавшие им японские части, стали приближаться к Пекину, Чжан Цзо-линь, понимая, что ему не удержаться, решил вернуться в Маньчжурию. Это решение он принял вопреки советам японских друзей и, как мы уже знаем, вскоре погиб.

Кто мог тогда подумать, что это событие — первый шаг в осуществлении мрачного заговора против мира, заговора, который созрел тогда на Дальнем Востоке, а несколько лет спустя получил могучую поддержку в лице участников аналогичного заговора, возникшего уже в центре Европы!.. Кто мог тогда предвидеть, что гибель матерого китайского милитариста — первый, пускай небольшой, шажок на пути ко второй мировой войне!..

Прошло 17 лет. Гасли последние искры гигантского военного костра. 19 августа 1945 года советские войска, входившие в состав Забайкальского фронта, стремительно преследуя еще сопротивлявшиеся соединения Квантунской армии, вышли на подступы к Мукдену. В целях разведки и для захвата мукденского аэродрома было принято решение выбросить авиадесант. Транспортные самолеты под охраной истребителей взяли курс на столицу

Маньчжурии. Полет был коротким. Город, лежавший на удивительно ровной местности, возник внезапно. Истребители прошли над ним на бреющем полете. Японская зенитная артиллерия молчала. Летчики спокойно осмотрели аэродром. По летному полю между скелетами сожженных самолетов метались люди в военной форме.

Убедившись, что сопротивления не будет, командир звена истребителей дал по радио указание транспортным самолетам идти на посадку. Двести гвардейцев-десантников заполнили опустевший аэродром. Их командир, судя по всему, бывалый офицер, сразу же приметил среди множества обгоревших остовов исправный транспортный самолет с японскими опознавательными знаками. Он либо только что прилетел, либо должен был покинуть аэродром: трап еще не был убран. Мгновенно оценив ситуацию, командир десантников с несколькими автоматчиками и переводчиком бросился к самолету. Пассажиры, оказавшиеся японскими генералами, тоже, видимо, решили не терять времени. Один за другим стали спускаться по трапу. Ступив на землю, каждый молча бросал оружие к ногам десантников и покорно поднимал руки.

Среди этой группы людей в мундирах цвета хаки резко выделялся высокий китаец в роговых очках и отлично сшитом костюме, облегавшем стройное, худощавое тело. Белоснежная рубашка и такой же платок в нагрудном кармане, холеное лицо,— словом, этот человек выделялся каким-то нелепым пятном на фоне разбомбленного аэродрома, на фоне огрубевших, обветренных лиц советских десантников. Этот китаец, возвышавшийся на целую голову над своими спутниками, сразу отделился от них, быстрыми широкими шагами направился в сторону советского офицера, приблизился к нему и заговорил.

— Лейтенант, переводите! — приказал командир десантников.

— Человек этот говорит, что он — император Маньчжоу-го Генри Пу И. Он передает себя в руки советского командования. Просит отделить его от японских генералов.

Император явно опасался за свою жизнь. Видимо, он слишком многое знал.

— Императора в мой самолет, под охрану экипажа. Об остальных дам указание, когда установлю личности,— распорядился командир десантников.

На лице бывалого воина не было и тени удивления. Можно было подумать, что захват в плен императоров — дело для него привычное. Вероятно, не удивился бы он и в том случае, если бы Генри Пу И сказал о себе всю правду. Ведь он был не только императором Маньчжоу-го, но и последним императором всего огромного Китая.

Немало новых качеств приобрел за долгие годы войны советский офицер — командир десантников, действовавших под Мукденом. Зато одно утерял начисто — способность удивляться. Слишком много пришлось ему повидать: и пленного немецкого фельдмаршала, и обгорелый труп Геббельса, и заискивающих перед русскими солдатами эсэсовцев, и благословлявших их на «подвиги» священнослужителей, и нечеловеческую жестокость, которой противостоял массовый героизм...

Среди спутников Пу И оказались две высокопоставленные персоны: министр двора бывшего маньчжурского императора, японец, генерал Ёсиока, а также епископ синтоистской церкви и одновременно генерал жандармского управления Квантунской армии Таракасуки.

Эти два события, случившиеся в Мукдене в 1928 и в 1945 годах — убийство маршала Чжан Цзо-линя и пленение императора Маньчжоу-го Генри Пу И,—на первый взгляд казались весьма далекими друг от друга. И тем не менее они находились в тесной и прочной связи. Однако для того чтобы ее обнаружить и раскрыть всему миру, потребовался целый год.

Первое открытое заседание Международного военного трибунала для Дальнего Востока состоялось 3 мая 1946 года в зале японского военного министерства, расположенного на высоком холме над развалинами Токио.

Несколько месяцев с чисто американским размахом продолжался ремонт этого обширного и пышного зала, для того чтобы подготовить все необходимое к ведению исторического процесса.

Одиннадцать судей расположились на возвышении на фоне своих национальных флагов (СССР, США, Китая, Великобритании, Франции, Австралии, Голландии, Индии, Канады, Новой Зеландии и Филиппин—стран, которые участвовали в войне против Японии). Несколько ниже находились столы для представителей обвинения и за-

щиты, стенографов и переводчиков. По другую сторону огромного зала, тоже на небольших возвышениях, на двух длинных скамьях расположились обвиняемые под охраной дюжих американских военных полицейских («эмпи») в белых шлемах и гетрах.

Направо — места для двухсот корреспондентов, иностранных и японских. Над ними — галерея для трехсот представителей союзников и двухсот японцев.

Здесь, в этом здании, рождались и приводились в исполнение планы агрессии. Здесь же заговорщиков против мира, спокойствия и человечества должно было настичь справедливое возмездие.

Итак, круг замкнулся. Но сложный механизм международного правосудия действовал на малых оборотах. Потребовалось еще четыре месяца, прежде чем в сентябре Трибунал подошел к событиям второй половины двадцатых годов.

Представитель объединенного обвинения держав—участниц процесса господин Дарсей в стадии вступительной речи продолжает приводить доказательства по обвинению подсудимых в заговоре против мира, то есть в подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн. Вот он кладет на стол судей документ обвинения за номером 169, в свое время документ особой секретности и важности, ныне известный историкам как «меморандум Танака» от 7 июля 1927 года.

Барон генерал Гиити Танака — в Японии, как и во многих странах, принято сперва называть имя, потом фамилию — был в те годы премьер-министром и одновременно министром иностранных дел. В своем меморандуме он излагал только что вступившему на престол императору Хирохито программу-максимум японской внешней экспансии. Прежний император Ёсихито умер 25 февраля 1926 года. Новый император Хирохито открывал новую эру японского летоисчисления, эру Сёва, длящуюся и поныне и сменившую эру Тайсё (в Японии период царствования каждого императора носит свое название).

Дарсей цитирует некоторые наиболее характерные места этого меморандума:

«Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику «крови и железа». Но, проводя эту политику, мы окажемся лицом

к лицу с Соединенными Штатами Америки... Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить США...

Но для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны и страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами...

Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы. Но захват в свои руки контроля над Маньчжурией и Монголией (то есть МНР и так называемой Внутренней Монголией, входящей в состав Китая. — *Авт.)* является первым шагом, если раса Ямато желает отличиться в континентальной Азии».

Таким образом, согласно плану, составленному премьер-министром генералом Танака, предусматривалась постепенная, так сказать, поэтапная агрессия с целью нового гигантского передела мира в пользу Японской империи. И первым шагом на этому пути должен был стать захват Маньчжурии, МНР и Внутренней Монголии—своего рода трамплин и плацдарм для дальнейшей экспансии.

Генерал Танака не обошел молчанием и вопрос, касающийся Советского Союза:

«В программу нашего национального роста входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Маньчжурии».

Через два года Танака ушел в отставку, но его план, как мы увидим, продолжали осуществлять с удивительной последовательностью разные японские правительства. Причем этот зловещий и редкий по цинизму документ был лицемерно окрещен японскими правящими кругами «позитивной политикой Танака».

Почему же первым шагом, предложенным в плане Танака, был захват Маньчжурии? Чтобы понять это, достаточно бросить взгляд на карту: Маньчжурия огромным клином глубоко вдается в территорию Советского Союза. Протяженность советско-маньчжурской границы 3,5 тысячи километров. Граница эта соседствовала в тот период с

самыми плодородными и наиболее густо населенными областями советского Дальнего Востока. Почти на самой границе расположены крупные советские города Благовещенск, Хабаровск и другие. При этом Маньчжурия занимает центральное положение по отношению к окружающим территориям Советского Союза. Все это позволило бы вооруженным силам агрессора при наличии соответствующих коммуникаций наносить удары по коротким операционным направлениям в любом пункте соседствующих советских территорий. В случае успеха могли быть перерезаны важные советские коммуникации — Амурская и Уссурийская железные дороги, проходящие вблизи советско-маньчжурской границы, и водные пути, которые непосредственно служат пограничными рубежами, а в конечном итоге — отсечено от СССР советское Приморье.

Не менее важным элементом первого этапа «плана Танака», как мы видели, был также захват «Монголии», подразумевавший оккупацию китайской автономной области Внутренней Монголии и территории суверенного государства Монгольской Народной Республики. Захват Внутренней Монголии, а также маньчжурского и корейского плацдармов, как показывает даже беглый обзор карты, выводил, кроме того, японских милитаристов в район Великой китайской стены, на подступы к Пекину, откуда было весьма выгодно в стратегическом отношении нанести мощные удары по Северному и Южному Китаю, там, где располагались его крупнейшие города, морские порты и наиболее развитые промышленные районы.

Овладение же Монгольской Народной Республикой в случае успеха сулило агрессору возможность перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль и, выйдя в районы Иркутска и озера Байкал, отторгнуть Дальний Восток от Советского Союза.

Таким образом, направленность «плана Танака» предельно ясна, но у читателя может возникнуть естественный вопрос: что связывает указанный план с началом нашего рассказа о гибели диктатора Маньчжурии, прислужника японцев Чжан Цзо-линя? Дело в том, что в годы, предшествовавшие смерти маршала, его политическая ориентация претерпела существенные изменения. Это диктовалось не принципиальными соображениями, а только заботой о личной карьере. В 1928 году китайские ми-

литаристы, среди которых Чжан Цзо-линь играл решающую роль, получив звание «правителя Китая», временно объединились в борьбе против национально-революционных сил и захватили Северный Китай с его центром Пекином. Тогда-то у японцев появились первые основания для тревоги. К изумлению правящих кругов Страны восходящего солнца, Чжан Цзо-линь и его клика стали все активнее заигрывать с Америкой, устанавливать связи с Англией. Китайский маршал обзавелся даже американским советником Свайнхэдом. А сам проявлял все меньше желания играть прежнюю роль безропотного японского агента. Чжан Цзо-линь и его окружение начинали понимать, что японское господство создает непреодолимые препятствия для капиталистического развития Китая и, следовательно, лишает их поддержки китайской буржуазии, а значит, и надежды стать «национальными» вождями Китая. Маршал надеялся благодаря игре на империалистических противоречиях Японии, США и Великобритании в Китае занять в стране ключевые позиции.

Японцам несложно было разгадать эту игру. Чжан Цзо-линя обвинили в неумении вести борьбу с национально-революционными силами, в сдаче Пекина, в строительстве в Маньчжурии железной дороги, конкурирующей с японской Южно-Маньчжурской железной дорогой, в секретных переговорах с американцами и еще во многих других грехах.

Премьер Танака в начале лета 1928 года предъявил Чжан Цзо-линю список японских претензий. Свыше двадцати лет бывший хунхуз тесно общался со своими японскими хозяевами, многие годы служил им верой и правдой и все-таки плохо знал тех, с кем имел дело. Чжан Цзо-линь уклонился от выполнения требований барона генерала Танака. И тогда... Но здесь надо снова вернуться в пышный зал японского военного министерства в Токио, где заседает Международный военный трибунал.

У свидетельского пульта солидный, убеленный сединой семидесятидевятилетний адмирал Кэйсукэ Окада. Ему есть что вспомнить, чем поделиться. С 1920 по 1936 год он неизменно занимал в различных правительствах Японии ответственные посты — был помощником военно-морского министра, военно-морским министром, высшим военным советником, военным министром и, наконец, в 1934—1936 годах — премьер-министром.

Богатая биография в эпоху, богатую событиями, опаснейшими для дела мира. Но, к сожалению, ее обладатель — отнюдь не сторонник того, что правда в суде всегда необходима. Он скорее склонен полагать, что полуправда, а нередко и ложь — это именно то, что полезно знать судьям, сторонам и публике.

Вот Кэйсукэ Окада рассказывает, как Чжан Цзо-линь в 1928 году, потерпев поражение в борьбе с гоминьданом, вынужден был отвести свои войска в Маньчжурию. «К этому времени,— продолжает Окада,—японская армия в Маньчжурии и ее штаб во главе с генералом Хондзё... считали, что сотрудничество и переговоры с Чжан Цзолинем по поводу японских интересов — слишком медленный путь. Они не хотели ждать окончания переговоров и с нетерпением искали возможность применить военную силу для занятия Маньчжурии».

Кажется, ясно: руководство Квантунской армии во главе с Хондзё, недовольное Чжан Цзо-линем, не верит в переговоры с ним и жаждет военного решения — оккупации Маньчжурии. Дальше Окада свидетельствует, что с той же целью «группа офицеров этой армии... составила заговор для убийства Чжан Цзо-линя... 4 июля 1928 года она организовала крушение поезда, в котором Чжан Цзолинь ехал из Пекина в Мукден, положив на путь взрывчатый материал. Чжан Цзо-линь был убит в этом крушении, как и предполагалось».

В этих словах вроде бы нет оснований для кривотолков. Однако именно здесь свидетель начинает петлять. Оказывается, офицеры-заговорщики, устранив Чжан Цзолиня, «сумели совершенно изолировать (?) генерала Хондзё и отрезать (?) его от всех сношений с армией».

Зачем было «изолировать» и «отрезать» Хондзё, который, как ранее показал сам Окада, был ярым сторонником полного разрыва с маршалом и военной оккупации Маньчжурии? Этого, разумеется, свидетель сказать не мог. Не сказал он также, как практически в условиях жесткой военной дисциплины, особенно характерной для японской армии, нескольким офицерам удалось «изолировать» своего командующего от событий, происходивших в то время.

Зато свидетель показал, что слишком явная и бесцеремонная расправа с Чжан Цзо-линем вызвала недовольство императора и парламентских кругов. Премьер-ми-

нистр Танака, военный министр генерал Сиракава и сам Окада, в то время морской министр, решили поэтому произвести расследование и принять против виновных «строгие дисциплинарные меры». Но даже это скромное намерение осуществить не удалось. Почему? Окада разъясняет, что, когда «вопрос был перенесен на обсуждение в военное министерство, он встретился там с такой сильной оппозицией со стороны генерального штаба и других офицеров, что Танака был не в состоянии ничего сделать».

Трудно и тут поверить свидетелю. Конечно, генерал Танака — автор японского манифеста агрессии и передела мира — сам не был заинтересован в розыске и наказании тех, кто шел по начертанному им пути. Ведь Чжан Цзо-линя убили за то, что он попытался сбросить с себя доспехи японской марионетки в Китае.

Еще меньше соответствует исторической правде утверждение Окада, что «неспособность кабинета (кабинет Гиити Танака. —*Авт.*) контролировать и дисциплинировать армию вызвала его уход в отставку в июле 1929 года».

В действительности причиной ухода кабинета Танака был ряд неудач, постигших это правительство, проводившее агрессивную политику в Китае и Маньчжурии.

И все же Окада показал, что убийство Чжан Цзо-линя — дело рук японской военщины, результат неуступчивости китайского маршала японским требованиям. В свете «меморандума Танака» это и не устраивало защиту.

Перекрестный допрос ведет американский адвокат Уоррэн:

Вопрос: Вы много говорите о так называемом убийстве Чжан Цзо-линя в Маньчжурии. Имеете ли вы личные сведения об убийстве Чжан Цзо-линя?

Ответ: Я был военно-морским министром. В то время было произведено полное расследование этого дела, и мне думается, что информация, которую мне удалось получить, была точная.

Уоррэн (переводчику): Зачитайте ему, пожалуйста, вопрос и попросите его ответить на вопрос, были ли у него личные сведения относительно инцидента.

Обвинитель Дарсей: Господин председатель, мне кажется, свидетель ответил на вопрос.

Председатель: Пусть он ответит еще раз, чтобы не было сомнений.

Окада: У меня личных сведений нет.

Вопрос: Тогда все ваши показания по этому вопросу сделаны понаслышке, не так ли?

Ответ: Да...

«Во всяком случае, мы это поймем»,—последовала ироническая реплика председателя.

Так полная и точная правительственная информация по поводу убийства Чжан Цзо-линя, находившаяся в распоряжении Окада как министра, была приравнена защитой к простым слухам. К использованию таких дешевых софизмов защита прибегала в ходе этого процесса неоднократно.

Как же были использованы материалы «полного расследования» обстоятельств убийства Чжан Цзо-линя, о котором показал Окада в ответе на вопрос адвоката Уоррэна? Эти материалы японским правительством так и не были преданы гласности. Виновники же убийства никогда не наказывались и продолжали преуспевать. Почему? На этот вопрос дал ясный ответ сам Окада, ссылаясь на слова военного министра в кабинете Танака: «Принятие мер к наказанию ответственных за это событие лиц заставит открыть народу то, что армия желает в настоящее время скрыть».

Откровенное разъяснение!

Кто же конкретно был организатором и исполнителем этого убийства?

Японский генерал Рюкити Танака (однофамилец, но не родственник премьера Гиити Танака) в период второй мировой войны служил в военном министерстве, возглавляя бюро военной службы и дисциплины. Бюро осуществляло контроль и наблюдение за моральным состоянием и поведением армии. Армия же вела себя недостойно и в мирное время, и в период войны. Японская военщина не только нарушала все этические принципы, но и совершала многочисленные преступления. Никто никого за это не карал, но бюрократический механизм действовал, сведения обо всех темных делах концентрировались в ведомстве генерала Рюкити Танака. В его же распоряжении находился архив бюро за довоенные годы. Короче, память почтенного генерала являлась своеобразной копилкой государственных секретов, разглашение которых было весьма нежелательно для скамьи подсудимых.

Да, для защиты и подсудимых Рюкити Танака был

дьявольски неприятным свидетелем, и не только потому, что многое знал. Показания этого генерала по ряду вопросов выгодно отличались от показаний других японских свидетелей своей правдивостью.

Итак, речь шла об убийстве Чжан Цзо-линя, и обвинитель господин Сэккет поставил ряд вопросов свидетелю Рюкити Танака. Их даилог зафиксирован в стенограмме.

Вопрос: Проводилось ли какое-либо официальное расследование обстоятельств этого убийства?

Ответ: Да, официальное расследование было проведено.

Вопрос: Откуда вы это знаете?

Ответ: В 1942 году, когда военное министерство было переведено из места, называемого Миякэдзака, в Итигая, у меня была возможность... прочитать документы из папки экстренных дел... Среди этих документов оказались и документы, относящиеся к делу Чжан Цзо-линя.

Вопрос: Вы знаете приблизительно, когда был сделан отчет о вышеупомянутом инциденте?

Ответ: Если я не ошибаюсь, в августе 1928 года (долго же «выдерживались» дела в этой «экстренной» папке!— *Авт.).*

Вопрос: Если вы знаете, скажите: кто лично составлял этот отчет?

Ответ: Генерал-майор из токийской военной полиции по приказу военного министра того времени.

Вопрос: Вы читали этот отчет?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы знаете, где он сейчас находится?

Ответ: Если он не потерян, он должен быть в папке экстренных дел начальника отдела военной службы в военном министерстве.

Как и следовало ожидать, этому документу не повезло: господин Сэккет сообщил, что, по данным японского правительства, «местонахождение документа неизвестно, поэтому он представлен быть не может».

Папка с делом об убийстве Чжан Цзо-линя разделила судьбу множества других секретных и совершенно секретных документов, касавшихся деятельности генерального штаба, военного министерства и министерства иностранных дел. Японские военные преступники не повторили ошибки, допущенной нацистскими главарями Германии, которые не успели уничтожить свои архивы, и они оказа-

лись в руках обвинителей на Нюрнбергском процессе. Японцы учли эту ошибку партнеров по «оси», о которой летом 1945 года сообщала печать западных государств.

Япония согласилась на безоговорочную капитуляцию 14 августа 1945 года, но лишь 30 августа первые американские авиадесантные части начали приземляться в районе Токио. В эти 16 дней над крышами уцелевших правительственных зданий в Токио стояли тучи дыма: это сжигали многочисленные и разнообразные совершенно секретные документы, изобличавшие руководителей японской империи в тягчайших преступлениях против мира, человечности, законов и обычаев ведения войны. Секретная документация уничтожалась не только в столице, но и на периферии — везде, где тогда располагались штабы японских соединений, части сухопутных, морских и воздушных подразделений. Предавали огню секретные документы в лагерях военнопленных, тюрьмах, префектурах и губернаторствах, в полицейских и жандармских управлениях. Разумеется, не случайно подсудимые и свидетели в один голос твердили, что вообще не было правительственных указаний об уничтожении документов, интересующих Международный военный трибунал.

Но это была лишь отговорка с целью снять с подсудимых ответственность за этот факт. До предела централизованный и бюрократизированный японский государственный аппарат (особенно в годы второй мировой войны) всегда ждал указаний сверху и никогда не проявлял инициативы снизу, особенно в столь важном вопросе, как уничтожение документации государственного значения и особой секретности. Но опровергнуть эту версию вескими доказательствами и найти конкретных виновников, уничтоживших следы совершенных преступлений, Трибуналу не удалось.

Это, естественно, серьезно затрудняло работу обвинителей и судей, однако не воспрепятствовало делу правосудия. Во-первых, немало важнейших документов в спешке и панике тех дней уничтожить не успели или забыли, и они попали в руки союзных держав. Во-вторых, в канун войны и в военные годы не дремали разведки союзных держав, и обвинению были переданы фотокопии многих совершенно секретных документов важного государственного значения. На фотокопиях отлично читались подписи подсудимых и ряда свидетелей. Опровергать подлинность

таких документов они и не пытались, так как хорошо знали, что криминалистическая экспертиза без труда могла уличить их во лжи. В-третьих, в руках обвинителей оказалась многочисленная документация, изъятая в германском МИДе. Она полностью изобличала японских руководителей в совместном заговоре с нацистскими главарями, направленном на развязывание агрессивной войны и на совершение военных преступлений. И наконец, в-четвертых, отсутствие многих документальных доказательств восполнялось свидетельскими показаниями.

Итак, генерал Рюкити Танака подтвердил, что он лично читал материалы расследования, связанные с убийством Чжан Цзо-линя. Естественно, что обвинитель господин Сэккет предложил Танака подробно рассказать о содержании упомянутого документа. И вот что он ответил:

— Убийство Чжан Цзо-линя планировалось старшим штабным офицером Квантунской армии полковником Кавамото... Квантунская армия, в соответствии с политикой кабинета Танака, должна была обеспечить быстрейшее улаживание маньчжурского вопроса... Целью являлось избавиться от Чжан Цзо-линя и установить новое государство, отдельное от нанкинского правительства * (тогдашнее центральное правительство Китая, возглавляемое гоминьданом.— *Авт.)* во главе с Чжан Сюэ-ляном (речь идет о сыне и наследнике Чжан Цзо-линя. В то время это был молодой человек, только что получивший в Японии военное образование. Японцы полагали, что Чжан Сюэлян симпатизирует им и окажется покладистее отца.— *Авт.).* Другими словами, создать новое государство под японским контролем, государство мира и порядка, которое стало бы чем-то вроде Маньчжоу-го в дальнейшем.

В результате,—продолжал свои показания Танака,— 4 июля 1928 года поезд, шедший из Пекина, был взорван в точке пересечения Южно-Маньчжурской и Пекин-Мукденской железных дорог. Взрывом Чжан Цзо-линь был убит. В этом покушении, в котором использовался динамит, участвовали часть офицеров и неофицерский состав

* В дальнейшем это правительство в протоколе судебного заседания именуется еще как центральное китайское (гоминьдановское) правительство, а также как нанкинское или чунцинское (в зависимости от того, где оно находилось) правительство.— *Прим. авт.*

из двадцатого саперного полка, прибывшего в Мукден из Кореи, и среди них капитан Одзаки.

Вопрос: Вы знали полковника Кавамото лично?

Ответ: Да, очень хорошо.

Вопрос: Вы разговаривали с ним когда-нибудь об убийстве маршала Чжан Цзо-линя?

Ответ: Да, в Маньчжоу-го в 1935 году.

Вопрос: Что он вам лично сказал относительно убийства маршала, о причинах и целях, которые этим убийством преследовались?..

Ответ: Полковник Кавамото сообщил мне, что если бы был произведен срочный сбор Квантунской армии (то есть мобилизация. — *Авт.*), то тогда уже был бы ликвидирован «маньчжурский инцидент» и было бы создано новое государство Маньчжоу-го (то есть в июле 1928 года, а не в марте 1932 года, как это фактически произошло.— *Авт.)*.

Вопрос: В ваших разговорах с Кавамото об убийстве маршала говорил ли он что-нибудь о японском контроле в Маньчжурии?

— Естественно,—ответил свидетель и тем самым дал повод для новых огорчений обвиняемым и защите.— Поскольку полковник Кавамото был большим сторонником нового государства, независимого государства Маньчжурии, он говорил... что новый режим должен быть поставлен под контроль и руководство Японии, чтобы развивать и укреплять это государство для японской национальной обороны...

Полковник Кавамото являлся, разумеется, только исполнителем. Его программа была программой тех, кто его послал и вложил в его руки динамит. Ведь свидетель Рюкити Танака, как уже известно, показал, что в этом случае Квантунская армия действовала в соответствии с политикой правительства.

Если нужны были еще доказательства правильности такого утверждения, то обвинение располагало ими в изобилии.

На скамье подсудимых в числе других японских дипломатов заслуженно получил свое место и Тосио Сиратори. На процессе было оглашено одно его письмо, касавшееся захвата Маньчжурии и связанного с этим фактом выхода Японии из Лиги Наций. Тогда, в ноябре 1935 года, Сиратори был посланником в Швеции и свое письмо ад-

ресовал посланнику в Бельгии Арита. Презрительно заявляя, что «примиренчество — только средство дипломатии, причем чисто технического характера», Сиратори критиковал в письме японских сторонников умиротворения и иронически вопрошал: «Обладают ли они достаточной решимостью, чтобы вернуть Маньчжурию Китаю, вернуться в Лигу Наций и принести свои извинения миру за совершенное преступление?» Совершенно очевидно, что Сиратори имел в виду не каких-то отдельных преступников. За них не приносят «извинения миру», их просто судят. Он явно говорил о преступлениях, совершенных Японией как государством в лице ее правителей.

Многие годы ближайшим советником японского императора был генро (пожизненный советник императора) князь Сайондзи. Князь имел привычку вести дневник, ежедневно диктуя своему секретарю Кумао Харада. К моменту Токийского процесса и Сайондзи и Харада уже не было в живых. Но к великому сожалению подсудимых и адвокатов, дневник Сайондзи сохранился и, хуже того, попал в руки обвинения. Он фигурировал на процессе в качестве доказательства под названием «мемуары Сайондзи — Харада».

Авторы считают излишним подробно рассказывать о тех огромных усилиях, которые приложила защита, дабы опорочить доказательную ценность этого весьма неприятного для подсудимых документа. Ограничимся краткой справкой: Трибунал отклонил все возражения защиты и принял мемуары в качестве доказательства.

Так вот, по интересующему нас вопросу о захвате Маньчжурии в мемуарах Сайондзи — Харада есть такая запись от 3 мая 1932 года: «В министерстве иностранных дел было много подобных Сиратори, которые поддерживали выход Японии из Лиги Наций. Военные круги вообще были сторонниками выхода из Лиги Наций. Сиратори основывает свою аргументацию на том, что «Япония не может оставаться в составе Лиги Наций, предприняв такие действия, которые она проводила с восемнадцатого сентября» (1931 года.—*Авт.)*.

Это убедительно подтверждает правильность нашей трактовки приведенного выше письма Сиратори—Арита: речь идет о преступлениях, совершенных в Маньчжурии по указанию японского правительства.

Таковы были планы тех, кто стоял у истоков новой японской агрессии в Маньчжурии.

Это было начало реализации «меморандума Танака».

Свидетеля Рюкити Танака спросили, знает ли он, где сейчас находится полковник Кавамото. Свидетель ответил утвердительно: Кавамото в Китае, в городе Тивани, в провинции Шаньси. Однако защита так и не решилась вызвать этого свидетеля.

В показаниях Танака был освещен, хотя и не до конца, еще один весьма существенный вопрос. Именно он разъяснил, почему при взрыве на железной дороге пострадал только тот вагон, в котором находился Чжан Цзолинь. Оказалось, что офицер, посланный полковником Кавамото в Пекин, точно установил, как разместились (в этом поезде!) пассажиры.

Личность этого офицера и способ, с помощью которого он поставил Кавамото в известность относительно размещения в поезде пассажиров, удалось установить в ходе дальнейшего разбора дела. Если Кавамото не вызвала защита, то его аффидевит * предъявило обвинение. Кавамото и разъяснил, что этим офицером являлся один из обвиняемых Кэндзи Доихара. Мы уже знаем, что Нанао и Доихара провожали Чжан Цзо-линя на Пекинском вокзале, когда он в недобрый для себя час отправился в Мукден. Тогда-то, согласно показаниям Кавамото, Кэндзи Доихара условной телеграммой сообщил, в каком вагоне следует маньчжурский диктатор.

Читатель, вероятно, помнит, что генералы Хондзё и Нанао, а также полковники Кавамото и Доихара со скорбными лицами шли за гробом Чжан Цзо-линя. А Сюмэй Окава, тогдашний директор Южно-Маньчжурской железной дороги, от участия в похоронах уклонился. Он ведь не любил Шекспира за то, что в его пьесах подлость и цинизм так же бездонны, как безгранична добродетель. Не свидетельствует ли это о том, что Сюмэй Окава уже тогда кое-что знал о покушении, а может быть, даже участвовал в нем? Но всему свой черед, дойдет очередь и до Окава.

Однако ни устранение Чжан Цзо-линя, ни приход к власти его сына Чжан Сюэ-ляна вопреки ожиданиям не

---

* **Аффидевит** — письменное показание, данное под присягой. — *Прим. авт.*

принесли японцам ничего хорошего. Мало того. Новый молодой правитель Маньчжурии оказался еще менее покладистым, чем отец.

Вот что показал Трибуналу уже известный читателям свидетель генерал Рюкити Танака: «Чжан Сюэ-лян присоединился к гоминьдану и поднял флаг нанкинского правительства в Маньчжурии».

Как же реагировало японское руководство на своеволие молодого маршала? Ответы того же свидетеля Рюкити Танака не обрадовали защиту: «В результате этого (речь идет о присоединении Чжан Сюэ-ляна к гоминьдану.— *Авт.)* японо-китайские отношения в Маньчжурии стали чрезвычайно обостренными, и существовала такая точка зрения, особенно в армии, что, ввиду того что Япония понесла большие жертвы в этом районе еще с русско-японской войны, этот неразрешимый вопрос о Маньчжурии должен быть наконец решен».

Такое признание свидетеля немедленно вызвало точный вопрос обвинителя:

— Были ли в те дни элементы в армии, которые стояли за японскую оккупацию Маньчжурии?

Ответ: Да... Точка зрения военных сводилась к тому, чтобы укрепить наши силы и выгнать китайские войска из Маньчжурии для установления нового режима под японским контролем...

Вопрос: Откуда вы знаете, что военные придерживались той точки зрения, о которой вы заявили?

Ответ: В то время я был в генеральном штабе и исследовал маньчжурский вопрос, поэтому я и знаю. Я хорошо знаком с этой проблемой.

Вопрос: Были ли гражданские лица, которые отстаивали то же самое?

Ответ: Да, это был мой друг Сюмэй Окава и группа гражданских лиц, сконцентрированных вокруг него...

Обвинитель попросил свидетеля уточнить, кто из представителей военных кругов Японии в 1930 году и весной 1931 года являлся сторонником оккупации Манчьжурии.

Ответ гласил: «Мой старший офицер генерал-майор Татэкава и начальник второго отдела генерального штаба, мой друг, Кингоро Хасимото (один из обвиняемых.— *Авт.)*, а также капитан Исаму Тё».

Что же касается Квантунской армии, то там сторонниками немедленной оккупации Маньчжурии, по словам Та-

нака, были тогдашний начальник штаба армии полковник Итагаки (тоже обвиняемый) и штабной офицер Кандзи Исихара.

Рюкити Танака либо запамятовал, либо умышленно не назвал имени одного из горячих сторонников полной оккупации Маньчжурии в те годы Кэндзи Доихара. Не только сторонника, но и весьма активного деятеля.

15 сентября 1931 года в Токио состоялось совещание японских военных руководителей. К этому дню Квантунская армия уже полностью изготовилась для захвата Маньчжурии. Требовался только подходящий предлог. А потому на совещание вызвали испытанного мастера провокаций начальника военной разведки Квантунской армии Кэндзи Доихара.

Можно было, конечно, расправиться с Чжан Сюэ-ляном, как это сделали с его отцом. Ведь вариантов здесь множество. Но Доихара, подобно талантливым авторам детективных романов, не любил развертывать интригу, используя повторение ходов.

Представление о развитии дальнейших событий дает вступительная речь обвинителя господина Дарсея, построенная на неопровержимых доказательствах.

— В ночь на 18 сентября 1931 года,—сказал он,—обвиняемые подстроили взрыв на Южно-Маньчжурской железной дороге, к северу от Мукдена, и обвинили в этом китайцев. Повреждения были вообще не столь серьезны, чтобы даже помешать точному прибытию из Чанчуня скорого поезда, идущего на юг.

Дарсей, как видно, вообще сомневался в том, что взрыв на самом деле повредил железнодорожное полотно. И сомнения эти были вполне обоснованны.

Дело в том, что впоследствии специальная комиссия Лиги Наций под председательством лорда Литтона исследовала на месте так называемый «маньчжурский инцидент» (так историки окрестили события 18 сентября 1931 года). Заключение этой комиссии фигурировало в качестве одного из доказательств во время анализа Трибуналом этих событий.

Комиссия допросила ряд свидетелей, в частности лейтенанта Кавамото, который со своим подразделением оказался как раз на том участке пути Южно-Маньчжурской железной дороги, где произошел «взрыв», вызвавший «инцидент».

Комиссия Литтона установила, что через 15—20 минут после «взрыва» по тому же участку беспрепятственно прошел японский поезд на Чанчунь. Поэтому свидетелю Кавамото задали естественный вопрос: как это могло произойти? Ответ Кавамото был достоин барона Мюнхгаузена: «Поскольку был взорван один рельс, поезд на быстром ходу проскочил, удерживаясь на другом, невзорванном рельсе, покачнулся было, но помчался дальше».

Такая совокупность обстоятельств привела комиссию Литтона к утверждению, что «взрыв, безусловно, произошел на железной дороге или вблизи нее... Но повреждения, если даже таковые и были, не помешали точному прибытию поезда из Чанчуня».

Симпсон, в то время американский государственный секретарь, в своих мемуарах пошел еще дальше. Он утверждал, что взрыва вообще не было и что просто «японская армия пришла в движение согласно заранее разработанному стратегическому плану».

В 1935 году Ёсукэ Мацуока (тоже впоследствии подсудимый на Токийском процессе), к тому времени сменивший Сюмэй Окава на посту председателя правления Южно-Маньчжурской железной дороги, произнес перед японской аудиторией речь по случаю четвертой годовщины «маньчжурского инцидента». Он, в сущности, признал, что дело было отнюдь не в пресловутом «инциденте», и обвинил японскую дипломатию того времени в бесхребетности. Это, утверждал Мацуока, создало «у Чжан Сюэ-ляна впечатление, что у Японии ни на что уже не хватает смелости... Такая дипломатия разожгла возмущение двухсот тысяч японских подданных в Маньчжурии и привела их в состояние лихорадки. Это возмущение заразило японскую армию и побудило ее к действию».

Что касается комиссии Литтона, то в своих итоговых выводах она записала: «Военные операции японских войск (в связи именно с этим инцидентом.— *Авт.)* не могут быть рассмотрены как законные меры самозащиты».

Вывод правильный. Ни о какой самозащите не могло быть и речи. Собранные Трибуналом доказательства устанавливали, что за год до указанного «инцидента» в Маньчжурию прибыла из Японии артиллерия, занявшая все важные стратегические позиции против казарм, в которых размещались китайские войска. Не успел отгреметь взрыв на железной дороге, как вся Квантунская ар-

мия пришла в движение согласно четко разработанному плану. На помощь ей, перейдя пограничную реку Ялуцзян, немедленно устремилась японская армия, дислоцированная в Корее.

Два названных выше авторитетных по своему положению и знанию дела свидетеля подтвердили эти факты.

Рюкити Танака на вопрос, был ли «маньчжурский инцидент» спланирован заранее, ответил лаконично и категорически: «Да!» Он показал, что наиболее активными участниками этого преступления из числа обвиняемых были Хасимото, Окава, Хосино, Итагаки, Минами и Тодзио. Рюкити Танака знал об этом не только потому, что занимался в генеральном штабе специально Маньчжурией. Оказалось, что ему подробно рассказывал обо всем сам Хасимото, в частности подтвердивший, что целью заговорщиков было «превратить Маньчжурию в базу, с которой возможно начать возрождение Азии». Сюмэй Окава в личной беседе со свидетелем Танака также подтвердил, что «маньчжурский инцидент» был развернут строго по плану. Мало того, он еще объяснил, как заговорщики понимали характер использования Маньчжурии для возрождения Азии: «Япония станет вождем азиатских народов, будет стремиться избавиться от белой расы, что приведет к освобождению азиатских народов».

Тот же Окава рассказал Танака, что в 1930 году он раскрыл этот план перед молодым маршалом Чжан Сюэляном, но тот «не выразил никакого желания согласиться с ним». И надо отметить, что в данном случае Чжан Сюэлян был прав: прошло несколько лет — и Азия, заплатив за это миллионами жизней, неисчислимыми страданиями и разрушениями, хорошо познала, что значит «освобождение» по рецептам Сюмэй Окава и других заговорщиков.

О «маньчжурском инциденте» Рюкити Танака беседовал также с Итагаки, Минами и Тодзио. Все они придерживались тех же позиций, что Хасимото и Окава, и всячески подчеркивали, что «на первой стадии Маньчжурия политически должна находиться под контролем Японии». Жизнь же показала, что эта «первая стадия» продолжалась ровно четырнадцать лет, вплоть до разгрома и капитуляции Японии!

Генералу Минами, которого, как и Тодзио, свидетели по старой привычке почтительно именовали в суде не

иначе как «его превосходительство», пришлось даже во время инцидента 18 сентября 1931 года «испортить личные отношения» с тогдашним министром иностранных дел бароном Сидэхара. Дело в том, что, как разъяснил Танака, Сидэхара «вел пассивную политику» в Маньчжурии, а Минами был сторонником политики «позитивной» (так после известного «меморандума Танака» японские милитаристы именовали политику агрессии и захвата.— *Авт.).*

Да, неприятным свидетелем для подсудимых оказался их коллега генерал Рюкити Танака. Он помнил даже то, что с одними обвиняемыми был связан узами личной дружбы, а под началом других служил долгие годы и многим обязан им. А главное, не забыл подчеркнуть это. И защита не пыталась оспаривать этот факт: от правды никуда не денешься! Справедливость требует отметить, что в одном Танака безусловно был «виноват» перед своими давними друзьями и начальниками: на историческом процессе в Токио он говорил преимущественно правду.

Допрос Рюкити Танака шел к концу. И вот прозвучали последние вопросы:

— Известна ли вам цель обучения армии в Маньчжурии?

Ответ: С точки зрения обороны Японии Маньчжурия являлась базой для военных действий против Советского Союза. Поэтому целью этого обучения являлась главным образом подготовка военных действий против Советского Союза... при помощи лучшего оружия, лучших самолетов. Предполагаемый враг был Советский Союз. После начала тихоокеанской войны (8 декабря 1941 года.—*Авт.)* ударные части, обученные в Маньчжурии, по мере необходимости направлялись в южные районы.

Вопрос: Можете ли вы сказать, хотя бы приблизительно, сколько войск было обучено в Маньчжурии?

Ответ: У меня с собой нет материалов, чтобы дать точные цифры, но на основе своего опыта начальника отдела укомплектования и начальника бюро личного состава (речь идет о военном министерстве.—*Авт.)* я считаю, что примерно два с половиной миллиона человек...

Таковы были цели и масштабы подготовки Японии к войне против СССР только с маньчжурского плацдарма. Таковы были японские ударные силы, сконцентрированные у советских границ в самые тяжкие для нашей страны первые месяцы войны.

Совершенно естественно, что адвокаты попытались сделать все, чтобы ослабить то сильное впечатление, которое произвели на судей показания Рюкити Танака. Авторы настоящей книги — юристы и хорошо знают, сколь ограничен арсенал средств защиты, если нет оснований спорить со свидетелем на жесткой почве фактов. На Западе, например, в таких случаях адвокаты любым путем пытаются подорвать доверие к личности свидетеля, а следовательно, к его показаниям. Найти в его прошлом нечто темное, аморальное. А если этого нет? Тогда — лишь одно: доказать, коли возможно, что у свидетеля обвинения у самого рыльце в пушку, что он боится оказаться на скамье подсудимых, а потому подыгрывает следствию.

Из этих тесных рамок не сумели, к сожалению, вырваться американские и японские адвокаты на Токийском процессе. Они, как уже говорилось, не захотели или не смогли понять исторического характера того процесса, в котором участвовали, и потому пользовались избитыми приемами, характерными для обычных уголовных дел. И естественно, часто попадали впросак. Так было и в случае с Рюкити Танака. Спорить с ним на почве фактов, весьма и весьма тяжких для подсудимых, адвокаты не решились. Они сочли за лучшее попытаться опорочить свидетеля. Но все старания японского адвоката Хаяси и американского — Уоррэна закончились для них неудачей.

К счастью для обвиняемых, таких японских свидетелей, как Рюкити Танака, было немного, но все же они время от времени появлялись за пультом. Одним из них был и Морито Морисима, являвшийся в период «мукденского инцидента» начальником бюро по делам стран Азии в японском министерстве иностранных дел. Незадолго до взрыва на Южно-Маньчжурской железной дороге он был командирован тогдашним министром иностранных дел бароном Сидэхара в японское генеральное консульство в Мукдене для выяснения некоторых деликатных вопросов.

Вот что показал Морисима:

«18 сентября 1931 года в 10 часов 30 минут вечера, когда я находился у себя на квартире, я получил по телефону сообщение от особой военной миссии, что на Южно-Маньчжурской железной дороге произошел взрыв. Меня просили немедленно прийти в штаб этой миссии. Там меня встретили полковник Сэйсиро Итагаки и еще несколько офицеров. Итагаки сказал мне, что военнослужа-

щие регулярной китайской армии взорвали Южно-Маньчжурскую железную дорогу, что это серьезное нарушение японских прав, что Япония должна предпринять решительные меры, используя войска, и что с этой целью уже отдан приказ армии. Я пытался убедить его, что для урегулирования инцидента нужно применить мирные переговоры, уверял в возможности урегулировать вопрос таким путем. Полковник Итагаки отчитал меня и спросил, не собирается ли дипломат вмешиваться в права военного командования».

Морисима был прав, полагая, что переговорами можно все урегулировать (он тогда еще не знал, что взрыв был делом рук его соотечественников). Это видно из дальнейших его показаний. «В течение всей ночи на 18 сентября, — сказал Морисима, — мы получали представления Чжан Сюэ-ляна, что китайцы придерживаются политики несопротивления и умоляют генеральное консульство уговорить японскую армию прекратить атаки и начать мирные переговоры. Несмотря на все попытки с нашей стороны, армия продолжала оккупацию Маньчжурии, которая была закончена весной 1932 года».

Для выяснения каких же деликатных вопросов Морисима был командирован в Мукден? Оказывается, генеральный консул в Мукдене — Хаяси — был человеком честным, но это никак не устраивало высшее военное руководство в Токио. Возник конфликт. С ним и была связана поездка Морисима.

Представитель обвинения кладет на судейский стол несколько телеграмм Хаяси барону Сидэхара, в которых он предупреждал своего министра, что армия готовится оккупировать Маньчжурию. Судьи знакомятся и с более поздними документами, в которых тоже говорится, что инцидент 18 сентября 1931 года — дело рук офицеров Квантунской армии. В их распоряжении и донесения Хаяси, написанные уже после оккупации Маньчжурии. Он сообщал, что японская армия создает в стране марионеточный режим, и подчеркивал активную роль Доихара.

Что же предпринял министр иностранных дел?

На допросе барон Сидэхара сообщил Трибуналу, что все копии телеграмм Хаяси он пересылал премьеру Рэйдзиро Вакацуки, военному министру генералу Дзиро Минами (подсудимый), морскому министру. Свидетелю Сидэхара, естественно, задали вопрос: что предпринял воен-

ный министр Минами? Стремясь всячески помочь своему бывшему коллеге, попавшему в трудное положение, Сидэхара пытался доказать, что кабинет министров принял решение пресечь «незаконные и самовольные» действия Квантунской армии и что сам Минами делал все, дабы выполнить это решение, но, увы, «приказы не выполнялись его подчиненными в различных частях Маньчжурии».

Представитель обвинения тут же уличил почтенного барона во лжи с помощью... адвокатов. Дело в том, что защита сделала накануне один ход. Возможно, она не предвидела всех последствий. А возможно и другое. Между обвиняемыми — военными и дипломатами, — а следовательно, и между их адвокатами существовала коллизия. Каждая из этих групп пыталась переложить максимум ответственности за агрессию на плечи другой. Правда же заключалась в том, что в дни успехов и побед они действовали вместе, в тесном и дружном сотрудничестве.

Итак, обвинение использовало против Сидэхара документ защиты — телеграмму заместителя начальника генерального штаба в адрес «непокорной» Квантунской армии, датированную 20 сентября 1931 года. Телеграмма гласила: «Подозреваю, что некоторые чиновники японских дипломатических учреждений в Маньчжурии посылают необоснованные донесения о действиях армии. Постарайтесь расследовать их источники и приложите все усилия, чтобы прекратить подобные непатриотичные действия. Я полагаю, что армия должна заявить о своем твердом решении, если эти непатриотичные действия все еще продолжаются».

Вот, оказывается, как военный министр Минами и руководимый им генеральный штаб пытались «пресечь незаконные и самовольные» действия Квантунской армии в Маньчжурии!

Да, медвежью услугу оказал барон Сидэхара своему бывшему коллеге Минами. Для тех, кто знал нравы японских военных кругов в те годы, такая телеграмма могла означать лишь одно: закамуфлированный совет убрать Хаяси.

Уличенному во лжи бывшему министру иностранных дел обвинение ставит один вопрос: подтверждает ли он показания Морисима? Ведь Морисима утверждал, что до-

кладывал своему шефу об опасности, которая угрожает Хаяси, поскольку милитаристы в Маньчжурии рассматривают этого дипломата как препятствие. Поэтому покушение на его жизнь вполне вероятно.

— Возможно, его жизнь могла быть в опасности,— неуверенно произносит Сидэхара. И, словно одумавшись, добавляет:— Жизнь каждого из нас была в опасности, включая и меня...

Иногда говорил правду и уже известный свидетель, в прошлом военно-морской министр и премьер, адмирал Кэйсукэ Окада. Он, так же как и Рюкити Танака, подтвердил, что инцидент 18 сентября 1931 года был заранее подготовлен и запланирован армией, «которая не видела другого выхода, как создание там (в Маньчжурии.— *Авт.*) посредством силы марионеточного режима».

Окада, как и Танака, утверждал, что Сюмэй Окава был главным пропагандистом и лидером тех кругов, которые стояли за немедленный захват Маньчжурии как плацдарма для дальнейшей агрессии прежде всего в сторону Северного Китая и Внутренней Монголии, поближе к границам Монгольской Народной Республики.

Защита, разумеется, попыталась посеять сомнения в достоверности показаний Окада, столь неприятных для обвиняемых — военных. Именно поэтому японский защитник Ота задал вопрос относительно событий 18 сентября 1931 года:

— Вы говорите, что их планировала и возглавляла часть Квантунской армии. На чем вы основываете это показание?

Окада легко отразил атаку защиты:

— Разрешите сказать, что, когда я был военно-морским министром в кабинете Сайто в 1932 году, я расследовал это дело до конца. Факты, относящиеся к инциденту 18 сентября 1931 года, были установлены именно в результате этого расследования...

Но, сказав частицу правды, Окада устал... Видимо, поэтому он закончил свои показания лирически и... лживо, утверждая, что с 1928 года «армия была совершенно вне контроля японского правительства и оставалась в таком положении до Великой войны 1941 года... Это было причиной величайшего стыда за руководителей Японии и всегда причиняло мне невыразимо острую боль...».

Здесь Окада, пользуясь терминологией боксеров, «открылся», и защита не замедлила нанести ему чувствительный удар.

Допрос ведет американский адвокат капитан Клейман:

— Скажите, свидетель, вы, адмирал Сайто (премьер.— *Авт.*) и Гото (министр сельского хозяйства — *Авт.*) голосовали на заседании Тайного совета (совещательный орган при императоре. — *Авт.*) за признание Маньчжоу-го? Является ли это фактом, адмирал?

Ответ: Я этого точно не помню.

Вопрос: 13 сентября 1932 года в присутствии императора не участвовали ли вы в заседании Тайного совета с Сайто и Гото, на котором обсуждался вопрос о признании японским правительством Маньчжоу-го?

Свидетель Окада понимает, что в распоряжении Трибунала, очевидно, есть этот документ. Продолжать отрицание смешно, признаться трудно.

— Точно не помню, но думаю, что был на этом заседании, так как должен был быть там.

Увидев, что Окада отступает, адвокат продолжает наседать:

— Но до этого заседания вы когда-нибудь были против оккупации Маньчжурии японскими войсками?

— Я имел право протестовать, но я этого не сделал,— отвечает совсем сникший семидесятидевятилетний Окада, хорошо поняв, что его тезис об армии, действовавшей самовольно, и о правительстве, которое было бессильно ее контролировать, полностью провалился, и не без его помощи.

А вот теперь время «добить» свидетеля.

Адвокат Клейман: Вы сказали доктору Киёсэ (японский защитник. — *Авт.*), что не имели другой альтернативы, как голосовать в пользу признания Японией Маньчжоу-го. Были ли другие расчеты, заставившие вас голосовать в пользу признания?

Недогадливый Окада не клюет на брошенную приманку. Приходится расшифровывать сказанное.

Адвокат Клейман: Не существовала ли в Китае гражданская война, были ли беспорядки и бандитизм (так адвокаты именовали на процессе национально-освободительное движение. — *Авт.*), вползал ли в Японию коммунизм?

Председатель: Составные вопросы не допускаются!

Клейман покорно снимает свой не столько составной, сколько наводящий вопрос. Он уже сделал свое дело: надо думать, что теперь старик поймет, что от него требуется.

Адвокат: Голосуя за признание Маньчжоу-го, чувствовали ли вы, что поступаете правильно, в интересах Маньчжоу-го?

Окада: Да, я думал, что это правильно и в интересах Маньчжоу-го... Я надеялся принести счастье как народу Маньчжурии, так и народу Японии...

Клейман заканчивает свой допрос. Он удовлетворен, полагая, что скомпрометировал свидетеля, и не подозревает, что в пылу судебной борьбы даже не заметил, что оказал серьезную услугу обвинению, доказав, что заговор агрессии и захватов не начинался армией и не кончался ею. Он тянулся к самой верхушке. Вот почему все важнейшие вопросы разрешались на заседаниях Тайного совета в присутствии императора, премьера и ведущих министров. И так, мы в этом еще убедимся, было в течение действия заговора, вплоть до капитуляции Японии.

В общем Клейман не понял, что допустил оплошность. Но не понял этого не только он. Рвется в бой его коллега, японский адвокат Окамото. Он припирает к стене того же Окада, и тот признает, что как премьер и адмирал, хорошо разбирающийся в военно-морских вопросах, несет ответственность за одностороннее расторжение вашингтонского и лондонского соглашений, мешавших Японии развернуть неограниченное строительство военно-морского флота в целях агрессии. Так защита внезапно добывает еще одно доказательство того, что действиями заговорщиков руководило правительство.

И тут Окамото, то ли потеряв чувство меры, то ли начисто забыв все, что на суде показал Окада, ставит вопрос:

— В таком случае (в каком?! — *Авт.*) могу я принять как факт, что все ваши упоминания об армии на всем протяжении вашего аффидевита, как, например, то, что армия хотела покорить Маньчжурию и создать там марионеточное правительство, относятся не к обвиняемым, сидящим здесь, а к группе молодых офицеров армии?

Окончательно запутавшись, Окада уныло отвечает:

— Да...

Адвокату неважно, что это «да» противоречит всем предыдущим показаниям того же Окада, противоречит тем

ответам, которые он дал на вопросы другого защитника, капитана Клеймана, и, наконец, идет вразрез со всеми собранными Трибуналом доказательствами. Запутать неприятного свидетеля любыми средствами — такова цель многих буржуазных защитников при ведении уголовных дел. И этот прием адвокаты, как мы видим, нередко применяли в Токио.

Итак, первый плацдарм для агрессии против СССР и Китая был создан, и, как мы видели, плацдарм огромный, стратегически весьма выгодный для агрессора. Что же дальше? Дальше предстояло освоение агрессором захваченного и эскалация экспансии. В каком направлении? В сторону Внутренней Монголии, к границам Монгольской Народной Республики и в сторону Северного Китая, с выходом в районе Пекина.

Доказательства? Как это ни странно, некоторую помощь обвинению, и не только по этому вопросу, оказал подсудимый маркиз Коити Кидо, а точнее — его дневник, охватывавший период с конца двадцатых годов вплоть до капитуляции Японии. В годы второй мировой войны Кидо занимал должность министра — хранителя печати, а проще говоря, являлся ближайшим советником императора. Он представлял те придворные круги, которые предпочитали полумрак кулис рампе политической сцены с ее слепящим светом. Но это не мешало маркизу Кидо и его друзьям активно, весомо и последовательно поддерживать японскую агрессию. Вот две выдержки из дневника Кидо, использованные обвинением и относящиеся к интересующему нас вопросу.

Запись от 7 августа 1931 года (еще до пресловутого «маньчжурского инцидента»):

«Создано исследовательское общество по маньчжурским и монгольским вопросам, во главе которого полковники Хасимото и Сигэфудзи. Руководство армии не препятствует таким организациям, ибо они сами замышляют заговор такого рода».

И не только руководство армии вынашивало планы дальнейшей экспансии. Это подтверждает запись в том же дневнике от 10 сентября 1931 года:

«Завтракал вместе с Тани — начальником азиатского отдела (МИДа Японии. — *Авт.*) и князем Коноэ (влия-

тельнейший политик тридцатых — сороковых годов, неоднократно возглавлявший в тот период правительство. — *Авт.*). Тани рассказал о положении в Китае и изложил свое мнение. Оно заключается в том, что, судя по событиям, в будущем неизбежны **действия самообороны** (подчеркнуто нами. — *Авт.*). Вообще я согласен с ним».

Весь мир знает теперь, как японские агрессоры захватили лучшие китайские земли и крупнейшие города, как грабили китайский народ и издевались над мирными жителями, прикрывшись прозрачным флагом пресловутой самообороны.

О ТЕХ, КТО НЕ ПОПАЛ НА СКАМЬЮ ПОДСУДИМЫХ

Тому, кто хорошо знал историю зарождения, развития и реализации японского варианта заговора против мира, достаточно было окинуть взглядом скамью подсудимых, чтобы понять: кто-то грубо, резко и неоправданно укоротил ее. На скамье заняли свои места только политики, военные и идеологи. Те же, кто руководил их действиями, кто был подлинным режиссером событий, остались безнаказанными. И в первую очередь тогдашние руководители крупнейших японских монополий — «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда», «Аюкава».

Естественно, что в период подготовки к процессу советский обвинитель предлагал предать суду одновременно с Тодзио и его компанией магната авиационной промышленности Никодзимо, владельца крупнейших предприятий военной промышленности в Маньчжурии Аюкава, председателя наиболее мощной монополии «Мицубиси» Ивасаки, крупного промышленника и министра вооружений в кабинете Тодзио — Фудзивара и других. Все перечисленные лица были арестованы как главные военные преступники. Однако главный обвинитель видный американский адвокат Кинан, человек близкий к президенту Трумэну, решительно отклонил предложение советского представителя. Кинана поддержали обвинители других капиталистических стран, обладавшие на Токийском процессе абсолютным большинством голосов.

В том, что главный обвинитель занял такую позицию, не было ничего удивительного: 1946 год открыл эру «холодной войны».

К этому времени американские правящие круги считали своей крупной ошибкой то, что было допущено в Нюрнберге, где на скамье подсудимых оказались глава наиболее крупного немецкого концерна Густав Крупп и доверенное лицо монополий, экономический диктатор третье-

го рейха в предвоенный период, директор рейхсбанка Ялмар Шахт. Круппа спасла судьба: медицинская экспертиза признала, что тяжелый склероз мозга лишает его возможности держать ответ перед Международным трибуналом. Шахту же помогли западные судьи, отклонившие мнение своего советского коллеги и оправдавшие директора рейхсбанка по обвинению в заговоре против мира.

Однако этот успех не радовал администрацию Трумэна: на очереди стояли процессы других руководителей самых мощных тогда немецких концернов: Круппа, Флика и «ИГ Фарбениндустри». Между тем каждый такой процесс был подобен палке, один конец которой бил по фашизму, другой — по строю, породившему фашистский режим и его захватнические войны, по капитализму.

Кое-кому из представителей западных держав казалось тогда, что обвинения, нависшие над монополиями, проще «свернуть» в стадии предварительного следствия. Но так только казалось. В американском следственном аппарате работала квалифицированная группа прогрессивно настроенных юристов, которые сумели собрать убедительный материал о решающей роли немецких монополистов в заговоре против мира. Обо всем этом было сообщено конгрессу в специальном докладе. Материалы доклада, разумеется, просочились в печать. Общественность была потрясена и возмущена. «Закрыть» процессы не удалось. Тогда решили перевести судебную процедуру с рельсов международного правосудия на рельсы правосудия национального. Германских монополистов судили американские военные трибуналы, пользуясь тем, что подсудимые находились во власти США.

Этому предшествовало конфиденциальное письмо главного американского обвинителя в Нюрнберге президенту Трумэну, где, в частности, говорилось: «Особый процесс специально над промышленниками создает впечатление, будто они преследуются лишь потому, что они — промышленники. Это тем вероятнее, что, преследуя их, мы оказались бы в союзе с советскими коммунистами». Передав монополистов в руки американской Фемиды, Вашингтон секретной директивой предложил судьям руководствоваться оправданием Шахта как обязательным прецедентом. В итоге все подсудимые вопреки собранным доказательствам были оправданы по обвинению в заговоре против мира и осуждены только за использование рабского тру-

да на своих заводах. Справедливость требует отметить, что некоторые американские судьи с этим не согласились и составили свое особое мнение, приложенное к делу.

К 1950 году все руководители германских монополий оказались на свободе: их досрочно выпустила из тюрем американская военная администрация в Западной Германии. «Холодная война» принесла свои плоды.

В Японии американская военная администрация, возглавляемая реакционно настроенным генералом Дугласом Макартуром, решила не повторять «нюрнбергской ошибки». Аппарат обвинения западных держав был тщательно подобран, и японские монополисты не прошли даже того не очень тернистого пути, который достался их германским партнерам по заговору против мира: 30 августа 1947 года приказом Макартура японские монополисты в числе других главных военных преступников были выпущены на свободу и вернулись к своему бизнесу.

Мировая общественность в те годы мало что знала о преступлениях японских монополий на далеком Азиатском континенте, и решение Макартура вообще прошло на Западе незамеченным. Однако в Токио, в аппарате обвинения, было немало материалов, подкреплявших точку зрения советского представителя о необходимости судить японских монополистов. Было достаточно данных, подтверждавших решающее влияние концернов на всю политическую жизнь страны. Крупнейшие японские монополии уже в те годы сосредоточивали в своих руках большую часть промышленности и банков, играли решающую роль во внешней торговле страны. Они держали на откупе не только отдельных политических деятелей, но и целые политические партии и военные группировки, которые тогда боролись за власть. Вот почему руководители монополий являлись основной рабочей пружиной японской агрессии. Это не исключало, разумеется — и это будет показано дальше, — определенных расхождений между отдельными группами монополий, а также между руководством концернов и авантюристически настроенным молодым офицерством. Но все расхождения касались вопросов тактических, а отнюдь не стратегических. Направление, сроки, иногда конкретные объекты и формы агрессии — вот что было предметом споров. Сама же необходимость покорения других стран, необходимость обширных территориальных захватов никогда не стави-

лась под сомнение в этих дискуссиях, иногда перераставших в прямые политические схватки. Агрессивная война была поставлена монополиями во главу угла всей внешней политики Японии.

Вскрытые предварительным расследованием и судебным следствием факты, касающиеся роли монополий, были настолько разительны, что даже буржуазные судьи, располагавшие десятью голосами из одиннадцати, не решились о них умолчать. При этом они, по существу, пренебрегли давней юридической традицией, согласно которой в приговоре упоминается вина только тех лиц, которые преданы суду. Поскольку ни один монополист или банкир не попал на скамью подсудимых, в приговоре они фигурируют неоднократно, но безлико: «промышленники», «банкиры», «дзайбацу» *.

Чтобы не быть голословными, приведем соответствующие выдержки из приговора, которые ярко демонстрируют, насколько несправедливым было решение американских верхов прекратить судебное преследование руководителей японских монополий в качестве главных военных преступников, организаторов и соучастников заговора против мира.

Как указывает приговор, 11 августа 1936 года совещание пяти министров (премьера, министра иностранных дел, военного и военно-морского министров, а также министра финансов) приняло решение «об основной государственной политике», в котором прямо говорилось, что «основная цель в каждом случае заключалась в создании прочной опоры на Азиатском континенте и в установлении господства над Восточной Азией при посредстве военной силы». Это политическое решение призваны были обеспечить меры экономические. Но, очевидно, чтобы у промышленников и банкиров не возникало сомнений в их истинном характере, эти меры получили также воплощение в трех планах, разработанных и опубликованных не правительством, а армией.

В приговоре подчеркнута основная суть этих трех планов: «К 1941 году не только должно было быть осуществлено быстрое и значительное развитие военной промышленности... Японская экономика должна была развиваться рационально, путем объединения руководства в

* «Дзайбацу» — финансовая клика (япон.).— *Прим. ред.*

руках военной администрации. Особое внимание уделялось быстрому переходу с мирного положения на военное».

Таким образом, приговор признает, что осуществление подобных экономических мероприятий делало ясным для руководителей японских монополий, что речь идет о подготовке страны к большой войне. Именно к большой, ибо «малая» война велась в Китае уже шестой год. К 1937 году (к моменту составления этих планов) были уже оккупированы Маньчжурия, пять северных провинций Китая, японские войска вторглись в Шанхай, Нанкин и другие города. Там, на юге, шли упорные бои. Однако это отнюдь не беспокоило руководителей «дзайбацу»: ведь проведение всех указанных мероприятий означало огромный рост военных расходов, а следовательно — и прибылей. И действительно, как констатирует приговор, «общие расходы только на одну армию увеличились с 500 миллионов иен в 1936 году примерно до 2 миллиардов 750 миллионов иен в 1937 году». Иначе говоря, почти в шесть раз. Этот год оказался, разумеется, урожайным и для монополий, поскольку, как подчеркнул Трибунал, «сопровождался предоставлением крупных субсидий для поощрения развития военных отраслей промышленности». Следует напомнить, что эти субсидии были следствием принятого парламентом в том же 1937 году закона «О контроле над инвестициями». Этот закон предлагал всемерно поощрять те монополии, которые вкладывают средства в военные отрасли или в обслуживающее их производство. Двенадцатая статья этого закона предоставляла «особые привилегии для компаний, которые расширяют... свою деятельность за рубежами империи».

Так, «молодые» военно-промышленные концерны призывались к эксплуатации огромных территорий, тогда уже захваченных японской армией в Китае.

Как указал приговор, специальная инструкция о применении указанного закона предусматривала значительные поощрительные государственные субсидии, а также гарантии на случай «неустойчивости прибылей», если на оккупированных территориях осложнится политический климат.

Почему же закон назывался «О контроле над инвестициями»? Точнее, в чьи руки передавался законом этот контроль? Контроль был передан японскому банку «Нип-

пон гинко», где совет директоров распоряжался распределением средств на капиталовложения в военную индустрию. Этот совет был подобран так, что контроль фактически оказался в руках крупнейших концернов Японии — «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда». Они-то и руководили экономической подготовкой Японии ко второй мировой войне. Так же как в нацистской Германии, в милитаристской Японии именно господа монополисты заложили наиболее увесистые плиты в фундамент заговора против мира.

1938 год правительство во главе с князем Фумимаро Коноэ ознаменовало новым планом, который, как указывает приговор, «предусматривал как развитие военных отраслей промышленности, так и регулирование снабжения основными военными материалами».

Все эти мероприятия требовали огромных средств, и получить их за счет только японских трудящихся руководители монополий не могли, опасаясь роста открытого недовольства и сопротивления. А в преддверии большой войны нельзя было рисковать, нельзя было ставить страну на грань национального раскола.

Поэтому, подчеркивает приговор, «меры, принятые правительством, были рассчитаны на то, чтобы ослабить финансовое бремя, лежащее на японском народе, за счет покоренных народов, населявших территории, эксплуатируемые Японией».

С сухой объективностью судебного документа приговор констатирует: «Это не было новой мерой. В течение долгого времени Япония играла главенствующую роль в экономике Кореи и Формозы (ныне Тайвань. — *Авт.*), осуществляя господство через корейские и формозские банки (и те и другие принадлежали японцам. — *Авт.*) путем владения громадным количеством компаний, функционировавших в этих странах. Те же методы были приняты в отношении Маньчжоу-го».

Что же это были за методы? Приговор и здесь не оставляет места для сомнений: то были методы беспощадной колониальной эксплуатации оккупированных Японией стран, куда немедленно вслед за тылами наступавших войск ринулись агенты монополий. Конкретное содержание этих методов также раскрывается в приговоре: «Промышленный банк Маньчжурии, созданный в декабре 1936 года в целях получения средств, необходимых для

промышленного развития, получил право выпускать банкноты на сумму, в пятнадцать раз превышающую основной капитал. Льготы, предоставленные этому контролировавшемуся Японией банку, обеспечивали беспрепятственное финансирование строительства военной промышленности в Маньчжоу-го».

Так, путем простого финансового жульничества — выпуска ничем не обеспеченных бумажных денег — японские монополисты, грабя маньчжурский народ, строили военную промышленность.

«Теперь, — указывается в приговоре, — правительство Коноэ планировало те же меры для развития Китая. В феврале 1938 года был создан Федеральный резервный банк Китая по образцу Маньчжурского банка».

Что же это был за банк? Приговор вносит ясность и в этот вопрос: «Управляющий и заместитель управляющего новым банком были назначены японским правительством, и правление состояло главным образом из японцев. Банк проводил свои операции в Северном Китае (к тому времени Северный Китай был захвачен японскими войсками. — *Авт.*), в котором единственными законными денежными знаками была валюта, выпускавшаяся новым банком».

Неудивительно, как указывает приговор, что «деятельность этого банка во многом облегчила экономическую и промышленную эксплуатацию Северного Китая и дала возможность японскому правительству (читай — монополиям. — *Авт.*) осуществлять в этом районе свои промышленные планы».

Имея в бесконтрольном распоряжении станок для печатания бумажных денег, можно многого достигнуть в стране, где любые попытки протеста беспощадно растаптывает сапог оккупационной армии. Приговор указывает, что «в целях сохранения ценности японской валюты японский банк прекратил обращение своих банкнот в оккупированных районах».

Позже, когда японцы захватили территории в Центральном и Южном Китае, там, как констатирует приговор, была установлена та же «финансовая система».

Какое удивительное сходство не только в методах и средствах ведения войны, но и в экономических формах ее подготовки между нацистскими агрессорами и их дальневосточными союзниками! Разве директор немецкого

рейхсбанка Ялмар Шахт не выпустил на сумму двенадцать миллиардов марок ничем не обеспеченных векселей, чтобы оказать кредит германским монополистам для беспрецедентного по масштабам и срокам развертывания военной промышленности в канун второй мировой войны?

Подобно немцам, японцы стремились к автаркии (самообеспечению) такими важнейшими видами стратегического сырья, как нефть и бензин. Обе страны не имели собственных источников этого сырья, а потому и третий рейх и Японская империя пошли по пути развертывания промышленного синтезирования нефти и бензина. Стоило это очень дорого: нужны были крупные капиталовложения, а, когда заводы вступили в строй, сырье, которое они выпускали, стоило значительно дороже и было намного хуже натурального импортного сырья. Но война, так же как и подготовка к ней, как известно, требует жертв. Но, конечно, не от господ монополистов. Война должна приносить им такую же прибыль, как и любой другой бизнес, если не большую.

И вот в январе 1938 года создается новая компания по добыче синтетической нефти и бензина на базе угольных ресурсов Маньчжурии. Но, как правильно утверждает приговор, в этом случае, как и во многих других, следовало «поощрять развитие промышленности, которая не приносила доходов и находилась в зачаточном состоянии». Судьи указали, что во всех таких ситуациях «правительство брало на свои плечи (точнее было бы сказать, на плечи покоренных народов и японских налогоплательщиков. — *Авт.*) все увеличивающееся финансовое бремя, стремясь к быстрому развитию одной или нескольких отраслей промышленности, которые армия считала особенно важными для подготовки войны».

Как уже указывалось, 1938 год характеризовался переводом экономики на военные рельсы. Это вызвало ряд законов, изменивших организационные формы в промышленности и породивших новые отрасли индустрии. В первую очередь реорганизовалась электропромышленность — энергетическая база всей экономики. Производство электроэнергии, ранее распыленное между отдельными фирмами, было сконцентрировано в руках одной монополии. Ей также вменялось в обязанность расширять эту отрасль в военных целях. Как указывает приговор, «новая компания была непосредственно подчинена правительству

и получила все обычные привилегии: освобождение от налогов, субсидии и гарантию прибылей со стороны правительства».

Далее в приговоре зафиксировано, что по этому же принципу были реорганизованы и другие важнейшие для войны отрасли промышленности — самолетостроительная, производство легких металлов (в первую очередь алюминия), горнодобывающая и некоторые другие.

В результате, как указывает Международный военный трибунал, «были осуществлены планы армии. Но промышленная иерархия, зависевшая от поддержки государства и подчиненная контролю со стороны кабинета министров, стала одной из реальных частей японской системы управления. Путем подчинения всех отраслей промышленности контролю со стороны кого-либо из министров кабинет принял на себя еще большую ответственность за руководство национальной мобилизацией в целях войны». И дальше, проанализировав все аспекты этой мобилизации, судьи приходят к логичному выводу: «Тот факт, что Япония в момент экономического кризиса предприняла такие мероприятия, является убедительным доказательством того, что кабинет (уже в 1937—1938 годах. — *Авт.*) руководствовался в первую очередь соображениями, которые диктовались осуществлением подготовки государства к войне».

Но только ли кабинет министров руководствовался подобными соображениями? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить японских министров в те роковые для страны годы.

С мая 1937 по конец октября 1941 года кабинет министров трижды возглавлял князь Фумимаро Коноэ. Сформированное им правительство олицетворяло прямой союз монополий, императорского двора и военщины, выражало их общие интересы в подготовке ко второй мировой войне. Сам премьер — отпрыск знатного рода Фудзивара — находился в родственной связи с императорской фамилией, а главное — являлся крупнейшим акционером ряда компаний, входивших в состав мощной монополии «Сумитомо». Неудивительно, что этот премьер возглавлял движение за «новую политическую структуру», иными словами, за полную фашизацию японского государственного строя путем ликвидации политических партий

и создания единой организации, так называемой ассоциации помощи трону, что и было им осуществлено.

Почему Фумимаро Коноэ наряду с Тодзио не возглавил скамью подсудимых, будет сказано несколько позднее.

Решающие в экономике посты — министра торговли и промышленности, финансов, путей сообщения и связи — заняли представители главных монополий Итидзо Кобаяси («Мицуи»), Исио Кавада («Мицубиси»), Сёдзо Мурата («Сумитомо»). На посту председателя планового бюро в ранге министра находился человек, выдвинутый концерном «Мангё», — Наоки Хосино. Наконец, министром иностранных дел стал Ёсукэ Мацуока, являвшийся длительное время председателем акционерной компании Южно-Маньчжурской железной дороги.

Такого прямого участия представителей монополий в правительстве в канун войны не знала даже нацистская Германия. Там министерские кресла, если не считать Шахта, занимали профессиональные политики фашистского толка. Германские монополисты предоставляли им политическую авансцену, сохранив за собой кулисы, откуда и осуществляли режиссерские функции. Поэтому очевидно, сколь неточно приведенное выше утверждение приговора о «новой промышленной иерархии», которая осуществляла экономическую подготовку к войне и якобы «зависела от поддержки государства и подчинялась контролю со стороны кабинета министров».

Как видим, дело обстояло как раз наоборот. Правительство Коноэ являлось креатурой монополий и полностью зависело от их поддержки.

Впрочем, этот факт косвенно признает и приговор, когда касается еще одного мероприятия, связанного с подготовкой войны, которое провело правительство Коноэ в том же 1938 году. Речь идет о так называемом законе о всеобщей национальной мобилизации. Приговор указывает, что принятие или отклонение этого закона «зависело от доброй воли промышленников, без содействия которых план национальной мобилизации невозможно было осуществить».

Почему же монополисты приветствовали новый закон? Да потому, что благодаря ему парламент сам отказывался от своих полномочий и терял право контроля над правительством. Как указал Международный военный трибу-

нал, «согласно этому закону кабинет (кабинет министров. — *Авт.*) должен был осуществлять законодательную власть через императорские указы. После принятия закона его положения могли вступить в силу в любой момент по усмотрению кабинета».

Итак, правительство освобождалось от какого-либо контроля со стороны парламента. Это устраивало монополии, которые хозяйничали в стране, и это тоже нашло свое отражение в приговоре: «Положение кабинета (имеется в виду кабинет Коноэ. — *Авт.*) было упрочено, принятие его промышленной программы было обеспечено. Армия завоевала поддержку со стороны промышленников и устранила угрозу осуществлению общегосударственной мобилизации в целях войны».

Так прорвалась на страницы приговора Международного военного трибунала правда о зловещей роли японских монополий в экономической подготовке войны.

Чтобы не было сомнений в подлинном смысле закона о всеобщей национальной мобилизации, армия, как указано в приговоре, «19 мая 1938 года опубликовала в японской прессе комментарии о цели этого закона». В них подчеркивалось, что Японии, стране с небольшой территорией, «приходится иметь дело не только с решительным сопротивлением генералиссимуса Чан Кай-ши, но также и с советскими армиями, полностью отмобилизованными и готовыми к агрессии на Севере. Больше того, Япония окружена мощными флотами США и Великобритании. Поэтому оборона Японии в настоящее время зиждется не на ее берегах, а на границах Маньчжоу-го, Северного и Центрального Китая...».

7 июля 1938 года министр просвещения Араки (генерал, бывший военный министр, один из подсудимых на Токийском процессе) произнес речь, в которой подчеркнул, что, «несмотря на трудности переживаемого момента, армия достигнет конечной цели — установления мирового господства». Эти цитаты из приговора Международного военного трибунала показывают, насколько к тому времени обнаглели японские милитаристы и монополисты, публично заявлявшие о своих стремлениях и намерениях.

В ноябре 1940 года ставленники монополий в правительстве Коноэ приняли закон об объединении всех фирм в каждой отрасли промышленности в одну ассоциацию.

Такая концентрация облегчала управление военизированной экономикой и маневрирование ею в преддверии большой войны. Как указывает приговор, в результате этого мероприятия «в 1940 году состоялось слияние не менее 212 крупных корпораций с капиталами до 2 миллиардов 350 миллионов иен, а в течение первой половины 1941 года произошло слияние 172 крупных корпораций с капиталом, превышавшим 3 миллиарда иен».

Война приближалась с катастрофической быстротой, и заговорщики из числа японских монополистов торопились закончить экономическую подготовку страны к этой войне.

Но только ли экономикой ограничивалась роль «дзайбацу» в развязывании агрессивной войны? Отнюдь. Руководители японских монополий принимали прямое участие в разработке чисто военных планов агрессии. И это тоже подтверждено приговором Международного военного трибунала. «Общество по изучению государственной политики» («Кокусаку кэнкюкай»), — говорилось в нем, — существовало с 1936 года как исследовательская и консультативная организация для помощи правительству в разрешении наиболее серьезных политических проблем. Но его основная ценность в том, что оно служило средством для связи «дзайбацу» с военщиной».

Какова же была цель такой связи? Этот вопрос приговор тоже не оставляет без ответа. В разгар европейской войны — 30 сентября 1940 года — «общество по изучению государственной политики» императорским указом реорганизуется в «институт тотальной войны» в качестве официального правительственного управления. Институт находился под руководством премьер-министра и должен был контролировать изучение и исследование основных вопросов, связанных с национальной тотальной войной, а также с образованием и обучением чиновников для ведения тотальной войны.

Вот, оказывается, с какой целью сперва «Кокусаку кэнкюкай», а затем «институт тотальной войны» должны были связывать «дзайбацу» с военщиной.

Первым директором этого института стал Хосино (впоследствии один из подсудимых на процессе). Все министерства имели там своих представителей. Но не только они! Как установил приговор, в «институте тотальной войны» были также представлены Южно-Маньчжурская же-

лезнодорожная компания, «дзайбацу» и банк города Йокогама.

Чем же занималась вся эта теплая «научно-исследовательская» компания? Как указал Международный военный трибунал, «институт составлял исследовательские доклады по важным вопросам, которые были полезны для планирования тотальной войны».

Приговор удовлетворяет любопытство и тех, кто хотел бы конкретнее ознакомиться с тематикой пресловутого института. «В начале 1941 года «институт тотальной войны» составил исследовательские доклады на следующие темы: «Оценка внутреннего и внешнего положения с точки зрения тотальной войны», «Изучение тотальной войны с точки зрения национальной мощи Японской империи и иностранных держав», «Проект плана создания великой Восточной Азии», «Первый этап плана тотальной войны», «Каковы перспективы с точки зрения стратегической войны против США, Великобритании и Нидерландов на ее начальной стадии и в том случае, если она затянется на некоторое время». И подобных тем было немало.

Изучая отдельные вопросы, институт давал правительству свои рекомендации. Так, в августе 1941 года в связи с переговорами, которые тогда велись Японией и Соединенными Штатами, «институт тотальной войны», как указывает приговор, предложил следующий выход: «Мы не дадим ясного ответа по поводу отношения Японии к предложению Америки, но будем проводить политику затяжки путем ведения дипломатических переговоров, тем временем заканчивая свою военную подготовку».

Какой классический рецепт дипломатического вероломства, столь характерного для империалистической политики! Этот рецепт был полностью принят, проведен в жизнь Коноэ и Тодзио и закончился нападением на Пёрл-Харбор. И как же поучительно, что международное правосудие назвало соавторов этого рецепта. Ими были японские «дзайбацу».

На Востоке говорят: правда — что жир, она всегда всплывет на поверхность. Всплыла в приговоре и правда о роли японских монополий в подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн. И то, что эта правда зафиксирована приговором Международного военного трибунала, очень полезно и важно, даже несмотря на то, что

конкретные виновники этого тягчайшего преступления остались безнаказанными. Историки учитывают и используют эти данные, чтобы написать правдивую летопись прошлого. А современные буржуазные политики, которым присуще чувство реальности, стараются избежать опасных ошибок, допущенных исследователями из «института тотальной войны». Это вынуждает их больше считаться с интересами своих народов и порой меньше прислушиваться к требованиям военно-промышленных монополий.

Хочется думать, что сейчас, в период разрядки напряженности, полные горькой иронии слова Бернарда Шоу: «Урок истории заключается в том, что из нее не извлекают никаких уроков» — скорее относится к прошлому, чем к настоящему и будущему.

Все сказанное выше позволило обвинителю от Советского Союза члену-корреспонденту АН СССР С. Голунскому впоследствии, когда он в Москве оценивал материалы, добытые обвинением на Токийском процессе, с полным основанием заявить: «Именно они (монополии.— *Авт.*) явились основной движущей силой японской агрессии... Произведенная Коноэ, а потом Тодзио мобилизация всех экономических ресурсов Японии на нужды войны встретила дружную поддержку со стороны концернов, получавших от войны громадные прибыли. Всюду, где появлялись японские войска, за ними протягивались щупальцы исполинского капиталистического спрута, немедленно создававшие на всех оккупированных японцами территориях специальные организации с целью эксплуатации местных ресурсов. Результаты деятельности этих организаций были неизменно одни и те же: безудержный грабеж всех местных ресурсов... Тем не менее среди подсудимых нет ни одного представителя этих монополистических объединений».

Не попал на жесткую скамью подсудимых, как уже говорилось, аристократ, крупный бизнесмен и видный политик князь Фумимаро Коноэ.

Почему?

Да потому, что генерал Макартур установил своеобразный порядок ареста главных военных преступников. Сперва на основании материалов международного обвинения японский парламент должен был лишить этих людей парламентской неприкосновенности и издать приказ

об их аресте. В этом приказе указывалась дата, когда тот или иной главный военный преступник сам должен явиться в тюрьму Сугамо. Обычно на это предоставлялось десять — пятнадцать дней. Возможно, подобная процедура была данью тонкому англо-саксонскому юмору. Но она вредила правосудию: за это время потенциальный подсудимый мог хорошо «подготовиться» к предстоящему обыску, обработать нужных свидетелей, продумать линию защиты или вообще попытаться избежать малоприятной встречи с правосудием...

6 декабря 1945 года японская газета «Майнити» сообщила, что парламент «после трехдневного уныния и терзаний вынужден был издать приказ об аресте Коноэ и маркиза Кидо — министра — хранителя печати». Нетрудно представить себе атмосферу, царившую в те дни в парламенте, состав которого не менялся всю войну: японским парламентариям, яростно поддерживавшим все действия правительств Коноэ и Тодзио, пришлось за несколько первых дней декабря дать уже двадцать четыре приказа об аресте своих бывших лидеров — главных японских военных преступников.

Пикантность положения, связанного с парламентской санкцией на арест именно Фумимаро Коноэ, станет особенно острой, если вспомнить кое-какие события, которые этому предшествовали и сравнительно давно, и совсем недавно.

Когда в июле 1940 года Коноэ снова стал премьером, он выступил с программной речью, в которой одной из целей своего правительства объявил создание «новой политической структуры». Прежняя политика, основанная на буржуазном либерализме и демократизме, не устраивала нового премьера, так как была несовместима с национальной политикой Японии, смысл которой сводился к войне за передел мира. Призыв Коноэ к фашизации страны нашел благожелательный отклик и у реакционных лидеров легальных буржуазных партий, которые не замедлили их распустить. Взамен этих партий новый премьер создал монархо-фашистскую организацию — ассоциацию помощи трону. Детищем такой системы и являлся парламент, который дал санкцию на арест Коноэ.

Но это еще не все. Прежде чем дать такую санкцию, парламент создал комиссию по пересмотру конституции во главе с тем же Фумимаро Коноэ. Получалось, что человек,

который вверг свою страну в тоталитарное рабство, должен был теперь подарить ей новые демократические институты. Поистине в истории нередко мирно соседствуют трагедия и фарс! И не случайно так трудно было господам парламентариям отдать своего вождя и коллегу в руки международного правосудия. По сути, это означало агонию самого парламента. Так оно и случилось. Возмущение прогрессивно настроенных народных масс Японии передачей вопроса о новой конституции реакционно-фашистскому парламенту было так велико, что Макартур, испугавшись, вынужден был 18 декабря 1945 года распустить парламент и назначить новые выборы на апрель 1946 года.

Узнав, что его ожидают арест и суд, Коноэ предпринял некоторые шаги, пытаясь оправдать себя если не перед современниками, то хотя бы перед потомками. Будучи на редкость честолюбивым политиком, он был искренне убежден, что никому не дано права арестовать и судить его.

Девять дней оставалось Коноэ пребывать на свободе, когда в одной из токийских газет, не без его участия, был опубликован секретный доклад самого же Коноэ императору, представленный за семь недель до нападения на Пёрл-Харбор. Цель публикации раскрывалась во вступительной статье, где клеймились те, кто во время войны критиковал Коноэ в парламенте и прессе как пацифиста и кто теперь требует его ареста как поджигателя войны.

Не зря говорят, что все познается в сравнении. Рядом с Тодзио даже Коноэ мог слыть умеренным, хотя в свое время сделал все, чтобы развязать войну сперва в Китае, а потом и на Тихом океане.

Вечером 15 декабря 1945 года, за несколько часов до истечения срока явки в тюрьму Сугамо, Фумимаро Коноэ устроил прием в своем роскошном особняке в предместье Токио. Среди гостей было несколько высших придворных и родственники князя. Оживленная беседа касалась различных политических вопросов, в частности будущего Японии. Позднее гости утверждали, что Коноэ не производил впечатления человека, удрученного перспективой тюрьмы и суда.

Во втором часу ночи Коноэ удалился в спальню, обставленную в японском стиле. Его ждала постель, пост-

ланная на полу. С ним был младший сын, двадцатитрехлетний Мититака. Коноэ вручил ему пространную памятную записку и сказал: «Здесь разъясняется позиция, которую я занимал по различным вопросам в последние годы».

В записке бывший премьер продолжал свою линию защиты перед историей. «Меня глубоко беспокоит, — писал он, — то, что я совершил некоторые ошибки в государственных делах после возникновения китайского инцидента (так японские милитаристы называли развязанную ими агрессивную войну в Китае. — *Авт.*). Я, однако, не могу перенести унижений, связанных с арестом и разбирательством моего дела американским судом. Я не могу не ощущать особой ответственности за исход китайского инцидента».

И это писал человек, который, едва став премьером, дал указание развернуть наступление японской армии в Центральном и Южном Китае, а затем оправдывал зверства японской военщины в Нанкине и Шанхае, когда весь мир был потрясен масштабами и изощренностью этих зверств. Человек, который оправдывал все это ссылками на справедливость и «особую миссию» Японии. Человек, который осенью 1938 года заявил, что Япония присоединится к двум державам «оси» — нацистской Германии и фашистской Италии, — дабы создать «новый порядок в Азии и во всем мире». И не ограничился только заявлением. В качестве главы правительства Коноэ усилил «антикоминтерновский пакт», заключив 27 сентября 1940 года японо-германо-итальянский союзный договор, вошедший в историю как «пакт трех» — пакт передела мира.

Мацуока, министр иностранных дел в правительстве Коноэ, выступая на заседании исследовательского комитета Тайного совета Японской империи, следующим образом охарактеризовал один из аспектов этого пакта: «Япония окажет помощь Германии в случае советско-германской войны, а Германия окажет помощь Японии в случае русско-японской войны».

То, что этот союз был направлен в первую очередь против СССР, не отрицал, впрочем, в своих мемуарах и сам Коноэ, когда еще стоял на вершине власти. Мемуары эти не были уничтожены и попали в руки союзных следователей.

В памятной записке, которую Коноэ вручил ночью

15 декабря своему сыну, говорилось также, что он «прилагал все силы, чтобы достигнуть взаимопонимания между Соединенными Штатами Америки и Японией, полагая, что только такое взаимопонимание могло бы привести к решению китайской проблемы».

Бывший премьер, видимо, забыл, как он тогда, в период переговоров, трактовал такое «взаимопонимание». Забыл, какой смысл вкладывал в эти слова летом и осенью 1941 года: США и весь мир должны были склонить головы и признать законность действий Японии в Китае, захватившей там огромные территории, наиболее крупные города и промышленные центры. «Миролюбивый» Коноэ забыл, вероятно, и то, что еще осенью 1940 года, будучи премьером, он так тщательно готовился к войне с США, Англией и Голландией, что даже распорядился начать печатание «оккупационной валюты».

Этот факт не был случайной, изолированной мерой, предпринятой Коноэ. Он действовал в соответствии с «программой внешней политики Японии», которая была утверждена на секретном заседании правительства 3 октября 1940 года, после заключения «пакта трех». Программа предусматривала всемерное укрепление союза с Германией и Италией, капитуляцию Китая и создание под контролем Японии «великой восточноазиатской сферы взаимного процветания», куда должны были войти Китай, Бирма, Индокитай, Таиланд, Филиппины и Малайя.

Да, широко шагал тогда «миротворец» Коноэ. Кое-что он осуществил сам (захват Индокитая, а также обширных территорий в Центральном и Южном Китае). Остальное довершил его военный министр и преемник на посту премьера Хидэки Тодзио.

Предав забвению все это, Коноэ в конце записки не забыл отдать дань лирике: «Весьма прискорбно, что я был объявлен военным преступником Соединенными Штатами, с которыми я пытался добиться мирного урегулирования. Я полагаю, что мои искренние намерения даже и сейчас правильно понимаются и расцениваются моими друзьями, среди которых немало американцев».

Здесь бывший премьер был прав: среди американцев у него было действительно немало друзей и даже защитников. К их числу принадлежал сам генерал Макартур.

Ознакомив сына с памятной запиской, Коноэ подробно рассказал ему о своей политической карьере, о взгля-

дах и поделился заветной мечтой: добиться прощения у императора и народа за свои неудачи в поисках путей сохранения мира. Он просил Мититака запомнить, что его отец после нападения на Пёрл-Харбор писал два доклада: о довоенных американо-японских переговорах и о тройственном пакте держав «оси». Коноэ выразил надежду, что потомство будет судить о нем именно по двум этим докладам (а не по преступным действиям!).

Наконец, он сообщил тогда же сыну, что всегда защищал «национальный образ правления» в Японии и что это — долг всего семейства Коноэ ввиду их родства с императорским домом.

Примерно в два часа ночи Мититака покинул спальню. Вероятно, он понимал, что видит отца в последний раз, хотя в дальнейшем это отрицал.

В шесть часов утра жена Коноэ, войдя в спальню мужа, нашла его мертвым. Рядом с постелью на низеньком столике стоял пузырек. В нем обнаружили остатки яда.

Тем, кто утверждает, что люди не лгут перед смертью, полезно познакомиться со словами Фумимаро Коноэ, сказанными в последний час жизни...

Когда приехали первые американские следователи и, нарушив траур, произвели обыск, их заверили, что никто не предполагал возможности самоубийства главы семьи. Только личный секретарь Томохико Усиба сказал: «Теперь, когда я оглядываюсь назад, для меня становится очевидным, что князь Коноэ никогда не собирался отдать себя в руки американских властей».

Можно полагать, что Коноэ решился на самоубийство, считая невозможным для себя предстать перед судом, учитывая близость к императору и принадлежность к видному феодальному клану. Коноэ знал также, что, рассказав Международному военному трибуналу историю подготовки Японии к войне, он подорвет доверие к тому «национальному образу правления» Японии, защищать который завещал своему сыну.

Наконец, и это, вероятно, самое важное, Коноэ трезво оценивал ситуацию. Он полагал, что его ждет виселица и что смертный приговор премьеру явится приговором той милитаристской Японии, которой он долго и верно служил. Перед подобной перспективой мгновенная смерть от сильно действующего яда в собственной спальне, пос-

ле задушевной беседы с семьей и друзьями, могла показаться разумной и заманчивой...

Не исключено, что опытный и изворотливый политик в данном случае просчитался. Избрал же другой путь ближайший советник императора в годы, предшествовавшие войне, и в период войны «составитель кабинетов», как его именовали в придворных кругах (имеется в виду кабинет министров), тоже родовитый аристократ маркиз Коити Кидо. Этот маленький, женоподобный человечек не только пошел в тюрьму Сугамо, не только сохранил свой дневник, во многом позволивший судьям проникнуть за кулисы событий, но и, яростно защищая на процессе свою жалкую жизнь, сохранил ее, получив пожизненное тюремное заключение.

Может быть, Коноэ учел такую возможность и отверг ее?

Все это, в конечном счете, не так уже важно для истории. Важно другое, именно его, князя Коноэ, заклятого врага Советского Союза и одного из главных заговорщиков против мира, японские политики тех лет собирались направить в Москву в июне 1945 года в качестве личного представителя императора. Именно бывший премьер должен был попытаться убедить советское руководство стать посредником между Японией, с одной стороны, и союзниками СССР, с другой, дабы уговорить союзников спасти Японию от безоговорочной капитуляции!

Миссия Коноэ, естественно, не состоялась, однако сам этот факт беспрецедентен...

Итак, Коноэ, премьер и один из крупнейших представителей деловых кругов Японии, тоже избежал суда. Но существовал человек, который в какой-то мере мог бы восполнить отсутствие деловых людей на скамье подсудимых. Человек этот удивительным образом сочетал в себе черты бизнесмена, идеолога и гангстера. Звали его Сюмэй Окава.

Имя это не ново для читателя. Оно упоминалось в начале книги в связи с убийством маршала Чжан Цзо-линя. Размах преступной деятельности Окава был оценен по достоинству: на скамье подсудимых ему отвели место во втором ряду, прямо за спиной военного преступника номер один — Тодзио.

В двадцатых и начале тридцатых годов Сюмэй Окава, как уже говорилось, являлся председателем правления директоров акционерной компании Южно-Маньчжурской

железной дороги. Обвинение располагало доказательствами, что именно он в качестве доверенного лица японских монополий был закулисным вдохновителем убийства Чжан Цзо-линя и так называемого «мукденского инцидента» в 1931 году, вызвавшего оккупацию Маньчжурии. Такова была роль Окава в этом первом акте японской агрессии на Азиатском континенте в годы, предшествовавшие второй мировой войне. Не являясь крупным капиталистом, Окава в те годы ворочал капиталом в 2,5 миллиарда иен (именно такой была внушительная сумма инвестиций, которыми располагали японские монополии в Маньчжурии). Следует иметь в виду, что акционерное общество Южно-Маньчжурской железной дороги владело не только железнодорожным имуществом. Под эгидой этой компании находились угольные шахты, металлургические заводы, лесные угодья. Неудивительно, что в штабе Квантунской армии, созданной для охраны «японских прав» в захваченной Маньчжурии, каждое слово доверенного монополий Окава было очень весомым.

Однако роль видного бизнесмена не удовлетворяла кипучую натуру Окава. Его влекло и к деятельности «теоретической». А потому он возглавил «исследовательский институт», в котором изучались проблемы, интересовавшие японских монополистов и милитаристов.

Сюмэй Окава предстает в этих исследованиях идеологом агрессии и расизма. Он — автор хрестоматии японской истории и целого ряда книг и статей, обосновывающих японский вариант расовой теории. В них Окава доказывал превосходство расы Ямато над другими народами и призывал реализовать это превосходство. А эта цель, как утверждал автор, могла быть достигнута только с помощью агрессивной войны.

Чтобы задобрить своих союзников, гитлеровцы окрестили японцев «арийцами Дальнего Востока». И в этом признании немалую роль сыграл именно Окава.

Продолжая развивать теории и взгляды японских расистов, доктор Сюмэй Окава в 1924 году опубликовал книгу, в которой доказывал, что поскольку Япония, по мнению некоторых историков, первое государство, созданное на нашей планете, то (странная логика!) ее божественной миссией является господство над всеми нациями. В качестве ближайшей цели автор ставил оккупацию всей Сибири и островов Южных морей. А уже в 1925 году и

позднее он предсказывал войну между Востоком и Западом, в которой Япония будет выступать в роли защитника Востока.

В 1926 году Окава ханжески заявил, что осуществление этой божественной миссии (понимай — покорение других народов) возможно только в том случае, если внутри самой Японии утвердится устойчивая мораль. Своей политической деятельностью в начале тридцатых годов Окава показал, что такую «устойчивую», по его мнению, мораль можно привить японскому народу только в условиях тоталитарного государства. В эти же годы он организовал патриотическое общество, пропагандировавшее «освобождение цветных народов и моральное единство мира».

Приговор отмечает, что Окава «часто читал лекции по этим вопросам по приглашению генерального штаба» и, очевидно, так понравился господам генералам, что в последующие годы «продолжал свою пропагандистскую кампанию с помощью работников генерального штаба».

В 1930 году он призывал положить конец господству белых народов и изгнать их из Азии. Конец этого господства, по утверждению Окава, означал, что в Азии будет создана одна страна под эгидой Японии, основанная на принципе «императорский путь».

Это дало Трибуналу основание утверждать, что «уже в 1930 году принцип «кодо» * стал означать японское господство над Азией и возможную войну с Западом».

У Окава на фронте идеологии, и не только идеологии, имелся тогда соратник, впоследствии разделивший с ним скамью подсудимых, кадровый офицер Кингоро Хасимото. Этих двух людей объединяло трогательное единомыслие, которое нашло отражение и в приговоре Международного военного трибунала: «Деятельность Хасимото являлась дополнением к тому, что делал Окава. У Хасимото «императорский путь» превратился в путь военной диктатуры, он признавался Окава, что парламент, который вызывал негодование армии, должен быть уничтожен. Сам Окава считал, что существующие политические партии должны быть разгромлены и что престиж императора должен быть поднят при господстве военных».

---

* «Кодо» — императорский путь (япон.).— *Прим. ред.*

Когда закончилась оккупация Маньчжурии, Окава заявил, что теперь заложены «правовые основы» сопроцветания обеих стран и что это вызвало неожиданное пробуждение могучего патриотизма у японского народа. Он торжествовал, что «демократия уничтожена и национализм в Японии достиг неожиданного расцвета».

Окава был среди тех, кто приветствовал уход Японии из Лиги Наций в знак протеста против осуждения агрессии в Маньчжурии, и заявлял, что Лига Наций представляет старый порядок, основанный на англосаксонском господстве.

В июне 1933 года тогдашний лидер японских милитаристов военный министр Араки выступил с речью, в которой призывал к вооруженному завоеванию Восточной Азии. Это заявление Араки объяснял традиционной целью — «хакко итиу» *.

По поводу этого выступления, вызвавшего тогда возмущение мировой общественности, Трибунал констатировал, что, «раздувая военные настроения, Араки широко пользовался политической философией, которую популяризировали Окава и Хасимото».

Оценивая все стороны деятельности Сюмэй Окава, можно с полным правом сказать, что он был не только видным бизнесменом, но также идеологическим отцом расизма и агрессии, которые бурно расцвели в те годы на Японских островах.

Этот факт признал Международный военный трибунал, когда пришло время оценить в приговоре все материалы судебного следствия. Суд тогда поставил перед собой вопрос: доказано ли существование заговора против мира? Ответом на этот вопрос открывается заключительная глава приговора «Выводы по пунктам обвинительного заключения». В ней говорится: «Еще до 1928 года (год начала деятельности заговорщиков согласно предъявленному обвинению. — *Авт.*) Окава открыто призывал к тому, что Япония должна расширить свою территорию на Азиатском континенте путем применения угроз или, если это будет необходимо, путем применения вооруженной силы. Он также призывал к тому, что Япония должна стремиться к установлению своего господства в Восточ-

---

* «Хакко итиу» — весь мир — под один кров (япон.). — *Прим. ред.*

ной Сибири и на островах Южных морей. Он предсказывал, что политический курс, который он пропагандировал, должен привести к войне между Востоком и Западом, в которой Япония будет борцом за интересы Востока. Его деятельность в пользу этого плана поощрялась и поддерживалась японским генеральным штабом. Цель этого плана была, по существу, целью заговора, как мы его определили. При описании фактической стороны дела мы отметили большое число последующих заявлений заговорщиков относительно целей заговора. Они не отличаются сколько-нибудь существенно от этого раннего заявления Окава.

Уже в то время, когда Танака был премьер-министром — с 1927 по 1929 год, — группа военных вместе с Окава и другими гражданскими лицами, поддерживавшими его, пропагандировала идею Окава о том, что Япония должна осуществлять экспансию путем применения силы».

Так Трибунал косвенно признал, что уже известный читателю печально знаменитый «меморандум Танака» тоже навеян идеями Окава.

Приговор упоминает о «группе военных», которая поддерживала и пропагандировала идеи Сюмэй Окава. Первым в этой группе, если не по чину и должности, то по активности, был, бесспорно, полковник Кингоро Хасимото, разделивший с Окава скамью подсудимых. Хасимото, окончив военную академию, работал в русском отделе генерального штаба, затем в течение нескольких лет находился на дипломатической работе в качестве военного атташе в разных странах. Тогда-то, в конце двадцатых годов, и почувствовал он искреннюю симпатию к преуспевающему в Европе фашизму, а вернувшись на старое место работы в генеральный штаб, стал с тридцатых годов вместе с Окава апостолом агрессии и захватов. Хасимото удачно сочетал составление агрессивных планов в генеральном штабе с активной деятельностью на идеологическом фронте: в те годы его многочисленные книги и статьи с кричащими заголовками буквально заполоняли полки книжных магазинов и библиотек.

1940 год, как известно, был годом больших успехов для Гитлера и Муссолини. Для таких, как Хасимото, это оказалось лучшим доказательством того, что их стране надлежит идти той же дорогой. И Хасимото порадовал

японских милитаристов очередным опусом под претенциозным названием «Пути реконструкции мира».

Обвинитель Сэккет попросил разрешения у суда огласить только две выдержки из этой книги, которые подтверждают, что руководство армии и правительство своей практической деятельностью претворяли в жизнь призывы экстремистов. Мы приведем одну из цитат. «По возвращении в генеральный штаб, мое предыдущее место работы, я составил несколько планов для проведения в жизнь моих идей, — писал Хасимото. — Хотя я и не решусь сказать, что это было существенной причиной, однако один за другим последовали маньчжурский инцидент, уход из Лиги Наций и отказ от договоров, лимитирующих вооружения...»

Да, обвиняемым — и чем дальше пойдет наш рассказ, тем это станет очевиднее — следовало уничтожить не только секретную документацию, но и все свои публичные и литературные выступления, все личные дневники, в которых они, не стесняясь, пропагандировали преступные намерения и открыто кичились ими. В те годы эти люди охотно давали прогнозы по любым политическим вопросам, но ни одному из них не пришло в голову попытаться составить собственный гороскоп и сделать соответствующие выводы. Когда же наступил час капитуляции, они едва успели (и то не полностью!) очистить секретные сейфы. До книгохранилищ и книжных магазинов руки уже не доходили... В панике и хаосе не все уничтожили, даже личные дневники... А на процессе в подтверждение многих обвинений ложились на судейский стол зафиксированные ротационными машинами мысли, слова, планы подсудимых. Дошла очередь и до Кингоро Хасимото. Перекрестный допрос Хасимото — не только кадрового военного, не только идеолога и пропагандиста агрессии, но еще и участника гангстерских заговоров уничтожения умеренных и захвата власти экстремистами — вел американский обвинитель Тавеннер.

Вопрос: Полковник Хасимото, какого числа и месяца 1930 года вы вступили в вашу должность в генеральном штабе в Токио?

Ответ: Это было в мае 1930 года, когда я прибыл в Токио из Турции.

Вопрос: Как называлась официально ваша должность?

Ответ: Начальник русского отдела генерального штаба.

Вопрос: Коротко, в чем состояли ваши функции?

Ответ: Сбор сведений о России.

Вопрос: Требовалось ли для этого быть знакомым с положением в Маньчжурии?

Ответ: Насколько это касалось России, да.

Вопрос: Вы с Сюмэй Окава встречались до и во время вашей работы в этой должности?

Ответ: Да, это так.

Вопрос: Теперь скажите, занимался ли он в то время пропагандой по всей Японии?

Ответ: Я не знаю, занимался он пропагандой или нет. Я действительно знаю о том, что он в нескольких случаях произносил речи.

Вопрос: В нескольких случаях? Разве вам неизвестно, что он произнес сотни речей по всей Японии в течение двух лет относительно положения в Маньчжурии?

Ответ: Поскольку я слышал его речь только один раз, я не знаю, сколько сот речей он мог произнести.

Вопрос: Занимался ли в то время доктор Сюмэй Окава подстрекательством японского народа в так называемом маньчжурском вопросе?

Ответ: Я об этом абсолютно ничего не знаю.

Вопрос: Однако вы говорили с доктором Окава на политические темы, не так ли?

Ответ: Я никогда не говорил с ним на политические темы, я встречался с ним только в ресторанах.

Остроумного и находчивого американского обвинителя не вывело из равновесия тупое отрицание подсудимым очевидных фактов, и он продолжал нажим на Хасимото.

Вопрос: А разве есть какая-либо причина, из-за которой вы не могли говорить о политике в ресторане?

Хасимото, видимо, даром экспромта не обладал. Ответ был краток: «Нет».

Вопрос: В таком случае, говорили ли вы о политике с доктором Окава?

Ответ: Я никогда не говорил с ним на какую-либо конкретную политическую тему, достойную упоминания.

Брешь пробита, и Тавеннер меткими репликами стремится расширить ее.

Вопрос: Вы говорите «достойную упоминания»? Это термин сравнения. Не скажете ли вы, в каких пределах вы разговаривали с ним о политике?

Ответ: Я часто разговаривал с ним о политической коррупции в Японии.

Но Тавеннер полон решимости доказать, что общественно-политические взгляды Окава и Хасимото касались не только и даже не столько внутренней политики, сколько политики внешней. Эти двое были одержимы идеей захватов в глобальных масштабах.

Вопрос: Разрешите мне вас спросить, хотели ли вы убрать англичан из Индии, Филиппин, Китая, Бирмы и Азии?

Ответ: Я хотел лишить англичан политического господства в этих районах.

Вопрос: Под политическим господством вы понимаете изгнание их силой, не так ли?

Ответ: Могли быть случаи, когда потребовалось бы это сделать силой, однако я надеялся, что этого не произойдет... Я полагал, что было бы очень хорошо достичь этого без применения силы.

Тавеннер пропускает мимо ушей этот явно наивный довод, будто империалистическая Англия могла добровольно отдать захваченное своему антагонисту — Японии. Этому очень опытному судебному бойцу важно не то, что думал подсудимый, а то, к чему он открыто подстрекал других.

Вопрос: Разве не правда, что в статье, озаглавленной «Краткие замечания относительно настоящей обстановки», в «Тайё дайниппон» от 1 июня 1939 года вы заявили: «Стоим ли мы как один за изгнание англичан? Противником, загораживающим нам путь на юг, является Англия»? Это верно?

Ответ: Да.

Вопрос: Не заявили ли вы публично 11 января 1941 года следующее: «Решительно восстаньте. Время приближается. Начинайте решительные действия против сторонников Англии и Америки и в то же время организуйте по всей стране движение за оказание моральной поддержки программе продвижения на юг»? Это правильно?

Ответ: Да.

Вопрос: И не заявили ли вы публично 30 января 1941 года, что Япония должна захватить материк Азии и взять в свои руки контроль над Тихим океаном и что не следует считаться ни с Великобританией, ни с Россией? Это правда?

Ответ: Да, я заявлял.

Вопрос: Говоря о движении к югу и о контроле над Тихим океаном, вы имели в виду захват Сингапура?

Ответ: Конечно.

Вопрос: Распространение вашего контроля на Персидский залив?

Ответ: Да, это я имел в виду.

Вопрос: Организацию военно-морских баз в Австралии?

Ответ: Да.

Вопрос: Распространение вашего контроля на Новую Зеландию?

Ответ: Да.

Вопрос: Алеутские острова?

Ответ: Да.

Вопрос: И часть Советского Союза?

Ответ: Я пропагандировал включение части территории Советского Союза в великую восточноазиатскую сферу взаимного процветания.

Вопрос: А также Филиппины и Гавайские острова?

Ответ: Да.

Таковы были цели, которые пропагандировали Окава и его ближайший друг и сподвижник Кингоро Хасимото. Таков был идеологический фундамент заговора против мира, заложенный этими людьми.

Но Окава являлся не только бизнесменом, не только идеологом агрессии, он еще подвизался и на поприще политического гангстеризма. Желая вершить судьбу страны, Окава для достижения цели пользуется приемами, которые шокируют более умеренных представителей правящей элиты. Он активно включается в борьбу за власть, которая разгорелась в те годы между группами так называемых «старых» и «новых» концернов. Окава представляет интересы «новых» монополий, в частности концерна «Кухара-Аюкава», хозяйничавшего в захваченной японцами Маньчжурии. Обе группы едины в одном: будущее — на путях агрессии. Раздоры касаются только методов достижения этой цели и раздела добычи. «Старые» монополии пользуются поддержкой дворцовых кругов и, следовательно, правительства. Значит, надо свергнуть правительство и создать другое, отвечающее намерениям Окава и его друзей. Предлог для свержения — «умеренность» правительства во главе с Осати Хамагути.

«В январе 1931 года, — гласит приговор, — был создан заговор для свержения этого кабинета. Так называемый мартовский инцидент (уже известный взрыв на полотне Южно-Маньчжурской железной дороги в марте 1931 года. — *Авт.*) являлся заговором, организованным Окава и подполковником Хасимото, чтобы вызвать восстание, которое оправдало бы введение военного положения и привело бы к созданию военного кабинета. Этот заговор поддерживал генеральный штаб... Заговор провалился, так как Угаки, кандидатура которого была выдвинута на пост премьер-министра, отказался поддерживать этот план».

Это утверждение приговора было подкреплено, в частности, при перекрестном допросе Тавеннером Кингоро Хасимото.

Вопрос: Вы с ним (имеется в виду Окава. — *Авт.*) оба участвовали в так называемом инциденте пятнадцатого марта (речь идет о 1931 годе. — *Авт.*), не так ли?..

Ответ: Да, я участвовал.

Вопрос: Участвовал ли также в этом инциденте вместе с вами и доктором Окава подсудимый Коисо?

Ответ: Бывший тогда генерал-лейтенантом Коисо был связан с этим делом: я дал Окава несколько бомб, а генерал-лейтенант Коисо унес эти бомбы.

Эти люди передавали бомбы для уничтожения политических противников так просто, будто обменивались визитными карточками.

Вопрос: Полковник Хасимото, не является ли фактом то, что доктор Окава пропагандировал принцип реформации правительства в Японии для того, чтобы урегулировать, как он называл, маньчжурский вопрос?

Ответ: Окава об этом мне ничего не говорил.

Вопрос: Разве вам неизвестно, что это является его доктриной и доктриной, которую он проповедовал?

Ответ: Нет.

Вопрос: Не является ли правдой то, что в результате проводившегося возбуждения народа недовольство достигло такого размаха, что армия последовала за доктором Окава?

Подсудимого Хасимото такой вывод явно не устраивал: в те годы, о которых идет речь, он и его сообщники дружно действовали в одной упряжке. Этот факт признал в конечном счете и приговор. Вот почему ответ Хасимото гласил:

— Я едва ли могу предположить, чтобы Окава имел такую силу и способности.

Вопрос: В своем аффидевите вы ссылаетесь на тот факт, что вы делали определенные предложения по урегулированию маньчжурской проблемы. Какие это были предложения?

Ответ: Я внес эти предложения на совещании в генеральном штабе по оценке положения в апреле 1931 года.

Вопрос: Какие это были предложения?

Ответ: Я говорил, что должны быть приняты эффективные меры, чтобы урегулировать назревший вопрос, а также и проблемы.

Вопрос: В то время доктор Окава и вы осуществляли эти планы, чтобы организовать массовую демонстрацию?

Ответ: Как я сказал раньше, это что-то совершенно другое, а не маньчжурский вопрос.

Но Тавеннер был не из тех, кого можно сбить с толку. Он действовал по точно разработанному плану, который юристы иногда называют шахматным методом допроса и при котором заранее известно, через сколько «ходов» подсудимому или свидетелю будет дан неотвратимый «мат».

Тавеннер настаивает:

— Ответьте на мой вопрос, пожалуйста.

Ответ: Господин Окава однажды сказал мне, что у него был план сделать генерала Угаки премьер-министром и через него осуществить обновление разложившихся политических партий. На это предложение я ответил: «Да, я вполне согласен с вашими взглядами. Давайте это продолжать. Однако, если вы хотите сделать генерала Угаки премьером, вы должны узнать об этом плане его мнение и поэтому вам, Окава, лучше пойти к генералу Угаки и спросить, что он думает». Окава встретился со мной в тот же вечер и сказал: «После разговора с генералом Угаки мне кажется, что он не очень против этого предприятия, однако для того, чтобы это осуществить, нам необходимо вызвать какие-либо беспорядки в Токио. Хасимото, есть ли у вас поблизости какие-либо бомбы? Все, что мне надо, это бомбы, которые создадут что-то вроде шума. Этого будет достаточно». После этого я дал Окава бомбы, которые могли вызвать шум. Однако два-три дня спустя генерал Угаки заявил, что он не имеет подобного

желания, что он против всего задуманного, и весь план был предан забвению.

Вопрос: Цель организации массовой демонстрации состояла в том, чтобы добиться объявления военного положения и поставить правительство под контроль армии, не так ли?

Ответ: Поскольку я не имел ничего общего с этими планами после того, как передал бомбы доктору Окава, я, кроме того, что уже сказал о содержании плана, ничего не знаю.

Вопрос: Не ходили ли вы лично к доктору Окава и не говорили ли о том, что высшие чины армии горят негодованием к парламенту и что парламент должен быть разогнан?

Ответ: Нет, я этого не говорил. Вот что сказал мне Окава: «Угаки, кажется, согласен на это. Поэтому дайте мне бомбы».

Так прикидывался простаком, излагая ход и цели событий, изощренный политикан и заговорщик, автор книг и статей, которые выпускались массовыми тиражами и должны были оболванивать японский народ, сделать его послушным орудием агрессоров.

— Другими словами, вы хотите сказать, что вы только послушно делали то, что вам говорил Окава. Таково ваше утверждение? — с иронией заметил Тавеннер.

Ответ: Нет, простым фактом является то, что Окава задумал план, а я согласился с этим планом и поэтому дал ему бомбы. Однако после того как я передал ему бомбы, я уже ничего больше не имел общего с этим планом и поэтому ничего больше не знаю, и я не думал, чтобы план когда-нибудь вовлек в это дело такую большую организацию, как армия.

А вот теперь Тавеннер ведет допрос о заговоре к концу и начинает вырисовываться неминуемый для Хасимото «мат».

Вопрос: Не консультировались ли вы по этому вопросу с генерал-лейтенантом Татэкава и не был ли он участником этого плана?

Ответ: Доктор Окава просил у меня бомбы. Я встретился с большими трудностями, доставая эти бомбы, и поэтому я посоветовался об этом с генералом Татэкава, после чего генерал Татэкава сказал: «Хорошо, я дам вам рекомендательное письмо к командиру пехотной школы».

После этого я с письмом направился в пехотную школу и получил эти бомбы. Вот в такой степени генерал Татэкава участвовал в этом плане.

Вопрос: Какое положение в армии занимал генерал Татэкава?

Ответ: Начальник первого отдела генерального штаба.

Вопрос: Какими вопросами занимался первый отдел?

Ответ: Оперативными.

Вопрос: Вы говорите, что это было незначительное событие, однако разве вы не признаете факта, что в этом плане была замешана офицерская верхушка японской армии?

Ответ: Вопрос, конечно, заключается в том, что означает слово «замешана», однако я не думаю, что вы можете сказать, будто это означает участие всей верхушки армии. Тот факт, что у меня одним офицером были взяты бомбы, а другой написал рекомендательное письмо, когда я встретился с трудностями их получения, это, пожалуй, все, что было, и я не думаю, что вы можете сказать, что они были связаны с инцидентом.

Оказывается, если рассуждать по логике Кингоро Хасимото, активное участие в получении оружия и передача его непосредственным исполнителям — сущие пустяки, когда речь идет о заговоре для свержения правительства. Особенно если все это делают видные генералы. Но Тавеннер проходит мимо этого. Сейчас ему важно не утерять основную нить допроса, тем более что Хасимото уже проговорился.

Вопрос: Кто был тот офицер, который принял от вас бомбы?

Теперь и Хасимото чувствует, что попался. Он тянет время, обдумывая, что сказать.

Ответ: Вы спрашиваете, от кого я получил бомбы?

Вопрос: Вы только что упомянули о том, что какой-то определенный офицер принял от вас бомбы. На кого вы ссылаетесь?

Ответ: Бомбы, которые я дал Окава, взял генерал Коисо.

Вопрос: Подсудимый генерал Коисо?

Ответ: Да.

Вопрос: Какое официальное положение он тогда занимал?

Ответ: Начальник бюро военных дел военного министерства.

Тавеннер продолжает наступление.

Вопрос: Знакомы ли вы с показаниями доктора Окава на процессе над ним в 1934 году, в частности с тем, что говорилось об участии в этом деле генерал-лейтенанта Коисо?

— А можете ли вы мне процитировать показания? — растерянно спрашивает Хасимото. Он не ожидал, что этот документ находится в руках обвинения.

— «Генерал-лейтенант Коисо, — читает Тавеннер, — осуществлявший общее руководство, сказал мне, что, поскольку возможна опасность раскрытия, если возникнет много шума, мы должны сделать вид, будто ничего не делаем и что я должен буду представлять штатских, а не армию». Вы помните это?

Ответ: Нет, я не помню и думаю, что это было не так. Я не думаю, что подобные вещи имели место.

— Доктор Окава также сказал, я цитирую стенограмму: «Наша идея состоит в том, чтобы образовать новую политическую власть и сформировать кабинет, где были бы в основном представители армии». Вы слышали его показания об этом в суде? — спрашивает Тавеннер.

Ответ: Нет.

Председатель: Вы присутствовали на процессе над Окава?

Своим вопросом председатель невольно подсказал Хасимото выход: видимо, в стенограмме не зафиксировано участие или присутствие Хасимото на этом процессе.

Свидетель: Я не присутствовал на подобном процессе.

Вопрос: Кто был организатором октябрьского заговора, происшедшего вскоре после «маньчжурского инцидента»?

Имеется в виду тоже неудавшийся заговор военщины в октябре 1931 года. Как и мартовский инцидент того же года, он имел целью свергнуть правительство, уничтожить парламент и установить военную диктатуру экстремистов из числа высших офицеров.

Ответ: Я.

Вопрос: Помогал ли вам Окава?

Ответ: Нет.

Вопрос: Вы заявляете, что, хотя Окава показывал на

процессе в 1934 году, что участвовал в «инциденте», он все-таки не участвовал?

— Он не участвовал, — упрямо твердит окончательно запутавшийся Хасимото...

Так же тупо и немногословно подсудимый Хасимото отрицал все, что вменялось ему в вину. Но голое отрицание фактов могло привести и привело к неизбежному финалу. В приговоре было четко зафиксировано, что Кингоро Хасимото играл наряду с Окава основную роль в заговорах 1931, 1932 и 1936 годов, «его книги и статьи... «общество», которое он основал и поддерживал, в значительной степени служили уничтожению демократии и созданию такой формы правления, которая благоприятствовала в большой степени использованию войны в целях японской экспансии...»

А дальше следовал роковой для Хасимото вывод Трибунала: «Он играл основную роль в деле создания заговора (заговора против мира! — *Авт.*) и в значительной степени содействовал его осуществлению». В соответствии с содеянным Трибунал определил меру наказания: пожизненное тюремное заключение.

Но вернемся к Окава. Провал двух заговоров не обескуражил его: не удалось прямое свержение правительства, значит, надо подвергнуть господ министров шантажу страхом.

Как указывает приговор, в течение первых трех месяцев 1932 года Хасимото и Окава подготовили почву для «реорганизации, или обновления, государства», понимая под этим фашизацию страны. Окава создал новое общество имени легендарного императора Дзимму и поднял на щит его старые принципы «кодо» и «хакко итиу». В новом понимании они означали уничтожение парламента и партий, создание тоталитарного режима, вдохновление японцев на руководство Азией. К этому был добавлен демагогический лозунг «осуществления контроля над концернами», чтобы стимулировать экспансию вовне, будто японские монополии тех лет требовалось принуждать к тому, что было их сокровенной целью. Здесь Окава явно копировал немецких нацистов, этих ставленников рурских концернов, которые перед приходом к власти тоже демагогически провозглашали антимонополистические лозунги.

Новый, 1932 год ознаменовался приходом к власти правительства Инукай, где министром финансов был Та-

кахаси, тесно связанный со старой финансовой олигархией. Естественно, что соответственно распределялись и первые плоды агрессии, собранные в Маньчжурии. Это не устраивало «новые» концерны, желавшие овладеть контролем над экономикой, а следовательно, не устраивало и Сюмэй Окава. Тогда был пущен в ход шантаж страхом. Такахаси решили показать, что его соперники имеют волю и средства для беспощадной борьбы. 9 февраля 1932 года был убит коллега Такахаси по партии и его предшественник на посту министра финансов — Иноуэ. Режиссер событий Окава любил символику. Убийство произошло в то время, когда Иноуэ, один из лидеров партии «Минсэйто», выступал с речью перед избирателями. Преступник был схвачен на месте с еще дымившимся пистолетом. Им оказался молодой человек по имени Масаси Онума. На допросах он упорно твердил, что действовал по собственной инициативе, желая покарать Иноуэ, который «имеет непосредственное отношение к бедствиям, ныне переживаемым деревней». Полиция поверила террористу и не стала выяснять, кто скрывается за его спиной.

Однако Такахаси оказался толстокожим и намека не понял.

Тогда последовал второй удар: 5 марта 1932 года в правлении «старого» концерна «Мицуи» был убит видный финансовый деятель — барон Дан Такума. Схваченные два террориста признали свою связь с тайным обществом «Тимейдан» (в переводе: «союз крови»). Выяснилось также, что убийца Иноуэ — Масаси Онума входил в эту же организацию. Инструктировал террористов и спабдил их пистолетами морской офицер Фудзи Имаса. Общество «Тимейдан» действовало под демагогическими лозунгами борьбы против «партийных бюрократов и всевластия монополий», борьбы за интересы тружеников деревни, переживавшей тогда острый экономический кризис. На суде выяснилось, что «Тимейдан» — это руководимая офицерами широкая террористическая сеть фашистских организаций в армии и на флоте.

Решительные и успешные действия общества «Тимейдан» вызвали тревогу правящих кругов и воодушевили террористов на финальный удар: 15 мая 1932 года группа офицеров по заранее намеченному плану ворвалась в канцелярию премьер-министра Инукай и убила его. Одновременно их сообщники атаковали управление полиции

и помещение партии «Сэйюкай», намереваясь убить наиболее активных партийно-парламентских деятелей. Заговорщики разбросали листовки, содержавшие обычные для фашистов тех лет демагогические призывы к «борьбе с капиталистами», которые находятся «в блоке с политическими партиями». Автором и проводником этих идей в Японии был Окава. Налетам подверглись также Японский банк и банк «Мицуи». Схваченные террористы, непосредственные исполнители воли вожаков заговора, были преданы суду. Там некоторые из них осмелились заявить о связях отдельных высших военных руководителей с крупными монополиями и банками. Эти разоблачения, как и сами акты террора, встревожили дворцовые и монополистические круги, отнюдь не заинтересованные, чтобы их закулисная борьба стала достоянием общественности.

Вдохновителями заговора являлись Хасимото и Окава. Однако Окава отделался коротким тюремным заключением: его признали виновным лишь в том, что его книги и статьи подстрекали и побуждали заговорщиков к действию.

Итак, еще одна неудача, еще один провал. Но фанатик и карьерист Окава принадлежал к тем, кто умеет терпеливо ждать своего часа.

В конце 1935 года, выйдя на свободу, Окава — вновь в центре интриг и заговоров. Его подлинные господа, владельцы «новых» концернов «Кухара-Аюкава», хозяйничавших в Маньчжурии, жаждут установления военной диктатуры и осуществления планов экспансии для укрепления своих экономических позиций. На его стороне семь членов Высшего военного совета, среди них такие видные милитаристы, как генералы Садао Араки, Дзинсабуро Мадзаки, Сэндзюро Хаяси и Нобуюки Абэ.

26 февраля 1936 года около 1500 солдат под руководством группы «молодые офицеры» фактически захватили столицу страны Токио и в течение трех суток терроризировали ее жителей. Заговорщики совершили налеты на резиденцию премьер-министра Окада, там по ошибке убили его зятя и объявили, что премьер мертв, затем атаковали министерство финансов, где прикончили министра Такахаси: он слишком долго не понимал или делал вид, что не понимает намеков Окава. Были убиты также министр — хранитель печати Сайто и инспектор военного

обучения генерал Ватанабэ, тяжело ранен министр двора Кантаро Судзуки.

Правительство, стянув войска, в конечном итоге подавило мятеж. Но этот грозный показатель далеко зашедших разногласий в правящем лагере испугал власть имущих. Страна стояла перед перспективой большой войны, в первую очередь против Китая, и монополистический капитал был заинтересован в прекращении борьбы внутри правящей элиты. Непосредственных руководителей мятежа — 19 офицеров и гражданских террористов — предали публичной казни. Семь членов Высшего военного совета, вынужденные взять на себя ответственность за мятеж, подали в отставку, а четверо из них — генералы Араки, Мадзаки, Хаяси и Абэ — вообще ушли из армии. Попал под удар, что бывает редко, даже режиссер событий — представитель «нового» концерна Кухара. Под арестом он, правда, пробыл недолго и отделался небольшим денежным штрафом (!).

Только Сюмэй Окава и на сей раз сумел остаться в тени: его опыт и навыки конспирации росли от заговора к заговору.

Мятеж был подавлен, его рядовые участники казнены, но идеи заговора оказались живучими. Победило мнение тех, кто утверждал, что мобилизация страны для войны, само ведение агрессивной войны и, наконец, подавление сопротивления собственного народа могут быть успешно реализованы только профашистским военно-бюрократическим правительством.

Именно такой была идея заговорщиков. И это подтверждено приговором Международного военного трибунала: «27 февраля 1936 года, то есть на следующий день после военного мятежа в Токио, японское консульство в Амое (Китай) разъяснило, что целью мятежа была смена кабинета и замена его военным кабинетом и что группа молодых военных стремилась к тому, чтобы Япония заняла весь Китай, подготовилась к немедленной войне с Советским Союзом до победного конца и могла стать единственной силой в Азии».

Подводя итоги деятельности Окава, Хасимото и тех, кто ими руководил, Трибунал в приговоре отмечает, что это была длительная борьба между экстремистами, сторонниками немедленного «достижения своей цели с помощью силы, и теми политическими деятелями... которые

были сторонниками экспансии Японии с помощью мирных средств или по крайней мере путем осторожного выбора момента, когда должна быть применена сила. Эта борьба закончилась тем, что заговорщики установили свой контроль над правительственными органами Японии и, подчинив общественное мнение страны и материальные ресурсы строгому распорядку, стали готовить их к агрессивной войне для достижения цели заговора».

Приговор устанавливает также, что началом конца длительной борьбы экстремистов с так называемыми «умеренными» был мятеж 26 февраля 1936 года. Именно тогда, после ухода правительства Окада и образования кабинета во главе с Хирота (впоследствии — подсудимый на Токийском процессе), «план армии, рассчитанный на создание нового порядка в Восточной Азии, стал установившейся политикой японских правительств».

Естественно, что фигура одного из главарей заговора и его идеолога Сюмэй Окава привлекала в те годы внимание журналистов. Вот какую характеристику давал ему тогда один видный буржуазный американский журналист, хорошо знавший страну, где жил и действовал этот человек. «Окава был фанатиком, авантюристом, классическим злодеем, которого обуревали мечты о величии империи. Он служил в Маньчжурии и Китае представителем крупной коммерческой организации... Он сочетал эту работу с дерзкими и кровавыми заговорами, рассчитанными на изменение политической структуры Японии. Окава был одновременно аскетом и сибаритом, талантливым безумцем и сильной личностью; он, не колеблясь, мог послать своих сторонников на верную гибель.

Эти три человека — Тодзио, Кидо, Окава — были настолько различны между собой, насколько это может быть между людьми. Однако все трое верили в судьбу, предначертанную Японии, и каждый из них, независимо друг от друга, содействовал заговору, который вовлек Японию на путь агрессии. И по мере того как эти заговоры разрастались и их влияние распространялось, они замышляли все новые и новые интриги внутри страны и за ее пределами. Все трое были опьянены успехом, честолюбивыми замыслами и лестью, которой их окружали как создателей «великой Японии».

Патриотизм этих людей был неразрывно связан с соображениями личной выгоды. Невозможно определить, где

кончались эти личные соображения и начинали действовать социальные силы — «дзайбацу», жаждущие новых рынков и новых источников сырья».

Этот же журналист утверждает, что один из первых заговоров, намеченных Окава, предусматривал проникновение в императорский дворец, убийство там «умеренных», а затем предъявление императору требования назначить Сюмэй Окава премьер-министром. «Возможно, — отмечает этот журналист, — Окава так и не узнал, что один из его ближайших соучастников собирался как раз в этот момент нанести ему удар в спину и потребовать, чтобы премьером был именно он». Об этом, как пишет журналист, он слышал от того самого человека, который замышлял нанести Окава предательский удар.

Трудно сказать, имел ли место подобный эпизод. В материалах процесса подтверждения этому нет. Во всяком случае, внутренние взаимоотношения людей, действовавших в заговорах, организованных Окава, очень походили на то, о чем писал американский журналист.

Но нам уже слышится законный вопрос: почему, говоря о Сюмэй Окава, рисуя его портрет, вы ссылаетесь на различные источники, но обходите молчанием поведение самого Окава на суде, его показания, рассказы свидетелей, вызванных им или его адвокатами? Да потому, что Сюмэй Окава и был, и в то же время не был на скамье подсудимых...

3 мая 1946 года состоялось первое открытое заседание Международного военного трибунала. После вступительного слова председателя о характере процесса, после приведения к присяге переводчиков и других технических работников Трибунала комендант суда приступил к оглашению обвинительного заключения.

Сюмэй Окава сидел справа от судей, во втором ряду, позади подсудимого номер один Хидэки Тодзио. Шестидесятилетний Окава был для японца непомерно высок, поражала его худоба. В суд он явился в японской деревянной обуви (гэта) и, когда ему приказали снять гэта, сбросил также заношенный пиджак, оставшись в мятой белой рубашке с расстегнутым воротом, открывавшим тонкую шею с выступающим острым кадыком. Глаза его прикрывали большие темные очки. В этом опустившемся человеке трудно было узнать когда-то подтянутого и элегантного Сюмэй Окава.

Обвиняемые внимательно слушали обвинительное заключение, держа в руках свои экземпляры. Некоторые что-то записывали. Только Окава беспокойно вертелся на скамье. Расстегнув рубаху, он почесывал впалую грудь. Расстегнутая рубаха сползла с плеча. Заметив это, председатель Трибунала австралиец сэр Уильям Уэбб снисходительно взглянул на Окава и приказал конвойным застегнуть ему рубаху. Американский полковник, стоявший позади Окава, выполнил это распоряжение, но подсудимый снова расстегнулся. Так повторялось неоднократно. Внимание зала постепенно сосредоточилось на этой комической сценке, и торжественный ритм судебного заседания нарушился. Тогда американский полковник положил руки на плечи Окава и каждый раз, когда тот пытался пошевелиться, прижимал его к скамье. Это длилось несколько минут. То ли Окава устал, то ли ему надоела эта возня, он наконец обернулся к полковнику и улыбнулся ему, как бы говоря: все в порядке, я все понял...

Снова воцарилось торжественное спокойствие, и чтение обвинительного заключения было продолжено. Но Окава вновь нарушил покой в зале. Внезапно наклонившись вперед, он сильно ударил Тодзио по голове свернутым в трубку обвинительным заключением. Звук удара гулко разнесся по залу. Лихорадочно засуетились кинооператоры, находившиеся со своей аппаратурой на галерее, расположенной над скамьями подсудимых. А Тодзио спокойно и неторопливо обернулся и... улыбнулся бывшему сообщнику.

Председатель объявил перерыв. Военные полицейские поспешно вывели Окава. Следом в комнату для подсудимых ринулись журналисты. Они застали Окава стоящим у стола. После паузы он медленно, но отчетливо заговорил по-английски:

— Тодзио дурак, я должен убить его. Я за демократию, но Америка — не демократия... Я не хочу в Америку, потому что она помешалась на демократии. Вы понимаете, что я хочу сказать? Помешалась! Я ничего не ел семьдесят два дня, еда не нужна мне... Я питаюсь воздухом. — Он выразительным жестом показал, как делает это.

Дюжий военный полицейский из охраны доверительно сообщил журналистам, что Окава «действительно ничего не ест и морит себя голодом. Ему шестьдесят лет, а он

уверяет, что ему необходимо встретиться с матерью, которая только что приехала в Токио». В заключение полицейский убежденно заявил: «Поверьте мне, парень спятил». Полицейский, видимо, разбирался в таких делах.

Заключение судебно-психиатрической экспертизы, поступившее через несколько дней в распоряжение Трибунала, гласило: «Сюмэй Окава, 1886 года рождения, страдает психозом в результате сифилитического менингоэнцефалита. Болеет сифилисом тридцать лет. Повышенная возбудимость, мания величия, зрительные галлюцинации, неспособность к логическому мышлению, недержание мочи, плохая память и самосозерцательность. Этот пациент неспособен отличать плохое от хорошего.

Внешний вид — неряшливый, чрезвычайно велико чувство собственного «я», считает себя величайшим человеком мира. Лицо отражает все его переживания. Говорлив. Пребывает в маниакальном состоянии. В палате все разбрасывает как попало, пишет бессвязные письма, отдает величественные распоряжения санитарке, принимая ее за госпожу Макартур».

Итак, экспертиза признала Сюмэй Окава, идеологического отца японского фашизма, невменяемым. В зал судебных заседаний его больше не доставляли: Трибунал исключил его из числа подсудимых.

Можно только гадать, каким был бы приговор Международного военного трибунала, если бы на скамье подсудимых оказались некоторые руководители «дзайбацу», а также плутократы Фумимаро Коноэ и Сюмэй Окава. Во всяком случае, не исключено, что на монументе в честь «семи самураев-«мучеников», который установлен на горе близ города Нагоя, могли появиться новые имена.

ИМПЕРАТОРА ДОПРАШИВАЮТ

Такое случается не часто: трижды экс-император стоит за свидетельским пультом и торжественно клянется Трибуналу говорить правду, только правду, одну лишь правду. Естественно, что в тот день места для публики и прессы были заполнены до отказа. Естественно также, что этот допрос решил провести лично сам главный обвинитель — американец Джозеф Б. Кинан.

Свидетель, уже известный нам Генри Пу И, явно принадлежал к породе императоров-неудачников. Хотя в раннем детстве все как-будто улыбалось ему. В 1909 году в возрасте трех лет он был возведен на китайский престол. Правда, уже через два года началась революция. И пятилетний император был низложен, так и не вкусив прелестей власти хозяина огромной империи. В общем же революция 1911 года закончилась для Пу И, если не считать потери власти, более или менее благополучно. Об этом свидетельствует и стенограмма его допроса.

Кинан: Где вы жили после того, как вы перестали быть императором Китая?

Ответ: Продолжал жить в Пекине. Китайское правительство вошло в соглашение с императорской семьей, согласно которому оно обязалось давать императорской семье ежегодно четыре миллиона китайских долларов и обращаться с императорской семьей так же, как с иностранными членами царствующих домов.

Вопрос: Где был ваш дом в Пекине, после того как вы перестали быть императором?

Ответ: В том же пекинском дворце.

Спокойная и обеспеченная жизнь, по словам Пу И, продолжалась тринадцать лет — до 1924 года, пока в результате очередной драки между враждующими милитаристскими группировками, которые в те годы раздирали и разоряли Китай, к власти не пришел генерал Фын Юй-

сян. Он арестовал тогдашнего китайского президента, а императорской семье приказал немедленно покинуть дворец.

Именно тогда между будущим предателем своего народа и его будущими хозяевами протянулась первая ниточка связи.

Кинан: В каком году вы переехали в японское посольство?

Не отвечая на поставленный вопрос, Пу И обосновывает мотивы своего переезда. Это очень важно для него.

— В то время газеты распространяли угрожающие для меня новости по всему Пекину, — многозначительно произносит Пу И.

Вопрос: Сколько вам было лет, когда вы пошли в японское посольство?

Ответ: Мне было 19 лет по китайскому исчислению. Но действительно мне было 18 лет (во многих странах Азии возраст исчисляется не с момента рождения человека, а с момента зачатия. — *Авт.*).

Вопрос: Как долго вы жили в японском посольстве?

Ответ: Около полугода или немного больше.

Вопрос: Куда вы поехали оттуда?

Ответ: После того как я получил разрешение главы китайского правительства, я поехал в Тяньдзинь.

Вопрос: Как долго вы жили в Тяньдзине?

Ответ: С двадцати до двадцати семи лет, иначе говоря, около семи лет.

Рассказывая свою биографию, Пу И случайно, а скорее всего сознательно, опустил один эпизод, имевший место в июле 1917 года, в разгар первой мировой войны. Защита, когда пришла ее очередь, разумеется, не замедлила восполнить этот пробел.

Допрос ведет американский майор защитник Блэкни.

— Рассказывая краткую историю вашей жизни, вы, по-моему, забыли упомянуть, что однажды вновь были восстановлены на китайском троне. Не скажете ли нам, когда это случилось?

Ответ: Правильно. Это было, когда мне исполнилось двенадцать лет. Именно тогда генерал Чжан Сюнь вместе с некоторыми другими сверг тогдашнего президента и восстановил меня на троне. В то время мы все находились под влиянием Чжан Сюня, а я был слишком молод, чтобы взять управление в свои руки. Тогда всем руководил

Чжан Сюнь вместе с другими принцами. Но это можно было считать лишь мелким конфликтом во внутренней политике Китая... Через несколько дней Чжан Сюнь потерпел поражение. Он был разбит. Когда войска под командованием генерала Луань Чжи-чжуя вошли в Пекин, я был вторично свергнут, но императорскому двору разрешили оставаться в Пекине, поскольку Луань Чжичжуй симпатизировал бывшей императорской семье...

Такой ход событий на первый взгляд может показаться странным. Однако Пу И говорил правду: это была всего лишь еще одна драка между двумя конкурирующими группами реакционеров-милитаристов. Победили представители так называемого клуба «Аньфу». Понимая, что двенадцатилетний император Пу И будет лишь прикрытием для генерала Чжан Сюня, они усмотрели в очередном перевороте только угрозу своим личным интересам. Отсюда — снисходительное отношение к императорской семье после поражения Чжан Сюня.

Защита задавала эти вопросы с одной целью — доказать, что даже в двенадцатилетнем возрасте Генри Пу И упорно стремился вернуть трон своих предков и что впоследствии именно это, а не принуждение японцев явилось мотивом его согласия стать императором Маньчжурии. Адвокаты давали понять, что, по мысли Пу И, то был лишь первый шаг на пути к реставрации монархии в Китае.

В дальнейшем мы увидим, что аналогичных вопросов со стороны защиты было немало. Все они уводили суд в сторону от основного вопроса, подлежавшего решению: являлся режим, руководимый Пу И, чисто марионеточным или нет? Где находились подлинные хозяева Маньчжурии — в императорском дворце Маньчжоу-го или в Токио?

Что же касается того, стал ли Генри Пу И коллаборационистом по собственному желанию или поддался принуждению, то это обстоятельство имело значение лишь для решения его собственной участи в тот день, когда ему самому предстояло держать ответ перед китайским судом, и уже не в роли свидетеля, а в качестве подсудимого.

Как ни странно, но этот ход защиты не был своевременно замечен ни председателем Трибунала, ни Кинаном. А потому борьба между представителями обвинения и

адвокатами шла, собственно, по одной линии — являлся Пу И жертвой принуждения или добровольным и активным предателем китайского народа.

Но вернемся в судебный зал. Итак, Кинан в своем допросе дошел до 1931 года. К тому времени Пу И уже семь лет проживал в Тяньдзине. В конце указанного года экс-император, по его утверждению, под влиянием настойчивых требований и угроз со стороны Доихара и Итагаки был вынужден покинуть Тяньдзинь и перебраться в Маньчжурию, чтобы возглавить там марионеточный режим.

Заканчивая исследование этого периода, Кинан ставит заключительный вопрос:

— Не расскажете ли вы об основной причине, которая заставила вас принять пост регента или главного правителя Маньчжурского государства?

Ответ: Я был тогда молод и не имел опыта в политических вопросах, четыре моих китайских советника убеждали меня согласиться на требование Итагаки. Они ссылались на то, что, если бы я отказался, моя жизнь могла бы оказаться под угрозой. Под давлением японской военщины я думал, что китайцам было бы целесообразно использовать шанс для вступления в Маньчжурию, чтобы у нас была возможность оттянуть время, обучить нашу армию, подготовить гражданскую администрацию: тогда, возможно, был бы шанс для народа Маньчжурии объединиться с народом Китая и ждать удобного момента для начала сопротивления японцам. Таково было мое желание, и с этим я шагнул в пасть тигра...

Главный обвинитель уделил, на наш взгляд, чрезмерно много внимания такому явно второстепенному для Международного военного трибунала вопросу, как мотивы, которые привели Пу У к измене своему отечеству. Только после этого Кинан перешел к главному вопросу — о марионеточном характере государства Маньчжоу-го.

— Вы стали регентом, или главой, Маньчжурии 1 марта 1932 года согласно историческим записям. Можете ли вы сказать нам, кто осуществлял контроль над Маньчжурией в то время?

Ответ: Вся власть была в руках генерала Хондзё, главнокомандующего японской Квантунской армией в Маньчжурии, и его помощников и одновременно — в руках начальника штаба полковника Итагаки.

Вопрос: Помните ли вы об издании ряда указов по управлению Маньчжурией от 1 апреля 1932 года?

Ответ: Ни один из них никогда не был издан лично мной.

Вопрос: Какое отношение вы имели к договору между Японией и Маньчжурией, заключенному в то время, когда вы были регентом?

Ответ: Я даже не знал о существовании такого договора за день до того, как он был подписан. На следующий день посол Японии в Маньчжурии пришел к премьер-министру и сказал: «Вот этот договор, его нужно подписать».

Вопрос: Спрашивали ли ваше мнение о договоре хотя бы в тот промежуток времени, когда его представили вам и прежде чем вы подписали или одобрили его?

Ответ: Да, формально он был ратифицирован мною, но в то время под угрозой военной силы мы уже полностью потеряли нашу свободу...

О каком же договоре вел речь главный обвинитель? За несколько дней до допроса Пу И обвинение положило на стол суда в качестве доказательства строго секретную стенограмму заседания Тайного совета Японской империи, в которой содержался текст договора между Японией и Маньчжоу-го от 13 сентября 1932 года и приводились высказывания членов этого совета, которым надлежало оный договор утвердить.

В названном документе оговаривалось, что данное соглашение «будет строго конфиденциальным по взаимному соглашению между Японией и Маньчжоу-го». А почему строго конфиденциальным? Да потому, что заключенный договор полностью подтверждал марионеточный характер маньчжурского режима и призван был придать видимость законности вооруженному захвату Японией части китайской территории (площадь свыше 1 миллиона 300 тысяч квадратных километров, население 35 миллионов человек). Этот край, так же как и захваченные Японией в дальнейшем Внутренняя Монголия и Северный Китай, был не только важнейшим стратегическим плацдармом для нападения на СССР и Китай, но и богатейшим источником такого необходимого для агрессора сырья, как уголь, железная руда, вольфрам, золото и магниевые руды, а также хлопок и шерсть. Япония форсированно создавала там новый военно-промышленный комплекс.

Что же гласил этот строго секретный договор, обсуждавшийся Тайным советом Японской империи? Вот его текст:

«А. Маньчжурия доверит нашей стране ее национальную оборону и поддержание мира и порядка и будет нести все соответствующие расходы (пункт 1).

Б. Маньчжурия согласна, чтобы контроль над железными дорогами, гаванями, речными путями, воздушными линиями и т. п., так же как и сооружение новых путей сообщения, поскольку это будет проводиться нашей имперской армией для целей национальной обороны, был полностью доверен Японии или такой организации, какую она назначит (пункт 2).

В. Маньчжоу-го поможет всеми возможными средствами в отношении различных необходимых мероприятий, проводимых нашей имперской армией (пункт 3).

Г. На должность государственных советников Маньчжоу-го будут назначаться японцы из числа людей дальновидных и хорошо себя зарекомендовавших, и, кроме того, японцы будут чиновниками как центральных, так и местных правительственных учреждений. Выбор этих чиновников будет делаться по рекомендации командующего Квантунской армией, их смещение будет производиться с его же согласия (командующий Квантунской армией одновременно являлся и послом Японии в Маньчжоу-го. — *Авт.*). Вопрос увеличения или уменьшения числа государственных советников будет решаться переговорами между обеими странами».

Практически, по данным печати Маньчжурии тех лет, только в государственных органах Маньчжоу-го в 1935 году трудились 5232 советника различных рангов. Более 65% из них являлись офицерами резерва японской армии.

Таким образом, если Пу И мог лгать или преувеличивать значение принуждения как мотива своего согласия возглавить марионеточный режим, то в отношении характера этого режима он давал суду правдивые показания.

«Немой свидетель» — стенограмма заседания Тайного совета Японской империи — действовал на защиту как на черта ладан. Она старательно обходила этого «безмолвного свидетеля». И неудивительно! Названный договор вызвал явное беспокойство даже у некоторых государственных деятелей Японской империи.

Так, советник Окада, одобрявший проект договора, заявил, «что маньчжурский вопрос не может быть разрешен просто нашим признанием Маньчжоу-го», поскольку секретное соглашение нарушало международный «пакт девяти держав», согласно которому Япония обязалась уважать целостность китайского государства и независимость его народа.

Окада не скрывал от коллег обуревавших его сомнений: «Сравнение секретных соглашений в этом проекте с «пактом девяти держав» показывает, что есть немало спорных пунктов, выявляющих противоречия между этими двумя документами. Кроме того, возможно ли вообще сохранить эти соглашения в строгом секрете? Это, вероятно, возможно для Японии, но едва ли возможно для Маньчжоу-го. Я считаю, что нужно признать невозможность сохранения их в тайне. В случае если секреты будут разглашены, Китай не будет молчать, а потребует созыва конференции держав, подписавших «пакт девяти держав»... И Япония попадет в очень затруднительное положение».

Министр иностранных дел Утида поспешил успокоить почтенного советника. Утида заявил, что «пакт девяти держав» предусматривает уважение территориальной неприкосновенности Китая, но не предусматривает такого положения, когда часть Китая становится независимой в результате его внутреннего разделения. Он ссылался также на помощь «дальневосточных мюнхенцев»: «Посол Дебути недавно спросил у руководящих деятелей Америки, заявят ли они протест, если Япония признает Маньчжоу-го. Они ответили, что у них нет ни малейшего намерения заявлять какой-либо протест или созывать конференцию девяти держав, поскольку нет никакой надежды на то, что такая конференция придет к какому-нибудь соглашению. — И далее Утида резюмировал: — Я не вижу никаких возражений против того, чтобы Маньчжурия поручила Японии заниматься теми вопросами, которыми она сама не может заниматься. Если же секретные соглашения между Японией и Маньчжоу-го будут разглашены, то я не думаю, чтобы о них стало известно от нашей стороны. Нужно обратить особое внимание Маньчжоу-го на то, чтобы эти соглашения не были разглашены им».

Министра энергично поддержал советник Исии: «Теперь, когда Япония формально признала Маньчжоу-го

и вступила в союз с последним, Япония будет в состоянии в будущем заявить, что независимость Маньчжоу-го — результат разложения Китая и что территориальная целостность Китайской республики была нарушена не кем иным, как Маньчжоу-го. Это сведет к нулю аргумент, что якобы Япония нарушила «пакт девяти держав». Теперь, когда Япония заключила союз с новой Маньчжурией ради объединенной национальной обороны, я полагаю, что не встретится возражений против размещения японских войск в Маньчжурии, таким образом, последняя резолюция Лиги Наций превратится в пустую бумагу».

Но даже тогдашнему военному министру Араки, славившемуся своей агрессивностью и впоследствии занявшему не последнее место на скамье подсудимых, параграф «А» приведенного выше договора показался чрезмерным.

«Национальная оборона Маньчжоу-го является одновременно и национальной обороной нашей страны, — сказал он. — Поэтому я считаю, что будет несправедливо и неразумно заставить Маньчжурию одну нести все расходы, необходимые для национальной обороны».

Но все это были незначительные сомнения, мелкие оговорки. Председатель Тайного совета предложил проголосовать, и закон был принят единогласно. После чего, как значится в протоколе, «его величество император удалился во внутренний дворец».

Так империалисты решали судьбу стран и народов в то время, когда Советский Союз был молодым и единственным социалистическим государством, а большинство народов земного шара находилось в колониальном рабстве. От подобных попыток империалисты порой не отказываются и сегодня. Но время их безраздельного господства кончилось. Время ныне работает на тех, кто несет народам мир и прогресс.

Итак, чисто марионеточный характер режима Маньжоу-го подтверждался не только показаниями Пу И, но и совершенно секретной японской государственной документацией, принимавшейся на высшем уровне.

Далее Кинан поинтересовался, почему Генри Пу И, если он действительно был жертвой японского террора, не рассказал об этом председателю специальной комиссии Лиги Наций лорду Литтону, с которым имел встречу в Чаньчуне в 1932 году. Ведь именно Литтону Лига На-

ций поручила выяснить истинный характер событий в Маньчжурии. Однако Генри Пу И утверждал в беседе с Литтоном, что возглавляемый им режим суверенен и, следовательно, независим от Японии. И снова в ответе экс-императора лишь подленький обывательский страх. В его словах не слышен твердый голос истинного государственного деятеля, понимающего свою ответственность перед собственным народом и историей, способного, если требуется, поставить на карту личную судьбу.

«Я, конечно, был восхищен умом лорда Литтона, — сказал Пу И, — и, поскольку его миссия имела отношение к делам Маньчжурии, очень хотел говорить с ним подробно. В то время я стремился встретиться с лордом Литтоном наедине или пригласить его куда-нибудь, но это осталось только желанием, оно никогда не осуществилось.

Когда я разговаривал с лордом Литтоном, квантунские офицеры были около меня для надзора. Так как задачей лорда Литтона было расследование положения угнетенного народа, то, если бы я сказал ему правду, меня бы убили в тот же час, как только эта миссия покинула бы Маньчжурию. Это было похоже на то, как если бы грабитель ворвался в ваш дом и сосед пришел спасти вас, но вы ничего не можете сказать, потому что бандит навел вам в спину оружие».

Услышав этот ответ, Кинан, опытный судебный боец, почему-то не уловил, что развитие событий зависело отнюдь не от личных мотивов поведения Пу И в те годы, а от характера режима, установленного в его стране. Тем, кто присутствовал на процессе, могло показаться, что допрос ведет не главный обвинитель союзных держав, а адвокат Пу И, уже перекочевавшего от свидетельского пульта на скамью подсудимых. Кинан сам подбрасывал поленья в костер, который успешно раздувал на протяжении всего допроса экс-император.

Неудивительно, что в этот момент последовала справедливая реплика председателя:

— Мне очень неприятно делать это замечание. Мы, конечно, не судим свидетеля, но мы заинтересованы в том, насколько можем доверять ему. Опасность для жизни, боязнь смерти не являются оправданием трусости или бегства с поля сражения: они также никоим образом не оправдывают измены. Все это утро мы выслушивали оп-

равдания этого человека в его сотрудничестве с японцами. Я думаю, мы слушали достаточно.

Однако Кинан упорствовал, даже не поняв существа сделанного ему замечания:

— Я не заметил, чтобы кого-нибудь судили за преступления, за исключением заключенных японцев, сидящих на скамье подсудимых.

И тут последовала еще одна реплика председателя:

— Очевидно, без ваших наушников вы не слышите всего, что говорят. Я предпослал моим словам замечание, что его не судят, но что мы заинтересованы в том, насколько можем доверять ему. Все эти вопросы поднимут доверие к нему.

Только после этого замечания главный обвинитель союзных держав снова возвратился к своей прямой задаче в допросе экс-императора:

— Помните ли вы, как называлось учреждение, которое должно было создать законы Меньчжурии в то время, когда вы были регентом?

Ответ: Законодательный Юань.

Вопрос: Бывали ли вы на заседаниях этого учреждения, пока вы были регентом?

Ответ: Никогда не было ни одного заседания.

Вопрос: Официальные документы указывают, что вы стали императором Маньчжурии 1 марта 1934 года. Можете сказать нам, какого рода разговоры у вас были на эту тему с японскими должностными лицами до того, как вы стали императором?

Оказывается, японские генералы, если верить Пу И, уверяли его, что статус японского императора таков же, что и статус предполагаемого маньчжурского императора!

И этот наивный человек, уже имевший двухлетний опыт регента-марионетки, опять охотно поверил обещаниям японцев и согласился принять титул императора. Он, разумеется, очень скоро убедился, что снова обманут. Ведь, как известно, легко обмануть того, кто хочет быть обманутым...

Вопрос: Имели ли вы какое-нибудь отношение к формулированию основных законов, которые составлялись для правительства Маньчжурской империи?

Ответ: Согласно этим основным законам я как император пользовался бы правами всякого рода, принадлежащими императору.

Вопрос: Было ли вам разрешено пользоваться законодательной властью Маньчжурии для управления Маньчжурией?

Ответ: Да.

Вопрос: Каким образом пользовались вы законодательной властью в правительстве Маньчжурии?

Ответ: Согласно основным законам предполагалось, что я имею все эти права. Но в действительности я не имел никаких. Тогда условия были таковы, что законы были сами по себе, а действительное положение — само по себе. В то время законы были пустым звуком, и никому из маньчжуров не разрешалось делать что-либо.

Вопрос: Какой властью пользовались вы при назначении каких-нибудь чинов маньчжурской армии?

Ответ: Согласно положениям законов я должен был назначать все военные чины. Но фактически я не мог назначить ни одного.

Вопрос: Было ли вам разрешено давать приказы по армии, касающиеся ее состава, обучения, передвижений или чего-либо подобного?

Ответ: Согласно закону я должен был бы иметь все эти права. Фактически я не имел ни одного.

Вопрос: Дайте показание, было ли положение вещей таким же в отношении финансовых вопросов, связанных с делами Маньчжурской империи?

Ответ: Да, это так. На бумаге, чтобы обманывать народ и весь мир, они представляли Маньчжурию как независимое государство. Но в действительности Маньчжоу-го управлялось Квантунской армией. Все вице-министры были японцами.

Вопрос: Скажите, кто, как правило, возглавлял основные министерства — японцы или китайцы?

Ответ: Министрами были китайцы. Они служили ширмой для японцев, фактически управляющих министерствами. В Квантунской армии был четвертый отдел, который руководил всеми маньчжурскими делами...

И предатель продолжал свою исповедь, за каждым словом которой маячила тень пережитого им страха и унижений:

— Однажды было созвано совещание губернаторов различных провинций. Среди присутствующих был губернатор провинции Синань-Линшэн. На заседании он высказал некоторое неудовольствие позицией японцев. Че-

рез некоторое время мы узнали, что этот губернатор арестован Квантунской армией. После так называемого суда, где его обвинили в заговоре против Манчжоу-го и антияпонских настроениях, он был немедленно расстрелян... Это действие со стороны японцев носило чисто демонстративный характер. Они хотели нам показать, что убили человека за то, что он говорил. Губернатор был моим родственником. Его сын был помолвлен с моей младшей сестрой...

Порой Пу И в самом сокровенном обнажался так бесстыдно, что по-человечески становилось неловко за него: ведь даже для человека, обремененного титулом императора, должен существовать предел падения!

— Теперь о своих родственниках, — продолжал показания Генри Пу И. — Генерал Ёсиока (японский министр двора императора Маньчжоу-го. — *Авт.*) дал мне список родственников, которым разрешалось видеться со мной. Когда я встречался с этими родственниками, японская жандармерия следила за тем, когда они приходят и уходят, и докладывала об этом Квантунской армии. Вся корреспонденция, которая приходила на мое имя от различных друзей, задерживалась и просматривалась японскими цензорами. Генерал Ёсиока на основании инструкций, полученных от генерала Умэдзу, запрещал мне посещать могилы моих предков.

Вопрос: Можете ли вы сказать, что имело место в связи с вашим правом, или привилегией, лечить должным образом вашу жену?

Ответ: Вначале ее лечил китайский доктор, но позднее генерал Ёсиока рекомендовал японского доктора. В то время как ее стал лечить японский доктор, Ёсиока заперся вместе с японским доктором и разговаривал с ним три часа. Болезнь, от которой она страдала, была несерьезной. На следующий день после того как японский доктор стал лечить ее, она умерла. Генерал Ёсиока оставался в нашем доме в ту ночь, и японские жандармы и медицинские сестры в течение всей ночи были очень заняты — очень заняты тем, чтобы давать ему сведения.

Месяцем позднее генерал Ёсиока предложил мне жениться на японской девушке и сказал, что может показать мне много фотографий японских девушек. Открыто я не мог отказаться, я мог только сказать ему, что же-

нюсь лишь на девушке, которую действительно буду любить...

И после этого еще десять лет генерал Ёсиока продолжал выполнять свои обязанности министра двора, ежедневно встречаясь с Пу И, пока 19 августа 1945 года они вместе не попали в руки советских десантников.

Далее Пу И рассказал, как японские империалисты в 1940 году поставили на службу агрессии... даже религию.

— Генерал Умэдзу, следуя желанию японского правительства, вторгся в религиозные основы Маньчжурского государства. Их идеей было закабалить народы всего мира, и они начали этот опыт в Маньчжурии. Под их игом мы потеряли всякие виды свободы, и, как уже говорил, я полностью потерял всю мою личную свободу. Все во мне протестовало против введения японского синтоизма.

Но, к сожалению, это был лишь внутренний протест. В действительности Пу И сам принял синтоистскую веру и призывал народ последовать его примеру.

Вопрос: Добровольно или принудительно проходило внедрение синтоизма?

Ответ: Только принудительно. Закон гласил, что лица, выказывающие неуважение к синтоизму, будут подвергнуты тюремному заключению на срок, превышающий год.

Вопрос: Правильно ли я понимаю, что Маньчжурия, которая была независимым государством по отношению к Японии согласно договору между Японией и Маньчжурией, и вы, император этого государства, не могли придерживаться своей собственной религии, от вас как императора требовали принятия синтоизма и внедрения его в Маньчжурии?

Ответ: Да. Мы не имели свободы, никакой свободы религии.

Вопрос: Имели ли японцы епископа, епископа синтоизма в Маньчжурии?

Ответ: Епископом был генерал Тораносукэ Хасимото.

Вопрос: Занимал ли он в Маньчжурии еще какую-нибудь должность?

Ответ: Он тогда также был вице-председателем бюро советников. Кроме того, прежде он был начальником военной полиции Квантунской армии, а также начальником штаба японской Квантунской армии...

Следует напомнить, что Тораносукэ Хасимото, во взглядах и поступках которого мирно уживались милитарист, жандарм и епископ, был взят в плен вместе с Пу И советскими войсками.

Защита энергично возражала против показаний эксимператора об использовании японцами религии в качестве инструмента агрессии, так как в обвинительном акте об этом не упоминалось.

В ответ на эти возражения адвокатов последовала реплика Кинана:

— Мы приготовились, с разрешения суда, показать при помощи этого свидетеля, что японские военные лидеры планировали распространение религии синто за пределами Японии и намеревались ввести ее во всем Китае и, насколько смогут, в Азии... и не для установления простого контроля над религией, а с целью контроля над душами, желаниями и деятельностью народа... для осуществления своих планов агрессии... используя с этой целью символику божественности действий императора как прямого потомка богини Солнца (имеется в виду один из основных догматов синтоистской веры. — *Авт.*).

Председатель: Хорошо, хотя ответ, может быть, выходит за пределы вопроса, но относится к делу. Он уместен при разборе агрессивной войны, и Трибунал считает его приемлемым.

Возражение защиты отклоняется.

Далее Кинан переходит к вопросам экономической эксплуатации Японией оккупированной Маньчжурии:

— Вы помните какие-либо события особой важности, о которых вы могли бы рассказать Трибуналу?

Ответ: В это время Хосино (один из подсудимых. — *Авт.*) был занят вопросами маньчжурской промышленности и контроля над экономической жизнью. Потери государства Маньчжоу-го от этого были огромны.

Вопрос: Как проводилась эксплуатация? Объясните, каким образом это делалось.

Ответ: Все отрасли хозяйства были поставлены под их контроль. Я имею в виду сельское хозяйство, торговлю, рыболовство, производство электроэнергии и т. д. Все это находилось в руках японцев, и ни одному китайцу не разрешалось принимать участие в этих предприятиях. Следовательно, ни один китаец не занимался этими предприятиями, многие из них обанкротились. Положение

было весьма прискорбным. Они в основном обращали внимание на горную промышленность... Я думаю, это делалось для расширения их военной промышленности.

Вопрос: Сколько было создано крупных специальных японских компаний с этой целью?

Ответ: Было создано примерно 64 специальные компании.

Вопрос: Эти компании имели маленькие, средние или большие капиталы?

Ответ: Капиталовложения этих компаний были огромны, иногда исчислялись миллиардами. Другими словами, их план заключался в том, чтобы Китай обанкротился и чтобы они расширили свое влияние во всех странах.

Вопрос: В то время, когда вы были императором, кто контролировал банки Маньчжурии?

Ответ: Они были также в руках японцев.

Вопрос: Маньчжуры и китайцы могли свободно хранить свои сбережения в банках?

Ответ: Да, они могли хранить свои деньги, но не могли получать кредит в этих банках.

Вопрос: Разрешалось ли китайцам или маньчжурам заниматься торгово-промышленной деятельностью или они должны были иметь на то особое разрешение?

Ответ: Мы не были свободны... нам не разрешалось заниматься торгово-промышленной деятельностью.

Вопрос: Кто давал подобные разрешения маньчжурам и китайцам?

Ответ: Разрешения давались японцами. Так что все было в их руках. Среди директоров центрального банка был один китаец, но у него не было никакой власти.

Вопрос: Это было частью японского плана сопроцветания для Маньчжурии?

Ответ. Да.

Вопрос: Были в Маньчжурии какие-либо монополии, принадлежащие императору?

Ответ: Монополии были, но все они находились в руках японцев.

Вопрос: Где печатались и чеканились национальные маньчжурские деньги?

Ответ: Они печатались и чеканились в Японии.

Вопрос: Кто же контролировал выпуск денег, печатаемых в Японии, как вы заявили, то есть кто контролировал финансовую систему в Маньчжурии?

Ответ: Это также находилось в ведении бюро общих дел Маньчжоу-го, то есть в руках японцев.

За период существования Маньчжоу-го сюда переселилось около шести миллионов японцев, в результате чего коренные жители Маньчжурии были вытеснены со своих земель...

В заключение своих показаний по этим вопросам Пу И рассказывает о системе, которая позволила японцам поставить на службу агрессии даже наркотики.

Легко понять, как все это злило и нервировало не только подсудимых, но и защиту. Добро бы такие показания давал только предатель Пу И. Их еще можно было объяснить его животным страхом перед расплатой. Гораздо опасней было то, что это же подтверждали данные экономической и финансовой экспертизы, проведенной по заданию обвинения и принятой Трибуналом в качестве доказательства.

Да что там экспертизы! В свое время, когда успех пьянил японскую верхушку, обо всех этих делах трубила японская печать. Например, журналист Исихара в 1936 году писал, что в Маньчжурию, сразу после ее оккупации, хлынули представители японских монополий для переговоров с Квантунским штабом: «Их приехало множество, и каждый в отдельности думал, что он опередил своих соперников, привезя наиболее выгодные для штаба предложения. Не поддается учету сумма преподношений и поощрительных взносов, которая была выплачена чиновникам штаба в надежде на то, что они помогут компаниям занять ведущее или даже абсолютное место в будущем маньчжурском военно-промышленном комплексе».

А в третьем номере сборника «Тохо хёрон», увидевшем свет в 1940 году, была даже опубликована первая программа экономического развития Маньчжоу-го, составленная японскими советниками. В ее преамбуле торжественно провозглашалось, что «благодаря экономическому сотрудничеству между Маньчжоу-го и Японией все ресурсы будут использованы для укрепления этого сотрудничества... Главнейшие отрасли промышленности, имеющие оборонный характер, должны находиться в ведении или под контролем государства, здесь будут созданы специальные компании».

Разумеется, речь шла о Японии и ее монополиях. Так,

Сэйити Осима в своей книге, изданной в Токио в 1938 году, писал, что японскому правительству удалось вовлечь в строительство маньчжурского военно-промышленного комплекса 2348 японских компаний. Двадцать три из них владели больше чем пятьюдесятью процентами всех капиталов, вложенных в этот комплекс. Это дало возможность наметить план развития военной экономики в Маньчжурии на 1937—1941 годы. За указанный период предполагалось выплавить 5 миллионов тонн чугуна, 3,5 миллиона тонн стали, добыть 38 миллионов тонн угля, построить электростанции мощностью 2,6 миллиона киловатт, произвести 2 миллиона тонн синтетической нефти, добыть золота на 300 миллионов иен. Цифры по тем временам сами по себе довольно внушительные. Наконец, план предусматривал серийное производство танков, бронемашин, военных катеров, а также сборку самолетов и автомобилей, произведенных в Японии.

Вся программа в целом отличалась четкой целью: обеспечить миллионную японскую армию в Маньчжурии всем необходимым для большой войны против Китая и СССР...

Да, в главном и основном Пу И говорил суду правду. Именно это вызывало ярость подсудимых и защиты. Естественно, что они не могли выслушивать спокойно то, что говорил Пу И о превращении марионеточного государства Маньчжоу-го в плацдарм войны против СССР и о бесчеловечном обращении японцев с китайскими рабочими:

— Их обращение с китайскими рабочими было просто-напросто ужасным. Больным рабочим не давали лекарств, они получали очень бедные жилища. Порой их строго наказывали. Пища, которая им ежедневно выдавалась, была количественно недостаточна и качественно почти несъедобна. Они пользовались людской силой Маньчжурии и ресурсами Маньчжурии, чтобы сделать из Маньчжурии базу для своего арсенала. Цель заключалась только в подготовке японского вооружения.

Вопрос: Обращались ли с китайцами и маньчжурами, с одной стороны, и с японцами, с другой, одинаково или существовало неравенство? Если да, то в чем оно выражалось?

Ответ: О равенстве нельзя говорить, его не было. В лучшем положении всегда были японцы, потом шли

корейцы и, наконец, китайцы. Вся система распределения пайков основывалась на этом неравенстве. Жалованье, получаемое японскими вице-министрами в различных министерствах, было гораздо выше, чем даже у китайских министров.

Вопрос: Пожалуйста, скажите нам, что вы знаете о японских военных приготовлениях в Маньчжурии?

Ответ: Эти японские военные приготовления считались чрезвычайно секретными, и они никогда и ничего не говорили мне об этом. Судя по карте, которая показывает, что японцы построили железные дороги в северной и восточной части Маньчжурии, я заключаю, что они вели военные приготовления... Советский Союз не имел агрессивного плана против Маньчжурии. Есть несколько примеров, которые я могу вам привести, доказывающих это положение. Когда генерал Уэда был в Маньчжурии и командовал Квантунской армией, японская армия в Чжанкуфэне (то есть на Хасане. — *Авт.*) бросила вызов русской армии. Японцы хотели испытать силу русской армии, в результате чего и были разбиты. После поражения японской армии вопрос был решен без всяких условий, на месте. Если бы Советская Россия имела какие-нибудь территориальные притязания, она могла бы пройти дальше и военные действия не прекратились бы...

Может быть, хоть в области внешней политики Маньчжоу-го обладало какими-то элементами суверенитета? Чтобы ответить на этот вопрос, можно обойтись и без показаний Генри Пу И. На одном из заседаний Трибунала обвинитель Сэккет положил на стол судей три документа.

13 ноября 1937 года командующий Квантунской армией направил совершенно секретную телеграмму товарищу военного министра и заместителю начальника генерального штаба. Как известно, Япония, Италия и Германия в 1936 году заключили агрессивный «антикоминтерновский пакт». Так вот, в указанной телеграмме обсуждалась целесообразность приобщения к этому союзу Маньчжурии. «Я полагаю, — писал командующий Квантунской армией, — что при настоящих обстоятельствах было бы очень своевременно заставить Маньчжоу-го присоединиться к указанному пакту... В случае если у вас нет особых возражений, мы бы хотели, чтобы Маньчжоу-го начала свою дипломатическую деятельность в этом направлении».

Это предложение мотивировалось, в частности, и тем, что такое присоединение помогло бы добиться международного признания государства Маньчжоу-го.

Как видим, командующий Квантунской армией неплохо разбирался в существе политики «дальневосточных мюнхенцев»: он не без оснований полагал, что присоединение маньчжурского режима к «антикоминтерновскому пакту» конечно вызовет одобрение некоторых западных государственных деятелей.

Но если японские военные торопились, то японские дипломаты действовали в том же направлении медленнее, зато последовательнее.

Об этом свидетельствует вторая телеграмма от 15 мая 1938 года командующего Квантунской армией в японское военное министерство. Ссылаясь на свою первую телеграмму, приведенную выше, командующий указывает: «Теперь, когда договор о дружбе между Маньчжоу-го и Германией подписан и дипломатические отношения между двумя странами установлены... необходимо, чтобы Маньчжоу-го присоединилась возможно скорее к «антикоминтерновскому пакту».

И наконец 24 мая 1938 года военное министерство дает фактическому хозяину Маньчжурии — командующему японской оккупационной армией долгожданный положительный ответ: «Мы считаем, что будет лучше, если Маньчжоу-го формально будет просить о вступлении в пакт по собственному желанию, а Япония окажет ей в этом помощь...»

Одни огорчения доставили защите и показания бывшего помощника японского генерального консула в Мукдене Морисима. Он показал: «В марте 1932 года было создано марионеточное правительство во главе с Пу И.

В Маньчжурии не было никакого общественного движения за установление независимого правительства. Это движение финансировалось и создавалось Квантунской армией и «советом по руководству самоуправлением», который был создан опять-таки Квантунской армией. Все ответственные посты в марионеточном правительстве занимали японцы, отобранные для этой цели Квантунской армией.

После организации марионеточного правительства провинции Жэхэ и Внутренняя Монголия попали под его влияние. Но это оказалось неэффективным, так как ни

правительство, ни население провинции Жэхэ не поддержали такое решение. Когда Квантунская армия поняла это и то, что изгнанное правительство Чжан Сюэ-ляна продолжает существовать в Жэхэ, она начала оккупацию Жэхэ и силой присоединила ее к марионеточному режиму. Это марионеточное правительство просуществовало под руководством и контролем Квантунской армии до 1945 года. В сентябре 1932 года Япония официально признала независимость этого правительства. Этот жест ни в коей мере не изменил контроль и руководство этого правительства Квантунской армией».

Без всякого удовольствия смотрели представители защиты на экран, когда по требованию обвинения в зале суда демонстрировался звуковой фильм «Критический период Японии», выпущенный в 1933 году по заказу и с санкции военного министерства в Токио. Этот фильм наглядно подтверждал поистине глобальные агрессивные намерения японской правящей верхушки тех лет.

В частности, дикторский текст гласил:

«Сейчас Маньчжурию называют нашей жизненной линией, но это не является жизненной линией в том смысле, что она могла бы удовлетворить все аппетиты. Наша главная линия, как мне кажется, заключается в том, чтобы создать там рай с учетом благородного духа японской расы, духа японской нации и духовной культуры Азии. С этой целью Япония должна взять руководство в свои руки и организовать государство (подразумевается Маньчжоу-го. — *Авт.*) на основе японского духа, японской морали и японской культуры, которые представляют весь Восток» (а на экране несколько раз проецируются слова: «Свет грядет с Востока! Свет грядет с Востока!» — *Авт.*).

Самое же неприятное было то, что весь фильм фактически являлся экранизацией речи тогдашнего японского военного министра, а впоследствии военного преступника и подсудимого Садао Араки. Дикторский текст лишь дублировал эту речь, а ее автор в парадной генеральской форме то и дело мелькал на экране. И как кощунственно в зале суда звучали слова о свете, грядущем с Востока, после всего, содеянного Японией с 1928 по 1945 год!

Да, позиции защиты при допросе Генри Пу И были явно безнадежны, и все же адвокаты пробовали контратаковать, но, разумеется, не факты, изложенные экс-императором и подкрепленные неоспоримыми доказательства-

ми, а его личность. Они стремились доказать то, что было уже предельно ясно: отсутствие у Пу И моральных устоев, его политическую беспринципность, переросшую в прямую измену своей родине.

Ведущим в этой атаке был американский адвокат майор Блэкни. Вот один из примеров того, как наносил он свои удары в ходе процесса:

— Платили ли вам регулярно четыре миллиона долларов до того времени, когда вас вновь пытались возвести на трон?

Ответ: Предполагалось, что эта сумма будет нам выдаваться, но правительство находилось в финансовых затруднениях. Поэтому нам платили неаккуратно. Время от времени нам давали несколько сот тысяч долларов, а однажды — миллион.

Вопрос: Продолжалось ли это и после вашего вторичного свержения с престола?

Ответ: Да.

Председатель: Чего вы стараетесь добиться, майор Блэкни?

Майор Блэкни: Я надеюсь показать характер мышления этого свидетеля, сэр. Я пытаюсь показать, что он хотел найти возможность вернуться на трон, старался создать эту возможность и в конце концов использовал ее.

— Вы хотите доказать несостоятельность предположения о принуждении? — резонно заметил председатель.

— Да, сэр,— ответил майор Блэкни и продолжал развивать ту же тему.

Но и сам Пу И тоже не промах. Он твердо стоял на своей главной позиции. Да, заявлял экс-император, я не герой и поэтому стал жертвой принуждения, жертвой страха, который все объясняет, все оправдывает. И на очередной вопрос адвоката, почему он согласился играть ту роль, которую фактически был не в состоянии сыграть, Пу И заявил:

— Я уже ответил. По-моему, вам мало поможет, если вы будете продолжать задавать мне один и тот же вопрос... Меня угнетали все последние десять лет. Конечно, я хотел бы рассказать моим друзьям и широким массам публики обо всем, что пережил. Я уже дал вам ответ. Может быть, вам это и не понравится, вы как защитник, конечно, хотели бы исказить правду, но я заявляю, что все, что я сказал, правда.

— Я думаю, что ваша цель — не получить информацию, а подорвать доверие к свидетелю,—сказал председатель, обращаясь к Блэкни.

Майор Блэкни: Могу я объяснить мои намерения в этом случае?

Председатель: Да, я хотел бы узнать о них.

Майор Блэкни: Основной смысл всех показаний этого свидетеля сводится к тому, что он был королем поневоле. Через все его показания красной нитью проходит утверждение, будто все, что он сделал, было сделано по принуждению. Конечно, если мы сумеем доказать отсутствие принуждения, если мы сумеем разоблачить этого свидетеля, показать, что он действовал по собственной воле, то вся его система будет разрушена...

Так умный и высококвалифицированный адвокат Блэкни делал вид, что не понимает простой истины: в каком бы непривлекательном виде не обрисовала защита Пу И как человека, это не «разрушало его систему». Ибо она отражала неопровержимый исторический факт — чисто марионеточный характер государства Маньчжоу-го, территория которого была превращена Японией в плацдарм агрессии против СССР и Китая.

Но проследим за дальнейшими атаками Блэкни. Это поможет кое в чем дополнить портрет предателя Пу И. Итак, адвокат задал очередной вопрос:

— Свидетель, до вашей встречи с полковником Итагаки посылали ли вы когда-нибудь Ло Гэнь-юя или какого-нибудь другого советника к нему или к другому японцу для обсуждения вопроса о предоставлении вам регентства или маньчжурского престола?

Ответ: Это просто смехотворно. В то время не существовало ничего похожего на монархию. Существовало только временное правительство. А что касается личных взглядов Ло Гэнь-юя, то я к ним никакого отношения не имею.

— Мне кажется,— нажимает Блэкни,— что вы не поняли вопроса. Повторяю его. Говорил вам полковник Итагаки или не говорил, что он пришел к вам потому, что Ло Гэнь-юй сказал ему, что вы хотите его видеть для обсуждения этого вопроса?

Ответ: Я не знаю, что Ло Гэнь-юй сказал Итагаки. У меня никогда не было намерений восстановиться на престоле. Это все было сделано по инициативе Итагаки.

Вопрос: Говорил вам это полковник Итагаки или нет?

— Не помню,— уклончиво отвечает Генри Пу И...

Тем временем Блэкни припирает экс-императора к стенке, стремясь доказать, что он был предателем не по принуждению, а по призванию. И надо сказать, делает это не безуспешно:

— Значит, если Ло Гэнь-юй и сказал это Итагаки, вы не уполномочивали его делать такое заявление. Верно ли это?

— Я ничего не знаю о том, что говорил Ло Гэнь-юй, — растерянно отвечает экс-император.— Конечно, нужно признать, что такие люди, как Ло Гэнь-юй и Чжэнь Сюэ-сю, были старомодными китайцами. Они работали при старых монархах, и взгляды их были старые. Нельзя считать, что то, что они говорили, отражало мои взгляды. Их взгляды значительно отличались от моих.

Теперь Блэкни начинает раскрывать свои карты:

— Не является ли фактом, что после сентября 1931 года и до вашего разговора с генералом Итагаки вы написали одно или несколько писем к высокопоставленным японским чиновникам, указывающих на вашу готовность принять трон в Маньчжурии?

— Нет,— не совсем уверенно отвечает Пу И.

Председатель: Я полагаю, что вы представите эти письма или объясните их отсутствие? Этот вопрос обращен непосредственно к вам, майор Блэкни.

Майор Блэкни: Письма будут представлены, сэр.

Теперь Блэкни переходит к периоду второй мировой войны.

— Заявляли ли вы во время войны на Тихом океане японским чиновникам о вашем желании объявить войну Англии и Америке? — снова пикирует он на Пу И.

Ответ: Нет.

Вопрос: Разве вы не заявляли им неоднократно, что вы надеетесь, что Япония выиграет войну на Тихом океане?

Ответ: Как я уже много раз вам говорил, когда я прибыл в Маньчжурию, я был связан по рукам и ногам и не имел возможности выражать свое мнение. Все, что я говорил, подготавливалось японцами. После того как прибыл в Маньчжурию, я потерял личную свободу, физическую свободу. Если бы я сопротивлялся этому порабощению, меня здесь не было бы для дачи показаний.

Вопрос: Разве вы не доходили до того, господин свидетель, что, несмотря на возражение японцев, настаивали на том, чтобы ваши медали были сняты с вашей груди и посланы в Японию, где их могли бы использовать как куски металла на заводах военного снаряжения?

— Нет, я никогда не срывал своих медалей с груди,— явно оправдывается Пу И.

А Блэкни успешно продолжает наступление, правда, как и раньше, вдалеке от цели, к которой стремится:

— Я хочу попросить вас вспомнить интервью, которое вы дали журналисту мистеру Вудхеду в вашем дворце в Синьцзипе в 1932 году. Говорили вы тогда следующее: «История о том, что меня похитили из Тяньдзиня и привезли в Порт-Артур, нелепа. Ничего подобного не было».

— В то время, когда я имел беседу с мистером Вудхедом, я был почти в пасти тигра и совершенно не имел свободы слова, — произносит окончательно сникший Пу И. — Что бы я ни говорил, все было сказано за меня, по существу, полковником Итагаки. Конечно, когда я произносил эти слова, то очень страдал в душе, но, с другой стороны, я думал, что эти слова могли быть некоторого рода контрпропагандой, при помощи которой я мог бы войти в доверие к японцам...

Вот к какой нелепости приводит порой упорное отрицание очевидного!

Затем, отвечая на вопросы Блэкни, Пу И подробно рассказал, как после вступления СССР в войну министр его двора Ёсиока силой заставил экс-императора вместе с семьей покинуть Синьцзин, где он тогда находился, и отправиться в Токио, предварительно подписав, неизвестно для чего, акт об отречении от маньчжурского престола, который номинально числился за ним одиннадцать лет. Пу И и его семью сопровождали Ёсиока и Хасимото.

— Цель моей отправки была в том, чтобы заставить меня и мою семью молчать, убив всех нас, так как японцы уже знали, что освобождение Маньчжурии началось. Генерал Ёсиока сказал мне также, что если со мной что-нибудь случится в Японии, японское правительство не признает себя ответственным.

В этом Пу И можно поверить: японские военные преступники могли не ограничиться уничтожением документальных свидетельств своих гнусных действий. Им ниче-

го не стоило убить такого важного и неприятного для них свидетеля, как экс-император.

Однако, как уже известно, самолет Пу И перед самым взлетом был захвачен на Мукденском аэродроме советскими десантниками. Экс-императора перевезли в Хабаровск, а затем по требованию союзного обвинения доставили в Международный военный трибунал для допроса.

Успешно доказав, что свидетель Генри Пу И по трусости готов на все, Блэкни стремился уверить Трибунал, что показания этого свидетеля здесь, в Токио, тоже продиктованы страхом. Но при этом, как и раньше, адвокат в своих вопросах даже косвенно ни разу не коснулся марионеточного характера государства Маньчжоу-го и его роли в качестве плацдарма для дальнейшей японской агрессии на Азиатском континенте.

Вопрос: Вы прибыли в Токио под охраной?

Ответ: Да.

Вопрос: Не думаете ли вы, что вас будут где-нибудь судить как военного преступника?

Кинан: С разрешения суда, Обвинение возражает против этого вопроса, ибо он абсолютно не имеет отношения к настоящему процессу и выходит за рамки перекрестного допроса.

Председатель: Это все равно что просить его обвинить самого себя. Возражение поддерживается.

Вопрос (к свидетелю): Знаете ли вы, что китайское правительство намерено судить вас как преступника за сотрудничество с японцами?

После возражения обвинения Трибунал также снимает этот вопрос как несущественный.

И Блэкни ставит последний вопрос свидетелю:

— Является ли что-либо из того, что вы здесь показали, результатом угроз по вашему адресу или каких-либо обещаний вам?

Ответ: Мне ничем не угрожали и ничего не обещали. Я говорю правду.

Затем майора Блэкни сменяет у пульта тоже американский адвокат капитан Клейман, он продолжает линию своего предшественника.

— Когда вы впервые появились в Трибунале, сопровождали ли вас два советских охранника?

Кинан: Господин председатель, уже признано всеми, не исключая и этого способного защитника, что свидетель

был в плену у советского правительства, прибыл сюда для дачи показаний на суде и сопровождается советской охраной. Я возражаю против дальнейших вопросов по этому поводу. Это только трата времени, не приносящая пользы суду.

Капитан Клейман: Но его ответ мог бы быть существенным для выяснения того, не дает ли он свои показания по принуждению.

Председатель: Вы начинаете повторяться. Нам уже известно все, что касается его заключения. Возражение поддерживается.

Однако Клейман не успокаивается:

— Просили ли вы у державшего вас в плену советского правительства или у международной секции Обвинения этого Трибунала, чтобы вам разрешили дать показания перед Трибуналом?

Ответ: Обвинение пригласило меня быть свидетелем на этом процессе.

Вопрос: Сообщили вам, что может быть, если вы откажетесь давать показания перед этим Трибуналом?

Ответ: Это смешно. Конечно, я пришел сюда давать показания по своей собственной воле.

— Все это совершенно бесполезно,— следует ироническая реплика председателя.— Я решаюсь заметить, что теперь положение изменилось много к худшему для обвиняемых, чем тогда, когда допрашивал майор Блэкни...

На этом закончились показания экс-императора за свидетельским пультом.

В результате перекрестного допроса Генри Пу И предстал перед Трибуналом как личность весьма неприглядная. Ведь это его именем и короной и с его согласия японцы прикрывали долгие тринадцать лет свои многочисленные преступления против тридцатимиллионного маньчжурского народа. Но защита — и это основное —так и не смогла опорочить сущность показаний свидетеля обвинения Генри Пу И.

Итак, допрос закончился. Но дальнейший жизненный путь трижды экс-императора так своеобразен, что о нем стоит рассказать.

Доставленный из Токио обратно в СССР, Пу И провел несколько лет в советских лагерях для военнопленных. Когда же была создана Китайская Народная Республика, его передали властям той страны, где он совершал много-

численные и тяжкие преступления. Находясь в заключении, Генри Пу И не без основания решил, что его скользкая и пестрая жизнь может послужить темой для книги, и засел за мемуары. В результате родилась его книга «От императора до гражданина».

В середине шестидесятых годов Пу И оказался на свободе и на пороге седьмого десятка жизни снова попал в полосу необыкновенных метаморфоз. Мемуары экс-императора понравились Мао Цзэ-дуну. В канун «культурной революции» они появились на полках китайских книжных магазинов. Сам экс-император был введен в состав Всекитайского консультативного совета...

Какую же оценку в приговоре дал Международный военный трибунал доказательствам, добытым судебным следствием по поводу так называемого маньчжурского вопроса?

Раздел приговора «Маньчжурия — «жизненная линия» Японии» начинается следующим утверждением:

«Установлено, что в течение всего периода, охватываемого доказательствами, представленными Трибуналу, намерение вести войну против СССР было одним из основных элеменов военной политики Японии.

Военная партия Японии была полна решимости оккупировать дальневосточные территории СССР, так же как и другие части Азиатского континента. Хотя Маньчжурия (в состав ее входили три северо-восточные провинции Китая.— *Авт.*) привлекала своими естественными богатствами, возможностью экспансии и колонизации, ее захват был так же желателен, как обеспечение плацдарма в планировавшейся войне против СССР».

В другом разделе приговора — «Маньчжурия как плацдарм против СССР» — эта же мысль формулируется короче и еще категоричнее:

«Захват Маньчжурии в 1931 году обеспечил базы для нападения на СССР на широком фронте с целью захвата всего советского Дальнего Востока».

Применение Трибуналом в отношении Маньчжурии таких терминов, как «захват», «экспансия», «колонизация», «плацдарм против СССР», показывает, что суд правильно расценил показания Пу И, а также доказательства, подтверждавшие чисто марионеточный характер государства Маньчжоу-го и его истинное назначение.

Каковы же были эти другие доказательства, кроме тех, о которых уже упоминалось?

Доказательства эти детально изложены в приговоре:

«Еще в 1924 году решительный сторонник внешней экспансии Японии Окава указывал на оккупацию Сибири как на одну из целей Японии.

В 1933 году подсудимый Араки, тогда военный министр, открыто призывал на совещании японских губернаторов: «Япония должна неизбежно столкнуться с Советским Союзом. Поэтому Японии необходимо обеспечить себе путем военного захвата территории Приморья, Забайкалья и Сибири».

Свидетель Торасиро Кавабэ, который был в то время офицером генерального штаба, показал, что план войны против СССР, разработанный в 1930 году, когда подсудимый Хата был начальником первого управления генерального штаба, предусматривал военные операции против СССР на советско-маньчжурской границе. Это было до оккупации Маньчжурии Японией.

Подсудимые Минами и Мацуи также подтвердили перед Трибуналом, что Маньчжурия рассматривалась как военный плацдарм, необходимый Японии в случае войны с СССР.

Наконец Юкио Касахара, японский военный атташе в Советском Союзе, в секретном докладе, представленном генеральному штабу весной 1931 года, высказывался за войну с СССР и писал о ее целях следующее: «...Мы должны продвинуться по крайней мере до озера Байкал... Если мы остановимся на линии озера Байкал, империя должна будет решиться и быть готовой рассматривать дальневосточные провинции, которые она захватит, как часть собственной территории империи...»

При перекрестном допросе свидетель Касахара, признав подлинность этого документа, показал, что он предлагал генеральному штабу как можно скорее начать войну против Советского Союза и рекомендовал увеличить вооружение, чтобы быть готовыми к войне в любой момент. Весной 1931 года Касахара был переведен в генеральный штаб, где занимал пост начальника русского отдела второго управления. 15 июля 1932 года, вскоре после этого назначения, Касахара через подполковника Канда послал сообщение Торасиро Кавабэ, который был в то время военным атташе в Москве, по поводу важного ре-

шения генерального штаба: «...Подготовка (армии и флота) завершена. В целях укрепления Маньчжурии война против России необходима Японии».

Во время перекрестного допроса свидетель Касахара объяснил, что в генеральном штабе «между начальниками отделов и отделений существовала договоренность, что подготовка к войне с Россией должна быть завершена в 1934 году».

Несколько позже будет показано, что планы агрессии против СССР ежегодно составлялись и уточнялись японским генеральным штабом вплоть до 1943 года, хотя в апреле 1941 года Япония подписала с СССР пакт о нейтралитете.

Планам этим, как известно, не суждено было осуществиться, и отнюдь не по воле японских агрессоров.

ОДИН ИЗ СЕМИ «МУЧЕНИКОВ»

К 1935 году первая задача, поставленная заговорщиками, оказалась решенной: маленькая островная Япония создала на Азиатском континенте гигантский плацдарм, охватывавший Маньчжурию, Внутреннюю Монголию и Северный Китай. Эти огромные территории с их человеческими и природными ресурсами, попав в руки Японии, могли использоваться и были использованы для подготовки будущей агрессии.

Многие высокие государственные и военные деятели приложили руку к этому грязному делу. Одни из них активно участвовали во всем происшедшем (генералы Хондзё, Минами, Умэдзу, Тодзио, полковники Хасимото и Доихара), другие (в первую очередь следует назвать членов Тайного совета — министров и премьеров Окада, Сайто, Гото, Коноэ, а также министра — хранителя печати маркиза Кидо) благословляли военных и сочувствовали их действиям. Некоторые из перечисленных лиц попали затем на скамью подсудимых, другие судорожно ухватились за свидетельский пульт и удержались там, а кое-кто просто вовремя умер.

На первом этапе заговора его подлинной закулисной рабочей пружиной стал человек, который всегда в решительный момент оказывался в самой гуще событий,— Кэндзи Доихара. Человек этот вплоть до конца второй мировой войны был весьма удачлив. В 1928 году, в день гибели Чжан Цзо-линя, он еще скромный полковник в скромной роли адъютанта генерала Нанао. Прошло всего тринадцать лет, и на груди Доихара засверкали многочисленные ордена, в их числе наиболее почитаемые в Японской империи орден «Священное сокровище» всех пяти степеней, ордена «Тигра», «Золотого коршуна», «Двойных лучей восходящего солнца». Плечи же этого любимца фортуны украсили эполеты полного генерала. Для япон-

ской армии такой темп продвижения по службе был большой редкостью. Но этому имелись веские причины.

Однако, как говорится, ничто не вечно под луной. Успехи, которые не так давно радовали и бодрили Доихара, оказались совсем некстати, когда он попал в столь знакомый ему пышный зал японского военного министерства и оказался перед лицом одиннадцати судей, важно восседавших на фоне национальных флагов своих стран. Со старым, уютным довоенным миром, где Кэндзи Доихара чувствовал себя как рыба в воде, произошло что-то страшное и непоправимое. Столпы Страны восходящего солнца — на скамье подсудимых, а в судейских креслах в числе других — подумать только! — китаец, индиец, новозеландец и даже филиппинец. «Пигмеи решают судьбу гигантов,— подумал Доихара и постарался придать своему бесстрастному обычно лицу непроницаемость каменного изваяния.— Пусть убедятся, каков настоящий самурай в дни неудач и испытаний!»

В далеком 1913 году молодой кадровый офицер, разведчик Кэндзи Доихара прибыл в Китай и провел там к началу маньчжурских событий 18 лет. Упорный, трудолюбивый и весьма способный службист, Доихара обладал еще одним бесспорным достоинством — полным отсутствием моральных устоев, что, как известно, высоко ценится в разведках некоторых стран. Одаренный лингвист, Доихара быстро стал полиглотом, свободно владел тринадцатью языками, в том числе почти всеми европейскими, в совершенстве знал китайский и монгольский. К тому же он досконально изучил Китай и его политических деятелей.

Невысокий, полный, с большой головой, посаженной на широкие плечи, он всегда стригся коротко, под машинку. Это еще более подчеркивало ширину лба и крупные, слегка оттопыренные уши. Мясистый нос, узкий у переносицы, книзу резко расширялся. Круто вырезанные ноздри придавали лицу хищное выражение. Из-под небольших приподнятых бровей на собеседника смотрели умные, глубоко посаженные, внимательные глаза, в которых время от времени загорались хитрые огоньки.

Улыбался он одними губами, обнажая неровные зубы. Природа наделила Доихара отличной головой и на редкость жестоким, холодным сердцем, в котором не оказалось даже самого малого местечка для человечности.

Жизнь других людей для Кэндзи Доихара была не более чем разменной монетой в крупной игре, которую он вел десятилетиями. Мог ли он, находясь у истоков власти и могущества, хоть на миг предположить, что последней ставкой в этой игре окажется его собственная большая, коротко остриженная голова? Подобное предположение было просто нелепым для жизнелюбивого Доихара, умевшего и крепко поработать, и изрядно выпить, и вдосталь пожуировать.

Долгие годы Доихара был талантливым представителем Японии в «борьбе умов», как иногда называют соревнование разведок различных стран. Успех, казалось, являлся его постоянным спутником, а у победителей, как известно, много друзей. И не случайно, что Доихара был весьма популярен и авторитетен в кругах японской правящей элиты.

В первые месяцы Токийского процесса видный ученый-юрист советский обвинитель С. А. Голунский дал в одном из своих публичных выступлений такую характеристику этому подсудимому:

«Генерал Доихара, прозванный японским Лоуренсом *, специализировался по шпионской и подрывной деятельности против СССР и Китая. Он был организатором взрыва поезда Чжан Цзо-линя, он организовал вывоз из Китая последнего представителя императорской династии Пу И, чтобы сделать из него марионеточного императора захваченной японцами Маньчжурии. Доихара в течение многих лет занимался вербовкой предателей в Северном Китае, инсценируя там автономистские движения и организуя всякого рода марионеточные режимы».

Итак, на извилистых тропах разведки успех, как тогда казалось, был постоянным спутником японского Лоуренса. Однако теперь, когда изучена во всех деталях жизнь выдающегося советского разведчика Рихарда Зорге, некоторые биографы утверждают, что пути Зорге и Доихара пересекались дважды... и оба раза эти встречи заканчивались не в пользу японского генерала.

...Стояло невыносимо жаркое токийское лето 1934 года. Рихард Зорге находился в Японии уже около года, успев стать близким и неразлучным другом военного атта-

* Лоуренс — один из крупнейших английских шпионов, мастер угодных Лондону заговоров и переворотов.— *Прим. авт.*

ше, а в дальнейшем гитлеровского посла в Токио генерала Отта. И вот однажды Отт решил сделать своему другу сюрприз — преподнес ему пригласительный билет на прием в академии японского генерального штаба по случаю выпуска нового отряда штабных офицеров. По традиции на таких приемах присутствовала вся армейская элита: ведь когда-то каждый из ее представителей тоже выходил на широкую дорогу из стен этой академии. Отт не без основания считал, что участие в подобном торжестве, возможность личного знакомства с видными японскими генералами будут очень полезны его другу Рихарду, который совсем недавно аккредитован в японской столице в качестве корреспондента германских газет.

Вот там-то и состоялись встреча и знакомство Зорге с Доихара, их короткий светский разговор. Но у Рихарда Зорге было явное преимущество: он хорошо знал, кто такой Доихара. Что касается японского генерала, то последний был убежден, что ведет беседу с немецким корреспондентом, представляющим солидные органы нацистской печати. Только много лет спустя, когда Рихард Зорге был арестован, Доихара, вероятно, вспомнил, что в стенах академии генерального штаба еще в 1934 году вел непринужденный, светский разговор с шефом советской разведки в Японской империи. Такие просчеты во всех странах засчитываются контрразведчикам как поражение.

О втором эпизоде, связанном с именем Рихарда Зорге, Доихара, надо полагать, так никогда и не узнал. В 1937 году генерал летел из Токио в Китай. Его случайной спутницей оказалась очень привлекательная, со вкусом одетая молодая дама. Доихара, неравнодушный к женским прелестям, стал напропалую ухаживать за ней и очень жалел, что его спутница летит в Шанхай, а ему по делам службы необходимо в другой город. Прощаясь, Доихара назвал свое имя. Случайной спутницей его была Анна Клаузен, жена Макса Клаузена, соратника и радиста Рихарда Зорге. Она везла в Шанхай для передачи в дальнейшем советскому разведывательному центру фотокопии секретных японских документов, которые с огромным трудом удалось добыть группе Зорге.

Но если бы даже, находясь на скамье подсудимых, Доихара узнал об этом малоприятном для него эпизоде, он бы нисколько не огорчился: в годы Токийского про-

цесса его тяготило только одно — прошлые успехи. Здесь, в здании, где когда-то японские генералы решали судьбы мира, Трибунал определял теперь их собственную судьбу, и прошлые успехи подсудимых квалифицировались как тягчайшее международное преступление, как ступень к эшафоту. Если бы умный и дальновидный Доихара мог предвидеть такое, скажем, лет на пятнадцать раньше! Но тогда он не был бы Кэндзи Доихара, избранным сыном и адептом Японской империи двадцатых — тридцатых годов нашего века.

...Это произошло давно, утверждает народное предание, тогда, когда в Париже, на Грэвской площади, преступникам еще рубили публично головы. Однажды совершалась очередная казнь. На эшафоте стоял преступник, уличенный в тягчайших преступлениях и не помышлявший о раскаянии, хотя его полностью изобличили во всех совершенных грехах. По старому доброму обычаю, палач, прежде чем приступить к делу, разрешил этому человеку обратиться с последним словом к народу, заполнившему площадь. Смертник был немногословен: «Главное, друзья мои, никогда и ни в чем не признавайтесь!»

Эти слова — не только юмор висельника. В них была и своя преступная логика: какой смысл в признании, когда человек совершил множество гнусных преступлений, каждое из которых карается только смертью? Смягчить наказания оно уже не может! Облегчить собственную совесть? Но ведь она давно потеряна! Полное же отрицание всего, каким бы смешным и нелепым оно ни выглядело на суде, оставляет хоть тень надежды. Ведь, как известно, утопающий хватается за соломинку.

Схватился за соломинку и Доихара, окруженный непроницаемой стеной веских улик. На вопрос председателя Трибунала, признает ли он себя виновным, Доихара нагло и категорически ответил: «Нет». Впрочем, здесь Доихара не был оригинален: все подсудимые избрали позицию полного отрицания своей вины, но каждый из них при этом действовал по-своему.

Слышали ли когда-нибудь японский Лоуренс и его сообщники рассказанное нами старое предание или, попав на скамью подсудимых, интуитивно выбрали именно такую линию поведения? Это не имеет ровно никакого значения ни для истории, ни для нас с вами, читатель. Интересно другое. Токийский процесс длился два с поло-

виной года. И только один раз за все это время в зале суда раздался голос Кэндзи Доихара, когда он произнес несколько слов, отрицая свою вину. Разумеется, в ходе судебных заседаний он вполголоса переговаривался иногда с соседями по скамье подсудимых, иногда со своими адвокатами. Но официально ни он к суду, ни суд к нему больше не обращались. Говорили, действовали только его адвокаты. И здесь Доихара тоже был не одинок. Еще восемь обвиняемых из двадцати пяти избрали молчание на суде главной линией своего поведения. Это бывшие премьер-министры Хиранума и Хирота, бывший вице-премьер-министр и министр финансов Хосино, бывший министр иностранных дел и посол в разных странах Сигэмицу, а также генералы — бывший военный министр Хата, бывший начальник одного из бюро военного министерства Сато, бывший член Высшего военного совета и заместитель военного министра Кимура и, наконец, тоже бывший заместитель военного министра, ранее командующий Квантунской армией, Умэдзу.

Как могло случиться такое, будет рассказано чуть позже.

Итак, мы уже знаем, что на первом этапе заговора против мира в 1928—1935 годах Кэндзи Доихара действовал весьма энергично. Но его почему-то мало беспокоит именно этот первый этап. Ну, участвовал в убийстве старого хунхуза Чжан Цзо-линя, ну, устроил небольшой взрыв на Южно-Маньчжурской железной дороге и тем дал повод к оккупации Маньчжурии, ну, содействовал восшествию на престол ублюдка Пу И, наконец, немало сделал, организуя марионеточные режимы в Северном Китае. Все это верно и, главное, доказано. Однако все это относится к его деятельности в разведывательной службе, а с позиций государственного масштаба он тогда не был фигурой первого плана. Но даже не это является решающим. Кэндзи Доихара глубоко убежден: за то, что он делал до 1936 года, большинство судей не отправят его на эшафот. Ведь с тем, что он совершал, безропотно мирились все эти годы те государства, которые они здесь представляют.

И разве не лучшее доказательство правильности таких рассуждений судьба семидесятидевятилетнего маразматика Кэйсукэ Окада? Ведь именно в 1928—1935 годах, когда Доихара и другие энергично создавали в Маньчжу-

рии, во Внутренней Монголии и в Северном Китае японские плацдармы на Азиатском континенте, Окада занимал пост намного выше разведчика полковника Доихара. Он являлся тогда военно-морским министром и даже премьером. Как доказала на процессе защита, Окада обо всем этом знал, благословлял и, более того, санкционировал все действия. И что же? Дальше свидетельского пульта его не послали! Да, защита здорово разделала этого старого кретина, попутно еще раз доказав, что глупость — вовсе не помеха на пути к посту премьера! Жаль только, что одновременно стали заметны «ослиные уши» заговора против мира, как бойкие трибунальские юристы окрестили войны. Но в данном случае кадровый военный Доихара хорошо понимал адвокатов: в пылу сражения артиллерия нет-нет да и ударит по своим...

Бывшему премьеру Окада, конечно, крупно повезло на процессе. Не в пример Доихара, он не только удержался в рядах свидетелей, но еще и фигурировал как жертва японских экстремистов, чудом оставшаяся в живых. И нечто похожее в самом деле имело место. В тревожные февральские дни 1936 года мятежники ворвались в резиденцию премьера, но Окада успел скрыться. Тогда, то ли по ошибке, то ли сознательно, инсургенты убили его зятя и до неузнаваемости обезобразили труп. Затем по захваченной радиостанции сообщили всему миру, что премьер Кэйсукэ Окада уничтожен...

Мятеж был подавлен, его организаторы арестованы, а перепуганный Окада все не решался покинуть свое убежище. Дело дошло до того, что император особым рескриптом выразил соболезнование семье «погибшего» премьера. С обезображенным трупом на траурной церемонии попрощалась вся токийская знать. «Покойному» премьеру воздали последние почести, готовились возложить венки. И вдруг... появился сам Окада, наконец понявший, что беда миновала. И тут в похоронную музыку явственно и нелепо вплелся веселый водевильный мотив...

Так было. А в большой политике подобное не прощается. Ведь сам император с его соболезнованием оказался в смешном положении. Окада оставалось одно: уйти в отставку и навсегда покинуть политический Олимп. Что он и сделал. И, как показало время, в этом ему тоже повезло: те, кто тогда презрительно подшучивал над ним, десять лет спустя попали на скамью подсудимых. А пре-

словутый Окада, когда-то объект насмешек и издевательств, стоит за пультом в роли благородного свидетеля...

Но вернемся к Доихара. Итак, нам уже известно, что его в период процесса тревожила не столько прошлая, довольно грязная, служба в разведке, сколько деятельность в качестве боевого генерала, начавшаяся в 1937 году. И для тревоги имелись веские основания... Пока же он угрюмо наблюдал, как одно за другим ложатся на судейский стол доказательства того, что Япония была активным организатором марионеточных правительств на оккупированных территориях.

Именно он, Доихара, отлично знавший китайский политический мир и обладавший особым чутьем на предателей-коллаборационистов, приложил руку к организации всех марионеточных правительств — начиная от Маньчжурии и Внутренней Монголии и кончая автономистскими режимами в Северном Китае. Затем, когда потребовалось создать в Китае центральное правительство Ван Цзин-вэя в Нанкине, сам Доихара был уже на командной должности, но дело продолжили воспитанные им люди. Это подтвердили на Токийском процессе и свидетели, и документы.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов японская пропаганда неоднократно утверждала, что отделение Маньчжурии от Китая явилось следствием стихийного движения самого маньчжурского народа, стремившегося к созданию своего государства. Однако на Токийском процессе, как мы знаем из допроса Пу И, была точно установлена лживость подобных утверждений.

Но все это обнаружилось лишь во время суда. А раньше японцы пытались убедить мировую общественность в обратном. Для этого им надо было создать в Маньчжурии хотя бы видимость автономного правительства и ликвидировать феодальные распри среди продажных маньчжурских лидеров. В сложившихся условиях объединить маньчжуров мог только один человек — бывший император Китая и последний из императоров маньчжурской династии Генри Пу И. Убедить же бывшего императора всего Китая принять малопочетную роль марионеточного правителя одной из провинций его бывшей обширной империи было поручено Доихара.

Когда следователи союзных держав допрашивали Доихара, ему пришлось признать, что, будучи мэром Мук-

дена, он получил такое поручение от командующего Квантунской армии Хондзё. И что последний при этом приказал передать Генри Пу И, что «Квантунская армия будет приветствовать его».

По словам Доихара, экс-император прекрасно понял, что в действительности означает такое предложение. Доихара также заявил следователю, что Итагаки просил его не прибегать к силе, чтобы добиться переезда Пу И из Тяньдзиня в Мукден.

Но Пу И колебался, и тогда... Впрочем, лучше предоставим слово ему самому.

Допрошенный Трибуналом, экс-император показал, что еще до его восхождения на престол в оккупированном японцами Мукдене существовала автономистская китайская организация под названием «местный комитет по сохранению мира». Она была создана японцами, и одним из активных ее членов являлся Доихара, в то время мэр Мукдена. Пу И показал, что Доихара оказывал большое давление на китайских чиновников, которые остались в Мукдене «с целью организации там марионеточного режима». По этому поводу Доихара был с визитом и у него, но Пу И предложение отклонил. Естественно, что экс-императора тут же спросили, почему во время «маньчжурского инцидента» в 1931 году он перебрался из Тяньдзиня, где жил с 1924 года, в Маньчжурию, в Порт-Артур, поближе к Мукдену. Пу И разъяснил, что решился на переезд потому, что вокруг него стало происходить «очень много подозрительных событий... шла целая серия угроз и террористических актов» и он стал опасаться за свою жизнь.

И тут тоже экс-император был близок к истине. Токийский процесс убедительно показал, что в Тяньдзине действовала рука того же вездесущего Доихара. Хозяева приказали ему не пускать в ход силу, но ведь никто не запрещал использовать шантаж страхом. А в делах такого рода он являлся мастером своего дела, и не случайно американский журналист Марк Гейн, наблюдавший за Доихара в зале заседаний Международного военного трибунала, охарактеризовал его как «одного из величайших политиканов и тайных агентов нашего века, шпионы которого кишели по всей Азии».

Но вернемся к допросу Пу И. Итак, безвольного императора, которого верноподанные дважды до этого свер-

гали с престола предков, Доихара путем шантажа принудил переехать из Тяньдзиня в Порт-Артур, поближе к штабу Квантунской армии. Добиться этого оказалось не так уж сложно еще и потому, что трусливый Пу И помнил о трагической судьбе Чжан Цзо-линя и его сына Чжан Сюэ-ляна. Экс-император согласился взойти на маньчжурский престол и стал одним из видных азиатских коллаборационистов.

Так Доихара действовал в дни успеха. Убийство Чжан Цзо-линя, ликвидация режима его сына Чжан Сюэ-ляна, вербовка Пу И и множество других фактов, вскрытых на Токийском процессе, достаточно убедительно показали истинное лицо этого выдающегося мастера провокаций и интриг.

Вот уже позади Маньчжурия, впереди Китай. Но, увы, все это «будущее» в прошлом. В настоящем же — одиннадцать судей на фоне национальных флагов своих государств, а у свидетельского пульта ныне такой неприятный, а ранее такой близкий и исполнительный генерал Рюкити Танака. Обвинение продолжает допрос. В стенограмме его показания занимают почти целый увесистый том.

Танака спрашивают, знаком ли он с так называемым автономным движением в пяти провинциях Северного Китая и во Внутренней Монголии. Он, бывший офицер штаба Квантунской армии, где родилась эта идея, а затем сотрудник второго (русского) отдела генерального штаба, естественно, отлично знаком с этим вопросом. Танака сообщает, что штаб Квантунской армии решил создать одно автономное государство из китайских провинций Внутренней Монголии, а верховное командование японской армии — другое в Северном Китае в составе пяти провинций, включая и столицу Пекин. Начало «правительству» Внутренней Монголии было, оказывается, положено, не без участия самого свидетеля, в марте 1932 года, одновременно с установлением независимости Маньчжоу-го. Дело в том, что Рюкити Танака был личным другом принца Тэ и, как он сам признал, с 1927 года убеждал принца «действовать рука об руку с японцами». В дальнейшем Тэ намечался на пост главы марионеточного Монгольского государства. Кандидатура принца устраивала японцев потому, что «его идеалом (как разъяснил Танака.— *Авт.)* было окончательное установ-

ление объединенного Монгольского государства, охватывающего как Внешнюю (имеется в виду МНР — союзное СССР социалистическое государство.— *Авт.)*, так и Внутреннюю Монголию». По приказу командующего Квантунской армией генерала Минами для образования автономного правительства Танака и полковник Исимото из второго отдела генерального штаба были направлены к принцу Тэ для переговоров. Завершились они положительно. Ведь образование правительства принца Тэ, как пояснил свидетель, «совпадало с антисоветской политикой Квантунской армии».

Еще бы! Реализация идеалов принца Тэ привела бы на деле к растворению Монгольской Народной Республики в объединенном марионеточном Монгольском государстве. А это означало бы выход агрессоров на огромном фронте во фланг советскому Дальнему Востоку, причем на стратегически выгодных направлениях.

Через восемь лет, в 1939 году, японская армия предприняла такую попытку на Халхин-Голе и потерпела сокрушительное поражение. Участие в этих событиях принимал и Кэндзи Доихара в роли командующего одной из армий.

Что же касается так называемого автономного движения в Северном Китае, то оно, как разъяснил свидетель, охватило провинции Хубэй, Шаньдун, Чахар, Суйюань и развернулось в апреле 1935 года.

На вопрос о целях этого движения Танака дал недвусмысленный ответ: «Отделить пять северных провинций от нанкинского правительства, установить там автономию и создать близкие отношения между этой областью и Маньчжурией, находившейся под японским руководством... создав таким образом безопасность для Маньчжоу-го».

И наконец, последней по счету, но не по значению задачей указанного движения являлось «поставить Китай на юго-западе от Маньчжоу-го под японский контроль и руководство. Квантунская армия и вся японская армия, расположенные в Северном Китае, поддерживали это движение».

Но одной военной поддержки было недостаточно. Надо было создать хотя бы видимость участия самих китайцев в этом движении. Сделать это мог только Кэндзи Доихара, мастер заговоров и интриг, знаток Китая, уже по-

казавший себя в Маньчжурии. Ведь Доихара лучше других знал китайских политических руководителей, особенно тех из них, кто за блага и мзду готов был верой и правдой служить оккупантам. Вербовка коллаборационистов была подлинной стихией Доихара. «В сентябре 1934 года,—свидетельствует Танака,—уже не полковник, а генерал-майор Доихара приказом командующего Квантунской армией Минами прикомандировывается к китайскому (а не к японскому! — *Авт.)* генералу Сун Чжу-юаню, правителю Пекин-Тяньдзинской области... Генерал-майор Доихара приложил все усилия для поддержания автономного движения, имея в виду намерения Квантунской и японской армий».

Продолжая свои показания, Танака сообщил, что инициаторами автономного движения были командующий Квантунской армией подсудимый Минами и командующий японскими войсками в Северном Китае подсудимый Умэдзу.

Когда Рюкити Танака спросили, знает ли он содержание инструкций, которые были даны Доихара при отправке его в Северный Китай, свидетель сказал, что в то время знакомился с этими инструкциями, их «девизом,—это он помнит,— был антикоммунизм».

Так еще раз подтвердилась уже старая для новейшей истории истина, что агрессор, преследуя свои империалистические цели, всегда прикрывается флагом антикоммунизма.

Рюкити Танака подтвердил, что Доихара в его присутствии делал доклад генералу Минами о тех успехах, которых добился в развитии автономного движения. На вопрос, являлся ли сам Доихара советником автономистского марионеточного режима, последовал утвердительный ответ. Причем Танака пояснил, что обязанность советника состояла в том, чтобы «направлять политику и экономику правительства в соответствии с японскими чаяниями». Какая краткая и точная формулировка квинтэссенции коллаборационизма!

Отвечая на вопрос, кто кроме Доихара стоял у истоков автономного движения, Танака назвал подсудимых Минами, Умэдзу, Итагаки как самых ревностных сторонников этого движения. Перейдя к подсудимому Тодзио, Рюкити Танака подчеркнул, что его не устраивал даже принц Тэ. Поэтому в 1937 году, когда войска Тодзио во-

шли во Внутреннюю Монголию, он создал там новое, угодное ему правительство...

Наконец Рюкити Танака покидает свидетельский пульт. Доихара не в претензии к нему, он мог бы рассказать кое-что еще о роли японского Лоуренса в организации марионеточных правительств в Северном Китае. Например, о том, как Доихара нажимал там на губернаторов, высших чиновников и китайскую буржуазию, требуя, чтобы все пять провинций объявили о своей автономии по отношению к нанкинскому правительству. В ход тогда было пущено все: политические интриги, подкупы, наконец, военные угрозы. В ноябре 1935 года японское командование по совету Доихара для подкрепления этих угроз сосредоточило на границах Северного Китая несколько дивизий. После этого Доихара публично заявил, что если его требования не будут удовлетворены до 20 ноября, то Япония пошлет пять дивизий в Хубэй, четыре в Шаньдун и т. д.

Да, энергичным, настойчивым человеком был Кэндзи Доихара... И как некстати, что его кипучая энергия и беспримерная настойчивость все время всплывают на поверхность здесь, в суде, то в свидетельских показаниях, то в различных документах!

Вот, например, обвинитель китайский судья Ни ведет перекрестный допрос друга и партнера Доихара по скамье подсудимых Сэйсиро Итагаки. Тот рассказывает, что Квантунская армия командировала Доихара в Северный Китай для организации марионеточного режима, но не по собственной инициативе, а лишь после консультации с центральными военными властями. Итагаки спрашивают: зачем японцам нужен был марионеточный режим не только в Маньчжурии, но и в Северном Китае? Зачем? Требовался крепкий, а главное, глубоко эшелонированный тыл. Против кого? «Основные цели Квантунской армии всегда были направлены на север — против Советского Союза»,— отвечает Итагаки.

Кто-кто, а Доихара хорошо понимает, что это лишь часть правды: в действительности Северный Китай не только обеспечивал Японию с тыла на случай войны с СССР, но, кроме того, был удобным плацдармом для дальнейшего наступления японцев на Центральный и Южный Китай, которое, кстати, вскоре оттуда и началось. Но то, что недосказал Итагаки, судьи поняли и без него.

На трибуне обвинитель Хоксхерст. В его руках доказательства, касающиеся организации марионеточных правительств в Китае в период 1937—1943 годов. Тогда Доихара занимал уже командную должность и к этому делу непосредственного отношения не имел. Поэтому здесь его имя не фигурирует. И тем не менее старый разведчик слушает с интересом: в этих событиях на японской стороне действуют многие его ученики и воспитанники, на китайской — некоторые коллаборационисты, которых лично он, Доихара, склонил на путь предательства.

Вот Хоксхерст представляет надлежаще оформленную копию японского правительственного документа об организации марионеточного режима временного правительства в Пекине и правительства восстановления в Нанкине. Эти города к декабрю 1937 года уже тоже были в японских руках. Обвинитель передает суду справку, что подлинник этого документа «уничтожен во время воздушного налета».

Премьером временного правительства в Пекине стал Ван Го-мин. Много усилий приложили для этого хорошо знакомые Доихара лица из числа японских военных разведчиков.

Какие цели были поставлены перед марионеткой Ван Го-мином? Японский документ не делает из этого секрета. Это должно было быть откровенно фашистское и прояпонское правительство, задачей которого внутри страны было «искоренить полностью партии, окончательно уничтожить коммунизм», а во внешней политике «преследовать цели антикоминтерновские и проводить прояпонскую и проманьчжурскую политику».

Да, неприятный документ. Если не для Доихара, то для его коллег по скамье подсудимых, которые тогда отвечали за политику Японии в отношении Китая.

Но в Пекине все оказалось проще, чем в Нанкине. Об этом с «совершенно секретной» откровенностью повествует тот же документ: «Когда японские войска разбили китайскую армию в Шанхае и вслед за этим 13 декабря захватили Нанкин... то тем не менее влияние национальной партии (подразумевается гоминьдан.— *Авт.)* оставалось настолько сильным, что прояпонские элементы не могли открыто общаться с японцами даже в международном сеттльменте. Поэтому создание солидного правитель-

ства было гораздо более трудным делом, чем создание его в Северном Китае».

Почему? Ответ здесь прост. Причина всего — варварские расправы над китайскими военнопленными и гражданским населением, которые вошли в историю как шанхайская и нанкинская резня. Во время этих событий погибли десятки тысяч невинных людей, были зверски изнасилованы тысячи женщин. Эти варварские действия японских захватчиков вызвали ненависть широчайших масс китайского народа. И под ногами коллаборационистов горела земля.

Идеолог китайских господствующих классов Линь Ю-дан писал: «Ненависть пронизала дух китайцев так же, как осколки японских гранат и шрапнелей их тела. Они сотни лет не забудут бомбардировок, грабежей, насилия... Сотрудничество с японцами невозможно».

И все же командующему японскими войсками в Южном Китае генералу Мацуи (тоже подсудимый) удалось склонить двух известных китайских политиканов тех лет Тан Шао-и и У Пэй-фу к сотрудничеству с оккупантами для организации центрального правительства. Теперь-то, казалось, все было на мази. Но в августе 1938 года был убит Тан. Прошло несколько месяцев, и в декабре 1938 года на политической арене китайского коллаборационизма появилась новая фигура — Ван Цзин-вэй.

Когда Хоксхерст произнес это имя, Доихара насторожился. Разветвленной была его разведывательная сеть, тысячи агентов составляли ее основу. И разумеется, многих из них Доихара никогда не видел и не знал. Он общался с весьма ограниченным числом наиболее надежных и крупных резидентов. Но Ван Цзин-вэй... Это имя вызвало у Доихара множество воспоминаний и большую гордость: вырастить такого агента, суметь внедрить его в высокие круги, превратить в орудие раскола движения китайского сопротивления японской агрессии — такая масштабная задача была по плечу только Кэндзи Доихара, и он с ней справился. Доихара отлично понимал, что такое бескровная победа на незримом фронте «борьбы умов». Это под его влиянием была выпущена в конце 1936 года японским военным министерством брошюра, ориентирующая японских генералов на политику раскола китайского национального движения. На обложке этой брошюры был девиз: «Сто побед в ста сражениях не суть

лучшее из лучшего. Нет, лучшее из лучшего есть разгром и подчинение противника без единого сражения».

Это был девиз и самого Кэндзи Доихара. Под этим девизом он боролся и часто побеждал в течение почти двадцати лет, вплоть до 1937 года, когда ему предложили руководить сражениями отнюдь не бескровными. Живым воплощением этого девиза являлся и Ван Цзин-вэй. Живым? Кажется, после капитуляции Японии китайцы все-таки повесили лучшего агента Доихара. Вероятно, он встретил казнь спокойно. Многих положительных качеств Вану явно не хватало, но что касается личной смелости... Впрочем, он умел рисковать, когда речь шла о вероятном выигрыше больших ставок, а тут ведь надо было только расплачиваться за прошлое, и расплачиваться собственной жизнью...

Уже в январе 1932 года Ван Цзин-вэй — член центрального гоминьдановского правительства Китая. Это под его влиянием в 1932—1935 годах был заключен ряд капитулянтских соглашений с Японией. Ведь Ван Цзин-вэй крикливо и настойчиво утверждал: «Нечего браться за оружие. Япония победит Китай в три дня». И Чан Кай-ши во многом шел на поводу у Вана.

Зато рядовые члены гоминьдана быстро распознали подлинное лицо предателя. На шестом пленуме центрального исполнительного комитета гоминьдана, состоявшемся 1 ноября 1935 года, китайский офицер Сунь Фэнь-минь тяжело ранил Ван Цзин-вэя — тогда уже премьера китайского правительства. А 9 декабря 1935 года, в день крупной студенческой антияпонской демонстрации, ушел в отставку весь его кабинет.

Но эти неприятные частности отнюдь не означали окончательной политической смерти Ван Цзин-вэя в рядах гоминьдана. Захват японцами Шанхая и Нанкина, казалось, вновь поднимал его акции, наглядно показывая бесплодность и опасность сопротивления. Ван и его сторонники считают, что «бесполезно при таких силах сопротивляться. Надо идти на капитуляцию». Но гнев и патриотизм народа оказались сильнее софизмов предателя — борьба продолжалась. Год спустя — в октябре 1938 года — японцы захватили Кантон и временную столицу Китая — Ханькоу. Ван Цзин-вэй и его окружение вновь требуют капитуляции. На сей раз его усилия как-будто должны увенчаться успехом. Влияние предателя крепнет.

На шестом чрезвычайном конгрессе гоминьдана его избирают председателем национального политического совета и заместителем Чан Кай-ши по руководству гоминьданом. Кэндзи Доихара казалось тогда, что разгром противника в бескровном сражении уже близок. Ван действует напористо и ловко. Его цель — взорвать единый национальный фронт коммунистической партии и гоминьдана, нарушить их сотрудничество в борьбе с Японией. Он опирается на милитаристов, помещиков, компрадорскую буржуазию, утверждая, что капитуляция перед Японией принесет господствующим классам только выгоду, мирное развитие и одновременно ликвидацию ненавистного коммунистического движения... Однако после падения Ханькоу и Кантона Ван Цзин-вэй допускает просчет: он начинает защищать свои идеи в открытую, надеясь полностью захватить власть. Масса рядовых членов гоминьдана возмущена и требует удаления Вана из руководства, требует продолжения борьбы. Это вынуждает Чан Кай-ши заявить, что Китай не капитулирует. Но Ван уже сбросил маску, обнажил свое подлинное лицо. Предателю остается одно — бежать под защиту своих хозяев.

В декабре 1938 года, тайно покинув Чунцин — новую временную столицу Китая, Ван Цзин-вэй переходит на оккупированую японцами территорию.

Теперь, находясь в Трибунале, Доихара готов был признать, что в провале Вана в Чунцине виновен не только его ученик. Безудержное желание Токио превратить многосотмиллионный Китай в свое колониальное владение — вот основная причина провала агента Доихара. Именно поэтому Ван Цзин-вэй попал в такие условия, которых не смог преодолеть даже его недюжинный талант политика-жонглера. Так или примерно так думал Доихара, сидя на скамье подсудимых. А тогда, в дни мнимого триумфа, сам Доихара вместе со своими коллегами с яростным рвением поддерживал и проводил в жизнь в Китае ту же политику Токио. Да, Ван Цзин-вэй был потерян для Японии как первоклассный агент в стане врага, но это вовсе не означало его ухода с политической арены.

Обвинитель Хоксхерст ярко показал, как, используя высокие посты Ван Цзин-вэя в гоминьдане, японцы поставили его во главе движения национального спасения и в марте 1940 года создали в Нанкине марионеточное цент-

ральное китайское правительство с тем же Ваном в качестве премьера.

В руках обвинителя еще один японский документ — заблаговременно составленная 27 января 1938 года программа для будущего центрального китайского правительства. Эта программа вытекала из другого документа, принятого 11 января того же года,— «Основная политика разрешения китайского инцидента».

Перед марионетками во главе с Ван Цзин-вэем ставилась задача «создать полностью прояпонский режим, ликвидировать зависимость от Европы и Америки и создать зависимые от Японии районы Китая». И здесь опять японцы рвались к тому самому безраздельному господству, немедленное достижение которого оказалось не по плечу даже искусному политическому жонглеру Вану.

Хоксхерст цитирует документ: «Руководство (понимай — руководство правительством Ван Цзин-вэя.—*Авт.)* должно ограничиваться общим внутренним руководством со стороны японских советников». Классическая формула, определяющая политическое существо кукольного ансамбля Ван Цзин-вэя: на авансцене движутся и действуют марионетки, которых водят невидимые зрителю жесткие руки. Куклы даже раскрывают рты, но говорят они голосами своих японских советников. Нельзя сказать, что токийские политики не понимали, что перед ними и их креатурой Ваном стоит нелегкая задача. Но они пытались решить ее банальными для империалистов методами. Отсюда и конкретные указания: «Образование нового правительства будет произведено быстро. Всякое враждебное влияние будет ликвидировано путем физических и моральных репрессий... Что касается вооруженных сил, то обучать будут минимальную (читай — китайскую.— *Авт.)* армию и будут стремиться под руководством японской армии восстановить общественный порядок... Во всех районах создаются корпуса поддержания мира. Для этого японские полицейские офицеры будут назначены в качестве инструкторов, чтобы создать полицейскую администрацию».

Так, с помощью методов шанхайской и нанкинской резни, японцы устанавливали «общественный порядок» на территории Китая, попавшей в их руки. И делалось все это под вывеской коллаборационистского правительст-

ва Ван Цзин-вэя — старого, испытанного агента Кэндзи Доихара.

Как же это выглядело на лживом языке японской дипломатии тех лет?

В Трибунале выступает представитель обвинения Хоксхерст. Он зачитывает заявление представителя японского министерства иностранных дел по поводу подписания китайско-японского основного договора и японо-маньчжоуго-китайской совместной декларации 30 ноября 1940 года.

В указанном заявлении говорилось: «После начала китайско-японских враждебных действий и после продвижения японских войск возникли общества для соблюдения мира и порядка в различных частях Китая. Они были постепенно поглощены и слились с двумя правительствами, а именно с временным пекинским правительством и с преобразованным правительством восстановления Нанкина. Они прокладывали путь для создания нового Китая, пока не превратились в движение национального спасения под руководством г-на Ван Цзин-вэя».

Так этот документ выглядел для широкой публики. А вот для внутреннего употребления был заключен в тот же день — 30 ноября 1940 года — секретный договор между Японией и правительством Ван Цзин-вэя, показывающий, что никакой суверенной властью это так называемое правительство не пользовалось. И обвинитель, разумеется, не преминул привести выдержки из упомянутого секретного документа: «Правительство Республики Китай подчинится японским требованиям, относящимся к военным нуждам... в районах расположения японских войск и других, связанных с ними, входящих в территориальную юрисдикцию Республики Китай. Однако исполнительные и административные права Китайской Республики в обыкновенное время будут соблюдаться».

«Обыкновенное время» наступило лишь через пять лет, когда Япония безоговорочно капитулировала, а Ван Цзин-вэй должен был держать ответ за предательство.

Когда читаешь подобные дипломатические опусы, то невольно в памяти возникает старый афоризм Козьмы Пруткова: «Если видишь клетку с тигром, на которой написано «слон», — не верь глазам своим».

А тем временем Хоксхерст развертывает перед судом внушительную таблицу, испещренную цифрами. Эта таблица показывает, что капиталовложения японских кон-

цернов и правительства в оккупированный Китай к концу войны достигли огромной цифры — 298 миллиардов иен. Обвинитель намерен продолжить свои объяснения, но его прерывает американский адвокат Брукс: «Я бы хотел указать на несущественность этого типа доказательств, которые даются сейчас. Я не могу понять, что обвинение старается доказать, нагромождая эти цифры».

Однако председатель Трибунала не замедлил резонно и ядовито разъяснить недогадливому защитнику: «Это вполне существенно и важно, чтобы показать, насколько Япония откормилась на ресурсах Китая в результате войны и агрессии. Возражение отклоняется».

Итак, доказательства, касающиеся создания марионеточных правительств и их деятельности в Китае, представленные обвинением, одновременно являлись как бы свидетельством участия в заговоре против мира самого Кэндзи Доихара. Пройдет еще почти два года, и он услышит в приговоре Международного военного трибунала справедливую оценку своей деятельности в те годы: «В начале рассматриваемого нами периода Доихара был полковником японской армии и к апрелю 1941 года был произведен в полные генералы. К началу «маньчжурского инцидента» он пробыл в Китае около восемнадцати лет, и в японской армии его стали считать специалистом по Китаю. Он имел самое непосредственное отношение к развязыванию и ведению агрессивной войны против Китая в Маньчжурии и к последующему созданию государства Маньчжоу-го, где господствовала Япония. В то время как в других районах Китая осуществлялась агрессивная политика японской военной группировки, Доихара играл крупную роль в проведении этой политики путем политических интриг, угроз применения силы и путем применения силы.

Доихара действовал в тесном контакте с другими руководителями военной группировки в деле разработки, подготовки и осуществления их планов подчинения Восточной и Юго-Восточной Азии японскому господству».

Но наш рассказ был бы неполным без освещения еще одной грани деятельности изворотливого и изобретательного японского Лоуренса на незримом фронте «борьбы умов». Этот пробел восполнили представители обвинения — китайский судья Сян, а также американцы Сэттон и капитан Артур Сандусский, которые убедительно пока-

зали, что Кэндзи Доихара, независимо от того, читал ли он труды Макиавелли, прекрасно усвоил суть макиавеллизма.

Именно ему, Доихара, пришла дьявольская мысль использовать наркотики как оружие агрессии для покорения других народов, и притом бескровного покорения. И это «оружие» агрессии было успешно применено для покорения сперва Маньчжурии, а затем Северного, Центрального и Южного Китая. Наркотизация основных районов Китая была подобна войне, но войне особого рода. Эта своеобразная война беззвучно развертывалась в мертвящей тишине опиумных и героиновых притонов, густой сетью покрывших города и села. Ее жертвы не кричали и не стонали, они не проливали кровь, не пугали и не возмущали воображение окружающих страшным видом своих ран. Они умирали тихо и постепенно, и не на поле брани, а прямо в собственных домах. Умирали духовно за много лет до фактической смерти. А главное, эти живые трупы, лишенные воли — основного качества, необходимого воину на поле сражения, не были опасны как потенциальные солдаты противника. В этой страшной войне не было ни разрушенных городов, ни сожженных деревень. И что весьма важно, агрессор, добиваясь своей цели, не нес военных расходов, наоборот, он получал огромные доходы. Помимо всего, созданная японцами густая сеть притонов являлась благодатной почвой для возникновения другой сети — разветвленного шпионажа.

Да, такая война целиком отвечала девизу старого разведчика Доихара: лучшее из лучшего есть разгром и подчинение противника без единого сражения!

Как же японцы реализовывали эту идею?

На трибуне судья Сян. Он гневно произносит свою вступительную речь:

— Использование опиума и других наркотиков японскими лидерами — часть плана покорения Китая. Это было оружие, подготавливающее агрессию в Китае и помогающее ей. Это было нарушением обязательств, которые Япония взяла на себя, подписав международную конвенцию, относящуюся к борьбе с наркотиками.

Мы докажем, что во всех районах в авангарде японской вооруженной агрессии шли японские агенты, как военные, так и гражданские, которые проводили незаконную торговлю опиумом и другими наркотиками в огром-

ных масштабах. Торговля шла во всех районах Китая. Эти агенты ввели производство героина, морфия и других производных опиума там, где раньше их не знали.

Будет показано, что по мере того как японцы завладевали очередным районом, они немедленно превращали его в базу для опиумного наступления на следующий район, подлежащий военной агрессии.

В связи с этим будет показано, что, начиная с создания марионеточных правительств в Маньчжурии, а затем и Северном, Центральном и Южном Китае, все марионеточные правительства следовали единой системе отмены китайских законов, касающихся опиума и других наркотиков, они создавали опиумные монополии.

Короче говоря, доказательства покажут, что торговля опиумом и другими наркотиками финансировалась японцами в двух целях: подорвать выносливость китайского народа и его волю к сопротивлению, получить основные доходы для финансирования японской военной и экономической агрессии.

И все это действительно было показано и доказано обвинителем. Вот капитан Сандусский цитирует ноту США Японии от 1 июня 1939 года, обвиняющую агрессора в наркотизации тех районов Китая, которые находились под контролем японских войск, а следовательно, и в грубом нарушении международной конвенции по борьбе с наркотиками, которую в числе других государств в 1931 году подписала и Япония.

Затем Сандусский оглашает любопытный документ. Оказывается, марионеточное правительство Маньчжоу-го строило металлургические заводы. Для чего? Разумеется, для нужд японской индустрии, для вооружения японской армии. С этой целью предоставляется заем в 30 миллионов иен. Кто же его предоставляет? Индустриальный банк Японии. Именно этот документ, подписанный директором банка Ито, оглашает обвинитель. За счет чего заем должен быть погашен? На это дается недвусмысленный ответ: «Облигации займа будут гарантированы доходом от монополии опиума... Капиталы и проценты должны быть оплачены главным образом из доходов этой монополии».

Кроме индустриального банка, как указывает документ, в этом «благородном» контракте участвовали другие крупнейшие банки и монополии Японии, поименно перечисленные обвинителем.

А вот официальный доклад, выпущенный министерством внутренних дел Маньчжоу-го, согласно которому из 30 миллионов жителей более 9 миллионов (около одной трети всего населения!) являлись постоянными опиокурильщиками, причем 69 процентов всех наркоманов (свыше 6 миллионов человек!) были людьми моложе тридцати лет. Так агрессоры пытались морально и физически разложить нацию, ее цвет и надежду, дабы свести к нулю ее способность к сопротивлению. Зато касса правительства Пу И и касса японского казначейства, как свидетельствует тот же доклад, каждый год пополнялась на 500 миллионов долларов. Сандусский доказывает, что все это результат планомерной политики японского правительства. Так, согласно решению кабинета министров от 11 апреля 1933 года, был санкционирован свободный перевоз опиума-сырца из Кореи, тоже являвшейся японской колонией, в Маньчжурию: правительству Пу И не хватало сырья для производства наркотиков.

Один из отделов министерства иностранных дел Японии победно рапортовал: за 1939 год выполнен план увеличения добычи опиума-сырца в Корее. Всего добыто 80 тонн этой отравы, львиная доля которой досталась Маньчжоу-го.

На стол суда ложится еще один документ от 12 июня 1937 года. Это доклад комиссии Лиги Наций, призванной бороться с распространением наркотиков. Комиссия констатирует, что в районах, находящихся под властью национального правительства Китая, значительно улучшилась борьба с наркоманией, а затем указывает: «Когда же мы попадаем в провинции, которые находятся под контролем или влиянием японцев, мы находим совершенно другое положение вещей. В трех северных провинциях (то есть в Маньчжурии.— *Авт.)* площади, предназначенные для посевов мака, увеличились на 17 процентов, если сравнить с 1936 годом. Предполагаемый валовой доход от правительственной продажи опиума в 1937 году на 28 процентов выше, чем валовой доход в 1936 году».

20 марта 1939 года американский генеральный консул в Мукдене шлет донесение своему правительству, касающееся бюджета Маньчжоу-го на 1939 год. Там есть такие данные: «Продажа опиума все еще является главным денежным источником Маньчжоу-го после таможенных доходов. В прошлом году стоимость опиума, купленного мо-

нополией для ее предприятий, составляла 32 миллиона 653 тысячи иен; в этом году эта сумма будет равна 43 миллионам 470 тысячам иен. Каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок, по предположению, должны истратить 3 иены из своего незначительного денежного заработка на опиум».

Так выглядела политика наркотизации Маньчжурии. А как обстояло дело в других районах Китая, захваченных японцами? Этот вопрос освещает документ комиссии Лиги Наций от 12 июня 1939 года, в котором говорится: «Пекинское временное правительство (читай — марионеточное правительство.— *Авт.*) наложило свою руку на наркотические средства вскоре после прихода к власти. Оно ликвидировало все антиопиумные и антинаркотические законы и правила, изданные центральным правительством. А все лица, задержанные согласно этим законам и правилам, были неожиданно освобождены из-под стражи».

Масштабы наркотизации Китая и связанное с этим принуждение крестьян японскими войсками к расширению посевов мака (именно из него изготовляются опиум, морфий и героин) наглядно показывает доклад представителя американского казначейства в Шанхае от 8 апреля 1937 года. Его процитировал обвинитель Сандусский: «Недавно японские власти в шести уездах Северного Чахара в качестве меры поощрения разведения мака издали обращение к крестьянам, в котором они призывают их выращивать наркотические растения и предлагают за это следующие премии:

1) те, кто выращивает мак в требуемом количестве, будут освобождены от уплаты земельного налога;

2) те, кто выращивает мак на участке больше чем пять му, в дополнение к сказанному выше, будут освобождаться от обязательной военной службы;

3) те, кто выращивает мак на площади большей чем двадцать му, получают почетную грамоту от правительства уезда и будут пользоваться привилегиями, указанными в пунктах первом и втором;

4) те, кто выращивает мак на участке больше чем пятьдесят му, будут считаться старейшинами деревни или уезда и будут занесены в список кандидатов на общественные должности, получая при этом награды, указанные в пунктах первом, втором и третьем.

Японцы создали организацию для собирания опиума, чтобы скупать его по твердым ценам. Крестьяне должны продавать агентам монополий сто таэлей опиума-сырца с каждого му посевов мака. Курильщикам опиума на территории марионеточных правительств не разрешается сокращать количество потребляемого ими опиума. Выращивающие опиумный мак и курильщики опиума сурово наказываются за любые незначительные нарушения. Многие крестьяне, выращивающие мак, были казнены за то, что они примешивали другие ингредиенты к опиуму, который они продавали в бюро монополий».

Что и говорить, оригинальные, можно сказать, неповторимые приемы агрессии пускали в ход японские захватчики. До такого не додумались даже их нацистские союзники в Европе. Зато Доихара пришла в голову и такая мысль! В результате сотни тысяч людей становились жертвами опиума, зато сотни миллионов долларов непрерывным потоком шли в сейфы японской казны на потребу планам агрессии.

Атташе американского казначейства в Шанхае, очевидно, обладал зорким глазом журналиста. Вот отрывки из его доклада о поездке в Фучжоу. «Наньтай — торговый центр Фучжоу. От главной улицы в этой части города отходит много маленьких переулков, в которых сосредоточены японские и формозские опиокурильни. Перед каждой опиокурильней висит вывеска: «Лавка находится под японским управлением».

Под вывеской висит объявление, гласящее: «Опиокурильня наверху сейчас открыта. Опиум имеет хороший вкус и стоит недорого. Пожалуйста, попробуйте». Проходя по этим переулкам, вы увидите опиокурильни на каждом шагу. Вот еще одно, довольно своеобразное, объявление: «Лучший персидский опиум, приготовлен специалистом. Цена — десять центов за 1/10 таэля. Обслуживают красивые официантки». Во всех этих опиокурильнях помимо опиума продают морфий и героин».

Эти данные пополняет в своей докладной от 11 марта 1940 года американский генеральный консул в Кантоне: «В городе имеется 329 разрешенных опиокурилен и, возможно, 2100—2200 тайных. Ясно, что продажа опиума контролируется, а употребление его поощряется отделением специальной службы японской армии.

Хотя говорят, что по крайней мере часть доходов с

опиума будет передаваться марионеточному китайскому правительству, все указывает на то, что львиная доля доходов идет в какие-то таинственные, особые фонды японцев.

Учитывая всем хорошо известное отношение японцев к торговле наркотиками, можно с уверенностью сказать, что продажа наркотиков будет продолжаться и поддерживаться как наилучший имеющийся в распоряжении источник легкого и беспрерывного притока фондов в казну армии».

Организационная структура, созданная для наркотизации Китая, непрерывно совершенствовалась. Вот что по этому поводу сообщалось по дипломатическим каналам из Шанхая американскому министерству финансов 27 декабря 1938 года: «Из кругов, тесно связанных с марионеточным режимом, стало известно, что в качестве меры для увеличения доходов на покрытие срочных военных расходов японские власти, посовещавшись с марионеточными властями в Нанкине, решили установить единую систему опиумных монополий. Все существующие районные опиумные монополии будут немедленно отменены и будет создано центральное бюро опиумной монополии, называемое основным бюро по борьбе с опиумом, для того чтобы нести полную ответственность за опиумную монополию, включая импорт, перевозку и распределение опиума, выдачу лицензий, назначение агентов по продаже и сбору доходов от продажи опиума по всей оккупированной территории в этой части Китая».

Финансовые плоды реорганизации не замедлили сказаться. В феврале 1939 года американский финансовый атташе докладывал: «Согласно сведениям, полученным из кругов, близко связанных с японскими органами спецслужбы, японские военные круги, проводя свою политику наркотизации Китая, предполагают, что их доходы вырастут до 300 миллионов долларов в год, когда наркотизация будет полностью развернута».

Обвинение заканчивает предъявление документов, подтверждающих политику наркотизации, и эти немые свидетели уступают свое место свидетелям живым.

Вот показания Ку Ю-сана: «Я был управляющим двумя опиумными притонами в Пекине с мая 1944 года до января 1945 года. Насколько я знаю, в Пекине во время японской оккупации было 247 опиумных притонов, 23 ты-

сячи зарегистрированных и легализованных наркоманов, 80 тысяч незарегистрированных наркоманов и 100 тысяч людей, которые случайно приходили курить опиум. Опиум не продавался открыто до инцидента на мосту Марко Поло (это был очередной инцидент, давший японцам повод оккупировать Северный Китай.— *Авт.*). Через несколько месяцев после японской оккупации продажа опиума была легализована... Те, кто вошел в дело создания опиумных притонов, должны были сначала получить разрешение от бюро налогов на табак и вино, а после — от бюро борьбы с опиумом...

Все опиумные притоны получали приказы от японской жандармерии. Ни одному японцу не разрешалось курить опиум. Время от времени японские жандармы приходили туда и производили обыск. Если они находили японца, курящего опиум, они его сразу же выбрасывали оттуда и иногда даже жестоко били, а управляющему делали строгое внушение, чтобы подобные случаи никогда больше не повторялись. Перед японской оккупацией наркоманов в Пекине было немного, и они курили опиум только в собственных домах. Количество наркоманов после оккупации увеличилось в десять раз.

Хотя китайцы и участвовали в опиумной корпорации Лин Киан, но все держали под своим контролем японцы».

Теперь обвинитель Сэттон оглашает другие показания.

«Я, Лео Кандеи, уроженец Австралии, удостоверяю, что приехал в Китай 20 марта 1939 года. Я был в Шанхае в течение двух месяцев, после этого приехал в Пекин и с тех пор жил там, работал зубным врачом. В течение моего пребывания в Пекине, до того как Япония капитулировала, опиум открыто продавался там с согласия правительства, контролируемого японцами. Героин тоже продавался. Опиумная торговля была открытой, и опиум поставлялся китайцам. Поскольку правительство могло обеспечить выполнение своих законов, опиум не продавался японцам. Было совершенно ясно, что открытая продажа опиума в Китае была одобрена или введена японским правительством с целью ослабить и подорвать силу китайского народа».

На очереди весьма важный свидетель по вопросу наркотизации Китая — бывший японский военный атташе в Шанхае Харада. В марте 1939 года он получил новое назначение, связанное с организацией японской опиумной

монополии «коаин» и отдела специальной службы японских экспедиционных войск «токумубу». Вот что он показал: «Когда я был начальником «токумубу», то получал инструкции обеспечивать опиумом китайский народ через военные каналы. Я обсуждал эту проблему с местным китайским правительством, и там было создано бюро по борьбе с опиумом.

Когда я был в Маньчжурии в 1933—1935 годах в качестве офицера связи между штабом Квантунской армии и правительством Маньчжоу-го, опиумная организация была очень сильна и эффективна. Правительство Маньчжоу-го получало советы от специального отдела штаба Квантунской армии, но не непосредственно, а через японских советников в правительстве Маньчжоу-го. Правительство Маньчжоу-го изучило потребности в опиуме, выслушало японские советы, а затем образовало опиумную монополию. В первые дни... нельзя было достичь нужных результатов без помощи японцев».

И наконец, оглашаются выдержки из показаний, данных верховному суду Китая в Нанкине министром внутренних дел марионеточного правительства Ван Цзинвэя — Мэй Цзэ-ином: «Торговля опиумом в Китае являлась обычной политикой высокопоставленных чиновников японского правительства.

Помимо того что Япония выжимала из Китая все возможное, она рассматривала опиум как выход из финансовых затруднений, вызванных войной. Фонды марионеточного правительства от доходов за распространение опиума должны были сначала отсылаться в министерство финансов в Токио, где часть суммы задерживалась. Хотя никаких данных о размере этой задержанной суммы получить было невозможно, ибо это держалось в строжайшем секрете, самого факта отрицать нельзя. С другой стороны, большая часть доходов от продажи опиума в Шанхае и других городах Китая тоже посылалась в Токио, где она шла в секретные фонды кабинета Тодзио».

Так красивые цветы мака служили делу агрессии, и обвинитель — судья Сян — в своей заключительной речи подтвердил, что патент на это изобретение по праву принадлежит Кэндзи Доихара.

Однако это утверждение обвинителя, так же как и сведения об участии Доихара в первом периоде заговора

против мира, не очень беспокоило подсудимого. Ничего хорошего для себя он, разумеется, здесь не видел. Однако за эти деяния виселица ему не грозила.

Но вот звучат слова приговора. «Когда отпала необходимость использовать его особое знание Китая, а также способность к интригам, Доихара использовали в качестве генерала в действующей армии для осуществления тех целей, к которым он стремился, участвуя в заговоре».

Услышав эти слова, Доихара внешне остался по-прежнему невозмутим, но внутренне весь напрягся как струна. Почему же Кэндзи Доихара больше беспокоила его деятельность в качестве боевого генерала, чем черная закулисная работа империалистического разведчика с ее интригами, провокациями, а порой и убийствами?

Ответ здесь очень простой: первый этап деятельности Доихара был лишь подготовкой к совершению тягчайших международных преступлений. Практически же реализация планов заговорщиков была осуществлена на втором этапе, когда японские милитаристы превратили развязанную Германией агрессивную войну в Европе в войну мировую. Причем на стадии реализации заговора против мира Доихара выступал отнюдь не на второстепенных ролях, а в качестве члена Высшего военного совета империи, а также командующего армиями и фронтами.

С этим, вторым, этапом было связано одно обстоятельство, являвшееся особенно тревожным для Доихара: когда он действовал как разведчик, жертвы исчислялись единицами, когда же он превратился в боевого генерала, по его вине погибли тысячи людей, причем погибли не на полях сражений.

...30 июня 1941 года. Девятый день на советско-германском фронте идут невиданные по масштабу и размаху ожесточенные сражения. Все как-будто свидетельствует, что фортуна на стороне нацистского агрессора. Японским милитаристам надо срочно определять генеральную линию своей дальнейшей внешней политики. Именно в этот день и с этой целью собирается Высший военный совет Японии, дабы подготовить свои рекомендации к предстоящему 2 июля совещанию у императора. Полномочия совета обширны и существенны. Как отметил приговор Международного военного трибунала, к лицам и органам, «имевшим власть формулировать военную полити-

ку, относились военный и морской министры, начальники генерального штаба и главного морского штаба... Высший военный совет...»

На этом особо важном совещании, как подтвердили доказательства и как это установлено приговором, присутствовал в качестве члена Высшего военного совета и Кэндзи Доихара. Военный министр Тодзио и его заместитель Кимура (тоже подсудимый) изложили перед собравшимися свой стратегический план, рассчитанный на ближайшие месяцы. Высший военный совет согласился с их предложениями. А через два дня, когда у императора состоялось совещание с руководителями Японии, указанные предложения были санкционированы на высшем уровне. Каков же был пресловутый стратегический план, за который проголосовал и Кэндзи Доихара?

Предоставим слово приговору: «Япония будет придерживаться своего плана установления господства в Восточной и Юго-Восточной Азии и продолжать наступление на юг, одновременно будучи готова воспользоваться благоприятной возможностью, которая представится во время германо-советской войны, для того чтобы напасть на СССР».

В то же время в целях маскировки с США и Великобританией «должны были проводиться необходимые дипломатические переговоры, пока завершится окончательная подготовка к нападению на Сингапур и Пёрл-Харбор».

Как понимали руководители Японии «благоприятную возможность», которая позволит напасть на СССР, хорошо видно из документов того же совещания от 2 июля 1941 года: «Япония должна оставаться нейтральной в германо-советской войне, тайно готовясь к нападению на Советский Союз, которое должно быть совершено тогда, когда станет ясно, что Советский Союз настолько ослаблен войной, что не сможет оказать эффективного сопротивления». Решительным сторонником этого плана являлся Тодзио. Именно он заявил, что «Япония завоюет большой престиж, напав на СССР тогда, когда он вот-вот упадет, подобно спелой сливе» (цитаты взяты из приговора Международного военного трибунала.— *Авт.*).

Японских руководителей, принимавших это коварное решение, не смущал тот факт, что незадолго до этого — 13 апреля 1941 года — с СССР был подписан пакт о нейтралитете, который недвусмысленно обязывал их стра-

ну соблюдать строгий нейтралитет, в том числе и в случае нападения на Советский Союз гитлеровской Германии.

Тогда, 30 июня 1941 года, Доихара, как и другие японские руководители, без колебаний проголосовал за план агрессии... Как же убийственно выглядел этот факт теперь, после разгрома Японии, здесь, в зале, где судили японских военных преступников, по чьей воле были загублены миллионы людей, а множество городов и сел превратились в руины...

Вот почему генералу Доихара трудно было что-либо возразить, даже получи он такую возможность, когда услышал в приговоре оценку своей роли в развязывании второй мировой войны: «18 июня 1938 года генерал-лейтенант Доихара, который во время продвижения японцев на юг от Пекина командовал дивизией, был отозван из Китая и прикомандирован к генеральному штабу. Доихара, как и Итагаки (тоже подсудимый.— *Авт.*), играл большую роль в планировании и осуществлении мукденского инцидента и последующем развитии планов армии».

Но Доихара не только планировал войны, он, как указывает приговор, «принял участие в ведении агрессивной войны не только против Китая, но также против СССР и тех стран, против которых Япония вела агрессивную войну с 1941 по 1945 год. Доихара, будучи генерал-лейтенантом, служил в генеральном штабе, который осуществлял общее руководство боями в районе озера Хасан. Подразделения армии, которой он командовал, приняли участие в боях в районе Номонхан-дзикэна» (Халхин-Гол.— *Авт.*).

И Трибунал резюмировал: «Мы считаем его виновным в заговоре для ведения агрессивных войн и в ведении агрессивных войн».

Да, не без оснований японское правительство в свое время молниеносно превратило скромного полковника в полного генерала и осыпало его наградами. И не случайно он очутился на скамье подсудимых в числе главных японских военных преступников. Именно это обеспечило ему соответствующее место в новейшей истории. Но Доихара не только замышлял и вел агрессивные войны, он, как и другие японские руководители тех лет, оставил кровавый след своих преступлений, грубо попирая законы и обычаи ведения войны. И делал он это в соответствии

с государственной политикой Японской империи в течение всего периода заговора — с 1928 по 1945 год. Так же как и нацистская Германия, милитаристская Япония превратила массовый террор, пытки, грабежи, насилие в отношении военнопленных и мирных жителей оккупированных территорий в один из методов ведения захватнических войн.

Да, тяжкие обвинения, много, слишком много улик. А Доихара, как уже говорилось, занял позицию молчания. Что же, он совсем отказался защищаться? Нет, в стенограмме процесса есть и фаза защиты Кэндзи Доихара. Причем в этой фазе имел место один, на первый взгляд не совсем понятный эпизод, в котором активно действовал главный адвокат старого разведчика — американский полковник Уоррэн.

Полковник Уоррэн, подойдя к пульту, обращается к председателю Трибунала:

— Ваша честь, я хотел сказать Трибуналу, что мы не составили аффидевита подсудимого Доихара, но что ни два защитника моего клиента, ни я не собираемся утаивать что-либо от суда. Поэтому, если кто-нибудь из членов Трибунала хочет вызвать его на свидетельское место в соответствии со статьями Устава, то подсудимый ответит на любые вопросы. Однако сам Кэндзи Доихара не займет свидетельского места, если он не будет вызван судом или кем-нибудь из членов Трибунала.

Это заявление вызвало реплику главного обвинителя Кинана:

— Господин председатель, я возражаю против заявления, сделанного моим коллегой относительно того — я не могу повторить точно слова,— что он не собирается скрыть что-либо от суда. Я прошу, чтобы защита вызвала подсудимого как своего свидетеля, если адвокаты вообще намерены иметь его на свидетельском месте.

Председатель: Полковник Уоррэн, такое заявление вы могли бы сделать только для того, чтобы услышать наш совет, который мы не хотим давать в данном случае, или получить наши указания.

Но адвокат Уоррэн настойчив, и причины такой настойчивости сейчас станут ясны читателю, как в свое время стали ясны суду.

— Ваша честь, защищая интересы своего подзащитного,— заявил Уоррэн,— я вынужден настаивать на том,

чтобы меня выслушали, потому что я не прошу совета. Мне кажется, что сейчас как раз время поднять этот вопрос.

Председатель: Трибунал решил не давать вам слова сейчас. В своей заключительной речи вы сможете дать те объяснения, которые вы считаете необходимыми.

Полковник Уоррэн: Ваша честь, действуя так, Трибунал мог бы дать обвинению возможность утверждать, что подсудимый отказался отвечать на любые вопросы. Поэтому я хочу, чтобы в стенограмме было записано, что подсудимый готов отвечать на все вопросы Трибунала, как это предусмотрено Уставом, что он не отказался отвечать ни на один вопрос.

А ларчик просто открывался: адвокаты, конечно с согласия Доихара, не хотели его допрашивать, но в то же время настаивали, чтобы в стенограмме было ясно отражено, что их клиент «готов ответить на любые вопросы». Настаивали, чтобы никто не думал, будто Доихара чего-то боится, что-то скрывает от суда и поэтому занимает позицию молчания. Но читатель уже знает, что за все время Доихара произнес лишь несколько слов, пытаясь отрицать свою вину. Больше за два с половиной года никто в суде не слышал голоса этого подсудимого, никто не задавал ему вопросов. Предложение Уоррэна суду фактически сводилось к тому, чтобы сам Трибунал проявил инициативу и вызвал Доихара к свидетельскому пульту. Причем адвокат ссылался на Устав Международного военного трибунала. Если бы суд согласился с ним, Доихара пришлось бы давать показания, пришлось бы стоять под огнем перекрестного допроса. А как раз этого не хотели ни он сам, ни его адвокаты. Что же означала вся эта игра?

Реплика председателя как-будто внесла ясность в этот вопрос: «Подсудимый и его защитники сами несут ответственность за решение, будет ли подсудимый вызван на свидетельское место. Разделит ли позиции защиты Трибунал — это другой вопрос».

А как же быть со ссылкой адвокатов на то, что по Уставу Трибунала инициатива допроса подсудимого принадлежит не только защитнику, но и самому суду? Может быть, полковник Уоррэн плохо знал Устав? Нет, он знал его отлично, это был высококвалифицированный американский адвокат. Так в чем же все-таки дело? Для того

чтобы разобраться во всем этом, надо познакомить читателя с одним положением Устава Трибунала и посвятить в некоторые особенности ведения уголовных дел по англо-американскому праву.

В статье одиннадцатой Устава записано, что Трибунал имеет право «допрашивать каждого подсудимого и разрешать делать выводы по поводу отказа подсудимого отвечать на вопросы». Таким образом, по Уставу инициатива вызова подсудимого для допроса принадлежала также и суду. Однако Трибунал руководствовался в данном случае не Уставом, а положениями англо-американского права, как это уже практиковалось в Нюрнберге на процессе главных немецких военных преступников.

Каков же в англо-американском праве порядок допроса подсудимых? Прежде всего лицо, обвиняемое в преступлении, признается компетентным свидетелем, но только со стороны защиты. Поэтому обвиняемый должен сам или через своего адвоката заявить о своем желании занять свидетельское место. Только тогда он подвергается допросу.

Адвокат Доихара, конечно, хорошо знал, что статья одиннадцатая Устава, дававшая Трибуналу право по собственной инициативе допрашивать подсудимых, не применяется судом, что она бесспорно мертва, что практически действуют нормы англо-американского процесса. Отсюда его широкий жест: Кэндзи Доихара готов, господа судьи, отвечать на любые вопросы, если вы этого пожелаете. Жест совершенно безопасный, ибо он знал, что судьи на это не пойдут. Зато готовность его клиента ответить на все вопросы будет отражена на страницах стенограммы процесса как еще одно свидетельство чистосердечного поведения Доихара. Игра, как видим, беспроигрышная, но дешевая. Это только еще одно доказательство юридического крючкотворства, примеров которого было немало на Токийском процессе и до которого так охочи некоторые буржуазные адвокаты.

Ну а как же согласно англо-американскому процессу производится допрос обвиняемого и свидетелей?

Сперва — главный допрос, или свободное изложение подсудимым всего, что он желает сказать суду. Затем прямой допрос, который ведет адвокат как сторона, вызвавшая свидетеля. За этим следует перекрестный допрос противоборствующей стороной — обвинителем. Допуска-

ется также повторный прямой допрос адвокатом и повторный перекрестный допрос обвинителем. По этой схеме подсудимые допрашивались и в Нюрнберге, и в Токио. Однако было здесь два существенных различия. Во-первых, в Нюрнберге все подсудимые, кроме Гесса, дали показания и поэтому были подвергнуты прямому и перекрестному допросу сторон. Ставил свои вопросы также и Трибунал. В Токио же десять человек на скамье подсудимых, очевидно, учли неудачный судебный опыт немецких соучастников по заговору против мира. Видимо, поэтому, как уже отмечалось, они предпочли полное молчание. Они предпочли его риску перекрестного допроса обвинителями и Трибуналом. Адвокаты просто не вызвали их к свидетельскому пульту. Во-вторых, в Нюрнберге главный допрос, то есть свободное изложение обвиняемым обстоятельств дела, как он их понимал, был устным, в Токио же — письменным.

Чем это было вызвано? Тем, что Уставом Трибунала (статья тринадцатая) допускались в качестве доказательства без каких-либо ограничений письменные свидетельские показания, данные под присягой. Такие показания назывались **аффидевитом** и согласно решению Трибунала могли заменить главный устный допрос свидетеля в суде, если вызов его был затруднен. Защита яростно возражала, ссылаясь на неотъемлемое право перекрестного допроса. Однако Трибунал, так же как и в Нюрнберге, отклонил эти протесты защиты. Вызов сотен свидетелей, уже допрошенных обвинителями и разъехавшихся по всему свету — военнопленных, интернированных лиц,— привел бы к бесконечной затяжке процесса.

В начале суда Трибунал обязал обвинителей и защиту заблаговременно представлять в письменном виде показания своих свидетелей, даже если они лично будут присутствовать на суде. Такое решение имело целью экономить время и облегчить трудности, вызванные языковым барьером.

Эти аффидевиты заменили устный главный допрос свидетеля. Таким образом, устно велись только допросы — прямой, перекрестный, повторный прямой и повторный перекрестный. Из этого правила Трибунал сделал одно исключение: разрешил не представлять аффидевита, если в суд вызывают свидетеля американца, или англичанина, или лиц с высшим образованием, свободно владеющих

английским. Допросы только таких свидетелей велись целиком устно.

Защита сперва возражала против такого порядка, однако впоследствии почуяла, что здесь для нее скрыты некоторые возможности: свидетели защиты, порой готовые на все, дабы выручить подсудимых, часами и днями составляли свои аффидевиты под руководством высококвалифицированных американских адвокатов, зачастую не слишком щепетильных в моральном отношении. При этом, разумеется, учитывались все возможные подвохи в фазе перекрестного допроса. Столь фундаментальная подготовка, естественно, затрудняла обвинению разоблачение таких «носителей правды».

В качестве свидетелей защиты фигурировали и сами обвиняемые. Нечего говорить, что при составлении их письменных показаний деятельность адвокатов была особенно интенсивной.

Чтение показаний одного свидетеля нередко длилось часами, а отдельных подсудимых — днями. Например, аффидевит Тодзио — 285 страниц машинописного текста — зачитывался три дня, Кидо — 210 страниц — два дня. Это делало заседание невыносимо утомительным, ослабляло внимание судей, обвинителей, представителей прессы. И порой кое-что неприятное для подсудимого могло пройти незамеченным, не стать предметом перекрестного допроса. Правда, для судей оставалась стенограмма процесса, но она насчитывала не одну сотню томов, а количество страниц, включая приобщенные документы — доказательства, так называемые **экзибиты,**— исчислялось не одной сотней тысяч страниц, поэтому преимущества защиты при таком методе ведения судебного следствия очевидны.

Адвокаты, составляя аффидевиты своих свидетелей, включая, разумеется, подсудимых, тщательно обходили все острые углы. Когда же обвинение в ходе перекрестного допроса пыталось эти «углы» осветить, защита неизменно протестовала, указывая, что это нарушение одного из правил американского процесса, что своими вопросами обвинение выходит за рамки представленных письменных показаний, иначе говоря, за рамки главного допроса. Между тем это воспрещено. И действительно, американское право именно так решает подобный спор. Бесконечные пререкания процессуального характера затягивали процесс, уводили его в сторону от существа дела, что тоже

соответствовало стремлению защиты. Трибунал положил конец этим спорам, указав, что и обвинение и защита должны «в перекрестном допросе ограничиваться главными темами, затронутыми при прямом допросе» (то есть фактически в письменных показаниях.— *Авт.*).

Но, несмотря на это, характер вопросов и в дальнейшем был часто предметом жестоких и длительных споров.

Кто же выиграл и кто проиграл от такого решения и от всего порядка проведения судебного следствия? Обвиняемые совершили тягчайшие преступления на глазах всего человечества, однако на суде они все отрицали. Поэтому задача обвинения объективно была проще задачи защиты. Обвинение подпирала историческая правда, конкретно воплощенная во многих доказательствах — показаниях очевидцев и документах.

Защита в Токио слепо следовала версии, выдвинутой ее клиентами. Понятно, что ей было много трудней. Требовалось создать правдоподобную ложь, причем применительно к событиям такого масштаба, как вторая мировая война и породившие ее причины.

И подсудимые, и защита стремились затянуть процесс, затруднить установление истины. Они, так же как в Нюрнберге, рассчитывали на спасительную роль времени, на «холодную войну», которая, по их расчетам, каждый час могла перерасти в войну горячую.

Что касается Доихара, то он, как старый разведчик, яснее всех других понимал, что эшафот неизбежен, к нему равно ведут обе дороги — признание и отрицание. Так для чего же Доихара ухватился за соломинку отрицания? Действуя так, он полагал, что работает на историю. Что придет время, и Кэндзи Доихара станет национальным героем и мучеником. Так какой же смысл в признании? Та же смерть, но не величественная, а жалкая. В этом был весь Доихара. Опаснейший и нераскаявшийся преступник из породы тех, кого история ничему не учит. И надо сказать, что мечта Доихара не была такой уж иллюзорной. Разве не подтверждение тому памятник на горе у города Нагоя, где в числе имен семи самураев-«мучеников» высечено и имя Кэндзи Доихара...

Прав был главный обвинитель Кинан, подчеркнувший в своей речи, что вернуть свободу этим людям — значит разрешить им начать все сначала: ведь, отрицая свою

вину, они тем самым признавали все содеянное законным и естественным.

Однако не все подсудимые, дружно ухватившиеся вместе с Доихара за соломинку отрицания, руководствовались теми же мотивами, что и он. Многих на этот путь толкнула надежда уцелеть. Степень участия подсудимых в преступном заговоре была различной. То, что делал Доихара, не делали Того и Сигэмицу, не делали другие. Ведь даже в Нюрнберге — рассуждали обвиняемые — не всех казнили, некоторых лишили свободы, троих же вообще оправдали. И каждый из подсудимых по-своему надеялся, по-своему лгал, по-своему защищался. Большинство рассчитывало хотя бы частично утопить правду в болоте многословия, елико возможно, затянуть процесс. Почти год — с 24 февраля 1947 года по 12 января 1948 года — защита представляла свои доказательства. Эти усилия адвокатов получили отражение в стенограмме, включавшей 20 171 страницу. Суду было представлено 1527 документов и 524 свидетеля. 31 день длилась заключительная речь защиты, объем стенограммы которой составлял 6033 машинописные страницы. Для сравнения укажем, что обвинение произносило заключительную речь 14 дней, а объем стенограммы составлял 3126 страниц. И столь широкие, необоснованно широкие возможности были предоставлены для защиты тем, кто, находясь у власти, казнил, пытал, заключал без суда и следствия в концентрационные лагеря многие сотни тысяч ни в чем не повинных людей.

Однако Кэндзи Доихара из всех подсудимых наиболее сдержанно, мы бы сказали, скупо использовал эти возможности. Его они не прельщали. Как опытный разведчик, он был способен лучше других оценить силу улик, собранных обвинением. Однако заставить совсем молчать своих адвокатов, как молчал он сам, Доихара, конечно, не мог. Да и не хотел этого: ведь полный отказ от фазы защиты мог быть истолкован как его молчаливое согласие с тем, что утверждало обвинение. Когда же адвокаты вступили в дело, то, кроме неприятностей и конфуза, это ничего не дало старому разведчику, хотя его фаза защиты и была самой короткой на процессе.

Защита, например, пыталась доказать недоказуемое: будто Кэндзи Доихара был другом китайского народа и ни в каких интригах, связанных с организацией автоном-

ных правительств по всему Китаю, он, разумеется, участия не принимал. Подтвердить это был призван свидетель Макото Аидзава, служивший под командованием Кэндзи Доихара — главы военной миссии в Мукдене с апреля 1933 по март 1936 года. Пока зачитывались показания самого Аидзава (он ведал отделом прессы при военной миссии в Мукдене), все шло гладко. Но вот его взял в оборот обвинитель китайский судья Ни.

Вопрос: Когда вы работали под командованием Доихара, знали ли вы, что в 1935 году он предпринял политическое наступление для создания независимого государства в Северном Китае под угрозой послать пять дивизий за Великую Китайскую стену и посадить императора Маньчжоу-го в Пекине?

Ответ: Я ничего не знаю об этом.

Вопрос: Знаете ли вы, что он был в районе Пекина и Тяньдзиня в ноябре 1935 года в связи с вышеназванным движением?

Ответ: Да.

Вопрос: Знаете ли вы, что газеты всего мира сообщали о деятельности Доихара в районе Тяньдзиня и Пекина в связи с организацией движения за автономию пяти провинций?

Ответ: Печать, может быть, в то время и помещала подобные сообщения, но я не помню их сейчас. Я не думаю, что генерал Доихара имел какое-нибудь отношение к сепаратистскому движению пяти провинций Северного Китая.

Вопрос: Поскольку вы занимались сбором сведений как лицо, ведавшее отделом прессы, вы читали эти газетные сообщения?

Ответ: По-моему, я читал их.

Вопрос: Кому миссия передавала различные собранные сведения?

Ответ: Командующему (имеется в виду командующий Квантунской армией.— *Авт.*).

И тут лживый свидетель попадает в ловушку. Обвинитель Ни предъявляет Аидзава подписанный им же доклад. Какая коварная штука эти документы, неумолимые свидетели недоброго прошлого.

Вопрос: Этот доклад был составлен отделом прессы вашей миссии, когда вы служили там?

Ответ: Это доклад, составленный военной миссией.

Вопрос: Видите ли вы на этой странице фразу: «Одного упоминания имени Доихара и Итагаки достаточно для того, чтобы навести ужас на народ Северного Китая»?

Ответ: Могу я прежде всего сказать о докладе? Это доклад, составленный военной миссией в Мукдене. Подобные документы посылались армии, заместителю начальника генерального штаба и заместителю военного министра.

— Но вы не ответили на вопрос,— резонно замечает обвинитель.

— Я не закончил ответа,— откликается Аидзава и тут же пытается доказать, что его доклад командующему Квантунской армией о событиях в Северном Китае тех лет не более чем сводка газетных уток с клеветой на непорочного Кэндзи Доихара.

Военного журналиста сменяет у свидетельского пульта дипломат Каудзуэ Кувадзима, который в тридцатых годах был генеральным консулом в Тяньдзине. Дело в том, что обвинение предъявило ряд секретных телеграмм Кувадзима, адресованных тогдашнему министру иностранных дел Японии барону Сидэхара. В этих телеграммах в весьма неприятных для Доихара выражениях (неприятных, разумеется, в тот момент, когда за них пришлось держать ответ перед судом) оценивалась его подлинная роль при восшествии на маньчжурский престол Генри Пу И.

Защита вызвала Кувадзима на процесс с единственной целью — смягчить впечатление, которое его давнишние телеграммы, адресованные Сидэхара, могли произвести на суд. Зачитывают его аффидевит: «Будучи генеральным консулом, я собирал различную информацию относительно обвиняемого Кэндзи Доихара, который, я полагаю, был связан в своих действиях с упомянутым маньчжурским инцидентом и передавал тайную информацию по телеграфу тогдашнему министру иностранных дел Сидэхара или начальнику азиатского бюро министерства иностранных дел. Некоторые из этих телеграмм были представлены в качестве доказательств обвинения».

По словам Кувадзима, выходило, что он по секретным каналам снабжал своего министра информацией, которая, по сути дела, ничего не стоила. Сам он как генеральный консул был слишком занят, чтобы вести расследование действий Доихара, и полностью зависел поэтому от своих подчиненных, которые собирали такие сведения как могли.

Председатель, естественно, поинтересовался, чем вообще было вызвано появление его телеграмм.

— Согласно инструкциям, полученным мною, мнение министра иностранных дел заключалось в том, что сейчас не время для появления Генри Пу И в Маньчжурии,— ответил Кувадзима.

Последовал уточняющий вопрос председателя:

— Было ли министерство иностранных дел против возвращения Пу И когда бы то ни было?

Ответ: Насколько я понимал, а также согласно инструкциям, которые я получил, в тот момент еще не настало время для возвращения Пу И в Маньчжурию...

Теперь суду стало ясно, что между японскими военными и дипломатами существовало разногласие чисто тактического характера: немедленно превратить Пу И в марионеточного императора или сделать это позже?

Допрос продолжает обвинитель Ни.

Вопрос: Барон Сидэхара прислал вам по телеграфу инструкцию относительно похищения императора? Значит, вы знали, что осуществление плана следует задержать, но быть наготове?

Ответ: Я получил от министра иностранных дел такую инструкцию: увидеться с Генри Пу И и посоветовать ему не приезжать в Маньчжурию.

Вопрос: Значит, вы посылали это сообщение не в порядке обычного обмена телеграммами, но в ответ на инструкцию барона Сидэхара, переданную вам, не так ли?

Ответ: Конечно, я беседовал с Пу И и передал ему совет согласно инструкции министра иностранных дел.

Вопрос: Господин свидетель, в последнем абзаце аффидевита вы говорите: «Что касается моего личного знакомства с Доихара, то я, насколько мне помнится, встречался с ним два раза, и мы ограничивались только светской беседой». Правда ли, что в своих телеграммах барону Сидэхара вы упоминали, что имели несколько бесед с самим генералом Доихара?

Ответ: Ни в одной из своих телеграмм я не ссылался на свои беседы с генералом Доихара...

Тогда судья Ни вынужден уличить свидетеля в банальной лжи. Обвинитель предъявляет Кувадзима телеграмму, которую тот отправлял своему министру. «Я дважды исчерпывающе доказывал Доихара, что ему нельзя совершать столь поспешных действий,— говорилось в те-

леграмме.— Однако он по-прежнему собирается свергнуть Чжан Сюэ-ляна, и есть опасение, что в ближайшем будущем он будет зачинщиком нового инцидента в районе Тяньдзиня...»

Кувадзима смущенно молчит. Обвинитель Ни спрашивает, помнит ли он, что его телеграммы о деятельности Доихара не только содержали сообщения, полученные из различных источников, но и подтверждались телеграммами японских консулов, находившихся в Шанхае, Нанкине и Пекине.

Кувадзима отрицательно качает головой. Вопросов к нему у обвинения больше нет, и посрамленный Кувадзима покидает свидетельское место.

На этом допросе свидетеля Кувадзима заканчиваются и попытки защиты опровергнуть обвинения, выдвинутые против Доихара, в частности в преступной деятельности в Маньчжурии и Китае.

Начинается представление доказательств защиты, связанных с бесчинствами, учиненными войсками генерала Доихара во время боев 1937—1938 годов на железной дороге Пекин — Ханькоу.

Итак, фаза защиты.

У свидетельского пульта генерал-лейтенант Кандзи Ядзаки. Обвинение возражает против отдельных пунктов его письменных показаний как явно тенденциозных. И это абсолютно справедливо. Многие эпизоды, которые привел свидетель Кандзи Ядзаки, смахивали на забавные анекдоты и очень мало походили на серьезные свидетельские показания в отношении человека, войска которого на протяжении многих лет чинили насилия и зверства на китайской территории.

Аналогичные показания дали и другие свидетели, в прошлом подчиненные Доихара. Лейтмотив их выступлений был один: «Он любил китайцев и заботился о них больше, чем о нас». Лживость показаний таких свидетелей была столь очевидной, что обвинение даже не подвергало их перекрестному допросу.

Защита обошла молчанием обвинение Доихара, касающееся его работы на ответственной должности в генеральном штабе в 1938 году. Между тем Доихара обвинялся и был осужден за соучастие в агрессивной военной акции против СССР в районе озера Хасан, поскольку

этой боевой операцией руководил японский генеральный штаб.

Умолчав об этом, адвокаты взяли под обстрел другое обвинение против Доихара — о его участии в необъявленной агрессивной войне Японии против СССР в районе реки Халхин-Гол в 1939 году (на Токийском процессе эта акция получила название «номонханский инцидент»). Доихара в то время командовал 5-й армией.

Итак, за пультом свидетель защиты Такусиро Хаттори — штабной офицер Квантунской армии. В аффидевите он утверждал, что Доихара не может нести никакой ответственности за «номонханский инцидент», так как его 5-я армия имела целью лишь оборону Восточной Маньчжурии. Перекрестный допрос ведет советский обвинитель полковник Иванов.

Вопрос: Скажите, свидетель, а пулеметные, моторизованные, зенитные и другие специальные части, выделенные из пятой армии и отправленные в район Халхин-Гола, как вы сообщаете на странице второй своего аффидевита, принимали участие в операции?

Ответ: Да.

Вопрос: Приказы об отправке этих частей командующий Квантунской армией отдавал генералу Доихара или непосредственно командирам частей, отправленных в район Халхин-Гола?

Ответ: Приказы отдавались генералу Доихара...

Так становится ясным, что Доихара лично отдавал приказы наиболее мобильным и хорошо вооруженным частям своей армии принять участие в агрессивной необъявленной войне против СССР в районе реки Халхин-Гол.

Обвинитель продолжает наступление. Он стремится доказать, что Доихара хорошо знал конечные стратегические цели «номонханского инцидента», ведь это была крупнейшая военная операция. Достаточно сказать, что японцы потеряли в ней около 55 тысяч солдат, множество танков, орудий, самолетов. Японский генеральный штаб рассчитывал, что победа в этой операции положит успешное начало войне против СССР, позволит осуществить выход японских войск в район озера Байкал, захватить советское Приморье, а также оккупировать МНР.

То, что бои на Халхин-Голе кончились сокрушительным разгромом японских войск, так же как в меньшем

масштабе и годом раньше у озера Хасан, разумеется, не учитывалось в плане генерального штаба в Токио.

Именно 5-я армия Доихара была нацелена на захват советского Приморья, и, разумеется, ее командующий знал об этом. Но свидетель защиты Такусиро Хаттори упорно уходил от признания этого факта. Однако точные вопросы обвинителя вынудили его сделать это.

Вопрос: Уточните, свидетель, не была ли дислоцирована пятая армия в пограничных районах Восточной Маньчжурии для операции против советского Приморья?

Ответ: Пятая армия охраняла восточные границы Маньчжурии с целью ее обороны.

Вопрос: Сообщал ли штаб Квантунской армии командующему пятой армией генералу Доихара задачи этой армии согласно оперативному плану войны против СССР в 1939 году?

Ответ: Что касается оперативных планов, я думаю, что их проекты представлялись командующему Квантунской армией.

Обвинитель *(настойчиво):* Но генералу Доихара были известны боевые задачи, стоящие перед его армией в случае войны с Советским Союзом, не так ли?

Свидетель *(с явной неохотой):* Генерал Доихара знал об оперативном плане на случай возникновения войны, но только постольку, поскольку это касалось пятой армии.

Вопрос: Были ли известны вам, офицеру штаба Квантунской армии, содержание оперативного плана войны против СССР в 1939 году и задачи пятой армии по этому плану?

Ответ: Да, мне это было известно.

Вопрос: Не предусматривались ли оперативным планом войны против СССР в 1939 году операции по захвату советской Приморской области? И не должна ли была пятая армия участвовать в этих операциях?

Ответ: Командующий не знает о своих военных обязанностях до тех пор, пока не начнется война...

Вопрос: Господин свидетель, вы не ответили на мой вопрос. Скажите, пожалуйста, «да» или «нет»?..

— Ваша честь,— обращается к председателю адвокат Уоррэн,— я возражаю против того, чтобы свидетеля просили ответить «да» или «нет».

Но председатель отлично понимает, о чем идет речь, и поддерживает советского обвинителя:

— Я прошу свидетеля ответить «да» или «нет», а если необходимо, дополнить ответ объяснением,— твердо говорит он.

— Нет,— произносит свидетель защиты Такусиро Хаттори,— основной обязанностью пятой армии была оборона. Всегда только оборона. Поэтому первой задачей пятой армии и ее действиями была оборона...

Кажется, все ясно: свидетель устоял. Но тут его подводит собственное прошлое, прошлое офицера генерального штаба, который хорошо понимает, что в ходе планирования наступательной, агрессивной боевой операции командующему армией не может быть дан только один вариант — вариант глухой обороны, и Хаттори невольно проговаривается:

— Конечно, при рассмотрении вопросов об обороне всегда учитывается возможность наступательной обороны.

— Входила ли в этот план наступательной обороны операция по захвату советской Приморской области? — следует тут же вопрос обвинителя.

Но Хаттори уже спохватился и вместо ответа пустился в философские рассуждения о том, что «наступательные действия вытекают из мысли о наступательной обороне».

Обвинителю остается только одно: раскрыть перед Трибуналом подлинное лицо этого свидетеля защиты.

— Генерал, не принимали ли вы участия в разработке военных планов против СССР, будучи штабным офицером Квантунской армии и генерального штаба японской армии? — спрашивает полковник Иванов.

И Такусиро Хаттори вынужден скромно признать:

— Я имел отношение к стратегическим и военным планам...

Подобные свидетели защиты, разумеется, не могли спасти Доихара от обвинений по поводу его участия в агрессивной войне против СССР. И, как известно читателю, Трибунал признал эти обвинения доказанными.

Ну а что же противопоставляла защита Доихара такому тяжкому обвинению, как систематическое нарушение законов и обычаев ведения войны, в результате чего погибли тысячи невинных людей?

Сами факты зверств защита даже не пыталась подвергнуть сомнению, слишком страшны, сильны и убедительны были доказательства, представленные обвинением.

Поэтому адвокаты Доихара избрали иной путь — они стремились доказать, что их клиент, командовавший армиями и фронтами, якобы не нес ответственности за состояние дел в лагерях военнопленных, расположенных в районах дислокации его войск. Ответственность за это они возложили опять же на плечи бывших подчиненных своего клиента.

Рассматривается период с апреля 1944 года по апрель 1945 года, когда Доихара командовал 7-м фронтом, который охватывал территорию Малайи, Суматры, Явы и некоторое время Борнео.

Зачитывается аффидевит свидетеля Фува Хироси — подполковника, бывшего штабного офицера 7-го фронта. Он утверждает, что, поскольку 7-й фронт входил в состав так называемой Южной армии, которой командовал фельдмаршал Хисаити Тэраути (к началу процесса его уже не было в живых), вся ответственность за состояние дел в лагерях военнопленных лежала якобы только на Тэраути. «Ситуация была такова. Командующий Южной армией нес полную ответственность за администрацию и обращение с военнопленными, находившимися в его непосредственном ведении. Командующий фронтом не имел никаких полномочий в этом вопросе и не нес никакой ответственности. Если лагеря для военнопленных даже помещались на территории, находящейся под юрисдикцией фронта, они все равно не подчинялись командующему фронтом».

Обвинитель полковник Морнэн в первую очередь пытается уточнить структуру японского военного подчинения, о которой сообщил свидетель.

— Значит, командующий фронтом подчинялся непосредственно командующему армией? — спрашивает он свидетеля... и получает утвердительный ответ.

Председатель: Мне вовсе не кажется, что вы имеете в виду обращение с военнопленными, полковник. Наоборот, я не могу понять, что вы хотите узнать.

Полковник Морнэн: Вы правы, сэр. Дело в том, что свидетель описывает совершенно необычную структуру организации армии, которая в корне отличается от обычной структуры.

— Этого достаточно,— замечает председатель.

И полковник Морнэн переходит к существу вопроса.

— Свидетель,— говорит он,— я зачитаю вам статью

третью японского указа о лагерях для военнопленных от 23 декабря 1941 года: «Военнопленные в лагерях находятся в ведении командующего армией или командующего гарнизоном и под общим контролем министра». Можете ли вы совместить практику командующего Южной армией с тем, что предусмотрено статьей о военнопленных?

— Эта статья относится к военнопленным, находящимся в лагерях собственно Японии,— растерянно говорит свидетель Фува Хироси.— А когда речь идет о военнопленных, находившихся в лагерях, которые были расположены на колониальных территориях, то, я думаю, что командующий Южной армией и является тем самым командующим армией, о котором упоминается в статье третьей...

Но вот заходит речь о лагерях военнопленных, расположенных в самой Японии, где с мая 1943 года по март 1944 года Доихара тоже командовал фронтом — Восточным, в который входил и район Токио. Показания об этих лагерях дает бывший начальник штаба Восточного фронта генерал Нэтти Тацуми. Выясняется, что и в самой Японии командующий фронтом не отвечал за состояние дел в лагерях военнопленных, если, конечно, верить Нэтти Тацуми, который утверждал: «Я служил начальником штаба генерала Доихара все то время, пока он являлся командующим Восточным фронтом, и поэтому я знаком с его инструкциями и системой контроля над военнопленными в районе Токио. Основной целью Восточного фронта была оборона Токио и прилегающих к нему районов, являющихся самым важным участком обороны собственно Японии.

Что касается обращения с военнопленными на территории собственно Японии и на оккупированных территориях, то этими вопросами ведали две специальные организации. С этой целью было учреждено два отдельных бюро, первое известно как информационное бюро по делам военнопленных, другое — бюро по контролю над военнопленными. Оба эти бюро возглавлялись одним человеком, и обе организации непосредственно подчинялись военному министру».

Впрочем, перед лицом очевидных фактов и этот свидетель вынужден был кое-что признать. Он, например, сообщил, что кроме двух названных выше бюро в Токио были созданы районные центры по осуществлению конт-

роля над военнопленными, находящимися в ведении Восточного фронта. Эти районные центры подчинялись уже командующему Восточным фронтом, в ведении которого насчитывалось около 20 отрядов, включавших 4 тысячи военнопленных.

Нэтти Тацуми был, видимо, заранее информирован защитой о том, что обвинение предъявило доказательства, подтверждающие не только знание Доихара условий, в которых находились военнопленные в районах расположения его войск, но и то, что он лично инспектировал лагеря. И вот какие показания дал по этому поводу Нэтти Тацуми: «Я не хочу сказать, что Доихара не получал никаких сведений относительно военнопленных, потому что на самом деле он ежемесячно получал сообщения об условиях, в которых находились военнопленные. Но в этих сообщениях никогда ничего не говорилось относительно плохого отношения к ним. Я знаю, что кроме выполнявшихся Доихара основных обязанностей он проявлял интерес к условиям, в которых приходилось жить и работать военнопленным, и иногда посещал лагеря, находившиеся в его ведении.

Во время одного из посещений лагеря Наоцу генерал Доихара узнал, что в лагере было недостаточно хорошо налажено медицинское обслуживание и что в случае серьезных заболеваний приходилось вызывать врачей и привозить медикаменты из города Сибата, расположенного довольно далеко от лагеря.

Несмотря на тот факт, что кроме этого лагеря для военнопленных там было много частей японской армии, а также гражданских селений, которые в равной степени могли жаловаться на плохое медицинское обслуживание, генерал Доихара прикомандировал к этому лагерю несколько врачей, работавших в армейском госпитале неподалеку от лагеря».

Обвинитель китайский судья Сян отказался от перекрестного допроса Нэтти Тацуми. И правильно поступил: в показаниях этого свидетеля правдой было лишь то, что Доихара знал, как жили военнопленные, не только по сводкам, но и на основе личных впечатлений. Все остальное было ложью.

А теперь вернемся к идиллическому описанию посещения Доихара лагеря Наоцу и результатов его визита, как они изложены в показаниях Тацуми, и сопоставим

это с тем, что зафиксировано судом во втором томе дополнений к приговору. «Наоцу — голод, никакой медицинской помощи, незаконное использование на работах и пытки военнопленных. Доихара инспектировал этот лагерь. Наоцу является приморским городом в заливе Тояма на северном побережье острова Хонсю, к северо-западу от Токио. Этот лагерь функционировал с декабря 1942 до августа 1944 года. В декабре 1942 года в этот лагерь была доставлена первая партия австралийских военнопленных, насчитывающая 300 человек. Норма продовольствия была непостоянна, она состояла на 15 процентов из риса, на 60 процентов из ячменя и на 25 процентов из кукурузы. Для военнопленных, выполнявших легкую работу, выдавалось около 500 граммов этой смеси. Военнопленным, работавшим в длинной смене, выдавалось немногим больше. Военнопленные умирали от недоедания.

В этом лагере из-за отсутствия медицинской помощи умерло более 60 человек. Другой непосредственной причиной смерти являлись постоянные побои и продолжительный рабочий день при недостаточности питания. В лагерях было большое количество насекомых. В них кишели вши, клопы, в уборных были черви. Хотя на складе имелось около 300—400 пар обуви, присланной обществом Красного Креста, обувь не выдавалась военнопленным, а в то время уже лежал глубокий снег. В сентябре 1943 года Доихара инспектировал этот лагерь. Во время его инспекции условия в этом лагере были очень плохие, хотя лагерь и был «приглажен» в связи с этой инспекцией. Он осмотрел палаты для больных и помещения для офицеров. После его инспекции не наступило никаких улучшений».

И не только в Наоцу оставил свои кровавые следы Кэндзи Доихара в бытность командующим Восточным фронтом в Токио. Но не всюду, к сожалению, удалось неоспоримо доказать его виновность. Зато действия Доихара по нарушению законов и обычаев ведения войны в период его командования 7-м фронтом были установлены с безупречной достоверностью, и ему пришлось выслушать в приговоре их справедливую и суровую оценку: «Этот фронт включал Малайю, Суматру, Яву и в течение некоторого времени Борнео. Доихара нес ответственность за снабжение пленных продовольствием и медикаментами. Имеются явные доказательства того, что пленные подвер-

гались вопиюще плохому обращению при снабжении их этими предметами. Пленные голодали и погибали в результате плохого питания и болезней на почве недоедания. Причем количество подобных случаев было ужасающим. В таких условиях находились только военнопленные, и эти условия не распространялись на тех, в чьих руках они находились. Защита утверждала, что в результате ухудшения военного положения Японии в этих районах, а также в результате разрыва коммуникаций стало невозможно обеспечить лучшее снабжение военнопленных. Доказательства, однако, подтверждают, что продовольствие, медикаменты имелись в наличии и могли быть использованы для облегчения тех ужасных условий, в которых находились пленные. Но их не выдавали пленным, так как это противоречило бы политике, за которую нес ответственность Доихара. В соответствии с этими выводами о фактах преступлений Доихара признается виновным по пункту пятьдесят четвертому обвинительного акта» (указанный пункт гласил: «Обвинение в даче приказов, полномочий и разрешений обращаться бесчеловечно с военнопленными и гражданскими интернированными лицами».— *Авт.*).

За участие в подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн, за нарушение законов и обычаев ведения войны Кэндзи Доихара был приговорен Международным военным трибуналом к смертной казни через повешение.

22 ноября 1948 года генерал Макартур, который в качестве главнокомандующего союзными войсками на основании Устава Трибунала имел «право в любое время смягчить наказание или каким-либо образом изменить приговор, но не повысить наказание», утвердил в целом решение, вынесенное Международным военным трибуналом. При этом он указал, что «не может найти никакого упущения или упущений в ходе судебного разбирательства, чтобы оправдать вмешательство в приговор».

Как только это стало известно осужденным, Доихара, разумеется не без помощи американской защиты, стал искать выход. И, как ни странно, нашел его: старый разведчик подал апелляцию... в Верховный суд США.

Столь же неожиданный ход сделал и генерал Макартур. Вместо того чтобы выполнить требование Устава и отдать приказ о приведении приговора в исполнение, он

направил жалобу Доихара в Верховный суд США. А примеру Доихара тут же последовали подсудимые Хирота, Кидо, Ока, Сато, Симада, Того...

6 декабря 1948 года Верховный суд США стал решать вопрос — принять ли эти странные жалобы для рассмотрения по существу. Странные потому, что составлены они были с нарушением азов юриспруденции. Ведь в них содержалась просьба о пересмотре приговора, вынесенного международным судом, а адресовалась эта просьба суду национальному. Но эта нелепица не смутила большую часть почтенных членов Верховного суда США: пятью голосами против четырех они решили принять жалобы к рассмотрению и назначили разбор дела на 16 декабря 1948 года.

Такое решение вызвало негодование прогрессивных кругов разных стран. Член Международного военного трибунала от Китая — судья Мэй Цзэ-ин, критикуя его, резонно заметил: «Если решение, вынесенное Международным военным трибуналом, представляющим одиннадцать держав, подлежит пересмотру со стороны национального суда, каким бы высоким он ни был, то существует справедливое опасение, что любое международное решение и действие может быть таким же образом подвергнуто пересмотру и изменению одной страной».

Даже член Трибунала от Голландии Ролинг, частично не согласившийся с приговором и составивший свое особое мнение, заявил, что решение американского суда «ошибка, вызывающая удивление».

Но принятое решение никак нельзя было назвать ошибкой. Это была очередная попытка реакционных кругов Вашингтона навязать свою волю другим государствам. И не случайно даже вашингтонский корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс расценил ее, как «вмешательство в международные дела».

Критикуя действия Макартура, приостановившего исполнение приговора, один из обвинителей заявил: «Макартур превысил свои полномочия, не сумев (точнее — не пожелав.— *Авт.*) провести различие между своими обязанностями в качестве командующего американской армией на Дальнем Востоке, с одной стороны, и в качестве главнокомандующего союзными войсками — с другой».

Возмущение в разных странах, в том числе и в самих США, было столь велико, что правительство Соединенных

Штатов вынуждено было выступить против решения своего Верховного суда. Заместитель министра юстиции от имени вашингтонской администрации обратился в Верховный суд с официальным письмом. В нем прямо указывалось, что любое вмешательство американского суда в действия Международного военного трибунала не только нанесет ущерб международному правосудию и авторитету международного права, но и «повредит также другим усилиям, направленным на достижение сотрудничества, в частности в Организации Объединенных Наций». В письме подчеркивалось, что Верховный суд США, естественно, лишен полномочий пересматривать соглашение, заключенное американским президентом с союзниками в период второй мировой войны, касающееся наказания военных преступников.

Все это в совокупности возымело действие: 16 декабря 1948 года Верховный суд США отложил рассмотрение апелляций, а через несколько дней вообще отказался рассматривать подобные жалобы.

Так рухнула последняя надежда Кэндзи Доихара. 22 декабря 1948 года ровно в 24 часа во дворе тюрьмы Сугамо в Токио началась казнь. Через тридцать минут все было кончено. Главные японские военные преступники Тодзио, Хирота, Доихара, Кимура, Мацуи, Муто, Итагаки были повешены в присутствии членов союзного совета для Японии. Приговор привел в исполнение американский сержант Джон Вуд, тот самый, который выполнял аналогичную миссию в отношении главных немецких военных преступников, осужденных в Нюрнберге.

НЕУДАВШИЙСЯ ТАЛЕЙРАН

Три шага в длину, два в ширину... Мечется в одиночной камере образцовой Токийской тюрьмы Сугамо коротконогий пожилой человек. Через маленькое зарешеченное оконце, прорезанное почти под потолком, в камеру проникает весеннее солнце: на дворе апрель 1946 года.

Внезапно узник резко останавливается, потом устремляется к столу — откидной доске, опирающейся на металлическую ногу. На столе двумя стопками сложены многочисленные документы, печатные издания, доставленные адвокатом. Надо готовиться к защите. Сухая старческая рука с лиловыми венами перебирает красочные журналы на разных языках. Глаза подолгу задерживаются на фотографиях. На них в десятках вариантов изображен он, Ёсукэ Мацуока, в зените власти и славы.

Вот громадный кабинет в рейхсканцелярии в Берлине. Массивный письменный стол, рядом на подставке черного дерева огромный многоцветный глобус. Фюрер любил все масштабное. За столом улыбающийся Гитлер. Перед ним в мягком кресле он — Мацуока. Сидит спокойно, небрежно закинув ногу за ногу, лицо непроницаемо, широко расставленные и хитрые, как тогда утверждали, маленькие глазки совсем незаметны за массивной оправой очков. Холеное, но бесцветное лицо, слегка оттопыренные большие уши, короткие густые усы, еще черные в те годы. Жесткие, очень густые волосы острижены под машинку. Строгий, черный, застегнутый на четыре пуговицы пиджак с белоснежным платком в нагрудном кармане контрастирует с таким же белоснежным стоячим, туго накрахмаленным воротником с отогнутыми уголками. Такие носили в начале века. Весь облик Мацуока, может быть, несколько старомоден, зато небросок, солиден и неизменен, как солидна и неизменна мощь страны, которую он имеет честь представлять. Справа от Гитлера стоит Риббентроп, видимо что-то доказывая фюреру. Маленький,

невзрачный, Мацуока терпеть не мог этого наглого, хлыщеватого, преуспевающего «сверхдипломата», как услужливо окрестила его тогдашняя западная пресса.

А вот другой снимок. Кремль. Молотов подписывает советско-японский пакт о нейтралитете. Остальные стоят. Рядом со Сталиным, чуть впереди, Мацуока в своей неизменной старомодной одежде. На другой фотографии те же лица, только за столом сидит Мацуока. Он старательно выписывает иероглифы под советско-японским пактом о нейтралитете. Ворох газет и журналов того времени. Весь мир, затаив дыхание, стремится разгадать, на чью чашу весов бросит Япония свою военную мощь? Что в действительности представляет собой сфинкс японской внешней политики, которую олицетворял в то время он, Ёсукэ Мацуока?

Все это происходило тоже в апреле, но 1941 года.

Просто не верится, что прошло всего пять лет: какой короткий срок и какой огромный путь — с вершины власти до одиночки в тюрьме Сугамо. Вот уже год, как фюрер предпочел яд суду. Скоро полгода, как аналогичное решение принял князь Фумимаро Коноэ... Да, они с Мацуока крепко повздорили, перед тем как разошлись навсегда в горячие июльские дни 1941 года. Кто знает, как сложилась бы судьба, и не только их двоих, если бы Коноэ послушался тогда настойчивых советов Мацуока... А теперь — нет Японии, нет и Германии. Скоро повесят его и еще многих здесь, в Токио, то же произойдет и там, в Нюрнберге...

Наверное, он здорово изменился за эти годы, особенно за последний, 1946-й. Тюрьма и болезни никого не красят. А у него сейчас чертовски «удачное» сочетание: эта камера и, как утверждают врачи, туберкулез легких. Он, наверное, совсем не похож на свои фотографии, что лежат на столе. У заключенного возникает острое желание посмотреть на себя... Зеркало! Эти американцы оберегают его жизнь, как некую драгоценность. Обломками стекла можно легко вскрыть вены. Поэтому зеркало выдается только для бритья, разумеется электробритвой, в присутствии дежурного американского офицера. Мацуока берегут и тщательно лечат. Он ведь должен умереть не собственной смертью и не от собственной руки, а только с помощью палача. У них отличные медики, у этих американских оккупантов. Когда волевой, упрямый генерал

Хидэки Тодзио — премьер и военный министр в решающие 1941—1944 годы получил приказ о явке в тюрьму Сугамо, он сразу понял, что к чему. Старый вояка стрелял уверенно — прямо в сердце. А вот физиологию знал худо: в висок — надежнее. Выстрел прогремел в момент сокращения сердца... пуля прошла на какую-то долю миллиметра выше. И американцы вытащили Тодзио, можно сказать, с того света, выходили его. Теперь он возглавляет скамью подсудимых. И место Мацуока где-то рядом с ним...

Ёсукэ Мацуока родился в марте 1880 года в префектуре Ямагути. В 20 лет окончил юридический факультет Орегонского университета в Соединенных Штатах Америки, отлично овладев английским языком. Когда подошел к финишу и дверь одиночной камеры плотно закрылась за ним, Мацуока было почти 66 лет. Жизненный путь его был богат событиями и примечательными встречами.

В 24 года он уже японский консул в Шанхае, затем занимает различные должности в Дайренском губернаторстве. Поздней осенью 1907 года его отзывают в Токио. Двадцатисемилетний дипломат назначается секретарем министерства иностранных дел. Казалось бы, дверь открыта — начинается большая политическая карьера. Но Мацуока неуживчив, непомерно самолюбив, своеволен, его распирает апломб, а главное — он очень коварен. Высокое начальство решает осадить его и направляет третьим секретарем посольства в Бельгию. Затем снова четыре года в Китае, но уже в качестве второго секретаря посольства. Далее, в 1912—1913 годах,— туманный, сырой Санкт-Петербург. И Мацуока доволен: он второй секретарь одного из наиболее важных японских представительств. Теперь он уже опытнее. Жизнь научила его скрывать мысли, намерения, желания, быть, когда нужно, непроницаемо сдержанным. Постепенно он становится тем Мацуока, который во всю ширь развернется в канун второй мировой войны: человеком, сотканным из лжи, коварства, ненависти и презрения к людям, умеющим быть и высокомерным, и, если требуется, слащаво вежливым, когда это может принести пользу делу.

Такие качества не остались незамеченными в Токио. Там вспомнили и о том, что он свободно владеет английским, что жил и учился в США. В канун первой мировой войны Мацуока переводят в Вашингтон. В 36 лет он уже

первый секретарь японского посольства. А в начале 1917 года, ровно через десять лет, Мацуока снова в Токио на прежней должности секретаря министерства иностранных дел. Теперь уже он устраивает церемонных японских дипломатов высшего ранга. Они наивно полагают, что обломали рога этому не в меру заносчивому и своевольному субъекту. Проходит еще год, и Мацуока — секретарь премьер-министра. Вскоре, в период интервенции, его направляют на работу во временный комитет по финансированию экономических мероприятий в Сибири. Там Мацуока пробыл недолго, но просторы и богатства этого края запомнил прочно.

Кончается первая мировая война, и в феврале 1919 года Мацуока командируют в качестве члена японской делегации на мирную конференцию в Версаль. Там его роль скромна и незаметна. Он просто учится делать мировую политику и перекраивать карту земного шара у таких столпов буржуазной дипломатии, как Ллойд-Джордж, Клемансо и Вильсон. А вернувшись на родину летом 1921 года, по собственному желанию покидает министерство иностранных дел. Ведь ему уже 40 лет. Пришла пора соединить политику с бизнесом. Через несколько дней его назначают директором Южно-Маньчжурской железнодорожной компании, и он становится одним из экономических хозяев страны, население которой превышает 30 миллионов, ибо, как указывалось, ЮМЖД фактически принадлежала вся крупная промышленность Маньчжурии. Там Ёсукэ Мацуока с небольшими перерывами трудится 18 лет. С кресла директора пересаживается в кресло заместителя председателя, а потом и председателя компании Южно-Маньчжурской железной дороги. Попутно он избирается членом парламента, членом правительственной комиссии, которая призвана создать нефтяную компанию и руководить ею, членом другого, еще более важного правительственного комитета, имеющего целью организовать компанию «По освоению (точнее — по беспощадной эксплуатации.— *Авт.*) Северного и Центрального Китая», оккупированного к 1938 году японскими войсками. Теперь Мацуока — важная и нужная персона. Он еще успевает исполнять обязанности канцлера кабинета министров.

В этот кипучий период своей жизни Мацуока выполняет в 1932—1933 годах одно весьма ответственное поли-

тическое поручение. Он впервые появляется на международной арене, но уже не в качестве скромного члена делегации, как это было в Версале, а в качестве главы японской делегации на чрезвычайной конференции Лиги Наций в Женеве. Конференция эта была посвящена событиям действительно чрезвычайным. Отправляя Мацуока в Женеву, император лично пожаловал ему офицерские права, хотя этот щуплый, изнеженный, хилый человек никогда не знал тягот военной службы. Просто в дополнение к многочисленным орденам и высоким придворным званиям эта монаршая милость должна была придать еще больший вес и значимость его персоне на Ассамблее Лиги Наций.

Кстати, об орденах. Мацуока обладал особой способностью приобретать их повсюду. Мы не случайно сказали «приобретать». Первую награду — орден Единого луча восходящего солнца он получил в 1906 году «за заслуги во время русско-японской войны», хотя в то время мирно и скромно секретарствовал в Дайренском губернаторстве и не появлялся даже вблизи линии фронта. Пройдет ровно десять лет, и из рук русского царя он получит орден Станислава II степени, на сей раз за заслуги перед Россией в период первой мировой войны. Каковы были эти «заслуги», знал, вероятно, только Мацуока и, может быть, Николай II. Ведь японские войска, являвшиеся в те годы формальным союзником России, были заняты главным образом почти бескровным захватом германских колоний в Юго-Восточной Азии. Сам же Мацуока — и это, пожалуй, самое пикантное — был переведен из России в Вашингтон за девять месяцев до начала первой мировой войны!

Находясь на японской дипломатической службе в Китае и делая все, чтобы утвердить и приумножить там японские привилегии, Мацуока ухитрился получить и от китайского правительства орден Дракона. Неудивительно, что в Токио не осталась незамеченной ловкость молодого дипломата, ему тут же вручили орден Священного сокровища V степени.

Мацуока было всего 14 лет, когда Япония фактически захватила Корею (формально акт аннексии был провозглашен в 1910 году). Естественно, что в этом возрасте Мацуока не имел ни малейшего касательства к этому со-

бытию. Тем не менее его коллекция наград пополнилась медалью «В память об аннексии Кореи».

Разумеется, Мацуока имел ордена, полученные и за дела реальные, хотя и весьма неблаговидные. Речь идет о его участии в успешной экономической эксплуатации захваченной Маньчжурии, в превращении ее в военный плацдарм, нацеленный против СССР и Китайской Республики, об аналогичных действиях в Северном и Центральном Китае. Все это было замечено и оценено в Токио. Награды посыпались как из рога изобилия. Ордена Двойного луча восходящего солнца, Священного сокровища IV степени, «За заслуги» III степени и многие другие (всего одиннадцать!), а также ряд последовательно присвоенных придворных званий засвидетельствованы в «личном деле Ёсукэ Мацуока». Кстати, «дело» это в конечном счете оказалось в материалах союзного обвинения.

Но вернемся в Женеву. Уже известная читателю комиссия лорда Литтона 2 октября 1932 года опубликовала свой доклад, где, правда с некоторыми оговорками, подтверждался незаконный захват Японией китайской провинции Маньчжурии и организация там прояпонского режима. К этому времени Токио успел признать де-юре Маньчжоу-го как государство. Доклад Литтона в ноябре 1932 года обсуждался сперва на Совете, а потом и на Ассамблее Лиги Наций. На Мацуока была возложена деликатная и нелегкая миссия превратить белое в черное, доказав, что именно народ Маньчжурии потребовал создания самостоятельного государства, а японские войска явились простыми исполнителями этой воли. В Токио полагали, что Мацуока, католику по вероисповеданию, отлично владевшему английским, хорошо знающему быт и нравы западных стран, такая задача будет более по плечу, чем любому другому японскому дипломату.

Сам Мацуока стремился внешним светским блеском прикрыть убожество имевшихся в его распоряжении доводов и приобрести друзей среди западных дипломатов. Прибыв в Женеву во главе многочисленной делегации, он целиком занял одну из лучших гостиниц тех лет «Метрополь», закупил дорогие, наиболее модных марок автомобили. Соря деньгами, Мацуока устраивал бесконечные приемы, демонстративно появляясь среди гостей в кимоно. Он как бы подчеркивал: смотрите — я ваш по воспитанию, образованию, вероисповеданию, но не забывайте —

я японец по национальности, а потому патриот. Расходы его не смущали, но «урожай» оказался ничтожным. На Ассамблее Лиги Наций Мацуока произнес в характерном для него туманно-демагогическом стиле пламенную речь при гробовом молчании зала. Заканчивая выступление, он заявил: «Я исповедую христианскую религию, верю в бога и потому не забываю, что две тысячи лет назад нашего Христа распяли только потому, что он нес миру новую правду. Мы, японцы, ныне тоже хотим новой жизни для униженных и эксплуатируемых народов Азии... За это некоторые имущие страны хотят распять Японию на своем золотом кресте. Но пусть не забывают — наше государство непорочный, но далеко не робкий агнец».

Естественно, что такого рода тирады вызывали саркастические улыбки даже у циничных дипломатов капиталистических стран. И тем не менее Англия, Франция, Германия, Италия оказались сторонниками умиротворения агрессора. Представители же малых стран — Швеции, Норвегии, Ирландии, Чехословакии — требовали соблюдения Устава Лиги Наций, а следовательно, осуждения действий Японии в Маньчжурии.

В декабре 1932 года Ассамблея передала вопрос на изучение комиссии из 19 человек. Спустя два месяца эта комиссия подтвердила правильность выводов доклада Литтона.

Неблагоприятно складывалась в то время и международная обстановка для миссии Мацуока. Гитлер только что захватил власть в Германии, и основа его внешнеполитического курса определялась требованием пересмотреть существовавшее тогда территориальное статус-кво. Это побудило Лигу Наций занять более твердую позицию и защищать свой Устав. Мацуока не мог не понять происходящего и, когда доклад комиссии обсуждался на Ассамблее, выдвинул уже новые аргументы. Обращаясь к будущим «мюнхенцам», он убеждал их, что Маньчжурия оккупирована с единственной целью — «стать оплотом Японии против Советского Союза», что «рост коммунизма в самом Китае также представляет собой вопрос огромной важности для европейских государств и Соединенных Штатов, по сравнению с которым все другие проблемы теряют всякое значение». Он доказывал, что Маньчжурия, полностью порвав свои отношения с Китаем, стала барьером против коммунистической опасности

на Дальнем Востоке. С этой точки зрения каждому государственному деятелю должна быть понятна вся значимость такого государства, как Маньчжоу-го. Однако к этому времени ведущие капиталистические страны не без основания начали усматривать в действиях Японии угрозу своим колониальным интересам в Юго-Восточной Азии.

24 февраля 1933 года Ассамблея Лиги Наций сорока двумя голосами против одного (Мацуока) утвердила доклад Литтона. Представителю Японии оставался один выход: заявив, что «усилия японского правительства, направленные на сотрудничество (?!) с Лигой Наций в деле разрешения японо-китайского конфликта, достигли предела», Мацуока немедленно и демонстративно покинул зал заседаний. На вокзале, в нарушение дипломатического протокола, японскую делегацию никто не провожал.

Казалось очевидным, что первое ответственное выступление Мацуока на международной дипломатической арене, хотя оно и проходило под испытанным флагом антикоммунизма, окончилось сокрушительным поражением. Тем не менее в Японии ему была устроена восторженная встреча. В ней участвовали даже школьники, Мацуока приветствовали как героя. Японские историки утверждают, что его встретили так, как в свое время встречали главу японской делегации — Дзютаро Комура после заключения Портсмутского договора с побежденной в 1905 году царской Россией.

В чем же дело? В стечении обстоятельств. В те годы, чтобы добраться из Женевы в Токио, требовалось не меньше полумесяца. Колеса поездов, которые везли Мацуока на родину, вращались медленнее, чем колеса истории: 25 февраля 1933 года, на следующий день после принятия Лигой Наций доклада Литтона, как бы в насмешку над этой акцией, японские войска вторглись в Жэхэ — одну из провинций Внутренней Монголии, на границе с Маньчжурией. Оккупировав ее в течение считанных дней, японское правительство присоединило и эту китайскую территорию к Маньчжоу-го и без перерыва повело успешное наступление на другую провинцию Внутренней Монголии — Чахар. А что же Лига Наций и великие капиталистические державы, вершившие ее делами? Ведь их интересы были действительно задеты! Они ограничились новыми словесными протестами, а на деле палец о палец не ударили, чтобы остановить агрессоров. Политика

«дальневосточного Мюнхена» постепенно и зримо набирала силы.

Шовинистическая японская пропаганда на все лады убеждала народ, что основа новых успехов — следствие мудрой политики японской делегации, которая, покинув Лигу Наций, обеспечила империи свободу действий и продемонстрировала всю силу и независимость японской политики. Так Мацуока после бесславного поражения в Женеве оказался героем в Токио.

Пройдет некоторое время, и Гитлер, распрощавшись с Лигой Наций, последует примеру японцев. А в апреле 1933 года японские войска проникли в провинцию Хубэй и в конце мая оказались у ворот Пекина и Тяньдзиня.

Мацуока же вернулся в захваченную японцами Маньчжурию и в качестве председателя Южно-Маньчжурской железнодорожной компании продолжал эксплуатировать эту страну, готовить там мощный военный плацдарм для дальнейшей агрессии. Плодотворность подобной деятельности отмечена была в 1935 году высшей наградой его родины — орденом Священного сокровища I степени, а также орденом «За заслуги во время инцидента 1931—1934 годов» (так токийские империалисты именовали развязанную ими агрессивную войну против Китайской Республики).

Но активность Мацуока в эти годы не ограничивается бурной деятельностью, связанной с Китаем. В этом невзрачном человечке жила неудержимая ненависть ко всему, что родилось в огне Октябрьской революции. Мацуока владела навязчивая идея, что именно на его хилые плечи история взвалила великую цель разгрома международного коммунизма, что, естественно, требовало в первую очередь уничтожения Советского Союза. Приход нацистов к власти, их идейная близость Мацуока породили несложную мысль, что только союзу Берлин — Токио такая задача по плечу. У Мацуока оказались многочисленные и мощные единомышленники — владельцы «молодых», быстро набиравших рост концернов, таких, как «Мангё», «Накадзима» и других. Эти монополии, нажившиеся на грабеже Северо-Восточного Китая, с жадностью и вожделением смотрели на соседнюю Сибирь с ее огромными просторами и неисчислимыми природными богатствами. Их поддерживали и некоторые тесно связанные с ними «старые» «дзайбацу», такие, как, например, «Ми-

цуи». Командование Квантунской армии в Маньчжурии полностью разделяло такие взгляды и стремления. Всем этим людям был близок по совместной эксплуатации Китая председатель компании ЮМЖД Ёсукэ Мацуока, а еще ближе были пропагандируемые им идеи. Будущие подсудимые на Токийском процессе Сиратори (посол в Риме) и Осима (сперва военный атташе, а затем посол в Берлине) были также страстными сторонниками концепции Мацуока. В Токио эту группу решительно поддерживал в 1936—1937 годах Коки Хирота, в то время премьер и министр иностранных дел, а впоследствии тоже подсудимый, повешенный по приговору Международного военного трибунала.

Весной 1935 года Осима и Риббентроп начали переговоры о германо-японском союзе. В августе 1936 года кабинет Коки Хирота сформулировал декларацию о «национальной политике». Характеризуя суть этой декларации в отношении СССР, Трибунал в приговоре указал: «В качестве одного из практических шагов Япония «должна была стремиться уничтожить русскую угрозу на севере» (здесь и далее Трибуналом взяты в кавычки цитаты из декларации о «национальной политике», попавшей в руки союзных держав.— *Авт.*). Особое внимание должно было уделяться упрочению военной мощи Кореи и Маньчжурии, чтобы Япония могла «нанести удар русским в самом начале войны». «Изучение этой декларации...— резюмирует Трибунал,— показывает намерение напасть на Советский Союз с целью захвата части его территории».

Естественно, что в такой обстановке переговоры Осима и Риббентропа быстро пришли к успешному концу, и 25 ноября 1936 года Япония и Германия подписали так называемый «антикоминтерновский пакт», к которому через год присоединилась и Италия. Была опубликована только та часть пакта, в которой указывалось, что договаривающиеся стороны будут информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и совещаться о необходимых мерах обороны. Однако к пакту было приложено секретное соглашение, захваченное союзными державами после окончания второй мировой войны. Это соглашение было оглашено обвинением на Токийском процессе. Интересна оценка, которая дана в приговоре названному дипломатическому документу, за-

ключенному под флагом антикоммунизма: «Как было указано бывшим государственным секретарем Соединенных Штатов Корделлом Хэллом, «хотя пакт внешне был заключен для самообороны против коммунизма, фактически он являлся подготовительным шагом для дальнейших мер насильственной экспансии со стороны разбойничьих государств». Наше мнение, сложившееся независимо от этого высказывания, то же самое.

Пакт в первую очередь был направлен против СССР».

Подтверждением такого вывода может служить, например, оглашенная Трибуналом телеграмма тогдашнего японского посла в Германии Мусянокодзи своему министру иностранных дел. Ее текст был согласован с Риббентропом: «Твердо убежден, что только вышеупомянутое секретное соглашение (к «антикоминтерновскому пакту».— *Авт.*) будет решающим для будущей политики Германии в отношении СССР».

Сам министр иностранных дел Арита, выступая на заседании Тайного совета Японской империи, утвердившего этот пакт 25 ноября 1937 года, заявил: «Отныне Советская Россия должна понимать, что ей приходится стоять лицом к лицу с Германией и Японией».

Советское правительство и его дипломатия поняли это правильно и своевременно. Выступая в связи с «антикоминтерновским пактом», нарком иностранных дел М. М. Литвинов сказал: «Люди сведущие отказываются верить, что для составления опубликованных двух куцых статей японо-германского соглашения необходимо было вести эти переговоры в течение пятнадцати месяцев, что вести эти переговоры надо было поручить с японской стороны генералу (Осима.— *Авт.*), а с германской — «сверхдипломату» (Риббентропу.— *Авт.*)... Все это свидетельствует о том, что «антикоминтерновский пакт» фактически является тайным соглашением, направленным против Советского Союза... Не выиграет также репутация искренности японского правительства, заверившего нас в своем стремлении к установлению мирных отношений с Советским Союзом...»

Все это отнюдь не заставило токийских министров покраснеть. В официальном заявлении японского министерства иностранных дел, опубликованном в прессе, отрицалось существование каких бы то ни было секретных статей, приложенных к пакту, и утверждалось, что

«настоящее соглашение не направлено против Советского Союза или специально против какой-либо другой страны».

За всеми переговорами об «антикоминтерновском пакте» чувствовалась режиссерская рука и дипломатический почерк Ёсукэ Мацуока, который в своей деятельности, как мы еще не раз убедимся, возвел ложь, коварство, обман и предательство в ранг государственной внешней политики. И это не предположение авторов, это исторический факт, засвидетельствованный самим... Мацуока.

Американский обвинитель Тавеннер оглашает подлинник записи первой беседы между только что назначенным министром иностранных дел и колоний Мацуока и германским послом в Токио генералом Оттом. Беседа эта происходила 1 августа 1940 года. Она весьма точно показывает личность Мацуока и характер его дипломатии. К последней мы еще вернемся, а пока процитируем только отрывок из этой беседы. «Я считаю,— говорил Мацуока,— что фюрер Гитлер и немецкий министр иностранных дел должны знать так же хорошо, как ваше превосходительство, что я являюсь одним из инициаторов японо-германского «антикоминтерновского пакта».

Это позволило Тавеннеру в своей речи с полным основанием утверждать, что «обвиняемый Ёсукэ Мацуока, в то время являвшийся официальным чиновником Южно-Маньчжурской железной дороги, признал в 1940 году, что он одно из тех лиц, которые были ответственны за заключение «антикоминтерновского пакта».

Агрессивность и антисоветская направленность «антикоминтерновского пакта» получили на процессе еще одно подтверждение в фазе обвинения военного атташе, а затем посла в Берлине генерала Хироси Осима, осужденного к пожизненному заключению. Этот страстный поборник тесного японо-германского союза, враг Советского государства и восторженный поклонник Гитлера и его политики в августе 1939 года получил чувствительный удар: Риббентроп, с которым Осима был в личных дружеских отношениях, незадолго до своей поездки в Москву предупредил его в самой общей форме о возможности соглашения Германии с СССР. Прошло несколько дней, и советско-германский пакт о ненападении стал реальностью. Генерал Осима был потрясен так же, как и его высокое начальство, для которого вообще все случившееся явилось полной неожиданностью. Ведь в статье второй секретного

соглашения, приложенного к «антикоминтерновскому пакту», было четко записано, что «Высокие Договаривающиеся Стороны не будут заключать без взаимного соглашения никаких политических договоров с Союзом Советских Социалистических Республик, которые не соответствуют духу настоящего соглашения». И вдруг — такой удар!

В Токио, очевидно, полагали, что коварство, обман и ложь являются прерогативой только правительства Страны восходящего солнца, а потому японцы совершенно серьезно обвинили Берлин в предательстве. 26 августа 1939 года японский министр иностранных дел Арита поручил Осима передать германскому правительству, что «японское правительство рассматривает пакт о ненападении и договор, который недавно был заключен между германским правительством и правительством Союза Советских Социалистических Республик, как противоречащие секретному соглашению, приложенному к «антикоминтерновскому пакту».

Какое блестящее и авторитетное подтверждение агрессивности и антисоветской направленности дипломатического документа, вошедшего в историю как «антикоминтерновский пакт». Можно себе представить, каково было состояние генерала Осима, когда он получил подобное предписание: ему, который приложил немало усилий для заключения «антикоминтерновского пакта», ему, убежденному стороннику этого пакта, украсившему его своей подписью, предстояло лично передать Риббентропу такой протест! Другой японский дипломат — Сиратори, тоже, как известно, занявший свое место на скамье подсудимых, не без юмора писал по этому поводу в своем аффидевите, что посла Осима заставили «пить кипяток».

Однако Хироси Осима, когда требовалось, поступал наперекор собственному правительству. Он дал «кипятку» остыть и вручил протест не 26 августа, а только 18 сентября 1939 года. Дата была выбрана не случайно. К этому времени вермахт успешно закончил польскую кампанию, и Осима было чем подсластить пилюлю. Согласно докладной статс-секретаря германского министерства иностранных дел фон Вейцзекера, оглашенной на процессе обвинителем Хайдом, события эти развернулись следующим образом: «Сегодня японский посол поздравил нас с успехами польской кампании. Затем, чувствуя себя

несколько неловко, он вынул бумагу, датированную 26 августа, и сказал: «Как вам известно, в конце августа я отказался выразить резкий протест, как мне это поручило сделать японское правительство. Но я не мог действовать наперекор этому предписанию, поэтому я только телеграфировал, что последовал приказу, и ждал конца польской кампании. Я полагал, что этот шаг тогда не будет так важен...» Посол прибавил, что если это соответствует нашему мнению, то эта бумага могла бы считаться неврученной. Он полагал, что наш ответ на японский протест не был бы ни уместным, ни своевременным».

Нельзя не согласиться, что такое поведение посла по отношению к своему правительству и такое высказывание, адресованное представителю другой державы, обвиненной Японией в «предательстве», случай весьма редкий в истории дипломатии. Но единомышленник Мацуока являлся послом особого рода. И не случайно один из обвинителей на процессе метко сказал, что Осима был больше нацистом, чем японцем.

Драматизм положения усугублялся в те дни еще одним весьма существенным обстоятельством, заставившим «пить кипяток» не только Осима в Берлине, но и весь кабинет министров в Токио. Дело в том, что влиятельным японским кругам, мечтавшим об уничтожении Советского Союза, хотелось усилить антисоветскую направленность «антикоминтерновского пакта». Так родилась мысль о «пакте трех», то есть о военном союзе Японии, Германии и Италии. Правда, осуществить это удалось лишь значительно позднее самому Мацуока в бытность его министром иностранных дел. Но не будем забегать вперед, вернемся к истокам событий. Против кого же должен был быть обращен новый военный союз агрессивных государств? В этом вопросе между Токио и Берлином обнаружились значительные разногласия.

Обвинитель Хайд оглашает допрос Осима на следствии от 4 февраля 1946 года. В нем Осима подтверждает, что при посещении Риббентропа в начале января 1938 года они обсуждали вопрос о том, нет ли способа, благодаря которому Германия и Япония могли бы сблизиться еще больше. Осима немедленно поставил об этом в известность японский генеральный штаб. На первый взгляд кажется странным — почему не министерство иностранных дел? Однако тому, кто знает положение в Токио в

те годы, ясно, что Осима выбрал правильный адрес: в милитаристской Японии вопросы внешней политики нередко так переплетались с чисто военными проблемами, что решающее слово оставалось за генеральным штабом, а также за военным и морским министерствами. Ответ несколько задержался. Очевидно, проблема изучалась. Наконец, в июле 1938 года, как показал Осима, он «получил сообщение из отдела общих дел генерального штаба... Они приветствовали развитие сотрудничества Германии и Японии... Однако указывалось: главное, что нужно помнить в развитии этого сотрудничества,— это соглашение об объединенных действиях против Советской России». В начале июля того же 1938 года Осима сообщил об этом Риббентропу. «Сверхдипломат» попросил время для обдумывания. Несколько дней спустя Риббентроп вызвал Осима для срочных переговоров и сообщил ему свое мнение, основанное на беседах с Гитлером: «Он (Риббентроп.— *Авт.)* предложил договор о взаимопомощи, направленный не только против СССР, но и против всех стран». Если верить Осима, Риббентроп убеждал его, что только такой пакт «будет достаточно сильным, чтобы сохранить мир во всем мире». Однако Осима хорошо знал, что значит в устах нациста «забота о мире», и, видимо, от неожиданности оробел: «Я сказал, что, по моему мнению, для Японии будет крайне трудно согласиться на такие далеко идущие цели, как пакт о взаимопомощи, направленный против всего мира, ибо она была готова действовать только против России». Правда, впоследствии робость быстро прошла, и Осима стал убежденным сторонником германского предложения.

Так как расхождения между Германией и Японией по этому коренному вопросу обычным дипломатическим путем преодолеть не удалось, то в начале февраля 1939 года в Европу прибыла специальная миссия, возглавляемая Ито. Сперва она посетила Рим, а затем в сопровождении Сиратори, тогда японского посла в Италии, а впоследствии подсудимого на процессе, прибыла в Берлин. По словам Осима, специальная миссия привезла компромиссное предложение, смысл которого сводился к следующему: «Россия будет основным объектом этого пакта, другие страны пока остаются на втором плане и будут относиться к пакту только в том случае, если они станут коммунистическими». Однако такое предложение означало не бо-

лее чем простую игру слов и фактически подтверждало прежнюю позицию: ведь СССР был тогда единственным социалистическим государством. Поэтому Берлин и Рим, энергично готовившихся к переделу мира, такой компромисс не устраивал. Это нашло отражение в ряде доказательств, представленных обвинением на процессе.

Так министр иностранных дел Италии граф Чиано записал в своем дневнике 8 марта 1939 года: «Задержка (с заключением «пакта трех».— *Авт.*) и вся система японской процедуры заставляет меня скептически относиться к возможности эффективного сотрудничества фашистской и нацистской динамичности с флегматичной медлительностью японцев». В начале апреля 1939 года японцы представляют новый проект, который приводит Риббентропа в крайнее раздражение. Теперь Токио согласен заключить договор, соответствующий германскому и итальянскому проекту, но... оставляет за собой право, как сообщает секретная телеграмма Риббентропа своему послу в Токио, «вручить декларацию английскому, французскому и американскому послам следующего содержания: пакт является только развитием «антикоминтерновского пакта»; стороны рассматривают Россию как врага. Англия, Франция и Америка не должны думать, что подразумеваются они».

Как видим, в Токио достаточно точно понимали и в своих интересах хотели использовать глобальную мюнхенскую политику западных, так называемых демократических держав. Для Рима же и Берлина выдвигался другой довод: «Япония по политическим и особенно экономическим причинам не в состоянии открыто выступить против трех демократических государств». «Сверхдипломат» сообщает послу, что для него, как и для Чиано, этот новый проект «совершенно непригоден».

Переговоры зашли в тупик, и тогда премьер-министр Хиранума, в дальнейшем тоже подсудимый на Токийском процессе, через германского посла Отта передал 4 мая 1939 года свое личное послание Гитлеру. Это послание после победы попало в Берлине в руки союзных держав и фигурировало в материалах обвинения. Оно заслуживает внимания. «Я выражаю глубочайшее восхищение,— писал Хиранума,— великой мудростью и железной волей, благодаря которым его превосходительство рейхсканцлер Германии Гитлер выполняет почетную задачу восстановления

своей страны и установления международного мира, основанного на принципах справедливости». И это писалось после поглощения Австрии, предательского захвата Чехословакии и в период безудержного террора против всех инакомыслящих внутри самого рейха!

«Я, со своей стороны, как премьер-министр Японии также озабочен укреплением мира и поддержанием нового порядка в Восточной Азии, основанного на принципах справедливости и высшей морали». Под этими принципами, очевидно, подразумевались захват и беспощадная эксплуатация огромных территорий Китайской Республики, страшная, поразившая весь мир резня в Шанхае и Нанкине, события на озере Хасан и назревавшая очередная агрессивная акция против СССР и МНР на Халхин-Голе. Какие классические образцы лжи и лицемерия империалистической дипломатии! О них, к сожалению, еще рано забывать.

«И если сегодня,— продолжал Хиранума,— я имею в виду... усилить «антикоминтерновский пакт», то это происходит не из-за какой-то выгоды, а из-за надежды, что таким путем мы сможем внести наш вклад в дело общего мира, основанного на принципах справедливости и высокой морали». Теперь весь мир знает, что, когда полтора года спустя этот «пакт трех» все же был заключен лично Мацуока, он явился последним толчком, обрушившим на человечество гигантский шквал второй мировой войны с ее неисчислимыми бедствиями.

После этого лживо-лирического вступления начиналась суть самого послания: «Я могу заверить вас, что Япония твердо и бесповоротно решила стоять на стороне Германии и Италии, даже если одна из них подвергнется нападению одной или нескольких держав без участия Советского Союза...» Казалось бы, все хорошо, все препятствия сняты — Япония готова сражаться плечом к плечу с Германией и Италией даже против всего мира. Но, когда читаешь дипломатический документ, не надо торопиться с выводами, по крайней мере пока не дошел до последнего слова. А потому вернемся к посланию Хиранума: «Однако Япония при создавшихся обстоятельствах ни сейчас, ни в ближайшем будущем практически не сможет оказать Германии и Италии какой-либо военной помощи... Япония с радостью окажет такую поддержку, когда это будет возможно при изменившихся обстоятельствах. Я в осо-

бенности хотел бы получить согласие Германии и Италии по этому пункту».

Разумеется, Хиранума такого согласия не получил. Берлину и Риму, готовившим в этот период удары против нескольких держав, нужна была не словесная эквилибристика, а конкретные практические дела. «Пакт трех» имел целью заставить Японию в полную меру своих сил связать на Дальнем Востоке не только СССР, но и Англию, Францию и США, пока Рим и Берлин будут чинить разбой в Западной Европе. Естественно, что в этих условиях «пакт трех» стал для Японии неприемлемым.

В своей вступительной речи советский обвинитель Голунский так резюмировал эти разногласия: «Спор между Германией и Японией был не о принципе союза. Принцип был ясен — напасть на демократические страны и поработить их. Спор шел о том, с кого начать, кого сделать первым объектом нападения. Японское правительство, возглавлявшееся в то время Хиранума, считало, что уже настала пора осуществить план военного нападения на Советский Союз». Что же касается Гитлера, добавим мы, то он решил сперва захватить Западную Европу с ее в то время огромным экономическим потенциалом и только тогда, упрочив свой тыл и, как ему казалось, исключив возможность войны на два фронта, обрушиться на Советский Союз и в считанные недели сокрушить его.

Вот почему Риббентропу пришлось в августе 1939 года поехать в Москву, а Осима испить горькую чашу до дна, сообщив своему правительству о крахе всей политики, направленной на заключение «пакта трех», политики, ярым сторонником которой были Осима и его коллега в Риме Сиратори. С горечью узнал об этом главный закулисный вдохновитель всего дела — Ёсукэ Мацуока. Тогда он еще не предполагал, что не за горами час, когда он сам сполна возьмет реванш, правда, как мы увидим, на весьма короткий срок. Крайне нервозно воспринял неудачу переговоров и премьер Киитиро Хиранума. На заседании Тайного совета в конце августа 1939 года он заявил, что кабинет министров должен в полном составе подать в отставку. Председатель Тайного совета князь Коноэ возражал, считая отставку несвоевременной, поскольку она могла создать впечатление неустойчивости внутреннего положения в Японии.

Тогда Хиранума заявил: «Эти события — провал нашей дипломатии, возникший в результате неблагоразумных действий армии. Я считаю, что в данном случае присущим Японии путем выражения верноподданнических чувств явится отставка. Это будет примером для армии, от которой надо потребовать пересмотра ее позиций, и извинением перед его величеством за непростительную ошибку».

Удивительна способность некоторых государственных деятелей начисто забывать те события, в которых они активно участвовали, но о которых вспоминать крайне неприятно, да и некстати: ведь читатель хорошо помнит личное послание Хиранума Гитлеру, датированное 4 мая того же 1939 года, где он прямо-таки в унизительной для главы правительства великой державы форме просит фюрера о заключении того самого «пакта трех», за который теперь в конце августа того же года столь убедительно попрекает якобы виновную во всем военщину.

28 августа 1939 года публикуется заявление кабинета Хиранума об отставке, сформулированное для непосвященных весьма туманно. В нем, в частности, говорилось: «Поскольку в Европе создалась новая, сложная и запутанная обстановка... возникла необходимость в отказе от прежней политики и выработке нового политического курса... Полагаем, что в данный момент первоочередной задачей является поворот в политике и обновление состава кабинета».

Что произошло в Европе, читатель теперь хорошо знает. В интересах полноты картины следует напомнить, что для кабинета Хиранума обстановка оказалась «сложной и запутанной» также и в Азии. Забыв о поражении, которое советские войска нанесли японским агрессорам летом 1938 года у озера Хасан, правительство, возглавляемое Хиранума, предприняло в начале мая 1939 года значительно более масштабные агрессивные действия на реке Халхин-Гол, проходящей по территории Монгольской Народной Республики. Как было установлено на Токийском процессе, стратегическая цель этой военной акции заключалась в том, чтобы перерезать Транссибирскую железнодорожную магистраль и в случае успеха отделить Дальний Восток от Советского Союза. Но беда, как известно, не приходит одна: как раз в те дни, когда стал очевидным крах политики заключения «пакта трех» (21 —

28 августа 1939 года), многочисленные японские войска, переправившиеся через реку Халхин-Гол, были окружены и уничтожены в результате совместных действий советских и монгольских соединений. Японские потери, как было установлено на процессе, оказались весьма значительными: более 50 тысяч было убито, ранено и попало в плен. Было захвачено или уничтожено большое количество японских танков, орудий, самолетов.

Когда спустя несколько лет Хиранума занял свое место на скамье подсудимых, события на Халхин-Голе явились одним из серьезных предъявленных ему обвинений. Такова была совокупность причин, заставивших одновременно «пить кипяток» Хиранума и его министров в Токио, а Осима — в Берлине.

Международный военный трибунал, резюмируя в приговоре причины провала переговоров о «пакте трех», указал: «Ни первый кабинет Коноэ, ни кабинет Хиранума не приняли решительных мер, чтобы заключить общий военный союз, который немцы предложили в августе 1939 года. Германия желала общего военного союза, направленного как против Советского Союза, так и против западных держав. Официальная политика Японии в то время преследовала обеспечение союза, направленного главным образом, если не исключительно, против СССР...»

Констатируя, что по этому вопросу «в кабинете Хиранума развернулась борьба», приговор указывает, что существовала группировка, которая ставила заключение общего военного союза с Германией выше всех других соображений, и что Осима и Сиратори действовали с ведома и при поддержке военного министра генерала Итагаки (впоследствии — тоже подсудимый) в интересах этой группировки.

Промелькнул август 1939 года, миновали осень, зима и весна 1940 года. События, особенно в Европе, стали разворачиваться с кинематографической быстротой. Они хорошо известны читателю, поэтому мы отметим только одно важное для Японии обстоятельство. К июлю 1940 года Германия в молниеносных кампаниях разгромила Норвегию, Голландию, Бельгию и Францию. В руководящих японских кругах не исключалась тогда возможность, что Гитлер осуществит свои широко рекламируемые нацистами планы, высадится на Британских островах и в быстротечной кампании разгромит Англию, оставшуюся в

одиночестве. Военное бессилие так называемых демократических стран, проявленное на первом этапе войны, как следствие многолетней антипатриотической деятельности «мюнхенцев» поразило и насторожило правящие круги в Токио. Временное и преходящее они приняли за постоянное и неизменное, и это, как мы увидим, во многом определило их стратегию во второй мировой войне. Пока же жарким летом 1940 года руководящие японские политики должны были в срочном порядке позаботиться, как бы не опоздать к разделу огромного колониального пирога, принадлежавшего Франции, Голландии и Великобритании в районе Южных морей. Там находились заветная нефть, цветные и черные металлы, словом, все то, чего была лишена Страна восходящего солнца.

И наконец, что весьма важно, после Хасана и особенно Халхин-Гола у правителей Японии явно остыло желание наносить первый и основной удар по СССР. В Токио предпочитали сражаться не с сильными, а со слабыми. Поворот же в сторону Южных морей требовал безопасного тыла на севере, а следовательно, временного урегулирования отношений с Советским Союзом.

С этих позиций советско-германский договор о ненападении уже не рассматривался как предательство по отношению к Японии. Зато нормализация отношений между СССР и третьим рейхом, казалось, как считали многие японские деятели, создавала возможность использовать Берлин в качестве посредника в урегулировании японо-советских отношений. Таковы были обстоятельства, которые летом 1940 года выдвинули вопрос о заключении «пакта трех» в центр политической жизни Японии.

Вот обвинитель Тавеннер оглашает выдержку из дневника подсудимого маркиза Кидо: «8 июля 1940 года меня посетил помощник военного министра Анами и сказал следующее: «Сейчас, когда военные заканчивают подготовку, чтобы встретить неожиданные перемены в международном положении, характер кабинета Ёнаи (этот кабинет руководил тогда государством.— *Авт.*) абсолютно не подходит для ведения переговоров с Германией и Италией (речь идет о «пакте трех».— *Авт.*) и, возможно, приведет к роковому для нас замедлению переговоров. Отсюда вывод — чтобы встретить это серьезное положение, необходима перемена кабинета. Армия единогласно поддерживает кандидатуру князя Коноэ». Маркиз Кидо, согласив-

шись с Анами, заметил: «Назначение министра иностранных дел представит наибольшую трудность. Он (Анами.— *Авт.*) сказал мне, что армия оставит это полностью на усмотрение князя Коноэ».

Так в этой сложной, неясной и тревожной обстановке пал кабинет Ёнаи и к власти пришел второй кабинет Коноэ, а в кресле министра иностранных дел оказался не кто иной, как Ёсукэ Мацуока. Придет время расплаты, и Коноэ накануне самоубийства постарается в своих мемуарах и записках отмежеваться от этого своевольного, до крайности агрессивного и не всегда понятного в своих действиях министра.

Трибунал, всесторонне обсудив все доказательства, записал в приговоре: «Кидо признавал трудности, с которыми был связан выбор кандидатуры министра иностранных дел. Сиратори, являвшийся экстремистом в своей пропаганде полного сотрудничества между Японией и Германией, рассматривался в качестве желательной кандидатуры...»

Так в чем же дело? Именно в том, что Сиратори слишком много и слишком часто пропагандировал в печати и в своих выступлениях тесный союз трех, политика которого была направлена против всего мира. Это сразу насторожило бы все так называемые демократические страны, чего Коноэ, разумеется, не хотел. Другое дело — Мацуока. Уже много лет он занимался крупным бизнесом, а его режиссерские функции в области внешней политики были известны только узкому кругу посвященных. Что же касается приверженности к агрессии и тесному, ничем не ограниченному союзу с Римом и Берлином, то здесь Мацуока мог поспорить и с Сиратори, и с Осима. Вот почему, как констатировал Трибунал, «выбор Коноэ пал на Мацуока».

Итак, к шестидесяти годам мечта всей жизни Ёсукэ Мацуока сбылась: в решающие для истории дни он оказался на решающем месте. Очевидно, он был так уверен в своем будущем, что, как указывает приговор, «еще до объявления о его назначении, новый министр иностранных дел конфиденциально информировал об этом факте германского посла и выразил ему свое желание установить дружественное сотрудничество с Германией.

В течение всего этого периода (речь идет о периоде формирования кабинета Коноэ.— *Авт.*) Германия подроб-

но информировалась (Мацуока.— *Авт.*) о событиях японской политической жизни. 20 июля 1940 года посол Отт сообщил своему правительству, что назначение Мацуока безусловно приведет к переориентации японской внешней политики».

Следует сказать, что в период пребывания Мацуока на новом посту обстоятельства снова, как это уже было в Женеве в 1933 году, благоприятствовали ему. И так было до рокового летнего дня 1941 года.

К августу 1940 года Гитлер понял, что Англия не только не разгромлена, но — что еще хуже — не ищет мира. Разговоры о возможности в любой час и день осуществить высадку на Британских островах на самом деле являлись не чем иным, как дешевой пропагандой. Для осуществления такой задачи Германия, во-первых, не обладала соответствующей военно-морской мощью и необходимыми средствами десантирования и, во-вторых, не сумела «в битве за Англию» добиться абсолютного превосходства в воздухе. А без этого высадка была обречена на провал. Помощь Великобритании со стороны США все усиливалась. В этой ситуации борьба против Англии была немыслима без мощного военно-морского флота. А главное, не исключалась возможность вступления в войну самой Америки. В этих условиях опора на одну Италию становилась явно недостаточной. Война грозила расшириться и затянуться. Гитлер хорошо помнил ответ Людендорфа кайзеру Вильгельму II в годы первой мировой войны: «Если Италия выступит против нас, достаточно шестидесяти дивизий, чтобы ее разгромить; если она станет нашим союзником, потребуется восемьдесят дивизий, чтобы ее поддержать». Операции фашистского воинства Муссолини в Испании, Африке, Албании и Греции как бы предупреждали Берлин, что оценка Людендорфа, к сожалению, не устарела.

Сложившаяся обстановка породила в рейхсканцелярии страх перед одиночеством и потребность найти мощного союзника. В Токио боялись опоздать к разделу колониального пирога, в Берлине же хорошо знали, что в лучшем случае для этого пирога еще только замешано тесто и силы Японии на Дальнем Востоке могут оказаться еще очень и очень нужными. Вот почему в августе 1940 года тяга к союзу вновь стала сильной в правящих кругах Японии и Германии, хотя происходило это, как было по-

казано выше, в силу совершенно различных причин и соображений.

16 июля 1940 года кабинет Ёнаи ушел в отставку. Но, как мы уже знаем, задолго до этого Мацуока начал непосредственные сношения с Берлином, оповестив не только о том, что он — будущий министр иностранных дел в кабинете Коноэ, но также и о планах нового правительства. 19 июля 1940 года, за три дня до сформирования нового кабинета, Коноэ, Мацуока, а также намеченные военным министром Тодзио и военно-морским — Ёсида собрались на важное совещание. Эти четыре человека уже чувствовали себя хозяевами положения. Записи о происходившем, к огорчению подсудимых, сохранились, тщательно исследовались и привели Международный военный трибунал к следующему выводу: «Японское посольство в Берлине информировало германское министерство иностранных дел, что путем этой необычной процедуры четыре министра, которые занимали руководящие посты в новом кабинете, разработали авторитетную программу внешней политики, которая включала сближение с Германией и Италией».

Как и обычно, эта программа была тщательно подготовлена для господ министров «мозговым трестом»: 12 и 16 июля 1940 года состоялись два совещания, в которых участвовали ответственные представители военного и военно-морского министерств, а также министерства иностранных дел. В руках обвинения оказались подробные протоколы, отражавшие все происходившее. Министерство иностранных дел предложило «скромную» программу — «установление нового порядка в Восточной Азии», под которым подразумевалось в качестве первого этапа покорение всего Китая, включая Гонконг, Французского Индокитая, Таиланда, Малайи, Голландской Ост-Индии, Филиппин и Новой Гвинеи. На втором этапе намечался захват Австралии, Новой Зеландии, Бирмы и Восточной Индии. Этот второй этап должен был до поры до времени содержаться в секрете даже от намечавшихся союзников — Германии и Италии, ибо они после победы могли сами претендовать на перечисленные территории. Кроме того, неумеренный аппетит их дальневосточного союзника мог раньше времени вызвать тревогу и сомнения как в Берлине, так и в Риме. Поэтому даже в отношении первого этапа экспансии Япония должна была, как констатиро-

вал приговор, «скрывать (от Берлина и Рима.— *Авт.*) свои захватнические цели, утверждая, что она только желает политического руководства и экономических возможностей».

Согласно заявлению представителя министерства иностранных дел Ёсимицу Андо фундаментом этой программы являлось «усиление коалиции между Японией и Германией, предполагалось, что Германия победит Англию, будет господствовать в Европе и Африке и установит там новый порядок». Правда, на совещании высказывалось сомнение, согласится ли победоносная Германия, владычица Европы и Африки, добровольно отдать в руки Японии богатейшее колониальное наследие в районе Южных морей тех держав, которые она самостоятельно разгромила. Но это сомнение быстро рассеял с чисто солдатской прямотой представитель генерального штаба полковник Танэмура. «Я думаю,— заявил он,— этот вопрос целиком зависит от морской мощи (а мы добавим: в те годы — и от расстояния.— *Авт.*). Германия, которая ею не обладает, не сможет противостоять Японии в сфере влияния нашего флота, как бы упорно она ни сопротивлялась. Поэтому решение вопроса зависит только от твердости Японии». На это последовала лаконичная реплика Андо: «Вы правы».

Так закладывались первые камни в фундамент империалистических союзов. Не был, разумеется, обойден молчанием и вопрос о СССР. Например, господин Андо авторитетно заявил: «Мы хотим связать СССР, используя для этого японо-германскую коалицию... И для Японии, и для Германии одинаково выгодно в настоящее время соблюдать мир с Советским Союзом. Однако мы не можем предвидеть, каким образом будет Германия строить свои отношения с Советским Союзом после прекращения европейской войны. В настоящий момент отношения между Германией и СССР очень сложны, и, может быть, существуют обстоятельства, о которых Германия не может сказать нам открыто».

Следовательно, во второй половине июля 1940 года в Токио кое-что уже знали о том вопросе, о котором примерно тогда же писал в своем дневнике начальник генерального штаба вермахта генерал Гальдер: «Взоры обращены на восток». Знали и на всякий случай сформулировали свою позицию: «Япония предложит Германии свою

поддержку и сотрудничество как против Соединенных Штатов, так и против Советского Союза... Япония не примет на себя обязательство вмешиваться в европейскую войну, а скорее объявит о своем намерении начать самостоятельно войну против Великобритании, когда будет решено, что благоприятный момент настал». Все эти предложения исходили из предпосылки, что аналогичные обязательства в отношении Японии примут на себя Германия и Италия. В качестве же ближайшего мероприятия было решено «заключить пакт о ненападении с Советским Союзом, сделав Маньчжоу-го и Монголию (МНР.— *Авт.*) участниками нового соглашения». Поскольку агрессию решено было начать на юге, японо-советский пакт рассматривался в Стране восходящего солнца как временное мероприятие, необходимое, чтобы избежать возможности войны на два фронта.

Те, кто готовил подобную программу, хорошо понимали вкусы и стремления своих завтрашних хозяев — Ёсукэ Мацуока и Хидэки Тодзио. Точнее, думали, что понимают, ибо мало кому удавалось разобраться в подлинных намерениях Мацуока. Такова была агрессивная, коварная, насквозь авантюристическая программа, которая легла в основу деятельности второго кабинета Коноэ с первых дней его существования.

Мацуока быстро выбрал себе помощников из числа единомышленников. Главным советником стал генерал Тосио Сиратори, заместителем министра Тюити Охаси, которого Мацуока хорошо знал по совместной работе в Маньчжурии, где Охаси был также заместителем министра (а фактически — министром!) иностранных дел, но только марионеточного правительства Маньчжоу-го.

Столь же быстро Мацуока разделался в аппарате своего министерства со всеми, кто не разделял его взглядов, а потому казался вновь испеченному министру «умеренным».

23 августа 1940 года Мацуока объявил об отозвании многочисленных послов, посланников, советников и консулов, заявив прессе, что это необходимо «для обеспечения» новой внешней политики, которую он проводит.

Кабинет Коноэ санкционировал действия Мацуока и образовал комиссию из двадцати четырех лиц, призванных планировать ведение всех государственных дел на авторитарной основе. Это соответствовало взглядам не

только Мацуока, но также и Коноэ, и Тодзио, и министра — хранителя печати маркиза Кидо. Именно поэтому так неубедительно прозвучали на суде показания Кидо, касавшиеся чистки министерства иностранных дел, проведенной Мацуока. Маркиз заявил также, что он обратил внимание князя Коноэ на это ненормальное явление, что князь якобы был очень взволнован, «но он не мог остановить этого».

Не мог?! Год спустя, когда потребовалось, Коноэ, Тодзио и Кидо быстро и решительно справились с Мацуока. Чистка же МИДа и факт образования комиссии двадцати четырех получили четкую оценку в приговоре Трибунала: «Мацуока провел тщательную чистку среди дипломатов и чиновников министерства иностранных дел, которые были сторонниками сотрудничества с западными державами... Сиратори сохранил свой пост посла в Италии до 28 августа 1940 года, когда он стал дипломатическим советником министерства иностранных дел и представителем по внешнеполитическим вопросам в комиссии, которая была создана, чтобы «организовать государственную политику по авторитарному образцу» (Трибунал цитирует решение кабинета Коноэ.— *Авт.*). Новая комиссия неукоснительно требовала сотрудничества с державами «оси». Сиратори помогал реорганизации правительства по тоталитарному образцу и чистке дипломатического аппарата».

Пройдет меньше года, и Мацуока, вероятно, с сожалением вспомнит о том, как безоговорочно он помогал Коноэ и Тодзио очищать государственный аппарат от тех, кто стремился к сотрудничеству с США и Англией и, следовательно, был противником продвижения в район Южных морей. Но это произойдет через год, а пока Мацуока действует не раздумывая и решительно...

26 июля 1940 года, на четвертый день своего существования, кабинет Коноэ принял решение о создании Японией «нового порядка в великой Восточной Азии». 1 августа министр иностранных дел опубликовал это решение в качестве правительственного коммюнике. По этому случаю в тот же день Мацуока выступил по радио со специальным заявлением. Он сослался на «миссию Японии, заключающуюся в распространении принципа «кодо» (об этом принципе уже говорилось выше.— *Авт.*) на весь мир». Что же касается непосредственной цели внешней политики Японии, то новоиспеченный министр опре-

делил ее так: «Япония, Маньчжоу-го и Китай (разумеется, полностью подчиненный Токио.— *Авт.*) будут лишь ядром блока стран великой восточноазиатской сферы совместного процветания». Этот новый термин был пущен в оборот лично Мацуока впервые в тот день. Туманность и расплывчатость этого термина, особенно в географическом смысле, позволяла включить в пресловутую сферу и Австралию, и Индию, и Бирму, и Новую Зеландию. В действительности эта акция предусматривалась заговорщиками в качестве второго этапа агрессии и осуществлялась в ходе второй мировой войны.

Далее Мацуока продолжал: «Полная автаркия — вот цель блока, который кроме Японии, Маньчжоу-го и Китая включит Индокитай, Голландскую Индию и другие страны Южных морей. Для достижения такой цели Япония должна быть готова к преодолению всех стоящих на ее пути препятствий, как материальных, так и духовных. Во взаимодействии с теми державами, которые готовы к сотрудничеству с ней, Япония с храбростью и решительностью будет стремиться к осуществлению идеала, предназначенного ей самим небом».

Мацуока, и, очевидно, не только в период первого, пьянящего ощущения высшей власти, искренне считал, что история говорит именно его устами. Отсюда и некоторая небрежность тона в отношении Берлина и Рима, когда он упомянул о державах, «готовых к сотрудничеству» со Страной восходящего солнца: желаете — пойдем вместе, нет — сдюжим сами! Эта фраза отнюдь не является литературной гиперболой. Позднее в другом выступлении Мацуока прямо заявит: «У Японии достаточно сил для того, чтобы решить исход дела в мировых событиях по своему усмотрению».

И эта навязчивая идея, обуревавшая нового министра иностранных дел, как мы еще убедимся, была его стратегической линией, что в определенные периоды даже противопоставляло его остальным членам кабинета. И этот авантюрист, ограниченный, абсолютно аморальный субъект благодаря капризу истории в решающие дни оказался в центре важнейших событий, нашел достойных партнеров и в Берлине, и в Риме.

В тот же насыщенный событиями день — 1 августа 1940 года — состоялась встреча Мацуока с немецким послом генералом Эйгеном Оттом. Подробная запись этой бе-

седы оказалась на столе суда. Мацуока был, как обычно, многословен и выражался туманно:

— Я не настроен ни прогермански, ни проанглийски, а, так сказать, прояпонски. Поэтому я осмеливаюсь возражать против того, чтобы наша судьба была предоставлена какой-либо другой стране или иностранцу.

Затем, напомнив послу, что он один из инициаторов «антикоминтерновского пакта», а позднее последовательный сторонник тесного японо-германского союза, Мацуока пытается прозондировать позицию партнера:

— Я не могу убедить премьера Коноэ и других членов кабинета в моей правоте, если не буду знать по крайней мере общий характер намерений Германии...

Генерал Отт, однако, не имел ни желания, ни полномочий раскрывать позиции Германии.

А Мацуока чувствовал себя на коне — в тот день, как указывалось выше, в Японии была обнародована внешнеполитическая программа нового правительства.

— Как вы знаете, я терпеть не могу дипломатических или туманных терминов, поэтому я хочу выразить свою мысль свободно... Япония намерена создать новый порядок в великой Восточной Азии,— заявил новый министр иностранных дел.— Она желает освобождения всех наций и рас в этой части земного шара... их сопроцветания. Говоря другими словами, я возражаю против подчинения и эксплуатации, я протестую против этого, даже если это делается Японией. Конечно, может быть, некоторые японцы думают о подчинении и эксплуатации этих районов, но этому их учат некоторые европейцы и американцы, они находятся под влиянием Америки и Европы. Я протестую против этих средств, исходят ли они от японских, европейских или американских властей. Я решил сопротивляться и спорить по этому поводу, если Япония посмеет совершить подобные деяния.

Кадровый разведчик генерал Отт (до того как стать послом, он много лет был военным атташе в Японии) с удивлением взирал на маленького, коротконогого человека, обрушившего на него поток самой низкопробной демагогии. Ведь он паясничал не на митинге, не на выступлении перед журналистами. Шла совершенно конфиденциальная дипломатическая беседа ответственных представителей двух стран, связанных пактом! Но посол есть посол — он должен был терпеливо и учтиво слушать,

как распинается Мацуока. Слушать и ждать, пока собеседник не перейдет к сути дела. И вот наконец поток зондирующих вопросов:

— Каково отношение Германии к японскому курсу на Южных морях?.. Чего хочет сама Германия в районе Южных морей?.. Что она может сделать по вопросу русско-японских взаимоотношений?.. Что хочет сделать Германия в отношении Америки и что она может сделать для нас, учитывая взаимоотношения Японии и Соединенных Штатов?

Теперь Отта поразило другое — наглость собеседника. Учинить такой допрос, и кому — послу Германии, находящейся в зените успеха и могущества. Самому играть с закрытыми картами, но требовать, чтобы партнер показал все свои козыри. И кто позволяет себе это! Представитель союзника, который пока палец о палец не ударил, чтобы внести хоть какой-то вклад в общее дело! Союзника, армия которого летом прошлого года потерпела сокрушительное поражение на Халхин-Голе!

Но Отт сдерживается.

— Ваши вопросы совершенно естественны,— говорит он,— но я хочу знать прежде всего, каковы, по вашему мнению, границы Южных морей?

— Я выражаю свое личное мнение,— подчеркнул Мацуока,— они будут включать Сиам...— И после паузы многозначительно добавил: — Но они могут быть расширены постепенно в будущем, согласно любым изменениям обстоятельств.

Теперь Отту ясна стратегия нового кабинета и его министра: Германия сокрушила Францию, Голландию, скоро добьет Англию, а здесь, в Токио, собираются взять под свое крыло все колониальное наследие этих стран в Азии. При этом еще спрашивают, что Германия может сделать, чтобы по возможности прикрыть в период такой акции японские войска и от Советского Союза, и от Соединенных Штатов. Неслыханно! Надо прежде всего информировать Берлин и получить инструкции, а пока попытаться вежливо, но твердо осадить этого не в меру самоуверенного и ретивого министра.

— Я тоже выражаю свое личное мнение. Сейчас Германия находится в состоянии войны с Англией, но есть возможность в будущем превратить ее в войну на уничтожение Британской империи. Германия должна подумать,

что ей делать с районом Южных морей, если война пойдет этим путем.

Дальше Отт прозрачно намекает, что, по его, разумеется, личному мнению, раздел колониального наследства разбитых держав в районе Южных морей будет целиком зависеть от того реального вклада, который внесут Германия и Япония.

В глубине души Отт, человек военный, конечно, сознает, что это тоже демагогия: у Японии мощный океанский военный флот, у Германии его нет, и нужны долгие годы, чтобы его создать. От Токио до Южных морей рукой подать, Германии же надо преодолеть моря и океаны. Так что уничтожить Британскую колониальную империю в Азии Берлину было легко в дипломатической беседе, но невозможно на деле. Посла особенно злит мысль, что это, конечно, понимает и Мацуока. Ему даже чудится улыбка, прячущаяся в густых усах собеседника.

Впрочем, если бы Отт был откровенен до конца даже с самим собой, то он должен был бы признать, что и германский МИД, и лично он немало сделали, чтобы развить у Токио неуемный колониальный аппетит в районе Южных морей. Так, 20 мая 1940 года, после захвата Голландии, гитлеровское правительство объявило о своей незаинтересованности в проблеме Голландской Ост-Индии. В тот же день Отт телеграфно сообщил на Вильгельмштрассе, что японский министр иностранных дел незамедлительно выразил ему свою благодарность за это решение.

19 июня 1940 года, после разгрома Франции, Отт отправил в Берлин совершенно секретную телеграмму, где ясно изложил уже собственную позицию: «По взгляду из Токио, захват Японией Французского Индокитая, без сомнения, в интересах Германии. В этом случае разногласия между Японией и англосаксонскими державами возрастут до такой степени, что опасность соглашения между ними будет ликвидирована на долгое время». Да, немцы не могли забыть в те дни, что в первую мировую войну англосаксы склонили Японию на свою сторону. И когда летом 1940 года стало выясняться, что война может еще не скоро кончиться, призрак коалиции снова стал пугать некоторые умы в Берлине.

И вот теперь Отт пожинал плоды, выросшие из зерен, посеянных им и его начальством. Многое передумал Отт

во время этой беседы с Мацуока. Одного он только не предвидел: что запись всего разговора и все его телеграммы окажутся со временем на столе Международного военного трибунала в том же Токио.

А пока посол резко меняет тему:

— Каким образом Япония намеревается урегулировать вопрос с Китаем?

— Предполагают свергнуть Чан Кай-ши,— отвечает Мацуока.

В подлиннике записи беседы в скобках значится: «Посол, казалось, был несколько озадачен». Еще бы, ведь это означает покорение Японией всего Китая под флагом какого-либо марионеточного китайского режима. Отт пускает пробный шар, стремясь уточнить положение:

— Разве нет какой-либо возможности договориться с Чан Кай-ши? Я думаю, было бы неплохо сначала переговорить с ним.

Теперь возмущен Мацуока — опять Германия пытается сунуть свой нос в китайские дела!

— Точка зрения японцев такова, что нет другого средства, кроме свержения Чан Кай-ши.

И первая беседа между германским послом и новым японским министром иностранных дел заканчивается снисходительной фразой Мацуока:

— Во всяком случае, я полагаю, Япония своими средствами способна урегулировать китайский конфликт.

На этом кончился период зондажа и начался период действий, поскольку обстановка для сближения явно созрела. В Берлине поняли, что у географии есть свои законы, что Германия практически не может воспрепятствовать Японии хозяйничать в Восточной Азии, коль скоро у нее для этого достаточно сил. В Токио сделали аналогичный вывод о Германии в отношении Европы и Африки — к лету 1940 года нацисты продемонстрировали наличие наиболее боеспособных на Западе вооруженных сил. Обе стороны не без основания считали, что в этих условиях объединение только усилит позиции агрессоров на трех континентах — в Европе, Африке, Азии.

В первых числах сентября 1940 года Риббентроп командирует своего главного советника по вопросам Азии Генриха Штамера в Токио. 9 и 10 сентября Штамер и Мацуока согласовывают проект «пакта трех», о котором в течение двух лет не могли договориться японские пред-

ставители. Такой дипломатический блицкриг был следствием не только указанных выше причин, но и безоговорочной веры Мацуока в государственный и военный гений Гитлера, в правильность его агрессивной политики. С известными оговорками эту позицию разделяли и два других ведущих члена кабинета — Коноэ и Тодзио.

Все они, как правильно указал один из обвинителей Фиксель, «стремились вовремя вскарабкаться на колесницу Гитлера после молниеносной победы над поверженной Францией и запуганным Лондоном». Только наступит день, добавим мы, когда Коноэ и Тодзио сочтут необходимым на время спрыгнуть с этой колесницы, чтобы пойти собственной дорогой. А вот Мацуока, ослепленный верой в фюрера, откажется от этого и потребует безоговорочного выполнения желаний Берлина. И наконец, наступит еще один день, когда вся троица убедится, что все дороги агрессии в конечном итоге сходятся в одном тупике. Но это случится только через пять долгих лет.

А пока послушаем показания министра — хранителя печати подсудимого Кидо на Токийском процессе: «Мацуока вел переговоры со Штамером на своей личной загородной вилле. Они велись в такой тайне, что даже начальники отделов министерства иностранных дел не знали об этом, пока не был выработан определенный план. В курсе дела были только дипломатические советники министерства. Я сам услышал об этом в первый раз 12 сентября 1940 года от премьер-министра Коноэ и был поражен неожиданной быстротой этих переговоров».

Здесь все отвечает исторической правде, за исключением последней фразы. Трудно поверить, что Кидо — главный советник императора — играл столь незначительную роль в этом особо знаменательном событии в истории агрессии, что даже не был о нем своевременно осведомлен. Просто скамья подсудимых сделала Кидо необычайно скромным, хотя ранее он этим качеством не отличался.

Итак, «пакт трех» согласован. Поскольку же этот договор был решающим шагом на пути перерастания европейской войны в войну мировую, считаем необходимым ознакомить читателя с его основными положениями. Это важно еще и потому, что «пакт трех» был одним из важнейших «творений» Мацуока в период его руководства внешней политикой Японской империи.

«Правительства Германии, Италии и Японии призна-

ют,— говорилось в преамбуле названного документа,— что предпосылкой длительного мира является то, чтобы каждая нация мира получила необходимое ей пространство... Важнейшей своей целью они считают установление и поддержание нового порядка, способного обеспечить преуспеяние и благополучие проживающих на этих пространствах народов... чтобы можно было осуществить их стремление к конечной цели — миру во всем мире.

В соответствии с этим правительства Германии, Италии и Японии согласились о следующем:

Статья 1. Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в великом восточно-азиатском пространстве.

Статья 3. Германия, Италия и Япония согласны сотрудничать на указанной выше основе. Они далее берут на себя обязательства поддерживать друг друга всеми политическими, хозяйственными и военными средствами, в случае если одна из трех Договаривающихся Сторон подвергнется нападению...

Статья 5. Германия, Италия и Япония заявляют, что данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом.

...Подписали этот документ двадцать седьмого сентября пятнадцатого года эры Сёва, то есть 1940 г. после рождества Христова, то есть восемнадцатого года фашистского летосчисления».

Договор был согласован молниеносно. Необычайно быстро, спустя всего семнадцать дней, он был подписан в большом зале новой рейхсканцелярии, а затем в тот же день ратифицирован в Берлине, а также императорским рескриптом в Токио. В рескрипте, между прочим, указывалось: «Мы выражаем свое глубокое удовлетворение по поводу заключения пакта между тремя державами.

Когда мы думаем об этом, мы понимаем, что перед нами лежит еще очень длительный путь до достижения небывалой задачи предоставления всем нациям их собственного, предназначенного им места и устройства жизни в мире и безопасности».

Итак, составители договора пытались убедить народы всех стран, что этот документ якобы покоится на трех китах. Во-первых, на стремлении Рима, Берлина и Токио «к конечной цели — миру во всем мире»; во-вторых, на заботе о том, чтобы «каждая нация мира получила необходимое ей пространство... способное обеспечить преуспеяние и благополучие проживающих на этих пространствах народов»; в-третьих, наконец, в нем было зафиксировано, что мирные отношения всех трех участников пакта, существовавшие между ними и Советским Союзом в момент заключения пакта, остаются неизменными.

Чтобы убедиться, что все это было бессовестной ложью, как и все, к чему приложил свою руку Мацуока, не надо изучать последующие события. Достаточно познакомиться, как это сделали представители Международного военного трибунала, с некоторыми наиболее существенными выдержками из записи переговоров Мацуока — Штамер, которые заканчиваются характерной фразой: «Слова Штамера можно рассматривать как исходящие непосредственно от Риббентропа».

Обратимся же к тексту переговоров.

«Германия полагает, что вряд ли она и США в ближайшем будущем дойдут до схватки, но столкновения и войны между Японией и США вряд ли можно будет избежать.

Германия надеется, что Япония поймет такое положение и осознает силу и реальность потенциальной, а может быть, кто знает, и угрожающей опасности, надвигающейся с Западного полушария, и начнет действовать быстро и решительно, чтобы предотвратить ее, достигнув соглашения между Японией, Германией и Италией такого характера, что ни у США, ни у других стран не будет оснований для сомнений.

...Германия и Италия будут делать все, что в их силах, чтобы связать США в Атлантическом океане, и сразу начнут снабжать Японию таким количеством вооружения (например, самолетами, танками и другим военным оборудованием, даже с персоналом, если того захочет Япония), какой у нее окажется...

Германия, предлагая Японии присоединение к «оси» в самом полном значении слова и по возможности скорее,

пока не закончилась война с Англией, заглядывает далеко вперед в ведении огромной борьбы против англосаксов, включая Америку».

Короче говоря, Штамер указывает, что эта война должна развиться в борьбу против англосаксонского главенства. Теперешняя война может закончиться скоро, но эта борьба, считал он, займет десятилетия.

В записи многозначительно подчеркнуто: «Мацуока обратил внимание на эту фразу».

«Пусть,— продолжал Штамер,— эти три государства — Германия, Италия и Япония поддержат друг друга, тесно связав себя, пока, наконец, не будет достигнута великая цель».

Судя по этой записи, Мацуока только слушал и молча соглашался. Так выглядела на деле первая цель обнародованного пакта — «мир во всем мире». В действительности, как мы видели, агрессоры планировали для человечества войну на десятки лет.

Вот обвинитель Сандусский ведет перекрестный допрос генерала Сиратори (единомышленник и правая рука Мацуока в министерстве иностранных дел). Обвинитель спрашивает подсудимого, помнит ли тот свою статью конца тридцатых годов под названием «Мировая война и новый мир». Разумеется, Сиратори ее забыл, и обвинителю приходится цитировать отрывок из статьи, чтобы напомнить ее бывшему генералу и дипломату.

— «Если Америка бросит в войну свои колоссальные человеческие и материальные ресурсы,— читает Сандусский,— то мы должны быть готовы к тому, что война продлится очень долго. Однако если кто-либо считает, что эта война означает гибель культурных достижений человечества, то это доказывает, что он не понимает настоящего значения ожидаемой войны... Не является ли настоящая война попыткой создать новую систему, сбросив с себя старую шелуху? Без этого новый порядок на Востоке и на Западе не имел бы никакого значения. Совершенно неизбежны большие потери человеческих жизней и материалов. Однако это не является ни гибелью цивилизации, ни уничтожением культуры. Это только большая жертва, которая будет принесена во имя возрождения новой культуры. Каждый раз глубокие перемены в направлении человеческой мысли влекли за собой длительные

периоды таких разрушений... Все это произойдет даже в том случае, если это не будет в интересах всего мира или в интересах самой Америки.

Причина этого лежит в том, что это единственный путь изменения курса истории и перерождения мира».

Сиратори с явным неудовольствием вынужден согласиться, что этот опус вышел из-под его пера. Оказывается, что у Мацуока было на уме, у Сиратори — на языке.

Но, может быть соглашаясь со Штамером и планируя войну со всем миром, Мацуока выражал только свое личное мнение. Это, конечно, было не так. Тяжесть положения подсудимых и заключалась в том, что обвинение лишило их малейшей надежды на такой вывод.

Вот оглашается совершенно секретный протокол заседания Тайного совета Японской империи 26 сентября 1940 года. На повестке один вопрос — заключение тройственного пакта. В числе других присутствуют Коноэ, Мацуока, Тодзио.

Советника (иначе говоря, члена Тайного совета) Каваи беспокоят детали войны с США. То, что такая война предстоит, даже не дискутируется, хотя это происходит за пятнадцать месяцев до фактического нападения на Соединенные Штаты. Дело в том, что на этом же заседании министр иностранных дел Мацуока заявил, что такая война неизбежна, а другие министры деловито обсуждали все ее возможные аспекты. Сомнения советника Каваи рассеивает военный министр Тодзио: «Что касается армии, то в случае войны с Соединенными Штатами только часть армии будет занята в ней. Поэтому беспокоиться нечего».

Военно-морской министр Оикава уточняет: «Подготовка наших кораблей к боевым действиям уже закончена. Что касается военных материалов, и тяжелой нефти в частности, то у нас их достаточно, чтобы продержаться некоторое время. Если же война затянется, то нам придется столкнуться с главной трудностью — пополнением запасов. Для того чтобы быть готовыми к этому, мы предприняли все меры, чтобы расширить производство искусственной нефти».

Советник Арима озабочен: «Если японо-американская война неизбежна, то я думаю, что лучше всего воспользоваться теперешней возможностью. Однако меня беспокоит одна деталь — недостаточное количество бензина. Если

между Японией и Америкой начнется война, то она не закончится через год или два. Даже если сейчас у нас есть большой запас нефти, то его может не хватить. Я хотел бы знать, какие будут приняты меры на этот случай».

Военно-морской министр Оикава успокаивает: «Производство искусственной нефти началось недавно. Мы не можем ожидать многого от него. Но я полагаю, что есть возможность ввозить значительное количество нефти из Голландской Ост-Индии и Северного Сахалина. Я думаю, что мы сможем удовлетворять свои нужды в течение длительного времени из своих собственных запасов нефти плюс нефть, которую мы достанем в будущем. Далее, производство авиационного бензина достигло значительного размера. Он уже не так дорог, как раньше».

Ну а как же японские лидеры расценивали декларированную «пактом трех» неизменность мирных отношений Италии, Германии и Японии с Советским Союзом? Этот вопрос волнует советника Осима (однофамилец подсудимого): «Три или четыре года спустя после того, как Германия оправится от нанесенных ей в войне ударов, она может вступить в войну с Советской Россией. Были ли разговоры о том, что Япония и Германия совместными усилиями разобьют Россию?»

Теперь отвечает Мацуока: «Хотя договор о ненападении (советско-германский договор. — *Авт.*) и существует, Япония поддержит Германию в случае ее войны с СССР, а Германия поможет в случае столкновения Японии с СССР...

Даже если мы наблюдаем улучшение русско-японских отношений, оно вряд ли продлится более трех лет. Нам придется пересматривать отношения между Японией, СССР и Германией через два года».

Свои утверждения Мацуока уже тогда строил на основе солидной информации. Рано утром 26 сентября 1940 года он получил важную телеграмму от японского посла в Берлине Курусу. Посол сообщал, что из Москвы вызван германский посол граф Шуленбург для получения инструкций об отношениях с Советским Союзом в свете заключенного тройственного пакта. «Германское правительство, — писал далее Курусу, — дает указания своей прессе особо подчеркивать тот факт, что договор не предусматривает войны с Россией. Но, с другой стороны,

Германия концентрирует войска в восточных районах для того, чтобы сковать Россию».

Трибунал располагал и другим доказательством, подтверждавшим слова Мацуока на Тайном совете, — записями из уже упоминавшегося дневника графа Чиано. В дни подписания тройственного пакта граф зафиксировал то, что сказал ему по этому поводу Риббентроп: «Эта палка будет иметь два конца — против Соединенных Штатов и Советского Союза».

Так был развенчан еще один миф о трех китах, на которых якобы покоился итало-германо-японский пакт, — миф о мире с СССР.

Советник Фукаи был, очевидно, человеком дотошным и не лишенным юмора. Это явствует из его вопроса, заданного на том же заседании Тайного совета Японской империи. «В введении к договору, о котором теперь идет речь, — сказал Фукаи, — я нахожу утверждение: «Это дает возможность каждой нации иметь соответствующее место в мире». Однако сам Гитлер писал: «Что касается других рас, то выживание наиболее приспособленных является законом земли и неба». Эти два высказывания явно противоречат друг другу. Не может ли это явиться причиной тревоги?»

Как видно из протокола, ответ на этот каверзный вопрос формулируют сообща сам премьер Коноэ, а также Мацуока и Тодзио. В их ответе — квинтэссенция японского империализма тех лет, изложенная с предельным цинизмом и наглостью: «Каждая вымирающая раса, согласно закону выживания более приспособленных, недостойна существовать на земле. Если мы не сумеем выполнить нашу великую миссию в должное время и распространить принцип «императорский путь» (иначе говоря, как уже указывалось, «объединить» мир под одной «крышей»! — *Авт.*), то ничто не сможет задержать наше исчезновение из жизни. Тот факт, что нам удалось включить эти слова в преамбулу, является победой нашей дипломатии».

Так на деле выглядит третья опора пресловутого пакта — «возможность каждой нации иметь соответствующее место в мире», а точнее — возможность для многих народов получить место на кладбище.

Весь ход второй мировой войны показал, что гитлеровский тезис уничтожения «неполноценных биологиче-

ских единиц» нашел в Токио последователей не только теоретического, но и практического толка.

Ну а что же Тайный совет? Неужели в его составе не нашлось хотя бы сомневающихся и колеблющихся, когда с такой откровенностью обсуждался план развязывания с целью агрессии второй мировой войны?

Один нашелся. Но сомневался и колебался человек этот весьма своеобразно. Советник Исии как член исследовательского комитета, изучавшего «пакт трех», начал свое выступление так: «Я считаю, что предложенный здесь проект является одним из самых важных вопросов из всех когда-либо существовавших в истории дипломатических отношений нашего государства. Но, боясь, что этот проект может привести нас к серьезным бедствиям, я хочу высказать вам несколько откровенных соображений в отношении этого проекта и тем самым обратить на него серьезное внимание правительства. Современные международные союзы отличаются от тех, которые заключались в старину. Тогда они порождали очень близкие отношения, которые напоминали отношения между мужем и женой или между братьями. Теперь же, при проведении в жизнь договора о сотрудничестве, каждый союзник старается получить выгоду для своего государства за счет другого... Точно установлено, что еще ни одно государство не извлекало пользы из союза с Германией и ее предшественником — Пруссией. И не только это. Есть страны, которые из-за своего союза с Германией не только терпели непредвиденные бедствия, но и, в конце концов, потеряли даже свою национальную сущность. Канцлер Бисмарк как-то говорил, что в международном союзе один должен быть наездником, а другой ослом и что Германия всегда должна быть наездником. И действительно, в прошлую мировую войну ее отношение к Турции и Австрии было отношением наездника, который кричит на своих ослов и подхлестывает их. Она подвергла опасности само их существование... Конечно, эти события касались императорской Германии, и есть много людей, которые скажут, что необязательно же нацистская Германия пойдет по стопам императорского правительства. Несмотря на это, я считаю, что канцлер Гитлер представляет немалую угрозу. Говорят, что он подражает Макиавелли и всегда держит под рукой его книгу «Князь». Он заявил, что международные соглашения яв-

ляются временной мерой и что их нужно не задумываясь нарушать, когда для этого наступит время. К примеру, заключение германо-советского пакта, который находится в явном противоречии с «антикоминтерновским пактом», ранее заключенным с нами, не должно никого удивлять. Гитлер с молодых лет изучает Восток, и он всегда считал, что нельзя Японии дать возможность стать сильной. Об этом он часто говорил со своими приближенными. С какой бы точки зрения мы ни смотрели, мы никак не можем поверить, что нацистская Германия, руководимая Гитлером, может в течение долгого времени оставаться преданным другом Японии».

Характеристику союзника советник подытоживает так: «Германия по самой своей природе не может не высасывать кровь у других». Затем в нескольких кратких, но пренебрежительных словах он рисует отрицательный портрет и другого союзника — фашистской Италии.

Кончает господин Исии почти патетически: «Я молю бога, чтобы мои опасения оказались лишенными всякого основания. Но если случится, что даже часть моих опасений осуществится, то это приведет к очень серьезным последствиям. Вот по этой причине я позволил себе откровенно высказать свое мнение правительству. Я изложил вам для сведения свои самые сокровенные мысли».

Бесстрастны и спокойны лица членов Тайного совета: ведь всем этим ламентациям Исии предшествовала одна его выразительная фраза: «Я хочу вам сказать, что после окончательного рассмотрения этого проекта я полностью с ним согласен». Как же объясняет господин советник столь вопиющее противоречие между посылкой и выводом? Очень просто — общностью цели: ограбление мира и уничтожение всех сопротивляющихся. Вот послушайте: «...Кроме Японии, Германии и Италии, нет больше стран, чьи интересы были бы так сходны между собой. Союз этот скорее будет построен на общности национальных интересов, чем на национальном характере этих стран или на личности их руководителей».

Короче: хоть об руку с дьяволом, лишь бы перейти через желанный мост. Бедный господин Исии! Если бы он отсек тогда свои выводы, он мог бы войти в историю как человек, оказавшийся пророком в собственном отечестве. Теперь он предстает перед потомством в качестве циничного кривляющегося шута.

Что же происходило в зале Тайного совета, после того как Исии покинул трибуну?

Слово взял председатель: «Поскольку никто больше не желает выступать, я не буду второй раз зачитывать проект и прямо перейду к голосованию. Прошу всех голосующих за проект встать. — Все встают. — Проект принят единогласно. Объявляю перерыв».

Император уходит. Собрание закрывается.

...Так в Токио был сделан решающий шаг к бездне второй мировой войны. Оценивая заключение «пакта трех», подсудимый Осима заявил, что «единственный вопрос, который тогда стоял на повестке дня: когда начнутся события?».

На следующий день после заседания Тайного совета — 27 сентября 1940 года — «пакт трех», как уже известно, подписывается в Берлине. Японские государственные деятели, заключая этот пакт, считали бесспорным, что его результатом явится совместный удар Германии и Японии по Советскому Союзу в течение ближайших двух-трех лет. В Берлине знали больше, знали, что нападение на Советский Союз произойдет в первой половине следующего года. Это убедительно доказывают показания бывшего фельдмаршала вермахта Фридриха Паулюса на Нюрнбергском процессе, оглашенные в Токио советским обвинителем генералом Васильевым. Вот выдержка из этих показаний:

«3 сентября 1940 года я начал работать в главном штабе командования сухопутных войск в качестве обер-квартирмейстера. В качестве такового я должен был замещать начальника генерального штаба, а в остальном должен был выполнять отдельные оперативные задания, которые мне поручались. Во время моего назначения (3 сентября 1940 года. — *Авт.*) я нашел еще неготовый оперативный план... нападения на Советский Союз... Начальник штаба сухопутных сил генерал-полковник Гальдер поручил мне дальнейшую разработку этого плана...

Разработка, которую я сейчас обрисовал, была закончена в начале ноября и завершилась двумя военными играми, которыми я руководил по поручению штаба сухопутных войск».

Итак, и в Токио, и в Берлине знали и понимали, что одна из центральных задач «пакта трех» — сокрушить Советский Союз. Осуществление этой явно авантюристи-

ческой затеи позволило бы блоку агрессоров соединить свои силы где-то в районе восточнее Урала. Чем восточнее, тем лучше — считали в рейхсканцелярии. Чем западнее, тем прочнее — были убеждены японские политики. Именно тогда, считали они, «новый порядок» подчинит себе громадную территорию от Ла-Манша на западе до Владивостока и Пекина на востоке, до Кантона и Ханькоу на юго-востоке. Англия сама капитулирует в этой ситуации, а Соединенные Штаты, бессильные что-либо изменить, будут радешеньки, если их оставят в покое на собственном континенте.

И лишь одно не давало покоя политиканам в Берлине и Токио: как сделать, чтобы нападение на Советский Союз не породило англо-советско-американской коалиции? Как погасить сомнения, возникшие в Москве в связи с началом концентрации немецких войск на востоке, их появлением в Финляндии и Румынии?

И тут возникла очередная бредовая идея: попробовать втянуть СССР в «пакт трех», превратив его «в пакт четырех»!

Что же, по мнению гитлеровской верхушки, могло быть соблазнительного для Москвы в этом нелепейшем предложении? Отвечая на этот вопрос, один из западных историков А. Росси приводит по этому поводу высказывание Гитлера в разговоре со своими приближенными в канун подписания «пакта трех» — 26 сентября 1940 года: «Я думаю, нужно поощрить Советский Союз к продвижению на юг — к Ирану и Индии, чтобы он получил выход к Индийскому океану, который для России важнее, чем ее позиции на Балтике».

В Риме 19 сентября 1940 года Риббентроп внушал Муссолини: «Нужно отвлечь Россию к Персидскому заливу и к Индии».

Идея всего этого противоестественного плана вполне соответствовала уровню политического мышления его создателей. Что же, по их мнению, должно было случиться после такого предложения?

Во-первых, в Кремле не смогут устоять против соблазна перед столь щедрым и столь реальным подарком. Щедрым, ибо СССР, в случае согласия, становится океанской державой, в его руки передается самая драгоценная жемчужина британской колониальной короны — Индия, с ее обширной территорией, огромным людским потенциалом

и большими природными ресурсами, а в придачу еще и Иран с нефтеносным районом Персидского залива.

Вместе с тем подарок реален: у Советского Союза сухопутные границы и с Индией, и с Ираном, мощные военные силы. Все это дает возможность быстро занять эти обширные территории. Англия ослаблена до предела, Иран в военном отношении величина нулевая, Соединенные Штаты далеко и лишены большой сухопутной армии. Оказать сопротивление некому.

Во-вторых, в Москве погаснут все подозрения: столь щедрую долю при дележе британского колониального наследства мог выделить только настоящий друг, и друг бескорыстный. Ведь всю тяжесть разгрома Британской метрополии этот друг добровольно взвалил на собственные плечи.

В-третьих, когда СССР, уверовав в безопасность своих западных границ, двинет большую армию на юг, где она неминуемо увязнет, можно будет быстро, точно и победоносно реализовать план «Барбаросса».

В-четвертых, и это наиболее существенно, планируемая акция сделает абсолютно невозможной англо-советско-американскую антигитлеровскую коалицию, вызвав бурю в Вашингтоне и Лондоне. Ведь, приняв предложение Гитлера, СССР предстанет перед народами Америки и Великобритании в том же обличье, что и Германия, Италия, Япония.

Гитлеру его план казался гениальным и всеобъемлющим.

3 октября 1940 года было решено повести с Москвой соответствующие переговоры, и Молотову направили приглашение посетить Берлин. 12 ноября того же года советская делегация прибыла в столицу рейха. Переговоры продолжались всего два дня. На третий, рано утром, советские представители покинули Берлин. Германскую делегацию возглавляли Гитлер и Риббентроп, советскую — В. М. Молотов. Советская делегация сразу и категорически отвергла идею «пакта четырех» и связанное с ней «продвижение на юг». Между тем германская сторона была настолько уверена в успехе, что Риббентроп имел даже составленный проект договора с приложенными к нему секретными статьями, где решался вопрос о дележе колониального наследия Британии, Франции, Голландии и Бельгии. Отклонив абсурдные предложения, Молотов

поставил ряд точных вопросов о целях Германии и ее войск в Финляндии, Румынии, Венгрии, о причинах увеличения германских сил в Польше. Это привело Гитлера и Риббентропа в крайнее раздражение. Переговоры зашли в тупик и быстро закончились. Для обеих сторон они ограничились только зондированием взаимных позиций. «Гитлер, — заключает Росси, — был глубоко разочарован и разозлен».

Фантастический проект, о котором мы рассказали, вошел в историю как «план Риббентропа». Однако тем, кто участвовал в Токийском процессе или изучал его материалы, такое название представляется несправедливым. Как уже говорилось, впервые мысль о перерастании «пакта трех» в «пакт четырех» и о «предоставлении» Советскому Союзу территории Индии и Ирана Гитлер высказал 26-го, а Риббентроп 19 сентября 1940 года. Между тем автором этого плана был Мацуока: еще 4 сентября того же года по интересующему нас вопросу состоялось совещание в Токио с участием Коноэ, Мацуока, Тодзио и военно-морского министра Оикава. Это совещание приняло такие решения:

«Япония, Германия и Италия будут сотрудничать в поддержании мира с Советским Союзом, заставят Советский Союз сочетать свою политику с политикой договаривающихся сторон.

...Признать Индию для целей настоящего момента входящей в жизненное пространство Советского Союза...

...Мир будет разделен на четыре большие части — Восточную Азию, Советский Союз, Европу и Американский континент...

Сдерживать Советский Союз на востоке, западе и юге, принуждая его, таким образом, действовать в направлении, выгодном для общих интересов Японии, Германии и Италии, и попытаться заставить Советский Союз распространить свое влияние в таком направлении, в котором оно будет оказывать самое незначительное, непосредственное влияние на интересы Японии, Германии и Италии, а именно — в направлении Персидского залива (возможно, что в случае необходимости придется согласиться с экспансией Советского Союза в направлении Индии)».

Вот, оказывается, в чем дело. Все, что Риббентроп предложил Молотову в ноябре 1940 года, было продумано и сформулировано 4 сентября того же года на сове-

щании четырех министров в Токио. Кто же персонально является автором этого плана? Вывод может быть лишь один — Мацуока. Только он во втором кабинете Коноэ подготавливал и выдвигал все основные вопросы внешней политики. А потому «пакт четырех» и включенная в него идея «продвижения» СССР в Индию и Иран — уродливое детище Мацуока. Это признается и в приговоре Трибунала: «Основное содержание предполагаемого союза совпадало с предложениями, которые Мацуока сделал Германии. Когда Германия выйдет победительницей из войны против Великобритании, мир должен будет быть разделен на четыре сферы влияния, в которых, соответственно, будет установлено господство Германии и Италии, Японии, Советского Союза и Соединенных Штатов.

Во всех существенных отношениях точка зрения Германии почти целиком совпадала со взглядами Мацуока, которые он изложил послу Отту 1 августа 1940 года».

В ходе судебного следствия обвинение предъявило тайные письма, которыми обменялись Япония и Германия при подписании «пакта трех». В этих секретных письмах «Германия также согласилась... сделать все, от нее зависящее, чтобы привлечь Советский Союз к участию в этом пакте».

Следовательно, из этих писем явствует, что, пытаясь привлечь СССР к «пакту трех» и «направить Советский Союз на юг», Германия выполняла просьбу Японии.

То же самое подтверждают оглашенные защитой на процессе выдержки из так называемой «записки Коноэ», датированной июнем 1945 года: «Из записей бесед, происходивших между Мацуока и Штамером, совершенно ясно видно, что Германия обязалась помочь Японии установить отношения с Советским Союзом. Посланник Штамер, уезжая к себе на родину, вновь говорил о своем намерении попытаться осуществить эту задачу... Надежда на то, что Япония, Германия и СССР могут объединиться — что являлось основным замыслом трехстороннего союза, — теперь (в июне 1941 года. — *Авт.*) рухнула».

Таким образом, «план Риббентропа» можно с полным основанием именовать «план Мацуока — Риббентропа». Мацуока породил, а Риббентроп, ведя переговоры с Молотовым, полностью провалил этот план.

В Берлине были так обозлены и пристыжены этим

провалом, что даже не поставили Токио в известность о происшедшем.

Проходит почти три месяца. 3 февраля 1941 года комитет по координации действий снова обсуждает в Токио тот же «план Мацуока — Риббентропа» и выносит решение, «которое должно было быть использовано Мацуока в качестве инструкции во время его переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом в течение его поездки по Европе.

Земной шар (по решению этого комитета! — *Авт.*) должен быть разделен на четыре блока — блок великой Восточной Азии, европейский блок (включая Африку), американский блок и советский блок (включая Индию и Иран)».

У свидетельского пульта Хидэки Тодзио. Обвинитель предъявляет ему названное выше решение.

Вопрос: Это решение совещания комитета по координации действий от 3 февраля 1941 года?

Ответ: Да это так, но это решение было первоначально составлено министром иностранных дел Мацуока (еще одно свидетельство того, кто подлинный автор пресловутого «пакта четырех». — *Авт.*) ввиду его предполагавшейся поездки в Европу.

Вопрос: Вы, конечно, входили в число одобривших его?

Ответ: Естественно, так как я был военным министром.

Вопрос: Обращаю ваше внимание на пункт первый, который я зачитаю: «Надо добиться того... чтобы Советский Союз сотрудничал в проведении политики Японии, Германии и Италии по свержению Англии. В то же время необходимо обеспечить урегулирование дипломатических отношений между Японией и Советским Союзом». Верно ли я цитирую?

Ответ: Да. Но, когда Мацуока приехал в Европу, действительная обстановка там весьма отличалась от той, какую представляла себе в то время Япония. Отношения между Германией и Советским Союзом были настолько напряженными, что возможность согласия между СССР и странами — участницами трехстороннего пакта была неосуществимой. Более того, Германия находилась в таком положении, что она не могла приветствовать заключение пакта о нейтралитете между Японией и Советским

Союзом; поэтому не было надежды на то, что она предложит свои услуги в этом направлении...

Тодзио сказал правду. Только в Москве в конце марта 1941 года, а потом в Берлине Мацуока узнал о полном провале своей «гениальной» идеи «пакта четырех». Узнал он и о том, что немцам не удалось усыпить бдительность Советского Союза, не удалось отвлечь его военные силы с запада и востока на юг. Предупредить возможность создания англо-советско-американской коалиции немцы тоже оказались не в силах...

Деятельность дипломата и творчество писателя имеют между собой нечто общее. Тот и другой встречаются и иногда тесно соприкасаются с различными людьми. Для писателя они — прообразы будущих персонажей его книги, для дипломата — партнеры на предстоящих переговорах. В обоих случаях и писатель, и дипломат должны глубоко вникнуть в сущность людей, с которыми соприкасаются, научиться понимать их мысли, поступки, истинные побуждения, которые теми движут, постичь особенности не только характера, но и языка. Без этого у писателя не получится хорошей книги, а дипломат не добьется успеха в предстоящих переговорах.

«План Мацуока — Риббентропа» представлял редкое, даже для дипломатической кухни, сочетание изощренного коварства с прозрачной наивностью. В чем состояло коварство плана, читатель уже знает. Его прозрачная наивность выражалась, во-первых, в том, что Мацуока, так же как и Риббентропу, не дано было понять сущность советской внешней политики, совершенно чуждой захвату и колониальной эксплуатации других стран и народов. Циники и лжецы до мозга костей, типичные представители крайне реакционного крыла империалистической дипломатии, Мацуока и Риббентроп, обладая умом поверхностным, ограниченным и негибким, наивно и беспомощно представляли цели своих партнеров на переговорах. Они мерили их собственным убогим аршином.

Во-вторых, наивная прозрачность пресловутого плана заключалась в том, что план этот адресовался И. В. Сталину, одному из опытнейших политиков своего времени, проницательность и реализм которого в вопросах внешней политики были тогда широко известны. Поэтому, разумеется, раскусить сущность внешне замысловатых пред-

ложений Мацуока — Риббентропа Кремлю было несложно.

Ошарашенный провалом своего плана, Мацуока по пути из Москвы в Берлин успел прийти в себя. Теперь, когда старый план рухнул, ему было необходимо детально вникнуть в то, что происходит в Берлине, выяснить, что именно вызвало крах «пакта четырех». Свое любопытство он быстро удовлетворил. Но об этом дальше, а пока один штрих, характерный для Ёсукэ Мацуока.

Во время одной из бесед в Берлине с Риббентропом — 31 марта 1941 года — Мацуока заявил, «что японский народ никогда не допустит присоединения России к пакту трех держав. Это вызвало бы крик негодования по всей Японии». Подняв свои светло-серые, холодные как лед глаза, Риббентроп даже с некоторым любопытством оглядел невзрачного и хилого японского министра: лицемеров, циников, лжецов ближайший сподвижник Гитлера перевидал немало. Но такое... Так отозваться о собственном предложении, которое этот раскосый, желтолицый «ариец Дальнего Востока» подсунул ему — Риббентропу! Подсунул, сам оставшись в стороне и взвалив всю тяжесть провала на плечи «сверхдипломата». Это неслыханно! Однако возмущаться собственной недальновидностью — значит признать и собственное поражение. И министр иностранных дел Германии ответил, что о присоединении России к пакту трех держав не может быть и речи.

Мацуока гасит улыбку в густых усах, учтиво склоняет голову в знак согласия с рассуждениями рейхсминистра... Этот штрих не случаен!

У свидетельского пульта вызванный защитой Ёсиэ Сайто, один из советников МИДа в период, когда его возглавлял Мацуока. По признанию Сайто, он был тесно связан с Мацуока в течение тридцати лет. Сайто показал:

«Мацуока не любил, когда его беспокоили, напоминая ему о прошлых событиях, относившихся к важным вопросам дипломатии. Таков был у него характер. Поэтому он никогда не просматривал документы министерства иностранных дел относительно прежних переговоров между тремя державами и никогда не отдавал распоряжений своим подчиненным об изучении их. Иногда некоторые лица говорили ему о прошлых переговорах, но он не слушал их и говорил, что это относится к прошлому и не имеет отношения к его дипломатии».

Что ж, в этом своя логика: лжецу, лицемеру, обманщику и предателю — человеку, попирающему сегодня то, чему он поклялся в верности или что он восхвалял еще вчера, — память, деловая и политическая, просто помеха в практической деятельности. А теперь пришло время несколько нарушить последовательность нашего рассказа и вернуться к началу тридцатых годов.

В то время Советское правительство дважды предлагало Японии урегулировать свои взаимоотношения с СССР на прочной мирной основе. Вот как описывает эти усилия и реакцию Токио Международный военный трибунал в своем приговоре:

«На тот факт, что политика Японии в отношении СССР была не оборонительной, а наступательной, или агрессивной, указывают дипломатические документы, обмен которыми произошел в период 1931—1933 годов. В течение этого периода Советское правительство дважды делало японскому правительству официальное предложение о заключении пакта о ненападении и нейтралитете. В советском заявлении, сделанном в 1931 году японскому министру иностранных дел Ёсидзава и послу Хирота, подчеркивалось, что заключение пакта о ненападении будет служить «выражением миролюбивой политики и намерений правительства, и он был бы особенно кстати теперь, когда будущее японо-советских отношений является предметом спекуляции в Западной Европе и Америке. Подписание пакта положило бы конец этим спекуляциям».

Японское правительство в течение года не отвечало на это предложение. Только 13 сентября 1932 года советский посол в Японии получил от министра иностранных дел Утида ответ, в котором предложение отклонялось на том основании, что «официальное начало переговоров по этому вопросу между двумя странами в данном случае считается несвоевременным».

4 января 1933 года Советское правительство повторило свое предложение о заключении пакта, указав, что предыдущее предложение не вызывалось соображениями момента, а являлось результатом его миролюбивой политики и поэтому сохраняет силу и на будущее. Японское правительство в мае 1933 года еще раз отклонило предложение Советского Союза.

Следует отметить, что Япония отклонила это предложение, несмотря на то что японское правительство в то

время было уверено, что это предложение является искренним выражением миролюбивой политики Советского Союза на Дальнем Востоке.

В секретном меморандуме, написанном начальником бюро европейско-американских дел (теперь подсудимым) Того в апреле 1933 года, говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии».

К декабрю 1933 года Квантунская армия составила планы и продолжала вести подготовку к тому дню, когда Япония использует Маньчжурию в качестве плацдарма для нападения на СССР.

Однако не успел Мацуока стать министром иностранных дел, как тот же Того, тогда уже посол в Москве, в июле 1940 года предложил от имени своего правительства заключить пакт о нейтралитете. Советское правительство дало свое согласие, но переговоры несколько затянулись, а за это время произошла смена послов. Новый японский посол генерал Татэкава в октябре 1940 года выдвинул уже другое предложение: заключить пакт о ненападении, аналогичный пакту 1939 года между СССР и Германией.

Каковы же причины, которые обусловили столь резкий поворот в отношении Токио к СССР в тот период, когда во главе японского МИДа стоял Ёсукэ Мацуока?

На это дает ответ приговор Международного военного трибунала: «Как указывалось выше, СССР в 1931 и 1933 годах предложил Японии заключить пакт о нейтралитете, но Япония от этого отказалась. К 1941 году у Японии испортились отношения практически со всеми державами, за исключением Германии и Италии. Международная обстановка в такой степени изменилась, что Япония была готова сделать то, от чего она отказалась за десять лет до этого. Однако эта готовность не означала какого-либо изменения отношения Японии к СССР и не означала отказа от захватнических замыслов по отношению к СССР.

Очевидно, что Япония не была искренней при заключении пакта о нейтралитете с Советским Союзом и, считая свои соглашения с Германией более выгодными, под-

писала пакт о нейтралитете, чтобы облегчить себе осуществление планов нападения на СССР. Эта точка зрения об отношении японского правительства к СССР совпадает с мнением немецкого посла в Токио, высказанным им в телеграмме от 15 июля 1941 года, направленной в Берлин:

«Нейтралитет» Японии в войне между Германией и СССР в действительности служил и, скорее всего, был предназначен для того, чтобы служить ширмой для оказания помощи Германии до нападения самой Японии на СССР».

Однако этот ответ, разумеется, не мог исчерпать полностью всего комплекса доказательств, исследованных Трибуналом на протяжении двух с половиной лет, а потому не раскрывает всей картины коварной, сложной, а подчас и противоречивой политики Японии в данном вопросе.

Поскольку Советское правительство дало свое согласие вести переговоры с Японией о заключении пакта, выяснение позиций и намерений Германии было также весьма важным для дальнейших действий Токио. Поэтому было решено, что Мацуока поедет в Европу для посещения Москвы, Берлина и Рима.

В руках обвинения строго секретный протокол заседания Тайного совета в присутствии императора в сентябре 1940 года.

На этом заседании Мацуока выступил с изложением своих позиций в отношении предстоящих переговоров: «Настоящий министр (так Мацуока именовал самого себя. — *Авт.*) думал об укреплении отношений Японии с Германией и Италией с момента образования кабинета в последней декаде июля (речь идет о 1940 годе. — *Авт.*). В то время Германия захватила Францию, и казалось, что Англия тоже будет побеждена не более чем в десять дней. Поэтому энтузиазм Германии по поводу сотрудничества с Японией был в основном очень низок. Но даже если Германии и Италии удастся теперь покорить Британские острова, война за разрушение всей Британской империи будет нелегким делом. Более того, им придется столкнуться с двумя сильными влияниями — с так называемым англосаксонским блоком, состоящим из Америки и оставшихся частей Британской империи, и с Советской Россией, все укрепляющейся во время этой войны».

И Мацуока, злорадствуя по поводу затруднительного положения, в которое, по его мнению, попали дорогие союзники Японии по «пакту трех», без стеснения — ведь кругом все свои, проверенные люди — излагает собственное сокровенное политическое кредо:

«В создавшейся ситуации Япония, благодаря счастливому географическому расположению и обладающая расой, единой в политическом отношении, станет великой по своей мощи. Даже сейчас Япония обладает такой мощью, что в состоянии поколебать равновесие в мире по своему желанию. Таково мнение министра. Гитлер и несколько человек, окружающие его, я думаю, уверены в этом. В настоящее время они, кажется, относятся с известным энтузиазмом к сотрудничеству с Японией. При таких обстоятельствах, я думаю, нет необходимости униженно просить Германию о сотрудничестве, хотя я был готов на это при различных международных обстоятельствах. Я решил отложить переговоры до капитуляции Британских островов, если я уполномочен на это, и в этом случае я сам выберу время. Для нас политически невозможно показать нетерпение».

Итак, взобраться на гору и оттуда наблюдать «за схваткой тигров», а когда напряжение схватки достигнет предела, вмешаться в нее со свежими силами и... Вот тут наш хамелеон раздевается донага. Если «интересы дела» потребуют, он и самых близких союзников продаст с потрохами!

«Я считаю, что Япония должна показать, что она занимает независимую позицию, что она не нуждается в сотрудничестве с Германией и Италией, что она войдет в соглашение с Америкой и даже дерзнет спасти Англию, если это будет необходимо или удобно для ее существования или признания».

Вряд ли даже германский посол в Токио Отт додумался до такого толкования смысла слов Мацуока, уже известных читателю и сказанных в беседе с тем же Оттом: «Я настроен ни прогермански, ни проанглийски, а, так сказать, прояпонски».

После этого заседания Тайного совета прошло еще полгода, однако ничто не предвещало близкой капитуляции Британских островов, зато в Токио начали поступать все более частые и серьезные сигналы о концентрации германских войск на советских границах.

23 февраля 1941 года в мрачном замке Фушль состоялась задушевная беседа Риббентропа с японским послом Хироси Осима.

После сердечных взаимных приветствий, как сказано в протоколе, Риббентроп перешел к делу: «Мы учли все возможности. Война уже выиграна в военном, экономическом и политическом отношениях. Мы хотим кончить войну как можно скорее и заставить Англию скорее просить мира. Фюрер полон сил, здоровья и уверенности в победе. Он решил привести войну к быстрому и победному концу. Сотрудничество с Японией весьма необходимо для того, чтобы провести это намерение в жизнь. Однако и Япония в своих собственных интересах должна вступить в войну как можно скорее. Англия потеряла бы, таким образом, свои ключевые позиции на Дальнем Востоке, Япония же, напротив, займет, таким образом, удобную позицию на Дальнем Востоке. Но это возможно сделать только путем войны».

И тут впервые Берлин устами Риббентропа предлагает Токио так называемый «сингапурский вариант»: «Решающий удар должен быть нанесен Сингапуру, для того чтобы уничтожить ключевую позицию Англии в Восточной Азии. Занятие Сингапура должно произойти молниеносно, если можно, то вообще без объявления войны, в самый мирный период. Все это быстро решит войну в нашу пользу и удержит Америку от вступления в войну.

Занятие Сингапура означало бы решающий удар в сердце Британской империи. Америка не вступит в войну, поскольку она еще не готова и не рискнет послать свой флот дальше Гавайских островов. Если же она вступит в войну, то ей придется только беспомощно взирать, как Япония отбирает у нее Филиппинские острова».

Риббентроп хорошо понимал: устремляясь на юг, Япония должна быть спокойна, что на севере ее новая агрессия не вызовет у Советского Союза никакого противодействия. А потому рейхсминистр готов был и здесь вселить спокойствие и уверенность в своего дальневосточного союзника. Но прежде он широкими мазками набрасывает соблазнительную и радужную картину, не забыв, разумеется, напомнить, что непроницаемый занавес, еще недавно скрывавший это светлое настоящее, раздвинут железной рукой вермахта: «Франция как дальневосточная держава более не существует (намек на то, что Индоки-

тай ждет нового «хозяина». — *Авт.*). Англия также значительно ослаблена, и Япония может теперь постепенно укрепиться в Сингапуре. Таким образом, Германия уже очень много сделала для будущего двух народов».

Следует многозначительная пауза, которая должна подчеркнуть всю значимость и всю конфиденциальность того, что господин министр иностранных дел Германии желает сообщить в заключение послу дружественной и союзной державы: «В связи с нашим географическим положением, если возникнет нежелательный конфликт с Россией, мы должны будем взять на себя основное бремя и в этом случае... Фюрер в течение зимы создал ряд новых соединений, в результате чего Германия будет иметь 240 дивизий, включая 186 первоклассных ударных дивизий».

И Риббентроп резюмирует, что поэтому «русско-германский конфликт имел бы следствием гигантскую победу немцев и означал бы конец советского режима».

Мог ли Хироси Осима, ярый поклонник германского нацизма, устоять против столь соблазнительного предложения. Разумеется, нет! И не случайно запись этой беседы, заверенная личной подписью Риббентропа, кончается так:

«Посол Осима согласился полностью с моими доводами. Он заявил, что он лично желает сделать все возможное для осуществления этой политики. Он заметил, что он просил министра иностранных дел Японии отправиться в Берлин с более конкретными и приемлемыми предложениями. Я сказал Осима, что было бы неплохо, если бы министр иностранных дел Японии привез с собой окончательное решение о скором нападении на Сингапур, чтобы мы смогли затем обсудить здесь все детали. Я объяснил далее, что теснейшее сотрудничество во всех областях, в частности в прессе, необходимо для совместного ведения войны, такое сотрудничество, какое уже было установлено с Италией, Румынией, Венгрией, Словакией и Болгарией.

Осима конфиденциально сообщил мне, что Коноэ и Мацуока думают так же, как и он, и что они согласны на быстрейшую атаку против Сингапура».

Что касается Мацуока, то нам представляется, что посол Осима несколько поторопился зачислить шефа своего ведомства в число сторонников нападения на Синга-

пур. У Мацуока в то время, как и впоследствии, была своя точка зрения и своя позиция в связи с положением, создавшимся в мире. У него, как мы убедимся, был свой, как говорят, Карфаген, уничтожение которого стало для него навязчивой идеей и целью жизни. И этот «Карфаген» находился весьма далеко от Сингапура.

Однако Мацуока, как и кабинету Коноэ в целом, ясно было и другое: беседа с Риббентропом в замке Фушль — событие чрезвычайной важности. Совершенно очевидно, что Германия энергично готовится к войне с СССР в самом ближайшем будущем. Но странно другое — готовясь к схватке с русским гигантом, Германия не только не ищет помощи Японии, но, наоборот, стремится направить экспансию Токио на юг, в район Сигнапура, подальше от линии соприкосновения японских и советских войск в Маньчжурии. Что это могло бы в действительности означать? Знают ли в Москве и в какой степени о том, что происходит в Берлине, и как это может отразиться на советско-японских взаимоотношениях? Что думают и что собираются делать в Риме?

Уточнение всех этих вопросов требовало срочного выезда Мацуока в Европу. Медлить дальше было нельзя. Обстановка требовала принятия определенных решений.

12 марта, через семнадцать дней после беседы Осима с Риббентропом в замке Фушль, Мацуока тронулся в далекий путь. В третий раз за свою жизнь он снова увидел бескрайние просторы Сибири. Приглушенно стучали колеса салон-вагона. За окном расстилался суровый и величественный зимний пейзаж. А Мацуока был погружен в свои мысли. Вот и могучий Байкал. Еще недавно он был заветной мечтой японских милитаристов. А теперь? Неужели он, Мацуока, возглавил японскую внешнюю политику только для того, чтобы немецкий сапог шагнул через Уральский хребет в Азию?! На мрачном лице Мацуока вдруг заиграла улыбка. Он почему-то вспомнил растерянность Риббентропа, когда в 1939 году посол Сато заявил германскому министру, что позиция Японии проста: в Азии один хозяин — Страна восходящего солнца, остальные — только гости...

Наступило время, когда решаются судьбы мира, решаются, возможно, на столетия вперед. Он, Мацуока, должен войти в историю как один из тех, кто в это голово-

кружительное время вел наиболее тонкую, наиболее выдержанную и, разумеется, наиболее выигрышную игру...

24 марта 1941 года Мацуока прибыл в Москву и в тот же день был принят И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. Беседа продолжалась свыше часа. В этот период, как свидетельствует в своих мемуарах маршал А. М. Василевский, «с февраля 1941 года Германия начала переброску войск к советским границам. Поступавшие в Генеральный штаб, Наркомат обороны и Наркомат иностранных дел данные... свидетельствовали о непосредственной угрозе агрессии.

В этих условиях Генштаб... вносил коррективы в разработанный... оперативный план сосредоточения и развертывания Вооруженных Сил для отражения нападения врага с запада».

Естественно, возможность близкой агрессии со стороны нацистской Германии наложила свою печать на встречу советских руководителей с Мацуока...

В кабинете Сталина сидели, как обычно, за длинным столом: по одну сторону русские, по другую — японцы. Сталин часто вставал, медленно прохаживался по кабинету, дымя неизменной трубкой. Сам говорил мало, очевидно, знал любовь Мацуока к туманному многословию и решил дать возможность гостю выговориться: может быть, господин министр и скажет что-нибудь важное?

Вот как сам Мацуока рассказывал об этой встрече спустя три дня Гитлеру и Риббентропу. Запись этого рассказа оказалась в руках обвинения, так же как и все протоколы бесед Мацуока в рейхсканцелярии. Союзные державы обнаружили эти документы в архивах гитлеровского МИДа.

«Как союзник он (Мацуока. — *Авт.*) должен был представить объяснения о своей беседе со Сталиным в Москве германскому министру иностранных дел и хотел бы сделать это на утренней конференции, если бы германский министр иностранных дел не был неожиданно вызван. Теперь же он намерен сообщить об этом вождю.

Он разговаривал с Молотовым около 30 минут, со Сталиным в течение часа. Он объяснил Сталину, что морально японцы — коммунисты. Эта идея передавалась от отцов сыновьям с незапамятных времен. Но в то же время он заявил, что не верит в политический и экономический коммунизм.

Для того чтобы объяснить, что он имел в виду под моральным коммунизмом, Мацуока привел в пример свою собственную семью. Но японская идея морального коммунизма была низвергнута пришедшими с Запада либерализмом, индивидуализмом и эгоизмом.

Однако в Японии есть еще люди, хотя их и меньшинство, которые достаточно сильны, чтобы успешно бороться за восстановление старого кредо японцев. Эта идеологическая борьба в Японии чрезвычайно сильна. Но те, кто борются за восстановление старого идеала, убеждены в своей конечной победе. В основном англосаксы ответственны за проникновение вышеупомянутой западной идеологии. Для восстановления старого, традиционного японского идеала Япония вынуждена поэтому бороться против англосаксов. Также и в Китае она борется не против китайцев, а против Великобритании в Китае и капитализма в Китае.

Он объяснил Сталину, что Советы со своей стороны тоже борются за что-то новое и что он верит в то, что будет возможно урегулировать трудности, существующие между Японией и Россией после поражения Британской империи. Он обрисовал англосаксов как общих врагов Японии, Германии и Советской России».

Трудно поверить, если бы не свидетельство самого Мацуока, что такие сумбурные и нелепые высказывания адресовались И. В. Сталину. Трудно, ибо японский министр иностранных дел с самым серьезным видом пытался убедить советское руководство, что милитаристская Япония, страна, где главенствовал монополистический капитал, является, оказывается, страной «морального коммунизма» и никаких других целей, кроме борьбы против англосаксонского капитализма, у нее нет ни в Китае, ни в остальной Юго-Восточной Азии...

Чем же это объяснить? Видимо, только одним: изощренное коварство и хитрость Мацуока опирались на непрочный фундамент его ограниченного ума. Мацуока явно не хватало широты и глубины кругозора и даже простого знания и понимания партнеров по переговорам. Но ведь когда готовится встреча на высшем уровне, то первое, что делается, — изучается будущий собеседник, его привычки, характер, личность в самом широком смысле. Здесь дружно трудятся органы разведки, секретари и референты каждой стороны. Штудируются относящиеся

к этому вопросу секретные и несекретные материалы, литература и, наконец, публичные выступления и печатные труды будущего партнера по переговорам. Затем все данные синтезируются, и появляется соответствующее досье, которое вручают лицу, едущему на переговоры. Нельзя предположить, что такого досье не имел в своем распоряжении Мацуока. Вероятнее другое: с присущим ему апломбом и безграничной самоуверенностью он просто отложил эти материалы в сторону. Ведь не случайно ближайшие сотрудники Мацуока свидетельствовали на суде в Токио, что он терпеть не мог чьих-либо советов, считая, что только он один причастен к «высшей истине». А истории известно немало случаев, когда у некоторых государственных деятелей апломб и ограниченность отлично соседствуют друг с другом.

Так что же, на протяжении полуторачасовой встречи в Кремле единственной темой Мацуока был «моральный коммунизм» японского империализма? Нет. В конце концов японский министр перешел к делу.

Вот как это выглядело в его изложении в рейхсканцелярии в Берлине. Он (Мацуока) предложил русским заключить пакт о ненападении, на что Молотов ответил предложением подписать соглашение о нейтралитете. Во время своего пребывания в Москве он должен был стать в положение человека, который первым предлагает заключение пакта о ненападении. Он хочет также воспользоваться этой возможностью для того, чтобы побудить русских уступить северную часть Сахалина. Там имеются нефтяные источники, а русские сильно затрудняют их эксплуатацию. Мацуока считает, что на этих нефтяных месторождениях можно добыть два миллиона тонн. Он предложил русским купить у них Северный Сахалин.

На вопрос Риббентропа, готовы ли русские продать эту территорию, Мацуока ответил, что это весьма сомнительно. Молотов, когда японский посол сделал такое предложение, спросил его: «Это что, шутка?»

Но японский министр не все рассказал немецким друзьям. И для этого, как мы увидим, у него были веские основания.

Во время первого визита в Москву Мацуока заявил, что ему даны полномочия заключить пакт о ненападении, что же касается договора о нейтралитете, то он должен запросить мнение своего правительства, а результаты со-

общит на обратном пути из Берлина в Токио. В действительности это была лишь отговорка: находясь в Москве, Мацуока мог в течение нескольких часов выяснить шифром по радио этот вопрос. Все дело заключалось в том, что надо было установить, чем дышит Берлин, раньше, чем поставить свою подпись под новым договором с Москвой. Это было тем более необходимо, что предложение Молотова подписать не пакт о ненападении, а договор о нейтралитете кое о чем говорило Мацуока и его советникам: видимо, советское руководство уже что-то знает или подозревает о готовящейся германской агрессии. Ведь статья вторая предложенного Советским Союзом пакта о нейтралитете содержала следующее твердое обязательство: «В случае если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта».

Между тем такая формулировка входила в явное противоречие со статьей третьей «пакта трех», которая обязывала Японию вступить в войну на стороне Германии, если последняя «подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время (речь шла о сентябре 1940 года. — *Авт.*) не участвует в европейской войне и в китайско-японском конфликте».

Толкование же гитлеровской Германией понятия «нападение» с позиций только собственных агрессивных интересов было хорошо известно. Вот почему советское руководство в тех условиях считало, что договор о нейтралитете с точки зрения международно-правовой свяжет Японию в отношении СССР в сравнительно большей мере, чем договор о ненападении, и вызовет трения между агрессорами.

25 марта Мацуока покидает Москву и 27-го появляется в рейхсканцелярии. Он, разумеется, не знал тогда того, что узнал только в 1946 году в тюрьме Сугамо: оказывается, еще 3 марта того же 1941 года Гитлер издал совершенно секретную директиву, в которой, в частности, говорилось:

«Целью сотрудничества, основанного на пакте трех держав, является вовлечение Японии, возможно скорее, в активные операции на Дальнем Востоке. Большие силы Англии будут связаны этим, и центр внимания США

будет перенесен на Тихий океан... План «Барбаросса» создает особенно благоприятные политические и военные предпосылки для этой цели.

Нужно быстро разбить Англию и тем самым удержать Америку от вступления в войну...

Захват Сингапура -- опорного пункта Англии на Дальнем Востоке — явится решающим для успеха всей войны, которую ведут три державы...»

Только в тюрьме Сугамо американский следователь ознакомил Мацуока и с другим совершенно секретным документом — докладом главнокомандующего германским флотом гросс-адмирала Редера фюреру, датированным 18 марта 1941 года. Здесь снова во главу угла ставился «сингапурский вариант»:

«Япония должна действовать возможно скорее, чтобы захватить Сингапур... Япония готовится к этой операции, но, согласно заявлениям японских офицеров, она проведет ее только в том случае, если Германия проведет высадку в Англии. Следовательно, Германия должна сосредоточить все свои усилия, чтобы понудить Японию действовать немедленно.

Согласно заявлению адмирала Номура министр Мацуока имеет большие затруднения по русскому вопросу (точнее сказать, опасается реакции СССР в случае нового акта японской агрессии. — *Авт.*) и сделает запрос специально об этом. Поэтому главнокомандующий морскими силами в личном разговоре с фюрером рекомендует осведомить Мацуока о планах в отношении России».

Впрочем, эти моменты стали понятны Мацуока и без указанных документов еще в марте 1941 года, в ходе бесед в рейхсканцелярии. Гитлер и Риббентроп, то ли по совету Редера, то ли по собственному разумению, решили прежде всего убедить Мацуока, что Япония может спокойно начать агрессию на юге, не опасаясь за свой тыл на севере. Эту мысль настойчиво вдалбливали японскому министру и фюрер, и Риббентроп.

31 марта 1941 года Мацуока поставил «сверхдипломату» зондирующий вопрос: «Задержаться ли на обратном пути подольше в Москве, чтобы начать переговоры с русскими о заключении договора о ненападении или нейтралитете?»

Риббентроп категорически «посоветовал Мацуока не затрагивать этот вопрос в Москве, так как он был бы не

совсем уместен в данное время. На замечание Мацуока, что заключение рыболовного и торгового соглашений улучшило бы отношения между Японией и Россией, рейхсминистр ответил, что против заключения чисто коммерческих соглашений нет никаких возражений».

Вслед за тем рейхсминистр разразился пространным монологом в пользу «сингапурского варианта». «...Он выразил мнение, — указано далее в записи, — что будет лучше, имея в виду ситуацию в целом, не заводить разговоры с русскими слишком далеко. Он не знал еще, как будут развиваться события. Однако одно совершенно очевидно: Германия ударит немедленно, если Россия когда-либо нападет на Японию. Он готов дать Мацуока определенные гарантии, и, таким образом, Япония может продвигаться на юг, в Сингапур, не опасаясь никаких осложнений со стороны России.

Большая часть германской армии так или иначе размещена на восточных границах империи и находится в полной боевой готовности для выступления в любое время.

Если Россия когда-нибудь займет позицию, которую можно будет истолковать как угрозу Германии, фюрер сотрет Россию с лица земли. В Германии существует уверенность, что такая военная кампания против России закончится полной победой германского оружия и окончательным уничтожением русской армии и русского государства. Фюрер уверен, что в случае нападения на Советский Союз Россия через несколько месяцев перестанет существовать как великая держава».

Во имя «сингапурского варианта» Риббентроп готов был устроить своим японским друзьям заочную консультацию даже... самого Гитлера, которого считал гениальным стратегом. Он просит приготовить карты Сингапура, чтобы фюрер, который является, «может быть, одним из величайших военных экспертов современности», мог посоветовать Японии, как провести наиболее эффективно нападение на Сингапур. При этом Риббентроп пообещал, что германские военно-воздушные эксперты также будут предоставлены в распоряжение Японии.

Затем Риббентроп прозрачно намекает, что в случае германо-советской войны нет никакой надобности в японской помощи, а плоды победы над СССР великодушная Германия сама распределит среди своих союзников. «Если русские будут проводить глупую политику и вынудят

Германию нанести им удар, — говорится далее в записи,— то он (Риббентроп. — *Авт.*), учитывая настроения японской армии в Китае, сочтет правильным, если эта армия воздержится от выступления против России. Япония поможет общему делу лучшим образом, если она не разрешит себе сойти с пути нападения на Сингапур. Если будет достигнута общая победа, то ее результаты достанутся Японии уже в качестве зрелого плода, который даже не нужно будет срывать».

Однако тут же господин рейхсминистр не забывает упомянуть, правда в завуалированной форме, что именно будет учитываться, когда пробьет час дележа награбленного: «Япония должна помнить, что в этой войне самое тяжелое бремя лежит на плечах Германии.

Германия воюет против Британских островов и связывает британский флот в Средиземном море. Япония, с другой стороны, воевала только в Китае. Кроме того, главные трудности России связаны с Европейским континентом. Эти факты благодарная японская нация, конечно, признает».

И снова, как назойливый припев: «Он, Риббентроп, хочет, во всяком случае, разъяснить Мацуока, что конфликт с Россией возможен. Мацуока не может сообщить японскому императору по возвращении в Японию, что конфликт между Германией и Россией невозможен. Напротив, положение таково, что такой конфликт, если он даже не очень вероятен, все-таки должен рассматриваться как возможный...»

Теперь Мацуока ясен ответ на вопрос, волновавший Токио в момент получения отчета Осима о его беседе в замке Фушль: нацистское руководство считает Советский Союз колоссом на глиняных ногах. Оно твердо уверено, что в ближайшее время свалит этого мнимого гиганта за несколько месяцев, а может быть, и недель. Вот почему Берлину абсолютно не нужны помощники, которые, естественно, потребуют свою долю, когда наступит час победы, тем более что рейхсканцелярии хорошо известна алчность токийских руководителей.

Не ускользнул от Мацуока и его советников и другой аспект германских предложений: направляя японскую агрессию на юг, Берлин в случае успеха полностью гарантировал себя от возможности сговора Токио с Лондоном и Вашингтоном за счет Германии. Ведь наличие влия-

тельных японских политических деятелей, настроенных проамерикански, не было секретом для Гитлера.

Теперь Мацуока знал берлинские карты, как свои собственные. Следует, впрочем, сразу отметить, что свои карты у него не было никакого желания открывать ни фюреру, ни Риббентропу. Но чтобы в дальнейшем понять до конца, как вел свою игру в этой сложной шахматной партии сам Ёсукэ Мацуока, необходимо еще одно добавление: японский министр иностранных дел хорошо понимал низость своих берлинских партнеров, что, кстати говоря, его ничуть не шокировало. Ведь сам он был не лучше их! Но в то же время Мацуока слепо верил в гитлеровский дар предвидения, видел в Гитлере гениального политика и полководца, баловня времени и судьбы, человека, которому удавалось все, за что бы он ни брался. Поэтому, если фюрер твердо уверен, что сокрушит Советский Союз в самое короткое время, значит, так тому и быть. Отсюда, именно отсюда, полагал Мацуока, следует исходить в Токио, строя планы японской внешней политики.

Оставалось послушать самого Гитлера, и Мацуока удостоился этой чести.

Вот они втроем в огромном кабинете — Гитлер, Мацуока, Риббентроп. Присутствуют также Осима и Отт. Фюрер начал свое выступление с того, что «такого момента никогда больше не будет — это единственный момент в истории». Он допускает, что «известный риск, конечно, есть, но риск этот невелик для такого времени, когда Россия и Великобритания исключаются, а Америка еще не готова к борьбе.

В военном отношении также трудно назвать более удачный момент, чем настоящий, хотя и не следует недооценивать военных трудностей, которые возникнут».

Затем, глядя в упор на Мацуока, Гитлер решил разъяснить, почему он сбрасывает со счетов Советский Союз: «Да, Германия заключила несколько договоров с Россией, однако гораздо более важным является тот факт, что Германия имеет в своем распоряжении от ста шестидесяти до двухсот дивизий против СССР». Мацуока склонил голову в знак согласия. Теперь остатки сомнений рассеялись: то, что Риббентроп говорил ему о России, это мысли и планы самого фюрера.

Дальше Гитлер без излишней скромности обрисовал преимущества союза трех в области руководства: «Вряд

ли когда-либо будет более благоприятная обстановка для объединенных действий, если затронуть и вопрос руководства. Я совершенно уверен в себе, немецкий народ так сплоченно стоит за мной, как ни за кем еще не стоял в период всей своей истории. Я имею необходимую решимость в критические моменты. К тому же Германия проходит через целую серию успехов, небывалых успехов мирового значения...»

Мацуока, страстный адепт фюрера, в душе не мог не согласиться именно с этим доводом.

Господин рейхсканцлер перешел и к оценке надежности союзных отношений внутри «пакта трех»: «Особенно благоприятен тот факт, что между Японией и ее союзниками не существует никаких расхождений в интересах. Германия, которая будет удовлетворена в своих колониальных притязаниях, так же мало заинтересована в Восточной Азии, как Япония — в Европе. Это лучшая основа для сотрудничества между японской Восточной Азией и германо-итальянской Европой... потому что национальные интересы, в конечном счете, гораздо сильнее личных качеств и воли фюрера. Эти интересы всегда могут создать опасность сотрудничеству наций, если они разойдутся. Но в случае с Японией и Германией можно составлять план на длительное время, по причине того что подобных расхождений не существует. Это было моим твердым убеждением с ранней юности.

С другой стороны, сотрудничество англосаксонских государств никогда не являлось действительной коалицией, а всегда означало только игру одной державы против другой».

Тут Мацуока мысленно улыбнулся — если бы фюрер знал, что именно в эти мгновения его партнер продумывает свои ходы в предстоящей сложной игре, ходы, весьма отличные от тех, которые пытается навязать ему Берлин! Да, действительные планы господина японского министра были в эти минуты весьма далеки от знойного района Южных морей. Внешне же он всячески проявлял себя ярым и давним сторонником «сингапурского варианта». В протоколе беседы значится:

Мацуока указал, что делает все, чтобы успокоить англичан по поводу Сингапура. Он ведет себя так, как если бы Япония не имела никаких намерений по отношению к ключевой позиции Англии на Востоке. Впол-

не возможно, что его отношение к Англии может показаться дружелюбным на словах и на деле. Однако Германия не должна быть введена в заблуждение этим. Он принял такую позицию не только для того, чтобы успокоить Англию, но и для того, чтобы обмануть пробританские и проамериканские элементы в Японии до того дня, пока он не произведет внезапной атаки на Сингапур.

В этом был весь Мацуока, сотканный из коварства, лжи, обмана и, как ни странно, дремучей наивности. Продолжая свою мысль, японский министр указал, что «его тактика основана на предположении, что внезапная атака на Сингапур сразу объединит всю японскую нацию».

В этом месте Риббентроп счел уместным заметить: «Ничто так легко не воспринимается, как удача».

Мацуока продолжал: «В этом я последовал примеру знаменитого японского государственного деятеля, который сказал, обращаясь к японскому флоту в начале русско-японской войны: «Откройте огонь, и вся нация объединится». Японцам нужно потрясение, чтобы проснуться. В конце концов, как восточный человек, я верю в судьбу, которая неизбежно придет, хотите вы этого или нет».

Затем, желая выявить позицию Берлина в вопросе о войне с США, Мацуока сделал заявление, которое отнюдь не отражало его личного мнения, ибо в действительности он всегда опасался войны с Соединенными Штатами, хорошо зная их индустриальную мощь и большие военные возможности.

Что касается японо-американских отношений, Мацуока далее объяснил, что в своей стране он всегда заявлял, что рано или поздно война с Соединенными Штатами Америки будет неизбежной, если Япония будет продолжать действовать, как и ныне. По его мнению, это столкновение произойдет скорее рано, чем поздно.

Его доводы сводились далее к следующему: почему же Япония не должна решительно нанести удар в подходящий момент и взять на себя ответственность борьбы против Америки? Только таким образом она сама может избежать войны на многие десятилетия, в особенности если установить господство в Южных морях. Конечно, в Японии имеется много людей, которые не решаются разделить это мнение. В этих кругах Мацуока рассматривают как опасного человека с опасными мыслями.

Гитлер поспешил успокоить своего собеседника. Фюрер ответил, что он сам не раз находился в подобном положении. Однако события доказали, насколько он был прав. Европа уже свободна. Он не будет ни минуты колебаться, чтобы немедленно ответить на любое расширение военных действий, будь это со стороны России или Америки. Судьба на стороне тех, кто не ждет, пока опасность придет к ним, а сам становится перед лицом опасности.

Германия настолько подготовилась, что ни один американец не может высадиться в Европе. Она будет вести самую решительную борьбу с американскими подводными лодками и воздушными силами и ввиду своего большого опыта, которого Соединенные Штаты еще не имеют, получит огромное превосходство, даже не принимая во внимание тот факт, что немецкие солдаты, естественно, более боеспособны, чем американские.

Мацуока почтительно внимает самоуверенному заявлению господина рейхсканцлера, а сам готовит очередной вольт в характерном для него духе. Ведь в действительности, вернувшись в Японию, господин министр отнюдь не собирается защищать «сингапурский вариант». У него на уме совсем другое... Значит, надо попытаться объяснить Гитлеру и Риббентропу некоторые странности своего будущего поведения, и сделать это по возможности убедительно, дабы не вызвать в Берлине подозрений.

Мацуока начинает издалека, хорошо зная отношение своих собеседников к интеллигенции: «В Японии, как и в других странах, есть определенные интеллектуальные круги, наблюдать за которыми может только очень сильный человек. Для этих кругов характерен тип человека, который, хотя он и очень хотел бы, допустим, иметь тигрят, не пойдет тем не менее в пещеру, чтобы оторвать их от матери.

Достойно сожаления, что Япония не освободилась еще от этих кругов и что некоторые из этих людей имеют большое влияние.

Эти нерешительные политические деятели в Японии всегда будут колебаться и частично могут действовать в соответствии со своими пробританскими и проамериканскими настроениями».

Затем Мацуока перешел в область сравнений и говорил об общем высоком моральном уровне Германии, ссылаясь на счастливые лица, которые он видел всюду среди

рабочих во время своих посещений заводов. Он выразил сожаление, что положение вещей в Японии еще не так продвинулось вперед, как в Германии, и что в его стране люди умственного труда все еще имеют большое влияние.

Расчет Мацуока был правильный — последовала реплика Риббентропа: «В лучшем случае нация, которая поняла свои задачи, может допустить такую роскошь, как интеллигенция, но все-таки большинство интеллигентов являются паразитами. Однако нация, которой предстоит бороться за свое место под солнцем, должна расстаться с ней. Интеллигенция привела к руинам Францию, в Германии она уже начала свои испытанные действия, когда нацизм прекратил ее деяния.

Интеллигенция, безусловно, будет причиной предполагаемой гибели Англии».

Когда знакомишься с подобными высказываниями, невольно удивляешься прихоти истории, которая иногда вручает в руки пигмеев судьбы народа. Но если для Гитлера и Риббентропа оценка роли интеллигенции была их подлинным убеждением, то для Мацуока это был лишь шахматный ход. Увидев, что он удачен, японский министр заявил, что считает необходимым нарисовать фюреру абсолютно ясную картину действительного положения внутри Японии. По этой причине он должен, к сожалению, сообщить ему, что он, Мацуока, в качестве японского министра иностранных дел не мог бы сказать в Японии ни единого слова из того, что он доложил фюреру и министру иностранных дел Германии относительно своих планов. Это нанесло бы ему серьезный ущерб в политических и финансовых кругах. Однажды он уже совершил такую ошибку, еще до того, как он стал японским министром иностранных дел. Он рассказал близкому другу кое-что о своих намерениях. По-видимому, тот рассказал об этом другим, и это породило различные слухи, которые он, как министр иностранных дел, должен был энергично опровергать, хотя, как правило, он всегда говорит правду(?!).

Сделав такое заявление, Мацуока решил, что тем самым объяснил фюреру причины некоторых странностей своего поведения в будущем, которые могли вызвать недоумение в Берлине. Облегчив таким образом душу, японский министр иностранных дел закончил деловую часть беседы с Гитлером в мажорных тонах и заверил, что, «ес-

ли его спросят... признается императору, премьеру и министрам армии и флота, что обсуждался вопрос о Сингапуре. Однако заявит, что это обсуждение шло на предположительной основе».

Наступает минута прощания. Мацуока выражает восхищение тем, «как решительно и сильно фюрер ведет германскую нацию, которая стоит за ним, полностью объединенная великим временем революции». И наконец, обращается к Гитлеру с просьбой, которая должна была облегчить его двойную игру. Мацуока «убедительно просит не телеграфировать ничего по вопросу о Сингапуре», так как боится, как бы этим путем не просочились какие-либо сведения. В случае же надобности он сможет послать курьера.

Фюрер согласился с этим и заверил, что Мацуока может полностью положиться на немцев: они умеют хранить тайны...

Итак, позиция Берлина абсолютно ясна. Выработана Мацуока и своя собственная позиция на предстоящих переговорах в Москве, к слову сказать, отличная не только от позиции Берлина, но и от позиции японских правящих кругов.

Находясь в Берлине, а затем в Москве, Мацуока информировал Токио о планах рейха. В этой ситуации для правительства Коноэ, которое в то время готовилось к вторжению в Южный Индокитай и Голландскую Ост-Индию и по-прежнему стремилось к полному покорению Китайской Республики, пакт с Советским Союзом о нейтралитете был вполне приемлем. Такого же мнения по поводу заключения этого договора, но по совсем иным причинам, придерживался и сам Мацуока. В Токио считали, что пакт обезопасит северные границы Японии на время операций на юге. В случае успехов Германии в войне против Советской России наличие пакта о нейтралитете, как считали в Японии, позволит в нужный момент нанести Советскому Союзу внезапный предательский удар.

7 апреля 1941 года Мацуока снова появляется в Кремле, имея в кармане полномочия своего правительства о заключении советско-японского пакта о нейтралитете. Но предварительно он успевает угостить очередной порцией лжи американского посла в Москве господина Штейнгардта.

На стол Трибунала ложится сообщение Штейнгардта

государственному секретарю Соединенных Штатов Америки: «Мацуока был красноречив, заявляя, что ни при каких обстоятельствах Япония не нападет на Сингапур или на какие-либо американские, английские или голландские владения, и уверял, что Япония не имеет никаких территориальных притязаний... Япония была в любой момент готова присоединиться к Соединенным Штатам в вопросе гарантий территориальной целостности или независимости Филиппинских островов. Он заявил, что Япония не пойдет на войну с Соединенными Штатами, и добавил, что, читая американскую историю, он сделал вывод, что Соединенные Штаты всегда первыми начинали войну с другими странами; поэтому если и произойдет конфликт, то это будет только результатом действий со стороны Соединенных Штатов».

7, 9 и 11 апреля состоялись три встречи Мацуока с Молотовым. Для японского министра иностранных дел, как и для правительства Коноэ в целом, вопрос заключения пакта о нейтралитете между СССР и Японией был уже положительно решен в момент второго появления Мацуока в Москве. Другое дело, что, заключая этот пакт, Мацуока, как показало будущее, исходил из соображений, во многом отличных от тех, которыми руководствовались остальные члены кабинета Коноэ.

Задача японского министра заключалась теперь только в том, чтобы, с одной стороны, не показать излишней торопливости, а с другой — закончить переговоры в наиболее короткий срок. Мацуока снова подымает вопрос о Северном Сахалине. Тогда советская сторона напоминает о несправедливости Портсмутского договора, навязанного Японией царской России в 1905 году, и о целесообразности для обеих сторон в интересах добрососедства пересмотреть некоторые его статьи. Мацуока сразу прибегает к «формуле умолчания», но в то же время «забывает» сахалинский вопрос. Он вдруг начинает настаивать на обязательстве уважать территориальную целостность и независимость Маньчжоу-го. Советские представители выдвигают в ответ требование об аналогичной гарантии для Монгольской Народной Республики.

12 апреля состоялась четвертая встреча Мацуока, на сей раз со Сталиным и Молотовым. Вопрос о пакте был решен, и 13 апреля 1941 года в Кремле состоялось торжественное подписание пакта о нейтралитете.

В тот же день Мацуока покидает советскую столицу. В сообщении о его отъезде, как всегда, перечислялись официальные лица, провожавшие высокого гостя на Ярославском вокзале. Затем указывалось: «Перед отходом поезда на вокзал приехали тов. И. В. Сталин и... тов. В. М. Молотов, которые попрощались с г. Мацуока».

Лицо японского министра расплылось в широкой улыбке: приезд Сталина на вокзал подчеркивал значение, придававшееся советским руководством новому пакту в конкретных условиях того времени. Японский министр иностранных дел решил не остаться в долгу. В тот же день из Ярославля он шлет две телеграммы.

Сталину: «...Я верю, что этот пакт окажется источником вдохновения для обеих наших наций в проведении внешней политики, которая отныне будет характеризоваться взаимным доверием и дружбой».

Молотову: «Подписанным сегодня пактом мы направили наши нации на новый путь дружбы. Я верю, что этот документ послужит нам маяком в улучшении наших отношений... Я уношу с собой только очень приятные воспоминания о своем временном пребывании в Вашей великой стране».

21 апреля с пограничной станции Маньчжурия Ёсукэ Мацуока дает сразу три телеграммы. Первая — в редакцию газеты «Правда»:

«В тот самый момент, когда я покидаю пределы Советского Союза... я хочу выразить через любезное посредничество Вашей газеты народам Советского Союза свою искреннюю благодарность за оказанное ими внимание и гостеприимство за все время моего проезда через СССР и пребывания в его прекрасной столице — Москве.

Я уношу с собою только самые приятные воспоминания об этом сердечном приеме, оказанном мне Правительством и народами СССР, а равно самое положительное впечатление от того гигантского достижения, какое я наблюдал на этот раз во всех отраслях государственной и народной жизни Советского Союза в сравнении с тем, что было 8 лет тому назад, когда я был в Советском Союзе проездом в Женеву».

Вторая телеграмма адресовалась И. В. Сталину: «...Прошу разрешить мне заверить Вас, что я уношу с собой самые приятные воспоминания о своем временном, явившемся наиболее долгим в течение моей нынешней

поездки пребывании в Вашей великой стране, где я был удостоен сердечного приема и где я с восторгом и пониманием увидел прогресс, достигнутый в жизни нации.

Сцена нецеремонных, но сердечных поздравлений по случаю подписания Пакта останется, без сомнения, одним из счастливейших моментов моей жизни, а любезность Вашего Превосходительства, выразившаяся в Вашем личном присутствии на вокзале при моем отъезде, всегда будет оцениваться как знак подлинной доброй воли не только по отношению ко мне одному, но также и к нашему народу.

Я могу также добавить, что девизом всей моей жизни было и будет — всегда быть верным своим словам».

Третью телеграмму Мацуока направил Молотову.

Казалось бы, этого довольно! Но только не для Мацуока! В день ратификации пакта — 25 апреля 1941 года — он посылает еще две телеграммы, столь же льстивые, сколь и лицемерные.

И. В. Сталину он пишет: «...Я не сомневаюсь и верю в то, что благодаря содействию Вашего Превосходительства взаимоотношения между Японией и Советским Союзом еще более укрепятся. Пользуясь этим случаем, повторяю, что надолго останется в моей памяти как приятнейшее воспоминание о том, как мы без дипломатических условностей, после прямых и ясных бесед, завершили блицкриг, а равно о том, как у нас, после подписания Пакта, в дружественной и непринужденной обстановке состоялся обмен добрыми пожеланиями».

В. М. Молотова торжественно уверяет: «...Я снова подтверждаю клятвой девиз, соблюдаемый мною много лет, быть до конца верным своим словам... Надолго останется в моей памяти как одно из приятнейших воспоминаний та радостная атмосфера, которая создалась вокруг г-на Сталина после подписания Пакта».

Мацуока любил называть себя восточным человеком. Но, бомбардируя Москву своими телеграммами, он явно забыл мудрое восточное изречение: «Ты сказал — я поверил, ты повторил — я усомнился, ты стал настаивать — я перестал верить».

Эта пословица полностью применима к данному случаю. У Советского правительства и без того появляются, и достаточно быстро, бесспорные доказательства, изобличающие Мацуока, и не одного его, в коварстве, лжи,

обмане, предательстве. Но окончательно все подтвердится в самом конце апреля или в начале мая. Пока же Москва решила использовать подписание пакта о нейтралитете, чтобы пресечь распространяемые Берлином ложные слухи по поводу уже известного читателю «пакта четырех». Цель таких слухов была абсолютно ясна: помешать возникновению англо-советско-американской коалиции в случае нападения нацистской Германии на СССР.

16 апреля в «Правде» был помещен редакционный комментарий по поводу освещения иностранной печатью советско-японского пакта. Там, в частности, говорилось: «В ноябре 1940 года Советскому правительству было предложено стать участником «пакта трех» о взаимопомощи и превратить «пакт трех» в «пакт четырех». Так как Советское правительство не сочло тогда возможным принять это предложение, то вновь встал вопрос о пакте между Японией и СССР».

Так потерпела крах заветная мечта Мацуока: усыпить бдительность и изолировать с помощью «пакта четырех» Советский Союз, оставив его один на один с блоком агрессоров. Договор же о нейтралитете должен был, по мнению Мацуока, хотя бы частично заполнить вакуум, вызванный провалом «пакта четырех»...

Но вернемся немного назад, в Берлин последних дней марта 1941 года. В рейхсканцелярии Риббентроп беседует с Мацуока. Рейхсминистр пытается направить удар Японской империи в район Сингапура. Он прозрачно намекает, что участие Японии в войне против СССР совершенно излишне: третья империя сама справится с этой задачей, и в очень короткий срок. Поэтому «сверхдипломат» возражает против советско-японского пакта о нейтралитете как явно неуместного в связи с предстоящими коренными изменениями в международных делах. И что же он слышит в ответ? Совершенно неожиданные слова Мацуока. Неожиданные потому, что они не отвечают ни на один из доводов и предложений, которые только что излагал Риббентроп. Что это? Неужели Мацуока уже давно не слушает своего собеседника? Кажется даже, что японский министр вслух отвечает на собственные самые сокровенные мысли. Но подобная рассеянность и желание публично исповедаться — случай беспрецедентный на серьезнейших дипломатических переговорах. Значит, дело не в этом. Просто Мацуока отклоняет все то, что ему

так долго и так тщательно разъяснял и предлагал Риббентроп. И это делается в форме выражения верности «пакту трех» и взятым Японией союзным обязательствам: «Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и СССР возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет, естественно, напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете».

Мог ли тогда Риббентроп даже предположить, что пройдет всего три месяца и он ухватится за эти слова Мацуока, ухватится, как за якорь спасения? Ведь, как записал в те дни в своих мемуарах Фумимаро Коноэ: «Высшие немецкие военные власти сообщили послу Осима, что война (война с СССР. — *Авт.*), возможно, закончится в течение четырех недель. Это даже с трудом можно назвать войной, скорее, это полицейская акция».

Но чего не бывает в большой политике! Понятной была и другая запись в мемуарах Коноэ, относящаяся к тому же времени: «Согласно сообщениям, которые посол Осима посылал в Токио... министр иностранных дел г-н Риббентроп не скрыл своего неудовольствия, когда сказал нашему послу, что с трудом понимает истинные намерения г-на Мацуока, заключившего договор с той самой страной, с которой Германия будет воевать в недалеком будущем, что он довольно ясно объяснил г-ну Мацуока».

Действительно, истинные намерения Мацуока поверхностному наблюдателю были не совсем ясны. Германию он убеждал, что пакт с СССР — фикция, что Япония в любом случае будет на стороне Гитлера, хотя в это время Мацуока просили нанести удар не по СССР, а по Англии в районе Сингапура. Впрочем, он обещал Гитлеру атаковать и эту крепость. Он как бы говорил: нападайте скорее на СССР, мы всегда будем рядом с вами.

Советский Союз он клятвенно заверял в верности и дружбе. В этих заверениях содержался намек: держитесь твердо, не уступайте ни в чем Берлину, отклоняйте немецкие провокации, ваш тыл на Дальнем Востоке надежно обеспечен. Если потребуется, перебросьте свои войска на запад.

Давая Гитлеру от имени своей империи обещание напасть на Сингапур, Мацуока просил скрыть это... от то-

кийского правительства. Почему? Да потому, что он обманывал и собственное правительство, которое, зная чрезмерно воинственный и авантюристический характер своего министра и в то же время его полную некомпетентность в вопросах военных, дало ему перед отъездом в Европу соответствующие инструкции.

А теперь вернемся в Токио. В Трибунале идет допрос подсудимого Тодзио. «Что касается личности и характера самого министра иностранных дел, — говорит Тодзио, — то начальники генерального штаба и главного морского штаба чрезвычайно опасались, как бы министр иностранных дел не дал каких-то обещаний по вопросам, находящимся в ведении верховного командования, которые могут привести к появлению определенных обязательств и создать затруднительное положение. Поэтому были приняты специальные меры предосторожности, чтобы предотвратить подобную возможность...»

Далее мы узнаем, что Мацуока было ясно указано: «Не должно быть никаких обещаний относительно планов, действий и применения военной силы, касающихся нашего участия в войне...»

А что вышло на деле? Какую цель ставил перед собой министр иностранных дел Японии? Каковы были его истинные намерения?

Жизнь показала: Мацуока делал все, чтобы ускорить войну между Германией и СССР. Стратегия его зиждилась на безоговорочной вере в великое могущество третьего рейха, в политический и военный гений Гитлера. Мацуока был уверен, что нападение Германии сразу поставит Советский Союз на край гибели. Следовательно, Японии, чтобы не опоздать к разделу пирога, надо включиться в войну в первые же дни. Тем более что Советское правительство, бдительность которого, как считал Мацуока, удалось усыпить, узнав о массовой концентрации германских войск на своих границах, сразу начнет перебрасывать армию с Дальнего Востока на запад. Это будет означать, что японские войска совершат беспрепятственную прогулку по просторам Сибири.

Одного только не смог предвидеть хитрец Мацуока — не смог предвидеть, что его обман, коварство и ложь будут в первую очередь разоблачены именно Советским Союзом, и разоблачены еще до того, как Германия начнет свою последнюю агрессию...

Генерал Эйген Отт, в прошлом кадровый разведчик, доверенное лицо Риббентропа и посол Германии в Японии, сопровождал Мацуока в его поездке в Берлин. Он присутствовал на беседах Гитлера и Риббентропа с японским министром. Вместе с ним в конце апреля Отт вернулся в Токио. Там у германского посла был закадычный друг и надежный советчик по сложным политическим вопросам — токийский корреспондент некоторых нацистских газет Рихард Зорге. Посол ценил не только трезвый, острый ум своего любимца Ика, как называл он Рихарда, но и отличное знание им международных дел. С кем, как не с ним, поделиться сенсационными новостями, привезенными из Берлина? И целый вечер, до глубокой ночи, посол говорил, говорил... а Зорге напряженно слушал и запоминал, запоминал каждое слово, включая уже известную фразу Мацуока: «Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете».

В ту же ночь в эфир полетела тревожная шифровка от Зорге. Наутро в Москве знали обо всем, что произошло в рейхсканцелярии во время визита Мацуока в Берлин, знали с абсолютной точностью. Знали и благодаря этому до конца разгадали коварную игру Мацуока. Границы на Дальнем Востоке остались на крепком замке.

Ни о чем, что сказано выше, не подозревали ни убежденный нацист Отт, ни японский министр иностранных дел. Впрочем, даже когда во второй половине октября 1941 года японская контрразведка арестовала Рихарда Зорге и его группу, немецкий посол не поверил, что его лучший друг и консультант, пользовавшийся неограниченным доверием, — шеф советской разведки в Японии. Отт атаковал японский МИД, требуя освобождения Зорге. Да, «разведчик века» умел носить выбранную им маску...

Итак, как уже указывалось, по возвращении из Берлина на плечи Мацуока легла самая трудная из всех задач, с которыми ему пришлось столкнуться на посту главы японского МИДа: он должен был убедить своих коллег по кабинету, а главное, консервативных и ограниченных (по его мнению) японских военных руководителей напасть на СССР, как только Германия нанесет по Советской России свой мощный удар. Для Токио, утверждал Мацуока, существует только одна стратегия: удар на север, а не на юг. Как втолковать этим церемонным мудрецам простую истину: легко дойдя до Урала и захватив

Сибирь с ее неисчислимыми природными богатствами, они одним махом разрешат все проблемы. Страна восходящего солнца наконец-то будет обеспечена собственным стратегическим сырьем. Исчезновение Советского Союза с карты мира и захват Сибири позволят в короткий срок и легко поработить весь Китай, к чему вот уже двенадцать лет безуспешно стремится токийская военщина. Сибирь, Китай, Корея, оккупированные японцами, дадут возможность Японии стать величайшей в истории континентальной империей Азии. Именно континентальной! Собственно Японские острова явятся административным отростком этой империи, связанным с ней почти непосредственно по суше через Сахалин и гряду Курильских островов.

По сравнению с этой солнечной перспективой чего стоят вынашиваемые кабинетом Коноэ и военным руководством планы наступления на юг через необозримые морские просторы! Разве опыт Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии в нынешней войне не показал, сколь эфемерна прочность колониалных империй с их бесконечными и легкоуязвимыми морскими коммуникациями? И как можно предпочесть именно такой вариант его, Мацуока, плану: создать в Азии огромный несокрушимый континентальный монолит?!

Правда, противники японского министра иностранных дел во главе с Тодзио отнюдь не отрицали и необходимости, и целесообразности предательски, вопреки пакту о нейтралитете, атаковать Советский Союз. Но когда? Только после того, как немцы захватят Москву, Ленинград, Киев, выйдут к Волге.

Однако поздней весной и в начале лета 1941 года планы Тодзио и его группы вызывали у Мацуока только усмешку. Он считал, что эти люди плохо знают Гитлера и его помощников, что захват Москвы, Ленинграда, Киева, выход к Волге будет означать конец Советского государства, а значит, Берлин тогда сам освоит всю Сибирь и не позволит японцам сунуть туда свой нос. А чтобы смягчить реакцию, швырнут им какие-нибудь крохи со своего стола. Ведь не случайно Гитлер и Риббентроп еще в марте 1941 года советовали Мацуока идти только на юг, явно давая понять, что помощь Токио, чтобы сокрушить Москву, им не нужна. Недвусмысленно намекали, что дележ добычи после разгрома Советского Союза бу-

дет пропорционален усилиям каждой страны, вложенным в это дело. А чего будут стоить японские усилия при варианте противников Мацуока? Ведь практически эти усилия будут равны нулю. Как втолковать все это тупицам, от которых зависят судьбы родной страны? Ведь такой случай появляется раз в тысячелетие!

Когда оцениваешь подобный ход мыслей Мацуока и сопоставляешь его с клятвенными заверениями, которые тот давал в Москве, то невольно приходит на память афоризм прусского короля Фридриха: «Наименее почтенные из всех мошенников — дипломаты». А Фридрих знал, о чем говорил: его собственная дипломатия была насквозь лживой и коварной. Именно это дало ему возможность одержать кое-какие военные победы и получить от благодарных потомков — прусских милитаристов — титул «великого».

Справедливость требует отметить, что Мацуока вел свою борьбу отнюдь не в качестве мечтателя-одиночки. Он опирался на поддержку владельцев так называемых «новых» концернов, наживШихся на грабеже Северо-Восточного Китая, — «Мангё» и других. Его поддерживали и некоторые «старые» концерны, тесно связанные с «новыми», например, «Мицуи». Его взгляды встретили одобрение отдельных авантюристически настроенных генералов Квантунской армии. Наконец, у Мацуока были единомышленники и среди высокопоставленных правительственных чиновников, такие, как Осима и Сиратори.

Однако завоевать большинство ни в финансово-промышленном мире, ни в кабинете министров, ни среди руководства армии и флота Мацуока не удалось. Почему? Для этого были разные причины. Прежде всего опыт первых лет войны на Западе как будто убедительно показал, что такие страны, как Англия, Франция, Голландия, проявили неспособность сражаться даже в Европе — на собственной территории или вблизи нее. Какие же имелись основания, чтобы полагать, будто теперь, после разгрома их Германией, эти страны смогут оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление японским войскам в далеком районе Южных морей? А коли так, значит, именно там, на юге, Страну восходящего солнца ждут легкие победы и богатые запасы желанного стратегического сырья. Что же касается Америки, то она, по данным японской разведки, во-первых, еще не готова к большой войне

и может быть разгромлена в быстротечной кампании. Во-вторых, как полагали токийские политики, воля Соединенных Штатов к жестокой борьбе, которая предстоит, подточена предыдущими годами «дальневосточного Мюнхена».

Другое дело — СССР. Его военную мощь японцы почувствовали на собственной шкуре и на Хасане, и особенно на Халхин-Голе. Токийским генералам не легко было преодолеть воспоминание о номонханском разгроме. Вот почему у них о Красной Армии было совсем иное мнение, чем у их берлинских коллег. Впрочем, и мощи Германии японские генералы давали собственную оценку. Правда, они готовы были с легкостью отказаться от своей точки зрения, но не раньше, чем Гитлер и его генералы делом докажут свою правоту. Ждать им пришлось долго, но дождаться не довелось.

У свидетельского пульта подсудимый генерал Акира Муто, впоследствии повешенный по приговору Трибунала. До 1942 года он занимал пост начальника бюро военных дел военного министерства, а затем командовал соединениями японских оккупационных войск на Суматре и на Филиппинах.

«Я считал, что таким выскочкам, как Гитлер и Муссолини, нельзя доверять. Мне казалось, что национальная мощь Германии и Италии далеко не так сильна, как об этом кричат, что Гитлер во время первой мировой войны был лишь рядовым 1-го класса, а Муссолини — сержантом. В таком случае, если они совершат какую бы то ни было смелую попытку и даже потерпят неудачу в ней, они будут удовлетворены, так как они сделаются героями нашего века. Но это не было приемлемо для японских государственных деятелей, если они потерпят крах, они лишат славы нашу нацию и государство, существующее три тысячи лет».

Совершенно очевидно, что Муто начисто был лишен чувства юмора. Давая точную оценку Гитлеру, Муссолини и их действиям, этот военный преступник забыл, что подобная оценка целиком применима и к нему, и к его коллегам по скамье подсудимых. Ведь, став на стезю военных авантюр, они «лишили славы нацию и государство, существующее три тысячи лет». Но мы привели слова Муто, чтобы подтвердить, что японский генералитет более

трезво, чем Мацуока, оценивал германскую мощь и таланты главарей нацистской верхушки.

А вот другое характерное высказывание тоже кадрового военного — японского посла в Вашингтоне адмирала Номура. Бывший консультант японского посольства в Вашингтоне американец Ф. Мур вспоминает, что, когда он в июне 1941 года высказал предположение, что Гитлер может напасть на Советский Союз, Номура возразил: «Что же, по вашему мнению, Гитлер лишен ума? Ведь он же не сумасшедший».

С другой стороны, японские генералы и адмиралы высоко оценивали яростное сопротивление Красной Армии даже в первые месяцы войны, месяцы неудач и отступления. Поэтому японский генеральный штаб тщательно следил за ходом военных действий на советско-германском фронте, следил, чтобы «не опоздать на советский автобус» (выражение, бытовавшее в то время среди японских генералов), в случае если, паче чаяния, широковещательные планы Гитлера получат реальное осуществление.

В руках обвинения секретный «Дневник войны» японского генерального штаба. Уже 22 июля 1941 года в этом дневнике была сделана следующая запись: «Возможность завершения немцами операций и войны против СССР в ранее запланированные сроки уменьшилась».

В августе 1941 года 5-й отдел генерального штаба докладывал императорской ставке: «Смоленская оборона задерживает немецкую армию больше чем на месяц. Война примет затяжной характер».

В результате столь пессимистической оценки выполнения плана «Барбаросса» послу Осима дают не очень приятное для него поручение. Вот как об этом рассказал сам Осима во время допроса 22 апреля 1946 года: «Примерно в конце июля — начале августа 1941 года мне стало известно о замедлении темпов наступления германской армии. Намеченные сроки наступления не выдерживались. Москва и Ленинград не были взяты немцами в предусмотренные их планами сроки. По этому поводу я получил из Токио предписание обратиться за разъяснением к Риббентропу. Тот пригласил для дачи объяснений Кейтеля, который рассказал мне, что замедление темпов наступления германской армии вызвано большой растянутостью коммуникаций и отставанием тыловых частей и

учреждений и что в связи с этим темпы наступления замедляются примерно на три недели».

Естественно, такие объяснения после прежних победных уверений Берлина, что война с СССР будет даже не войной, а «полицейской акцией», не могли удовлетворить искушенных японских генштабистов, которые пристально наблюдали за ходом гигантской битвы, развернувшейся на территории между Балтийским и Черным морями. Анализируя донесения японских военных атташе и изучая карты с нанесенной на них обстановкой, японские генштабисты хорошо поняли, что немецкая военная машина начала буксовать.

Вот некоторые телеграммы Отта в Берлин в первые месяцы войны, убедительно отражающие настроение японской военной элиты. Телеграммы предъявил Трибуналу советский обвинитель генерал Васильев.

«Как сообщают, командование армии в связи с последними событиями стало меньше стремиться к разрыву отношений с Советским Союзом. Приводятся доводы, что японская армия, занятая и ослабленная войной с Китаем, не выдержит зимней кампании против Советского Союза. Ввиду сопротивления, оказываемого русской армией такой армии, как немецкая, японский генеральный штаб, по-видимому, не верит, что сможет достичь решительных успехов в борьбе с Россией до наступления зимы...

Преувеличенное представление о мощи России частично основывается на том ошибочном аргументе, что у СССР еще достаточно сил, чтобы вести наступление на ближайшем Кавказском фронте против Персии, даже если Украинский фронт будет прорван (речь идет о совместном вступлении советских и английских войск в Персию для предотвращения захвата этой богатой нефтью страны нацистской Германией. — *Авт.*).

Поэтому принятие нового решения (решение о войне Японии с СССР.— *Авт.*) предвидится, как только появятся ясные признаки разложения в Дальневосточной армии или когда будет установлено численное превосходство японской армии».

25 июля 1941 года Отт и его военный атташе Кречмер телеграфируют Риббентропу. Сперва они бодро сообщают о широких мобилизационных мероприятиях Японии близ границ Советского Союза. Такие меры тогда действитель-

но проводились японским генеральным штабом под уже известным лозунгом «не опоздать на советский автобус», если война покажет реальность плана «Барбаросса».

Что же касается начала военных действий, то в этом смысле Отт далек от оптимизма. «Время начала наступления еще неясно, — сообщает он. — Генерал Окамото (сотрудник генерального штаба. — *Авт.*) многократно упоминал в разговоре, что Япония выступит лишь тогда, когда немецкие части достигнут Волги».

Все это, по нашему мнению, свидетельствует о правильности утверждений некоторых историков, что с самого начала германо-советской войны происходили секретные переговоры, во время которых Берлин информировал своего партнера о конкретных планах и сроках проведения операций против СССР и Англии и торопил Токио начать войну против Советского Союза. В результате переговоров было подписано секретное соглашение: Япония обязалась напасть на Советский Союз, как только немецкие войска займут Киев, Ленинград и Москву. В свою очередь Гитлер заверил Японию, что победа Германии над Россией будет достигнута к концу августа 1941 года. Затем начнется германское вторжение на Британские острова, которое закончится в сентябре 1941 года. А в целом война завершится к началу зимы грандиозной победой Германии.

Имея такие обязательства своего союзника, японцы не видели никаких оснований торопиться. Они считали, что на юге их ждут легкие победы, а на север они не опоздают, если действительно реализуются широковещательные планы немцев: ведь Квантунская армия на советской границе была приведена в полную боевую готовность.

Зато Гитлером и Риббентропом уже в первые дни войны овладело мрачное беспокойство: несмотря на внешне весьма эффектные успехи, нацистские руководители видели и понимали, что в Советском Союзе вермахт встретил совсем не то, что предполагали и они сами, и немецкий генералитет. Советский обвинитель генерал Васильев кладет на стол суда совершенно секретный документ германского МИДа, который это подтверждает.

Риббентроп бомбардирует Отта тревожными телеграммами. 5 июля 1941 года он просит посла напомнить господину Мацуока о его известном читателю заявлении, сделанном во время беседы с Риббентропом в Берлине

28 марта того же года. Мацуока тогда заявил, что никакой пакт о нейтралитете не помешает Японии атаковать Советский Союз в случае германо-советской войны. Тогда господина райхсминистра, как мы видели, возмутило наглое, по его мнению, поведение Мацуока. Прошло сто дней, и Риббентроп ухватился за это обещание как за якорь спасения. Но одного не знал Риббентроп: свои просьбы о помощи он адресовал политическому трупу. 10 июля он вновь телеграфировал Отту: «...Суммируя, я хотел бы теперь сказать, что я, как и в прошлом, полностью полагаюсь на японскую политику и на японского министра иностранных дел прежде всего потому, что теперешнее японское правительство действовало бы совершенно непростительно в отношении будущего своего народа, если бы оно не воспользовалось этой исключительной возможностью разрешить русский вопрос... Поскольку Россия, по сообщению японского посла в Москве, очень близка к поражению — эти данные совпадают с нашими собственными выводами из положения на фронтах, — постольку просто невозможно, чтобы Япония не разрешила вопроса о Владивостоке и Сибири, как только она закончит свои военные приготовления.

Однако я прошу вас, примите все меры для того, чтобы настоять на скорейшем вступлении Японии в войну против России. Наша цель остается прежней: пожать руку Японии на Транссибирской железной дороге еще до начала зимы».

Генерал Отт из кожи лез, пытаясь выполнить предписание шефа. 14 июля из Токио в Берлин летит его шифровка, из которой видно, что сам господин посол не очень осведомлен о происходящем на токийском Олимпе:

«Я пытаюсь всеми средствами добиться вступления Японии в войну против России в самое ближайшее время. Для того чтобы убедить лично Мацуока, а также министерство иностранных дел, военные круги, националистов и дружески настроенных деловых людей, я использую в качестве аргумента главным образом личное заявление министра иностранных дел и вашу шифрованную телеграмму. Считаю, что, судя по военным приготовлениям, вступление Японии в войну в самое ближайшее время обеспечено. Самым большим препятствием являются разногласия между различными группами, которые, не получая общего руководства, преследуют самые различные це-

ли и очень медленно приспосабливаются к изменившейся ситуации...»

Отправляя эту шифровку, Отт и понятия не имел, что со 2 июля судьба самого Мацуока уже решена.

Что же произошло 2 июля 1941 года? В тот день состоялось совершенно секретное совещание руководящих военных и политических деятелей Японии под председательством императора. На совещании (его протокол — важное доказательство обвинения — тоже попал в распоряжение Трибунала) потерпело крах предложение Мацуока отставить планы, связанные с действиями на юге, и немедленно двигаться на север. Тогда же было принято решение начать агрессию именно на юге. Что же касается СССР, то на сей счет было записано: «Хотя наше отношение к германо-советской войне определяется духом «оси» Рим — Берлин — Токио, мы некоторое время не будем вмешиваться в нее (имеется в виду германо-советская война. — *Авт.*), но примем по собственной инициативе меры, тайно вооружаясь для войны с Советским Союзом.

Тем временем мы будем продолжать вести дипломатические переговоры с большими предосторожностями. И если ход германо-советской войны примет благоприятный для Японии оборот, мы применим оружие для решения северных проблем и этим обеспечим стабильность положения в северных районах».

На следующий день Одзаки информировал Зорге обо всем, что произошло на совещании руководящих военных и политических деятелей Японии, которому предшествовал ряд заседаний военно-координационного комитета. То, чего почти три недели не знали ни Отт, ни Риббентроп, сразу стало известно советским разведывательным органам в Москве.

А пока Риббентроп, получив ответ Отта, продолжал действовать вслепую, причем действовал по обычному нацистскому стандарту: не помогли лесть и посулы, значит, надо пустить в ход угрозы. Германское правительство посылает японскому правительству строгое представление. В нем подчеркивается, что если Токио до 25 июля не примет решения «уважать условия тройственного пакта и антикоминтерновского соглашения и не денонсирует русско-японский пакт к этой дате», то Германия будет считать себя свободной и после победы над СССР «найдет

наилучшие средства, чтобы использовать свое влияние и силы» в собственных интересах. Более того, если Германия «одержит победу над Россией» без помощи Японии, то она изменит свою политику и в отношении Китая и станет оказывать помощь правительству Чан Кай-ши.

Но это послание вызвало в Токио только улыбку: гитлеровцы, истекая кровью в боях на дальних подступах к Москве, Ленинграду и Киеву, уже разговаривали так, будто давно перешагнули Урал и вот-вот выйдут на границы Маньчжурии и Китая. С одной стороны, они слезно просили Японию помочь в схватке с русским «медведем», просили уже в первые дни войны, с другой — грозили целиком захватить шкуру этого самого «медведя», разумеется, только после того, как его удастся убить. Все эти заявления, по мнению Токио, звучали несерьезно, хотя и опирались на «пакт трех».

Пройдет меньше четырех лет, и Гитлер, прежде чем покончить с собой в поверженном Берлине, напишет в своем политическом завещании: «Жаль, что она (Япония. — *Авт.*) не вступила в войну против России в тот же день, в который вступили мы».

После этого пройдет еще несколько дней, и гитлеровские генералы подпишут акт о безоговорочной капитуляции третьего рейха. Его правительство перестанет существовать, и верховная власть в Германии перейдет в руки держав-победительниц.

А 15 мая 1945 года министр иностранных дел Японии, а в дальнейшем подсудимый на Токийском процессе Сигэнори Того от имени японского правительства заявит протест уже не существующему правительству Германии, обвиняя его в... нарушении «пакта трех» и японо-германского соглашения о незаключении сепаратного мира!

Но вернемся в Токио первых дней и недель после начала германо-советской войны. Ёсукэ Мацуока еще министр иностранных дел второго кабинета Коноэ и упорно гнет свою линию, делая все, чтобы развязать войну Японии против СССР.

Доказательства?

Их предъявляет советский обвинитель генерал Васильев. В его руках выписка из дневника посла СССР в Японии Сметанина от 25 июня 1941 года:

«...Я задал Мацуока основной вопрос о позиции Японии в отношении этой войны и будет ли Япония соблюдать нейтралитет так же, как его соблюдает Советский Союз в соответствии с пактом о нейтралитете между СССР и Японией от 13 апреля с. г. Мацуока уклонился от прямого ответа... Однако тут же подчеркнул, что «основой внешней политики Японии является тройственный пакт и если настоящая война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с тройственным пактом, то пакт о нейтралитете не будет иметь силы».

Это явно провокационное заявление японского министра дает основание Отту послать в Берлин следующую оптимистическую телеграмму: «Директор европейского отдела сообщил мне, что советский посол попросил Мацуока принять его в субботу для неотложной беседы, чтобы по поручению своего правительства получить ответ, считает ли Япония пакт о нейтралитете действующим в связи с настоящей германо-русской войной. Мацуока ему на это ответил, что пакт о нейтралитете не отвечает настоящим событиям (то есть германо-советской войне. — *Авт.*) Он был заключен в тот момент, когда германо-русские отношения были, по существу, другими.

Русский посол, который надеялся получить удовлетворительный ответ, был крайне озадачен этим заявлением».

Тремя днями раньше, в день нападения Германии на СССР, Мацуока, хотя и осторожно, обнадеживает Отта, заявив, что «он лично по-прежнему считает, что Япония не может долгое время занимать нейтральную позицию в этом конфликте...»

Однако позиции японского министра иностранных дел слабели не по дням, а по часам: большинство деятелей промышленно-финансового мира, правительства и военной верхушки явно склонялось к южному варианту, отлично понимая, что это может вызвать войну и с Соединенными Штатами. На очередь встала другая задача: усыпить бдительность Вашингтона видимостью серьезных переговоров, а потом... Потом, как известно, дело кончилось вероломным, без объявления войны, нападением японского флота на Пёрл-Харбор. Пока же, как констатирует приговор Трибунала: «Еще 6 июня 1941 года Осима сообщил Коноэ, что немецкое правительство решило напасть на СССР. Это сообщение вызвало значительное замешательст-

во среди японских лидеров. Некоторые из них, в том числе Мацуока, считали, что Японии выгоднее отложить нападение на юг и повторить роль, сыгранную Италией в европейской войне, напав на СССР с тыла во время германо-советской борьбы, для того чтобы захватить советские территории на Дальнем Востоке. Другие, в том числе Коноэ и Кидо, считали, что не следует отказываться от первоначального плана наступления на юг».

В результате, как указывает Трибунал, «второй кабинет Коноэ ушел в отставку из-за разногласия между Коноэ и Мацуока по вопросу о том, какую стратегическую линию следует проводить».

Суд также констатировал, что «после совещания в присутствии императора 2 июля 1941 года Мацуока нелегко было примириться с решением совещания, и он не действовал в полном соответствии с ним».

Справедливости ради заметим, что Мацуока, как уже указывалось, гнул свою линию и до указанного совещания. Это подтверждают показания подсудимого бывшего министра — хранителя печати маркиза Кидо, касающиеся первых дней германо-советской войны. «Министр иностранных дел Мацуока, — заявил Кидо, — стал отстаивать через голову принца Коноэ военную экспедицию в Сибирь, однако с его точкой зрения не согласились не только члены кабинета министров, в том числе и премьер-министр Коноэ, но и руководители армии и флота, выступившие на совещаниях по координации действий между правительством и верховным командованием.

Мацуока был принят императором, которому доложил о разногласиях в мнениях министра иностранных дел, правительства и верховного командования по вопросу о том, в каком направлении должна продвигаться Япония. Мацуока во время беседы с императором отстаивал свою позицию. Точка зрения Мацуока сильно обеспокоила императора. После возвращения из Германии министр иностранных дел занимал не совсем понятную позицию. Он, например, презрительно стал отзываться о премьер-министре Коноэ. «Я часто выслушивал жалобы премьер-министра на то, что он не может понять позиции министра иностранных дел Мацуока, — продолжал свои показания Кидо.— Мне стало известно, что министр иностранных дел Мацуока настаивает на отправке войск в Советскую Россию... 22 июня 1941 года я сам отправился к его императорско-

му величеству, сообщил ему о решительной позиции Мацуока и просил его подготовиться к этому».

Накануне совещания 2 июля, как показал Кидо, Мацуока снова отстаивал свою позицию: «Перед началом совещания в присутствии императора 2 июля 1941 года мне сообщили, что на совещании по координации действий обсуждалось предложение Мацуока о наступлении на север против России, но принц Коноэ возражал».

21 июня 1941 года американское правительство отправило через японского посла в Вашингтоне ноту, в которой содержалось требование официально подтвердить, что «пакт трех» не означает выступления Японии на стороне Германии, если последняя объявит Америке войну. Передавая эту ноту, государственный секретарь Хэлл, кроме того, сделал послу Номура устное заявление, в котором содержался прозрачный намек на персону японского министра иностранных дел Мацуока.

Вот как об этом рассказал на суде подсудимый Тодзио, в то время военный министр: «К предложению от 21 июня было приложено устное заявление, в котором говорилось, что среди влиятельных должностных лиц Японии было несколько руководителей, которые призывали оказывать поддержку нацистской Германии и ее политике завоеваний.

Это, конечно, вызвало недоверие (в США. — *Авт.*) к министру иностранных дел и сомнение среди японцев, не означает ли это вмешательства во внутренние дела Японии».

Мацуока пришел в ярость и передал Номура по телеграфу распоряжение отклонить устное заявление Хэлла от 21 июня. Коноэ же хотел, чтобы протест и новая японская формула для дальнейших переговоров с США были переданы одновременно, что помешало бы Вашингтону истолковать возражение против устного заявления Хэлла как разрыв переговоров. Не обращая внимания на мнение своего премьера, Мацуока по телеграфу передал свое распоряжение Номура. Это и оказало непосредственное влияние на ускорение правительственного кризиса. Становилось ясным, что должна последовать либо отставка всего кабинета, либо отставка Мацуока. Однако отставку одного лишь министра иностранных дел в Токио считали нецелесообразной, поскольку это можно было расценить как результат давления со стороны США.

Но раньше, чем это произошло, Мацуока успел сделать еще один ход в своей авантюристической, провокационной игре, направленной на разжигание советско-японской войны.

4 июля 1941 года правительство США направило японскому премьер-министру послание, где указывалось, что Вашингтон располагает полученными из различных источников сведениями о том, что Япония решила совершить нападение на Советский Союз. Ответ японского правительства на американский демарш последовал 8 июля. Правительство Коноэ сообщало, что Япония якобы «искренне желает» не допустить распространения «европейской войны на районы великой Восточной Азии и сохранить мир на Тихом океане». Японское правительство лживо утверждало, что оно будто бы и не рассматривало вопроса о возможности выступления Японии на стороне Гитлера против Советского Союза.

Однако этот официальный ответ был фактически дезавуирован Мацуока, который одновременно заявил американскому послу Грю, что японское правительство находится «под большим давлением влиятельных элементов, требующих вступления Японии в войну против Советского Союза, и дальнейшее развитие событий в значительной степени определит и будущую политику Японии».

После этого дальнейшее сотрудничество Мацуока с другими членами кабинета стало просто невозможно.

16 июля 1941 года второй кабинет Коноэ ушел в отставку. В сформированном 26 июля третьем кабинете Коноэ фактически произошла лишь одна замена: место Мацуока занял адмирал Тэйдзиро Тоёда.

Человечество знает немало лжецов, обманщиков и предателей, занимавших в разное время посты глав государств и министров. Но и в этой галерее Ёсукэ Мацуока принадлежит достойное место.

И вот человечество становится свидетелем событий, когда фарс и трагедия мирно уживаются друг с другом: рекордсмена обмана, лжи и предательства приносят в жертву коллеги и делают это во имя нового, очередного обмана. На сей раз Токио хочет заставить Вашингтон поверить, что Страна восходящего солнца имеет серьезные намерения и будет дальше вести честные переговоры о справедливом урегулировании сложных проблем. Мацуока заставляют уйти в отставку. Но подлинная цель

этого очередного обмана стала ясна через четыре месяца — 8 декабря 1941 года, когда на Пёрл-Харбор обрушились первые японские бомбы.

Что же касается «верных союзников» в Берлине и Риме, то их тоже пытаются обмануть относительно истинных причин отставки Мацуока.

На стол судей советский обвинитель кладет телеграмму немецкого посла в Риме Макензена, датированную 1 июля 1941 года и адресованную Риббентропу. Макензен сообщает о посещении его японским послом и передает слова последнего о том, что «Япония хочет активно выступить против России, но нуждается еще в нескольких неделях подготовки. Однако проведение такой политики потребует отставки господина Мацуока. Так как он недавно заключил пакт о ненападении с Россией, ему следует на некоторое время исчезнуть с политической арены».

А под занавес, как бы в насмешку, грудь Мацуока украшают еще двумя орденами. Император Сиама жалует господина министра орденом Белого слона I степени. Японское правительство награждает большой орденской лентой Восходящего солнца за заслуги в войне с Китаем.

Нет больше министра иностранных дел Мацуока, но и в третьем кабинете Коноэ живы его методы многослойной лжи. Здесь лгут всем: и потенциальным противникам, и дорогим союзникам.

Теперь Ёсукэ Мацуока на пять долгих лет исчезает с мировой арены. Кажется, имя его предано забвению. Но в начале 1946 года миру снова напоминают о нем. На сей раз бывший министр иностранных дел фигурирует в качестве одного из наиболее злостных заговорщиков против мира. Фотографии изображают его то в тюрьме Сугамо, то в зале заседаний Международного военного трибунала.

Наконец оглашается обвинительное заключение. Председатель Трибунала австралиец Уэбб спрашивает подсудимых, признают ли они свою вину. Доходит очередь и до Мацуока. Опираясь на палку, он подходит к свидетельскому месту и твердо по-английски отвечает: «Я не признаю себя виновным ни в одном пункте обвинения».

Трудно было бы Мацуока занять и защищать столь безнадежную позицию, если бы ему пришлось, как и его коллегам, два с половиной года просидеть на скамье подсудимых. Но судьба оказалась к нему милостивой. Едва

развернулось судебное следствие, как в июне 1946 года Ёсукэ Мацуока скончался.

Этого фашиста, ярого поклонника Гитлера, одного из главных поджигателей второй мировой войны, лжеца, лицемера и предателя, хоронили торжественно. На траурную церемонию прибыли первый послевоенный премьер Японии Сидэхара и его преемник Сигэру Ёсида, возглавлявший японское правительство в то время. Почтили память Мацуока все японские и американские адвокаты (последние в большинстве были в военной форме армии США). Свежий могильный холм скрылся под множеством живых цветов и венков.

Все эти почести воздавались не случайно. Люди, подобные Мацуока, были еще очень нужны своим хозяевам. Ведь это был период, когда зримо набирала силу «холодная война»...

НЕЙТРАЛИТЕТ ПО-МИЛИТАРИСТСКИ

Известна живучесть клеветы. И не случайно защита на Токийском процессе избрала своим оружием клевету, пытаясь доказать, что Япония всю войну неуклонно соблюдала нейтралитет в отношении СССР, отклонила все просьбы Германии напасть на Советский Союз, который, однако, не посчитавшись с этим, в августе 1945 года, нарушив пакт о нейтралитете, сам напал на Японию. Как, дескать, можно после всего этого предъявить подсудимым обвинение в агрессии против СССР?

Прошло почти тридцать лет, а клевета эта живет на страницах реакционной историографии и даже в монументальной скульптуре... На вершине горы Микэнояма, у подножия которой расположен крупнейший промышленный город Нагоя, высится внушительный памятник «национальным героям, павшим во имя великой Японии». Кто же эти герои? Оказывается, семь самураев-«мучеников», казненных по приговору Международного военного трибунала для Дальнего Востока. За что же эти люди приняли мученическую смерть? Надпись на памятнике гласит: их осудили, так как Япония «потерпела поражение в войне вследствие применения американцами атомной бомбы, нарушения Советским Союзом договора о нейтралитете, а также из-за нехватки необходимых материалов». Надпись заканчивается фарисейским призывом: «Обратим же наши взоры в даль Тихого океана и подумаем, кто ответствен за войну».

Американский адвокат Блэкни утверждал, что, хотя Советский Союз 5 апреля 1945 года денонсировал пакт, это лишь означало, согласно статье третьей этого пакта, что его действие не продлевается на следующие пять лет. Что же касается обязательства о нейтралитете, то оно продолжало действовать до истечения оговоренного пактом пятилетнего срока, то есть до 13 апреля 1946 года.

Между тем Советский Союз объявил Японии войну 9 августа 1945 года и, следовательно, грубо нарушил пакт о нейтралитете.

Другие адвокаты и подсудимые, по существу, повторяли этот тезис Блэкни.

Заключительные речи защиты заняли тысячи страниц стенографического отчета. Сотни страниц посвящены чисто теоретическим вопросам международного права, по которым адвокаты, в частности японские — Удзава, Таканаги, Ямаока, пытались дать бой обвинению. И вот что примечательно: ни один из них не пожелал подвергнуть международно-правовому анализу в целом советско-японский пакт о нейтралитете. Как и Блэкни, все они ограничивались ссылкой на статью третью этого договора.

Суть в том, что анализ пакта в целом, как и анализ исторических событий, которые привели СССР к войне на Дальнем Востоке, не сулил защите ничего хорошего.

Москва, как мы знаем, отклонила предложение Мацуока заключить пакт о ненападении, как более узкий, регулирующий только взаимоотношения между двумя странами — Японией и Советским Союзом. Взамен Советское правительство выдвинуло проект пакта о нейтралитете, придав ему широкий международный диапазон. Эта идея была заложена в статье второй указанного пакта: «В случае если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Договаривающаяся Сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта».

Мы уже указывали, что эта статья противоречила обязательствам Японии по «пакту трех», вбивая, так сказать, дипломатический клин во взаимоотношения агрессоров.

Но такая формулировка имела и другую грань, именно от ее правового анализа защита уходила как черт от ладана. Почему? По простой причине: достаточно открыть любой словарь, чтобы убедиться: слово «объект» — понятие, бесспорно, пассивное. Можно стать объектом какой-нибудь деятельности — исследования, наблюдения, наконец, объектом любого преступления. Например, государство, ставшее объектом неспровоцированного военного нападения, является в то же время жертвой военного преступления — агрессии. Советский Союз, заключая пакт, твердо знал, что ни на кого не нападет. Статьей

же второй договора он как бы предупреждал своего партнера: если Япония станет объектом военных действий, или, что то же самое, объектом нападения со стороны каких-либо держав, СССР сохранит строгий нейтралитет. Но если Япония сама нападет на кого-либо, Советский Союз будет свободен от обязательств, вытекающих из пакта о нейтралитете.

В декабре 1941 года Япония вероломно, без объявления войны, напала на США и Великобританию, к тому времени ставших союзниками СССР. Она начала захватывать огромные территории в бассейне Тихого океана, превратив их в объект военных действий. Так народам мира стало очевидно, что токийское правительство сделалось исполнителем, или, как говорят юристы, субъектом международного преступления, подготовив и развязав серию агрессивных войн. Таков был подлинный смысл этого общеизвестного исторического события, которое само по себе, в силу статьи второй пакта о нейтралитете, освобождало СССР от всех обязательств по данному пакту.

В момент нападения Японии на США, Великобританию и Голландию Советский Союз сам вел борьбу не на жизнь, а на смерть с гитлеровской Германией и переживал наиболее трудный период. Тем не менее даже тогда действия токийских милитаристов получили суровую и недвусмысленную оценку. Орган Центрального Комитета нашей партии газета «Правда» писала в декабре 1941 года: «Японский агрессор бросился в очень рискованную авантюру, которая не предвещает ему ничего, кроме разгрома».

Разбойник был прямо и открыто назван разбойником. Так тогдашнему правительству Японии ясно дали понять, что своими вероломными, агрессивными действиями оно не только перешагнуло границы ряда суверенных государств, но и вышло за жесткие, точно очерченные пределы советского нейтралитета на Дальнем Востоке, пределы, определенные статьей второй советско-японского пакта от 13 апреля 1941 года.

Кроме того, обвинение предъявило множество других доказательств, подтверждающих, что токийское правительство после начала германо-советской войны больше не считало себя связанным пактом о нейтралитете и в своих взаимоотношениях с СССР систематически и грубо нарушало этот договор. Доказательства эти были настоль-

ко многочисленны и убедительны, что опровергнуть их защите оказалось не под силу. Тогда адвокатами было выдвинуто такое возражение: «Обвинение утверждает, что нарушение пакта Японией освобождало Советский Союз от взятых им обязательств. Но для этого нужно представить доказательства, что СССР знал об этих фактах до того, как он сам дал себе право совершить действия, нарушающие нейтралитет».

Обвинению не потребовалось затратить много труда, доказывая, что СССР знал о нарушениях Японией нейтралитета задолго до вступления Советского Союза в войну с Японией. Мы уже указывали, что агрессия Японии против США и Великобритании сама по себе освобождала СССР от обязанности соблюдать нейтралитет. А об этом факте не только Советское правительство, но и весь мир узнали в декабре 1941 года.

Вот советский обвинитель А. Н. Васильев приводит уже известную читателю фразу Мацуока, сказанную в Берлине 28 марта 1941 года на встрече с Риббентропом: в случае конфликта Германии и СССР Япония нападет на Россию, и тут не поможет никакой пакт о нейтралитете. Отт в конце апреля 1941 года рассказывает об этом Зорге, который немедленно извещает Москву. Естественно, учитывая все это, посол Сметанин на третий день германо-советской войны является к Мацуока и задает ему вопрос: будет ли Япония сохранять нейтралитет? В ответ министр иностранных дел указывает, что основой внешней политики Японии служит «пакт трех». Поэтому если он вступит в противоречие с пактом о нейтралитете, то последний «не будет оставаться в силе».

8 июля 1941 года американский посол Грю встретился с Мацуока, который, как читатель, вероятно, помнит, заявил, что правительство испытывает сильное давление влиятельных кругов, требующих войны Японии против СССР, и только развитие событий определит будущую политику Японии. Американское правительство ставит об этом в известность правительство Советского Союза.

Таким образом, еще до агрессии Германии и в первые дни фашистского нападения Советское правительство из самых достоверных источников знало, что токийское правительство считает пакт о нейтралитете простым клочком бумаги. Но позвольте, возражала защита, ведь хорошо известно, что это была личная точка зрения Мацуока,

что ее отверг кабинет министров и именно поэтому Мацуока потерпел поражение, именно поэтому он ушел в отставку и больше не играл никакой роли во внешней политике Японии!

Однако обвинение доказало, что и другие японские государственные деятели того времени ни во что не ставили пакт о нейтралитете, а с Мацуока расходились только в одном: он требовал немедленного нападения на Советский Союз, большинство же министров тоже считало такое нападение жизненно необходимым, но полагало, что развитие германо-советской войны еще не достигло такой стадии, когда агрессия станет для Токио наиболее эффективной и потребует для этого наименьшего количества жертв.

Главный обвинитель американец Кинан допрашивает Того, бывшего министра иностранных дел, чтобы выяснить, ознакомился ли он, вступив в должность, с протоколом совершенно секретного совещания высших японских государственных деятелей в присутствии императора от 2 июля 1941 года. Кинан цитирует выдержки из этого протокола:

— «Мы подготовимся к войне с Англией и США. Во-первых, мы осуществим свои планы относительно Французского Индокитая и Таи... укрепляя нашу систему продвижения на юг. В целях осуществления вышеуказанной задачи Япония, не колеблясь, начнет войну с Англией и США». Помните ли вы это?

Ответ: Да, я помню.

Какое отличное подтверждение, к тому же из японского источника на высшем уровне, что не Япония стала «объектом военных действий», а она сама выработала и осуществила преднамеренную агрессию против США и Англии! Уже одно это, как указывалось, освобождало СССР, согласно статье второй, от всяких обязательств по пакту о нейтралитете. Но не будем торопиться, ведь Кинан еще не кончил цитировать:

— «Хотя наши отношения к советско-германской войне определяются духом «оси» Рим—Берлин—Токио, мы, однако, некоторое время не будем вмешиваться в нее, но примем по собственной инициативе меры к тайному вооружению для войны против Советского Союза. И если ход советско-германской войны примет благоприятный для Японии оборот, то мы применим оружие для решения

северной проблемы (так японские милитаристы именовали захват советского Дальнего Востока.— *Авт.)* и этим обеспечим стабильность положения в северных районах».

Того вынужден признать, что он в свое время, будучи министром иностранных дел, был ознакомлен и с этой частью протокола (Того вошел в кабинет Тодзио в октябре 1941 года). Значит, не только Мацуока, но и все высшее руководство Японской империи считало тогда пакт о нейтралитете ничтожным документом и собиралось осуществлять агрессию против СССР. Расхождение касалось только выбора момента, наиболее благоприятного для нанесения Советскому Союзу предательского удара.

Личный секретарь и советник тогдашнего премьера Коноэ — Хоцуми Одзаки, ближайший соратник Зорге, немедленно сообщил ему все, что было решено на этом совещании. Зорге без задержки информировал Москву.

Значит, уже в июле 1941 года Советское правительство точно знало, как высшее японское руководство расценивает пакт о нейтралитете, как коварно собирается его нарушить.

Каннингэму, как и остальным адвокатам, пришлось признать, что «антикоминтерновский пакт» был направлен против СССР: «Никто не оспаривает тот факт, что пакт был направлен против Советского Союза.— И далее этот адепт холодной войны добавляет:— Поэтому нам нет нужды извиняться за «антикоминтерновский пакт».

И вот в декабре 1941 года, когда немцы стояли у ворот Москвы и Ленинграда, истек пятилетний срок этого договора. Что делают в Токио? Продлевают совместно с Германией и Италией срок действия «антикоминтерновского пакта» еще на пять лет. Разве одно это не было для Москвы достаточным свидетельством того, чего стоит японский нейтралитет?

Летом 1941 года официальные японские лица подтверждали, что Советское правительство хорошо знает, как Япония, нарушая нейтралитет, готовит агрессию. В распоряжение Трибунала советский обвинитель Розенблит передает выдержку из беседы заместителя министра иностранных дел генерала Ямамото с германским послом Оттом 1 августа 1941 года: «Япония значительно усилила свой нажим в пользу стран «оси». Под этим углом зрения надо рассматривать мобилизацию, которая производится с намерением уничтожить русские вооруженные си-

лы на Дальнем Востоке. Советское правительство официально умалчивает об этом, однако, по достоверным сведениям, следит за мобилизацией с возрастающей тревогой...»

Летом 1942 года Тодзио — премьер и военный министр, занимавший еще ряд высоких постов,— встретился с немецким послом Оттом и в присутствии помощника немецкого военного атташе Петерсдорфа, выступавшего впоследствии на Токийском процессе в качестве свидетеля, заявил: «Япония — кровный враг России, а Владивосток — постоянная угроза для нас с фланга. В ходе данной войны имеется удобная возможность устранить эту опасность. Сделать это не так трудно, ведь есть прекрасная Квантунская армия, в которую включены лучшие воинские части».

Ну а как быть с пактом о нейтралитете? Ответ содержится в речи обвинителя Фикселя, цитирующего заявление Тодзио от 18 августа 1943 года на заседании исследовательского комитета при Тайном совете: «Международное право должно истолковываться с точки зрения ведения войны в соответствии с нашими желаниями».

На стол суда ложится телеграмма преемника Мацуока на посту министра иностранных дел—адмирала Тоёда, адресованная японскому послу в Вашингтоне, от 31 июля 1941 года: «Ясно, что русско-германская война предоставила Японии отличную возможность разрешить северный вопрос, и мы действительно продолжаем подготовку к тому, чтобы использовать эту возможность... Если русско-германская война будет протекать слишком быстро, то наша империя неизбежно не будет иметь времени, чтобы предпринять эффективные действия».

Японское министерство иностранных дел летом 1941 года пребывало под сильным впечатлением успехов Гитлера, настолько сильным, что деловито обсуждало вопрос, как найти удобный предлог спровоцировать войну против СССР. Вот телеграфный отчет Отта о его беседе на эту тему 1 августа 1941 года с генералом Ямамото, в то время заместителем министра иностранных дел Японии: «Я постарался узнать, хочет ли Япония начать свое активное продвижение с предъявления требований Советскому правительству. Ямамото охарактеризовал этот путь как лучший способ найти оправдательный предлог для

начала русско-японских военных действий вопреки соглашению о нейтралитете. Ямамото — сторонник таких решительных требований, которые Советское правительство не сможет принять. Он, видимо, имеет в виду требования территориальных уступок».

Через две недели — 15 августа 1941 года — сам Тоёда проводит конфиденциальную беседу с германским и итальянским послами. Сообщив послам, что «в настоящее время проводится в жизнь подготовка к военной экспансии империи... направленная на осуществление будущих планов в отношении Советского Союза, которые мы предпримем совместно с Германией», Тоёда разъясняет, как Токио понимает японо-советский пакт о нейтралитете: «Это лишь временная договоренность... своего рода сдерживающее начало для Советского Союза, до тех пор пока не будет закончена подготовка».

Отступая, защита заняла следующую линию обороны: хорошо, мы не оспариваем приведенные обвинителями высказывания японских государственных деятелей о советско-японском пакте. Мы готовы согласиться, что эти высказывания в то время могли стать известны Москве. Но ведь это только слова, только намерения, то, что юристы именуют «чистым умыслом». А ведь мысли, как известно, как бы они ни были преступны, не могут служить поводом для уголовного преследования. Вы докажите, что за мыслями, за словами, за намерениями последовали такие действия, которые могут рассматриваться как подлинное нарушение нейтралитета или хотя бы как конкретная подготовка к такому нарушению. «Устав делает наказуемыми войны, а не агрессивные намерения!.. Он предусматривает наказания за войну, войну агрессивную!» — возмущенно восклицали адвокаты.

Выдвигая такой тезис, защита «забыла» о вероломном нападении на Пёрл-Харбор, Кота-Бару, Гонконг, хотя это были не слова, а законченные акты агрессии, которые, как уже указывалось, сами по себе освобождали СССР от обязанности хранить нейтралитет.

Но обвинение и здесь пошло навстречу защите. Прежде всего советские обвинители представили Трибуналу доказательства обширных военных приготовлений, которые были проведены Японией после начала германо-советской войны — во второй половине 1941 года и в начале 1942 года. Заранее полагая, что защита будет утверждать, буд-

то эти меры носили оборонный характер, советские обвинители Голунский, Васильев, Иванов, Смирнов, Розенблит обратили внимание Трибунала на то, что у Японии не было в этот период абсолютно никаких оснований опасаться нападения со стороны Советского Союза, занятого смертельной борьбой с фашистской Германией.

На столе суда — секретный оперативный приказ командующего объединенным флотом Ямамото (однофамильца заместителя министра иностранных дел) от 1 ноября 1941 года: «...Если империя не нападет на Советский Союз, то мы уверены, что Советский Союз не начнет военные действия». А вот еще более авторитетное заявление тогдашнего премьера и военного министра Тодзио на заседании исследовательского комитета при Тайном совете 8 декабря 1941 года: «Советская Россия занята сейчас войной против Германии, поэтому она не воспользуется японским продвижением на юге».

Кто мог предполагать, что когда-нибудь протоколы заседаний Тайного совета превратятся в улику обвинения? А тут еще медвежью услугу защите оказал один из ее клиентов. Кадровый офицер, опытный генштабист, посол в Германии и подсудимый на процессе, Хироси Осима в беседе с Риббентропом 18 апреля 1943 года авторитетно разъяснил господину министру: «...Одно неоспоримо: уже двадцать лет все планы генерального штаба разрабатывались для наступления на Россию, и все снова направлено на это наступление».

Но обвинители не смогли представить Трибуналу эти планы японского генерального штаба, предусматривавшие агрессию против СССР — план под кодовым названием «Оцу» и спешно составленный после нападения Германии на Советский Союз план «Кантокуэн», так же как и новый аналогичный план 1942 года. Причина? Ее раскрыл в своих показаниях генерал-лейтенант Торасиро Кавабэ. Он с апреля по октябрь 1945 года служил помощником начальника генерального штаба подсудимого Умэдзу: «Все секретные и совершенно секретные документы и дела японского генерального штаба были сожжены в Токио после 13 августа 1945 года (после того, как было принято решение о капитуляции. — *Авт.*)... Среди сожженных документов — мобилизационные планы, планы военных операций, документы, относящиеся к ведению войны, так же как все протоколы Высшего военного совета».

Этот факт был подтвержден на процессе японским правительственным удостоверением, так называемым сертификатом, в котором говорилось: «...В настоящее время мы не обладаем всеми документами генерального штаба, касающимися планов войны с СССР...»

В этом, как мы уже говорили, сказался учтенный японскими милитаристскими правителями опыт немецких коллег: ведь к моменту капитуляции Японии все главные нацистские военные преступники были уже арестованы, и над ними спешно готовился суд.

И тут возникает естественный вопрос: если планы «Оцу», «Кантокуэн» и, наконец, план 1942 года были действительно оборонительные, а не агрессивные, тогда почему же подсудимые сожгли их, а не сохранили в самом надежном месте как самое ценное доказательство своего миролюбия? На это не смогли дать ответа ни подсудимые, ни защита.

Но если не сохранились сами планы, то у обвинения оказалось достаточно свидетелей — японских военных, которые знали содержание сожженных документов и нашли в себе мужество рассказать об этом Трибуналу. У свидетельского пульта — генерал-лейтенант Кусаба Тацуми. В 1942—1944 годах он командовал 4-й армией второго фронта, входившего в Квантунскую группу войск. До этого он долгие годы занимался строительством стратегических железных дорог в Маньчжурии.

Вопрос: Что вам известно о плане «Кантокуэн»?

Ответ: План «Кантокуэн» предусматривал увеличение японских войск в Маньчжурии в связи с начавшейся войной Германии против Советского Союза. По этому плану в Маньчжурию было переброшено более трехсот тысяч солдат. План «Кантокуэн» является шифрованным названием плана войны против СССР...

Вопрос: Обеспечивали ли построенные в Маньчжурии железные дороги вторжение в 1941 году японской армии на территорию Советского Союза?

Ответ: Да, обеспечивали... Военные силы могли быть быстро переброшены. Такое расположение дорог являлось требованием оперативного управления генерального штаба.

Обвинение передает Трибуналу фотокопию секретного японского документа, подтверждающего свидетельские показания о плане «Кантокуэн». В том же документе указы-

вается, что потребуется большое количество переводчиков, владеющих русским языком: «...Необходимо провести дополнительную подготовку переводчиков русского языка во всех школах иностранных языков в Японии, а также в Харбинском университете для использования в качестве военных переводчиков с начала осуществления плана «Кантокуэн». 16 сентября 1941 года». Подписано: Умэдзу.

Далее обвинение снова использует свидетелей.

Аффидевит подполковника, бывшего работника оперативного отдела штаба Квантунской армии, а после этого, в 1940—1944 годах, сотрудника оперотдела японского генштаба Рюдзо Сэдзима:

«За период моей работы с января 1940 года до августа 1944 года в генеральном штабе мне при исполнении моих служебных обязанностей стали известны следующие факты, о которых я свидетельствую под присягой.

После моего назначения в декабре 1941 года на штатную должность во втором отделении первого отдела генерального штаба мне приходилось в связи с работой по перемещению войск более детально знакомиться с оперативными планами войны, так как, планируя переброску войск из одного района в другой, я был обязан учитывать планы войны на соответствующих оперативных направлениях. Таким образом, я знаю планы войны против СССР на 1941 и 1942 годы».

Потом Рюдзо Сэдзима подробно рассказывает содержание этих планов, предусматривавших захват советской дальневосточной территории, и резюмирует:

«В 1942 году первый отдел генерального штаба разработал новый оперативный план войны против СССР, который уже не изменялся до весны 1944 года. Я неоднократно читал этот план и в общих чертах помню его. Как и все предыдущие планы войны против СССР, план 1942 года был наступательным. Война против Советского Союза должна была начаться внезапно».

Затем Рюдзо Сэдзима рассказывает о мерах по подготовке к осуществлению плана «Кантокуэн»:

«Летом 1941 года после нападения Германии на СССР мне стало известно о следующих мероприятиях по усилению Квантунской армии:

а) я лично видел летом 1941 года в первом отделе генерального штаба переписанную от руки официальную

копию императорского указа об отправке в этот период в Квантунскую армию двух новых пехотных дивизий;

б) я лично видел летом 1941 года в первом отделе генерального штаба печатный экземпляр императорского приказа по армии, изданного в тот же период и разосланного по всем отделам генерального штаба, о переводе всех дивизий Квантунской армии на штаты военные;

в) из прочитанных мною в генеральном штабе документов мне стало известно, что летом 1941 года в Японии была проведена мобилизация для усиления Квантунской армии. Было мобилизовано до 300 000 человек. Это я выяснил в 1942 году при подсчете сил Квантунской армии. Мобилизация была скрытной, что знаю из личных наблюдений, так как запрещены были обычные в таких случаях торжественные проводы мобилизованных. И я сам, находясь в городе Токио, не раз видел, как войска, состоящие из мобилизованных, тихо проходили по улицам, направляясь на вокзал, и незаметно уезжали».

Обвинение предъявляет собственноручные показания на японском языке полного генерала Сэйити Кита о плане войны на 1942 год. В 1941—1944 годах он командовал одним из соединений Квантунской армии, а с октября 1944 года — командующий первым фронтом той же армии. В своих показаниях он детально рассказывает о боевых пополнениях и источниках этих пополнений, которые, согласно плану «Кантокуэн», должна была получить Квантунская армия. Затем Кита переходит к боевым задачам, поставленным этим планом:

«Наступательным планом предусматривался захват всего Дальнего Востока до озера Байкал.— И далее свидетель резюмирует: — Такой же в общих чертах план нападения на Советский Союз был составлен японским генеральным штабом совместно со штабом Квантунской армии на 1942 год... Только в силу затруднительного положения, в которое попала Япония на фронтах великой восточноазиатской войны, осуществить ей этот план не удалось».

И снова обвинение представляет заверенную советским Генеральным штабом фотокопию еще двух японских документов. Первый документ — речь начальника штаба Квантунской армии на совещании командиров соединений в декабре 1941 года. Вот наиболее характерные выдержки:

«...Чтобы завершить проводимую непрерывно подготовку к операциям против Советского Союза, не только Квантунская армия, но и каждая армия, и соединение первой линии должны прилагать все усилия к тому, чтобы, наблюдая за постоянно происходящими изменениями в военном положении Советского Союза и Монголии, иметь возможность... когда... возникнет необходимость, быстро установить признаки переломного момента в обстановке.

Поэтому требование ко всем подчиненным соединениям и частям — хорошо знать военное положение Советского Союза и Монголии в данном районе, что является крайне необходимым условием с точки зрения подготовки операции против Советского Союза».

За пультом — полковник Сайтаро Такэи, офицер оперативного отдела штаба Квантунской армии. Он вынужден признать, что слушал эту речь и в документе правильно отражено ее содержание.

Полковник Иванов ставит ему еще один вопрос:

— Подтверждаете ли вы, что эта речь начальника штаба Квантунской армии была произнесена в присутствии командующего Умэдзу, который одобрил ее?

Ответ: Этот документ был одобрен командующим Умэдзу...

Полковнику Такэи предъявляют другую фотокопию — на сей раз речи начальника штаба Квантунской армии на конференции командиров соединений, произнесенной 26 апреля 1941 года, через 13 дней после подписания пакта о нейтралитете. Такэи признает правильность и этого документа, помеченного грифом: «Военная тайна, совершенно секретно». Вот характерная выдержка:

«Поскольку в направлении наших военных приготовлений против СССР, как говорилось выше, не только не будет никаких изменений в сравнении с прошлым, но, наоборот, они возрастут... необходимо сделать все, чтобы быстро довести до полного понимания подчиненных подлинный смысл этого договора (договор о нейтралитете.— *Авт.*).

Поэтому необходимо... все более усиливать и расширять подготовку к войне против Советского Союза... готовиться к достижению определенной победы в военных операциях против Советского Союза...»

Это еще одно подтверждение, что СССР благодаря раз-

ведке было известно, как понимают японцы пакт о нейтралитете.

Чтобы дать Трибуналу возможность оценить размах и интенсивность реальных военных приготовлений Японии к нападению на СССР, обвинение представляет следующие данные:

«В конце 1941 — начале 1942 года почти половина сухопутных войск Японии и почти третья часть авиации были сконцентрированы в Маньчжурии и Корее.

К 1 января 1942 года Квантунская армия насчитывала 1,1 миллиона человек, численность японских войск в Корее достигла 135 тысяч. На вооружении японских войск, дислоцировавшихся на маньчжуро-корейском плацдарме, в начале 1942 года находилось: 1000 танков, 5800 орудий, 1700 боевых самолетов, в то время как всего в сухопутных войсках Японии насчитывалось 2260 танков, 12 270 орудий и 5000 боевых самолетов.

На границах с Советским Союзом японские милитаристы построили 17 укрепленных районов. Укрепленная полоса протяженностью до 800 километров насчитывала свыше 4,5 тысячи долговременных фортификационных сооружений. За время войны на Тихом океане в Маньчжурии было построено почти 3 тысячи километров железных дорог, свыше 300 военных складов, рассчитанных на хранение 300 тысяч тонн боезапасов, 12 тысяч тонн авиабомб и 250 тысяч тонн горючего. В 1941—1945 годах на маньчжурском плацдарме японские войска создали 129 авиационных баз и посадочных площадок, в том числе 42 аэродрома. Казарменный фонд, рассчитанный в 1941 году на 39 дивизий, в 1945 году мог принять до 70 дивизий общей численностью 1,5 миллиона человек».

Защита в некоторых деталях пыталась оспорить эти данные, но безуспешно. Стремление защиты уверить, что все эти явно агрессивные военные планы имели целью «стратегическую оборону», также ни к чему не привело. В распоряжение Трибунала передается документ советского Генерального штаба:

«Расположение и характер укрепленных районов носили ярко выраженный наступательный характер, так как все они имели малую глубину и строились на границе в полосе операционных направлений, ведущих к важным оперативным объектам, находящимся на советской территории».

Да, можно было сжечь военные планы, но нельзя было стереть с лица земли укрепления, аэродромы, стратегические военные железные дороги, казармы, захваченные Советской Армией в ходе успешного наступления в августе 1945 года.

Таким образом, говоря языком юридическим, в нарушение нейтралитета Япония провела такие действия, которые должны рассматриваться как законченное покушение на агрессию против СССР. Это покушение не переросло в агрессивную войну по причинам, от подсудимых не зависящим. В СССР тогда уже знали все.

В той трудной для защиты и подсудимых ситуации адвокат Блэкни прибег к неожиданному аргументу. «Господа судьи! — патетически воскликнул он. — Разве молниеносный разгром, который Советская Армия учинила Квантунской армии в августе 1945 года, не лучшее доказательство, что все проведенные Японией в Маньчжурии и Корее в 1941—1942 годах военные мероприятия носили явно выраженный характер стратегической обороны? Разве этот разгром — не лучшее подтверждение, что эти мероприятия были не только необходимы, но и совершенно недостаточны?»

Но, как это иногда бывает в делах уголовных, опровергнуть тезис Блэкни суждено было свидетелю защиты, допрошенному по просьбе того же Блэкни,— генерал-майору армии США Дину, который показал: «На Тегеранской конференции в ноябре 1943 года маршал Сталин... заявил... что пока в Сибири имеется достаточно русских войск для оборонительных мероприятий, но их нужно будет увеличить втрое перед тем, как можно будет начать наступление».

Из многочисленных материалов, опубликованных после войны, теперь хорошо известно, какую гигантскую переброску войск и техники с запада на восток потребовалось произвести СССР за три месяца, последовавших за капитуляцией Германии и предшествовавших объявлению Советским Союзом войны Японии.

Японское руководство во второй половине 1941 года и начале 1942 года считало агрессию против СССР делом настолько близким и реальным, что не только разработало проблему в целом, но и дотошно продумало отдельные детали. Два примера.

Обвинитель Инглиш представляет совершенно секретный официальный японский документ, составленный 11 июля 1941 года начальником бюро по делам Америки подполковником Ниномия по указанию начальника бюро военных дел военного министерства подсудимого Муто. Кстати, пока не был предъявлен этот документ, Муто категорически отрицал его существование. Цитируем наиболее существенные выдержки:

«Пояснительные замечания.

1. Этот проект должен быть представлен в министерство иностранных дел в качестве материала для ответа на вопросы правительства Соединенных Штатов, адресованные послу, после того как станет известно об усилении войск, расположенных в Маньчжурии. Так как время отправки телеграммы является военной тайной, требующей серьезного обсуждения, то нужно, чтобы армия и флот посовещались и обсудили этот вопрос.

2. Отправку войск в Сибирь следует объяснять как действия, предотвращающие распространение влияния Соединенных Штатов на Камчатку или другие места и продиктованные требованиями самообороны и безопасности.

Телеграфные инструкции (проект).

Совершенно очевидно, что империя наблюдает с большим интересом за ходом войны между Германией и Советским Союзом, и, кроме того, мы пытаемся создать сферу сопроцветания великой Восточной Азии. Поэтому наша национальная оборона может быть поставлена под угрозу путем влияния европейского конфликта на Дальний Восток или путем распространения влияния третьих держав: например, предоставление им военных баз и прочего в Приморской области, где расположены Владивосток и Камчатка. Такое распространение влияния третьих держав на советские территории на Дальнем Востоке может случиться, если использовать преимущества русско-немецкой войны, но Япония не может допустить этого.

Поэтому мы укрепляем наши оборонительные войска до предела, необходимого в целях подготовки нашей страны к такому серьезному стечению обстоятельств.

Замечание в отношении вышеназванных вопросов.

Весьма опасно, если вопросы в отношении Севера будут доведены до сведения США слишком рано. Желатель-

но обсудить время и прочее на совещании за круглым столом по вопросам координации».

Аккуратные и предусмотрительные люди работали в Токио в военном министерстве и министерстве иностранных дел: они считали тогда вторжение на советский Дальний Восток делом столь близким и реальным, что сочли даже необходимым подготовить адмиралу Номура хоть какое-нибудь дипломатическое объяснение для вручения Вашингтону, но не раньше, чем свершится акт агрессии.

Ну а как себя вести, как хозяйничать на огромных, намеченных к захвату советских территориях, как разграничить сферы влияния за Уралом между третьим рейхом и Японией? И на сей счет были составлены документы.

Правда, большую их часть в Токио успели сжечь. Однако аналогичные документы сохранились в сейфах двух организаций: общества по изучению государственной политики «Кокусаку кэнкюкай» и «института тотальной войны». Как уже известно, оба эти учреждения управлялись и финансировались непосредственно кабинетом министров и руководителями монополий. При обысках в этих учреждениях и на квартирах их сотрудников был найден разработанный военными организациями и министерством колоний «план управления территориями великой Восточной Азии». Он обнаружен в делах «Кокусаку кэнкюкай» и положен в основу ряда «изысканий» этого общества.

В этом плане, относящемся к декабрю 1941 года, вопрос о вторжении в СССР уже считается решенным. В документе говорится:

«Будущее советской территории. Этот вопрос будет разрешен японо-германским соглашением; в настоящее время его решить трудно. Тем не менее Приморская область будет присоединена к территориальным владениям империи, и районы, прилегающие к Маньчжурской империи, будут включены в ее сферу влияния. Сибирская железная дорога будет поставлена целиком под контроль Германии и Японии. При этом линия разграничения между ними проходит в Омске».

В соответствии с этим предусматривалось, что «в рациональные границы сферы сопроцветания» входят «районы восточной части СССР, включая озеро Байкал и Внешнюю Монголию». Западную часть Советского Союза отдавали третьему рейху.

Так в «нейтральном» Токио в декабре 1941 года по заданию правительства разрабатывались планы полного уничтожения СССР, раздела всей советской земли между Японией и Германией. В одном из разделов «плана управления» говорится:

«Через четыре месяца после оккупации послать вооруженных колонистов, которым поручить снабжение армии необходимыми овощами и другими продуктами, и, с другой стороны, с помощью этих колонистов расширять влияние Японии. В этом смысле нужно подумать о Голландской Индии и особенно тщательно продумать вопрос о посылке колонистов в СССР».

В другой разработке того же общества — проекте «границ и структуры великой восточноазиатской сферы сопроцветания» (февраль 1942 года) есть раздел о «мерах предотвращения концентрации в Сибири славян, изгоняемых из европейской части России». Этим проектом намечалось принудительное переселение советских людей, депортированных нацистами, в самые отдаленные и необжитые районы.

Советский обвинитель А. Н. Васильев переходит к планам, составленным «институтом тотальной войны». Они разрабатывались, как показал Трибуналу директор этого института генерал-лейтенант Кэйсаку Мураками, по поручению премьер-министра Тодзио, который со скамьи подсудимых осмеливался обвинять в агрессии Советский Союз.

Так, в первоначальном проекте создания «сферы сопроцветания великой Восточной Азии», разработанном институтом 27 января 1942 года, в разделе «восточные территории СССР» откровенно указывалось:

«Первым принципом является обеспечение потребностей Японии и Маньчжоу-го. Военные дела находятся в руках нашей страны. После полного искоренения красного влияния в СССР может быть принята, если в этом будет необходимость, форма минимального самоуправления».

В «сводных исследовательских записках института» за 1943 год содержатся детально разработанные «мероприятия по управлению Сибирью, включая Внешнюю Монголию». Здесь предусматривалось:

«В оккупированных районах должна быть введена военная администрация... Объявляются полностью недей-

ствительными прежние законы. Это делается простым и сильным военным приказом... Местные жители в принципе не принимают участия в политике. Если необходимо, предоставляется минимальное самоуправление... Если это необходимо в интересах обороны государства и из соображений экономики — проводится переселение японцев, корейцев, маньчжур... В соответствии с необходимостью проводится принудительное переселение местных жителей... Имея целью внедрение нашей мощи, пользоваться строго реальной силой, не опускаясь до так называемого принципа умеренности... Жители Северного Сахалина закрепляются в качестве рабочей силы для разработки рудных ресурсов».

Таким образом, под действие террористического режима должны были подпасть все дальневосточные территории Советского Союза и значительная часть Сибири.

Все это подтвердил в своих показаниях и свидетель Мураками.

Мы всесторонне рассмотрели реальные и обширные приготовления Японии к агрессии против СССР в 1941—1942 годах. Но если у кого-нибудь все же возникнет вопрос — а почему, однако, все эти приготовления не кончились войной? — мы хотели бы, чтобы на это ответило само тогдашнее японское правительство. Ведь более точного ответа никто дать не может.

...Берлин, 6 марта 1943 года. В кабинете — Риббентроп и Осима. В который раз Риббентроп просит японское правительство вступить наконец в войну с Советским Союзом. На эти просьбы, всегда поддерживаемые Осима, Токио неоднократно давал неопределенные ответы, ожидая решительного поворота событий в пользу третьего рейха. А вот теперь, через месяц после окончания Сталинградского сражения, впервые пришел категорический отказ. Разумеется, в нем нет ни слова о советско-японском пакте о нейтралитете. Разве пристойно в серьезной конфиденциальной беседе между фашистским министром иностранных дел и послом милитаристской Японии ссылаться на какие-то международные договоры? И Осима, тщательно подыскивая наименее обидные слова, не торопясь цедит: «Предложение германского правительства о нападении на Россию обсуждалось японским правительством... Японское правительство полностью понимает опасность, которая угрожает со стороны России, и полностью

понимает желание своего германского союзника, чтобы Япония также вступила в войну против России. Однако, учитывая нынешнее военное положение, для японского правительства невозможно вступить в войну».

Итак, милитаристская Япония нарушила пакт о нейтралитете, вероломно напав на союзников СССР. Она, в нарушение нейтралитета, широко готовила агрессию против Советского Союза, и если вторжение в СССР не осуществилось, то причина была одна — военные поражения нацистов. Но были и другие факты нарушения нейтралитета.

Токийские правительственные органы вели военный и экономический шпионаж в пользу своего берлинского союзника, вели с первых дней войны и до дня капитуляции нацистской Германии. Доказательства в руках судей.

Уже 10 июля 1941 года Риббентроп поручил Отту «поблагодарить японское министерство иностранных дел за пересылку нам телеграфного отчета японского посла в Москве... Было бы хорошо,— намекнул он,— если бы мы и впредь могли постоянно получать таким путем известия из России».

Дает показания генерал-майор японской армии свидетель Мацумура, работавший с октября 1942 года до августа 1943 года начальником русского отделения генерального штаба. Он по приказанию руководства генштаба «систематически передавал в 16-е (германское) отделение — для полковника Кречмера (германский военный атташе в Токио.— *Авт.)* сведения о силах Красной Армии, о дислокации частей Красной Армии на Дальнем Востоке, о военном потенциале СССР.

Все эти сведения давались на основании донесений, поступавших в японский генштаб от японского военного атташе в Москве, и из других источников».

Информация в 16-е (германское) отделение передавалась им приблизительно один раз в месяц.

Бывший помощник германского военного атташе в Токио Петерсдорф подтвердил систематическое получение секретной военной информации о Советской Армии от японского генштаба. Эта информация немедленно передавалась в Берлин.

Каково было содержание информации? Петерсдорф говорит:

— Я получал всю военную информацию о русской дальневосточной армии, а именно: дислокация войск, их

численность, воинские перевозки, а также подробности о резервах, о продвижении советских войск на европейском фронте, а также данные о военной промышленности в Советском Союзе.

Петерсдорф подтвердил, что эти сведения, безусловно, выходят за пределы тех данных, которые военные атташе могут добыть легальными путями. Он признал, что эти сведения имели важное значение для германской армии, что они были использованы в военных операциях против Советского Союза.

На вопрос советского обвинителя Васильева Петерсдорф ответил, что сфера японского шпионажа не ограничивалась Дальним Востоком:

— В 1942 году мы получили точную информацию о переброске русских войск из района Хабаровска на русско-германский фронт. Это была точная информация о русских авиационных частях, а также о численности вооруженных сил. В июне 1942 года была получена точная информация о концентрации войск в районе западнее Тамбова и в районе Сталинграда. В октябре мы получили информацию о передвижениях русских войск и резервов в районе Кавказа. В августе мы получили информацию о ежемесячном производстве бронеснаряжения в России... Я был в японском генеральном штабе более трехсот раз, и я передавал в Германию, в немецкий генеральный штаб, информацию, которую получал там. Когда в 1943 году я вернулся в Германию, то доложил о себе начальнику атташата Шугардту. И он сообщил мне, что информация, которую я получал, занимая свой пост, имела большое значение для немецкого генерального штаба. Он заявил также, что на основе этой информации были предприняты некоторые действия в отношении русской армии.

...Апрель 1945 года. В Берлине идут последние бои. На одной из улиц внимание советских воинов привлек человек в штатском, по внешнему виду японец. Он показался подозрительным и был задержан. У него нашли документы, характеризующие военное положение СССР. Задержанный Комакити Нохара оказался сотрудником японского посольства в Берлине. На допросе, стенограмма которого была впоследствии оглашена на Токийском процессе, он показал:

— Большинство обнаруженных при мне документов являются копиями меморандумов, которые содержат се-

кретные данные о численности и дислокации частей Красной Армии, ее вооружении и снабжении, о состоянии военной промышленности СССР и выпускаемой ею продукции — о самолетах, танках, а также о людских резервах СССР. Такого характера военные сведения об СССР японское посольство в Берлине получало с 1941 по 1945 год от японских послов в Москве Татэкава и Сато в виде зашифрованных телеграмм, которые затем советник Касахара и я обрабатывали и переводили на немецкий язык. После этого японское посольство в Берлине передавало эти сведения германскому министерству иностранных дел...

Обнаруженные у Нохара документы освещали вопросы военного потенциала Советского Союза, численность Красной Армии и другие военно-экономические данные.

Если нужно было еще какое-либо доказательство того, что до объявления войны Японии Советское правительство знало о нарушении нейтралитета токийскими властями, то Комакити Нохара дал такое доказательство.

После нападения Германии на СССР судоходство на Дальнем Востоке приобрело громадное значение для Советского Союза. Ведь, кроме Северного морского пути на Мурманск и Архангельск, который все время подвергался атакам немецкого флота и авиации, не было никаких других возможностей получать материалы, закупленные в США и Великобритании и необходимые для ведения войны. И здесь Япония продемонстрировала истинный характер своего «нейтралитета».

25 августа 1941 года, когда Япония не была еще воюющей стороной, японцы сделали Советскому правительству официальное заявление, в котором указывалось, что прибытие во Владивосток грузов из США создает для Японии «затруднительное и весьма деликатное положение». Вскоре японское правительство закрыло Сангарский пролив — кратчайший и наиболее удобный путь в Тихий океан. Предложено было следовать через пролив Лаперуза или южные проливы. Это значительно удлиняло путь, сокращало судооборот. К тому же южные проливы были небезопасны. В результате, следуя Корейским проливом, погибли от подводных лодок советские суда «Ангарстрой», «Кола», «Ильмень». Этим проливом перестали пользоваться. Пролив Лаперуза значительно удлинял путь, к тому же был покрыт льдами три-четыре месяца в году. Следовать через этот пролив японцы разре-

шали только днем. Путь же в Тихий океан проливом Лаперуза требовал прохода через Курильские проливы, а большинство из них были неблагоприятны для плавания океанских судов.

Советское обвинение передало Трибуналу карту с изображением этих маршрутов.

— Стоит только посмотреть на эту карту,—сказал обвинитель Васильев,—чтобы убедиться, какие трудности создавались для советского судоходства в тяжелое время войны Советского Союза с фашистской Германией и ее сателлитами. Японское правительство нарушило этими действиями не только пакт о нейтралитете 1941 года, но также и Портсмутский договор, согласно которому Япония не имела права препятствовать свободному плаванию советских судов в этом районе.

В Японии всячески старались угодить Берлину в этом отношении и, видимо, считали своей обязанностью сообщать о принятых мерах. Так, 24 июня 1942 года Осима вручил Риббентропу сведения о результатах осмотра японцами советских судов, сказав, что занятие японцами западных Алеутских островов еще больше затруднит Советскому Союзу транспортировку грузов.

В записи беседы Риббентропа с Осима 6 марта 1943 года имеется такая фраза: «Относительно наших донесений о русском импорте через Владивосток Осима полагает, что Япония дала возможность России только на один морской путь и что на этом морском пути осматриваются все суда в поисках оружия и боеприпасов».

Японские власти незаконно задерживали советские суда, совершали на них пиратские нападения, перераставшие в прямые акты агрессии. За период с августа 1941 года и до 1944 года включительно японскими вооруженными силами было задержано 178 советских торговых судов, некоторые — с применением оружия.

В результате, как установлено на процессе, девять советских кораблей было потоплено японскими вооруженными силами — «Кречет», «Свирьстрой», «Сергей Лазо», «Симферополь», «Перекоп», «Майкоп», «Кола», «Ангарстрой», «Ильмень». Перечень этот далеко не полный.

8 декабря 1941 года утром на рейде и у пирсов Гонконгского порта стояли ясно обозначенные своими государственными флагами советские суда. Японская авиация, еще до официального объявления войны Великобритании,

атаковала порт, подвергнув нападению и наши суда. Об этой возмутительной акции рассказал Трибуналу американский обвинитель Хиггинс в своей вступительной речи. Все это дало возможность А. Н. Васильеву утверждать:

— Установленные Трибуналом обстоятельства обстрела и бомбардировки советских судов исключают предположение, что отдельные подразделения японских вооруженных сил могли действовать на свой страх и риск в каждом отдельном случае. Известно, например, что пароходы «Майкоп» и «Перекоп» были потоплены большими группами японских самолетов в дневное время при хорошей видимости, когда нельзя было ошибиться в национальной принадлежности пароходов.

В Трибунале подсудимый Того, в прошлом министр иностранных дел, не мог отрицать пиратские нападения на советские суда и, мягко окрестив их «конфликтами», показал:

— Министерство иностранных дел уделяло большое внимание этим конфликтам, передавая правительству СССР ответы министерства военно-морского флота по поводу мер, принятых в ответ на советские запросы или протесты. Министерство иностранных дел также взяло на себя инициативу в предложении средств для спасения и репатриации советских моряков и кораблей, попавших в эти инциденты, а также средств компенсации Советскому правительству.

Был еще один вопрос, по которому защита намеревалась дать бой обвинению. С этой целью стягивались резервы, представлялись новые документальные доказательства, давали дополнительные показания некоторые подсудимые, допрашивались новые свидетели... Вооружившись добытыми данными, адвокат Блэкни пытался доказать Трибуналу, что поскольку Япония обращалась к СССР с просьбой о посредничестве в окончании тихоокеанской войны, то это, дескать, свидетельствует об отсутствии у нее агрессивных планов против Советского Союза.

Значит, утверждал Блэкни, «Япония была далека от мысли планировать агрессивную войну... она готова была пойти на большие жертвы для достижения мира».

Впрочем, никто и не собирался спорить с Блэкни, что в Токио на определенном этапе войны многие недавние милитаристы неожиданно заболели пацифизмом. Однако документы защиты показали, что токийский пацифизм и

в самый критический для Японии период был весьма двусмысленным. Но в пылу полемики адвокаты этого как-то не заметили.

И началась фаза защиты, посвященная токийскому «миротворчеству» и«неблагодарному» Советскому Союзу.

Министр—хранитель печати Коити Кидо рассказал о мирных усилиях, предпринятых летом 1943 года тогдашним министром иностранных дел подсудимым Мамору Сигэмицу:

— Министр иностранных дел Сигэмицу очень серьезно относился к вопросу о посредничестве Японии между Германией и Советским Союзом и настаивал на отправке в Советский Союз и Германию специальных посланников. Однако в 1943 году Германия отказалась уделить какое-либо внимание вопросу о мире с Советским Союзом,. не уделил никакого внимания этому вопросу и Советский Союз.

Видимо, разгром нацистов под Сталинградом и на Курской дуге, выход Италии из войны и первые серьезные неудачи самих японцев в тихоокеанской войне пробудили в Сигэмицу миротворческий дух, но, заметим сразу, весьма своеобразного рода. В самом деле, на что направлены усилия этого министра, если верить Кидо? Только на одно: расколоть антигитлеровскую коалицию путем заключения сепаратного мира между Москвой и Берлином. Так Сигэмицу рассчитывал улучшить перспективы войны с США и Великобританией для стран «оси». Разумеется, Советский Союз, полный решимости разгромить фашизм и верный своему принципу неуклонного соблюдения союзных обязательств, даже не пожелал, как подтвердил Кидо, обсуждать это предательское предложение.

Прошел еще год с лишним, и в сентябре 1944 года Сигэмицу овладело уже непреодолимое желание мира. В Токио заметались. Навязчивая идея содействия сепаратному миру между Советским Союзом и Германией как первому шагу к единственному выходу из тупика овладела умами правительственной верхушки. Но для того чтобы ее реализовать, решили прозондировать позицию нацистских фанатиков: ведь Москве надо в такое время предложить нечто конкретное, а главное, как полагали в Токио, привлекательное. Вот почему параллельно с этим зондажем шло обсуждение вопроса об уступках, которые

должна сделать Япония Советскому Союзу в различных, быстро меняющихся международных ситуациях.

Адвокат Фернес просит суд огласить памятную записку германского МИДа, датированную августом 1944 года. В ней говорится, что Осима по указанию Токио явился к Гитлеру в дни, когда третий рейх потерпел жесточайшее поражение. Явился с чем? С предложением, разумеется, отнюдь не почетного для Германии сепаратного мира с СССР.

И когда фюрер отклонил японское предложение, у Осима, очевидно, появилось одно желание: скорее кончить этот тягостный для обоих собеседников разговор. Но служба есть служба. Токио интересует: если его предложение отвергнут, какие же у Гитлера цели войны с Россией теперь, когда ситуация близка к катастрофе? И Осима с характерной для него восточной вежливостью задает вопрос. Но как он ни мягок по форме, Гитлеру на него не ответить. Сказать, что сейчас ставка одна — как бы уцелеть, уцелеть в ожидании неведомого чуда? Такое ведь не скажешь в дипломатической беседе. И Гитлер уходит от ответа в область всегда сомнительных исторических параллелей. В памятной записке об этом говорится так: «На вопрос посла Осима, изменились ли цели войны Германии против Советской России, фюрер ответил, что Сталин не просил начать переговоры о мире, когда немецкие войска были на Дону, и этой же позиции придерживается Германия в настоящих условиях».

Тогда, видимо махнув рукой на упрямых и тупых фанатиков из рейхсканцелярии, японское правительство решило само искать пути выхода из катастрофы.

Защита услужливо передает Трибуналу еще один документ. Знакомясь с ним, невольно думаешь о том, сколь скверна привычка мерить других на свой аршин, свойственная иногда не только людям рядовым, но и видным дипломатам. Трибуналу вручается протокол совершенно секретного совещания в японском МИДе от 12 сентября 1944 года под председательством Сигэмицу. На этом совещании министр роздал чиновникам МИДа для обсуждения и обдумывания свой проект предварительного плана для «советско-японских переговоров, которые, как надеются, должны скоро начаться в Москве». Вот некоторые наиболее характерные выдержки из этого проекта:

«Ввиду создавшейся обстановки Япония должна не-

медленно начать активный дипломатический демарш в отношении Советского Союза, целью которого будет обеспечить сохранение нейтралитета и улучшение дипломатических отношений между Японией и Советским Союзом, осуществление мира между Германией и Советским Союзом и, наконец, улучшение положения Японии при помощи Советского Союза, если Германия выйдет из настоящей войны. Для этой цели в Советский Союз для ведения переговоров должен быть направлен специальный представитель».

Матерый империалистический дипломат твердо убежден: в делах международных принципы — только слова и от них всегда отступают, разумеется, за хорошую мзду. Что ж, Сигэмицу готов платить, меряя и советскую внешнюю политику на свой аршин. Но прежде «прозорливый» министр стремится «узнать о намерениях Советского Союза в отношении Японии... добиться по мере возможности осуществления следующих целей:

1. Продления или заключения пакта о нейтралитете. Для этой цели должны быть заключены следующие соглашения либо вместо пакта о нейтралитете, либо параллельно с ним:

а) подтверждение обязательств, предусмотренных пактом о нейтралитете, или соглашение о продлении действий этих обязательств;

б) пакт о ненападении...».

Когда читаешь этот проект, удивляет, что в нем многократно проводится одна и та же мысль: «сохранение нейтралитета», «продление или заключение пакта о нейтралитете», «подтверждение обязательств, предусмотренных пактом о нейтралитете», или «соглашение о продлении действий этих обязательств». Здесь ясно звучал голос нечистой совести подлинного нарушителя договора: срок действия пакта истекал почти через два года. К чему спешить? Да, неплохой материал дала в руки обвинения сама защита. А дальше Сигэмицу в своем проекте пытается предвидеть, какую плату за предательство потребует Советский Союз:

«1. Разрешение на проход через пролив Цугару.

2. Пересмотр или отмена основного японо-советского договора (очевидно, Портсмутского договора.—*Авт.)*.

3. Предоставление прав на рыболовство.

4. Уступка Северо-Маньчжурской железной дороги.

5. Разрешение мирной деятельности Советского Союза в Маньчжурии, Внешней Монголии, Китае и других частях великой Восточной Азии.

6. Признание советской сферы интересов в Маньчжурии.

7. Признание советской сферы интересов во Внутренней Монголии.

8. Отмена «антикоминтерновского пакта».

9. Отмена тройственного пакта и тройственного соглашения.

10. Уступка Южного Сахалина.

11. Уступка северных Курильских островов».

Затем, как дотошный купец, Сигэмицу рассматривает пять вариантов дипломатической конъюнктуры, возможных после окончания войны, и для каждого варианта у него имеется своя цена предполагаемых услуг Советского Союза. Для краткости ограничимся четвертым вариантом:

«В том случае, если Германия потерпит поражение или заключит сепаратный мир и будет заключен общий мир при посредничестве Советского Союза, мы примем все требования Советского Союза» (те, что перечислены выше самим Сигэмицу в его проекте, а также, очевидно, и другие, дополнительные.—*Авт.)*.

К слову сказать, условия, на которые Сигэмицу и его правительство добровольно соглашались в сентябре 1944 года, были значительно шире тех, которые отражены в Ялтинском соглашении.

Наконец, как критерий дипломатических качеств самого Сигэмицу, его чувства реальности, его понятия о чести и принципах в международной жизни хочется привести еще одну цитату из этого проекта: «Что касается Германии, то мы должны добиться того, чтобы она поняла нашу политику в отношении Советского Союза, объяснить ей необходимость сотрудничества между Японией, Германией и Советским Союзом в интересах обеспечения мира во всем мире».

И это предлагается в конце 1944 года! Предлагается, чтобы Советский Союз, гитлеровская Германия и милитаристская Япония объединились «в интересах обеспечения мира во всем мире»! Трудно придумать что-нибудь более отвратительное, лицемерное и в то же время карикатурное. Какой обличительный материал дала Трибуналу

сама защита для уничтожающей характеристики Сигэмицу и его правительства, и какое это яркое подтверждение страха токийской верхушки и готовности расплатиться за нарушение японо-советского договора о нейтралитете!

Но, мало того, адвокаты решили убедительно показать, что Сигэмицу — не фантаст, не инициатор-одиночка, и представили письменные показания Видара Багге, шведского посла в Японии, который подтвердил, что только уход в отставку кабинета в целом помешал Сигэмицу пустить проект в дело. Сигэмицу просил Багге включиться в переговоры в качестве посредника. Багге подтвердил также, что подлинным вдохновителем этого проекта был сам Коноэ. Наконец, свидетель заявил, что вновь назначенный министр иностранных дел Того сообщил ему, что он все знает о проекте Сигэмицу и его переговорах с Багге и придерживается той же точки зрения, но ему потребуется некоторое время для изучения деталей. Однако история не предоставила г-ну Того времени: гитлеровская Германия перестала существовать раньше, чем новый министр изучил детали проекта своего предшественника.

Да, это был случай, который не так часто встречается в судебной практике, когда доказательства и свидетели защиты оказались в роли артиллерии, которая бьет по своим. В этих условиях адвокаты, очевидно, хотя и поздно, поняли свою ошибку и ни разу не вызвали Сигэмицу на свидетельское место.

Когда подсудимый Того в апреле 1945 года принял от Сигэмицу министерство иностранных дел, нацистская Германия уже корчилась в предсмертных судорогах. И все же новый министр извлек на свет божий уже известный проект Сигэмицу. Того снова тщетно пытался соблазнить СССР территориальными уступками. Времени для маневрирования почти не оставалось. Начинается лихорадочный обмен телеграммами между Токио и японским посольством в Москве. Цель — склонить СССР к посредничеству в деле заключения сносного для Японии мира на Тихом океане.

Но даже в то роковое для них время подсудимые не изменились: они все еще надеялись разжечь низменные инстинкты у своих дипломатических партнеров, пытались сыграть, как обычно делалось в империалистической дипломатии, на противоречиях между союзниками. В Токио

отказывались верить, что Советский Союз устоит перед щедрыми уступками на Дальнем Востоке, дополненными к тому же вполне возможной и приятной перспективой затяжной кровавой борьбы Британии и США с Японией, борьбы, из которой союзники Советского Союза выйдут, разумеется, сильно ослабленными.

Взявшись доказать миролюбие и миротворчество своих клиентов, сама защита, как мы видели, немало сделала, чтобы привести суд именно к такому выводу. Подлинные намерения руководящих военных кругов в те роковые для Японии дни раскрыл подсудимый Кидо:

— Премьер-министр Судзуки созвал вечером 18 июня 1945 года совещание членов Высшего военного совета, на котором они откровенно обменялись своими взглядами относительно заключения мира. 20 июня 1945 года Судзуки рассказал мне об этом совещании. Военный министр и начальники штабов армии и флота большое значение придавали решительному удару, который должен был быть нанесен на территории самой Японии. Они настаивали на том, что мирные переговоры лучше будет начать после того, как мы добьемся успеха в этом сражении.

Очевидно, твердолобым токийским милитаристам не давали покоя лавры Гитлера: дай им волю, и они подписали бы мир, только превратив и собственную страну, и собственную столицу в груды руин.

Главный обвинитель Кинан приводит еще одно доказательство в пользу такого вывода: совещание в присутствии императора 8 июня 1945 года, где единогласно было принято решение бороться до победного конца. К чему бы это привело, рассказывает министр—хранитель печати Кидо, разумеется необоснованно приписывая именно себе заслугу в том, что этого не случилось:

— Имея дело со сложным и трудным положением, урегулировать которое являлось моим официальным долгом, я все-таки оказался в состоянии кое-что сделать для Японии, а также и для человечества... Я явился орудием спасения двадцати миллионов моих невинных патриотов-соотечественников от ужасов войны и орудием сохранения десятков тысяч американских жизней, которые были бы потеряны, если бы Япония продолжала войну до самого конца, войну, для продолжения которой наши военные фанатично требовали пустить американцев на японскую территорию и нанести им здесь решительный удар.

Разумеется, не «усилия» Кидо, а вступление в войну Советского Союза привело японских милитаристов в чувство. Впрочем, в дальнейшем этого не отрицает и сам Кидо:

— Советский Союз объявил войну Японии, и 9 августа 1945 года между двумя странами начались военные действия.

В это утро я имел беседу с императором и сказал ему, что единственный выход в настоящей ситуации — принять условия Потсдамской декларации и окончить войну.

В распоряжении Трибунала были все документы, связанные со вступлением Советского Союза в войну на Дальнем Востоке, документы, опровергающие всякие домыслы. 5 апреля 1945 года В. М. Молотов сделал японскому послу Сато заявление о намерении Советского правительства денонсировать пакт о нейтралитете, в полном соответствии со статьей третьей этого договора, за год до истечения срока его действия. В этом заявлении содержалась ясно изложенные претензия Советского Союза правительству Японии. Только одна эта претензия уже давала СССР основание считать пакт о нейтралитете не имеющим силы:

«С того времени (со времени заключения пакта.— *Авт.*) обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР».

И, как мы убедились, обвинение это было полностью обоснованно. 8 августа 1945 года Молотов вручил японскому послу для передачи японскому правительству заявление Советского правительства об объявлении войны с 9 августа 1945 года. В нем содержалось прямое обвинение Японии в агрессии против США и Великобритании, что, как уже известно читателю, в силу статьи второй договора также освобождало СССР от каких-либо обязательств по пакту о нейтралитете:

«Учитывая отказ Японии капитулировать, союзники обратились к Советскому правительству с предложением включиться в войну против японской агрессии и тем сократить сроки окончания войны, сократить количество жертв и содействовать скорейшему восстановлению всеобщего мира».

В советском заявлении указывались гуманные цели, которые СССР при этом преследовал, дальновидно разга-

дав намерения милитаристов сражаться до конца даже в самой Японии:

«Советское правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции».

В обращении И. В. Сталина к народу 2 сентября 1945 года (в день подписания Японией акта безоговорочной капитуляции) также содержалось прямое обвинение Японии в агрессии:

«Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия — на западе и Япония — на востоке. Это они развязали вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели».

Читатель смог убедиться, что все это полностью подтвердилось на Токийском процессе.

История именем Международного военного трибунала, представлявшего одиннадцать государств, установила истину, нерушимо вписав в свой приговор:

«...Несмотря на пакт о нейтралитете с СССР, Япония считала себя связанной с Германией как участник заговора против СССР и выжидала благоприятного момента для того, чтобы воспользоваться им. Во всяком случае, она намеревалась приурочить свое нападение на СССР к наиболее благоприятному моменту в советско-германской войне...

Очевидно, что Япония не была искренней при заключении пакта о нейтралитете с Советским Союзом и, считая свои соглашения с Германией более выгодными, подписала пакт о нейтралитете, чтобы облегчить себе осуществление планов нападения на СССР».

«Нейтралитет» Японии в войне между Германией и СССР в действительности служил и, скорее всего, был предназначен для того, чтобы служить ширмой для оказания помощи Германии до нападения самой Японии на СССР...

Доказательства, представленные Трибуналу, указывают на то, что Япония, будучи далеко не нейтральной, какой она должна была бы быть в соответствии с пактом,

заключенным с СССР, оказывала значительную помощь Германии.

Трибунал считает, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение рассматриваемого периода, что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что ее целью был захват территорий СССР на Дальнем Востоке.

К весне 1942 года штаб Квантунской армии разработал план военного управления советскими районами, подлежавшими оккупации со стороны Японии. С одобрения Умэдзу этот план был передан в генеральный штаб. В него входили такие разделы: «администрация, поддержание мира и порядка, организация промышленности, денежное обращение, связь и транспорт».

Трибунал признал, что высшие должностные лица Японии занимались весь период войны шпионажем против СССР в пользу Германии, чинили всевозможные препятствия советскому судоходству. Трибунал расценил и эти факты как нарушение договора о нейтралитете.

НАЧАЛО КОНЦА

...Воскресное утро 7 декабря 1941 года. В этот день на Гавайских островах, как обычно в зимнее время, было ясно, солнечно, безветренно. На рейде Пёрл-Харбора как на ладони — серые громады военных кораблей Тихоокеанского флота Соединенных Штатов. Тишина. Не видно людей ни на судах, ни в гавани: еще накануне большинство офицеров и солдат отпущены на воскресенье в город. Томятся вахтенные на борту, раскрыты на кораблях водонепроницаемые переборки. Около зенитных орудий борются с дремотой поредевшие расчеты: еще не прозвучала побудка. Тихо, пустынно и на военном аэродроме. Война — где-то за тысячи километров.

И вдруг — совершенно неожиданно все нарастающий гул авиационных моторов. 7 часов 55 минут... Над гаванью, аэродромом, городом — 183 военных самолета. На их фюзеляжах отчетливо видны японские опознавательные знаки. Головной бомбардировщик пикирует, устремляясь в атаку, за ним остальные. Град бомб и торпед обрушивается на неподвижные громады линкоров, на крейсеры, эсминцы, на самолеты, выстроенные на аэродроме четкими рядами, будто перед парадом.

Проходит некоторое время, и над Пёрл-Харбором грохочут взрывы, полыхает огонь, густой дым застилает небо. Большинство бомб и торпед достигает цели. Лишь несколько зениток успевают открыть огонь. В воздух поднимаются американские истребители. Поздно! Смельчаков тут же сбивают. Примерно через час — вторая волна атакующей японской авиации. Теперь 167 самолетов. Американцы усиливают зенитный огонь. Но это уже не имеет смысла. Сопротивление главной морской и военной базы США на Тихом океане подавлено. Все американские линкоры уничтожены или выведены из строя. Потоплены или повреждены шесть легких крейсеров, потоплен эсминец.

Уничтожено 272 самолета, уцелело только 17 бомбардировщиков да 70 истребителей. Тихоокеанский флот США на долгие месяцы выведен из строя...

Пройдут годы, и в обвинительном заключении, оглашенном на Токийском процессе, прозвучат слова: «Обвинение в убийстве адмирала Кидда и около четырех тысяч американских военнослужащих и гражданских лиц при нападении без объявления войны на США в Пёрл-Харборе 7 декабря 1941 года».

А пока милитаристская Япония одержала крупную победу, заплатив за нее малой кровью: 55 погибших летчиков, 28 сбитых и 74 поврежденных самолета.

Как же удалось это японским агрессорам?

25 ноября 1941 года мощное оперативное соединение японских кораблей в количестве тридцати трех вымпелов, из них шесть авианосцев, получило оперативный приказ командующего японским флотом адмирала Исороку Ямамото отправиться на базу в северную часть Курильских островов, чтобы на следующий день ранним утром взять оттуда курс на Пёрл-Харбор. Было приказано также избрать для этой цели более длинный, но редко используемый мореплавателями пустынный Северный морской путь, где опасность обнаружения эскадры была минимальной. Автором плана являлся сам адмирал Ямамото. 6 декабря, в канун выхода в район, исходный для нападения на Гавайские острова, на судах объединенного флота был зачитан его приказ. В нем подчеркивалось: «Победа или поражение империи зависят от этого сражения. Каждый должен выполнять свое задание с предельными усилиями». Вслед за этим на флагманском судне «Акаги» был поднят сигнальный флаг «Z», тот самый, который развевался на «Микаса» в 1905 году в цусимском бою.

А в это время на Гавайях уже действовала японская «пятая колонна»: на принадлежавших японцам плантациях вырубались просеки в форме стрелы, острие которой указывало в сторону важнейших объектов Пёрл-Харбора. В полной готовности ждали нападения агенты-радисты. Диверсанты к моменту атаки готовились вывести из строя американские радарные установки. Впрочем, действовать им не пришлось! «Тайной Пёрл-Харбора» — так назвали в США успех этого японского агрессивного акта — занимались в 1942—1946 годах несколько комиссий. Резуль-

тат их работы — десятки томов, многие тысячи страниц. Самую первую объединенную комиссию конгресса возглавлял судья Оуэн Робертс. Там в качестве свидетелей давали показания и государственный секретарь Хэлл, и военный министр Стимсон, и военно-морской министр Нокс, и начальник объединенных штабов Маршалл, и многие другие. Наиболее существенные факты из материалов этих комиссий были представлены Трибуналу в Токио в качестве доказательств.

Среди свидетелей, допрошенных в комиссиях, значились также подполковник Тайлер, лейтенант Локкард и сержант Эллиот. Благодаря их показаниям и выяснилось, почему японским диверсантам не пришлось выводить из строя американские радары: в связи с воскресным днем ровно в семь утра радарные установки в Пёрл-Харборе выключили сами американцы. Однако грузовик, который должен был отвезти радиометристов в город, почему-то запаздывал. Тогда дежурный офицер лейтенант Локкард, чтобы скоротать время в ожидании машины, решил потренировать на одной радарной установке сержанта Эллиота. Сержант оказался, очевидно, хорошо подготовленным и за 53 минуты до японской атаки обнаружил на экране радара многочисленную эскадрилью неизвестных самолетов, стремительно приближающихся к Пёрл-Харбору. Он немедленно доложил об этом Локкарду. Офицер тут же удостоверился, что радар дал точные показания. Но чьи это самолеты? Вместо того чтобы действовать, Локкард и Эллиот терялись в догадках. Между тем еще можно было дать сигнал тревоги, поднять в воздух авиацию, привести в боевую готовность зенитные батареи, закрыть водонепроницаемые перегородки на судах, поднять якоря, включить машины, дав кораблям подвижность. Еще можно было избежать многих тяжелых потерь. А если бы самолеты оказались своими, дать сигнал отбоя. В военной истории это был один из примеров того, какой трагедией может обернуться нерешительность и безынициативность низшего командного состава в неожиданных событиях, порой приобретающих стратегическое значение.

Вот как выглядел названный выше эпизод в показаниях Локкарда в комиссии конгресса: «Мы обнаружили самолеты на дистанции 136 миль. Когда расстояние уменьшилось до 132 миль, мы позвонили в информационный центр. Было несколько минут восьмого, но там ни-

кого не оказалось. Я знал дежурного на коммутаторе в информационном центре и поэтому спросил, нет ли кого поблизости. Дежурный ответил, что поблизости никого нет. Мы попросили его поискать кого-нибудь и, нарушив инструкцию, он отошел от коммутатора, поискал и нашел кого-то». Этот «кто-то» оказался дежурным офицером связи истребительной авиации подполковником Тайлером. Но и у Тайлера из информационного центра не хватило решимости на свой страх и риск дать приказ о сигнале тревоги. Да он и не видел для этого оснований: какие вражеские самолеты могли атаковать Пёрл-Харбор, расположенный в глубочайшем тылу, далеко от тогдашних театров военных действий, да к тому же принадлежащий нейтральной Америке! Поэтому, давая показания комиссии конгресса, Тайлер объяснил: «Я сказал ему, чтобы он не беспокоился. Я не думал о возможности обнаружения противника». Тайлер предположил, что речь идет об американских самолетах типа Б-17, которые шли с материка на аэродром Пёрл-Харбор. И у этого офицера не хватило решимости немедленно дать ответственный приказ, действуя самостоятельно, а уж тем более — и в этом его никак не обвинишь — не хватило фантазии, чтобы представить себе подлинную картину происходящего.

Объединенная комиссия конгресса после опроса сотен свидетелей, изучения многих документов пришла к выводу, что виновники всего происшедшего в Пёрл-Харборе— командующий Гавайским военным округом генерал Уолтер Шорт и командующий Тихоокеанским флотом адмирал Хазбанд Киммел.

В пассивности, проявленной в Пёрл-Харборе, можно упрекнуть не только низшие чины, не только сотрудников информационного центра, не только командующих Гавайским военным округом и Тихоокеанским флотом, но также тех, кто находился в ту пору в кабинетах Белого дома.

Пройдет десять лет, и оставшийся не у дел японский подполковник Футида решит напомнить о себе миру, а попутно и заработать приличную сумму денег. Во время трагических событий в Пёрл-Харборе он находился на борту головного самолета, командуя первой японской атакующей эскадрильей. Разве это не тема для бестселлера? И Футида напишет книгу «Я атаковал Пёрл-Харбор», где будут и такие строки: «Небо над Пёрл-Харбором было чистым. Вот и сама гавань. Я внимательно рассматриваю

в бинокль корабли, мирно стоящие на якорях. В небе не появилось ни одного вражеского истребителя, а на земле ни одной орудийной вспышки».

Допрошенный в Токио в 1945 году американскими следователями офицер японского военно-морского министерства дополнил Футида, сказав: «Мы ожидали встретить в такой важной базе значительно более сильную оборону. Мы были поражены».

Катастрофа в Пёрл-Харборе потрясла американский народ. Потрясен был и президент. Вот что написал об этом биограф Рузвельта Шервуд: «Выступая в конгрессе утром 8 декабря (1941 год. — *Авт.*), он стоял перед судом истории и сознавал это. О понимании им исторического значения момента свидетельствовал тот факт, что он попросил г-жу Рузвельт прибыть на совместное заседание обеих палат конгресса вместе с г-жой Вудро Вильсон».

Президент назвал этот день «датой, которая войдет в историю как символ позора». Он признал, что «нападение (Японии. — *Авт.*) на Гавайские острова причинило огромный ущерб американским военно-морским и военным силам. Погибло очень много американцев». Рузвельт перечислил другие объекты японской агрессии за последние сутки — Малайя, Гонконг, Гуам, острова — Филиппинские, Уэйк, Мидуэй и, резюмируя, подчеркнул: «Наш народ, наша территория и наши интересы подвергаются серьезной опасности».

9 декабря 1941 года, выступая вечером по радио, президент сказал: «Мы должны признать, что наши противники совершили блестящий акт обмана, выбрав для него очень подходящий момент и осуществив его с большим искусством. Это был абсолютно бесчестный поступок. Но мы должны учесть, что современная война, если она ведется в духе нацистов, — это грязное дело. Нам она не нравится — мы не хотели вступать в нее, но мы оказались втянутыми в войну, и мы будем бороться, используя все средства, имеющиеся в нашем распоряжении».

Но почему Франклин Рузвельт, выступая в конгрессе после событий у Пёрл-Харбора, чувствовал и сознавал, что он стоит перед судом истории? Действительно ли Японии удался «блестящий обман» такого выдающегося и дальновидного государственного деятеля, как Рузвельт, или есть доля и его вины в том, что он своевременно

этот обман не раскрыл? Для того чтобы установить это, и не только это, надо проанализировать ход событий не с конца, а с начала, в хронологической последовательности.

...В туманной дымке прошлого возникает 1915 год. Бушует первая мировая война. 24 августа 1914 года Япония присоединилась к Антанте, объявив войну Германии. Правда, ее вклад в эту войну был чисто символическим: японцы почти без борьбы захватили стратегически важные острова на Тихом океане, принадлежавшие Германии, и ее концессии в Китае. Немецкие гарнизоны, отрезанные от метрополии, были бессильны оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление. Вступила Япония в войну без всякой просьбы со стороны своей тогдашней союзницы Англии и вызвала этим актом явное беспокойство США: в Лондоне и Вашингтоне не без основания полагали, что главная цель японцев — пока на Западе идет кровавая сеча, добиться реализации своих давних интересов на Тихом океане, и в первую очередь в Китае.

Чтобы успокоить своих соперников, японские милитаристы, как обычно, решили поставить дымовую завесу дипломатического обмана: в день объявления Японией войны Германии премьер Окума обратился к американскому народу: «Я заявляю американскому народу и всему миру, что Япония не имеет никаких скрытых побуждений, никакого желания приобрести больше территорий, никакой мысли лишить Китай или какой-либо другой народ того, чем он в настоящее время владеет. Мое правительство и мой народ дали слово и торжественное обещание, и они их сдержат так же честно, как Япония всегда сдерживала свои обещания».

Решительно отклонив просьбу стран Антанты отправить свои войска на западный фронт, правители Токио были весьма далеки от пассивности: они действовали, и весьма энергично, но отнюдь не против Берлина. 18 января 1915 года Пекину был предъявлен ультиматум, вошедший в историю как «21 требование». Его принятие означало фактическое установление японского господства во всем Китае. Реакционное китайское правительство Юань Ши-кая колебалось, затягивало переговоры. Тогда японское правительство прибегло к своей обычной аргументации: 7 мая 1915 года Токио предъявило Пекину ультиматум, подкрепленный одновременной мобилизаци-

ей сухопутных и морских сил. 25 мая японское «21 требование» было принято Китаем и соответствующий договор подписан.

А что же империалистические соперники? Англии было тогда не до того, и она ограничилась дружеским советом Японии быть более умеренной в отношении Китая. Президент Вильсон, занятый заботами и мыслями о сроке и поводе для вступления США в войну с Германией, указывал в дипломатическом протесте, что США не признают в новом японо-китайском соглашении все то, что противоречит принципу «открытых дверей и равных возможностей». Запомним этот термин. Придет время, и он не раз будет произнесен на заседаниях Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Именно здесь коренились истоки противоречий между США и Японией на Тихом океане. Но, как известно, дипломатическими нотами не изменишь того, что реально совершилось: Япония сумела, избрав подходящее время, проникнуть в сердце Китая. Оценивая положение, сложившееся в этом обширном районе, В. И. Ленин в докладе о внешней политике на Объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 года говорил: «Экономическое развитие этих стран в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем. Вся дипломатическая и экономическая история Дальнего Востока делает совершенно несомненным, что на почве капитализма предотвратить назревающий острый конфликт между Японией и Америкой невозможно» *.

Закончилась первая мировая война. 18 января 1919 года в Версале открылась мирная конференция. Японскую делегацию возглавлял уже известный нам генро принц Сайондзи. И в том же месяце в далекой Корее вспыхнуло народное восстание под лозунгом независимости страны. Напуганные его размахом японские колонизаторы с невиданной жестокостью расправились с восставшими. Сотни корейских сел и деревень были стерты с лица земли, а жители уничтожены. Сжигались храмы и люди, которые пытались найти там спасение. Сорок тысяч убитых корейцев — такова была цена японской победы.

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 330.

Поборников демократии и самоопределения народов — Вильсона, Клемансо, Ллойд-Джорджа — это, однако, не смутило и не возмутило: представители колониальных держав имели в этом деле свой богатый и далеко не безупречный опыт. Кроме того, у них — и это главное — была тогда своя цель: использовать, по существу, незатронутые войной японские войска в интервенции против Страны Советов. В то же время Сайондзи и его эксперты были достаточно опытны, чтобы не почувствовать, что победа над Германией и Австрией дала возможность «совету трех» — Клемансо, Ллойд-Джорджу, Вильсону — фактически диктовать свою волю всему капиталистическому миру. Пришлось идти на компромисс в части «21 требования» и удовольствоваться согласием союзников на господствующее положение Японии только в одной, правда весьма богатой, провинции Северного Китая — Шаньдуне.

Однако в Соединенных Штатах ряд уступок, сделанных Вильсоном в Версале, в том числе и по отношению к Японии в шаньдунском вопросе, вызвал резкую оппозицию. Представители крупнейших монополий усмотрели в этом значительную угрозу собственным интересам в Китае. По этому и ряду других мотивов американский сенат отказался ратифицировать Версальский договор и войти в Лигу Наций.

В Токио остро почувствовали политическое одиночество. Еще острее встал вопрос: что же делать дальше? Оставалось одно — идти на уступки. Призрак изоляции привел Японию в Лондон: там она пыталась добиться возобновления англо-японского союзного соглашения, срок которого истекал в июне 1921 года. И тут, в нарушение «священных традиций» (до этого наследные принцы никогда не покидали пределов Японии), решено было направить в Англию для переговоров самого наследного принца.

Вот в этой сложной и неблагоприятной для Токио обстановке американское правительство предложило созвать в Вашингтоне конференцию восьми колониальных держав (США, Англия, Франция, Италия, Япония, Бельгия, Голландия, Португалия) с участием Китая. Конференция была созвана для решения некоторых важнейших проблем. В феврале 1922 года в Вашингтоне среди других договоров было подписано соглашение о Китае. Этот

договор девяти держав, о котором впоследствии столько говорилось на Токийском процессе, лишал Японию монопольного положения в Китае, провозгласив, что всем участникам соглашения гарантируется в Китае политика «открытых дверей и равных возможностей» в области экономики.

Однако, как нам уже известно, начиная с инцидента 18 сентября 1931 года Япония постепенно, но неуклонно и систематически стала игнорировать договор девяти держав, пока не свела его значение к нулю.

Известный в тридцатых — сороковых годах американский журналист Марк Гейн, много лет проживший в Китае и Японии, побывав на Токийском процессе, записал в своем дневнике: «И вот в одну теплую осеннюю ночь в 1931 году, после долгих месяцев тщательной подготовки, они взорвали участок Маньчжурской железной дороги, назвав это «неспровоцированным нападением на Японию», и отрезали огромный кусок китайской территории. Предлог не имел никакого значения. Таким предлогом могло послужить убийство военного «наблюдателя» в Маньчжурии. Таким предлогом могли быть трения между китайскими и корейскими поселенцами, для которых японская армия внезапно нашла теплый уголок в своем холодном сердце. Когда понадобился предлог, достаточно было поврежденного рельса, чтобы толкнуть Японию на путь агрессии и... поражения» (более вероятно, что рельс вообще остался целым! — *Авт.*).

До поражения, о котором писал Марк Гейн, было тогда еще очень далеко, а вот крупные победы японские милитаристы в те годы одерживали так легко и безнаказанно, что их наглость стала беспредельной.

Японские агрессоры были абсолютно уверены в своей безнаказанности. И объяснялась эта уверенность, как считают историки, «дальневосточным Мюнхеном». Однако, может быть, точнее было бы сказать, что безнаказанность гитлеровских агрессоров — это следствие «европейского Мукдена»? В самом деле, именно после взрыва 18 сентября 1931 года близ Мукдена, за семь лет до мюнхенского диктата, крупнейшие западные державы на каждый новый шаг Японии по пути экспансии отвечали словесными протестами и фактическим попустительством.

Мюнхенская политика получила поистине глобальные масштабы.

В Мюнхене агрессорам преподнесли в качестве жертвы сравнительно небольшую по территории Чехословакию. На Дальнем Востоке «умиротворители» готовы были признать права Японии на огромные территории, оккупированные ею в Китае, Маньчжурии и Индокитае.

Говоря о политике словесных протестов и фактического попустительства, необходимо подчеркнуть, что даже словесные протесты имели место далеко не всегда, а содержание их порой оставляло желать много лучшего. В качестве примера можно привести обсуждение доклада комиссии Литтона в Лиге Наций в декабре 1932 года. Когда очередь дошла до английского министра иностранных дел сэра Саймона, он произнес речь настолько прояпонскую и антикитайскую, что японский представитель, а впоследствии подсудимый на Токийском процессе Ёсукэ Мацуока просто умилился: «Сэр Джон Саймон в течение получаса в немногих фразах сказал то, что я пытался высказать на своем плохом английском языке в течение десяти дней».

Причины, побудившие сэра Саймона занять позицию защиты японского агрессора, понять нетрудно. Ведь там же, в Лиге Наций в Женеве, при обсуждении доклада Литтона Мацуока авторитетно разъяснил, что оккупация Маньчжурии преследует цель превратить эту страну в «оплот Японии против Советского Союза». Западные дипломаты помнили также, что в те же дни в токийском журнале «Гайкосё» военный министр Араки, который, как и Мацуока, занял в 1946 году свое место на скамье подсудимых в Международном военном трибунале, возмущенно вопрошал, говоря о Владивостоке: «Может ли Япония терпеть, чтобы существовал город с таким названием?» В той же статье Араки призывал «освободить» Сибирь от русских «пришельцев».

Еще решительнее выступал полуофициоз японского правительства газета «Джапан Таймс». 30 октября 1933 года она прямо заявляла: «Война между Японией и Россией может иметь один исход: закрепление японцев в качестве полных хозяев Сибири вплоть до горного хребта, который отделяет европейскую часть России от азиатской».

На словах легко и просто шагали японские агрессоры по советской земле. Но даже их болтовня подобного рода для многих западных дипломатов типа сэра Саймона зву-

чала слаще музыки. И японское правительство отлично это понимало. 24 февраля 1933 года все государства, входившие в Лигу Наций, кроме Японии, одобрили доклад Литтона, который хотя и робко, но осудил агрессора. И как бы в ответ на это 25 февраля японские войска начали оккупацию Внутренней Монголии, а в апреле вторглись в провинцию Хубэй.

К концу мая в руках японских агрессоров был уже почти весь Северный Китай, вплоть до Пекина. Действия Токио становились все решительнее и наглее, а доклад Литтона был положен на одну из дальних полок архива Лиги Наций.

«Осваивая» Северный Китай, Маньчжурию, Внутреннюю Монголию, японское правительство ставило перед собой определенную цель. Какую? Четкий ответ на это был дан на Токийском процессе, когда советское обвинение предъявило совершенно секретное постановление совещания четырех японских министров (премьера, министра иностранных дел, морского и военного министров. — *Авт.*), состоявшегося 7 августа 1936 года. Документ этот носил название «Внешняя политика империи». В нем, в частности, предписывалось: «Учитывая теперешнее состояние японо-советских отношений, при осуществлении северной политики (так японские милитаристы именовали свои планы захвата территорий, принадлежащих СССР. — *Авт.*) основное внимание в отношении Китая следует направить на быстрое превращение Северного Китая в антикоммунистическую и прояпоно-маньчжурскую зону и также на то, чтобы весь Китай сделать антисоветским и прояпонским».

В конце июня 1937 года Тодзио, в то время начальник штаба Квантунской армии, настойчиво советовал генеральному штабу: «Если рассматривать теперешнюю обстановку в Китае с точки зрения подготовки войны с Советским Союзом, то наиболее целесообразной политикой является нанесение прежде всего удара... по нанкинскому правительству, что устранило бы угрозу нашему тылу» (этот документ также был передан Трибуналу советским обвинителем. — *Авт.*).

Знали ли об этом в Лондоне, Вашингтоне и Париже? Знали, конечно. Ведь японская пресса тех лет откровенно высказывалась на эту тему. Открыто выступали с призывами напасть на СССР многие видные государственные

и общественные деятели Японии. Надо полагать, что не дремали также английская и американская разведки.

Могли ли творцы «дальневосточного Мюнхена» — государственные деятели западных империалистических стран — устоять перед теми соблазнами, которые сулило осуществление Японией плана, предложенного начальником штаба Квантунской армии?

7 июля 1937 года, действуя соответственно постановлению четырех министров и совету Тодзио, японцы развернули новые широкие военные действия, обстреляв китайских солдат в районе моста Марко Поло, близ Пекина (эту войну они сами назвали «китайским инцидентом». — *Авт.*).

Результатом очередного «инцидента» явился захват крупнейших китайских центров — Шанхая, тогдашней столицы Нанкина, Ханькоу и новых обширных территорий. Однако и тут руководители западных стран, осуждая на словах японских агрессоров, на практике помогали им.

В Соединенных Штатах сторонники «дальневосточного Мюнхена» всячески старались доказать народу, что у американцев нет никаких оснований опасаться японской угрозы, зато имеется реальная возможность «навести в Азии порядок», иными словами, ликвидировать руками японцев коммунистическое и национально-освободительное движение на этом континенте.

Известный журналист Вернон Нэш в журнале «Нэшн» уверял читателей, что японо-американская война столь же вероятна, как война между Швейцарией и Парагваем. Газетный король Херст в августе 1935 года, выражая мнение влиятельных кругов американской реакции, утверждал: «Было бы вполне в порядке вещей, если бы Япония как стабилизирующая сила на Дальнем Востоке руководила Китаем». Успокаивая американский народ, возмущенный наглостью и безнаказанностью японских агрессоров, Херст твердил: «Нет совершенно никаких оснований опасаться японо-американской войны».

И подобных высказываний было множество. Ратуя за предоставление Японии свободы агрессии, «дальневосточные мюнхенцы» утверждали, что действия японцев, в конечном счете, держат на примете одну цель — Советский Союз. Эту точку зрения высказывала, в частности, в 1933 году, когда японцы стояли у ворот Пекина и Тянь-

дзиня, крупнейшая американская газета «Нью-Йорк Таймс».

Авторы исследования «Япония и американское общественное мнение» Таппер и Макрейнольдс в 1937 году писали, что в то время американская печать обсуждала «скорее возможность русско-японской войны, чем столкновения между Японией и США».

Добро бы только печать, каким бы авторитетом она ни пользовалась! Серьезней и гораздо опасней было то, что такой же точки зрения придерживались правящие круги США, запустившие на полный ход в канун второй мировой войны маховик политики «дальневосточного Мюнхена».

У пульта подсудимый Сигэнори Того, кадровый дипломат, посол в Германии, в СССР, а с октября 1941 года по сентябрь 1942 года и затем в дни капитуляции Японии — министр иностранных дел. Выше среднего роста, сухощавый, жилистый и подтянутый, он в течение процесса всегда был в темном пиджачном костюме и белоснежной крахмальной манишке с тщательно вывязанным галстуком. В нагрудном кармане белел уголок платка. Тронутые проседью густые волосы Того аккуратно разделялись ровной ниткой пробора. Казалось, что он попал на скамью подсудимых прямехонько с дипломатического приема. Слегка приподнятые брови придавали его широкоскулому морщинистому лицу с большими, слегка оттопыренными ушами выражение застывшего недоумения или как бы невысказанного вопроса: «Господа, что же, в конце концов, здесь происходит?!» Глаза, прикрытые большими роговыми очками, могли смотреть на вас прямо, не мигая даже тогда, когда этот бывший дипломат доказывал, что белое легко спутать с черным: сказывалась многолетняя профессиональная тренировка.

Итак, Кинан допрашивает Того, допрашивает, разумеется тщательно обходя все, что касается «дальневосточного Мюнхена». Тема — Вашингтонский договор девяти держав о статусе Китая.

Вопрос: Этот договор предусматривал уважение территориальной целостности Китая, не так ли?

Ответ: Да.

Вопрос: И уважение права на его суверенитет?

Ответ: Да, уважение суверенности Китая.

Вопрос: И все другие страны, разумеется, были согласны иметь в Китае равные права и привилегии в торговле и других областях, не так ли?

Ответ: Да, это было так, как вы говорите.

Вопрос: И договор также предусматривал, что договаривающиеся Стороны соглашаются уважать независимость девятого участника этого договора — Китая. Это правда?

Ответ: Да.

— И далее я цитирую, — продолжает Кинан, — «использовать свое влияние для целей эффективного установления и поддержания принципа равных возможностей в торговле и промышленности для всех стран на территории Китая». Это тоже было указано в договоре, не так ли?

Ответ: Да.

Вопрос: Хочу процитировать еще одну статью: «...Договаривающиеся Стороны, кроме Китая, согласились, что они не будут поддерживать своих подданных в их стремлениях заключить соглашения, цель которых обеспечить превосходство своих прав над правами других в области экономики и торговли в любом районе Китая». Вы помните ее?

Ответ: Да, помню.

Вопрос: В ваших переговорах с Соединенными Штатами (говоря «ваши», я имею в виду переговоры между США и Японией, когда вы были министром иностранных дел) одним из основных обсуждаемых вопросов был вопрос о равных правах и возможностях США и других стран, подписавших договор с Китаем, не так ли?

Ответ: Принцип равных возможностей в торговле был одним из основных спорных вопросов между США и Японией...

Вопрос: Сомневались ли вы, господин Того, в том, что США были лишены своих прав и привилегий, гарантированных по договору девяти держав?

Того уклоняется от прямого ответа.

— Я вспоминаю, — говорит он, — что постоянно после начала «маньчжурского инцидента» поступали протесты Америки по поводу нарушения нами ее прав в Китае.

Вопрос: И вы настойчиво отказывались признать какой-либо из этих протестов или предложений?

Ответ: Да.

Вопрос: А как человек, как министр иностранных дел можете вы заявить, что у США не было оснований для этих претензий, что права США, предоставленные договором девяти держав, не были нарушены?

Ответ: Я не намерен отрицать справедливость этих протестов.

Вопрос: Каких еще прав в Китае стремились добиться США во время этих переговоров кроме равных с другими странами прав в торговле и охраны своих подданных от бомбежки японских бомбардировщиков в военное время.

Тут обвинитель неточен, и Того спешит этим воспользоваться:

— Требования Америки к Японии в отношении Китая были сформулированы в ноте Хэлла от 26 ноября (1941 год. — *Авт.*) следующим образом. Прежде всего равные возможности... справедливое отношение в вопросах торговли. Во-вторых, отвод японских войск из Китая. В-третьих, Япония не должна признавать никакого другого правительства, кроме чунцинского. Таковы пункты этой ноты (речь идет о тогдашнем правительстве Чан Кай-ши, сформированном в противовес созданному японцами марионеточному правительству Ван Цзин-вея. — *Авт.*).

Вопрос: Господин Того, вы не могли заставить ваше правительство согласиться даже на первый пункт, то есть на равные права и возможности в торговле и в других областях, как указано в договоре девяти держав, не так ли?

И тут Того начинает петлять.

— Что касается первого пункта, позиции Японии в вопросе о равных правах в области торговли, то необходимо дать некоторые пояснения, — говорит он. — Америка предъявляла такие требования не только в отношении Китая, но и в отношении другой части тихоокеанского района. Япония же надеялась, что эти принципы будут применяться не только в Китае и в районе Тихого океана, но и во всем мире.

Вопрос: Но все же Япония не хотела согласиться на предоставление Америке этих конкретных прав даже в Китае. Не так ли?

Ответ: Вот поэтому я и сказал, что мне нужно дать вам объяснения. В самом начале японо-американских переговоров Япония требовала признания ее особого поло-

жения в Китае. Япония требовала предоставить ей, соседней с Китаем стране, особые права.

Не правда ли, странная логика: почему факт соседства является аргументом для получения одним соседом каких-то привилегий на территории другого, особенно тогда, когда такими соседями являются не частные лица, а суверенные государства?

Однако Кинан, очевидно, не замечает несуразности таких рассуждений, и следует другой вопрос:

— Не кажется ли вам, господин Того, что Япония, заявляя о своем уважении территориальной независимости Китая, действовала вопреки этому утверждению?

Но Того уходит от ответа, как опытный боксер от меткого удара:

— Те действия, которые вы имеете в виду (вторжение в Китай японских армий, блокада его побережья флотом, бомбежки. — *Авт.*) были вызваны ненормальным развитием событий... Была ли акция Японии в этом отношении оправданной? Ответ на этот вопрос зависит от того, была ли война в Китае справедливой, оборонительной войной.

Вопрос: Короче говоря, насколько я понимаю вас, господин Того, вы не хотите признать, что политика Японии сначала в Маньчжурии и затем в Китае являлась фактически нарушением обязанностей, возложенных на нее договором девяти держав?

Ответ: Я стараюсь доказать, что есть основания сомневаться, является ли ваша аргументация целиком правильной, и я считаю, что некоторые требования Японии были оправданными...

Однако от конкретного перечисления этих требований Того решительно уклоняется.

Теперь на свидетельском месте главное действующее лицо решающих событий, которые привели к тихоокеанской войне, — Хидэки Тодзио: в те дни он занимал одновременно посты премьера, военного министра и министра внутренних дел. Кадровый военный, Тодзио прослужил в армии 39 лет и, как он не без гордости доложил суду, прошел путь от кадета до полного генерала. Хочется отметить одну деталь, характерную для этого человека, деталь, о которой поведал суду министр — хранитель печати. Когда был решен вопрос о премьерстве Тодзио,

он обратился к маркизу Кидо со скромной просьбой — доложить императору о необходимости присвоения новому премьеру звания полного генерала. Тодзио мотивировал свою просьбу тем, что это будет способствовать повышению его авторитета в военных кругах. Кидо, разумеется, пошел навстречу, и звание было присвоено. Тодзио, бредивший мировым господством держав «оси», был, несомненно, человеком волевым, обладал острым умом, но шоры авантюризма сильно ограничивали его способности и трезво оценивать обстановку, и предвидеть грядущие события. Хорошо зная свои грехи, он, как нам уже известно, предпочел в канун ареста собственной рукой подвести итог своей жизни, не утруждая этим господ судей. Однако американским медикам удалось спасти Тодзио, и он все же занял место на скамье подсудимых.

На суде он появлялся, как правило, в защитного цвета френче без знаков различия, а иногда — в пиджаке. Одежда его всегда была тщательно отутюжена, обувь — начищена до блеска. Короткая, под машинку, стрижка, небольшие усики и старомодные очки делали его похожим на скромного учителя гимназии, а не на кандидата в японские диктаторы. На лице Тодзио иногда проступало выражение сдерживаемой иронии.

Тодзио давал показания два дня. Допрашивали его несколько дней. Среди множества вопросов был и вопрос о причинах, позволивших Японии начисто забыть, что существует Вашингтонский договор девяти держав. Тодзио, как и Того, не в состоянии был уйти от фактов и заменил отсутствие убедительных аргументов афористическими сравнениями. Представление об этом может дать приведенный ниже диалог.

Кинан: Если после заключения договора девяти держав в 1922 году возникли крупные разногласия, то не было ли правильным созвать совещание представителей заинтересованных государств и пересмотреть условия договора в свете изменившейся обстановки?

Тодзио: Я дам ответ на этот вопрос. Для сравнения приведу такой пример. Десятилетнему ребенку была дана одежда, которая соответствовала его возрасту. Однако, когда ему исполнилось восемнадцать, одежда стала расползаться по швам. Так было и у нас. Япония пыталась предотвратить возникающие разногласия, но, поскольку ее рост продолжался, это оказалось невозможным.

Кинан: Однако была возможность накладывать заплаты и подгонять эту одежду. Разве вы не согласитесь с этим?

Тодзио: Это совершенно верно, но рост был слишком быстрым, и родители ребенка не успевали ставить заплаты.

Впрочем, «родители ребенка», выражаясь языком Тодзио, на деле этим и не занимались. Они в течение семнадцати лет энергично перекраивали ножницами агрессии Азиатский континент и район Тихого океана. Материала оказалось в избытке. Сшить, правда, ничего не удалось...

Нам же сейчас пора перенестись на несколько лет назад, и к тому же в столицу другого государства.

Январь 1941 года, Вашингтон. Сюда прибывает новый японский посол адмирал Номура. У него трудная задача — совместить несовместимое. Именно поэтому выбор в Токио пал на него. Номура давно и хорошо знаком с президентом США, у него многочисленные связи в американских военно-морских кругах, и, что не менее важно, он слывет либералом англо-американской ориентации. Новому послу предстоит нелегкий одиннадцатимесячный труд в столице Соединенных Штатов. Придет время, и он заколеблется: хватит ли сил, и не столько физических, сколько моральных, чтобы продолжать выполнять возложенную на него роль изощренного лжеца?..

Итак, переговоры начались. Пройдут годы, и материалы вашингтонских бесед, вскрывавших мотивы и намерения обеих сторон, окажутся на столе Международного военного трибунала. Правда, не все, кое-что останется в тени и прояснится через много лет после приговора. Что ж, нам повезло, мы сумеем теперь рассмотреть то, что оказалось недоступным для судей, или то, что большинство из них предпочли не заметить...

По предложению американцев переговоры были засекречены и именовались «исследовательскими переговорами». 16 апреля 1941 года государственный секретарь Корделл Хэлл вручил Номура американский проект, содержавший четыре основных принципа, которые должны были стать фундаментом будущего японо-американского соглашения. Они вошли в историю как «четыре принципа Хэлла» и пополнили почти пятитысячный список доказательств, которыми располагал Токийский трибунал. Вот они, «четыре принципа Хэлла»: уважение территориаль-

ной целостности и суверенитета всех государств; невмешательство во внутренние дела других стран; политика открытых дверей и равных торговых возможностей; изменение статус-кво на Тихом океане только мирными средствами.

Чем объяснить, что такое предложение было адресовано Японии, стране-агрессору, участнице «пакта трех», которая уже много лет вела необъявленную войну с Китаем, а в период переговоров продолжала энергично внедряться и во Французский Индокитай? Ведь фактически оно являлось приглашением присоединиться к таким прекрасным принципам международных отношений, практическое проявление которых в те годы было невозможно обнаружить. Тем более что приглашение это направлялось не кому иному, как японским милитаристам.

Поверхностному наблюдателю такая позиция могла показаться симптомом крайней наивности тогдашних обитателей Белого дома. Но во времена Рузвельта там не было места для простаков. Правильно ответить на этот вопрос невозможно, если не учитывать, что партнеры являлись непримиримыми империалистическими антагонистами на Тихом океане. При этом в те далекие годы японские монополии по сравнению с американскими были слабее по всем параметрам: по масштабам и разнообразию производства, по его технологии и, наконец, что чрезвычайно важно, по запасам жизненно необходимого сырья.

Соединенные Штаты, тогда самая мощная и богатая страна в мире, далеко опередившая все остальные, проявляли большой интерес к странам, находившимся в районе Тихого океана и Южных морей. Там раскинулись огромные колониальные и полуколониальные владения, такие, как Индия, Бирма, Индокитай, Голландская Ост-Индия и, наконец, истерзанный Японией Китай. Это огромное колониальное «хозяйство» в результате разгрома Германией Франции, Голландии и Бельгии уже частично лишилось владельцев. Защищать его было некому. Что касается Великобритании, напрягавшей все силы в борьбе с Гитлером, то ее реальная способность охранять Индию, Бирму и помогать Китаю была более чем проблематична. Поэтому для Вашингтона являлось чрезвычайно важным определить судьбу такого огромного «наследства». Уважение территориальной целостности всех государств этого региона, невмешательство в их внутренние

дела, сохранение здесь статус-кво при неуклонном соблюдении экономической политики «открытых дверей и равных возможностей» позволили бы мощным американским монополиям мирным путем заполнить образовавшийся здесь вакуум. Что же касается Токио, то он мог решить эти проблемы в интересах своих монополий только с помощью оружия. Вот почему предложенный Соединенными Штатами метод свободной коммерческой конкуренции в этом регионе был явно не по плечу тогдашним «дзайбацу». Так, по существу, в те годы в Белом доме зародилась политика неоколониализма. «Четыре принципа Хэлла» были ее отражением в конкретных условиях начала сороковых годов.

Разумеется, в силу причин, указанных выше, предложенные американскими империалистами «демократические» принципы решения тихоокеанских проблем оказались совершенно неприемлемыми для их японских партнеров по переговорам. В ответ Токио выдвинул демагогические лозунги, такие, как «Азия — для азиатов» и «Борьба за освобождение от белого колониализма». Это была чистейшая демагогия. Ведь на деле, как мы видели, Япония стремилась реализовать в Азии только свои, сугубо империалистические, колониальные интересы.

Одного только не предвидели опытные, дальновидные политики из Белого дома и уж тем более их токийские соперники: что борьба на Тихом океане в масштабах исторических действительно окажется борьбой за подлинную демократию, и произойдет это помимо их воли и желания. Они не предвидели, что огромное колониальное «наследство» в Азии, как, впрочем, и на других континентах, пройдет мимо рук любых империалистов и что его настоящим владельцем окажутся народы этих стран. Одни немного раньше, другие позже.

Теперь, после этого необходимого отступления, время вернуться к вашингтонским переговорам.

Итак, Трибунал знакомится с ответом Японии Вашингтону на «четыре принципа Хэлла». Смысл токийских предложений был ясным и зловещим: Америка должна воздействовать на правительство Чан Кай-ши, убедив его прекратить сопротивление Японии. Если Китай на это не пойдет, то США перестанут оказывать этой стране какую-либо помощь. Япония получает право держать в Китае войска для «защиты против коммунизма». Взамен да-

ется уверение, что Токио не намерен устанавливать в Китае свою экономическую монополию. А США были обязаны признать «независимость» Маньчжоу-го, не препятствовать «мирной японской экспансии» в юго-восточной части Тихого океана и восстановить в полном объеме торговлю между США и Японией, то есть снабжать агрессора стратегическим сырьем в полном ассортименте. Но на этом дело не кончалось: Америка обязывалась устранить все ограничения, связанные с японской иммиграцией в заокеанскую республику, и совместно с Японией гарантировать независимость Филиппинам при условии их нейтрализации, что означало, иначе говоря, ликвидацию там всех американских военных баз.

Вместе с тем токийское правительство не ограничилось предложениями, которые, по существу, означали бы потерю Соединенными Штатами своих основных позиций на Тихом океане. Требования шли дальше: Вашингтон должен был принять японское толкование «пакта трех», который якобы имел «оборонительный характер и был направлен против расширения войны в Европе». Чтобы не было сомнения, что кроется за этой формулировкой, через два дня после того, как Номура вручил свое заявление (14 мая 1941 года), Мацуока в беседе с американским послом Грю разъяснил, что «позиция США в отношении Германии является провокационной и если Соединенные Штаты будут конвоировать свои суда (речь идет о судах, которые перевозили оружие и материалы для помощи Англии. — *Авт.*) и в результате начнется война между США и Германией, то в соответствии со статьей третьей тройственного пакта неизбежна война между Японией и США».

Предъявляя запись этой беседы, обвинение сочло необходимым напомнить, что третья статья тройственного пакта предусматривает: «В случае если одна из трех Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в китайско-японском конфликте, то две другие державы поддержат ее всеми средствами, включая военные».

Принятие последнего условия либо лишало Соединенные Штаты суверенного права самостоятельно решать вопросы своей внешней политики, либо заранее ставило Вашингтон перед перспективой войны на два фронта — в Ев-

ропе и на Тихом океане. В частности, ближайшим последствием явилась бы невозможность для Соединенных Штатов конвоировать свои суда с грузами, предназначенными для оказания помощи Англии, без угрозы возникновения войны не только с Германией, но и с Японией.

Казалось бы, расхождение сторон было настолько обширным, а их позиции настолько диаметрально противоположными, что и говорить, собственно, не о чем. Однако переговоры длятся еще семь месяцев, и каждая из сторон видит в этом весьма существенный резон.

Вот обвинение предъявляет протокол беседы Хэлла с Номура 28 мая 1941 года. Государственный секретарь США стремится конкретизировать японскую формулу, касающуюся Китая, «совместная оборона против коммунизма». Номура дает ответ, который при переводе с дипломатического языка означает, что Токио сохраняет право держать свои войска в Китае в таких местах и таких количествах, которое оно само сочтет нужным.

После этого огонь переговоров на некоторое время затухает, чтобы вновь вспыхнуть 21 июня 1941 года. В этот день Хэлл представил американский проект «урегулирования отношений между обеими странами», который был первой решительной попыткой США предотвратить вступление Японии в войну на Тихом океане. По характеру и масштабу сделанных уступок этот проект по праву может быть отнесен к числу наиболее ярких проявлений политики «дальневосточного Мюнхена».

Документ на столе Трибунала. Во вступительной части Хэлл указывал, что обе стороны должны создать основу для длительного мира, взаимного доверия и сотрудничества. С этой целью прежде всего Вашингтону и Токио надлежит разработать общие условия, в рамках которых Япония предложит правительству Чан Кай-ши заключить мир. Тогда президент США будет готов «посоветовать» Китаю принять эти предложения и восстановить мир. Учитывая зависимость правительства Чан Кай-ши от американской военной и экономической помощи, такой совет был аналогичен приказу.

В проекте Хэлла имелись и такие пункты: «Совместная оборона против... коммунистической деятельности, включая нахождение японских войск на китайской территории, будет предметом дальнейших переговоров... Дружественные переговоры в отношении Маньчжоу-го».

Вопрос шел об особой форме экономического сотрудничества между Китаем и Японией.

Таким образом, в отношении Китая Вашингтон был готов на самые серьезные уступки японским требованиям. Американцы выражали готовность также на «заключение договора о нейтрализации Филиппинских островов после осуществления независимости Филиппин».

В комплекс предложений Хэлла было включено восстановление экономических отношений и торговли между США и Японией «до масштабов обычной или довоенной торговли». Предполагалось заключение нового торгового договора. Иначе говоря, США готовы были вновь открыть шлюзы для беспрепятственного потока стратегических материалов на Японские острова. При этом предусматривалось лишь одно ограничение: сохранить в районе Тихого океана статус-кво, не выдвигая новых территориальных требований.

Напомним, что эти важнейшие уступки были сделаны Японии накануне нападения Германии на Советский Союз. Что это? Простое совпадение? Вряд ли. В большой политике такого не бывает. Что же это тогда? Увесистый мюнхенский пряник дальневосточной выпечки, попытка канализировать японскую агрессию в другую сторону?

Взамен всех этих уступок США требовали от Японии одного: свободы рук для Вашингтона при решении европейских проблем. Для этого предлагался обмен идентичными нотами. Вот ее американский вариант за подписью государственного секретаря: «...Я буду рад получить от вас подтверждение правительства Японии, что в отношении мер, которые Соединенные Штаты могут быть вынуждены принять в целях защиты своей безопасности, правительство Японии не связано никаким обязательством, которое потребовало бы от Японии предпринять какую-либо акцию, противоречащую или нарушающую основные цели настоящего соглашения, направленного на установление и сохранение мира на Тихом океане».

Это была попытка обезвредить статью третью «пакта трех», срезав ее антиамериканское острие.

Но странно, это важное предложение американского правительства не вызвало особого интереса ни у судей, представлявших капиталистические страны и обладавших большинством голосов, ни у обвинения, ни у защиты. Впрочем, позиция адвокатов и подсудимых в этом отно-

шении была ясна: документ Хэлла подрывал их основной тезис: причина войны — абсолютная неуступчивость Вашингтона, его экономическая блокада, ставившая под угрозу само существование Японии как великой капиталистической державы.

Но, пока Америка уступала, Япония действовала, довольно прозрачно обнажая свои дальнейшие агрессивные намерения. Еще в сентябре 1940 года марионеточное правительство Петена под давлением нацистской Германии вынуждено было санкционировать фактическую оккупацию Японией северной части Французского Индокитая. После нападения Гитлера на СССР сдерживающая и стабилизирующая сила Советского Союза на Дальнем Востоке резко снизилась, и японские агрессоры немедленно учли этот новый фактор.

24 июля 1941 года в разгар американских миротворческих усилий японцы совершают очередную акцию — занимают своими войсками и Южный Индокитай, а 29 июля правительство Петена, подчиняясь Берлину, подписывает с Японией соглашение о «совместной обороне Индокитая». Результат — создан отличный плацдарм для движения дальше, в район Южных морей. В руках Токио оказывается первоклассная морская база в заливе Кэмран, в 750 милях от Сингапура, и аэродром всего в 250 милях от Малайи.

...Американский обвинитель Тавеннер допрашивает подсудимого Осима, бывшего японского посла в Берлине. Тавеннер предъявляет японский документ и телеграмму, адресованную Осима, в которой Токио настаивает, чтобы посол добился содействия Берлина и на правительство Виши было оказано соответствующее давление по вопросу о Южном Индокитае.

Вопрос: Немецкие представители в соответствии с этой телеграммой оказывали давление на правительство Виши во Франции?

Ответ: Я не помню этого.

Вопрос: Вы потом писали в Токио в отношении этого вопроса?

Ответ: Я не помню этого.

Вопрос: Вы одобряли организацию японских военно-морских и авиационных баз на юге Французского Индокитая в 1941 году?

Ответ: Моего мнения по этому вопросу никто никогда не спрашивал, и поскольку я ничего не знал о том, как обстояли дела на Востоке в то время, я даже никогда не думал об этом.

Вопрос: Разрешите мне напомнить вам об этом. Не сообщили ли вы 12 июля 1941 года Вейцзекеру (ответственный сотрудник германского МИДа. — *Авт.*), что оккупация некоторых районов Индокитая была необходима для Японии, которая собиралась использовать их в качестве военно-морских и авиационных баз?

Ответ: Очевидно, я передал ему инструкции, которые прибыли из Токио (Осима не мог ответить иначе. Он понимал, что в руках обвинения находятся соответствующие документы. — *Авт.*).

Вопрос: Значит, вы знали о предполагавшемся создании военно-морских и авиационных баз в Южном Индокитае в июле 1941 года?

Ответ: Я узнал о японских планах относительно Французского Индокитая только через инструкции.

Вопрос: Вы будете отвечать на мой вопрос?

Ответ: Я ничего не знал.

Вопрос: Вы, может быть, все-таки ответите на мой вопрос? Значит, вы все-таки знали 12 июля 1941 года о том, что Япония предполагала создание военно-морских и авиационных баз в Южном Индокитае, не так ли?

Ответ: Нет, я не знал. Я сказал, что я знал о существовании подобных мнений в Японии через инструкции, которые я получил.

Ответы Осима на три последних вопроса наглядно демонстрируют, насколько отличается дипломатический язык некоторых послов от языка общечеловеческого. Но перейдем к делу. Знало ли американское правительство заранее об этой новой агрессивной японской акции, ставящей под реальную угрозу колониальные владения Англии и Голландии в этом районе, а следовательно, в дальнейшем — и непосредственно американские владения на Тихом океане?

Да, знало. Доказательства? Телеграмма японского посла в Вашингтоне Номура от 21 июля 1941 года. Приведем ту часть телеграммы, которую почему-то обошли вниманием и Трибунал, и обвинение, и защита. Впрочем, что касается защиты, то ей был вовсе ни к чему новый пример безграничной уступчивости именно Америки:

«По вызову и. о. государственного секретаря Уэллеса Вакацуки (сотрудник японского посольства в США. — *Авт.*) посетил его сегодня. Уэллес заявил, что он тщательно изучает ситуацию во всем мире. Как он сказал, он просил Вакацуки явиться к нему, чтобы иметь возможность сообщить мнение государственного секретаря Хэлла и его собственное в связи с недавними событиями в мире и в аспекте неофициальных переговоров, имеющих место в течение последних месяцев между послом (Номура. — *Авт.*) и государственным секретарем Хэллом.

Далее Уэллес отметил, что согласно информации, полученной из различных источников в различных пунктах, имеются определенные указания на то, что Япония планирует предпринять в ближайшее время некоторые шаги, нарушающие мирный статус определенных районов.

Продолжая, он заявил, что, судя по поступающим указаниям, Япония собирается в ближайшие дни захватить южную часть Французского Индокитая...»

Может быть, Вакацуки энергично и возмущенно отверг такое заявление Уэллеса? Ничуть не бывало. Очевидно вдоволь надышавшись «мюнхенским воздухом» в Вашингтоне, японский эмиссар не стал на путь отрицания. Наоборот, он перешел к прямому и откровенному зондажу по несложной схеме: «А что, если да?»

«Вакацуки заявил, — говорилось в телеграмме, — что он передаст эту информацию послу. «Допустим, — сказал Вакацуки, — что Япония планирует такого рода акцию, о которой говорил заместитель государственного секретаря. Какое влияние она может оказать на японо-американские переговоры, имеющие место в настоящее время?»

А что же заместитель государственного секретаря? Он спокоен и бесстрастен. «Уэллес ответил, — читаем мы дальше, — что Соединенные Штаты Америки будут ожидать дальнейшего развития событий».

Наконец, в самый канун вторжения Японии в Южный Индокитай — 23 июля 1941 года — Номура телеграфно информировал Токио, что в этот день он посетил Уэллеса и во время беседы «заявил заместителю государственного секретаря, что новый японский кабинет (речь идет о только что сформированном третьем кабинете Коноэ.— *Авт.*) в такой же степени, как и предыдущий, стремится к успешному завершению японо-американских переговоров.

И всезнающий Уэллес сказал, что «в ближайшее время государственный секретарь Хэлл приступит к исполнению своих обязанностей и он, несомненно, будет приветствовать возможность обсудить со мной те или иные вопросы». Наступает следующий день, и японские войска — в Южном Индокитае. Уэллес публикует заявление, которое выражает тревогу США по поводу этой акции, создающей угрожающую ситуацию для Филиппин. Сделано это, как говорят, скромно и с достоинством. В тот же день Рузвельт беседовал с Номура. Президент предлагает... Впрочем, об этом чуть позже. Проходит два дня. Японское правительство молчит. И тогда, 26 июля 1941 года, Рузвельт наконец прибегает к экономической санкции, предусмотренной Уставом Лиги Наций. Хотя США и не входили в эту организацию, давно можно и должно было применить указанную санкцию. И президент накладывает секвестр на японские фонды в Америке.

То, о чем беседовали Рузвельт и Номура 24 июля 1941 года за плотно закрытыми дверями президентского кабинета в Белом доме, стало известно несколько лет спустя на процессе в Токио. В стенограмме зафиксирован и первый дипломатический ход Рузвельта на следующий день после его распоряжения о секвестре японских фондов.

...К пульту подходит адвокат Каннингэм. Он предъявляет экзибит защиты номер 2755, который является записью беседы между министром иностранных дел Тоёда и американским послом Грю, состоявшейся 27 июля 1941 года.

«**Посол Грю:** Я только что получил телеграмму от моего правительства. Я считаю ее очень важной и хочу сообщить об этом вам. Вот причина того, почему я хотел видеть вас сегодня. Я делаю это по своему собственному усмотрению, а не по указаниям правительства».

Грю говорил неправду: никогда посол по своей инициативе, без санкции Вашингтона, не предпринял бы такого серьезного демарша. Ведь затрагиваются коренные вопросы взаимоотношений двух стран, идет балансирование на грани мира и войны, и Америка настойчиво стремится придать событиям крен в сторону мира. Тогда какова же цель многоопытного Грю? Разумеется, он понимает, что ложь прозрачна. Однако формально, раз это его инициатива, то, если за ней последует отказ, за-

дет будет не престиж президента, а только престиж лично его, посла.

— Поэтому, — продолжает Грю, — я хотел бы, чтобы беседа была неофициальной и не стенографировалась.

Затем он прочел всю телеграмму, в которой приводилось содержание конфиденциальных бесед посла Номура и американского президента, состоявшихся по просьбе посла 24 июля 1941 года в Белом доме.

Вот ее текст:

«1. Как американский президент я продолжаю давать разрешение на экспорт нефти в Японию, несмотря на сильное давление со стороны американского общественного мнения, т. к. я совершенно искренне надеюсь, что отношения между Японией и Америкой не ухудшатся.

2. Сейчас больше чем когда-либо нацистская Германия угрожает покорить мир, и эта угроза распространится не только на запад, но и на Дальний Восток.

3. Что касается окружения Японии, то Америка не предпринимает никаких шагов против Японии, а просто пытается обеспечить приобретение промышленного сырья. И поэтому шаги, предпринятые Америкой, носят характер самообороны.

4. В случае если Япония пошлет свои войска в Голландскую Индию, Великобритания немедленно встанет на ее защиту. И, принимая во внимание соответствующие тесные взаимоотношения между Великобританией и Америкой, мы вынуждены будем начать войну против Японии.

5. Мое предложение в настоящий момент заключается в следующем: если Япония откажется от оккупации Французского Индокитая и оттянет свои войска обратно, если шаги и оккупация уже предприняты, то я как президент готов дать гарантию японскому правительству, что сделаю все, что в моей власти, чтобы добиться от китайского правительства, английского правительства, правительства Голландии и, конечно, правительства Соединенных Штатов твердого и торжественного обещания рассматривать Французский Индокитай как нейтральную территорию».

Конечно, такой вопрос Тоёда сам решить не мог, но уже по характеру его ответа и разъяснений ясно, что Токио вряд ли соблазнится новыми крупными уступками, брошенными агрессору.

О чем же говорили дальше посол Грю и Тоёда?

«**Министр иностранных дел:** Я хочу кое-что сказать о содержании телеграммы. Шаги японского правительства, предпринятые в деле продвижения японских войск во Французский Индокитай, никогда не были результатом давления со стороны нацистской Германии. Они полностью соответствовали намерениям самой Японии. Более того, наше государство не является таким, которое сделало бы что-нибудь под давлением нацистской Германии... Я боюсь, что у американского правительства есть какое-то серьезное предубеждение против нацистской Германии.

Посол Грю: Американское правительство на деле убедилось, что у нацистской Германии есть план покорения всего мира и ее лидеры осуществляют этот план.

Тоёда: Как я уже не раз заявлял во время двух прошлых встреч, шаги по продвижению наших войск во Французский Индокитай были предприняты исключительно с целью обороны и являлись мерами предосторожности с нашей стороны при наличии создавшегося окружения Японии. Предпринимая эти шаги, мы не имели никаких других намерений».

Что касается «окружения», то посол Грю ответил, что президент уже затронул этот вопрос в своей беседе с послом Номура.

Затем министр иностранных дел попросил Грю пересказать интересующую его часть телеграммы.

Посол Грю согласился, чтобы Тоёда кое-что взял на заметку, при условии, что министр будет держать текст в строгом секрете и будет пользоваться им только сам.

Посол Грю выразил надежду, что при таком положении, когда взаимоотношения между Японией и Америкой все ухудшаются и даже угрожают ухудшиться еще, министр иностранных дел рассмотрит предложение Америки и использует все свое искусство в управлении государством, чтобы остановить этот кризис.

Судя по этой записи, заключительный и пламенный призыв Грю к миру Тоёда встретил молчанием. Что же означает этот первый после наложения секвестра дипломатический шаг Рузвельта? Зачем излишняя спешка и подчеркнуто строгая секретность происходящего? Мы говорим — спешка, ибо посол Номура и сам обязан был подробно и телеграфно доложить своему правительству

об этой чрезвычайно важной беседе. Да, разумеется, должен. Но американский президент считал свой разговор с японским послом настолько важным, что счел необходимым поставить в известность об этом японское правительство не с помощью Номура, а через своего собственного посла. Цель? Ни единый акцент в этой беседе, ни одно слово Рузвельта не должны быть при передаче хотя бы невольно искажены или неточны. Слишком многое поставлено на карту, ибо, по твердому убеждению президента, еще не поздно изменить направление японской агрессии, отвести ее от владений США и Великобритании. А раз ставка так велика, то можно пренебречь престижем главы самой мощной тогда державы и проявить унизительную торопливость: не получив ответа из Токио на свои предложения, сделанные Номура, повторить их через три дня снова, но уже через своего посла в Японии. Ну а сугубая секретность — это естественное следствие явной неблаговидности названной выше акции.

И еще одна особенность рассматриваемого нами документа, характерная, как мы увидим, для всей политики Рузвельта: в отношении Японии в то время четко проводилась политика кнута и пряника. Это легко проследить в приведенной беседе Грю — Тоёда. «Пряник» — продолжающаяся, несмотря на протесты американской общественности, поставка нефти — президент твердо уверен в перспективности японо-американских отношений; «пряник» — гарантия президента, и не только его, но и правительств Англии, Голландии, Китая, Франции, что нейтралитет Индокитая будет надежно обеспечен, если только японские войска уйдут оттуда; «пряник» — категорическое отрицание каких-либо попыток США создать враждебное Японии окружение; «пряник», наконец, — не случайное полное молчание по поводу особенно острой для Японии китайской проблемы. Что же касается «кнута», то и его наличие нетрудно заметить. В беседе содержится деликатный, но твердый намек: если японское правительство пойдет дальше по пути агрессии и прихватит дополнительно еще и Голландскую Индию, то Лондон немедленно встанет на ее защиту, а Вашингтон, хочешь не хочешь, должен будет примкнуть к своему союзнику, и тогда война неизбежна.

Подводя итог беседе, Грю выразил надежду, что министр иностранных дел Японии рассмотрит предложения

Америки и использует все свое искусство в управлении государством, чтобы реализовать их.

Да, не совсем приятный для западных судей документ в руках адвоката Каннингэма, слишком явственно проступает в нем дух «дальневосточного Мюнхена». Но какое он имеет отношение к защите бывшего японского посла в Берлине генерала Осима, совершенно непонятно. Зато таким подсудимым, как Того, Тодзио, Кидо, Симада, и некоторым другим документ, предъявленный Каннингэмом, явно вредит, так как он опровергает сам фундамент их показаний, будто тихоокеанская война являлась для Японии войной самообороны, войной во имя национального спасения и она была просто спровоцирована агрессивностью Рузвельта и его администрации.

Какую же пользу в таком случае мог принести подобный документ самому Каннингэму? Дело в том, что этот крайне реакционный в своих взглядах адвокат был к тому же весьма склонен к саморекламе, и мы полагаем, что многие его действия на этом историческом процессе вызывались именно желанием широкого паблисити. В данном случае он как бы говорил: смотрите, господа, у адвоката Каннингэма ключ к любому, самому секретному хранилищу, ему доступен любой документ, извлеченный из сейфов. Человек весьма пробивной, Каннингэм ухитрился во время одного из перерывов судебного заседания осенью 1946 года слетать в Нюрнберг, добиться свидания с Риббентропом и получить у него аффидевит, в котором бывший нацистский министр иностранных дел, ничтоже сумняшеся, категорически отрицал наличие заговора Берлин — Токио, заговора, направленного на перекройку карты мира вооруженной рукой. И любопытная деталь: свое показание Риббентроп подписал за несколько часов до казни, что и удостоверил в сопроводительном письме генеральный секретарь Нюрнбергского Трибунала. Прощаясь с жизнью, Риббентроп продолжал лгать так, как будто по-прежнему сидел в кресле своего министерства на Вильгельмштрассе...

Благосклонно отнесся к реакционному адвокату и бывший начальник американских объединенных штабов генерал Д. Маршалл, к тому времени ставший государственным секретарем США. Он положительно ответил в своем аффидевите на все вопросы, поставленные ему Каннингэмом. Целью этих вопросов было доказать, что

между Германией и Японией якобы полностью отсутствовала координированная стратегия ведения войны. Этот пример показывает, к каким способам может прибегать буржуазная адвокатура, порой даже во вред своим клиентам, в целях чистой саморекламы. Однако в данном случае, может быть вопреки своей воле, Каннингэм оказал услугу прежде всего исторической правде.

Но вернемся к беседе Грю — Тоёда. Откуда же у Франклина Рузвельта эта уверенность, что агрессию Японии все еще можно предотвратить, что есть способ изменить ее направление? Ответ на этот вопрос мы найдем частично вне материалов Токийского процесса. Однако получить его все же необходимо, если мы хотим рассмотреть события тихоокеанской войны всесторонне, в свете исторической правды, сейчас, накануне тридцатилетия приговора Международного военного трибунала для Дальнего Востока.

Надо сказать, что работа американской разведки в годы второй мировой войны заслуживает высокой оценки. В конце июля 1940 года Гитлер созвал в Бергхофе совещание высшего командования германских вооруженных сил. Здесь он впервые изложил свои дальнейшие планы в отношении Советского Союза. «Надежда Англии, — утверждал фюрер, — Россия и Америка. Если Россия будет уничтожена, тогда будет устранена со сцены и Америка, ибо уничтожение России чрезвычайно усилит мощь Японии на Дальнем Востоке... Решение: учитывая эти соображения, Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 года. Чем раньше Россия будет разгромлена, тем лучше».

Меньше чем через месяц — в августе 1940 года — сведения об этом совещании лежали на столе Рузвельта в Белом доме. Добыл их С. Вуд — скромный торговый атташе в посольстве США в Берлине. Работая в Германии с 1934 года, этот талантливый разведчик сумел установить контакты с высокопоставленными нацистами. Спустя несколько месяцев после этой удачи, а точнее, в начале января 1941 года, Вуд раздобыл и переслал в Вашингтон полную копию директивы Гитлера № 21 от 18 декабря 1940 года, вошедшую в историю как план «Барбаросса». Рузвельт был, разумеется, ознакомлен с этим документом и приложенным к нему заключением государственного департамента и ФБР, в котором под-

тверждалось, что присланный Вудом материал аутентичен оригиналу.

После молниеносного разгрома некоторых западных держав весной и летом 1940 года американские военные советники Рузвельта оценивали германскую мощь преувеличенно высоко и явно недооценивали способность Советского Союза к сопротивлению. Поэтому заложенные в плане «Барбаросса» задачи — «победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию...», «отгородиться от азиатской России по общей линии Архангельск — Волга» — должны были произвести и, видимо, произвели на президента сильное впечатление, что предопределило его стратегию и тактику на многие месяцы вперед. Вместе с тем справедливость требует отметить, что президент хотя и учитывал возможность окончательного разгрома Советского Союза, однако считал, что это будет оплачено его противниками дорогой ценой, и не рассматривал такую возможность как единственный и бесспорный вариант. Это, в частности, проявилось, как мы увидим, в его позиции в вопросе о ленд-лизе. С другой стороны, бергхофское высказывание Гитлера, что «уничтожение России чрезвычайно усилит мощь Японии на Дальнем Востоке», в сочетании с конечной целью плана «Барбаросса» «отгородиться от азиатской России» могло породить впечатление, что между Германией и Токио есть какое-то секретное соглашение о разделе сфер влияния на территории СССР после его разгрома. Теперь мы знаем, что такого соглашения до начала нападения на СССР и после фактически не существовало, но Рузвельт, конечно, тогда этого не знал.

Итак, согласно плану «Барбаросса» все должно было начаться 15 мая 1941 года. Из президентского кабинета обстановка к этому времени могла выглядеть так: разгромленная Франция давно сброшена со счетов как великая держава; Великобритания уже третий год изнывает в тяжелейшей за всю ее историю борьбе; СССР атакуется с запада и востока Германией и Японией; возможно, по этому поводу даже есть соглашение между Берлином и Токио о разделе там сфер влияния.

Судя по всему, развернется борьба на огромных пространствах, и, чем дольше она затянется, тем лучше: все три противника успеют основательно истощиться. И тогда вне войны в мире останется только одна, но величайшая

из великих держав — Соединенные Штаты, которые и возьмут на себя роль суперарбитра на этой смятенной планете. В первую очередь, разумеется, надо помочь Великобритании, ведущей смертельную схватку, во вторую — СССР, причем в масштабах, прямо зависящих от его способности к сопротивлению: деньги на ветер бросать не следует. Так рождается лозунг Рузвельта «Америка — арсенал демократии». Но, как известно, арсеналы сами не сражаются. У них другая цель — снабдить воюющих всем необходимым. Стратегия Рузвельта к началу 1941 года становится предельно определенной: остаться над схваткой так долго, как только это позволит ход событий, и уж ни в коем случае не дать втянуть себя в войну одновременно на два фронта: и против Германии, и против Японии. Наконец, бесспорно, что Германия — враг номер один. Следовательно, надо создать наиболее благоприятные условия для тех, кто будет сражаться против вермахта...

В марте 1941 года Вашингтон предупреждает Советское правительство о готовящемся нападении Германии. Это делает Самнер Уэллес, заместитель государственного секретаря, в беседе с советским послом. По странному стечению обстоятельств, как явствует из некоторых американских источников, примерно в это же время Э. Гувер, являвшийся долгие годы бессменным шефом ФБР, передает германскому посольству в Вашингтоне дезинформацию весьма своеобразного характера: «Из очень надежных источников стало известно, что СССР намеревается пойти на новую военную агрессию, как только Германия будет связана крупными военными операциями» (подразумевалось, очевидно, операциями на Западе. — *Авт.*). Кто был подлинным инспиратором такой акции? Эту тайну, как и многие другие, недавно скончавшийся Гувер унес в могилу.

В конце февраля и в первых числах марта 1941 года в конгрессе разыгрывается сражение между сторонниками и противниками закона о ленд-лизе, предусматривающего право президента оказывать помощь странам, сражающимся против Гитлера. Собственно, спор вызвала не сама перспектива оказания помощи Великобритании, Греции или Китаю. Страсти разгорелись вокруг одной фразы в тексте этого закона, где говорилось, что ленд-лиз может быть распространен на «любую страну, оборо-

ну которой президент считает жизненно важной для обороны Соединенных Штатов». Значит, если разгорится война между нацистской Германией и Советским Союзом, такой страной может оказаться СССР?! Даже мысль об этом была невыносима для реакционной части конгресса. Как свидетельствует биограф и личный друг президента Шервуд, «некоторые из более робких друзей Рузвельта призывали его согласиться на компромиссное решение, которое бы исключало Советский Союз. Однако он был тверд в этом пункте (ведь президент, как мы убедились, знал то, чего не знали члены конгресса и что, возможно, так и не дошло до самого Шервуда. — *Авт.*), поскольку уже тогда представлялось если не вероятным, то возможным, что Россия подвергнется нападению Германии или Японии, а может быть, и обеих вместе...».

8 марта 1941 года закон о ленд-лизе был окончательно одобрен большинством в сенате. Сторонники Рузвельта победили под убедительным лозунгом: «Лучше тратить американские доллары, чем проливать кровь наших парней». Но и доллары на нужды Советского Союза, даже в форме кредита, тратить в первый период Великой Отечественной войны США не хотели: будет ли с кого получать, когда придет срок? Гарольд Икес в сентябре 1941 года описывал в своем секретном дневнике одно заседание кабинета министров: «Зашел разговор о золотых запасах, которые могут иметь русские... Мы, по-видимому, стремимся к тому, чтобы они передали нам все свое золото в погашение за поставки товаров, пока оно не будет исчерпано. С этого момента мы применим к России закон о ленд-лизе».

Такова закулисная сущность империалистической политики. Так практически до конца 1941 года в отношении СССР США действовали по принципу «над схваткой».

Однако нас сейчас детально интересует не общая картина стратегии и тактики Рузвельта во второй мировой войне, а только те ее детали, которые касались непосредственно Японии и проблемы предотвращения тихоокеанской войны. Понимание этого необходимо для уяснения всех причин, вызвавших тихоокеанскую войну, и для опровержения основного тезиса подсудимых, которых судил Трибунал, будто война на Тихом океане была спровоцирована Америкой и лично Рузвельтом и явилась для Токио войной во имя самообороны.

В начале 1941 года произошло событие, беспрецедентное в истории разведки того времени: американские специалисты по кодам сумели найти ключ к совершенно секретным шифрам, которыми пользовались японское министерство иностранных дел и его посольства в разных странах для взаимной телеграфной и радиопереписки, а также для телефонных разговоров. Это открытие дало в руки президента, государственного секретаря и верховного командования вооруженных сил — больше никто из членов американского правительства не был в это посвящен — замечательное оружие, позволившее не только познавать настоящее, по и предвидеть будущее в отношении действий Японии во всем мире, и в частности на Тихом океане. Эта система расшифровки получила название «мэджик», что означает магия, волшебство.

Так вот, сейчас как раз время вспомнить фразу из разговора Грю — Тоёда 27 июля 1941 года. Грю сказал тогда, что американский президент, продолжая давать разрешение на экспорт нефти в Японию, испытывает сильное давление со стороны общественного мнения. Грю мог бы тогда добавить, что подобное давление президент испытывает и со стороны некоторых своих министров. Гарольд Икес, прямой, горячий, откровенный, был не только министром внутренних дел, но и главой управления по распределению горючего для целей национальной обороны. Во второй половине июня 1941 года Икеса охватило возмущение: горючего не хватало для американских вооруженных сил, а в Японию, как он хорошо знал, непрерывным потоком шли танкеры с нефтью и бензином. Тогда Икес своей властью наложил эмбарго на вывоз этого горючего. Рузвельт немедленно отменил это распоряжение. Горячий Икес подал прошение об отставке: он больше не мог руководить ведомством по распредлению горючего. Президент отставку отклонил, поставив Икесу вопрос, будет ли он отстаивать свою точку зрения на эмбарго, если «введение его нарушит непрочное равновесие на чашах весов и побудит Японию выбирать между нападением на Россию и Голландскую Индию».

Слишком прямолинейному Икесу было трудно понять стратегическую доминанту президента: стоять «над схваткой» любой ценой и, елико возможно, долго, особенно на Тихом океане, который, по мнению Рузвельта, мог стать вторым фронтом. Сам президент такими сокровенными

мыслями с Икесом не делился и в личном письме ему ограничился расплывчатым объяснением: «Речь идет не об экономии горючего, а о внешней политике, которой занимается президент и под его руководством государственный секретарь. Соображения в этой области сейчас крайне деликатны и совершенно секретны. Они неизвестны и не могут быть полностью известны вам или кому-либо другому, за исключением двух указанных лиц. Они оба — президент и государственный секретарь — полностью согласны в отношении экспорта нефти и других стратегических материалов, зная, что в настоящих условиях, как они им известны, данная политика наиболее выгодна Соединенным Штатам».

Чувствуя, что министр его все-таки полностью не понял, ценя и уважая Икеса, Рузвельт 1 июля 1941 года, уже после гитлеровского нападения на СССР, пишет новое письмо: «Мне кажется, вам будет интересно знать, что на протяжении последней недели япошки дерутся между собой насмерть, пытаясь решить, на кого прыгнуть: на Россию, в сторону Южных морей (тем самым окончательно связав свою судьбу с Германией) или продолжать «сидеть на заборе» и более дружественно относиться к нам?

Никто не знает, какое решение будет принято в конечном счете, но, как вы понимаете, для контроля над Атлантикой нам крайне необходимо сохранить мир на Тихом океане. У меня просто не хватает флота, и каждый небольшой инцидент на Тихом океане означает сокращение числа кораблей в Атлантике».

К сожалению, личная переписка Рузвельта, откуда взяты эти высказывания, вышла в свет в Нью-Йорке только в 1950 году и была неизвестна Трибуналу. Впрочем, ни западным судьям, ни подсудимым, ни защите удовольствия она бы не доставила, правда, по разным, но совершенно очевидным причинам. Эта переписка с Икесом бесспорно подтверждает, что система «мэджик» успешно делала свое дело: Рузвельт 1 июля 1941 года, то есть накануне решающего совещания у императора Японии, был отлично осведомлен об ожесточенной борьбе между группой Мацуока и остальными членами правительства Японии по кардинальной проблеме: куда агрессии держать путь — на север или на юг? Рузвельт делал все, что в его силах, чтобы канализировать японских агрессоров на се-

вер, то бишь на Советский Союз, и ничем, не дай бог, не раздражать их на юге. Это была попытка убить сразу трех зайцев — ликвидировать, если это удастся, или коренным образом подорвать единственное тогда в мире социалистическое государство и так ослабить при этом Германию и Японию, чтобы потом иметь возможность и силу указать Берлину и Токио именно то место, которое, по мнению Вашингтона, они могли и имели право занять. Такая позиция базировалась на том, что Рузвельт не разделял мнения своих военных советников. Например, морской министр Нокс писал 24 июня 1941 года президенту: «Наиболее компетентные люди считают, что Гитлеру понадобится от шести недель до двух месяцев, чтобы расправиться с Россией». Военный министр Стимсон, который, как и Нокс, советовал президенту как можно скорей включиться в войну с Гитлером, предлагал: «...Действуя быстро, преодолеть первоначальные трудности, прежде чем Германия высвободит ноги из русской трясины».

Но главнокомандующим был Рузвельт, а он в этом отношении больше склонялся к позиции своего ближайшего советника Гопкинса, который, в конце июля 1941 года побывав в СССР, доложил президенту о громадных потенциальных возможностях Советского Союза. Значит, надо оставаться по-прежнему «над схваткой», помогая Великобритании и Советскому Союзу. И тогда Германия и Япония еще долго будут истекать кровью, барахтаясь в «необъятной восточной трясине». Что станет при этом с «русским медведем», оставалось неясным, во всяком случае, ничего хорошего и ему такое будущее сулить не могло.

Эта стратегическая доминанта — стоять «над схваткой» максимально возможное время, стоять в роли «арсенала демократии» — сулила, по мнению Рузвельта, огромный политический выигрыш не только вовне, но и внутри страны: небывалый рост военной промышленности и обслуживающих ее смежных отраслей, обогащая промышленников, в то же время обеспечивал всех работой и по сравнению с мирным временем хорошим заработком. А национальные интересы Соединенных Штатов всегда превалировали у Рузвельта. Свое кредо он однажды весьма откровенно и коротко изложил своему врачу Макентайеру: «Какова бы ни была идеология в данной стране, ее национальные интересы неизменны». Поэтому ли-

ния умиротворения Японии красной нитью проходит через всю дипломатическую деятельность Рузвельта в критические дни второй половины 1941 года.

30—31 июля Гопкинс в Москве беседует со Сталиным и Молотовым. Вот выдержка из его отчета президенту: «Молотов заявил... что, по его мнению, Япония воздержалась бы от агрессивного шага, если бы президент нашел какой-нибудь подходящий способ сделать Японии, как выразился Молотов, соответствующее «предостережение».

Хотя Молотов не сказал этого, из его заявления было совершенно ясно, что такое предостережение должно было включать заявление, что Соединенные Штаты придут на помощь Советскому Союзу в случае нападения на него... Из его слов у меня создалось впечатление, что это весьма тревожит его и что, по его мнению, японцы не поколеблются нанести удар, если момент будет благоприятным. Этим объясняется его большой интерес к позиции Соединенных Штатов в отношении Японии...»

Гопкинс, хорошо знавший позицию своего шефа и друга, реагировал на предложение Наркома иностранных дел СССР уклончиво: «Я указал ему, однако, что наша позиция в отношении Японии основана на благоразумии и что у нас нет желания вести себя вызывающе в наших отношениях с Японией.

Я сказал ему, что я передам президенту сообщение о его, Молотова, тревоге за Сибирь и о его желании, чтобы президент указал Японии, что он не потерпит дальнейших захватов».

Рузвельт прочел отчет Гопкинса и, разумеется, пальцем не шевельнул. Да что там Советский Союз! Даже ближайшему другу и союзнику — Великобритании было категорически отказано в аналогичной просьбе...

Утро 9 августа 1941 года. В заливе Пасеншия (Ньюфаундленд) встретились прибывший туда на крейсере «Огаста» Рузвельт и его советники и английская делегация во главе с Черчиллем, доставленная к месту Атлантической конференции на новейшем линкоре «Принс ов Уэлс». (Кто бы подумал тогда, что этот могучий, огромный корабль вскоре найдет свой конец в глубинах Тихого океана, пораженный японской торпедой!) В работе этой конференции нас в данный момент интересует только то, что относится непосредственно к Японии.

Итак, Черчилль предложил, чтобы Вашингтон и Лондон издали одинаковые параллельные ноты, ясно показывающие намерения Англии и Америки в случае дальнейшей агрессии Японии. Текст предложенной Черчиллем американской ноты был таков:

«1. Всякое дальнейшее продвижение Японии в юго-западной части Тихого океана создаст положение, при котором правительство Соединенных Штатов будет вынуждено принять контрмеры даже в том случае, если таковые могут привести к войне между Соединенными Штатами и Японией.

2. Если какая-нибудь третья держава станет объектом агрессии Японии в результате таких контрмер или своей поддержки их, президент будет просить разрешения конгресса оказать помощь такой державе».

В официальном отчете о конференции заместитель государственного секретаря Самнер Уэллес писал: «Черчилль старался внушить мне... что... если Соединенные Штаты не сделают такого ясного заявления, останется очень мало надежды помешать дальнейшей экспансии Японии на юг. В таком случае предотвращение войны между Великобританией и Японией представляется безнадежным... и английское правительство может оказаться почти в критическом положении».

Как же реагировал на это американский президент? «Черчилль видит события не так, как вы и я, — говорил Рузвельт в кругу своих ближайших советников. — Он удивительно закоснел. Он хочет, чтобы эта война закончилась, как другие — новым расширением империи. И он хочет, чтобы мы поддержали его. Сейчас он очень обеспокоен Востоком — Гонконгом, Малайей, Индией и Бирмой. Я был вынужден вновь и вновь отказывать в его настояниях припугнуть Японию, ибо я стараюсь сделать все, чтобы не дать японцам повода напасть на нас».

Стратегия «над схваткой» упорно продолжала владеть помыслами и практическими делами президента. Между тем американо-японские переговоры продолжались, и не все в Вашингтоне были уверены в правильности основного курса президента.

Вскоре после окончания Атлантической конференции вице-президент Генри Уоллес пророчески писал Рузвельту, имея в виду ход этих переговоров: «...Позиция умиротворения... несомненно, даст в конечном счете плохие ре-

зультаты в отношении не только Японии, но и положения в Европе... Я надеюсь, господин президент, что Вы будете абсолютно тверды в отношениях с Японией... всякое проявление слабости, уступчивости или умиротворения будет неверно истолковано Японией и «осью» и дорого обойдется нам».

Но Уоллес был в меньшинстве. Мнение военных специалистов тоже, как казалось, в общем подкрепляло линию президента в отношении Японии. 11 сентября 1941 года по требованию Рузвельта начальники объединенного комитета штабов генерал Маршалл и адмирал Старк представили обширный документ с общей оценкой военного положения в мире и задач американской стратегии. И здесь насточиво повторяется, правда, среди других, вариант нападения Японии на СССР. Знаменателен в этом отношении § 9, где утверждается: «Если Япония разгромит Китай и Россию и установит свой контроль над Сиамом, Малайей и Голландской Ост-Индией, она, возможно, попытается также установить мир, чтобы организовать восточноазиатскую сферу сопроцветания». В § 12 указывалось: «Сейчас еще нельзя предугадать результаты нападения Японии на Восточную Сибирь». В специальном разделе доклада «Японская стратегия» (в § 18) значилось: «Завоевание Восточной Сибири с помощью операций на суше и в воздухе, прикрываемых действием объединенного флота, оперирующего к востоку от Японии». И наконец, в § 22 Маршалл и Старк подытоживают: «Отсюда следует, что основной стратегический метод, который следует применять Соединенным Штатам в ближайшем будущем, должен заключаться в том, чтобы материально поддержать нынешние военные операции против Германии и усилить их путем активного участия Соединенных Штатов в войне, но в то же время держать Японию в узде в отношении дальнейшего развития событий».

А вот как «держать Японию в узде», решал президент, и решал, как мы видели, на мюнхенской основе.

Даже приход 18 октября 1941 года к власти экстремистского кабинета Тодзио не вызвал тревоги у военного атташе США в Токио И. Т. Кресуэлла, что видно из его донесения: «...Отставка прежнего кабинета не рассматривается как свидетельство каких-то коренных изменений в политике Японии... считают, что он (Тодзио. — *Авт.*)

обладает широким кругозором. И по-видимому, это предотвратит возможность того, что он прибегнет к крайним радикальным мерам».

Что же касается Рузвельта, то он расценил приход Тодзио к власти как подтверждение своей позиции о нападении Японии именно на север. Основанием к такому выводу служила репутация Тодзио, известного как давнего сторонника агрессии против Советского Союза.

И вот в дни формирования кабинета Тодзио Рузвельт 15 октября 1941 года пишет Черчиллю: «Я думаю, что они направляются на север. В связи с этим вам и мне обеспечена двухмесячная передышка на Дальнем Востоке».

В эти дни нового наступления немцев на Москву президент США крайне низко оценивает способность СССР сражаться на два фронта. В ноябре, в момент, как казалось, апогея успеха нацистов под Москвой, командование американских вооруженных сил представляет президенту свои рекомендации: «Нападение Японии на Россию не оправдывает вмешательства Соединенных Штатов против Японии... Не предъявлять никаких ультиматумов Японии».

Уже истекали последние дни перед нападением на Пёрл-Харбор, а политика «дальневосточного Мюнхена» все еще продолжала процветать. Через шесть недель после Пёрл-Харбора, когда объединенная комиссия конгресса дала свое заключение о причинах этой катастрофы, Гопкинс записывает свою беседу с Рузвельтом. Президент сказал ему: «Хотя в общем переговоры, которые вел Хэлл, свидетельствовали о том, что мы хотим защищать наши права на Дальнем Востоке, они совершенно исключали те решительные действия, которые мы предпримем, если Япония нападет, например, на Сингапур или Голландскую Индию. Я считаю слабым местом нашей политики то, что в этом вопросе мы не смогли быть конкретными».

Ценное признание! Но чем же вызвано было «совершенное исключение решительных действий» со стороны США? Запись Гопкинса дает ответ и на этот вопрос: «Я вспоминаю, что за последний год неоднократно беседовал с президентом, и эти беседы всегда волновали его, потому что он действительно считал, что тактика японцев будет заключаться в том, чтобы избегать конфликта с нами, что они не нападут ни на Филиппины, ни на Гавайи,

а двинутся на Таиланд, Французский Индокитай, проникнут дальше в глубь Китая... Он думал также, что японцы в благоприятный момент нападут на Россию». Что же касается позиции Хэлла, то Гопкинс в тот же день записал: «Можно не сомневаться, что ещё за десять дней до возникновения войны он надеялся на возможность какого-то урегулирования».

Какое достоверное свидетельство, что Рузвельтом и Хэллом навязчиво владела политика «дальневосточного Мюнхена», достоверное потому, что Гопкинс был не только ближайшим советником, но и большим другом президента. Вместе с тем какое неопровержимое доказательство того, что у США в тот период не было никаких намерений атаковать Японию. И безнадежные для США переговоры продолжаются.

В руках обвинения новые японские предложения от 6 августа 1941 года.

6 августа Номура вручил Хэллу два документа: меморандум и новый проект предложений. В меморандуме утверждается, что действия Японии в Индокитае имеют «исключительно мирный характер» и что их цель «сохранение мира на Тихом океане». При этом Номура заявил Хэллу, что он имеет инструкции своего правительства «вступить в переговоры в строго конфиденциальном порядке» и что он вручает ответ японского правительства на предложение президента Соединенных Штатов Америки, сделанное 24 июля 1941 года.

Новый японский проект перечислял обязательства, которые должны взаимно принять Япония и Соединенные Штаты. Обязательства Японии были настолько же скромными, насколько и неопределенными. Токио соглашался отказаться от содержания вооруженных сил в юго-западной части Тихого океана, исключая Французский Индокитай — японские войска будут выведены оттуда «по урегулировании китайского инцидента». Нейтралитет Филиппинских островов должен был гарантироваться в соответствующий благоприятный момент. Наконец, Япония обещала «сотрудничать» с Соединенными Штатами в приобретении и эксплуатации естественных ресурсов в Восточной Азии.

Зато обязательства Соединенных Штатов Америки в японском проекте были широкими и вполне конкретными: отмена мероприятий военного характера в юго-западной

части Тихого океана, что означало запрет каких-либо действий по предотвращению агрессии; сотрудничество с Японией в приобретении необходимых Токио естественных, то есть стратегических, ресурсов в юго-западной части Тихого океана, в особенности в Голландской Индии, и, разумеется, восстановление нормальных торговых и экономических отношений США с Японией, что позволило бы Токио резко усилить свой военный потенциал.

Наконец, Вашингтон должен был взять на себя посредничество в организации прямых переговоров между Японией и Китаем, одновременно признав специальный статус Японии во Французском Индокитае. Это означало в первую очередь прекращение оказания помощи чунцинскому правительству и содействие практическому превращению Китая в колонию японского милитаризма. На сей раз Токио вообще обошел молчанием вопрос о пребывании в Китае японских войск. Таким образом, Токио как бы призывал Вашингтон закрыть глаза на его незаконные действия.

Через два дня — 8 августа — Хэлл вручил Номура американский ответ, где японские предложения признавались Вашингтоном неудовлетворительными. Американские предложения вновь подтверждали принцип нейтрализации Индокитая и на этот раз и Таиланда. Вашингтон отклонил японские требования, обеспечивавшие Токио одностороннее преимущество в военном, политическом и экономическом отношениях, особенно в Китае.

Во время этой беседы Номура впервые высказал пожелание японского правительства организовать личную встречу Рузвельта с Коноэ для урегулирования создавшегося положения. Для краткости скажем только, что после некоторого колебания президент отклонил это предложение: 3 сентября 1941 года Рузвельт указал, что сперва надо иметь хотя бы приблизительно общую точку зрения по наиболее общим проблемам, иначе такая встреча не может быть эффективной. В качестве такой общей платформы для переговоров Рузвельт предлагал известные нам «четыре принципа Хэлла».

Уже после Пёрл-Харбора, давая показания в объединенной комиссии конгресса, Хэлл не отрицал, что и в этот период, и позже он как государственный секретарь «не жалел усилий, чтобы всегда держать дверь открытой для продолжения переговоров».

Между тем система «мэджик» действовала безотказно, своевременно сигнализируя Вашингтону о подлинных намерениях японских партнеров по переговорам. Эти расшифрованные японские совершенно секретные документы обвинение передало в распоряжение Трибунала, и они служили неопровержимым доказательством того, что подсудимые под прикрытием японо-американских переговоров готовили преднамеренную агрессию против США, чтобы вероломно и внезапно нанести тяжелый удар. В данном случае эта «палка» обвинения имела два конца: одним наносила ощутимый удар по попыткам подсудимых уйти от ответственности за развязывание агрессивной войны на Тихом океане, другим — безошибочно указывала на беспрецедентную недальновидность «дальневосточных мюнхенцев».

19 июля 1941 года американская разведка расшифровала японскую дипломатическую телеграмму из Кантона в Токио. В ней говорилось о скорой и полной оккупации всего Индокитая как шага к захвату Голландской Индии, Малайи и Сингапура. В телеграмме подробно указывались военные и морские силы, необходимые для проведения этих акций, и места их базирования на 19 июля. Телеграмма заканчивалась недвусмысленно: «Мы уничтожим английскую и американскую военную мощь и способность содействовать планам, направленным против нас».

В тот же день из Токио в Берлин летит шифровка послу Осима: «Внешняя политика Японии не будет изменена и останется верной принципам тройственного пакта». Она ясно дает понять Вашингтону, что Япония намерена воевать с США, если последние осмелятся помочь Англии в борьбе против Гитлера.

26 августа 1941 года американская разведка передает Белому дому расшифрованное донесение военной разведки японского генерального штаба. Там указывается, что Тодзио, тогда военный министр, издал приказ завершить в ноябре 1941 года подготовку к войне на Тихом океане. Приводилось мнение и бывшего премьера Хирота, председателя ультрареакционного союза «Черный дракон», считавшего, что война с США начнется в декабре 1941 года или в феврале 1942 года.

Но Хэлл «продолжал держать дверь для переговоров открытой»: так велико было стремление «дальневосточных

мюнхенцев» принять желаемое за действительное! А поскольку руль руководства был в их руках, вооруженные силы США по-настоящему не готовились к ответному удару.

Дальнейшие события, как зафиксировано в приговоре Трибунала, развивались так: «6 сентября 1941 года было созвано совещание в присутствии императора, на котором присутствовали Тодзио, Судзуки, Муто, Ока и другие. Совещание решило, что Япония должна продвигаться на юг и что следует сделать попытку добиться удовлетворения требований Японии через переговоры с Соединенными Штатами и Великобританией, но если эти требования не будут удовлетворены к началу октября, то будет принято решение о начале военных действий».

Что же это были за требования, скромно названные японской стороной «программой-минимум»? Обвинение кладет их на судейский стол как доказательство политики «миролюбия». Это настолько существенный документ, он так ярко показывает ненасытный аппетит токийских правителей, что мы почти полностью приводим его:

«Раздел I. Минимальные требования Японии, которые должны быть удовлетворены в ее переговорах с Соединенными Штатами (Англией).

1. Вопросы, связанные с китайским инцидентом:

а) Соединенные Штаты и Англия не будут вмешиваться в урегулирование китайского инцидента и не будут прерывать его;

б) они не будут препятствовать попыткам Японии урегулировать инцидент в соответствии с китайско-японским основным договором и трехсторонней совместной декларацией Японии, Маньчжоу-го и Китая (то есть марионеточного правительства Ван Цзин-вэя. — *Авт.*);

в) путь через Бирму (по этой дороге шла англо-американская помощь Китаю. — *Авт.*) будет закрыт. Соединенные Штаты и Англия не будут оказывать правительству Чан Кай-ши ни военной, ни экономической поддержки».

Короче говоря, США и Англия должны беспрекословно отойти в сторону и бесстрастно смотреть, как Китай полностью превращается в японскую колонию.

Далее, на основании § 2 пункта «а» США должны были признать и Индокитай японской добычей в соответствии с «соглашением» марионеточного режима Петена и

токийского правительства. Что же касается пунктов «в» и «г», то их соблюдение обрекало Англию и США на военное бездействие перед лицом все возрастающей японской угрозы.

«2. Вопросы, связанные с безопасностью национальной обороны Японии:

а) Соединенные Штаты и Англия не будут предпринимать на Дальнем Востоке действий, создающих угрозу для национальной обороны Японии;

б) они признают особые отношения, существующие между Японией и Францией на основе японо-французского соглашения;

в) они не будут создавать ничего, что может представлять военный интерес, в Таиланде, Индонезии, Китае и на дальневосточной советской территории;

г) они не будут усиливать свое вооружение на Дальнем Востоке, существующее в настоящее время».

В § 3 при условии принятия токийских требований Англии и США милостиво разрешалось и дальше делать все, чтобы поток стратегических материалов в Японию лился широко и не иссякал.

«3. Вопросы, связанные с получением материалов, необходимых для Японии:

а) Соединенные Штаты и Англия будут сотрудничать с Японией в снабжении ее необходимыми ресурсами;

б) они восстановят торговые отношения с Японией и будут снабжать Японию материалами, необходимыми для ее существования, со своих территорий в юго-западной части Тихого океана;

в) они будут с готовностью принимать участие в экономическом сотрудничестве Японии, Таиланда и Индокитая».

Взамен таких «небольших» уступок со стороны англосаксов Япония давала в очередной раз «слово» новых актов агрессии не совершать.

«Раздел II. Пределы, в рамках которых Япония может заключить соглашение.

Если Соединенные Штаты и Англия согласятся с нашими требованиями, выдвинутыми в разделе I, то:

1) Япония, используя Индокитай в качестве базы, не будет осуществлять военного продвижения в какой-либо соседний район, за исключением Китая;

2) Япония готова отвести свои войска из Индокитая,

после того как на Дальнем Востоке будет установлен справедливый мир;

3) Япония готова гарантировать нейтралитет Филиппин» (иначе говоря, ликвидацию там американских военных баз. — *Авт.*).

Наконец, на том же совещании 6 сентября 1941 года была принята резолюция, в которой, в частности, указывалось: «Мы особенно будем стараться не допустить образования единого русско-американского фронта против Японии». Отдадим дань справедливости: в Токио знали, чего надо бояться. Да, когда этот документ оглашался обвинением, он доставил мало удовольствия и подсудимым и защите: ведь агрессор прямо предлагал США и Англии капитулировать без войны.

Казалось бы, Вашингтону на этом следовало поставить точку, прервав переговоры. Но они продолжались. 2 октября 1941 года Хэлл передал Номура ответ США. В нем вновь предлагались в качестве фундамента переговоров «четыре принципа Хэлла», вновь затрагивался вопрос о позиции Японии в соответствии с «пактом трех», если США будут вынуждены вступить в войну с Германией. Номура, разумеется, отклонил американские предложения, и пропасть между империалистическими антагонистами на Тихом океане все расширялась. Тем временем в Японии пал третий кабинет Коноэ. К власти 18 октября 1941 года пришел воинственный Тодзио, его министром иностранных дел был назначен Того.

Тут даже японскому послу в Вашингтоне Номура стало не по себе. 23 октября 1941 года он шлет телеграмму Того. Трибунал счел ее столь важной, что полностью процитировал в приговоре. И действительно, это было яркое доказательство того, что дальнейшие переговоры велись Японией только для создания прикрытия, благодаря которому будет удобно нанести внезапный агрессивный удар. В этой телеграмме, отправленной через пять дней после прихода к власти кабинета Тодзио и своевременно расшифрованной американской разведкой, говорилось:

«Я убежден, что тоже должен был уйти в отставку вместе с предыдущим кабинетом. Я знаю, что государственному секретарю известно, насколько я был искренен. Однако он хорошо понимал, что мое влияние в Токио ничтожно. Я думаю, что вы, в министерстве иностранных дел, не возражали бы против моего ухода, так как теперь

я уже бессилен. Для меня очень тяжело продолжать это лживое существование, обманывая самого себя и других».

Возможно, циник Того пожал плечами, получив это послание: неужели опытный дипломат адмирал Номура забыл старый афоризм, бытовавший в буржуазных министерствах иностранных дел: «Посол — честный человек, которого посылают за границу лгать и обманывать в интересах своей страны». Во всяком случае, в ответной телеграмме от 2 ноября 1941 года Того обошел молчанием просьбу Номура. Однако сама по себе телеграмма была красноречива, так как в ней прозрачно намекалось на истинные цели Токио:

«Мы тщательно рассмотрели и обсудили основы политики по улучшению взаимоотношений между Японией и Америкой. Мы ожидаем, что утром 5 ноября на совещании в присутствии императора достигнем окончательного решения и сообщим его вам немедленно. Это будет последней попыткой нашего правительства улучшить дипломатические отношения. Если мы возобновим переговоры, то сложившееся положение делает необходимым вынести решение немедленно. Это сообщается только для вашего сведения».

Система «мэджик» расширила круг адресатов, в их числе оказались Рузвельт и Хэлл. И вот шесть лет спустя Кинан допрашивает подсудимого Того по поводу этой телеграфной переписки. Обвинитель цитирует телеграмму Номура и спрашивает Того, получал ли он такую телеграмму. Того, зная, что оригинал телеграммы находится в руках обвинения, вынужден признать:

— Я припоминаю, что в телеграмме от адмирала Номура содержалась просьба предоставить ему разрешение вернуться в Японию и доложить об обстановке...

Вопрос: В частности, я имею в виду следующую фразу: «Для меня очень тяжело продолжать это лживое существование, обманывая самого себя и других». Вы помните эти слова?

Ответ: Я помню, в телеграмме говорилось об этом.

Вопрос: Она, безусловно, должна была привлечь ваше внимание, не так ли? Или же было обычным для министерства иностранных дел получать подобные телеграммы от своих послов во всех странах мира?

Ответ: Я не знаю, что привело Номура в заблуждение.

Вопрос: Одну минутку. Почему вы говорите, что Номура заблуждался, когда он сказал, что его поведение было лицемерным, что он обманывал других? На каком основании вы заявляете, что он заблуждался?..

И тут Того, не зная, что сказать, пытается убедить Трибунал, что кабинет Тодзио, который коварно и внезапно развязал агрессию на Тихом океане, стремился к миру. И это говорится тогда, когда Того уже прослушал доказательства, предъявленные обвинением, доказательства, бесспорно устанавливавшие прямо противоположное.

Ответ: Я истолковал эту телеграмму Номура следующим образом. Он считал, что кабинет Тодзио был военным кабинетом, как вы однажды выразились, и поэтому заявил, что не хочет обманывать других... не хочет продолжать обманывать других и самого себя. Однако, помоему, кабинет не ставил своей целью ведение войны, а, наоборот, предотвращение ее, и поэтому естественным было мое предположение о том, что Номура сильно заблуждался...

Кинан правильно оставляет без внимания это явно абсурдное объяснение Того и продолжает:

— Когда он говорил об обмане других людей или о лицемерии с другими, это относилось к японцам или к представителям Соединенных Штатов?

Ответ: Судя по японскому тексту, правильно толковать так: Номура не хотел продолжать обманывать ни себя, ни других.

Вопрос: Не хотите ли вы этим сказать, что Номура намеревался обманывать министерство иностранных дел или что, по крайней мере, он лицемерил перед своим императором, премьер-министром и министром иностранных дел? Вы ведь не имеете в виду это, не так ли?

Ответ: Конечно, трудно представить себе, чтобы японец мог обманывать императора, поэтому я думаю, что у него не было даже подобной мысли...

Но тут для любого объективного исследователя этих событий возникает вопрос: что думали Рузвельт и Хэлл, когда американская разведка доставляла им расшифрованные телеграммы Номура в адрес Того и ответы последнего японскому послу? Тем более что дальнейшая переписка между Номура и Того, тоже расшифрованная американцами, не давала никаких оснований для успокоения...

Наступило 5 ноября 1941 года, и в Токио состоялось очередное совещание в присутствии императора. Обвинение представило доказательства, позволившие Трибуналу полностью восстановить картину того, что происходило на этом совещании. Подсудимые вынуждены были признать правильность этих доказательств, и в приговоре Трибунал констатировал:

«5 ноября 1941 года состоялось совещание в присутствии императора. На нем присутствовали: Тодзио, Того, Симада, Кайя, Судзуки, Муто, Ока и Хосино. Было вынесено решение о политическом курсе в отношении Соединенных Штатов, Великобритании и Нидерландов. Было решено возобновить японо-американские переговоры и представить правительству Соединенных Штатов два альтернативных предложения «А» и «Б». Эти предложения за день до того были пересланы Номура. Было также решено, что, если до 25 ноября Соединенные Штаты не примут ни одно из предложений, японское правительство сообщит правительствам Германии и Италии о своем намерении начать войну против Соединенных Штатов и Великобритании и призовет их принять участие в этой войне и не заключать сепаратного мира.

В то время как договоренность о подписании соглашения должна была быть достигнута к 25 ноября, Номура получил инструкции не создавать впечатления того, что японцы установили срок достижения соглашения и что предложение было по существу ультиматумом».

Но, может быть, все это не было известно Вашингтону в то время, когда эти события разворачивались, может быть, потребовалось два с половиной года судебного следствия, чтобы восстановить истину? Увы, к такому выводу прийти нельзя.

7 ноября Номура явился к Хэллу, чтобы представить ему последние предложения Японии. Они именовались планами «А» и «Б». План «Б» являлся запасным вариантом — на случай отклонения Вашингтоном основного плана «А» — и предусматривал «максимальные» уступки Японии в пользу США.

Во время этого свидания Номура сообщил Хэллу, что японское правительство направило в Вашингтон для помощи в переговорах Курусу и что он вылетел из Токио 5 ноября, направляясь в Вашингтон. Номура просил Хэлла устроить Курусу встречу с президентом. А в это время

Хэлл уже хорошо знал текст телеграммы, полученной Номура из Токио 5 ноября 1941 года, из которой явствовало, что пресловутые планы «А» и «Б», по существу, являются ультиматумом и их отклонение вызовет «хаос в японо-американских отношениях», или, короче, войну.

Телеграмма гласила: «В связи с различными обстоятельствами абсолютно необходимо, чтобы вся подготовка к подписанию этого соглашения была закончена к 25 числу сего месяца. Я понимаю, что это трудный приказ, но при данных обстоятельствах это неизбежно.

Поймите это как следует и действуйте так, чтобы японо-американские отношения не оказались в состоянии хаоса. Эта информация только строго для вас лично».

Когда американские обвинители представили на процессе эти и другие аналогичные телеграммы, они правильно считали и доказывали, что это полностью подтверждает намерения японского правительства коварно и внезапно, под прикрытием дымовой завесы дипломатических переговоров, напасть на Пёрл-Харбор и другие владения Америки, Англии и Голландии. Но понимали ли они, что это ведь одновременно и убедительное доказательство того, до какой степени вашингтонские руководители были в плену схемы «дальневосточного Мюнхена», продолжая такие переговоры в надежде умиротворить агрессора и не принимая решительных мер для подготовки к отражению японского нападения?

Ведь в объединенной комиссии конгресса Хэлл, давая показания, не отрицал, что «был в курсе содержания всех перехваченных телеграмм». Когда же эти пресловутые японские планы «А» и «Б» перекочевали на стол судей, то оказалось, что в них нет почти ничего нового по сравнению с уже известными нам сентябрьскими «минимальными требованиями и максимальными обязанностями Японии».

По-прежнему Токио под флагом «предотвращения распространения европейской войны на Тихий океан» подтверждал намерение непреложно выполнять свои обязательства по «пакту трех». Придет время — и Хэлл покажет на заседании объединенной комиссии конгресса (как указывалось, ее материалы обвинение тоже передало Трибуналу), что в связи с переговорами, в частности по планам «А» и «Б», американцы «также просили японцев отказаться от их союза с Германией и Италией», так как

он был направлен против США. Но японцы цеплялись за этот союз, как цепляются за свою собственную жизнь.

На свидетельском месте генерал-майор Хидэо Ивакуро, ответственный сотрудник бюро военных дел, которым в прошлом ведал Муто. Допрашивает Ивакуро обвинитель Лопец:

— Генерал, бюро военных дел направило вас в штат адмирала Номура в Вашингтоне, чтобы вы проводили линию армии на важнейших переговорах, которые велись в то время?

Ответ: Да...

Вопрос: Вернемся к вашим высказываниям, сделанным правительству Соединенных Штатов. Не было ли у вас беседы с государственным секретарем Хэллом... господином Гамильтоном и господином Баллантайном (двое последних — ответственные сотрудники госдепартамента.— *Авт.*) 4 июня 1941 года?

Ответ: Я не помню, было ли это 4 июня, но такая беседа имела место.

Вопрос: И она состоялась в три часа дня в отеле «Уордманпарк»?

Ответ: Возможно, что это так.

Вопрос: Правда ли, что на этом заседании речь шла о соглашении между США и Японией? Заявляли ли вы, что цель этого соглашения — заставить Японию отказаться от «пакта трех»? Меня интересует и высказанная вами мысль о том, что если США придется вступить в войну и обстоятельства потребуют от Японии соответствующих действий, то она будет готова выполнить эти обязательства, даже если придется поднять оружие против Соединенных Штатов. Верно ли это?

Ответ: Да, возможно, что я дал такое объяснение...

Но вернемся к планам «А» и «Б». По-прежнему от США требовали полного невмешательства в «китайский инцидент». Японцы сохраняли за собой право «держать там войска даже после заключения мира», до истечения «соответствующего периода». В результате настойчивых требований американцев конкретизировать границы этого периода Номура получил директиву «разъяснить», что этот период равен двадцати пяти годам. США должны были немедленно полностью возобновить снабжение всем необходимым японской промышленности и армии. США должны были признавать «особое положение» Японии в

Индокитае. При наличии всех этих условий Япония милостиво соглашалась не производить новых захватов. Цена таким обещаниям держав «оси» была хорошо известна всему миру. Япония также согласна была вывести свои войска из Южного Индокитая после подписания США соглашения на основе плана «Б». Однако она полностью сохраняла свои войска на севере этой страны (тогда это была номинально французская колония. — *Авт.*), что обеспечивало японцам возможность в любой момент вернуться и на юг.

Таким образом, принятие плана «А» или «Б», как и прежних вариантов японских предложений, означало бы дипломатическую капитуляцию Вашингтона. Но допустим гипотетическое предположение, что Соединенные Штаты приняли такое решение. Что ожидало бы Америку в таком случае?

Идет допрос свидетеля Ямамото, заместителя Того и начальника американского бюро японского МИДа в решающие дни 1941 года. Допрос ведет обвинитель Лопец. Он просит показать свидетелю документ обвинения 3167:

Вопрос: На нем есть следующая пометка, сделанная карандашом: «18 ноября 1941 года. От Муто, начальника бюро военных дел»; затем идет подпись: «Ямамото». Это ваш почерк, не так ли?

Ответ: Эта запись карандашом сделана моей рукой.

Вопрос: Помечая «От Муто, начальника бюро военных дел», вы имели в виду Акира Муто, находящегося на скамье подсудимых?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы сделали эту надпись в то время, когда получили от него этот документ, ставший документом обвинения 3167, то есть 18 ноября 1941 года?

Ответ: Да, это так, как вы говорите.

Вопрос: А красная печать, которая стоит на первой обложке этого документа, является секретной государственной печатью, не так ли?

Ответ: Да.

Вопрос: Она является самой важной и совершенно секретной печатью японского правительства?

Ответ: Да, это так, как вы говорите...

Обвинитель Лопец, обратившись предварительно к председателю Трибунала, зачитывает весь текст упомянутого документа:

— «Государственный секрет № 19. 30 экземпляров.
План дальнейших мероприятий по ведению переговоров между Японией и Соединенными Штатами.

(Пометка, сделанная карандашом: «18 ноября 1941 г. От Муто, начальника бюро военных дел. Ямамото».)

Необходимые меры в том случае, если договор будет заключен по плану «А»:

1. Заставить США признать, что правительство Соединенных Штатов не предпримет никаких мер и действий, которые могли бы помешать японскому правительству в проведении мероприятий по урегулированию китайского конфликта... избегая всего, что могло бы быть направлено на помощь Чан Кай-ши.

2. Заставить США признать следующее: оба правительства в течение трех дней по заключении соглашения должны прекратить проведение всяких мероприятий по замораживанию собственности; правительство Соединенных Штатов должно предоставлять Японии ежегодно шесть миллионов тонн нефти, в состав этого количества входит полтора миллиона тонн авиационного бензина, причем каждый месяц должно предоставляться одинаковое количество нефти.

Правительство Соединенных Штатов примет меры, чтобы заставить Голландскую Индию в трехдневный срок после заключения соглашения принять требования японского правительства, представленные Голландской Индии через посла Ёсидзава, о торговле, средствах транспорта и связи между Японией и Голландской Индией, о свободе въезда, организации предприятий, местожительства и деловых отношений для японских подданных в Голландской Индии (таким образом, США обязывались принять меры, превращающие фактически и эту богатую стратегическим сырьем страну в японскую колонию.—*Авт.)*.

Но пока Голландская Индия должна снабжать Японию ежегодно четырьмя миллионами тонн нефти, предоставляя каждый месяц одинаковое количество нефти...

Правительство Соединенных Штатов должно принять меры, чтобы заставить правительство Англии в трехдневный срок по заключении соглашения по плану «А» восстановить торговые отношения с Японией и в то же время избегать проведения мероприятий, направленных на оказание помощи Чан Кай-ши, таких, как открытие Бирманской дороги и другие.

Если по истечении недели со времени заключения соглашения по плану «А» США и Великобритания не перестанут оказывать помощь Чан Кай-ши и не перестанут проводить мероприятия по замораживанию фондов, а Голландская Индия не примет мер по установлению торговли с Японией, то японская империя начнет военные действия против США, Великобритании и Голландии... пошлет в Голландскую Индию войска, необходимые для обеспечения безопасности.

Япония сообщит об этих своих намерениях США, когда будет подписано соглашение по плану «А».

Аналогичные требования предусматривались во второй части этого документа, на случай если бы США подписали соглашение по плану «Б».

Какой неприятный документ оказался в руках обвинения, какое яркое доказательство, что высшее японское военное руководство шло напролом, желая во что бы то ни стало развязать войну на Тихом океане, даже если бы США согласились на унизительные условия планов «А» или «Б». Таким языком и такие требования можно было в те времена предъявлять какому-нибудь индийскому магарадже, но не Вашингтону! Какое наглядное опровержение лживых показаний очередного свидетеля защиты Кумаити Ямамото, который в своем аффидевите утверждал: «Начальник бюро Муто всегда желал, чтобы переговоры (речь идет о переговорах между США и Японией.— *Авт.)* закончились удовлетворительно, и проявлял значительное беспокойство, стараясь согласовать и смягчить решительное мнение военной группировки, которая была склонна к тому, чтобы Япония втянулась в войну... Я слышал от Муто, что ему с трудом удалось добиться изменения этих решительных взглядов».

Но является ли приведенный документ письменным подтверждением стремления подсудимого Муто к «успеху переговоров»? На этот вопрос обвинителя Лопеца Ямамото, уходя от прямого ответа, цедит сквозь зубы, что Муто представил ему эту бумагу действительно во второй половине ноября и «назвал это точкой зрения генштаба по данному вопросу». Что ж, и это — ценное признание!

А вот теперь время вернуться к миссии посла Курусу. Мы помним, что 7 ноября Номура, предъявив Хэллу новые японские предложения — план «А», одновременно сообщил государственному секретарю, что Токио посыла-

ет к ним второго посла Курусу, и просил Хэлла устроить Курусу свидание с Рузвельтом. На чем основывалась эта просьба японского посла?

4 ноября 1941 года правительство Тодзио решает направить в Вашингтон «в помощь» Номура посла Курусу, чья подпись украсила в сентябре 1940 года оригинал «пакта трех». Цель здесь была двоякая. Во-первых, после просьбы Номура об отставке в Токио не очень доверяли его способности, а главное, желанию продолжать дипломатию обмана с целью прикрыть внезапную агрессию. Во-вторых, предполагалось, что уже сам факт посылки второго дипломата в ранге посла заставит Вашингтон поверить в искреннее желание Токио успешно завершить переговоры. 4 ноября 1941 года Того шлет первую телеграмму, касающуюся миссии Курусу. Она изложена в выражениях, не совсем ясных, и, очевидно, вызвана скорее всего желанием не обидеть заслуженного дипломата Номура: «Имея в виду особую важность настоящих переговоров и учитывая, что вы просите инструкций, посол Курусу вылетает в целях оказания вам помощи. Он будет вашей правой рукой в этих переговорах. Я надеюсь, что вы сможете организовать беседу его с президентом Рузвельтом. Деятельность посла Курусу должна оставаться строго секретной».

Зато цель поездки Курусу обнаженно излагалась во второй телеграмме, которую Того направил Номура 6 ноября 1941 года: «...Причина срочной отправки к вам посла Курусу состоит в том, чтобы показать искренность нашего императора в переговорах. Теперь мы находимся в последнем круге переговоров... Мы заявляем общественному мнению, что Курусу направляется к вам на помощь, чтобы урегулировать отношения между двумя странами...» Эта телеграмма разделила судьбу всех остальных секретных японских депеш: стала достоянием сотрудников Белого дома.

Курусу вылетел из Токио 5 ноября и, следовательно, должен был знать, что уже установлен предельный срок его пребывания в Вашингтоне — 25 ноября. Так как он прибыл в Вашингтон 15 ноября, то, фактически, для решения сложнейших проблем, на которые Номура бесплодно истратил почти одиннадцать месяцев, ему было отпущено всего десять дней. Трудно предположить, чтобы сам Курусу не понимал или, точнее, не знал истинной роли,

которую ему предстояло разыграть. Во всяком случае, телеграммы из Токио, адресованные ему после прибытия в американскую столицу, должны были полностью разъяснить послу, что от него требовалось. А вот как всего этого не поняли Рузвельт и Хэлл, остается загадкой. Ведь они читали все эти телеграммы одновременно с Курусу!

Истинная цель миссии Курусу была полностью вскрыта на Токийском процессе, и, как это уже не раз там случалось, частично показаниями свидетелей защиты, частично документами. Вызванный Того свидетель, в то время депутат японского парламента Томиёси, рассказал на процессе, что, узнав о поездке Курусу в Вашингтон, прямо спросил Того: «Что сие означает? Является ли такая акция лишь приемом обмана США, приемом создания видимости серьезных переговоров?» Того, храня государственную тайну, разумеется, отрицал это.

Уже известный нам начальник оперативного управления генштаба генерал Рюкити Танака на суде подтвердил, что через два дня после начала войны подсудимый Муто сказал ему, что посылка Курусу в США была только маскировкой для прикрытия событий, предшествовавших японскому нападению. Наконец, сам Тодзио был вынужден признать, что переговоры в последней фазе «продолжались только в стратегических целях».

Придет время, и вице-адмирал Фукудомэ, бывший начальник штаба объединенного флота, напишет обширнейший труд — «Гавайская операция». В нем он мимоходом признает, что вся дипломатическая деятельность Токио осенью 1941 года имела одну цель: не дать Соединенным Штатам времени принять контрмеры «к нашему внезапному нападению».

На процессе были оглашены и телеграммы в адрес Номура и Курусу, расшифрованные в свое время американской разведкой, те самые телеграммы, которые, как мы указывали, должны были открыть Курусу глаза на его роль, если предположить, что он не знал ее раньше.

В день прибытия Курусу в Вашингтон японское посольство получило директиву Того уничтожить все шифры при наступлении «чрезвычайных обстоятельств». На следующий день — 16 ноября,—когда Курусу, очевидно, только-только успел распаковать свои чемоданы, от напористого министра иностранных дел прибывает еще одна депеша: «В эти несколько дней решается судьба на-

шей империи. Поэтому старайтесь трудиться еще больше, чем когда-либо. Я указал в своей телеграмме окончательную дату для завершения переговоров, и никаких изменений не произойдет. Постарайтесь понять это. Времени осталось мало. Поэтому не позволяйте Соединенным Штатам уклоняться от рассмотрения наших предложений и оттягивать дальше переговоры. Оказывайте на них давление в целях завершения переговоров на базе наших предложений. Сделайте все, от вас зависящее, чтобы добиться немедленного завершения переговоров».

И тут Курусу проявил больше выдержки и меньше авантюризма, чем его шеф Того. 18 ноября 1941 года он телеграфирует в Токио о своих впечатлениях от первой встречи с Рузвельтом и Хэллом и от разговора с Номура. Он указывает, что США искренне стремились и стремятся к окончанию переговоров и не затягивают их умышленно. Он предостерегает Токио от действий, которые нельзя будет исправить. Наконец, он предупреждает Того, что Вашингтон не согласится на план «Б», план туманный и неискренний.

Надо было видеть лица подсудимых, когда оглашались эти телеграммы, немые, но много говорящие свидетельства тщательно, постепенно и коварно подготовленной и осуществленной агрессии. А всего несколько лет назад, в период тех зловещих событий, эти же люди, закусив удила, неслись навстречу катастрофе. Доказательства? Обвинение охотно передает их в распоряжение Трибунала.

В руках обвинения новый, чрезвычайно любопытный документ, который еще раз подтверждает истину, что на таких процессах, как Нюрнбергский и Токийский, весьма важна роль безмолвных свидетелей. На следующий день после телеграммы Курусу — 19 ноября — в Вашингтон летит новая шифровка — циркуляр № 2353. В ней обойдено молчанием предупреждение Курусу, посланное накануне. Авторов телеграммы в то время волновало совсем другое:

«...Передача по радио специального сообщения в случае чрезвычайных обстоятельств.

В случае наступления чрезвычайных обстоятельств (опасность разрыва дипломатических отношений), если будут международные коммуникации, мы передадим следующие сигналы в дополнение к ежедневной передаче дневной сводки новостей на японском языке:

1. В случае опасности разрыва японо-американских отношений — «хигаси-но кадзэ, амэ» (восточный ветер, дождь).

2. При опасности разрыва японо-советских отношений — «кита-но кадзэ, кумори» (северный ветер, облачно).

3. При опасности разрыва японо-английских отношений — «ниси-но кадзэ, харэ» (западный ветер, ясно).

Эти сигналы будут передаваться в середине или в конце передачи в качестве прогноза погоды, и каждая фраза будет повторена дважды. Когда это будет услышано, уничтожайте все шифры и т. д.».

Интересно, что думали Рузвельт, Хэлл и их начальники штабов, когда читали эти телеграммы? На этот вопрос не смогли дать ответа даже многотомные отчеты различных комиссий конгресса, пытавшихся разгадать «шараду Пёрл-Харбора».

Вот в такой атмосфере, насыщенной обманчивой, предгрозовой тишиной, Курусу начинает выполнение той грязной роли, которую уготовила ему история и против которой не восстала его ущербная совесть.

17 ноября состоялась встреча Номура и Курусу с Рузвельтом и Хэллом. На ней обсуждался план «А». Развернувшаяся беседа, как явствует из записи ее Хэллом, сразу приняла острый характер.

Государственный секретарь разъяснил свое понимание японской формулы «нового порядка в великой Восточной Азии» как «программы политического, экономического и военного господства Японии на Тихом океане». Курусу старался уверить Рузвельта и Хэлла в «мирных намерениях» правительства Тодзио.

18 ноября состоялась самая продолжительная беседа за весь период переговоров Хэлла с Номура и Курусу. Она кончилась неопределенным заявлением государственного секретаря, что он «будет консультироваться с англичанами и голландцами о японских предложениях».

Запись этой беседы подтверждает, что даже в этот момент в словах Хэлла все еще не переставали звучать мюнхенские ноты по отношению к японскому агрессору.

20 ноября Номура и Курусу представили Хэллу новый японский проект — последний свой проект в ходе переговоров — план «Б».

К этому времени в руках Рузвельта и Хэлла уже находились известная нам телеграмма Курусу, адресованная Того 18 ноября, где он просил японское правительство не прибегать к действию, которое нельзя будет исправить, и где прямо указывал, что план «Б» неприемлем для США, и телеграмма Того, датированная следующим днем, в которой не только умалчивалось обо всех предостережениях Курусу, но прямо сообщались условные сигналы, которые могли быть только сигналами начала войны — «если будут действовать международные коммуникации»,— и давались директивы об уничтожении всей секретной документации японского посольства в Вашингтоне. Достаточно было только беглого взгляда, чтобы руководители Белого дома поняли всю неприемлемость японского плана «Б», как, впрочем, и предшествовавшего ему плана «А»: оба варианта были поразительно схожи друг с другом.

И тем не менее Рузвельт и Хэлл продолжали переговоры. Подобное еще можно было бы понять, если бы Вашингтон использовал этот период для решительной подготовки страны к отпору агрессору. Однако в этом отношении, что ярко подтвердили последующие события, ничего действительно серьезного не было сделано.

Принимая 20 ноября от Курусу и Номура текст японского плана «Б», Хэлл заявил послам, что Соединенные Штаты дадут ответ после консультации со своими союзниками — Великобританией, Голландией и Австралией. Между тем беспокойный Того неустанно вдалбливает в головы своих послов одну и ту же простую мысль, уже многократно изложенную в его предыдущих телеграммах. Можно подумать, что интересы Токио в Вашингтоне в те дни представляли не многоопытные кадровые дипломаты, а случайные дилетанты.

В руках у судей новая шифровка Того своим послам от 22 ноября 1941 года, которая одновременно побывала и в японском посольстве в Вашингтоне, и в Белом доме: «Нам крайне трудно изменить дату, установленную в моей телеграмме № 736... Я знаю, что вы работаете усердно. Оставайтесь верными нашей установленной политике и делайте все, что возможно. Не жалейте сил и постарайтесь добиться желаемого вами решения. По причинам, о которых вы не можете догадаться, нам желательно урегулировать японо-американские отношения к 25-му. Но

если сумеете закончить ваши переговоры с американцами в течение ближайших трех-четырех дней и подписать соглашения к 29-му (пишу только для вас — к двадцать девятому), если к этому времени будет совершен обмен соответствующими нотами и мы добьемся взаимопонимания с Великобританией и Голландией, короче говоря, если все может быть закончено, то мы примем решение ждать до указанной даты. Мы хотим сказать, что эта предельная дата ни в коем случае не может быть изменена. После этого события будут развиваться автоматически. Учтите, пожалуйста, это самым внимательным образом и трудитесь упорнее, чем когда-либо. Настоящее сообщение предназначено только для вас — двух послов».

После этой телеграммы да еще в сопоставлении ее с предыдущими директивами Токио Рузвельту и Хэллу, очевидно, стало наконец ясно, что попытки умиротворить агрессора на Востоке так же тщетны, как тщетны были в прошлом аналогичные попытки на Западе. В этом судьи могли убедиться, читая переданный им отчет комиссии американского конгресса. Так, впоследствии, давая показания на заседании объединенной комиссии конгресса, Хэлл заявил: «Перехваченная телеграмма от 22 ноября содержала бесспорные доказательства, что японское правительство инструктировало своих представителей о том, что их условия должны были быть приняты безоговорочно и в пределах определенного срока — до 29 ноября. Читая эту телеграмму, я и мои помощники не могли не прийти к заключению, что японцы решили произвести нападение, если США не сделают радикальных уступок».

И тем не менее под пеплом сгоревших в Вашингтоне тщетных мюнхенских надежд еще тлел еле приметный огонек. Пройдет всего четыре дня, и он снова, правда на несколько мгновений, даст яркую, но последнюю вспышку.

26 ноября Хэлл вызывает к себе послов Номура и Курусу и вручает им ответную ноту американского правительства на японский план «Б». Этот документ явится впоследствии предметом жарких и длительных споров между обвинением, с одной стороны, и подсудимыми и защитой — с другой. Подсудимые и их адвокаты будут тщетно и вопреки многочисленным доказательствам убеждать Трибунал, что именно эта американская нота, носившая якобы характер ультиматума, и послужила пово-

дом к тихоокеанской войне. Обвинение аргументированно, пользуясь многочисленными японскими документами, опровергнет это нелепое утверждение и правильно укажет, что таким дипломатическим шагом Вашингтон лишь констатировал, что США не признают и не признáют плодов японской агрессии в Китае и других районах и не собираются возобновить снабжение Японии стратегическим сырьем, укрепляя ее военный потенциал, острие которого явно направлено в сторону США. Мы же добавим, что это было лишь крайне запоздалым проявлением твердости со стороны Белого дома и имело весьма определенную направленность, но об этом чуть позже.

Вот как в приговоре Трибунала описаны события, непосредственно предшествовавшие встрече Хэлла с японскими послами, и изложена суть американской ноты от 26 ноября 1941 года:

«Утром 22 ноября г-н Хэлл созвал совещание с участием послов и посланников Великобритании, Австралии и Голландии и запросил их мнение о японских предложениях. Это совещание пришло к единодушному мнению, что если бы Япония искренне желала мира и твердо намеревалась придерживаться мирной политики, то Америка, Великобритания, Австралия и Голландия приветствовали бы это и с радостью сотрудничали бы в деле восстановления нормальных торговых отношений с Японией, но что предложения и заявления японских послов в Вашингтоне говорят о другом...

Номура и Курусу вновь встретились с г-ном Хэллом 26 ноября. Указав, что предложение «Б» нарушило бы «четыре основных принципа», которые он сформулировал в начале переговоров и которые являлись обязательными для Соединенных Штатов Америки (Речь идет об уже известных читателю «четырех принципах Хэлла».— *Авт.*), г-н Хэлл сообщил послам, что американское правительство считает, что принятие предложений не будет содействовать делу окончательного установления мира на Тихом океане. Г-н Хэлл предложил сделать дальнейшие усилия для достижения соглашения...

В своей ноте от 26 ноября Хэлл подробно указал определенные меры, которые он считал необходимыми для признания и практического применения вышеуказанных принципов. Эти меры сводились к следующему: 1) все государства, имеющие интересы на Дальнем Востоке, долж-

ны заключить пакт о ненападении; 2) все эти государства должны отказаться от преференциальных (односторонне выгодных империалистическим государствам. — *Авт.*) условий в своих экономических отношениях с Французским Индокитаем; 3) Япония должна вывести свои вооруженные силы из Китая и Французского Индокитая; 4) Япония должна отказаться от всякой поддержки марионеточного правительства Китая.

Это предложение о практическом применении вышеупомянутых принципов столкнуло руководителей Японии лицом к лицу с реальностью. Они никогда не намеревались применять эти принципы на практике и не собирались делать это сейчас».

Чтобы иметь полное представление об этой ноте Хэлла, следует добавить, что в предложенный многосторонний пакт о ненападении рекомендовалось включить США, Великобританию, СССР, Голландию, Японию и Таиланд. Этот пакт в случае его подписания означал, в частности, согласие Японии не вмешиваться в войну, если США сочтут необходимым выступить против Германии в Европе. Подобное предложение могло также служить дипломатическим зондажем Белого дома, который интересовала реакция Токио на предложение включить СССР в число участников пакта. Характер такой реакции мог помочь выявить подлинные намерения Японии «на севере». Наконец, США выдвинули предложение о стабилизации курса иены и обязались выделить для этой цели со своей стороны внушительную сумму.

Такое решение Вашингтона «столкнуть руководителей Японии лицом к лицу с реальностью» может на первый взгляд показаться неожиданным на фоне многомесячных переговоров, проходивших под явным влиянием идей «дальневосточного Мюнхена». Но это только на первый взгляд: американская нота от 26 ноября действительно являлась резким поворотом, но в пределах той же политической колеи. Это был не случайный, а рассчитанный шаг Рузвельта. Казалось, расшифрованные японские телеграммы, которые одна за другой ложились на стол президента, должны были убедить его, что японская агрессия близка и неминуема и что ее направление строго определено. Однако Рузвельт, видимо, все еще тешил себя надеждой, что в Токио продолжаются колебания — юг или север.

Эта надежда могла найти шаткую опору в одной-единственной из всех расшифрованных телеграмм, находившихся в распоряжении президента: в циркуляре Того № 2353 от 19 ноября 1941 года. Напомним, там предусматривались срочные меры, которые надлежит предпринять посольству в Вашингтоне в случае чрезвычайных обстоятельств. И вот среди этих обстоятельств второе место занимала «опасность разрыва японо-советских отношений». Неважно, что во всех других телеграммах направлением агрессии был юг. Известно, что ни во что так охотно не верят, как в то, во что верить хочется. Тем более что именно в это время фашистские танковые армады, казалось, вот-вот замкнут кольцо вокруг советской столицы. В этих условиях твердая, решительная нота США от 26 ноября могла рассматриваться Рузвельтом как хороший способ помочь токийским правителям рассеять одолевавшие их сомнения, наглядно показав, что на юг шлагбаум закрыт крепко и надежно могучей рукой Соединенных Штатов. Принимая такое решение, президент, возможно, считался с мнением экспертов из госдепартамента, всегда утверждавших, что Япония склонна наносить удары не сильнейшим, а слабейшим. Так, основной советник Хэлла по вопросам Дальнего Востока С. Хорнбек 29 октября 1941 года заявил: «Япония не будет склонна предпринимать новые военные авантюры в тех районах, где она имеет основание ожидать, что встретит энергичное сопротивление, а нанесет удары по слабым районам, которые легко захватить».

Не исключено, наконец, что внезапная твердость Рузвельта в какой-то мере была обусловлена неожиданным демаршем Курусу и Номура, предпринятым в тот же день — 26 ноября — за несколько часов до вручения японским послам ноты Хэлла. Система «мэджик» дала возможность президенту быстро узнать истинную суть предложений Курусу и Номура, в которых явно звучал призыв к умеренности и уступчивости в отношении США. Может быть, именно поэтому, чтобы еще раз убедить и японских послов, и их правительство в непреклонности США, а потому и в необходимости уступок, Рузвельт и Хэлл на следующий день — 27 ноября 1941 года — пригласили Номура и Курусу для очередной беседы. Целью этой встречи была только дополнительная демонстрация внезапной твердости, охватившей Белый дом, в чем преж-

де всего убеждает сама беседа. Кроме того, только накануне японским послам была вручена столь серьезная нота, что Курусу еще до передачи ее своему правительству высказал Хэллу личное мнение, что такие условия Токио принять не сможет. Так что говорить, казалось, пока что было не о чем. И тем не менее...

Суд знакомится с меморандумом Хэлла, отражающим то, что на этой встрече сказали государственный секретарь и президент. Корделл Хэлл на сей раз был предельно откровенен и резок: «Я ясно указал, что, если контролирующие правительство элементы, выступающие против мира, не примут окончательного решения действовать в направлении, ведущем к миру, никакие переговоры ни к чему не приведут...

Всем известно,— заявил я,— что японские лозунги о сопроцветании, новом порядке в Восточной Азии и решающем влиянии в некоторых районах являются терминами, которые в замаскированной форме выражают японскую политику силы и завоеваний. Я указал также, что, пока они будут действовать таким образом и продолжать укрепление своих культурных, военных и других связей с Гитлером с помощью таких мероприятий как «антикоминтерновский пакт» (ценное признание истинной цели этого договора, направленного на развязывание агрессии во всем мире. — *Авт.*), тройственный пакт и т. д., никакого реального прогресса в развитии мирных отношений не может быть достигнуто».

Согласно записи Хэлла, Рузвельт был краток, но еще более решителен: «Мы по-прежнему убеждены, что поддержка гитлеризма и путь агрессии не соответствуют высшим интересам Японии, которые требуют, чтобы она придерживалась того курса, какой мы наметили в ходе нынешних переговоров. Если, однако, Япония, к сожалению, примет решение следовать за гитлеризмом, то есть по пути агрессии, мы твердо убеждены, что в конечном счете она проиграет».

Да, на сей раз хозяин Белого дома и его государственный секретарь говорили ясно, четко, пренебрегая условностями дипломатического языка. Это была явная попытка «промыть» мозги японскому руководству недвусмысленным заявлением, что ворота, ведущие на юг, на крепком замке.

Но эта внезапная твердость, как мы уже отмечали, имела определенную направленность. Какую? Мы склонны считать, что и американская нота от 26 ноября, и встреча Рузвельта и Хэлла с японскими послами 27 ноября были вершиной и одновременно финишем политики «дальневосточного Мюнхена». Это была последняя попытка перевести стрелку компаса японской агрессии с юга на север или, в крайнем случае, удержать ее на какой-то срок в нейтральном положении.

Ну а что же это был за демарш, предпринятый Номура и Курусу в тот памятный день 26 ноября, который, как мы указали, мог тоже сыграть свою роль во внезапной решимости, овладевшей президентом?

Японские послы, чувствуя неумолимое приближение войны и очевидно, реалистичнее оценивая будущее из Вашингтона, чем оценивали его из далекого Токио, сделали последнюю попытку остановить ход событий. За несколько часов до вручения им ноты Хэлла они отправили в Токио телеграмму. В ней, согласно показаниям Того в Трибунале, предлагалось, чтобы «президент Рузвельт послал личное письмо императору и император бы ответил, после чего в созданной таким образом дружественной атмосфере японское правительство предложило нейтрализацию Французского Индокитая, Таиланда и Голландской Ост-Индии».

Для Японии такое предложение в то время означало лишь одну-единственную, но существенную уступку Америке: вывод японских войск из Индокитая, окончательно захваченного ими в июле 1941 года. Существенную потому, что это было бы реальным подтверждением отсутствия у Японии стремления к дальнейшей агрессии на юг. Таким образом, Токио обязывался освободить только Индокитай и гарантировать неприкосновенность Таиланда и Ост-Индии, оставляя пока открытым вопрос об огромных территориях, захваченных Японией в Китае и Маньчжурии. Однако такой важнейший в эти критические дни документ Тодзио, Симада, Того и Кидо скрыли не только от остальных членов кабинета министров, не только от совещания старейших государственных деятелей, но даже не поставили об этом в известность самого императора. Эти четыре государственных деятеля, узурпировав не принадлежащую им верховную власть, просто отклонили демарш своих послов «как неприемлемый».

Подобный эпизод не очень подкреплял позицию адвоката Логана, пытавшегося доказать вместе со своим подзащитным постоянное миролюбие Кидо. Неудивительно, что показания Того, вынужденного признать неоспоримые факты, заставили Логана подвергнуть перекрестному допросу бывшего министра иностранных дел. Адвоката интересует, о чем информировал Того старейших государственных деятелей на совещании 29 ноября 1941 года, где окончательно решался вопрос о войне против США, Великобритании и Голландии.

Вопрос: Вы подробно осветили вопрос о японо-американских переговорах, а не упоминали ли вы в связи с этим о телеграмме, переданной послами Номура и Курусу 26 ноября 1941 года?

Ответ: Поскольку телеграмма была такого содержания, что ей нельзя было следовать, я не сказал о ней старейшим государственным деятелям.

Вопрос: Не объясните ли вы подробнее этот вопрос, господин Того?

Ответ: Телеграмма, полученная от Номура и Курусу, была следующего содержания: во-первых, в ней говорилось о том, чтобы президент и император обменялись телеграммами, а во-вторых, чтобы японское правительство гарантировало нейтралитет Голландской Ост-Индии, Таиланду и Французскому Индокитаю. Таким образом послы надеялись спасти положение. Эту телеграмму мы получили 27 ноября.

Сознавая, что совет обоих послов не может быть принят нашей стороной, утром 28 ноября я встретился с премьер-министром и военно-морским министром. Обсудив этот вопрос, мы пришли к выводу, что таким способом положение спасти нельзя. Поскольку в телеграмме послов говорилось, чтобы в обсуждении этого вопроса принял участие господин Кидо, я встретился с ним 28 ноября приблизительно в 11 часов 30 минут утра, до своей беседы с императором, и сообщил ему о телеграмме и о ноте Хэлла...

Но как раз вопрос об участии маленького маркиза в этом щекотливом и весьма ответственном решении меньше всего интересует его адвоката. Логан стремится всю ответственность за этот эпизод взвалить на плечи премьера и некоторых его министров, в том числе, разумеется, на Того.

Вопрос: Господин Того, я вас прерву на минутку. Так почему же вы не могли сказать государственным деятелям то, что сказали мне?

— Я как раз хотел сейчас сказать об этом, — говорит Того, отнюдь не заинтересованный в том, чтобы облегчить судьбу Кидо, особенно за свой счет. — Подождите, пожалуйста, минутку. Господин Кидо сказал мне, что так решить проблему невозможно и что, если настаивать на принятии таких мер, это приведет к гражданской войне (намек на возможность военного переворота со стороны ультрамилитаристов. — *Авт.*).

Логан попытался прервать Того, но председатель Трибунала пресек эту попытку адвоката.

— Маркиз Кидо сказал мне, — продолжал Того, — что я должен отправить нашим послам в Вашингтоне ответ о неприемлемости их предложения. Он подчеркнул необходимость этого.

Днем 28 ноября я отправил телеграмму послам в Вашингтоне, в которой сообщил о своем разговоре с маркизом Кидо относительно их предложения и о том, что Кидо считает его неподходящим. Ввиду таких обстоятельств вопрос относительно телеграммы, отправленной двумя послами, был решен отрицательно...

А вот теперь пришло время для контратаки. Адвокат Логан спешит взять реванш, который, увы, не может принести уже никакой пользы его подопечному Кидо, но зато способен немного ухудшить положение соседа по скамье подсудимых — Того. Таков уж, очевидно, закон коллизий в делах уголовных, когда логика борьбы порой заставляет адвокатов забыть о своих функциях и превращает их в помощников обвинения из одного только побуждения любым способом отомстить за вред, нанесенный их клиенту.

Вопрос: Господин Того, эта телеграмма от Номура и Курусу была посвящена дипломатическим переговорам, не так ли?

Ответ: Да.

Вопрос: Согласно японской конституции и соответствующим указам вы как министр иностранных дел несли личную ответственность перед императором за деятельность вашего министерства, не так ли?

Ответ: Да.

Вопрос: И тем не менее вы не доложили об этой телеграмме императору.

Ответ: Так как эта телеграмма от двух наших послов в Вашингтоне излагала их мнение и была прислана правительству, то оно по своему усмотрению могло решать, следует ли принимать содержавшееся в ней предложение или нет. Кроме того, поскольку правительство и министр — хранитель печати, который обязан был постоянно давать советы императору, согласились, что предложение, содержавшееся в телеграмме, не может быть принято, то я счел неудобным и неправильным представлять этот вопрос императору...

Чуткое ухо адвоката улавливает в длинном ответе короткое слово «правительство», и следует точный вопрос.

— Правильно ли тогда я вас понял, — спрашивает Логан, — что предложение, содержавшееся в телеграмме Номура и Курусу, не было представлено правительству на заседании кабинета министров утром 28 ноября и что вы говорили об этом только с Симада и Тодзио?

Ответ: Да.

Вопрос: В таком случае правительство не принимало решения о том, как поступить с телеграммой. Это было решение только Симада, Тодзио и ваше, не так ли?

Ответ: Не все вопросы должны были решаться кабинетом министров в полном составе. Премьер-министр и соответствующие министры могли решать, какие вопросы следует представлять на рассмотрение кабинета. И что касается данной телеграммы, то я полагал, что, так как вопрос уже решен премьер-министром, морским министром и министром иностранных дел, нет необходимости представлять его на рассмотрение кабинета. С полным правом можно сказать, что это достигнутое соглашение представляло точку зрения правительства...

Здесь, казалось бы, самое время поставить точку, разумеется, с позиции защиты Кидо. Но Логан этого не чувствует и продолжает:

Вопрос: Господин Того, а если бы Кидо отправился к императору и дал ему совет, как следует поступить с этой телеграммой, то с его стороны это было бы вмешательством в дела правительства?

Ответ: Нет, это не было бы вмешательством. Этим я хочу сказать, что если бы Кидо сам считал, что должны быть приняты меры даже вопреки желаниям правительства, то как официальное должностное лицо, которое обязано было постоянно давать советы императору, он был

бы вправе дать совет о принятии таких мер, которые, по его мнению, являются правильными и необходимыми для решения этого вопроса.

Вопрос: На странице тридцать четвертой своего аффидевита вы заявляете, что «не пытаетесь уклониться от ответственности». Скажите, а не пытаетесь ли вы сейчас переложить с себя ответственность за эту телеграмму Номура и Курусу на Кидо?

Ответ: Я уже объяснил вам, почему я не доложил об этом императору.

— Хорошо, оставим пока этот вопрос, — соглашается Логан.

...Таким образом, император так и не был поставлен в известность о столь важном компромиссном предложении своих послов. Зато этот дипломатический документ немедленно по его отправке, как мы знаем, оказался на столе президента США и, возможно, явился одной из причин принятого Рузвельтом решения — занять в отношении Японии твердую позицию. Президент, видимо, полагал, что компромиссное предложение послов отражало не только их личную точку зрения, но и продолжающиеся колебания, которые имелись в правящих токийских кругах относительно того, куда держать путь агрессии. Сменив «пряник» на «кнут», Рузвельт, видимо, решил, что именно это поможет токийским правителям принять разумное решение.

Однако последней мюнхенской иллюзии президента суждено было просуществовать даже не дни, а часы. Сразу после встречи 27 ноября в Белом доме Курусу, вернувшись в свое посольство, соединился с Токио по телефону. Этот закодированный разговор, расшифрованный американцами, был настолько важен, что Трибунал счел необходимым воспроизвести его в приговоре как образец коварства и лжи японской дипломатии:

«После этой беседы Курусу переговорил по телефону с представителем министерства иностранных дел Японии в Токио, причем в этом разговоре он проявил хорошее знание кода для телефонных переговоров и поразительную осведомленность о планах кабинета Тодзио использовать переговоры в Вашингтоне в качестве ширмы для прикрытия нападения на владения союзников в Тихом океане. Ему было сообщено, что нападение будет предпринято в ближайшем будущем и что от него ожидают, что

он любой ценой будет продолжать переговоры. По существу, ему было поручено сохранять видимость продолжения переговоров, несмотря на то что «намеченный срок... уже истек, так как следовало предупредить появление нежелательных подозрений у Соединенных Штатов».

Но это был только первый удар по иллюзии президента. За ним последовали другие, еще более сильные.

Обвинитель Лопец ведет перекрестный допрос уже известного нам свидетеля Ямамото.

Вопрос: 28 ноября 1941 года вы послали секретную телеграмму Номура и Курусу следующего содержания: «Соединенные Штаты зашли так далеко, что прислали это унизительное предложение (имеется в виду нота от 26 ноября 1941 года. — *Авт.*). Для нас это было неожиданно, и мы очень пожалели об этом. Императорское правительство ни в коем случае не может использовать это в качестве основы для переговоров. Поэтому с сообщением о точке зрения правительства относительно предложения Америки, которое я вам пошлю через два-три дня, переговоры будут прекращены де-факто. Это неизбежно. Однако я не хочу, чтобы у них создалось впечатление, что переговоры прерваны. Просто скажите им, что ждете инструкций и что, хотя точка зрения правительства вам не ясна, вы считаете, что императорское правительство всегда имело справедливые притязания и несет большие жертвы в целях сохранения мира на Тихом океане». Вы помните это?

Ответ: Я помню, что телеграмма в этом роде была послана в конце ноября...

Однако, рекомендуя своим послам осмотрительность, сами японские руководители ее не проявляли, и временами их «прорывало». Так, 29 ноября 1941 года Тодзио выступил с воинственной речью, широко освещенной американской печатью. Это немедленно вызвало реакцию Курусу, который, пользуясь кодом, связался по телефону с Ямамото. Разговор этот был записан и расшифрован американцами. Он на судейском столе. Вот наиболее существенные выдержки:

«**Курусу:** Мы делаем здесь все возможное... Предупредите премьера, министра иностранных дел и других... Мы ожидали услышать кое-что другое, некоторые хорошие слова, а получили это (то есть речь премьера. — *Авт.*)...

Должны ли японо-американские переговоры продолжаться?

Ямамото: Да.

Курусу: Мы нуждаемся в вашей помощи. Как премьер, так и мининдел должны изменить тон своих выступлений. Вы понимаете? Будьте более благоразумны...»

Не успел Курусу отойти от телефона, как ему и Номура вручили шифровку Того. Министр в свою очередь поучал послов: они должны, коварно обманывая, проявлять вместе с тем крайнюю осторожность. «Предлагается сделать в устной форме (в устной, чтобы всегда можно было сказать «нас не поняли» или «таких слов не было» и т. д. — *Авт.*) еще одно представление, — гласила шифровка.—...Выполняя эту инструкцию, будьте осторожны, чтобы это не привело к чему-либо вроде разрыва переговоров».

Через три дня — 1 декабря — новая шифровка за подписью Того: «...Чтобы предотвратить излишнюю подозрительность со стороны США, мы сообщили в прессе и по другим каналам, что, несмотря на глубокие разногласия между США и Японией, переговоры продолжаются. Вышеизложенное — только для вашего сведения».

Эти директивы читают и в Белом доме. Но послам, конечно, такое и в голову не приходит. Ничего не подозревая, они продолжают выполнять свою иезуитскую роль. В тот же день — 1 декабря — Номура и Курусу встречаются с государственным секретарем. Они пытаются убедить Хэлла, что в Соединенных Штатах напрасно принимают всерьез воинственные выступления отдельных японских лидеров и что суть их заявлений порой искажается американской прессой. Курусу горячо доказывает, что цели Японии совершенно отличны от целей Гитлера и война на Тихом океане стала бы «трагедией». А Хэлл, уже все достоверно знающий Хэлл, вынужден (дипломатия есть дипломатия!) спокойно выслушивать этот поток беззастенчивой лжи и время от времени подавать вежливые реплики. В подобную ситуацию старейшина тогдашних американских дипломатов наверняка попал впервые.

2 декабря Номура дает интервью американским журналистам. Он утверждает: «Я не могу поверить, что кто-либо желает войны».

А спустя шесть лет обвинение на процессе в Токио оглашает все эти шифровки и кладет их на стол судей. Кажется, что этот поток лжи захлестнет скамью подсуди-

мых, что бывшие правители Японии захлебнутся в ней. Но великое дело — профессиональная тренировка: внешне спокойны и невозмутимы лица Тодзио, Того и Симада — главных действующих лиц этой трагикомедии, поставленной по канонам империалистической дипломатии в ее наиболее коварной и изощренной ипостаси. А вот адвокатам такая «нагрузка» явно не по плечу: они нервничают, ерзают на своих местах.

Но раз в Токио вопрос о войне на Тихом океане решен, естественно, что надо обо всем поставить в известность союзников — Берлин и Рим, уточнить их позицию при этом варианте. 30 ноября американская разведка перехватывает и расшифровывает следующую телеграмму из Токио в адрес японского посла в Берлине генерала Осима. Он должен был передать ее содержание своему коллеге в Риме. В телеграмме предлагалось: «....Немедленно иметь беседу с канцлером Гитлером и министром иностранных дел Риббентропом и конфиденциально изложить им общее развертывание событий. Скажите им, что в последнее время Англия и Соединенные Штаты заняли провокационную позицию. Скажите, что они планируют вооруженные акции в различных пунктах Восточной Азии и что мы неизбежно вынуждены противопоставить им вооруженную силу. Скажите им под строгим секретом, что имеется чрезвычайная опасность неожиданной вспышки войны между англосаксонскими державами и Японией. Прибавьте к этому, что момент, когда вспыхнет такая война, может наступить скорее, чем кто-либо думает».

Директива эта заканчивается так: «Если, когда вы это скажете им, немцы и итальянцы спросят вас о нашей позиции в отношении Советов, то скажите им, что мы уже выяснили нашу позицию в отношении русских в нашем июльском заявлении (имеется в виду уже упоминавшееся решение совещания у императора 2 июля 1941 года. — *Авт.*). Скажите, что нашим нынешним продвижением на юг мы не имеем в виду ослабить наше давление против Советов, однако в данный момент нам выгодно сделать нажим на юге, и на некоторое время мы предпочли бы воздержаться от какого бы то ни было прямого выступления на север.

Настоящая телеграмма важна со стратегической точки зрения и должна при всех обстоятельствах сохраняться в величайшем и абсолютном секрете».

Японский посол в Риме, получив эту директиву от Осима, немедленно приступил к ее выполнению. 3 декабря он радирует в Токио: «Сегодня в 11 часов утра я в сопровождении Андо посетил премьера Муссолини, присутствовал также министр иностранных дел Чиано. Я описал процесс развития японо-американских переговоров в соответствии с содержанием вашей телеграммы № 986, адресованной в Берлин.

Муссолини заявил: «Я с самого начала внимательно следил за процессом японо-американских переговоров и полностью одобряю политику Японии... в Восточной Азии».

Я продолжал излагать ему содержание вашей телеграммы и сказал, что информирован о некоторых подготовительных шагах, предпринятых нашим послом в Берлине...

Муссолини заявил, что, если вспыхнет война, Италия окажет всемерную военную помощь имеющимися в ее распоряжении ресурсами, в частности она приложит все усилия к тому, чтобы держать британский флот отрезанным в Средиземном море.

Я спросил: «Если Япония объявит войну Соединенным Штатам и Великобритании, сделает ли Италия немедленно то же самое?» Муссолини ответил: «Конечно. Она обязана это сделать на основании положений тройственного пакта. Поскольку Германия будет обязана сделать то же, мы хотели бы консультироваться по этому пункту с Германией».

И все эти телеграммы постигла судьба остальных — они немедленно стали известны американской разведке и Белому дому.

6 декабря 1941 года английская разведка пришла на помощь своим заокеанским коллегам: в этот день американский посол в Лондоне Вайнант отправил каблограмму, помеченную: «молния, весьма срочно, лично и секретно президенту и государственному секретарю». В ней указывалось, что английское морское министерство сообщило ему, что 6 декабря в 3 часа утра по лондонскому времени была замечена японская эскадра, разделенная на два отряда, общим составом 8 крейсеров, 20 эсминцев и 35 транспортных судов, которая двигалась на запад — в направлении перешейка Кра, соединяющего Таиланд и Бирму с Малайским полуостровом.

Эта эскадра действительно двигалась в направлении Малайи, чтобы нанести удар по английскому флоту в Сингапуре.

Один только провал допустила американская разведка в этот период, но провал весьма ощутимый: японцам удалось полностью скрыть движение своего мощного объединенного флота, направлявшегося на Пёрл-Харбор.

7 декабря американское морское министерство сообщило президенту и верховному командованию координаты всех крупных военных кораблей на Тихом океане — американских, английских, японских, голландских и советских. По поводу этих данных объединенная комиссия конгресса в своем докладе констатировала: «Утверждалось, будто основная часть японского флота находилась в двух крупных японских военно-морских базах — Курэ и Сасэбо на Японских островах. В числе японских кораблей, якобы находившихся в то утро в этих двух японских военно-морских базах, были названы все корабли, которые, как это теперь известно, находились в этот момент не менее чем в 300 милях севернее Гавайских островов».

6 декабря Того сообщает своим послам в Вашингтоне, что им направляется ответ на ноту США от 26 ноября. Того предупреждает, что эта нота будет состоять из четырнадцати разделов, передача которых будет производиться постепенно. Японский министр указывает, что, «хотя точное время вручения ноты американскому правительству будет сообщено по телеграфу позднее, следует принять все необходимые меры», чтобы подготовить и своевременно уничтожить всю секретную документацию и коды посольства. Расшифровав это распоряжение, американская разведка подготовилась к принятию пространной японской ноты, которую окрестили «воздушным посланием».

К этому времени американские дешифровщики до того поднаторели в японском коде, что опередили, как оказалось впоследствии, своих коллег из японского посольства в Вашингтоне. 6 декабря к 9 часам утра тринадцать разделов «воздушного послания» уже лежали на столах Рузвельта и Хэлла, а четырнадцатая, последняя часть была подложена туда же в 8 часов утра 7 декабря. Она содержала лишь указание вручить текст японского ответа в воскресенье 7 декабря в 13 часов по вашингтонскому времени.

В этой последней ноте японского правительства явственно проступали характерные приемы, присущие японской агрессивной дипломатии: фальсифицируя события, Токио пытался представить себя борцом за мир на Тихом океане и в Восточной Азии. В ноте утверждалось, что именно эта цель привела японскую сторону к столу переговоров в Вашингтоне. Затем перечислялись основные причины, которые сделали дальнейшие переговоры бесцельными и невозможными: препятствия, которые США и Англия якобы выдвинули на пути к миру между Китаем и Японией; нежелание Вашингтона и Лондона считаться с реальными изменениями, которые имели место в 1931—1941 годах в соотношении сил на Дальнем Востоке (иначе говоря, с результатами японской агрессии в этом регионе. — *Авт.*); проведение политики «окружения Японии»; отклонение Вашингтоном японских условий личной встречи Коноэ — Рузвельт. Таким образом, вся вина за неуспех переговоров перекладывалась на США, которые не проявили «искреннего желания... сохранить и укрепить мир на Тихом океане». В ноте подчеркивалось, что американские требования якобы угрожают «самому существованию Японии» как нации, «унижают ее честь и престиж». Придет время держать ответ, и, как мы увидим, подсудимые и защитники выдвинут именно эти жалкие и лживые аргументы как доказательство того, что Япония вела войну только в целях «самообороны».

Наконец — и это явилось результативным итогом, — японское правительство «с сожалением» уведомляло правительство США, что нет возможности достигнуть соглашения путем продолжения переговоров. И получилось, что в этой ноте, вразрез с нормами международного права, не содержалось ни объявления войны, ни предъявления какого-либо определенного ультиматума, равносильного такому объявлению. Это было не больше чем извещение об одностороннем прекращении переговоров.

Нам неизвестно, что думали Рузвельт и Хэлл в период с 27 ноября по 6 декабря 1941 года, получая в это время многочисленные, приведенные выше бесспорные доказательства намерения Японии начать агрессию, и начать ее именно на юге — против США, Великобритании и Голландии, прикрывая внезапный удар ширмой переговоров. Мы говорим «бесспорные доказательства», ибо они

основывались на японских совершенно секретных правительственных документах того времени.

Мы можем только предположить, почему Рузвельт допустил такой грубый просчет. Он оказался в плену созданной им схемы: бергхофское выступление Гитлера, план «Барбаросса», сведения об острой борьбе внутри правящей японской верхушки по вопросу «юг или север», — все это, вместе взятое, казалось Рузвельту достаточным, чтобы канализировать искусной дипломатией японскую агрессию на север или по крайней мере заставить Токио ограничиться уже захваченным в Китае. К этому прибавлялось еще одно, по мнению президента, решающее обстоятельство: в августе — ноябре 1941 года, несмотря на все усилия Советского Союза, германская армия, захватив огромные территории, все еще двигалась вперед, стояла у ворот Ленинграда, находилась в пригородах Москвы.

В этих условиях Рузвельту, видимо, казалось непостижимым, чтобы японцы предпочли в качестве нового врага не сильно ослабленный Советский Союз, с которым они имели в Маньчжурии обширную сухопутную границу, а нетронутые войной могучие Соединенные Штаты, отделенные от Японских островов тысячами миль морей и океанов. В этом мнении президента укрепляли его военные и, как мы видели, дипломатические советники, считавшие, что японская стратегия всегда заключалась в атаке слабейшего противника. Ошибкой Рузвельта было то, что он со своим реализмом и здравым смыслом, а главное, со своих позиций пытался мыслить за токийских правителей тогдашних лет. Кроме того, японских лидеров решительно отделяло от американского президента то обстоятельство, что они на собственном опыте имели случай убедиться, и не раз, в силе советского народа и оружия Страны Советов.

Но вот что известно точно, так это то, как реагировал президент, когда 6 декабря в 9 часов 30 минут вечера коммодор Л. Р. Шульц вручил ему тринадцать частей «воздушного послания». Шульц был допрошен объединенной комиссией конгресса. Приводим его показания, ставшие впоследствии достоянием Трибунала.

Ричардсон (генеральный советник комиссии. — *Авт.*): Что произошло, когда вы вручили эти документы президенту?

Шульц: Президент прочел документы, затем он передал их Гопкинсу... Гопкинс прочел эти документы и затем передал их обратно президенту. Президент повернулся к Гопкинсу и сказал — я не уверен, что это были его точные слова, но смысл был таков: «Это — война». Гопкинс согласился с ним...

Ричардсон: Можете ли вы вспомнить, что говорил каждый из них?

Шульц: Смысл я могу передать... Гопкинс сказал, что, поскольку война неминуема, японцы, очевидно, намерены нанести удар, как только они будут готовы, когда наступит наиболее благоприятный для них момент...

Председатель комиссии: Когда?

Шульц: То есть тогда, когда их вооруженные силы будут развернуты наиболее выгодным для них образом... Был упомянут Индокитай, поскольку японские войска уже высадились там, обсуждался вопрос, куда они двинутся в дальнейшем... Гопкинс заявил затем, что, поскольку война развивается, несомненно, благоприятно для японцев, очень плохо, что мы не можем нанести удар первыми и предотвратить всякую неожиданность. Президент кивнул, а затем сказал примерно следующее: «Нет, мы не можем этого сделать. Мы демократический и миролюбивый народ». Затем он повысил голос — это я помню совершенно твердо — и сказал: «У нас хорошая репутация...» Во время этой беседы Пёрл-Харбор не был упомянут...

Таким образом, к 9 часам вечера 6 декабря Рузвельту уже было ясно, что вся его политика в отношении Японии на протяжении 1941 года рухнула в результате его же просчета и что война неминуема. Но беседа президента с Гопкинсом в присутствии коммодора Шульца свидетельствует и о том, что оба собеседника были убеждены, что от этой войны Америку еще отделяет солидный запас времени, исчисляемый не днями и, разумеется, не часами. В худшем случае речь, по их мнению, шла о неделях. Фактически же до нападения на Пёрл-Харбор оставалось всего шестнадцать часов: атака японцев началась 7 декабря в 7 часов 50 минут по пёрл-харборскому времени, в 13 часов 35 минут по вашингтонскому времени и 8 декабря в 3 часа 55 минут по токийскому времени. Еще многое можно было сделать, объявив боевую тревогу

в бассейне Тихого океана на флоте, в авиации и в наземных войсках.

Однако, уже признав войну неминуемой, президент, осознав, таким образом, свой первый просчет, тут же допустил второй — временно́й, хотя расшифрованная американцами японская документация не давала для этого никаких оснований. Именно это предопределило разгром Тихоокеанского флота Соединенных Штатов. И Рузвельт, и его командующие, не сознавая, что истекают последние, роковые часы, боялись всего, что могло бы вызвать панику внутри страны или, что еще хуже, спровоцировать японцев на нападение, дав им какой-нибудь предлог. Находясь на грани мира и войны, они все забыли афоризм того же Рузвельта: «Единственное, чего мы должны бояться, это самого страха».

Прочитав расшифрованную японскую телеграмму, врученную Шульцем, президент сперва распорядился вызвать для консультации начальника морского штаба адмирала Старка. Но когда ему доложили, что адмирал смотрит в театре спектакль «Принц-студент», президент отменил свое распоряжение. Мотив? Это могло бы вызвать ненужную тревогу многочисленной публики: Старк сидел один в ложе, и его внезапный уход был бы сразу замечен. Адмирал же, вернувшись поздно домой, сразу заснул в ожидании приятного воскресного отдыха. Утром 7 декабря начальник объединенных штабов генерал Маршалл, как обычно, совершал свою верховую прогулку. Впоследствии Маршалла допрашивали на заседании объединенной комиссии конгресса. Там его, в частности, спросили, почему утром 7 декабря он послал командующему войсками на Гавайях генералу Шорту предупредительную телеграмму о возможной опасности войны (эта телеграмма была вручена Шорту уже после нападения на Пёрл-Харбор. — *Авт.*), вместо того чтобы немедленно связаться с ним по высокочастотному радиотелефону, который стоял у него на столе. Ответ Маршалла члены Трибунала могли прочесть в отчете комиссии: «Генерал Маршалл показал, что среди различных факторов, которые могли побудить его отказаться от использования высокочастотного радиотелефона, была возможность того, что японцы (видимо, путем радиоперехвата. — *Авт.*) истолковали бы факт передачи армией сигнала тревоги своим гарнизонам на Гавайях как враждебный акт. «Японцы, — сказал он, — воспользо-

вались бы почти любым предлогом, заявив, что мы совершили акт, вынудивший их принять определенные меры».

Лондон разделял иллюзии Вашингтона по поводу того, что война с Японией хотя и неминуема, но еще не стучится в ворота Британской империи на Тихом океане. Отсюда та же полная неподготовленность к отражению японского вторжения 7 декабря в Бирму, Малайю и другие английские владения.

Можно с уверенностью сказать, что вся история японо-американских переговоров 1941 года и внезапное нападение Японии на американские, британские и голландские владения в Тихом океане — это беспрецедентный пример игнорирования отличной работы собственной разведки. Почему беспрецедентный? Потому что в длинной истории разведывательных служб было немало примеров, когда правительства различных стран игнорировали важнейшие сведения, добытые их агентурой, иногда ценой собственной жизни. И пренебрежение такими сведениями приводило эти государства к тяжелым жертвам, а порой и полному поражению. Но ведь то все же были сведения агентурные, и, как ни велико было доверие к их источнику, всегда можно было предположить, что они носят отпечаток собственной концепции, собственного ви́дения событий тем или иным разведчиком, особенно когда такое ви́дение расходилось с данными, добытыми агентурой в других местах.

Здесь же было совсем другое: система «мэджик» впервые дала возможность Вашингтону быть в курсе событий немедленно после того, как они имели место, причем на такой бесспорной основе, как многочисленные совершенно и особо секретные японские государственные документы и директивы.

Это был самый очевидный и самый тяжелый просчет президента США за всю его политическую и государственную деятельность. Администрации Рузвельта, так же как и правительству Черчилля, пришлось вкусить горький плод политики «дальневосточного Мюнхена», как в свое время это случилось с Мюнхеном европейским. Но в трудные и решающие вечерние часы 6 декабря Рузвельт, несомненно, сделал и один правильный, политически дальновидный шаг. Поняв, что война на Тихом океане оказалась неизбежной, президент решил вырвать из рук

Токио один важный идеологический козырь, который сам за десять дней до того вручил правительству Тодзио. Рузвельт хорошо знал историю, а потому отлично понимал, какое значение имеет тот идеологический флаг, под которым поднимают народ на войну. Одно дело — оборона против агрессора, который напал, пренебрегая всеми возможностями примирения. Другое дело, если война началась вследствие слишком больших уступок, на которых ты сам настаивал и которые отклонила другая сторона, начав войну. Президент был человеком прозорливым, а потому сразу понял, как агрессор может использовать его ноту от 26 ноября, предлагающую Японии отказаться от всех плодов, добытых в результате десятилетних агрессивных акций. Хотя нота и не содержала никаких угроз и в случае ее отклонения предусматривала только продление уже введенных Вашингтоном законных экономических ограничений, токийские правители все же могли использовать ее как пропагандистский повод, чтобы доказать японскому народу, что это — ультиматум и что нет другого выхода, как война в целях сохранения своего государства. Это могло оказать некоторое влияние и на американский народ, где были сильны изоляционистские настроения. Разумеется, президент тогда не мог знать, что через шесть лет на Токийском процессе именно такая аргументация станет лейтмотивом защиты подсудимых от обвинения в развязывании агрессивной войны на Тихом океане. Он не мог предвидеть и того, что на процессах в Нюрнберге и Токио обвинение предъявит множество новых документальных доказательств, что японское правительство приняло окончательное решение о войне на Тихом океане и энергично готовилось к ней за многие месяцы до американской ноты от 26 ноября 1941 года.

Чтобы немедленно нейтрализовать идеологические козыри, имевшиеся в руках правительства Тодзио, Рузвельт в тот же вечер 6 декабря направил императору Японии личное пространное послание. В преамбуле президент не жалел красок, вспоминая «традиционную дружбу» США и Японии, восходящую к давним временам 1853—1854 годов, когда американская эскадра под командованием коммодора Перри прибыла в Японию. Правда, такой экскурс в историю представлялся малоубедительным: ведь именно Перри со своими кораблями силой навязал тогда слабой феодальной Японии ряд неравноправных догово-

ров. Впоследствии японо-американские противоречия тоже не раз обострялись, а с конца двадцатых годов нашего века превратили эти две державы в непримиримых империалистических антагонистов. Но соль послания президента была, разумеется, не в этих риторических упражнениях. Начисто «забыв» содержание ноты своего государственного секретаря от 26 ноября 1941 года, Рузвельт теперь предлагал Японии согласиться только на нейтрализацию Индокитая, Таиланда, Голландской Ост-Индии и Малайи, что в соответствии с его посланием могло бы стать фундаментом мира во всем южном районе Тихоокеанского бассейна. При этом вопрос об огромных территориях, захваченных Японией в Китае, обходился молчанием. Президент, в свое время решительно отклонивший предложение о личной встрече с Коноэ до достижения общей точки зрения по коренным вопросам, предлагал теперь личную встречу императору Японии.

В заключение Рузвельт призывал императора совместно с ним развеять темные тучи, нависшие над обеими странами, предотвратить смерть и разрушение...

Даже поверхностное ознакомление с этой последней предвоенной акцией Рузвельта в отношении Японии позволяет прийти к выводу, что в основном она полностью совпадает с уже известным нам дипломатическим сценарием, предложенным Курусу и Номура в их компромиссном варианте, направленном в Токио 26 ноября 1941 года, еще до получения ноты Хэлла от того же числа.

Здесь Рузвельт как бы свидетельствовал уже не только перед современниками, но и перед историей, что США в его лице, борясь за мир, пошли на такой компромисс с Японией, какой был предложен ее же собственными послами. Ведь он не сомневался, что придет время, когда мир узнает содержание этой телеграммы Курусу и Номура. После такого шага (Рузвельт правильно был убежден в этом) ни у кого не будет сомнения, что агрессором явилась именно Япония.

Американская пресса немедленно указала в экстренных сообщениях, что президент обратился с личным посланием к императору Японии, призывая к миру на Тихом океане. Этот правильный и дальновидный шаг позволил Рузвельту в речи по радио 9 декабря обоснованно возложить вину за начавшуюся войну на японских милитаристов, разумеется обойдя молчанием все, что касалось

политики «дальневосточного Мюнхена», ее просчетов и провала: «Я могу сказать с величайшей уверенностью, что ни один американец сегодня или спустя тысячу лет не будет испытывать ничего, кроме гордости, по поводу нашего терпения и наших усилий... направленных на достижение мира на Тихом океане... И ни один честный человек ни сегодня, ни тысячу лет спустя не сможет подавить чувство негодования и ужаса по поводу предательства, совершенного военными диктаторами Японии под прикрытием флага мира, который несли среди нас их специальные представители».

Эти специальные представители (Номура и Курусу) явились к Хэллу 7 декабря в 14 часов 20 минут для того, чтобы вручить свое «воздушное послание» из четырнадцати разделов, уже хорошо известное государственному секретарю. В этом послании, как известно, сообщалось не об объявлении войны, а только об одностороннем разрыве переговоров. Но даже такой дипломатический демарш был предпринят послами через сорок пять минут после японской атаки на Пёрл-Харбор и многие другие владения США и Великобритании. Уже дымились оставшиеся на плаву американские и английские корабли Тихоокеанского флота, уже закрыли глаза убитым и стонали раненые. Возмущенный Хэлл, отбросив в сторону все условности, заявил японским послам: «За пятьдесят лет дипломатической деятельности я никогда не видел документа, в котором было бы нагромождено столько гнусной, мошеннической лжи таких масштабов. И я никогда до сегодняшнего дня не мог себе представить, что какое-либо правительство на нашей планете способно на подобную ложь». А Корделл Хэлл немало повидал за полвека дипломатической деятельности.

Разумеется, нельзя категорически утверждать, что послание Рузвельта императору Японии ограничивалось исключительно стремлением не дать японскому агрессору никаких поводов для оправдания своих действий. Можно выдвинуть и такое предположение, что это была еще одна, последняя отчаянная попытка умиротворить агрессора, отказавшись от твердых требований, предъявленных 26 ноября. Но нам такая версия кажется маловероятной. В руках Рузвельта к вечеру 6 декабря была исчерпывающая и всеобъемлющая японская информация, которая не давала никакого повода надеяться, что какими-либо сред-

ствами можно остановить уже изготовившуюся к старту японскую военную машину.

Итак, мы сумели убедиться на основе ранее секретных, а ныне известных документов самого американского правительства, что в 1941 году Вашингтон ничего так не желал, как предотвращения войны США с Японией, и именно это было одним из составных элементов политики Рузвельта — оставаться «над схваткой» как можно дольше и при всех условиях не допускать борьбы на два фронта — и на Западе, и на Дальнем Востоке. Правда, мотивы такой политики, как мы знаем, были не всегда благовидны.

Вот теперь пришло время послушать тех, кто играл основную роль в развязывании агрессии Японии против Соединенных Штатов, Великобритании и Голландии. Начнем с того, что проследим судьбу послания Рузвельта японскому императору.

Как было установлено Трибуналом, американская пресса и радио, по указанию госдепартамента, немедленно и широко оповестили весь мир, как только послание президента императору было отправлено в Токио. Это послание шло с пометкой «чрезвычайно срочно» и по личному указанию Рузвельта в таком шифре, который американский посол в Японии Грю мог быстро и легко прочесть, а затем лично вручить императору. Трибунал располагал доказательствами, что японское правительство своевременно знало из секретных и несекретных источников содержание послания президента. Это взволновало заговорщиков: они опасались, что крупные уступки, сделанные Рузвельтом в его послании (по сравнению с требованиями ноты Хэлла от 26 ноября), а также предложение о личной встрече глав двух государств могут произвести впечатление на императора.

Поэтому было решено, что прежде всего надо не допустить встречи императора с послом Грю, который в личной беседе мог бы расширить и углубить аргументацию президента. А поскольку до начала нападения на Пёрл-Харбор и другие пункты оставались не дни, а часы, требовалось максимально задержать получение послания Рузвельта американским посольством в Токио, а потом, сославшись на неурочное время, предотвратить встречу Грю с императором.

Обратимся к приговору:

«Предпринимая последнюю попытку добиться мирного разрешения вопроса с японским правительством, президент Рузвельт обратился с личным посланием к японскому императору. Это послание было направлено американскому послу в Токио г-ну Грю с указаниями вручить императору. В Токио послание получили в полдень. Хотя его содержание стало известно японским чиновникам днем, послание было вручено г-ну Грю в 9 часов вечера. В 0 часов 15 минут 8 декабря 1941 года, расшифровав его, г-н Грю явился к министру иностранных дел Того и попросил аудиенцию у императора, чтобы вручить послание, однако Того заявил г-ну Грю, что он сам передаст этот документ императору. В 0 часов 30 минут г-н Грю покинул Того (в 10 часов 30 минут утра 7 декабря 1941 года по вашингтонскому времени)...

Трибуналу не было дано удовлетворительного объяснения задержки вручения г-ну Грю послания президента, адресованного императору. Эта необъясненная задержка исключила возможность всякого влияния, которое могло оказать данное послание».

Однако последняя фраза самого приговора отлично объясняет истинную причину такой задержки: лишить послание Рузвельта какого-либо практического значения.

Что же касается того, как фактически была осуществлена такая задержка, то и этот вопрос был предельно ясно установлен на суде. Допрошенные чиновники японского министерства связи и документ этого министерства, представленный Трибуналу, подтвердили, что в тот день по указанию японского генерального штаба все телеграммы, исходящие от американского посольства и направленные в его адрес, задерживались на длительное время. Так, послание Рузвельта было задержано на телеграфе, как указано в приговоре, в течение девяти часов. Этот неприятный для него факт был вынужден признать сам Того в своем аффидевите: «В то время я не знал, что телеграмма Рузвельта была передана г-ну Грю с опозданием. Показания, данные в Трибунале, установили, что входящие и исходящие телеграммы задерживались министерством связи по просьбе генерального штаба. Однако ни министерство связи, ни генеральный штаб не консультировались со мной, и я не знал, что подобные задержки имели место».

Что касается последнего, то здесь Того можно верить только на слово. Если же обратиться к его конкретным действиям, установленным Трибуналом, то они подтверждают, что он являлся одним из наиболее активных участников обмана императора.

Того дает Трибуналу показания: «Я впервые узнал о содержании телеграммы президента Рузвельта на имя императора от 7 декабря в 0 часов 30 минут 8 декабря, когда посол Грю посетил меня. Днем 7 декабря мы слышали, что эта телеграмма находится в пути, и я сделал запрос относительно ее местонахождения. Мне ничего не удалось установить (а телеграмма-то была положена в дальний ящик токийского главного телеграфа, о чем, разумеется, Того, если ему, конечно, верить, понятия не имел.— *Авт.*) до 10 часов вечера, когда посол Грю во время визита сообщил мне, что получена важная телеграмма, которая пока еще не расшифрована. Он заявил о своем желании снова посетить меня, как только телеграмма будет расшифрована. Вторично он посетил меня в первом часу ночи, сообщил о получении телеграммы Рузвельта и просил аудиенции у императора. Я заявил ему, что этого можно добиться только через министерство императорского двора и что ввиду позднего времени невозможно что-либо предпринять немедленно».

В данном случае слово «немедленно» было равносильно слову «никогда», а ради этого, как мы видели, и была задержана телеграмма Рузвельта. Заговорщики решили не допустить встречи императора с послом Грю для передачи послания президента и обсуждения его. Почему же слово «немедленно» в этой конкретной ситуации оказалось синонимом слова «никогда»? Да потому, что уже не часы, а минуты отделяли мир от начала японской агрессии.

Но вернемся к показаниям Того: «Грю оставил мне копию телеграммы. Я приказал немедленно перевести телеграмму. Учитывая важность этого события, я позвонил министру императорского двора г-ну Цунэо Мацудаира и сообщил, что от г-на Грю получена телеграмма Рузвельта на имя императора. Я передал ему также просьбу г-на Грю об аудиенции у императора и спросил его, как мне следует поступить, учитывая позднее время. Он сказал, что мне следует поговорить с министром — хранителем печати, так как это вопрос большой политической важно-

сти. Затем я отправился к маркизу Кидо, который посоветовал мне проконсультироваться с премьер-министром. Он сказал мне также, что император может принять меня даже в такой поздний час (коли дело обстояло так, тогда непонятно, почему в это же время вместо Того нельзя было принять посла Грю, учитывая экстраординарный характер самого визита? — *Авт.*). В 1 час 50 минут ночи перевод телеграммы был закончен, и я направился в официальную резиденцию премьер-министра Тодзио. Он заявил, что телеграмма подобного содержания приведет к неблагоприятным последствиям».

Вот это важное и откровенное признание! С точки зрения заговорщиков против мира, послание президента могло в последнюю минуту осложнить реализацию их плана. Удивительно, что Того допустил в своих показаниях такую оговорку.

Когда пришла очередь Тодзио стать у пульта, он эти же события осветил по-иному. Однако сам допустил другие просчеты: «Примерно в 1 час утра 8 декабря 1941 года (я не помню сейчас точно времени) ко мне неожиданно явился министр иностранных дел Того. Он заявил мне, что его посетил посол Грю и сообщил ему о получении личного послания президента Соединенных Штатов императору, и вручил копию этого документа. Министр иностранных дел сообщил мне также, что он намерен вручить это послание императору.

Я спросил министра, содержатся ли там какие-нибудь уступки сравнительно с позицией, занимаемой до сих пор США, и получил отрицательный ответ».

Значит, Того явился к Тодзио, имея при себе копию послания Рузвельта, а премьер-министр даже не стал утруждать себя чтением столь важного документа. Мы не сомневаемся, что именно так поступил Тодзио. Но что заставило его поведать об этом Трибуналу? Тодзио только спросил, содержатся ли в послании какие-нибудь уступки со стороны США, и якобы получил отрицательный ответ. Якобы, ибо трудно поверить, что Того мог дать главе правительства такую информацию. Ведь мы видели, насколько далеко пошел Рузвельт в своем послании навстречу Японии по сравнению с нотой Хэлла.

Равнодушие и полное пренебрежение к посланию президента диктовалось совсем другим, и об этом тоже поведал суду сам Тодзио: «Я заявил Того, что хотя я и не

возражаю против доклада императору по этому вопросу, однако опасаюсь, что к этому времени самолеты нашей ударной группы уже станут подниматься с авианосцев. Министр иностранных дел оставил меня, и я считал, что он немедленно отправился на доклад к императору».

Разумеется, Тодзио с наигранным негодованием отвергает установленные Трибуналом бесспорные факты, связанные с длительной задержкой на токийском телеграфе послания Рузвельта, задержкой по указанию генерального штаба, что и свело значение этой акции к нулю. Разве мог он, скромный слуга монарха, или кто-либо из его коллег обмануть своего суверена?

«Так впервые я узнал о послании президента, — заявил Тодзио. — Поэтому совершенно не соответствует действительности утверждение обвинения, что я заранее знал о послании президента Соединенных Штатов. И совершенно необоснованным является утверждение, что армия или правительство решили задержать вручение императору этого послания. В данной стране ни один подданный даже и не подумал бы совершить такое преступление против императора, как сознательная задержка послания главы другого государства, адресованного императору».

Но вернемся к показаниям Того о том, как развернулись события после его разговора с Тодзио: «Я вернулся после встречи с премьером в свою резиденцию, чтобы переодеться и подготовиться к аудиенции у императора. В 2 часа 30 минут ночи я направился во дворец и прибыл туда в 2 часа 40 минут.

В зале ожидания я встретил маркиза Кидо, и во время непродолжительной беседы, продолжавшейся три-четыре минуты, я рассказал ему о содержании этой телеграммы. С 3 часов до 3 часов 15 минут я был принят императором. Я доложил обо всем императору, получил его ответ и в 3 часа 30 минут вернулся в свою резиденцию.

На следующее утро, примерно в 7 часов 30 минут, меня посетил посол Грю. Я сообщил ему, что ввиду затруднений с телефонной связью аудиенция задерживается, и передал ответ императора на телеграмму Рузвельта и копию нашей окончательной ноты. Война уже началась, и посол не передал официально послание президента императору».

Итак, министру иностранных дел и министру — хранителю печати потребовалось всего три-четыре минуты, что-

бы обсудить и отклонить послание президента. Обсуждение этой же проблемы, включая ответ на послание Рузвельта, заняло на аудиенции у императора всего пятнадцать минут.

Естественно, что главный обвинитель Кинан подверг подробному перекрестному допросу и Того, и Кидо, и Тодзио. Вот некоторые характерные выдержки.

Вопрос: Господин Того, я прошу вас сообщить суду о содержании вашей беседы с премьер-министром Тодзио 8 декабря 1941 года.

Ответ: Я посетил Тодзио и подробно рассказал ему о содержании послания. Так как перевод был уже готов, то я сделал свое сообщение на основе этого перевода.

После этого Тодзио спросил меня, не готовы ли Соединенные Штаты пойти на бо́льшие уступки. Я ответил, что в данном послании не содержалось больше никаких уступок. На это Тодзио заявил: «В таком случае ничего нельзя сделать...»

Кинан хорошо помнил, что в приведенных выше показаниях Тодзио говорил, что Того только устно и кратко изложил ему суть послания Рузвельта. А потому обвинитель уточняет у бывшего министра иностранных дел этот вопрос.

— Далее я напоминаю вам, — сказал Кинан, — что это было очень важное послание, отправленное наиболее крупным мировым деятелем такой же крупной в то время личности. Вы согласны?

Ответ: Да, это так.

Вопрос: Вы прочитали перевод всего документа премьер-министру Тодзио?

Ответ: Мне кажется, что я прочитал почти весь текст.

Вопрос: Почему вы не зачитали ему (Тодзио. — *Авт.*) весь текст?

Ответ: В то время необходимо было в первую очередь и по возможности в ближайшее время доложить обо всем императору. Послание содержало целый ряд исторических фактов и личное мнение президента об отношениях между двумя странами. Поэтому я считал, что нет необходимости излагать весь текст, чтобы у Тодзио сложилось правильное представление о документе.

Вопрос: Обсуждая этот вопрос с императором, вы так же, только кратко, изложили содержание послания, как вы это сделали во время беседы с Тодзио?

Ответ: Я рассказал императору обо всем содержании документа...

Значит, Того вообще не читал императору послание Рузвельта, а только пересказал его содержание, очевидно, так, как считал нужным. Он мог скрыть имевшиеся там значительные уступки или изложить их не полностью. Сейчас это можно только предполагать. Но рассеянность Кинана помогает Того исправить эту оплошность в его ответе на следующий неточный вопрос главного обвинителя:

— Вы прочитали это послание президента императору слово в слово?

Ответ: Я не помню, прочитал ли я действительно императору послание слово в слово.

Вопрос: Какое послание?

Ответ: Я говорю о полном тексте послания президента Соединенных Штатов императору...

Затем Кинан спрашивает, как отнесся к посланию Рузвельта Кидо, с которым Того, как мы знаем, в течение трех-четырех минут разговаривал во дворце после своей беседы с Тодзио.

— Скажите, а к чему сводилась точка зрения Кидо, которую он изложил вам? — спросил Кинан.

Ответ: Она была очень проста. Он сказал: «Из этого ничего не выйдет».

Вопрос: И это все, что он сказал?

Ответ: После этого он спросил меня, что сказал Тодзио...

— А сообщили ли вы Кидо о том, что обсуждали с Тодзио ответ, который должен был дать император на эту телеграмму? — в упор спросил Кинан.

Ответ: Я рассказал ему о беседе с Тодзио и заявил, что Тодзио придерживается той же точки зрения, что и Кидо.

Вопрос: Господин Того, все это пустые слова. Я спрашиваю вас, сообщили ли вы Кидо о том, что вы с Тодзио обсуждали проект ответа императора на это послание. Сообщили вы об этом или нет? Сможете ли вы сказать, что вы не сочли нужным сообщить об этом министру—хранителю печати?

Ответ: Нет, я не сообщал ему о том, что мы договорились о проекте ответа...

Удивительно другое: как император утвердил проект

своего ответа Рузвельту, составленный Того, не вызвав для консультации маркиза Кидо или хотя бы не спросив министра иностранных дел, обсуждал ли он этот проект с министром—хранителем печати. Точно ответить на этот вопрос мог бы только сам император, но его никто не допрашивал.

А между тем Кинан все еще надеется внести ясность в эту исключительную ситуацию и настойчиво продолжает допрос Того.

— Вы говорили здесь о многих вещах,— обращается Кинан к подсудимому,—но до сих пор не дали ответа на мой вопрос: что мешало вам обсудить ответ императора с Кидо хотя бы после аудиенции? Во время этой аудиенции вы, безусловно, затрагивали важнейшие вопросы истории. Вы потрудились разыскать Кидо и поговорить с ним после того, как оставили императора?

Ответ: После аудиенции у императора я вернулся в приемную, но там уже никого не было. Я спросил камергера: «Где маркиз Кидо?» Он ответил, что маркиза в кабинете нет. После этого я оставил дворец.

Вопрос: Однако император Японии согласился даже с проектом ответа. Не хотите ли вы сказать, что император Японии был лишь номинально главой государства, что не доставляло никаких трудов получить его согласие и что это согласие представляло настолько небольшое значение, что не стоило даже просить камергера разыскать Кидо и сообщить ему о результатах аудиенции?

Ответ: Я не говорю сейчас о том положении, которое занимал император. Я говорю лишь о том, видел я Кидо после аудиенции или нет. Исходя из обстановки, сложившейся в то время, Кидо мог прекрасно понимать, что моя беседа с императором будет непродолжительной...

Тут Того показал правду: что толку долго обсуждать вопрос о мире, когда эскадра адмирала Ямамото уже в районе Гавайских островов, а с палуб авианосцев вот-вот взмоет ввысь и возьмет курс на Пёрл-Харбор авиация. А ведь это, как мы знаем, подтвердил в суде сам Тодзио. Но здесь, на скамье подсудимых, Того трудно прямо признать этот факт. Ведь признание приводит к единственному выводу: это было осуществление задолго до того продуманной и отлично организованной агрессии с нарушением одного из важных предписаний международного права — предварительного объявления войны или предъ-

явления ультиматума той стране, против которой начались военные действия. И что главное и самое неприятное — в этом заговоре принял весьма важное участие министр иностранных дел Японии, причем ему, человеку, которому по должности надлежало блюсти нормы международного права, досталась одна из ведущих ролей.

Но, как ни вертится Того, ему приходится признать один весьма неприятный факт — вся аудиенция у императора заняла только пятнадцать минут. Однако за это время вряд ли можно было даже внимательно прочесть текст довольно пространного послания Рузвельта. И конечно, никакой речи о его изучении, обсуждении и подготовке мотивированного ответа быть не могло. Да это и не требовалось в создавшейся обстановке, так как ничего уже практически не могло дать.

Вот как все это отражено в стенограмме.

Кинан: Вы явились к императору в 3 часа и оставили его в 3 часа 15 минут, это правильно? Или вы были в течение другого промежутка времени?

Ответ: Я не помню это сейчас точно, но мне кажется, что я оставил императора в 3 часа 15 минут. Впрочем, возможно, что эта беседа заняла немного больше времени.

Вопрос: Если это так, то она продолжалась в течение пятнадцати минут?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы разговаривали с императором в 3 часа утра по токийскому времени?

Ответ: Да.

Вопрос: И вы знали, что нота должна была быть передана Хэллу в 1 час дня по вашингтонскому времени?

Ответ: Да, знал.

Вопрос: Тогда правильно ли будет сказать, что вы знали о том, что военные действия должны были начаться меньше чем через час после того, как вы беседовали с императором?

Ответ: Я считал, что военные действия начнутся спустя два часа после вручения ноты или по крайней мере час спустя после вручения ноты, поэтому я не знал в то время, что военные действия вот-вот должны были начаться... Я не знал в то время, что военные действия начались...

Ответ окончательно запутавшегося Того не назовешь иначе, как лепетом.

Ну а как же император? Знал ли он о готовящейся атаке на Пёрл-Харбор? Знал ли время, когда эта атака должна произойти?

Что это за странный вопрос, могут сказать нам. Император не мог этого не знать, ведь именно он, согласно конституции, был командующим всеми вооруженными силами страны. И тем не менее обвинению пришлось задать Тодзио, тогдашнему премьеру и военному министру, немало вопросов, прежде чем он, и то с оговорками, признал эту банальную истину. А больше об этом спросить было некого: ведь обоих тогдашних начальников главных штабов армии и флота уже не было в живых. Тодзио же утверждал, что даже он сам узнал о предстоящем нападении только 1 или 2 декабря 1941 года, причем в беседе с начальником генерального штаба армии. Он утверждал также, что на совещании 1 декабря 1941 года в присутствии императора вопрос о нападении на Пёрл-Харбор вообще не обсуждался.

— Вы передали эти сведения императору Японии?— следует вопрос Кинана.

Ответ: Нет, я этого не делал, и это не входило в мои обязанности.

Вопрос: Кто нес ответственность за передачу этих сведений?

Ответ: Естественно, за это отвечали либо начальник генерального штаба, либо начальник главного морского штаба...

Затем Тодзио, давая уклончивые, замысловато длинные ответы, старается доказать, что премьер и военный министр «согласно японской структуре» не должны были информировать своего повелителя о такой акции, как нападение на Пёрл-Харбор. И наконец, под нажимом перекрестного допроса дает такой ответ:

— Высшее командование до некоторой степени несло ответственность за это, и, я полагаю, они сообщили императору заранее общие положения этого плана.

Вопрос: То есть плана нападения на Пёрл-Харбор?

Ответ: Да...

Кинан спрашивает Тодзио, виделся ли он с императором в первых числах декабря, в канун войны. Следует ответ, что в этот период он имел несколько аудиенций у императора, во время которых шла беседа о военной обстановке.

Кинан: Разговаривали ли вы с ним относительно предполагавшейся атаки на Пёрл-Харбор?

Ответ: Нет.

Вопрос: Вы намеренно уклонялись от этой темы в разговорах с ним или это было чистым совпадением?

Ответ: Я разговаривал с ним о более важных вопросах, о войне в целом, а Пёрл-Харбор был частью этой войны.

Вопрос: То есть вы хотите сказать, что вопрос о нападении на Пёрл-Харбор был лишь незначительной деталью, настолько незначительной, что о ней даже не стоило разговаривать в беседе с императором?

Ответ: Я совершенно не хочу, чтобы вы истолковывали мое заявление таким образом. Вопрос о Пёрл-Харборе не являлся незначительным вопросом, но только исходя из военной обстановки в целом. Пёрл-Харбор являлся лишь одним из этапов всей войны...

Здесь позиция Тодзио ясна: нападение на Пёрл-Харбор и другие объекты без объявления войны — одно из очень тяжких обвинений, вершина коварства и обмана в действиях японских милитаристов по развязыванию войны на Тихом океане. Вот почему подсудимый номер один твердит, что решение о нападении именно на Пёрл-Харбор и вся реализация этого решения «согласно японской структуре» дело рук начальников двух генеральных штабов — армии и флота (тогда уже покойников). Последовательно проводя эту линию, Тодзио великодушно готов снять за это вину и со своих коллег по скамье подсудимых. Делает он это весьма неуклюже.

Вопрос: Судя по протоколу допроса, вы заявили, а потом повторили в своем аффидевите, что министр иностранных дел Того и председатель планового бюро Судзуки знали о времени нападения на Пёрл-Харбор. Вы помните это?

Ответ: Я помню это. Я также помню, что исправил эту часть своего аффидевита.

Вопрос: Хорошо. Я цитирую из вашего аффидевита то, что вы говорите теперь: «Здесь допущена ошибка с моей стороны, и поэтому я хочу сейчас исправить ее». Не объясните ли вы нам, каким образом вы вспомнили правильный вариант этого события более чем год спустя после вашего допроса?

Ответ: Я являюсь живым существом, память может

исказить некоторые факты, а потом восстановить их так, как они действительно имели место...

Теперь нам, как в свое время и судьям, должно быть ясно, что когда в 3 часа утра 8 декабря 1941 года (по токийскому времени) император и Того беседовали о послании Рузвельта, то господин министр понимал полную беспредметность такого разговора, его практическую бесцельность, ибо он знал о нападении на Пёрл-Харбор и о считанных минутах, отделявших их от этого события, которое невозможно было предотвратить, даже если бы император этого пожелал. Неудивительно, что вся аудиенция уложилась в пятнадцать минут. Неудивителен также и интерес обвинения к тому, о чем же конкретно разговаривали в эти исторические минуты император и его министр иностранных дел.

Кинану пришлось затратить немало времени, чтобы выяснить этот, казалось бы, несложный вопрос. Заставить Того восстановить в памяти, что говорил он и что отвечал император. Бывший министр иностранных дел долго петлял в этом допросе: ему всюду чудились ловушки, подготовленные обвинением. Поэтому мы приведем только наиболее существенные выдержки из стенограммы, которые помогут представить, что происходило в этот ранний утренний час за плотно закрытыми дверями императорских апартаментов.

Кинан: Выясняли ли вы когда-нибудь, в какое время император получил эту телеграмму (речь идет о послании Рузвельта.—*Авт.*)?

Ответ: Телеграмма была вручена мне послом Грю, и я передал ее его величеству, и поэтому его величество никак не мог получить это телеграфное сообщение другим путем... Посол Грю вручил мне отпечатанную на машинке копию расшифрованной телеграммы, я перевел ее на японский язык и показал его величеству этот японский перевод.

Вопрос: Когда вы показали ему этот перевод?

Ответ: После трех часов утра восьмого декабря.

Вопрос: Какой у вас был с ним разговор на эту тему, если вообще был какой-нибудь разговор? Расскажите, пожалуйста, что вы ему сказали и что он сказал вам?

Ответ: Я говорил об общем содержании телеграфного сообщения, основываясь на японском переводе. Ответ императора я позже передал послу Грю.

Вопрос: В чем он заключался? Повторите нам как можно точнее слова, сказанные вам тогда императором Японии.

Ответ: После того как император услышал содержание телеграфного послания, переданного послом Грю, он спросил, какой ответ можно было дать на это послание. Я рассказал императору о консультации по этому вопросу с премьером Тодзио до этой аудиенции и сообщил, что Кидо в общем согласился с теми решениями, к которым мы пришли.

Но Кинан (и это понятно!) стремится по возможности восстановить с помощью Того подлинные слова самого императора во время этой аудиенции.

— Господин Того,—говорит он,—я стараюсь задать вам простой вопрос, чтобы услышать от вас прямой и простой ответ относительно разговора, независимо от того, какие высокие посты занимали лица, принимавшие в нем участие. Я хочу, чтобы вы сказали нам, что вы заявили императору и что он сказал вам. Желательно было бы, чтобы вы ответили на этот вопрос просто и понятно, а не делали двусмысленных и непонятных заявлений.

Ответ: На вопрос его величества я сказал, что было бы хорошо, если бы его величество ответил на эту телеграмму таким образом, как это и было сделано позже в документе, который я вручил послу Грю. Его величество сказал, что он одобряет такой ответ, и после этого я ушел...

Вопрос: Уточним, что вы сказали императору. Вы показывали ему, когда он спросил вашего совета, тот проект ответа, который фактически был дан позднее американскому президенту?

Ответ: Я сказал, что получено послание от президента Рузвельта, что в нем затрагивается только часть различных вопросов, которые продолжительное время обсуждались между правительствами Японии и Соединенных Штатов, что желание и мнение японской стороны по этому вопросу были полностью объяснены правительству США в Вашингтоне, поэтому господин президент должен хорошо это знать. Насколько я помню, ответ императора сводился к следующему: «Что касается меня, то я, как всегда, хочу мира. Теперь в отношении вашего предложения... Прошу вас правильно понять то положение, которое я уже высказал».

Вопрос: Было ли это послание передано непосредственно от императора Японии президенту Соединенных Штатов или государственному секретарю США?

Ответ: Оно было переслано через посла Грю...

Вопрос: Когда вы обсуждали эту телеграмму с императором, сказали ли вы ему, что уже слишком поздно, что военные действия уже начались почти в то самое время, когда вы вели беседу с императором?

Ответ: Нет, мы не обсуждали этот вопрос.

Вопрос: Вы знали об этом? Знали ли вы, что это было действительно так, что военные действия начались почти в то самое время, когда вы разговаривали с императором?

Ответ: Я не знал, что военные действия должны были начаться около трех часов утра.

Вопрос: Эта необычная телеграмма, адресованная императору, требовала срочного использования всей возможной власти в политических вопросах, не так ли?

Ответ: Да, мне кажется, телеграмма требовала именно этого...

И именно поэтому Тодзио, Того и Кидо вкупе с начальниками штабов сделали все, чтобы задержать вручение императору этой телеграммы, елико возможно, до наступления того момента, когда реально уже ничего нельзя было сделать.

После всего, что мы теперь знаем, какой ложью и ханжеством звучат известные нам слова из показаний Тодзио, что «в данной стране ни один подданный даже и не подумал бы совершить такое преступление против императора...».

Японский монарх был «земным божеством» в глазах своих рядовых подданных. Однако это не мешало ближайшим советникам обманывать монарха во имя заговора против мира.

Но, даже задержав послание Рузвельта на девять часов, дворцовая камарилья и при этих условиях боялась личной встречи японского императора с американским послом Грю. Заговорщики опасались, что вместо Того император выслушает Грю, который мог привести убедительную аргументацию в пользу обращения президента, которое содержало весьма льготные для Японии предложения. В подтверждение этой мысли Кинан предъявляет подлинный документ японского МИДа, составленный по

свежим следам в январе 1942 года, в котором излагаются события, непосредственно предшествовавшие войне.

Из этого документа, в частности, следует, что американскому послу Грю было отказано в его настойчивой просьбе получить аудиенцию у императора, дабы лично передать послание Рузвельта. Задерживая на девять часов это послание, лишая императора без его ведома возможности встретиться с американским послом, его приближенные пытались обманным путем обречь своего монарха на бездействие. Они опасались, что вмешательство императора может сорвать осуществление их преступных планов.

Ну а ближайший советник императора — министр — хранитель печати, он же подсудимый, Кидо как вел себя, что делал в ту печально знаменательную ночь и ранним утром?

Кинан ведет допрос Того именно в этом направлении:

— Ваш хороший друг Кидо находился во время этого совещания совсем недалеко, не правда ли? Вызывал ли его император?

Ответ: Я не слышал, чтобы его величество отдавал какие-нибудь приказы относительно того, чтобы пришел Кидо.

Вопрос: Не предложили ли вы — что было бы правильно,— дабы на этой важной беседе с императором присутствовал министр — хранитель печати?

Ответ: Когда кто-либо делал какое-либо сообщение Трону, то обычно император принимал этого человека наедине. Если его величество хотел спросить о чем-нибудь Кидо, министра—хранителя печати, он, естественно, мог сделать это отдельно. И поэтому с моей стороны было бы неуместным просить его величество позвать Кидо. Это неприемлемо в Японии.

Вопрос: Что там делал Кидо в этот ранний час, если вы можете сказать нам? Насколько я понимаю, в его привычки не входило находиться во дворце в такое необычное время.

Ответ: Когда я в это утро говорил с Кидо по телефону относительно моего намерения поехать во дворец, он сказал, что император с удовольствием примет меня в любое время (значит, и аудиенция американскому послу тоже была вполне возможна! — *Авт.*). И тогда же Кидо

сказал мне, что он тоже отправляется во дворец. Вскоре после моего приезда во дворец в комнату, где я ожидал, вошел Кидо...

Мы уже знаем из показаний Того, что эта встреча продолжалась три-четыре минуты, но этого времени оказалось более чем достаточно, чтобы обычно рассудительный маркиз дал «добро» на отрицательный ответ президенту Рузвельту.

Впрочем, самого Кидо такие показания отнюдь не устраивали. Он категорически уверял, что не знал содержания телеграммы Рузвельта императору Японии и не видел Того перед тем, как министр иностранных дел получил ранним утром 8 декабря аудиенцию у императора. Иначе говоря, Кидо хотел показать, что во время этих исторических событий был в стороне и не принимал участия в подготовке ответа Рузвельту.

Кинан вел настойчивый допрос, дабы показать, что это неправда. Поведение Кидо во время этого допроса ярко характеризует не только нравственную сущность этого человека, занимавшего в империи столь высокий пост, но и степень его умственного развития, находчивость. Вот почему этот судебный эпизод достоин внимания читателей.

Кинан: Тот факт, что император Японии давал аудиенцию министру иностранных дел в три часа утра, являлся необычайно важным событием. Вы знали это, не так ли?

Ответ: Да, вопрос был чрезвычайно важным, и именно поэтому я проследовал во дворец...

Вопрос: Неужели вы не подозревали, что эта телеграмма имела отношение к решительным или экстраординарным мерам, направленным на сохранение мира между двумя странами?

Ответ: Конечно, я был очень заинтересован в том, чтобы узнать, о чем шла речь. Я чувствовал, что телеграмма содержит что-то очень важное...

Следует иронический вопрос главного обвинителя:

— Неужели вы не подозревали, что это была отчаянная попытка предотвратить немедленное начало войны? Будучи активным борцом за мир, разве вы не были заинтересованы в том, чтобы всячески поддержать эту попытку?

Ответ: Да, я был сильно обеспокоен этим.

Вопрос: Почему же вы не дождались конца разговора императора с подсудимым Того, чтобы спросить его, о чем шла речь, и предложить свою помощь?

Ответ: Поскольку я находился в своем собственном кабинете, я не знал, что беседа императора с господином Того окончилась и что тот уехал домой. Поэтому я подождал некоторое время, но, узнав от камергера, что император также ушел, я отправился домой.

Вопрос: Таким образом, вы, что называется, были в полной неизвестности?

Ответ: Да, к сожалению, мне не удалось выяснить, о чем шла речь.

Вопрос: Вам определенно не везло в то утро, потому что сначала вам не хватило нескольких минут для того, чтобы Того успел сообщить вам содержание телеграммы, а затем вы пропустили тот момент, когда Того выходил от императора, не так ли?

Ответ: Это было именно так.

Вопрос: Конечно, вы не могли разбудить императора, но не пришло ли вам в голову по приезде домой позвонить Того и узнать содержание беседы?

Ответ: Нет.

Вопрос: А не является ли рассказанная вами история сплошным вымыслом и нелепицей и не знали ли вы содержание телеграммы еще до того, как прибыли в императорский дворец?

Ответ: Нет, я не знал содержание телеграммы.

Вопрос: Вы не позвонили Того намеренно или вам не пришло это в голову?

Ответ: Да, мне не пришло это в голову.

Вопрос: Знаете ли вы, что происходило на территории Гавайских островов в то время, когда вы находились во дворце, приблизительно с 2 часов 40 минут до 3 часов 50 минут утра 8 декабря?

Ответ: Я не знал этого.

Вопрос: А знаете ли вы теперь, что нападение на Пёрл-Харбор произошло приблизительно в 3 часа 50 минут утра по токийскому времени?

Ответ: Да, теперь я это знаю.

Вопрос: Значит, это было простым совпадением, что вы находились во дворце как раз в то время, когда нача-

лось нападение? Мне кажется, что на самом деле во дворце в это время было небольшое сборище, все хотели узнать, как проходит нападение на Пёрл-Харбор, не так ли?

Ответ: Я ничего об этом не знаю.

Кинан: На этом я кончаю допрос...

Не правда ли, весьма колоритная сцена! Один из наиболее видных представителей токийской элиты того времени петляет на допросе, как рядовой уголовник, окруженный со всех сторон стеной улик, но не желающий сделать признание.

Так встретили в Токио последнее компромиссное предложение Рузвельта. Это послание президента содержало ряд весьма и весьма существенных уступок в пользу Японии по сравнению с нотой Хэлла от 26 ноября 1941 года. Вот почему в свете этого факта и других обстоятельств японо-американских переговоров 1941 года особый интерес представляют показания подсудимых, категорически опровергавших предъявленное им обвинение в развязывании агрессивной войны на Тихом океане.

Из главных действующих лиц тех дней в живых остались трое — Тодзио, Того и военно-морской министр адмирал Симада. Когда Тодзио давал свои показания, можно было подумать, что перед Трибуналом находится истинный «голубь мира», который пустил в дело свой кроткий клюв только тогда, когда оказался лицом к лицу со смертельной опасностью.

Вот некоторые характерные выдержки из его обширного аффидевита: «...26 июля 1941 года японские фонды в Америке, Великобритании и Голландии были заморожены... Это решающее событие заставило нас принять срочные меры, обеспечивающие в будущем безопасность нашей страны и ее существование как нации». И Тодзио не жалеет красок, живописуя положение, в которое якобы попала тогда Страна восходящего солнца: «Смертельный удар был нанесен японской программе национальной обороны... Мы были вынуждены рассчитывать целиком на ресурсы внутри империи, на источники сырья в Маньчжоу-го, Китае, Французском Индокитае и Сиаме, будучи полностью изолированы от остального мира. Что касается основных видов сырья, то мы вынуждены были ограничиться лишь запасами, находившимися внутри страны... В связи с этой обстановкой наша национальная мощь сла-

бела с каждым днем. Например, по истечении двух лет наш флот был бы скован».

Рисуя эту картину, подсудимый номер один и, как мы увидим, некоторые его коллеги «забыли» только незначительные детали: экономические санкции США, Великобритании и Голландии были лишь законным, и добавим, весьма запоздалым ответом на многочисленные и многолетние акты японской агрессии в Азии. Более того, Тодзио и его коллеги «забыли» неоднократные предложения Вашингтона в ходе переговоров 1941 года полностью восстановить торговлю с Японией, в частности экспорт нефти и других стратегических материалов, и даже предоставить Токио крупный заем на весьма льготных условиях, если только японские милитаристы освободят захваченные территории.

А «забыв» все это и зная, что в руках обвинения находится важный документ (решение известного совещания от 6 сентября 1941 года, где говорится, что, если к 15 октября США не примут условий Токио, Япония нападет на Соединенные Штаты), Тодзио пытается обыграть эту улику обвинения на свой манер: ведь он был одним из основных авторов такого решения.

Вот как это отражено в стенограмме:

«Если бы Япония не могла найти выхода из создавшегося критического положения дипломатическими средствами, то ей не оставалось иного пути, как взяться за оружие и прорвать военную и экономическую блокаду, нависшую над ней. Принимая во внимание вышеуказанные соображения, а главное, соображение относительно военных операций, необходимо было установить срок переговоров с Соединенными Штатами на первую половину октября. Все эти обстоятельства, а также ряд других были основной причиной, побудившей к принятию 6 сентября новой политики».

Уже находясь на скамье подсудимых, Тодзио пытается уверить судей, что даже тогда, в 1941 году, японским руководителям, начинавшим новую агрессию, было ясно, что они не могут надеяться на победу в войне против двух великих держав мира. Но если это так, то зачем было лезть в драку? Что это — признание собственного авантюризма? Ничуть не бывало! Тодзио стремится доказать, что тогда перед японскими руководителями была такая альтернатива: гибель страны или риск войны крова-

вой и жестокой. Третьего не было дано. А раз так, могли ли колебаться «патриоты», стоявшие в ту пору в Токио у кормила власти?!

«У Японии не было иного выхода,—читаем мы дальше в стенограмме,— как продвинуться в Тихом и Индийском океанах, держа в своих руках важные стратегические пункты, оккупируя страны, необходимые в качестве источников военного сырья, и с помощью всех своих духовных и материальных сил отбивать атаки противника, пока хотя бы один солдат останется в живых».

Вместе с тем Тодзио пытается убедить судей, что якобы последней каплей, склонившей японскую чашу весов в пользу войны, была нота Хэлла от 26 ноября 1941 года. Вот как он описывает выводы, к которым 27 ноября пришло совещание по координации действий: «Меморандум Соединенных Штатов от 26 ноября представляет собой ультиматум Японии (хотя мы убедились, что в этой ноте не было ни единого требования, носившего ультимативный характер.—*Авт.)*... Проще говоря, Япония может быть атакована Соединенными Штатами в любой момент, и мы должны будем обороняться против этого нападения».

Читателю хорошо известно, что в действительности Рузвельт и его администрация в силу сочетания сложных причин делали все, чтобы избежать в то время войны с Японией. Но, может быть, Тодзио тогда это было неведомо? Увы, зная, что все телеграммы, посланные Номура в Токио, находятся в руках Трибунала, бывший премьер вынужден признать, подрывая фундамент собственных показаний, что «намерения правительства США в то время были ясно изложены послом Номура в его телеграмме от 3 ноября (1941 год.—*Авт.)*, которая давала общий обзор ситуации в Америке. Посол в этой телеграмме заявил, что США начинают принимать все более активное участие в атлантической войне и, таким образом, ослабляют свои усилия в отношении Японии. В той же телеграмме посол отметил, что США, ведя экономическую войну против Японии, одновременно с этим стремятся пожинать плоды победы над Японией, не прибегая к войне».

Поистине у лжи короткие ноги, особенно в случаях, подобных нашему, когда на ее пути поставлено множество непреодолимых барьеров. Одним из таких барьеров на

пути лживых показаний Тодзио стал попавший на судейский стол дневник Кидо, в котором описывалось совещание старейших государственных деятелей, окончательно решивших 29 ноября 1941 года вопрос о войне с США. Зная об этом, Тодзио вынужден признать, что некоторые участники совещания высказывали такую мысль: «Если даже переговоры будут прерваны, мы должны воздержаться от войны и составить план действий на будущее... война в интересах проведения нашей политики в Восточной Азии крайне опасна...» Тодзио, конечно, очень хотелось бы, попав на скамью подсудимых, изобразить, что он, премьер и военный министр, прислушался тогда к этим голосам, призывавшим к осторожности. Однако дневник маленького маркиза лишал его этой соблазнительной позиции. Поэтому Тодзио вынужден был признать, что, полемизируя с представителями умеренных среди старейших государственных деятелей, он утверждал: «Если мы примем этот курс, несмотря на провал переговоров, национальная оборона Японии будет поставлена под угрозу, так же как и существование Японии».

Успокаивая умеренных, Тодзио на этом же совещании, как он сам записал в своем аффидевите, уверял: «Но мы в любое время откажемся от наших планов... до того, как будет нанесен первый удар... при условии, что Соединенные Штаты дадут возможность решить создавшееся положение мирным путем».

Это была двойная ложь. В первый раз это была ложь, когда Тодзио выступал на совещании 29 ноября 1941 года. И второй раз, когда он пытался убедить Трибунал, что таковы были действительные намерения его правительства в те тревожные дни. Ведь мы хорошо помним, как Тодзио и его присные поступили с компромиссным предложением собственных послов в Вашингтоне, датированным 26 ноября, скрыв его и от старейших государственных деятелей, и от императора. Мы хорошо помним, какая судьба постигла послание Рузвельта главе японского государства. Естественно, что главный обвинитель Кинан в своем перекрестном допросе решил уличить Тодзио в лжи, но, как нам представляется, не использовал для этой цели два главных аргумента: судьбу компромиссного предложения послов Курусу и Номура и послания Рузвельта. Это позволило Тодзио уйти от существа вопроса в область общих рассуждений. Однако в этих рассуждениях есть дета-

ли, характерные для оценки личности самого Тодзио, и поэтому мы считаем полезным их привести.

Кинан: Если бы Соединенные Штаты Америки приняли план «Б», то не было бы нападения на Пёрл-Харбор, по крайней мере в то время, не так ли?

Очевидно, главный обвинитель, задавая такой вопрос, запамятовал, что его коллега Лопец предъявил Трибуналу совершенно секретный японский документ, завизированный подсудимым Муто и отражавший позицию верховного командования в случае принятия США плана «А» или «Б». Из документа, как уже говорилось, явствовало, что даже в этом случае война была неминуемой.

Разумеется, Тодзио не преминул воспользоваться упущением обвинения:

— Если бы Соединенные Штаты приняли только половину плана «Б», то, я полагаю, войны могло бы и не быть.

Кинан спешит уличить Тодзио во лжи. Обвинитель ссылается на известную телеграмму Того, адресованную Номура и Курусу, где указывается, что план «Б» является максимумом, на который может пойти Япония, и никакие дополнительные уступки недопустимы, и спрашивает, что скажет по этому поводу подсудимый. Следует характерный ответ Тодзио: «Я хорошо знаю об этом... Он был министром иностранных дел, я был премьер-министром. В дипломатии часто прибегают к методам барышничества и торгашества, а премьер-министр имел свою точку зрения. Но его слово не было последним. Последнее слово... содержалось в ноте Хэлла, которую руководители вашей страны бросили нам в лицо».

Кинан: Эта телеграмма была послана Того в соответствии с вашими инструкциями?

Тодзио: Не с моими инструкциями. Он передавал взгляды правительства... Это был дипломатический язык, и слова значили то, что они значат на самом деле... Но дипломатический язык не является мертвым языком, как, например, язык закона. Он состоит из живых слов, и поэтому вполне естественно, что их значение может меняться в зависимости от обстоятельств...

Этот пример неудачного допроса, когда неточность обвинителя позволила подсудимому попытаться вырваться из клещей улик, все же интересен для нас. Интересен тем, что в нем содержится весьма любопытное и откро-

венное определение империалистической дипломатии, сделанное одним из руководящих реакционных политиков сороковых годов нашего века. Оказывается, достоинство дипломатического языка заключается в его способности придавать одним и тем же словам разный смысл. Во что же при такой «теоретической» предпосылке превращается известный еще Древнему Риму принцип, гласящий, что договоры должны выполняться! И не результатом ли «теорий» Тодзио и его европейских друзей по «оси» являлись хаос и насилие, царившие в международной жизни тридцатых—сороковых годов нашего века!

Итак, позиция Тодзио ясна: тихоокеанская война велась Японией только в целях самообороны, больше того, в целях спасения нации. Впервые это стало ясно японским политикам 26 июля 1941 года после наложения секвестра на японские фонды в США, Великобритании и Голландии. Окончательным же толчком, вызвавшим в Токио решение о войне, явилась нота Хэлла от 26 ноября 1941 года. А так как война в целях самообороны с позиций международного права — война законная и справедливая, то он, Тодзио, естественно, не может понять, почему его судят за участие в заговоре, созданном для подготовки, развязывания и ведения агрессивных войн.

Эта же мысль пронизывает показания Того, Симада и некоторых других подсудимых, которым было предъявлено аналогичное обвинение. Можно сказать, что Того на суде высказался по этой проблеме даже еще решительнее, чем Тодзио. Так, говоря о ноте Хэлла, бывший японский министр иностранных дел утверждал: «Предъявить такие требования означало привести к гибели Японию как великую державу в Восточной Азии. Если бы сложилась такая обстановка, Япония с экономической точки зрения не смогла бы дальше существовать. Другими словами, можно сказать, что в свете международной обстановки Япония была бы поставлена в такое же положение, в каком она находится в настоящее время».

Отвечая на вопросы Кинана в связи с совещанием комитета по координации и принятым там 28 ноября 1941 года решением о войне с США, Великобританией и Голландией, Того упрямо утверждал, что причина всего — нота Хэлла: «Казалось, что для Японии не было другой альтернативы, ведь речь шла не только о чести Японии, но также и о самом ее существовании... Япония должна

была выбирать между войной и самоубийством... Вследствие этого пришли к общему мнению, что не осталось другого выбора, как вступить в войну в целях самообороны...»

Кинан: Почему принятие ноты Хэлла рассматривалось Японией как самоубийство?

Того: В том случае, если бы нота Хэлла была принята, Япония должна была бы немедленно отвести свои войска с территории Китая и Фанцузского Индокитая. И все, чего добилась Япония к тому времени (то есть, плоды ее многолетней агрессии! —*Авт.)*, а также все ее планы в отношении континента (точнее — в отношении полного покорения Китая!—*Авт.)* были бы сведены на нет.

Кинан: Употребляя выражение «война в целях самообороны», вы имеете в виду так называемый «китайский инцидент», или, говоря прямо, китайскую войну?

Того начал юлить: «Из тех фактов, которые были мне известны в то время, хотя и не в каждом случае, можно было сделать заключение, что и в «китайском инциденте» присутствовал элемент самообороны».

На это последовал точный вопрос обвинителя:

— О какой самообороне можно было говорить, если бои шли в самом центре Китая?

И сникший экс-дипломат вынужден был признать:

— Что касается этого вопроса, то я считал, что такие действия зашли слишком далеко.

Того, красноречиво доказывавшему, что принятие американских условий равносильно самоубийству Японии, можно было напомнить многое. Например, американский проект от 21 июня 1941 года, где отсутствовало требование эвакуации японских войск из Китая и предусматривалось заключение нового торгового договора для восстановления нормальных экономических взаимоотношений. Или предложение Рузвельта от 24 июля 1941 года, в котором в ответ на согласие гарантировать нейтралитет Индокитая предусматривалось возобновление в полном объеме снабжения Японии сырьем и продовольствием. И все же единственным ответом Токио на такие уступки Америки явилась оккупация всего Южного Индокитая.

Да, выдвинутая подсудимыми позиция «самообороны» была крайне опасной позицией. Она давала обвинению, как еще будет показано, много возможностей для наиболее яркого изобличения тех, кто пытался на ней закре-

питься. Но ведь утопающий, как говорят на Востоке, готов ухватиться и за хвост змеи.

Дуэт Тодзио—Того на тему о самообороне сразу превратился в трио, как только к пульту был вызван адмирал Симада. Его аффидевит местами звучит патетически. Начисто забыв все то, что добыто судебным следствием, адмирал утверждал: «Я уклонюсь от истины, если не скажу, что был искренне убежден, что Тодзио, заняв пост премьер-министра, понимал всю тяжесть ответственности, которая была возложена на него, и твердо решил сделать все, что в его силах, чтобы урегулировать спорные вопросы дипломатическим путем, а не силой оружия, несмотря на позицию, которую он занимал прежде».

Вероятно, даже сам Тодзио почувствовал, что его бывший военно-морской министр допустил здесь перебор. Но это был лишь один из признаков утраты чувства меры. Аффидевит Симада изобиловал примерами подобного рода. Стоя на свидетельском месте и объясняя, что единственной причиной, вызвавшей тихоокеанскую войну, была нота Хэлла, адмирал призывал Трибунал поверить в то, что его показания адекватны исторической правде:

«Я никогда не сомневался, что Япония, как и любая другая нация, имеет суверенные права действовать в интересах самосохранения и имеет право сама, в зависимости от сложившихся обстоятельств, защищать эти права».

Если поверить малопочтенному адмиралу, то можно подумать, что правительство Тодзио и верховное командование Японии поздней осенью 1941 года сплошь состояло из людей, сугубо осторожных и пацифистски настроенных в отношении США и Великобритании: «Правительство вместе с верховным командованием изучало создавшееся положение очень серьезно. Ни один человек из той или другой группы не хотел войны ни с Соединенными Штатами, ни с Великобританией. Военные круги знали слишком хорошо, как глубоко они увязли в «китайском инциденте», который тянулся свыше четырех лет, и не было надежды, что он будет успешно разрешен. Поэтому говорить о том, что мы добровольно втянулись еще и в военные действия против таких держав, как Соединенные Штаты и Великобритания,— это значило бы, что мы поступили необдуманно с военной точки зрения».

Какое же чрезвычайное обстоятельство толкнуло этих благоразумных и миролюбивых джентльменов на путь

войны? Оказывается, виновницей всего была нефть: «Запасов нефти в стране могло хватить не больше чем на шесть месяцев. Поэтому,— утверждает Симада,— на совещании у императора 5 ноября 1941 года верховное командование заявляло, что если оно будет вынуждено ждать до следующей весны, то тогда оно не сможет, если даже этого потребует правительство, рискнуть начать морские бои из-за систематически уменьшающихся запасов нефти. Командование также заявило, что если дипломатические переговоры провалятся, то необходимо начать действовать, и это должно произойти в самом начале зимы, иначе они не смогут вести войну совсем. Наступающий декабрь, северо-восточные муссоны, которые должны начаться в проливе Формозы, на Филиппинах и в районе Малайи, очень затруднят военные операции. Вот тогда в этой атмосфере растущего отчаяния, вызванного сложившейся обстановкой, которую я описал, правительство решило разработать мероприятия для ведения войны».

И надо же договориться до такого абсурда! Все дело, оказывается, в том, что Японии не дали создать примерно двух-трехлетний запас нефти. А будь это, возможно, не началась бы тихоокеанская война... и тогда японо-американские переговоры тянулись бы еще долгое время!

Вот какие объяснения по поводу всемирно-исторических событий приходилось порой терпеливо выслушивать Трибуналу. Разумеется, так же как Тодзио и Того, Симада указывает, что последним решительным толчком к войне была нота Хэлла:

«...Я совершенно откровенно заявляю, что вот этот ответ Соединенных Штатов заставил меня перейти границу мира, когда было вынесено окончательное решение на известном уже здесь совещании от 1 декабря 1941 года. Даже в этот час полусумерек все еще было время предотвратить военные действия, если бы Соединенные Штаты признали, что мы были искренни в своем желании добиться компромисса».

Давая такие показания, адмирал, как и его коллеги по скамье подсудимых, разумеется, забыл упомянуть послание Рузвельта императору, полное уступок Японии. Ему, как Тодзио и Того, этот факт был явно не с руки.

Мысль подсудимых была несложной: пока Япония безнаказанно захватывала огромные территории и никто ей в этом не препятствовал, все было нормально. Но вот

США предложили японским войскам вернуться в пределы собственной империи. Правда, Японии оставляли в придачу территорию Маньчжурии. Но одновременно подчеркивалось, что невыполнение указанного условия вызовет применение экономических санкций. И только! Как же восприняли все это тогдашние правители Японии? Если верить тому, что они говорили, перекочевав из дворцов и министерских кабинетов на скамью подсудимых, то тогда, в декабре 1941 года, перед ними была жесткая альтернатива: война с США и Великобританией или «национальное самоубийство». И чтобы предотвратить это «национальное самоубийство», Япония, обладавшая собственной территорией в 372 тысячи квадратных километров с населением 75 миллионов человек, посчитала, что ей мало того, что она уже захватила в Китае, включая Маньчжурию! «Спасая родину», подсудимые развязали серию новых агрессивных войн. При этом были убиты, казнены и погибли под пытками миллионы патриотов в тех странах, куда вторгались японские захватчики. А шагали они первое время широко и весело, так же как их гитлеровские друзья и союзники: Индокитай, Малайя, Голландская Индия, Филиппины, Бирма, бесчисленные острова и военно-морские базы на безбрежных просторах Тихого и Индийского океанов. В результате японские агрессоры оказались на подступах к Индии и Австралии. Учитывая же успешное наступление Роммеля на Ближнем Востоке, немецкий и японский генеральные штабы летом 1942 года стали уже всерьез подумывать о дружеском рукопожатии представителей их стран не где-нибудь, а прямо в Индии.

Тем же летом 1942 года премьер Тодзио, впоследствии подсудимый номер один на Токийском процессе, бахвалился в своем публичном заявлении... что после объявления войны Соединенным Штатам и Великобритании Япония заняла обширные территории площадью около 4,5 миллиона квадратных километров с населением 150 миллионов человек (если включить сюда и водные пространства, то под контролем японских вооруженных сил, в соответствии с утверждением Тодзио, оказалась площадь в 50 миллионов квадратных километров!).

Так правители Японии пытались предотвратить «национальное самоубийство».

И об этом говорилось среди руин Токио, атомных пепелищ Хиросимы и Нагасаки, говорилось в стране, дове-

денной людьми, оказавшимися на скамье подсудимых, до грани действительной катастрофы. Говорилось, невзирая на могилы миллионов японцев, которые поверили своим руководителям и погибли в развязанной ими войне.

Как это ни парадоксально, подсудимые и адвокаты, особенно американские, шли еще дальше. Они утверждали, что нота Хэлла от 26 ноября 1941 года, означавшая не более чем запоздалый конец «дальневосточного Мюнхена», в действительности якобы являлась ультиматумом, который не могла принять ни одна уважающая себя держава, что именно эта нота спровоцировала Японию на развязывание агрессии.

В период «холодной войны» — в конце сороковых и в пятидесятых годах — эта адвокатская легенда оказалась весьма живучей. Она вышла далеко за пределы зала, где велся Токийский процесс, и нашла отражение даже в солидных «научных» исторических трудах. В них, разумеется, не было и речи о том, чтобы пытаться спасти японских военных преступников: это было уже невозможно. Авторы подобных трудов вернулись к адвокатской легенде, чтобы подвергнуть критике «справа» политику такого выдающегося президента, как Рузвельт, который, несмотря на все свои колебания, ошибки и непоследовательность, умел прислушиваться к голосу разума и выбирать правильное направление в политике, хотя порой с опозданием.

Сложившаяся в те годы реакционная школа историографии минувшей войны изображает агрессором... Рузвельта, а Германию и Японию... обороняющимися сторонами.

Один из таких историков — Тэнзилл — писал, что «Рузвельт уже настроил и приготовил свой «оркестр смерти». Он ждет лишь, чтобы Германия дала ему удобный повод. Но когда президент понял, что Гитлер не даст ему повода для войны, он обратился к Дальнему Востоку и усилил нажим на Японию». Если верить Тэнзиллу и его коллегам — Моргенштерну и Сэнборну, то США провоцировали Японию на войну. С этой целью Рузвельт с нарочитым невниманием относился к судьбе Тихоокеанского флота, соблазняя, таким образом, Японию совершить нападение на Гавайи. Эту версию с усердием поддерживают битые в Пёрл-Харборе адмиралы Кимелл и Тэоболт в книге «Последний секрет Пёрл-Харбора», утверждая,

что Рузвельт нуждался в «ошеломляющем инциденте», чтобы ввергнуть США в войну. Тэоболт без обиняков пишет: «Пёрл-Харбор — это свидетельство, что стратегия Рузвельта по насильственному вовлечению Японии в войну... увенчалась полным успехом».

Другой представитель этой же реакционной школы Дж. Чемберлин откровенно обнажает классовое лицо своих коллег: «Не было ни моральных, ни гуманных соображений в пользу того, чтобы предпочесть советское стремление к завоеваниям стремлению нацистскому и японскому... С точки зрения хладнокровной оценки американских интересов наличие центра агрессивной экспансии в Москве не было более желательно, чем существование двух центров в Берлине и Токио». И, подытоживая все эти от начала до конца лживые рассуждения, которые, как убедился и еще убедится читатель, были полностью разоблачены и опровергнуты на процессе, уже упомянутый Тэнзилл пишет: «Дальневосточный трибунал осудил не тех людей... Было бы лучше, если бы Трибунал заседал в Вашингтоне, а не в Токио».

Даже что-либо близкое к этому циничному утверждению не решились сказать самые «смелые» адвокаты на Токийском процессе, такие, например, как американцы Блэкни и Каннингэм, хотя последний вел себя настолько вызывающе, что Трибунал, ни в чем не стеснявший защиту, отстранил его от участия в процессе, правда, после того, как судебное следствие фактически закончилось.

Почему же адвокаты в Токио были «скромнее» историков и адмиралов реакционной школы историографии в США? Во-первых, потому, что было просто невозможно говорить нечто похожее перед лицом убийственных доказательств, собранных обвинением. Во-вторых, потому, что адвокаты произносили свои речи тогда, когда костер «холодной войны» только еще разгорался. Перечисленные же нами историки выпускали свои труды в середине пятидесятых годов, когда «холодная война» бушевала с такой силой, что любая ложь антисоветского и даже профашистского толка имела шансы на успех.

Какие же неотразимые доказательства оказались в руках обвинения, доказательства, начисто опрокидывавшие фундамент защиты подсудимых, а заодно и утверждение этих историков?

Как мы уже видели, подсудимые, выдвинув тезис о

самообороне во имя «спасения нации», утверждали, что мысль о подобной войне впервые возникла только тогда, когда 26 июля 1941 года США, Великобритания и Голландия наложили секвестр на японские фонды в этих странах. Само же бесповоротное решение сражаться было принято лишь в ответ на ноту Хэлла.

Обвинители не пожалели ни времени, ни сил, чтобы доказать, что вся эта версия лжива от первого до последнего слова. В руках обвинения — так называемый основной план, составленный японским военным министерством в далеком 1937 году. Четыре года отделяло авторов этого документа и от секвестра японских фондов за рубежом, и от хорошо известной ноты Хэлла. И все же план этот преследует одну цель: завершить полную подготовку Японии к войне на Тихом океане. И какое неприятное совпадение — эта подготовка должна быть закончена именно к концу 1941 года. Такая улика дает полное основание Кинану заявить в своей заключительной речи, что развязанная японцами война «представляла собой тщательно обдуманный и составленный с холодным расчетом план, который был выполнен в точности не только по существу, но и по времени».

19 июня 1940 года посол Германии Отт, хорошо информированный в вопросах японской политики, радирует своему начальству в Берлин: «По взгляду из Токио, усиление японских позиций в Восточной Азии путем захвата Индокитая уже само по себе служит, без сомнения, интересам Германии. Таким образом, с одной стороны, увеличиваются шансы на быстрое окончание «китайского инцидента», а с другой стороны, разногласия между Японией и англосаксонскими державами вырастут до такой степени, что опасность соглашения между ними будет ликвидирована на долгое время».

Берлин прислушался к мнению посла, оказал давление на марионеточное правительство Петена, и вскоре японские войска распространились по всему Северному Индокитаю. Разумеется, в Токио не хуже Отта понимали последствия такой акции. И не только понимали. Впечатляющие победы Германии в Европе, достигнутые к тому же малой кровью, вскружили голову японским милитаристам, сделавшим на этом основании поспешный вывод о военной слабости США и Великобритании и о возможной агрессии против них. И вот 1 августа 1940 года послу в

Берлине Курусу (кстати, это тот самый Курусу, который в ноябре следующего года прибудет в Вашингтон в качестве главного миротворца) поручается зондаж германского союзника. Цель зондажа: выяснить отношение третьего рейха к агрессии Японии против США. Курусу беседует с Вейцзекером, правой рукой Риббентропа. Теперь германская запись этого разговора в руках американского обвинителя Тавеннера. Она бьет по тезису подсудимых и защиты «о самообороне и спасении нации». Ведь западные державы в это время еще снабжают Японию всем необходимым, в частности и для войны. Ведь еще 16 месяцев отделяют собеседников в Берлине от ноты Хэлла.

Что же обсуждают два высокопоставленных дипломатических чиновника?

«Японский посол, с которым я имел сегодня деловую беседу... свел ее к роли, которую новое японское правительство (второй кабинет Коноэ.— *Авт.*) будет играть в большой политике.

Он считает, что японская политика должна смотреть далеко вперед. Очевидно, Курусу не думает о быстром окончании войны... Поэтому, естественно, важнее всего отношения Японии с Россией и США. Посол напомнил о том, что, когда он, Курусу, был у министра иностранных дел Германии, тот обрисовал ему огромное значение, какое будет иметь японо-германская дружба и сотрудничество.

Однако он сказал, что не совсем понимает, как именно мы представляем себе это сотрудничество. Он не знает, хотим ли мы и если хотим, то когда, чтобы Япония бросила свою мощь на весы настоящего конфликта».

И дальше Курусу обсуждает возможные варианты этой проблемы так же просто и спокойно, как будто речь идет о совсем незначительных предметах.

«Если, например, Япония вступит в войну с Америкой, в то время как Германия считает, что конец войны близок, и ожидает скорой победы, тогда оказалось бы, что Япония действует наперекор желаниям Германии. Если же, с другой стороны, Япония не вступит в войну сейчас, то в будущем ее флот будет большим потенциальным фактором в руках треугольника Берлин— Рим — Токио.

У нас сложилось мнение, что Курусу ожидает от нового правительства проявления тенденции к участию в войне».

Что касается Вейцзекера, то он, очевидно не имея полномочий, ограничился в этом случае ролью слушателя, обязанного передать услышанное своим шефам. О том, что Курусу не проявил здесь собственной инициативы, а только выполнял поручение японских правящих кругов, свидетельствовал на суде ряд документальных доказательств. В главе «Неудавшийся Талейран» мы уже знакомили читателей с некоторыми из этих доказательств. Поэтому кратко напомним лишь самое существенное о тезисе «самообороны», важное для нас в плане его опровержения.

12 июля 1940 года состоялось совещание представителей трех министерств — военного, военно-морского и иностранных дел. Еще почти 16 месяцев отделяют участников этого совещания от ноты Хэлла, и больше года остается до решения Рузвельта о секвестре японских фондов. А ведь именно эти две американских акции, если верить Тодзио, Того и Симада, толкнули Японию на путь войны. Вот что решило авторитетное совещание по интересующему нас вопросу: «Япония предложит Германии свою поддержку и сотрудничество как против Соединенных Штатов, так и против Советского Союза... Япония... объявит о своем намерении начать самостоятельную войну против Великобритании, когда будет решено, что благоприятный момент настал».

Едва организовавшись (26 июля 1940 года), второй кабинет Коноэ принимает решение о создании Японией пресловутого «нового порядка в великой Восточной Азии». 1 августа это решение публикуется в качестве правительственного коммюнике. В тот же день Мацуока выступает по радио, чтобы оповестить мир, какие средства Токио намерен пустить в ход, чтобы реализовать эти огромные по масштабам агрессивные планы: «Для достижения такой цели Япония должна быть готова к преодолению всех стоящих на ее пути препятствий... Во взаимодействии с теми державами, которые готовы к сотрудничеству с ней, Япония с храбростью и решительностью будет стремиться к достижению идеала, предначертанного ей самим небом».

Для каждого, кто обладал политическим слухом, после этого коммюнике стало предельно ясным, что Страна восходящего солнца избрала путь агрессивной войны. И действительно, этому публичному выступлению Мацуока

предшествовало одно важное и еще неизвестное нам закулисное событие.

Придет время, и Трибунал, используя материалы обвинения, запишет в приговоре: «19 июля 1940 года (на второй день работы нового кабинета. — *Авт.*) Коноэ, Мацуока, Тодзио и Ёсида (военно-морской министр. — *Авт.*) совещались для того, чтобы сформулировать политику нового кабинета... Они решили, что английские, французские, голландские и португальские владения должны быть включены в сферу «нового порядка» Японии. Если Соединенные Штаты не будут препятствовать осуществлению этих планов, Япония не будет стремиться к нападению на них, но, если Соединенные Штаты попытаются помешать Японии, Япония, не колеблясь, прибегнет к войне...»

Читатель, видимо, помнит секретный протокол заседания Тайного совета Японской империи 26 сентября 1940 года, где обсуждался вопрос о заключении «пакта трех». Тогда неизбежность войны с Америкой считалась уже постулатом, не требующим никаких доказательств. Деловито обсуждались лишь конкретные и необходимые меры подготовки к такой войне. И вот американский обвинитель Тавеннер знакомит членов Трибунала с выступлением Мацуока на этом заседании Тайного совета, выступлением, имеющим прямое отношение к пресловутому тезису «о самообороне и спасении нации»: «...В настоящее время нам ничего не осталось делать, как только держаться твердой политики. Если будет так, то мы должны справиться с Америкой, тесно объединившись с возможно большим количеством стран...»

В руках обвинения новый документ — план японской внешней политики, составленный 28 сентября 1940 года министерством иностранных дел. На сей раз на повестке дня — вопрос о Великобритании, точнее, поиски повода для войны и с этой страной: «Используя в качестве предлога помощь Чан Кай-ши, которую Англия оказывает путем поставок по бирманской железной дороге, и используя в качестве предлога нашу ссылку на то, что мы не можем терпеть такое положение, когда миру на Востоке угрожают английские вооруженные силы, базирующиеся в Сингапуре, Япония потребует отвода всех английских войск с Тихого океана и, если Англия отклонит это требование, начнет войну».

Да, Токийский процесс, так же как и Нюрнбергский,

особенно ценен тем, что он не только и даже не столько установил вину отдельных подсудимых, сколько дал возможность сотням миллионов непосвященных заглянуть на кухню империалистической дипломатии, поднять крышки котлов и воочию убедиться, что и как там готовится, причем отнюдь не на благо человечества. Большинство «блюд», изготовленных в «кухнях» буржуазных министерств иностранных дел по старым «кулинарным рецептам», ныне слишком просты, чтобы обмануть народы мира, обогащенные опытом второй мировой войны. В то же время существование мировой системы социализма весьма усложнило деятельность империалистических «поваров» от дипломатии. А потому сейчас бесконечно сложней ввести народы в заблуждение, пытаясь прикрыть агрессивные стремления самыми завуалированными формулировками. И все же в министерствах иностранных дел некоторых капиталистических государств пытаются изворачиваться...

Но вернемся в зал суда. 4 октября 1940 года Коноэ выступает с заявлением, предназначенным для прессы. Трибунал счел необходимым кратко изложить в приговоре суть этой декларации тогдашнего японского премьера: «...Если Соединенные Штаты откажутся понять истинные намерения Японии, Германии и Италии, будут продолжать свои вызывающие акты и будут сохранять свою вызывающую позицию, то и Соединенные Штаты, и Англия окажутся вынужденными воевать с Японией, а это означает, что Япония будет вынуждена вступить в войну с ними».

По мере хода судебного следствия становилось все яснее и яснее, что центральная позиция подсудимых и защиты в фазе тихоокеанской войны, позиция «самообороны и спасения японской нации», терпит бесповоротный и полный крах. В действительности перед нами был план заведомой агрессии, который заговорщики исподволь, тщательно готовили в течение многих месяцев. Обвинение же, со своей стороны, сделало все, чтобы это доказать, и доказать с огорчительной для подсудимых полнотой...

Обвинитель Тавеннер, произнося свою заключительную речь, напоминает судьям, что в январе 1941 года Номура отправился в свой длительный дипломатический вояж в Вашингтон. И что накануне отъезда посол получил инструктаж от самого Мацуока. Шеф предупредил посла, что «Япония пришла к определенному решению начать

войну с США, если США примут участие в европейской войне... В инструкциях, которые Мацуока дал Номура, подчеркивалось, что Япония собирается в дальнейшем продолжать осуществление программы (точнее — агрессии. — *Авт.*) для создания сферы сопроцветания великой Восточной Азии. и что взаимопонимание (имеется в виду взаимопонимание с Соединенными Штатами. — *Авт.*) может быть достигнуто только на этой основе».

Не успел Номура ступить на американскую землю, как 24 января 1941 года предусмотрительные и дальновидные чиновники военного министерства и министерства финансов Японии издают совместный и совершенно секретный приказ печатать оккупационные деньги для ряда стран Азии. А уже в мае того же года первые увесистые пачки этой «валюты» складируются в подвалах японского государственного банка. И что характерно: наименования подобных, попросту говоря, фальшивых купюр, хотя и выпущенных с благословения правительства, точно совпадали с географическими названиями пунктов предстоящих агрессий. Это позволило Трибуналу обоснованно утверждать в приговоре:

«Еще в январе 1941 года военное министерство совместно с министерством финансов начало подготовлять военно-оккупационные денежные знаки для использования в районах, которые, как предполагалось, будут заняты японскими войсками при продвижении на юг. Были отпечатаны специальные денежные знаки, которые были помещены в банк Японии, из которого они могли изыматься армией по мере оккупации территорий противника. Эти оккупационные денежные знаки состояли из долларов, которые могли быть использованы в Малайе, Таиланде и на Борнео, гульденов — для использования в Голландской Ост-Индии и пезо — для Филиппин. Из этого можно заключить, что в январе 1941 года военное министерство и министерство финансов планировали, что японские армии захватят территории, для которых предназначались данные денежные знаки».

Был, правда, один подсудимый, которому этот факт, обнаруженный обвинением, пришелся по душе. Им оказался, как ни странно, бывший министр иностранных дел Того. Он даже счел необходимым обыграть этот факт по-своему, давая показания Трибуналу: «Много примеров игнорирования мнения министра иностранных дел в при-

нятии наиболее серьезных решений в отношении национальной политики наблюдалось в период перед войной на Тихом океане. Таким образом, как я узнал в первый раз в этом Трибунале, весной 1941 года уже выпускалась военная валюта для использования ее в возможной войне; по этому вопросу не консультировались с министром иностранных дел, несмотря на то что эта валюта должна была использоваться в иностранных государствах, и, следовательно, можно было бы ожидать, что по этому вопросу мнение министерства иностранных дел будет запрошено».

Будем справедливы в отношении Сигэнори Того: Трибунал собрал более чем достаточно доказательств, что вопросы агрессии не только согласовывались с министром иностранных дел — он нередко принимал активное участие в решении таких вопросов. Ряд подобных доказательств читателю уже знаком, с другими он еще встретится.

Но было бы наивным думать, что в январе 1941 года агрессоры ограничились только изготовлением фальшивых денег. Этот месяц, как и последующие, был заполнен интенсивными военными приготовлениями...

У пульта — обвинитель англичанин капитан Робинсон. В его руках географическая карта. Предъявляя улику Трибуналу, обвинитель разъясняет, что это перевод аннотированной карты Кота-Бару и окрестностей, озаглавленной «Военно-воздушная карта восточного побережья Британской Малайи, часть I», и что она содержит данные, указывающие на готовящиеся десантные операции в этом районе. Кота-Бару был местом первой высадки японцев в Британской Малайе. Эта карта была подготовлена японским морским штабом в октябре 1941 года. Показательно, однако, что аэрофотосъемки, по которым была составлена карта, производились в течение января 1941 года...

Пробьет час оглашения приговора, и подсудимые в числе других документов, доказывающих наличие заговора, направленного на развязывание и ведение агрессивных войн, еще раз услышат название этой карты: «Подготовка к нападению на Сингапур шла быстрыми темпами. В январе 1941 года были проведены аэрофотосъемки, чтобы собрать сведения для десантных операций в Кота-Бару. В июле 1941 года японское гидрографическое управление закончило составление дополнительных карт

этого района. В начале октября 1941 года эти карты были закончены и отпечатаны генеральным морским штабом».

Но главное в подготовке войны заключалось не в этом. Как подчеркнул Трибунал в своем приговоре, решающим объектом заговорщиков на юге был «Тихоокеанский флот Соединенных Штатов, который базировался на Гавайских островах в Пёрл-Харборе, являясь одним из самых серьезных препятствий для осуществления политики кабинета Коноэ, которая должна была обеспечить военное продвижение на юг».

Неудивительно, что уже с конца 1940 года японские военно-морские стратеги были заняты решением сложной проблемы максимальной эффективности атаки на Пёрл-Харбор. Свидетельскими показаниями и документами обвинение установило и доказало, что такой план был разработан в конце 1940 года и сразу представлен на рассмотрение адмирала Ямамото.

Что это был за план? Приговор Трибунала дает на этот вопрос четкий и недвусмысленный ответ:

«План уничтожения Тихоокеанского флота Соединенных Штатов в то время, когда он стоял на якоре в Пёрл-Харборе, путем внезапного нападения, которое должно быть предпринято в то время, когда между Соединенными Штатами и Японией будут сохраняться мирные отношения. Этот план был задуман и представлен на рассмотрение командующему объединенным флотом. Он его одобрил и передал в императорскую ставку еще в январе 1941 года. План предусматривал создание боевой группы для воздушного нападения на Тихоокеанский флот Соединенных Штатов в Пёрл-Харборе».

В руках обвинителя капитана Робинсона любопытнейший документ — сборник статей, опубликованных официальным издательством японского военно-морского министерства. В сборнике подчеркивается, что флот заблаговременно «разработал жесткую программу тайного обучения для войны против Соединенных Штатов». Далее обвинитель цитирует выдержки из статьи, включенной в этот сборник, под заголовком: «Герои ударной группы морского нападения». Статья датирована 6 марта 1942 года, когда успехи Японии на всех фронтах достигли своего апогея. Очевидно, именно поэтому ее автор капитан Хидэо Хирайдэ, начальник отдела морской информации имперского генерального штаба, предельно откровенен:

ведь победителей не судят. Мог ли Хирайдэ тогда думать, что эта статейка через четыре года будет использована как серьезная улика против его высокопоставленных шефов.

А вот теперь обвинитель Робинсон подробно цитирует ультрапатриотический опус капитана Хирайдэ, и сумрачны лица подсудимых и адвокатов.

«Когда настало время нанести священный удар по зарвавшейся Америке, — писал Хирайдэ, — которая пренебрегла нашей великой миссией и стремлением к миру во всем мире и даже совершила покушение на само существование Японской империи, люди специальной морской ударной группы нанесли первый удар в самое сердце врага, рискуя своей жизнью. Мы полны уважения к этим людям. История этого славного, не имеющего себе равного нападения на Пёрл-Харбор была уже официально опубликована. Планы нападения, вселившего страх в сердца всех народов мира, были разработаны и осуществлены, — свидетельствует Хирайдэ, — лейтенантом Иваса и несколькими другими офицерами... Они сделали это за семь месяцев до нападения... и передали планы командующему объединенным флотом через вышестоящих офицеров.

Командующий объединенным флотом тщательно изучил эти планы нападения и нашел, что они удачны и что им можно следовать... В течение короткого периода обучение, подготовка и эксперименты нападения «карманных» подводных лодок на Пёрл-Харбор проводились день и ночь, без сна и отдыха... Стремясь выполнить свой патриотический долг, эти люди разработали план того, что считалось неосуществимым. После этого в течение нескольких месяцев они тайно проводили сложное обучение, описать которое словами нельзя, ибо в описание могут вкрасться случайные ошибки».

Итак, официальное издательство японского военно-морского флота засвидетельствовало, что уже в мае 1941 года группа Иваса продумала план нападения «карманных» подводных лодок на Пёрл-Харбор, а затем в течение нескольких месяцев практически отработала свои действия, трудясь без сна день и ночь.

Приговор на основании материалов судебного следствия конкретизирует характер работы «героев морской ударной группы»: «Разработка конструкций и производство «карманных» подводных лодок». С какой целью? Да-

бы «во взаимодействии с воздушной атакой использовать подводные лодки для уничтожения тех кораблей, которые попытаются скрыться от нападения с воздуха».

Дело в том, что в районе Пёрл-Харбора были мелкие воды. Поэтому и потребовался новый вид оружия — «карманные» подводные лодки.

Обвинение, однако, не ограничилось разбором действий группы Иваса. Оно представило доказательства, что подготовка атаки на Пёрл-Харбор шла по многим каналам в связи со сложностью предстоящей операции. Особенности акватории в районе Пёрл-Харбора, в частности мелководье, поставили перед японскими военно-морскими стратегами еще одну проблему: создание специальных торпед, способных эффективно действовать на малых глубинах.

И приговор констатирует: «В начале 1941 года началась подготовка мелководных торпед... В течение лета военно-морской флот тратил значительное время на разработку этого типа торпед и на эксперименты с ними». Готовился к атаке, как установлено судом, и военно-воздушный флот: «Японский флот начал общую боевую подготовку для нападения на Пёрл-Харбор в конце мая 1941 года. В Кагосима в Японии, где условия местности напоминали Пёрл-Харбор, проводились учения по бомбометанию с пикирования. Специальным предметом обучения было пополнение запасов горючего в море, чтобы можно было использовать более безопасные (но и более протяженные. — *Авт.*) северные подходы к Пёрл-Харбору».

Судебное следствие установило, чем была вызвана столь тщательная и заблаговременная подготовка подобной операции, и приговор обнародовал эти причины: «Японские руководители считали, что если нападение на Пёрл-Харбор будет иметь успех и приведет к уничтожению американского флота, то они смогут захватить все важные пункты в Тихом и Индийском океанах до того, как Соединенные Штаты смогут подготовить и предпринять контрнаступление».

Все эти факты подтвердил на допросах, которые проводили американские следователи, подсудимый Симада — бывший военно-морской министр в кабинете Тодзио. Но, заняв свидетельское место, адмирал решил изменить эти показания, правда только в одном отношении: не

отрицая установленных Трибуналом фактов тщательной и длительной подготовки нападения на Пёрл-Харбор, Симада утверждал, что он узнал обо всем этом, только став военно-морским министром, то есть не раньше конца октября 1941 года.

Вот как это отражено в его аффидевите:

«Говоря о так называемом плане нападения на Пёрл-Харбор, обвинение заявляет: «Симада согласился с тем, что он знал, что Ямамото подготовил план для нападения в начале 1941 года и что план был принят в мае или июне.

Он также согласился с тем, что знал, что в самом начале 1941 года флот начал производить торпеды для мелких вод, потому что воды в Пёрл-Харборе очень мелки, и что флот практиковался в применении этих торпед в течение лета 1941 года».

Это вводит в заблуждение, поскольку подтверждается, что я знал о планах нападения на Пёрл-Харбор еще до того, как стал военно-морским министром. Это не так. Уже после моего назначения на пост морского министра я узнал впервые о плане нападения на Пёрл-Харбор, о маневрах и исследовательской работе, которые были проведены в прошлом. Я узнал об этом от начальника первого отдела главного морского штаба Фукудомэ».

В главе «Нейтралитет по-милитаристски» мы ознакомили читателя с совершенно секретным протоколом совещания у императора, где 2 июля 1941 года присутствовали высшие японские государственные деятели. Напомним только то, что имеет непосредственное отношение к рассматриваемой теме. В протоколе было записано: «...Мы подготовимся к войне с Англией и США... укрепляя нашу систему продвижения на юг... Япония, не колеблясь, начнет войну с Англией и США».

Как было показано, готовились к этой войне, и весьма энергично, с января 1941 года, то есть еще за полгода до этого решения и за много месяцев до секвестра японских фондов и ноты Хэлла. Как же все это увязать с центральным тезисом защиты и подсудимых «о самообороне и спасении нации»? Сделать это можно, только предположив, что тогдашние японские лидеры обладали даром предвидения, что и позволило им предугадать действия вашингтонских политиков на много месяцев вперед.

На совещании 2 июля 1941 года были даны еще не

известные читателю указания и по линии сухопутного командования. Приговор излагает эти указания:

«Генеральному штабу было приказано разработать окончательный оперативный план кампаний в южных районах. Войска, которые впоследствии осуществили десантные операции на Филиппинах и на Малайском полуострове, начали практиковать десантные операции вдоль Китайского побережья, на острове Хайнань и вдоль побережья Французского Индокитая, а другие войска обучались на Формозе. Войска, которые должны были напасть на Гонконг, усиленно обучались ночным боям и штурму дотов на базе недалеко от Кантона в Китае. Районы учений выбирались в тех местах, где условия местности и климата напоминали условия районов, на которые должно было быть совершено нападение. Обучение продолжалось все лето и до времени нападения».

Атмосфера интенсивной военной подготовки охватила, как лихорадка, в то жаркое лето и осень 1941 года все правящие токийские круги. Даже министр иностранных дел принял активное участие в подготовке... нападения на Пёрл-Харбор. Нет, он не занимался проблемами атаки американского флота с воздуха или эффективного действия мелководных торпед, он не участвовал в учениях по десантированию и бомбометанию. Зато господин министр энергично действовал на стезе шпионажа. Но мы уже слышим возражение: нашли чем удивить! Давно известно, что респектабельные ведомства иностранных дел агрессивных империалистических государств прочно интегрированы со своими разведывательными службами. И именно буржуазные историки окрестили военных атташе таких государств «шпионами в форме». Все это верно, конечно, но вот чтобы сам господин министр иностранных дел давал неоднократные письменные указания, как и за чем шпионить? Подобное встретишь не часто.

Столь диковинный факт нашел отражение в приговоре: «Министр иностранных дел Тоёда, генеральный консул которого на Гавайских островах был занят шпионажем, 24 сентября (1941 год. — *Авт.*) разработал код для передачи секретных донесений об американском флоте, находившемся в гавайских водах».

В тот же день Тоёда направил этому консулу в Гонолулу совершенно секретную директиву — систематически сообщать сведения о наличии судов в Пёрл-Харборском

порту. Чтобы облегчить шпионскую деятельность, дотошный министр даже разбил акваторию этой военно-морской базы на пять районов, точно обрисовав границы каждого. Особое внимание в информации о военных судах было предложено уделять авианосцам, учитывая все корабли, стоящие у пристани, на рейде, а также в доках. «Записывайте кратко типы и классы кораблей», — предписывал консулу Тоёда. Ведь он был не только министром иностранных дел, но и адмиралом...

Кинан ведет допрос подсудимого Того, сменившего Тоёда на посту министра иностранных дел.

Вопрос: Господин Того, вы утверждаете, что запрос министерства относительно сведений, которые поступали от японских шпионов на Гавайских островах, о том, были там или нет аэростаты воздушного заграждения или сети для защиты линкоров от торпед, был сделан безответственными подчиненными, хотя эти сведения были получены как раз в то время, когда японский флот направлялся в Пёрл-Харбор. Так ли это?

Ответ: Если ответственный чиновник не знал о том, что были посланы такие телеграммы или получены подобные сообщения, то он не мог нести ответственности за эти действия. Сейчас я говорю об ответственности за преступления.

Вопрос: И конечно, предполагаемое нападение на Пёрл-Харбор держалось в таком секрете, что даже вам, члену кабинета, министру иностранных дел, не разрешалось знать об этом до тех пор, пока нападение не произошло, не так ли?

Ответ: Дело обстояло именно так, как вы говорите. Мне ничего не сообщали о нападении, пока оно не было произведено.

Вопрос: И если вы не имели к этому прямого отношения, то как вы объясните тот факт, что вашим подчиненным передавалась информация, из которой было видно или по крайней мере можно было сделать вывод, что эти меры обсуждались?

Ответ: Я не думаю, чтобы моим подчиненным было известно, что обсуждался вопрос о нападении на Пёрл-Харбор...

Если поверить Того, то его наивные подчиненные полагали, что чрезвычайный интерес их шефа ко всем дета-

лям боевой мощи и обороноспособности основной базы американского Тихоокеанского флота носил исключительно абстрактно-познавательный характер. Мы не случайно сказали — шефа, ведь Того продолжал то, что начал Тоёда. Однако, отвечая на вопросы Кинана, подсудимый еще не знал, что и здесь он оставил обвинению, как говорят криминалисты, свою «визитную карточку».

Так, 15 ноября 1941 года Того послал японскому консулу в Гонолулу шифротелеграмму. В ней отмечалось исключительно критическое состояние японо-американских отношений и предлагалось посылать «сообщения о судах в гавани» не менее двух раз в неделю, соблюдая при этом крайнюю осторожность в целях сохранения секретности. 18 ноября Того направил в Гонолулу новую телеграмму, снова предлагая строго секретно информировать его о нахождении на якоре судов в зоне Пёрл-Харбора, в Манильской бухте и в районах, к ним примыкающих.

Наконец, 2 декабря 1941 года, когда японский флот уже шестой день находился в открытом море, держа курс на Пёрл-Харбор, Того отправил своему консулу в Гонолулу последнюю депешу: «Принимая во внимание создавшееся положение, крайне важно знать наличие в порту военных кораблей, авианосцев, крейсеров. Впредь используйте все возможности, чтобы каждый день сообщать мне необходимые сведения. Телеграфируйте, замечены ли аэростаты наблюдения над Пёрл-Харбором и имеются ли какие-нибудь указания на то, что они будут подняты. Сообщите также, снабжены ли военные корабли противоминными сетями».

Кинан, разумеется, не преминул напомнить Того о его директивах в последние предвоенные дни. Впрочем, Того это не смутило. Бывший глава японского дипломатического ведомства даже на скамье подсудимых занимал одно из ведущих мест по части лжи и лицемерия. А добиться первенства в такой компании было совсем не просто...

Анализируя приведенные выше факты, можно сказать, что в тщательности практической отработки всех мельчайших деталей будущих агрессивных акций военные лидеры Японии превзошли своих нацистских союзников.

В этом смысле весьма показателен документ, переданный Трибуналу обвинителем Робинсоном. Документ этот под названием «Решение Японии воевать» был разрабо-

тан заговорщиками в сентябре 1941 года. Вот одна из выдержек, прочитанных Робинсоном:

— «Рабочий план. В течение августа 1941 года японский флот провел исключительное количество маневров. 2—13 сентября 1941 года были проведены последние военные игры в военно-морской академии в Токио. В них приняло участие большое количество высокопоставленных морских офицеров. Задача была двойная: первая — выработать и утвердить детали морского и воздушного удара по Пёрл-Харбору, вторая — наметить план операций по захвату Малайи, Бирмы, Голландской Ост-Индии, Филиппин, Соломоновых островов и островов центральной части Тихого океана (включая Гавайи). Общее изложение результатов этих игр легло в основу приказа, уточняющего действительное нападение. 1 ноября 1941 года был принят окончательный текст этого приказа о комбинированной тайной операции флота, помеченной номером один, и начато печатание его. Приказ вместе с приложениями к нему детализировал план и схемы нападения на Пёрл-Харбор и различные другие британские, американские и голландские владения».

Во время этих военных игр и совещаний было решено практически проверить возможность нападения самолетов, базирующихся на авианосцах, на корабли военно-морского флота в условиях, сходных с условиями расположения американского флота в Пёрл-Харборе. Теперь мы знаем, что именно этот прием — нападение самолетов (бомбардировщиков и торпедоносцев), стартовавших с палуб японских авианосцев, — сыграл решающую роль в пёрл-харборской трагедии.

В конце октября 1941 года состоялось заседание комитета по координации действий. На этом заседании представители верховного командования информировали присутствующих, что рассвет считается наиболее благоприятным временем для нападения.

Разработка окончательных оперативных планов нападения на США, Великобританию и Голландию была закончена к 1 ноября 1941 года. В этот же день кабинет министров — за 26 дней до ноты Хэлла — принял решение о дне начала войны против Соединенных Штатов и их союзников, если к 25 ноября Вашингтон безоговорочно не удовлетворит все японские требования. Тодзио признал на суде, что «вышеупомянутое решение очень серь-

езного характера было представлено императору неофициально мною, начальником генерального штаба и начальником морского генерального штаба примерно в пять часов дня 2 ноября 1941 года».

Это решение кабинета министров было утверждено на совещании в присутствии императора 5 ноября 1941 года. Обвинение передало Трибуналу материалы указанного совещания. В тот же день начальник главного морского штаба Нагано приказал адмиралу Ямамото издать уже подготовленный приказ, и он немедленно был издан.

Этот боевой приказ под номером один тоже оказался на судейском столе. Он гласил: «Империя ожидает, что начнется война с Соединенными Штатами, Великобританией и Голландией. Когда будет принято решение о завершении общей подготовки к операции, будут изданы приказы, устанавливающие примерную дату для готовности к началу операций... День начала войны (день нападения) будет указан в приказе императорской ставки. Этот приказ будет отдан заранее, за несколько дней до начала войны. Через 0 часов 00 минут после времени, назначенного для нападения, будет существовать состояние войны. Каждая часть начнет операции в соответствии с планом».

Приказ этот, готовившийся несколько месяцев, кроме нападения на Пёрл-Харбор предусматривал нападение на Сингапур и Филиппинские острова, завершение окружения Голландской Ост-Индии, как это было определено еще 3 октября 1940 года. Наконец, путем атаки Гонконга и Шанхая должно было быть осуществлено полное вытеснение американцев и англичан из Китая. В приказе предусматривалось, что, как только будет объявлен «день готовности», войска и флот без дальнейших указаний сами завершат боевую подготовку, а когда командующие флота и войск дадут соответствующее распоряжение, войска и флот «проследуют к местам рандеву и будут ждать там, находясь в полной боевой готовности». К приказу были приложены чертежи и планы атаки на Пёрл-Харбор, на английские и голландские владения.

Уже 3 ноября 1941 года адмирал Нагано, которого смерть в тюрьме избавила от скамьи подсудимых, назначил дату нападения на Пёрл-Харбор и другие объекты — 8 декабря. Выполняя указания, флот и войска стали занимать исходные позиции. В двадцатых числах ноября

корабли, которые вошли в состав специального отряда авианосцев, предназначенного для атаки Пёрл-Харбора, отплывали из японских портов к месту рандеву в Танкан-Ване (в одном из заливов Курильских островов). В 6 часов утра 26 ноября это военно-оперативное соединение, получив приказ «произвести нападение на Пёрл-Харбор», вышло в море. И только через несколько часов того же дня Хэлл передал свою ноту японским послам в Вашингтоне.

В эти последние предвоенные недели комитет по координации действий заседает почти ежедневно. Его участники лихорадочно обсуждают и проблему агрессии в целом, и ее мельчайшие детали, еще и еще раз проверяя, нет ли каких-либо упущений...

На трибуне капитан Робинсон. Он оглашает экзибит № 919: «Основные вопросы, связанные с проблемой быстрого завершения войны с Соединенными Штатами, Англией, Голландией и чунцинским правительством. Государственная тайна. План, принятый комитетом по координации действий 11 ноября 1941 года».

Обвинитель зачитывает пункт первый раздела «Политика» и пункт первый раздела «Основные положения».

— «**Политика.**

1. Мы будем стремиться быстро ликвидировать американские, английские и голландские базы на Дальнем Востоке, обеспечить себя всем необходимым и ускорить капитуляцию чунцинского правительства. Далее, мы будем стремиться к сотрудничеству с Германией и Италией, планируя сначала подавить Англию, а затем лишить Америку желания продолжать войну...

Основные положения.

1. Япония быстро проведет войну и уничтожит американские, английские и голландские базы в Восточной Азии и юго-восточной части Тихого океана, тем самым обеспечив себе господствующее в стратегическом отношении положение. Одновременно она приобретет районы, богатые жизненно необходимыми естественными богатствами, главными линиями коммуникаций, которые помогут обеспечить Японию всем необходимым на длительный период. Мы приложим все усилия, чтобы в удобное время завлечь в ловушку военно-морские силы Соединенных Штатов и уничтожить их».

Надо было видеть лица подсудимых, когда оглашались документы подобного рода: да, несдобровать бы тем япон-

ским чиновникам, которые халатно выполнили приказ о тотальном уничтожении всей секретной документации, несдобровать бы, если бы Тодзио и компания не перекочевали из министерских резиденций в одиночные камеры тюрьмы Сугамо.

Японские агрессоры, как и их нацистские сообщники, ставили перед собой еще одну цель: нападение должно было явиться для США, Великобритании и Голландии стратегической неожиданностью. И вот 4 ноября 1941 года кабинет министров вынес решение, впоследствии переданное обвинением в распоряжение Трибунала. Это решение запрещало публиковать какие-либо сообщения относительно напряженности в дипломатических переговорах с США, а также речи и известия, которые могли бы открыть противнику факт подготовки Японии к войне. Впрочем, как мы видели, сами Тодзио и Того своими воинственными речами в парламенте нарушили указанное постановление, крайне огорчив этим своего посла Курусу: уж очень не терпелось им взяться за дело, и слова, как это бывает в таких случаях, обгоняли действия.

Но это, разумеется, не меняло существа дела, и Трибунал с полным основанием констатировал в приговоре, что подсудимые «приняли единогласное решение начать войну и проводить свои дипломатические маневры таким образом, чтобы их вооруженные силы смогли напасть на вооруженные силы Соединенных Штатов Америки и Англии в назначенных пунктах до того, как последние будут предупреждены об этом в связи с прекращением переговоров».

Для такого вывода у судей было более чем достаточно доказательств. Читатель помнит рекомендацию «института тотальной войны», относящуюся к первой половине августа 1941 года: прикрыть ширмой дипломатических переговоров завершение военной подготовки. Было и многое другое...

У пульта — американский обвинитель Горвиц. Произнося заключительную речь, он напоминает Трибуналу, что еще один свидетель защиты фактически оказал помощь обвинению: «Ямамото, начальник американского бюро, главный советник Того по вопросам взаимоотношений с США и составитель окончательной ноты, изложил в своем аффидевите японскую политику обмана и мошенничества. В документе, написанном его собственной

рукой, устранены любые неправильные толкования в отношении истинной цели продолжения переговоров. Он открыто заявил, что, хотя и было необходимо в свое время прервать переговоры, основной целью Японии являлось принять решительные меры, чтобы ее истинные намерения не стали известны. Поэтому необходимо было продолжать переговоры в духе установленной политики, дабы облегчить осуществление будущих планов».

Так утонченный, высококвалифицированный дипломатический обман был поставлен на службу агрессии. Ирония истории заключалась в том, что благодаря работе американской разведки об этом своевременно узнали в Вашингтоне, но не сумели использовать надлежащим образом.

Заканчивая рассмотрение вопроса о крахе версии «самообороны и национального спасения Японии» как причины войны, следует сказать, что последний удар по этой версии нанес «свидетель с того света». Разумеется, мы далеки от мистицизма. Фумимаро Коноэ, как мы знаем, распрощался с жизнью, приняв яд, а потому, казалось, стал безопасен для подсудимых. Но это только казалось! За бывшего премьера свидетельствовало его заявление об отставке, и оно уцелело, как это ни огорчительно было для защиты и подсудимых. Вот как бригадный генерал Нолан использовал этот документ в заключительной речи обвинения:

— Вечером 16 октября (1941 год. — *Авт.*) Коноэ подал прошение об отставке. В этом письме с заявлением об отставке и в своих последующих объяснениях, данных старейшим государственным деятелям, он сообщал, что Тодзио и армия были намерены начать войну, в то время как он считал возможным успешное завершение переговоров. Он не мог убедить Тодзио и сам не мог взять на себя ответственность за втягивание государства в титаническую войну, которая приведет неизвестно к каким результатам, тогда как «китайский инцидент» не был еще урегулирован. Он считал, что, для того чтобы добиться увеличения национальных богатств, Япония должна сделать шаг назад с целью подготовки к следующему прыжку.

Это письмо с заявлением об отставке ясно указывало на раскол среди заговорщиков не по вопросу достижения целей заговора, а по вопросу о методах и времени его осуществления. Группа Коноэ видела в распространении аг-

рессивных действий Японии на Соединенные Штаты и Англию только угрозу потерять все, чего они добились для Японии благодаря своей агрессивной тактике.

А мы добавим — и благодаря политике «дальневосточного Мюнхена».

Заявление Коноэ об отставке свидетельствовало также, что коварство покойного премьера ничуть не уступало аналогичным чертам характера Тодзио и Того. Только направленность этого коварства была иной: то, чем Тодзио и его единомышленники решили завладеть, пустив в ход меч, Коноэ считал возможным приобрести для Японии методом изощренно-коварной дипломатии. Об этом свидетельствовала следующая фраза из его заявления об отставке, настолько существенная, что ей нашлось место в приговоре: «...Если мы внешне займем позицию уступок, но, изменив внешность, сохраним существо, то нашей цели можно будет достичь путем переговоров». Эта фраза почему-то не была использована Ноланом в его речи, зато он привел другую, столь же характерную: «Япония должна сделать шаг назад с целью подготовки к следующему прыжку».

Да, коварство Коноэ было безмерным. Что же касается его уверенности в возможности достичь всего путем переговоров, то она базировалась на большом и безнаказанном опыте проведения японских агрессивных акций, начиная с захвата Маньчжурии в 1931 году и вплоть до захвата Северного Индокитая в 1940 году.

Учитывая все добытые судебным следствием доказательства, Трибунал в приговоре, говоря о причинах тихоокеанской войны, обоснованно указал:

«Остается рассмотреть утверждение, выдвинутое от имени подсудимых, о том, что агрессивные акты, совершенные Японией против Франции, ее нападение на Голландию, Великобританию и Соединенные Штаты Америки являлись оправданными мерами самообороны. Выдвигался аргумент, что эти державы принимали такие меры к ограничению японской экономики, что Японии не оставалось ничего иного для сохранения благосостояния и процветания своих подданных, кроме войны...

Аргументация защиты, по сути, является повторением лозунгов японской пропаганды, распространявшихся в то время, когда Япония готовила свои агрессивные войны. Нелегко терпеливо разбирать эти пространные повторе-

ния в настоящее время, когда, наконец, имеются документы, свидетельствующие о решении Японии совершить экспансию в северном, западном и южном направлениях, которое было принято задолго до того, как против Японии были применены какие-либо экономические меры, и Япония никогда не отказывалась от этого решения».

Коварно прикрывая подготовку агрессии настойчивыми «мирными» дипломатическими переговорами, токийские правители столь же коварно совершили и само нападение на США, Великобританию и Голландию, совершили без объявления войны, грубо нарушив нормы международного права. Обвинению не пришлось прилагать особых усилий для того, чтобы это доказать. Дело в том, что 3-я Гаагская конвенция 1907 года установила: «Договаривающиеся Стороны признают, что военные действия между ними не должны начинаться без заблаговременного и ясно выраженного предупреждения, сделанного либо в форме объявления войны, либо в форме ультиматума с условным объявлением войны».

Войны, начинающиеся без объявления, иначе говоря, вероломные нападения, квалифицировались этим соглашением как международные преступления.

В преамбуле конвенции подчеркивались два обстоятельства, придающие особое значение предварительному объявлению войны. Во-первых, забота о сохранении мира и взаимном доверии. Вот почему «для обеспечения мирных отношений важно, чтобы военные действия не начинались без предварительного предупреждения». Во-вторых, такое предупреждение важно, дабы своевременно обеспечить права, интересы, наконец, безопасность нейтральных стран и их подданных. Поэтому необходимо, «чтобы о состоянии войны были без замедления оповещены нейтральные державы».

Правда, конвенция не устанавливает конкретный срок, который должен отделять момент вручения ноты об объявлении войны от фактического начала военных действий. Как мы увидим, подсудимые на этом пытались сыграть, но безуспешно. Дело в том, что в теории международного права превалирует такая точка зрения, что вся конвенция пронизана мыслью о сохранении мира. Отсюда прямой вывод — хотя разрыв во времени от момента объявления войны до начала военных действий конвенцией и не установлен, он тем не менее должен быть таков, чтобы госу-

дарство, которому объявлена война, было в состоянии не только принять реальные меры к обороне, но и предпринять последнюю попытку сохранить мир. Япония подписала и ратифицировала эту конвенцию. Однако, напав на США, Великобританию и Голландию, токийское правительство нарушило эту конвенцию как в целом, так и в отдельных существенных положениях. Оно нарушило конвенцию в целом, ибо, как бесспорно установлено судебным следствием и приговором Международного военного трибунала, послы Номура и Курусу вручили свою ноту государственному секретарю США Хэллу только через 45 минут после начала японской атаки на Пёрл-Харбор, через 3 часа 20 минут после нападения на британские владения в Шанхае и через 2 часа 25 минут после начала военных действий против Великобритании в Кота-Бару (Малайя). При этом Великобритании вообще никакой ноты никогда предъявлено не было.

Наконец, самый текст ноты, врученной Хэллу, тоже совершенно не соответствовал предписаниям Гаагской конвенции. Когда обвинение передало эту ноту в распоряжение Трибунала, то оказалось, что там пространно говорилось о попытке США и Англии осуществить окружение Японии, анализировался ход японо-американских переговоров. Послание также обвиняло США в том, что они не проявили ни малейшего желания идти на примирение и внесли предложение, которое абсолютно противоречило требованиям Японии. В ноте утверждалось, что Япония всегда занимала честную и умеренную позицию и делала все для урегулирования отношений. США, однако, упрямо придерживались теоретических принципов, не учитывая реальной обстановки. По мнению правителей Японии, Соединенные Штаты, очевидно, намеревались вступить в заговор с Англией и другими странами с целью препятствовать Японии в установлении мира путем создания «нового порядка». Поэтому «надежда Японии на урегулирование отношений и на поддержание и укрепление мира в сотрудничестве с Соединенными Штатами была потеряна». Послание заканчивалось заявлением, что «в связи с позицией Соединенных Штатов невозможно достичь соглашения путем дальнейших переговоров».

Разумеется, подобную ноту никак нельзя было подвести под требование Гаагской конвенции о «недвусмысленном предупреждении, которое будет носить форму моти-

вированного объявления войны или форму ультиматума с условным объявлением войны».

Правильно расценил суть этой ноты в своей заключительной речи обвинитель Тавеннер: «Это не было даже заявлением о намерении порвать отношения. Максимум, что мог значить этот документ, — это прекращение продолжающихся переговоров».

Мы покажем несколько позднее, что такая абсолютно неопределенная форма последней предвоенной акции японской дипломатии была результатом тщательных и всесторонне продуманных действий заговорщиков и являлась одним из «запасных» вариантов, которые должны были обеспечить стратегическую внезапность нападения.

В этих трудных для обвиняемых и защиты условиях единство скамьи подсудимых, которое, как известно и по другим эпизодам, не всегда было монолитным, здесь дало наиболее явную трещину. Дело дошло даже до взаимных обвинений и угроз. И, как это нередко случается в делах уголовных, подобная коллизия, причиняя вред подсудимым, в то же время помогла суду в поисках истины.

Позиция же всех подсудимых, так или иначе связанных с вопросом об объявлении войны, была предельно проста: это дело было поручено только Того и начальникам штабов — генерального и военно-морского. Все остальные полностью доверяли этим трем лицам, будучи уверены, что здесь международный закон будет надежно соблюден. Так как начальники штабов до суда, как известно, не дожили, такая позиция практически означала, что за все, связанное с этим эпизодом, несет ответственность один Того. Однако сам бывший министр иностранных дел категорически отказался служить щитом для скамьи подсудимых...

У пульта Тодзио. Холодно и бесстрастно дает он свои показания: «Все дипломатические шаги в отношении нашей последней ноты были предоставлены министру иностранных дел.

Характер этого извещения был близок к объявлению войны, основанному на международном праве. Япония сохраняла за собой право свободы действий после передачи извещения Соединенным Штатам.

Вручение извещения правительству Соединенных Штатов обязательно должно было быть произведено до начала нападения. Извещение поручено было передать через

посла Номура ответственному лицу правительства Соединенных Штатов. Извещение американскому послу в Японии предполагалось вручить после начала нападения... Время вручения извещения Соединенным Штатам предстояло определить после консультации между министром иностранных дел и двумя начальниками генеральных штабов — армии и военно-морского флота, поскольку между ними были установлены четкие взаимоотношения по вопросам дипломатии и стратегии».

Но тут Тодзио и его адвокат, составляя аффидевит, явно не увязали концы с концами. «Насколько я помню,— писал Тодзио, — на совещании кабинета 5 декабря 1941 года министр иностранных дел Того рассказал об основном содержании окончательной японской ноты Соединенным Штатам, с чем все члены кабинета согласились».

Если это так, то как же никто из господ министров, и в первую очередь сам Тодзио, не заметил, что в этой ноте нет и намека на «объявление войны, основанное на международном праве», которое, по утверждению Тодзио, должно было там содержаться. Заслуживает внимания и фраза Тодзио об «установлении четких взаимоотношений по вопросам дипломатии и стратегии». Она полезна для правильной оценки действий подсудимых в этом вопросе. Ведь несколько позже в показаниях Тодзио появится и такое весьма знаменательное признание: «Я не мог не опасаться того, что план нападения может закончиться провалом, если противник опередит нас своими действиями». Так вот, оказывается, где собака зарыта! Вот где ответ на то, как бывший премьер и военный министр понимал «установление четких взаимоотношений дипломатии и стратегии». Они, эти взаимоотношения, строились по весьма несложной схеме — стратеги в своих действиях должны были чуть-чуть опередить дипломатов, и тогда никакой противник не сможет упредить японских агрессоров. Значит, дело не только в Того, и даже не столько в нем!

Однако вопреки этому Тодзио, заканчивая свои показания по данному эпизоду, еще раз пытается возложить всю ответственность на Того и его аппарат, чья халатность является якобы причиной всего происшедшего. Что же касается кабинета министров и комитета по координации, то там, если верить Тодзио, сидели люди, не иску-

шенные в вопросах дипломатии и международного права: «...Японское правительство намеревалось вручить это извещение Соединенным Штатам до нападения на Пёрл-Харбор и действовало согласно этому намерению. Я совершенно сознательно верил в то время, что вручение ноты было сделано точно по инструкциям министра иностранных дел. С нашей стороны было совершенно естественно, что мы полностью верили нашим дипломатическим чиновникам...

Японское правительство было чрезвычайно разочаровано, узнав впоследствии, что действительное вручение ноты запоздало. Что касается содержания и передачи окончательной ноты Соединенным Штатам, кабинет министров и комитет по координации действий исключительно полагались и доверяли министерству иностранных дел, считая, что там сделают все, от них зависящее, в свете существующего международного права и конвенций».

Однако, видимо сознавая, что на такой аргументации далеко не уедешь, Тодзио выдвигает запасной аргумент, снова не увязывая концы с концами в собственных показаниях. Он забывает, что часом раньше открыто признал, как боялся, что Вашингтон узнает о готовящейся агрессии до момента самого нападения: «Поэтому совершенно необоснованными являются утверждения, что для обеспечения успеха нападения вручение ноты было сознательно задержано. Более того, как стало известно теперь, Соединенные Штаты заранее знали о готовящемся нападении и приняли все необходимые меры для обеспечения обороны. Поэтому такой акт, как задержка вручения нашей ноты, не оказал какого-либо существенного влияния».

Но, во-первых, Трибуналу было хорошо известно, что, хотя США о многом знали, они не приняли никаких реальных мер к обороне. Во-вторых, план нападения именно на Пёрл-Харбор остался для американского правительства и его разведки, как мы знаем, абсолютным секретом, вплоть до момента его реализации. Наконец, аргументация Тодзио абсолютно беспомощна с позиции юридической. Для того чтобы это показать, достаточно элементарного примера. Допустим, бандиты решили ограбить квартиру Н., однако ее владелец вовремя узнал об этом, и полицейская засада встретила непрошеных гостей как полагается. Что же, бедные нападающие в силу

того, что Н. своевременно узнал об их плане, избегут ответственности? Разумеется, нет! Любой суд вынесет приговор, осуждающий их за бандитское нападение, оказавшееся неудачным только по причинам, от обвиняемых не зависящим. Можно еще предположить, что кадровый генерал Тодзио не знал азов уголовного права. Но о чем думал его адвокат Блюэт, когда до суда изучал и редактировал аффидевит своего клиента? Да что Блюэт! Ведь такой аргумент фигурировал в общей заключительной речи защиты, когда она касалась этого эпизода.

Поэтому легко понять ярость подсудимых, когда они услышали показания Того по данному вопросу.

Так как это было самое откровенное и, пожалуй, единственное признание одного из главных подсудимых на Токийском процессе, мы считаем необходимым привести его почти без сокращений, хотя, разумеется, оно продиктовано, как мы покажем, не стремлением к истине, а желанием облегчить собственную участь. Признание Того еще раз показывает всю низость и коварство тогдашних правителей Японии.

Бывший министр иностранных дел рассказывает, как развернулись события после того, как 1 декабря 1941 года было принято окончательное решение о нападении на США, Великобританию и Голландию:

«Между тем оставался нерешенным еще один важный вопрос, а именно: каким образом и когда известить США о начале военных действий?.. Впервые этот вопрос обсуждался на совещании комитета по координации действий, которое состоялось после совещания в присутствии императора (2 декабря 1941 года. — *Авт.*). На этом совещании я задал вопрос о том, когда начнутся операции. Начальник генерального штаба армии генерал Сугияма сказал: «Примерно в следующее воскресенье». После этого я предложил общепринятую процедуру в отношении извещения о начале военных действий... Однако начальник генерального штаба военно-морского флота адмирал Нагано заявил, что флот хочет провести неожиданное нападение, а заместитель начальника генерального штаба военно-морского флота Ито потребовал не прекращать переговоры, чтобы можно было начать войну с максимально возможной эффективностью.

Я отверг это предложение и заявил, что это противоречит общеустановленной практике. Я считал также... что

наступит время, когда война закончится, мы снова станем мирной нацией и нам придется подумать о нашей национальной чести и репутации. Поэтому не следует предпринимать необдуманные действия в начале войны».

И тут, зная, что в руках обвинения — телеграмма Номура и Курусу, весьма неприятная для всех подсудимых, в том числе и для него, Того, он старается обыграть этот факт в свою пользу.

«По этому же вопросу я получил телеграмму от наших послов в Вашингтоне, в которой указывалось, что если Япония намеревается сохранить за собой свободу действий, то необходимо направить в Вашингтон извещение о прекращении переговоров. Чтобы показать, что мое предложение является естественным и разумным, я процитировал эту телеграмму на совещании. Я указал, что извещение о начале военных действий абсолютно необходимо в интересах международного права. Однако адмирал Нагано продолжал настаивать на том, что если мы начнем войну, то мы должны победить. Никто из участников совещания не поддержал меня. Видимо, этим и объясняется тот факт, что никто из них не помнит сейчас этого момента. Я был удручен точкой зрения флота и пытался добиться прекращения совещания без принятия какого-либо решения. Ко мне подошел адмирал Ито и пытался изложить те трудности, с которыми сталкивается флот... Я возражал... мы не достигли соглашения. Тем не менее я считал, что флоту, видимо, придется согласиться на отправку извещения о прекращении переговоров перед началом военных действий.

На следующий день перед началом совещания комитета по координации действий адмирал Ито заявил, что флот не возражает против отправки извещения о прекращении переговоров в Вашингтон, и просил, чтобы это извещение было передано в 12 часов 30 минут 7 декабря по вашингтонскому времени. Никто не возражал против этого предложения. Я спросил, оставалось ли еще время до начала атаки. Он ответил утвердительно. Таким образом, этот вопрос был решен. Я чувствовал(?!), что после упорной борьбы мне удалось приостановить исполнение требований флота».

Разумеется, здесь явная натяжка: не мог искушенный государственный деятель и дипломат Того, зная нрав японских милитаристов, поверить, что генеральные штабы

армии и военно-морского флота за одну ночь коренным образом изменили свою позицию, устояв перед соблазном стратегической внезапности как эффективного средства агрессии. Все понимал господин министр, и не только понимал, но, как мы увидим, делал кое-что существенное, чтобы помочь реализовать намерения своих военных коллег по комитету координации действий.

Естественно, что утаить шило в мешке не удалось. Прежде всего на суде было установлено, что японские послы получили указание передать последнюю японскую ноту Хэллу не в 12 часов 30 минут, а в 13 часов по вашингтонскому времени.

Кинана интересует, чем был вызван такой перенос срока вручения ноты, а попутно он задает Того и некоторые другие вопросы:

— В своих показаниях вы заявили, что вам удалось приостановить исполнение требований, предъявленных флотом, но что вы сделали это в крайних пределах, допущенных международным правом. Откуда вы знали, что действовали в пределах международного права, будучи осведомленным только, что нападение произойдет в следущее воскресенье?

Ответ: Когда я спросил о времени начала военных действий, мне сказали, что они должны начаться «в следующее воскресенье... приблизительно в следующее воскресенье». Далее верховное командование предложило, чтобы нота, направленная Соединенным Штатам, была вручена в 12 часов 30 минут по вашингтонскому времени. Когда в связи с этим предложением я спросил, будет ли оно передано значительно раньше начала военных действий, то получил утвердительный ответ.

Здесь ответ Того примечателен, в частности, тем, что показывает отличное понимание подсудимым общего духа и принципов Гаагской конвенции, требовавших вручения ноты об объявлении войны «значительно раньше начала военных действий». Затем Того переходит к причинам переноса срока вручения последней ноты:

«После этого мне нанесли визит заместитель начальника генерального штаба военно-морского флота и заместитель начальника генерального штаба армии (адмирал Ито и генерал Танабэ. — *Авт.*). Они сообщили, что хотели бы перенести время передачи ноты с 12 часов 30 минут на 13 часов. Я снова задал вопрос, будет ли

нота вручена значительно раньше того времени, когда начнутся военные действия. Их ответ на мой вопрос носил положительный характер. Поэтому я могу заявить, что меня уверили, что извещение о войне будет вручено значительно раньше начала военных действий...»

И тут старый кадровый дипломат якобы снова поверил господам адмиралам и генералам и со спокойной совестью предложил своим послам вручить ноту в 13 часов. Если бы Курусу и Номура выполнили это распоряжение вовремя, то и тогда, как подтвердили события, в распоряжении Вашингтона оставалось всего двадцать минут до нападения на Пёрл-Харбор. Но господин Того сделал все, что мог, дабы его собственное распоряжение стало для послов невыполнимым. Доказательства? Извольте!

Несмотря на то что окончательная нота японского правительства, как установил Трибунал, была одобрена комитетом по координации действий 30 ноября, Того только 6 декабря сообщил Номура, что Токио даст ответ на ноту Хэлла и что вручение японского ответа может затянуться до 7 декабря. Наконец, Того указал, что точный срок вручения будет передан по телеграфу позднее. Он также предупредил Номура, чтобы тот хранил меморандум в строжайшем секрете и «при его расшифровке ни в коем случае не прибегал к помощи машинисток».

Но препоны, воздвигнутые Того на пути к своевременному вручению ноты, этим не ограничились. Это ярко показано в заключительной речи обвинителя Тавеннера, который на основе собранных доказательств утверждал:

«Хотя трудно полностью понять то положение, которое существовало в японском посольстве в Вашингтоне утром 7 декабря, но, учитывая все... становится совершенно ясно, что положение там частично, если не целиком, было результатом действий заговорщиков в Токио. Именно Того приказал Номура отказаться от услуг машинисток, поручив подготовку окончательной ноты членам посольства, которые, как предполагалось, были незнакомы с машинописью. Именно в Токио были допущены ошибки, требовавшие исправлений и перепечатывания частей ноты некомпетентными «машинистками», что грозило срывом намеченных сроков вручения ноты. Именно министерство иностранных дел во главе с подсудимым Того определяло степень важности различных посланий, ко-

торые были получены посольством в то воскресенье утром. Именно министерство иностранных дел определило четырнадцатую часть окончательной ноты только как «очень важную», рассматривая в то же время менее серьезные документы как более срочные, видимо ожидая, что посольство в Вашингтоне будет расшифровывать в первую очередь послания с пометкой «срочно». Не посольство, а министерство иностранных дел в Токио определяло как исключительно важные, например, приветственные телеграммы от Того и Ямамото, считая менее срочной телеграмму, содержащую четырнадцатую часть окончательной ноты. Тот факт, что обычные правительственные телеграммы считались более важными, чем документ, который означал разрыв дипломатических отношений и войну, конечно, не свидетельствует о стремлении вовремя вручить эту ноту».

Но предусмотрительный Того не ограничился даже этим. На случай если бы Номура и Курусу преодолели все воздвигнутые им барьеры и вручили ноту, как приказывалось, в 13 часов, то есть за 20 минут до нападения на Пёрл-Харбор, то и тогда Хэлл из этой ноты понял бы только то, что там написано. Ведь, как мы уже знаем, японская нота не содержала ни ультиматума, ни объявления войны. Следовательно, если бы, паче чаяния, дотошные послы все же вручили бы пресловутую ноту, то и тогда нападение на США явилось бы стратегической внезапностью. Уместно напомнить, что и в этом случае нападение на британские владения в Кота-Бару и в Шанхае произошло значительно раньше, чем Хэллу была вручена японская нота. В то же время Великобритании, как уже подчеркивалось, нота об объявлении войны вообще не вручалась.

Так Того проводил линию своего премьера об «установлении четких взаимоотношений по вопросам дипломатии и стратегии». Но мы уже слышим вопрос: где доказательства, что именно Того принадлежит авторство финальной части последней ноты? Есть такие доказательства. Сразу после получения ноты Хэлла японский посол Номура, считая ее неприемлемой, телеграфно сообщил Того, что так как он никогда не предъявлял американским властям ультиматума и не говорил Хэллу ни о каких временных ограничениях, которые в Токио установили для переговоров, то необходимо своевременно и ясно

прервать эти переговоры, прежде чем прибегать к свободе действий. Номура предупреждал, что в противном случае Японию обвинят в затягивании переговоров и одновременной подготовке к войне, а также в открытии военных действий во время переговоров. Как мы убедились, Номура оказался прозорливым, а все его опасения — хорошо обоснованными: Того пошел по тому пути, который его посол считал неприемлемым и на котором настаивали начальники штабов. Конечно, бывшего японского министра иностранных дел отнюдь не обрадовало то, что и эта телеграмма Номура оказалась в руках обвинения.

Чья же редакторская рука прошлась по последней японской ноте, уничтожив в ней то, что могло расцениваться как ультиматум или объявление войны? Увы, и это всплыло на поверхность, причем источником таких сведений оказался не кто иной, как начальник американского бюро японского МИДа, а в дальнейшем, на процессе в Токио, свидетель защиты своего бывшего шефа Кумаити Ямамото. В ходе перекрестного допроса он признал, что составил первоначальный проект окончательной ноты и что в этот проект включил слова, которые обычно употребляются в ультиматумах. Однако эти чрезвычайно важные слова были выпущены из текста окончательной ноты. Кем? На это Ямамото не дал вразумительного ответа, сославшись на плохую память. Но это ясно и так: кто, как не сам Того, мог это сделать? Ведь Ямамото был настолько высокопоставленным чиновником, ведавшим взаимоотношениями Японии и США, что вмешиваться в его действия, да еще по такому важнейшему вопросу, как объявление войны, разумеется, мог лишь сам министр иностранных дел.

Не только Ямамото, но даже сотрудники военно-морского министерства, сведущие в международном праве, указывали на серьезный недостаток последней японской ноты.

У пульта свидетель капитан Кацуо Сиба, бывший сотрудник бюро морских дел, вызванный защитой адмирала Ока. Вот что показал свидетель:

— Если я правильно помню, то 3 или 4 декабря Ока раздал для изучения копию окончательной ноты Соединенным Штатам. Мне сказали, что этот проект был составлен министерством иностранных дел. Что касается формы, то я считал, что нота была недостаточно четкой

для ультиматума, и предложил, чтобы было вставлено, что мы сохраняем за собой право свободы действий. Это сделало бы ее более похожей на ультиматум. Ока сказал: «Если это так, то я надеюсь, что вы внесете необходимые изменения в ноту». Я тогда написал синим карандашом в конце этого проекта, что мы сохраняем за собой право свободы действий. Ока сказал, что он держится того же мнения в отношении содержания ноты, и одобрил предложенные изменения...

Затем у меня была беседа с Ока, который сказал, что он обсуждал внесенное мною изменение с представителем министерства иностранных дел, который сказал ему, что дополнение не нужно, что на дипломатическом языке нота считается ультиматумом и что поэтому дополнительная фраза является лишней.

Обвинитель капитан Робинсон подвергает свидетеля перекрестному допросу:

— Говорил ли вам Ока, что министр иностранных дел Того был против изменения?

Ответ: Нет, он не говорил, что министр иностранных дел Того... Он не упоминал министра иностранных дел Того. Он просто сказал, что министерство иностранных дел считает, что это не нужно...

Оценивая такой ответ, мы не можем не учитывать, что он принадлежит свидетелю защиты. Но так же, как в случае с Ямамото, совершенно ясно, что отвергнуть мнение представителя военно-морского министерства, да еще по такому кардинальному вопросу, в японском МИДе мог только сам Того. Итак, бесспорно установлено, что подсудимый Того имел два категорических предупреждения по поводу содержания последней японской ноты, но тем не менее сознательно ими пренебрег.

С учетом этих обстоятельств нам теперь будет не трудно расценить подлинную роль каждого из подсудимых, принявших участие в реализации плана нападения на США, Великобританию и Голландию без объявления войны. Коллизия Того с остальными подсудимыми нам в этом весьма поможет, тем более что Того в своих показаниях и во время перекрестных допросов эту коллизию продолжал усиленно расширять. Так бывший шеф японского МИДа показал:

— После окончания этой войны, а вернее, с началом данного процесса флот утверждал, что он никогда не

стремился к неожиданному нападению на Соединенные Штаты. Ясно, что мои показания по этому вопросу, а также в отношении других событий, приведших к тихоокеанской войне, расходятся с показаниями других подсудимых. Безусловно, Трибунал рассудит нас. Я всю свою жизнь боролся за то, что я считал правым делом, и сейчас ради истории, а также для данного Трибунала хочу рассказать всю правду, не пытаясь избежать ответственности и не желая, чтобы ответственность других была переложена па меня.

Как Того боролся за правое дело и какова его правда, мы уже видели. Но для нас интересно другое: пытаясь, если возможно, уменьшить собственную вину, подсудимый в немалой степени помог суду установить действительную роль в этом эпизоде Тодзио, Симада и еще кое-кого из подсудимых.

Адвокат Брэннон от имени Симада допрашивает Того. И любопытно, что первый вопрос адвоката свидетельствует о признании некоторых неоспоримых фактов, которые в своих показаниях впервые упомянул Того. Потом мы увидим, чем это было вызвано.

Вопрос: Имеется достаточное количество показаний, что генеральный штаб военно-морского флота хотел осуществить нападение на Соединенные Штаты без всякого предупреждения. Говорил ли вам адмирал Симада, в то время военно-морской министр, что он планирует нападение на США, не согласуясь с международным правом?

Ответ: Насколько я помню, когда происходило обсуждение этого вопроса, Симада сидел молча и не сказал ни одного слова.

Вопрос: А вице-адмирал Ито, заместитель начальника генерального штаба военно-морского флота, в то время, как вы говорите, настаивал на нападении без предупреждения. Это верно?

Ответ: Я помню, что Нагано был первым, кто упомянул о внезапном нападении. После этого Ито заявил, что переговоры должны быть оставлены незаконченными.

Вопрос: Скажите, этот разговор произошел па совещании комитета по координации действий?

Ответ: Да.

Вопрос: Господин Того, адмирал Симада здесь, в Трибунале, заявил следующее: «Незадолго перед смертью адмирала Нагано ему и мне было сказано, что существует

подобное показание, и мы вместе опрашивали всех подсудимых, которые присутствовали на совещании комитета по координации действий, включая Тодзио, Судзуки, Кая, Хосино, Ока и Муто. Никто из них не помнил этого, за исключением Того». Я использовал все случаи, когда этих людей допрашивали в Трибунале в качестве свидетелей, и задавал им этот вопрос. Они заявляли, что никогда на совещании комитета по координации действий флот не высказывался за нападение без предупреждения. Вы готовы сейчас заявить, что эти люди лгали?

Да, пожалуй, не следовало Брэннону начинать весь этот допрос!

Ответ: Я не особенно верю в память этих людей. Почему? У меня есть много примеров, и я могу привести вам один из них. Я прибыл в тюрьму Сугамо в мае прошлого года, позднее, чем остальные, из-за болезни. Беседуя с людьми, чьи имена вы только что упомянули, я убедился, что они забыли тот факт, что 5 ноября 1941 года состоялось совещание в присутствии императора (речь идет об известном читателю совещании, где был решен вопрос о прекращении переговоров с США и о начале войны не позднее 25 ноября. — *Авт.*). И только после того, как я напомнил об этом факте, все они наконец вспомнили. И конечно, поскольку они забыли такое важное совещание, естественно, что они забыли все то, что им невыгодно...

Тут бы и поставить точку, но американец Брэннон пошел дальше.

Вопрос: Вы давали показания, что еще до начала этого процесса представители флота пытались доказать, что они никогда не думали о внезапном нападении. Что вы имели в виду, делая такое заявление?

Ответ: Мне придется рассказать вам то, что произошло в стенах тюрьмы Сугамо. Я делаю это неохотно, но, может быть, будет лучше, если я кое-что разъясню, чтобы не оставалось ничего неясного.

Примерно в середине мая прошлого года (1946 год. — *Авт.*) после завтрака здесь, в Итигая, Симада завязал с Нагано и со мной разговор. Тогда же Симада выразил желание, чтобы я ничего не говорил о том, что флот хотел произвести внезапное нападение. Он даже в некоторой степени угрожал мне, а также заявил, что если я это сделаю, то это будет недостойным поступком. Затем На-

гано сказал мне: «Даже если бы я это мог сказать, министр иностранных дел вовсе не должен был принимать мое предложение». На это я ответил, что положение не было таковым...

Здесь экс-дипломат, видимо, не заметил, что, давая такое показание, он косвенно признал свою тогдашнюю зависимость от милитаристской клики, а следовательно, и свое сознательное участие в выполнении ее требований.

— В тюрьме Сугамо, — продолжал Того,— за десять дней до смерти адмирал Нагано сказал мне, что он собирается взять на себя всю ответственность за нападение на Пёрл-Харбор. В ответ на это я спросил, намерен ли он взять на себя и ответственность за внезапное нападение. Он ответил утвердительно.

Кроме этих разговоров в тюрьме Сугамо были и другие случаи, когда представители флота просили меня не говорить об их намерении провести внезапное нападение.

Вопрос: А кто еще присутствовал во время этих бесед с адмиралом Симада, и в частности во время первой беседы?

Ответ: В беседе участвовали только мы трое.

Вопрос: Третьим был адмирал Нагано, который умер?

Ответ: Да, Нагано был третьим...

Кажется, достаточно. Но адвокат Брэннон, как это явствует из всего допроса, чувством меры явно не обладал. Ему, видимо, трудно было остановиться.

Вопрос: Мне хочется разобраться в этом до конца. Адмирал Симада и адмирал Нагано признались вам в том, что они действительно хотели напасть на Пёрл-Харбор без всякого предупреждения, но что они не хотели, чтобы вы где-нибудь рассказали об этом. Не так ли?

Ответ: Да, в общих чертах это так... Не будучи специалистом, я, однако, считаю, что нападение на Пёрл-Харбор не могло бы быть произведено, если бы оно не носило внезапного характера. Эта мысль пришла мне в голову после того, как я узнал о нападении на Гавайи, уже после начала войны. В то время японские газеты очень много писали, что внезапное нападение на Пёрл-Харбор имело большой успех, и мне кажется, что повсюду употреблялось выражение «внезапное нападение на Гавайи».

А вот до нападения господину министру и в голову такая мысль прийти не могла! Хотя, кажется, совершенно

ясно и неспециалисту, что атаковать готовый к отпору мощный флот противника в его основной базе, атаковать флотом, отрезанным от своих баз тысячами миль океанских просторов, предприятие явно авантюристическое. Тем более если учесть, что американский флот и авиация в Пёрл-Харборе были в основном по численности и мощи равны атакующим японским силам. Но если атаке подвергается ничего не подозревающий противник, тогда, разумеется, дело совсем другое... Мы покажем, что и остальные объективные обстоятельства подкрепляют правдивость показаний Того по этому эпизоду. Ну а утверждение господина министра, что до нападения он ничего не ведал и не подозревал, остаются на его совести, которая, как известно, выдерживала и не такие нагрузки.

Что же это были за объективные доказательства? Во-первых, и это наиболее существенно, после смерти Осами Нагано Трибунал допросил его заместителя вице-адмирала Ито. Этот свидетель полностью подтвердил показания Того: да, действительно его шеф Нагано 2 декабря 1941 года на совещании комитета по координации действий стоял за то, чтобы напасть на Соединенные Штаты без извещения их об этом. Затем флот все же согласился на вручение ноты США в 12 часов 30 минут 7 декабря. Несколько позднее, тоже по инициативе флота, срок этот был перенесен на 13 часов того же дня. По этому поводу Ито и заместитель начальника генерального штаба армии Танабэ специально посетили Того, согласовав с ним этот вопрос. Затем этот окончательный срок вручения ноты был утвержден на совещании комитета по координации действий.

У пульта бывший заместитель начальника генерального штаба армии Моритакэ Танабэ. Он, так же как Ито, дал весьма важное подтверждение показаниям Того:

— 2 декабря 1941 года или немного позднее на совещании комитета по координации действий было решено, что извещение о прекращении переговоров должно быть вручено в Вашингтоне правительству Соединенных Штатов Америки в 12 часов 30 минут 7 декабря (по вашингтонскому времени). Однако позднее флот счел необходимым задержать вручение извещения до 13 часов 7 декабря (по вашингтонскому времени), и верховное командование армии согласилось с этим. После чего я и заместитель начальника генерального штаба военно-морского флота Ито

посетили министра иностранных дел Того и просили его дать свое согласие на это изменение сроков.

Министр иностранных дел Того спросил нас, остается ли при этом время до начала военных действий, и, получив утвердительный ответ от заместителя начальника генерального штаба военно-морского флота Ито, дал свое согласие. Вечером 7 декабря я узнал, что об этой беседе доложено 6 декабря на совещании комитета по координации действий и было получено согласие этого совещания...

Хорошо известный нам Ямамото из японского МИДа был допрошен Трибуналом и 10 августа 1947 года показал, что присутствовал 2 декабря 1941 года на совещании комитета по координации действий и что там адмирал Ито настаивал, чтобы нападение на США было произведено без предупреждения.

По этому вопросу наряду с участниками событий свидетельствовали и документы. В руках судей секретная телеграмма германского посла в Токио Отта, отправленная Риббентропу в конце ноября 1941 года: «В министерстве иностранных дел обсуждается вопрос, каким образом Япония должна начать конфликт, которого невозможно избежать. Они придерживаются мнения... что нужно объявить о существовании состояния войны или объявить войну против Америки одновременно или после начала военных действий...»

Проходит неделя после нападения на Пёрл-Харбор, и 14 декабря 1941 года Гитлер принимает посла Хироси Осима. Обвинение предъявляет запись этой беседы, обнаруженную в германском МИДе. На беседе присутствует Риббентроп. Вот эта запись:

«Прежде всего фюрер наградил посла Осима орденом Большого креста с золотым орлом. В теплых словах он описал его заслуги в деле достижения германо-японского сотрудничества, которое в настоящий момент достигло своей кульминационной точки в тесном братстве по оружию.

Генерал Осима выразил свою благодарность за большую честь и подчеркнул, что он очень рад, что это братство по оружию теперь существует между Германией и Японией.

Фюрер продолжал: «Вы правильно начали войну. Это единственно правильный метод. Япония следовала ему раньше, и эта система соответствует моей собственной

системе... Если вы видите, что другая сторона заинтересована только в затяжке дела... а не желает приходить к соглашению, тогда следует нанести удар такой силы, как только возможно, и, конечно, не тратить времени на объявление войны».

Далее фюрер отметил, что «ему было очень приятно услышать о первой операции японцев. Он сам вел переговоры с бесконечным терпением... но, если не удавалось прийти к соглашению, наносил внезапный удар без соблюдения формальностей. Он будет продолжать придерживаться этого способа в будущем...»

Можно не сомневаться, что фюрер, высказывая свое удовольствие и удовлетворение, был хорошо информирован о том, как в действительности развернулись события, и не в последнюю очередь самим Осима. Разумеется, не случайно и заявление Гитлера, что «Япония следовала и раньше этому единственно правильному методу»: здесь недвусмысленный намек на коварное, без объявления войны, нападение Японии на Россию в 1905 году, на Китай в 1931 году и в последующие годы.

Под прессом таких улик некоторые подсудимые пошли по пути полупризнания. Адвокат Того — Блэкни — ведет допрос подсудимого Муто, бывшего в то время, как известно, начальником бюро военных дел военного министерства.

Вопрос: Что вы слышали лично от заместителя начальника генерального штаба военно-морского флота Ито относительно намерений флота в связи с отправкой этой ноты?

Ответ: Я не помню подробностей того, что сказал Ито, но в моей памяти сохранилось, что намерением флота было согласовать время отправки ноты и начала морских боевых операций.

Вопрос: Что вы имеете в виду под словом «согласовать»? Означает ли это «совпадать во времени?»

Ответ: К моменту начала боевых действий должна быть тесная согласованность во всем между дипломатией и военными. Именно в этом смысле я употребил глагол «согласовать».

Вопрос: Слышали ли вы когда-нибудь о том, что представители генерального штаба военно-морского флота выражали желание, чтобы нота была послана как можно позднее?

Ответ: Да, я помню, что по этому поводу говорил заместитель начальника генерального штаба военно-морского флота Ито.

Вопрос: Он говорил именно об этом?

Ответ: Да...

А вот Тодзио и Симада, вопреки всем неоспоримым доказательствам, категорически отрицали, как уже указывалось, свою вину. Впрочем, им нельзя отказать в последовательности: ведь такой линии они придерживались в отношении всех выдвинутых против них обвинений.

Капитан Робинсон ведет допрос Симада.

Вопрос: Вы заявляете, что ничто не могло натолкнуть Того на мысль, что вы угрожаете ему. Уж не хотите ли вы сказать, что господин Того на самом деле не считал, что вы угрожаете ему, и поэтому сознательно давал здесь ложные показания?

Ответ: Как я уже сказал, он не мог бы воспринимать мое заявление как угрозу, если бы не чувствовал за собой вины. Поэтому его показания можно рассматривать как признание его собственной вины... Хотя мне и не хотелось говорить об этом, однако сейчас я считаю необходимым заявить, что он прибегнул к дипломатической уловке, пытаясь скрыться за дымовой завесой. Другими словами, не найдя выхода из очень затруднительного положения, в которое попал, он использовал слово «угроза», которую никто и не думал применять. Таким образом он пытался найти выход из создавшегося затруднительного положения.

Робинсон: Другими словами, вы полагаете, что он пытался избежать ответственности, которую вы и Нагано хотели возложить на него, так как извещение не было вручено в срок, а договор был нарушен во время нападения на Пёрл-Харбор...

И тут Симада, перечеркнув все, что было добыто судебным следствием, начинает самозабвенно лгать:

— Японский военно-морской флот желал, чтобы при отправке этого окончательного извещения строго соблюдались нормы международного права и чтобы было послано официальное уведомление. Начальник генерального штаба военно-морского флота адмирал Нагано и командующий объединенным флотом адмирал Ямамото поклялись мне, что будут соблюдены принципы международного права... Поэтому... мы полагали, что Соединенным

Штатам будет отправлено извещение и что американские вооруженные силы на Гавайских островах будут готовы к действиям против нашей эскадры... Задержка вручения окончательной ноты явилась результатом ошибки министерства иностранных дел... И военно-морской флот не может принять на себя ответственность по этому вопросу.

Тодзио был умнее Симада — понимал, что не следует топтаться на тонком льду, что, чем ложь короче, тем меньше шансов запутаться, а потому, когда ему предъявлялись неоспоримые доказательства, в полемику не вступал. Его ответы на вопросы адвоката Брэннона были предельно лаконичны.

Вопрос: Поддерживал ли флот идею нападения на Соединенные Штаты или Великобританию без предупреждения на каком-либо совещании комитета по координаций действий, состоявшемся после принятия решения о войне или в какое-нибудь другое время?

Ответ: Этого не было...

Вопрос: Хотя подсудимый Того сказал, что, по его мнению, на вашу память, так же как и на память других подсудимых, присутствовавших на совещании комитета по координации действий, нельзя особенно полагаться, я все же хочу спросить: слышали ли вы эти показания здесь, в зале суда? И конкретно: поддерживал ли флот на каком-нибудь совещании комитета по координации действий идею нападения без предупреждения?

Ответ: Так как это чрезвычайно важный вопрос, я помню его очень хорошо. И могу повторить то, о чем уже говорил вам...

Так они лгали, пытаясь ввести в заблуждение суд, стараясь переложить друг на друга груз тягчайших преступлений. Нить этой лжи выходила далеко за пределы судебного зала, тянулась в далекие прошлые годы, когда эти люди еще являлись не уголовными преступниками, а государственными деятелями, руководившими своим народом. Ведь, как мы теперь знаем, ложь, коварство и предательство были возведены в ранг государственной политики и, естественно, стали второй натурой этих людей. Неудивительно поэтому, что, когда заговорщики считали полезным для реализации своих целей обман собственного монарха, они без колебаний шли и на это. Так было, как уже известно читателю, с компромиссным предложением Номура и Курусу, так было с посланием Руз-

вельта императору, так, наконец, получилось и при решении вопроса об объявлении войны.

Что же было установлено Трибуналом именно по этому поводу, причем на основании показаний самих подсудимых?

В своем аффидевите Хидэки Тодзио недвусмысленно писал: «В отношении передачи ноты об объявлении войны до начала нападения император часто инструктировал меня и начальников двух генеральных штабов (имеются в виду штабы армии и флота. — *Авт.*), пожелания императора в этой связи передавались всем членам совещания комитета по координации действий, и все хорошо знали о них».

Кинан подробно допрашивал Тодзио в этом плане.

Вопрос: Не предписывал ли вам император Японии послать извещение об объявлении войны Соединенным Штатам и другим западным державам до начала военных действий?

Ответ: Я помню, что император обращал мое внимание на это, а я доводил пожелание императора до сведения всех участников совещаний комитета по координации действий под свою собственную ответственность.

Вопрос: На допросе вам был задан следующий вопрос: «Не опасался ли император, что нападение может быть совершено без предупреждения?» Помните вы это?

И помните ли вы ответ: «Да, он опасался этого. Он просил проследить за тем, чтобы это не произошло в действительности»?

Был ли задан вам такой вопрос и дали ли вы такой ответ?

Ответ: Я помню, что мне был задан такой вопрос, а я дал приведенный вами ответ...

Вопрос: Не задавали ли вам во время допроса следующий вопрос: «Сколько раз просил вас император проследить за тем, чтобы извещение было отправлено до нападения?»? И не дали ли вы ответ: «Неоднократно»?

Ответ: Я ответил таким образом.

Вопрос: Это была правда?

Ответ: Это правда.

Вопрос: А не задали ли вам вопрос: «Не можете ли вы нам сказать, сколько раз вас об этом просили?»? И не дали ли вы такой ответ: «Я почти ежедневно бывал у императора, и он неоднократно предупреждал меня об

этом»? Вам были заданы такие вопросы? И вы дали на них приведенные мною ответы?

Ответ: Да, я ответил таким образом...

Тодзио от имени бывшего военно-морского министра адмирала Симада допрашивает его защитник Брэннон:

— Еще один-два дополнительных вопроса. Вы говорите, что император дал инструкции вам и двум начальникам генеральных штабов обязательно послать предупреждение до начала военных действий. Адмирал Нагано был начальником генерального штаба военно-морского флота и должен был бы знать об этом указании императора, не так ли?

Ответ: Как я совершенно ясно изложил в своем аффидевите, император постоянно говорил мне и двум начальникам генеральных штабов о своем желании относительно уведомления, а я довел пожелание императора до сведения постоянных членов комитета по координации действий...

Тодзио не назвал Симада по имени, но тем не менее ясно подтвердил, что адмирал хорошо знал эти указания. Ведь он был постоянным членом комитета по координации действий. Но зачем нужно было Брэннону такое признание, как, впрочем, и многие другие, о которых шла речь, понять трудно.

Сам Сигэтаро Симада во время его допроса обвинителем Робинсоном настойчиво пытался снять с себя ответственность за нападение японского флота на Пёрл-Харбор и другие пункты, за нападение без объявления войны. Он утверждал, что по японской структуре оперативное управление флотом было монополией исключительно генерального штаба военно-морского флота. Последовательно проводя эту позицию, Симада всячески уклонялся от прямого ответа на вопрос, были ли ему лично известны неоднократные указания императора о своевременном вручении ноты об объявлении войны до начала боевых действий. Он также указывал, как мы уже знаем, что обязанность своевременного вручения ноты о войне лежала только на министре иностранных дел. Однако, в конце концов, под давлением улик и Симада вынужден был кое-что признать.

Капитан Робинсон: Адмирал Симада, отрицаете ли вы тот факт, что император считал, что при выполнении операции в Пёрл-Харборе японское правительство обязано

было заблаговременно и в должные сроки известить правительство Соединенных Штатов о начале военных действий?

Ответ: Я не отрицаю этого. Дело обстояло именно так, как вы говорите. Такой политики придерживался не только император, но и все японское правительство... Это была августейшая милость самого императора...

Не верить здесь подсудимым нет никаких оснований. Ведь такие показания не могли облегчить их собственную участь, а, наоборот, показывали, что они обманывали не только своих противников, но и собственного монарха. Все это дало основание обвинителю Фикселю заявить в своей заключительной речи:

— На совещании в присутствии императора, состоявшемся 30 ноября 1941 года, он неоднократно просил удостовериться, что эта нота будет вручена до начала военных действий. Это была именно та нота, которая была вручена 7 декабря 1941 года, в то время, когда совершалось нападение на Пёрл-Харбор.

Но на этом не кончились претензии к Того, связанные с нарушением норм международного права в момент начала военных действий японскими вооруженными силами.

Ведь, как уже указывалось, Великобритании и Голландии вообще не были вручены ноты об объявлении войны. Кинан упорно допрашивал Того о причинах этого вопиющего нарушения Гаагской конвенции. Сам Того в своих показаниях тоже пытался найти какие-то объяснения этому весьма прискорбному для него факту. Вот пример таких «объяснений»:

«Решение совещания комитета по координации действий о том, что извещение о прекращении переговоров должно быть вручено в Вашингтоне, исключало (?!) необходимость вручения извещения о начале военных действий в Лондоне...»

А почему исключало? Того ничего вразумительного сказать не мог, если не считать «аргументации» такого рода:

«...В период моего пребывания на посту министра иностранных дел, естественно, принимались в расчет и отношения с Великобританией. В ходе переговоров (имеются в виду переговоры с США. — *Авт.*) предполагалось, что если будет достигнуто какое-нибудь соглашение, то пра-

вительства Англии и Голландии будут также участниками этих соглашений или по крайней мере одновременно с соглашением с Соединенными Штатами будут подписаны соглашения об основных проблемах Тихого океана и с этими странами...

Поэтому время от времени я запрашивал по этому вопросу не только американского, но и английского посла. Каждый раз я получал неизменный ответ: переговоры о заключении соглашения по всем этим вопросам будут вести Соединенные Штаты, которые будут информировать Англию и другие заинтересованные государства... Поэтому казалось вполне очевидным, что достаточно будет послать извещение о прекращении переговоров только Соединенным Штатам, которые в свою очередь информируют обо всем все сотрудничающие с ними державы, представителем которых они (Соединенные Штаты) являлись».

Но «вполне очевидным» это было только подсудимому Того. Обвинение правильно утверждало, что Великобритания и Голландия являлись суверенными государствами, государствами, которые стали объектами нападения, а потому при всех условиях не могли быть лишены гарантий, предусмотренных Гаагской конвенцией. И абсолютно наивна попытка Того объяснить совершенное им преступление тем, что эти государства уполномочили своего союзника — США вести с Японией переговоры по поводу мирного урегулирования спорных проблем.

Заканчивая допрос, Кинан заключает:

— Значит, вы не передавали никаких прямых уведомлений Великобритании и Голландии, не так ли?

Ответ: Я не считал это нужным...

Вопрос: А обратили ли вы внимание на то, что ваша нота должна была быть вручена в воскресенье, в день, когда обычно все бюро в Соединенных Штатах бывают закрыты?

Ответ: Я очень хорошо знал, что это было воскресенье, но органы правительства Соединенных Штатов придавали существовавшей обстановке очень большое значение, даже президент Соединенных Штатов вернулся с курорта, с горячих источников, и поэтому мы считали, что Вашингтон следит за развитием событий очень напряженно...

Много неприятных минут доставил Того и документ, обнаруженный обвинением в японском МИДе. О нем

рассказал обвинитель Хиггинс в своей вступительной речи:

— Интересно отметить, что вопрос о нарушении Гаагской конвенции вскоре начал беспокоить членов японского правительства (теперь подсудимых), в частности Того. Мы обнаружили в делах японского министерства иностранных дел доклад по этому вопросу, составленный вторым отделом договорного бюро министерства иностранных дел с помощью некоторых японских юристов. Так как этот доклад датирован 26 декабря 1941 года, запрос должен был быть сделан немедленно после начала войны. Этот документ мы предъявили в качестве доказательства. Это могло бы показаться забавным, если бы вопрос был менее трагичным.

Комитет пришел к заключению, что трудно рассматривать документ, врученный государственному секретарю, как ноту об объявлении войны, потому что он не содержит предупреждения о свободе действий или начале военных действий...

Теперь в свете доказательств, добытых на Токийском процессе, остается ознакомиться с тем, как развернулись в 1945 году события, которые в конечном счете привели к безоговорочной капитуляции Японии.

...Начало апреля 1945 года. Советская Армия крушит гитлеровцев на подступах к Берлину. На западе Германии англо-американские войска, не встречая серьезного сопротивления, берут город за городом. Каждому здравомыслящему человеку понятно: дни третьего рейха, этого последнего союзника Японии, сочтены.

1 апреля 1945 года после ожесточенного морского и воздушного сражения американцы высадили десант на острове Окинава. Здесь был захвачен первый участок собственно японской территории. За несколько дней до этого — 9 марта — триста «летающих крепостей» совершили массированный налет на Токио. Действуя по площадям, они обрушили на город тысячи зажигательных бомб. «Огненная буря охватила целые районы, — вынуждено было сообщить на следующий день токийское радио. — Только кое-где устояли почерневшие стены немногих каменных зданий. После того как упали первые зажигательные бомбы, образовались тучи, освещенные снизу

красноватым светом. Из них вынырнули «сверхкрепости», летевшие поразительно низко. Город был освещен, как на рассвете... В эту ночь мы думали, что весь Токио превращен в пепел».

В тот день погибло 78 тысяч человек, было сожжено 270 тысяч зданий, 1,5 миллиона людей осталось без крова. Приближался час расплаты для японских милитаристов...

На судейском столе протокол совещания старейших государственных деятелей Японии, состоявшегося 5 апреля 1945 года. Речь идет об отставке кабинета Коисо и необходимости формирования нового кабинета. Показания об этом совещании дает подсудимый Кидо: «Было высказано мнение, что на сей раз на пост премьер-министра должен быть назначен человек с железными нервами и свободный от каких-либо обязательств. При этом выбор не обязательно должен ограничиваться генералом или адмиралом, находящимся на действительной военной службе.

Однако генерал Тодзио не согласился с этим, считая, что на пост премьер-министра должен быть назначен фельдмаршал Хата, поскольку военная обстановка вступила в такую стадию, когда решающую битву придется вести на территории самой Японии... Я заявил, что общее руководство должно осуществляться политическими кругами, ибо могут пострадать миллионы невинных людей. Указав на большую непопулярность армии в народе, я заявил, что целесообразно назначить на этот пост гражданское лицо. Однако генерал Тодзио продолжал упорствовать. Он заявил, что если это будет сделано, то армия посмотрит на все иначе, намекая на возможный государственный переворот. Я ответил, что если на пост премьер-министра будет назначен представитель армии, то нация отнесется к этому отрицательно. Это была почти ссора. Никто из участников совещания не затрагивал вопроса о мире, опасаясь присутствовавшего на совещании генерала Тодзио и зная, что любое нетактичное замечание будет известно армии и побудит ее принять контрмеры. Однако все участники совещания, за исключением генерала Тодзио, сошлись на том, что на пост премьер-министра должен быть избран «человек, свободный от каких-либо обязательств в прошлом». Эта точка зрения была изложена Коноэ и Хиранума».

В такой обстановке жили и действовали эти «государственные деятели», не зная, о чем заботиться в первую очередь: об интересах ли страны, находившейся на грани катастрофы, или о собственной безопасности? В свое время все они дружно бросили Японию на дорогу милитаристских авантюр. Теперь, когда час расплаты приближался с космической быстротой, они по-разному решали, как выбраться из ямы, которую сами вырыли и которая вот-вот грозила поглотить их всех. В эти минуты они напоминали пауков в банке, готовых на все, лишь бы уцелеть, даже за счет своих ближних.

Однако, когда судьи сопоставили показания Кидо с протоколом от 5 апреля 1945 года, который лежал у них на столе, оказалось, что маркиз рассказал далеко не все о себе и о других. Во-первых, Тодзио был не одинок, защищая свою ультраавантюристическую позицию. Во-вторых, сам Кидо, судя по протоколу, держался куда скромнее того Кидо, который сейчас стоял перед судом. Причем эта его «скромность» проявилась при решении самого коренного вопроса: капитуляция или продолжение бессмысленного сопротивления? Пришлось обратиться к протоколу. Вот несколько выдержек из него.

«Частые смены кабинетов во время войны, — говорил Тодзио, — очень вредны. Кабинет, который надо сформировать, должен явиться последним кабинетом. Внутри страны существуют сейчас два мнения: одно — что мы должны бороться до последнего, чтобы обеспечить будущее развитие страны, а второе — что мы должны принять условия безоговорочной капитуляции, чтобы немедленно установить мир. Я думаю, что прежде всего нужно обсудить именно этот вопрос».

Хирота, которому через три с половиной года предстояло закончить свой путь на виселице по приговору Международного военного трибунала, готов был пролить море чужой крови в призрачной надежде спастись самому: «Мы должны выиграть во чтобы то ни стало. Хотя относительно хода настоящей войны и существуют пессимистические взгляды... Новый кабинет должен быть таким кабинетом, который сможет довести войну до победного конца. Мне кажется, что министр — хранитель печати поступил правильно, обсудив этот вопрос с представителями командования армии и военно-морского флота. Но

не кажется ли вам, что нужно еще точнее уяснить намерения армии и флота?»

«Пацифист» Кидо знает свое окружение, знает, чем можно взять всех этих людей. И он деликатно пугает их призраком народного восстания: «Сегодня, когда обстановка такова, что наша родина является почти что театром военных действий, настроения, царящие в народе, дают повод для серьезных размышлений. Народ не всегда действует в соответствии с мероприятиями, проводимыми правительством... За последнее время усилились антимилитаристские тенденции, что требует особого внимания».

Среди сторонников «стоять до конца» оказался и Хиранума, впоследствии осужденный к пожизненному заключению: «В нашей стране существуют две точки зрения относительно окончания войны. Нам нужен человек, который доведет войну до конца. Мы не можем рекомендовать на пост премьер-министра поборника мира, который стоит за прекращение военных действий».

Чувствуя, что атмосфера накаляется, семидесятивосьмилетний барон Судзуки почел за благо прибегнуть к самоотводу. В той обстановке пост премьера его явно не соблазнял. Мотивировка же самоотвода достойна хорошего водевиля: «Я считаю, что вмешательство солдат в политику приведет страну к гибели. Я уже сказал его превосходительству Окада, что это доказано падением Рима, бесславным концом кайзера и судьбой Романовых. Я же лично придерживаюсь принципа невмешательства в политические дела. Кроме того, я плохо слышу. Поэтому прошу отклонить мою кандидатуру».

Накал страстей быстро охладил «пацифистское» рвение Кидо: «Я тоже хочу высказать свое мнение по этому вопросу. Как я уже сказал, Япония стоит на грани того, чтобы стать театром военных действий, поэтому усиление правительства совершенно необходимо. Должен быть создан прочный кабинет, который будет пользоваться доверием народа. Поэтому считаю, что мнение его превосходительства Тодзио внушает доверие...»

Тодзио понимает, что их страх — его союзник, и убеждает этих мелких людей, поднятых по прихоти истории на вершину власти: «В настоящее время, когда наша страна вот-вот может стать театром военных действий, мы должны быть особенно осторожны, поскольку есть опа-

сения, что армия может занять отдельную ото всех позицию. И если армия сделает это, кабинет падет».

Быстро сникший Кидо вопрошает: «В этот момент будет особенно трудно, если армия займет отдельную позицию. Есть ли для этого какие-либо предпосылки?»

Тогда Тодзио уклончиво отвечает: «Не могу сказать, что их нет...»

Май 1945 года. Нацистской Германии больше не существует. Каждому здравомыслящему политику ясно, что теперь объединенные нации полны решимости и имеют более чем достаточно сил, чтобы погасить последний очаг агрессии. Но в Токио продолжают упорствовать. Доказательства? Извольте! Главный обвинитель Кинан предъявляет уже известный нам протокол совещания у императора от 8 июня 1945 года. Там единогласно принимается решение бороться до победного конца.

Еще десять дней отсчитано неумолимым временем. 18 июня 1945 года премьер Судзуки (он все-таки принял этот пост!) созывает совещание Высшего военного совета. Там военный министр и начальники штабов армии и флота продолжают проводить свою линию. Согласно показаниям Кидо, они «придавали большое значение решительному удару, который должен быть нанесен на территории самой Японии. Они настаивали, что мирные переговоры лучше будет начинать после того, как будет достигнут успех в этом сражении».

Германские нацисты в качестве своего последнего пропагандистского аргумента могли выдвинуть лишь робкое требование — «Берлин останется немецким». Их японские союзники в последние дни второй мировой войны оказались куда решительнее: «Сто миллионов умрут вместе». Они хотели расплатиться за все и погибнуть не иначе, как со всем японским народом, который «подвел» их.

Однако большинство членов Высшего военного совета, как показал Кидо, пришли к решению, что нельзя упускать случая заключить мир. Тогда маленький, женоподобный маркиз вновь обретает решимость. В своем аффидевите он так пишет об этом: «Я предложил его величеству созвать всех членов Высшего военного совета и приказать им прекратить военные действия...» В эти критические минуты Кидо уже не мучит, как раньше, сомнение о прерогативах императора. Хотя и поздно, но он наконец советует своему повелителю использовать принадле-

жащее ему право самодержавного монарха и верховного главнокомандующего...

9 августа 1945 года Советский Союз вступил в войну против Японии, и тогда даже ультрафанатичные милитаристы начали постепенно трезветь. Утром в тот роковой для японских агрессоров день Кидо имел беседу с императором. Вот как он рассказал о ней и о дальнейших событиях Трибуналу:

— Я сказал императору, что единственный выход в настоящей ситуации — это принять условия Потсдамской декларации и окончить войну, как уже решил и сам император.

Император, который, казалось, был полон решимости, приказал мне подробно обсудить этот вопрос с премьер-министром, так как каждую минуту может возникнуть необходимость вынести решение о прекращении военных действий.

О событиях 9 августа 1945 года я записал в тот же день в своем дневнике. Обвинение представило только шесть строчек из записи, которую я сделал в дневнике 9 августа 1945 года. Полная же запись, сделанная мною в этот день, представляет собой следующее: «С 9 часов 55 минут до 10 часов я имел беседу с императором в его библиотеке, и император приказал мне подробно обсудить с премьер-министром вопрос о мирном плане или об окончании войны, так как каждую минуту может возникнуть необходимость в изучении подобного плана и вынесении решения. Он приказал мне сделать это уже после того, как Япония вступила в войну с Советским Союзом. Так как у меня было назначено свидание с премьер-министром в это утро, то я ответил императору, что я немедленно переговорю с премьер-министром.

В 1 час 30 минут дня премьер-министр Судзуки зашел ко мне в кабинет и сообщил, что Высший военный совет решил принять Потсдамскую декларацию на следующих четырех условиях:

1. Сохранение императорского дома.

2. Отвод японских войск по инициативе самой Японии.

3. С теми, кто ответствен за войну, будет расправляться само японское правительство.

4. Не будет дано никакой гарантии в отношении оккупации».

В 2 часа 30 минут я сделал новую запись в дневнике: «Мое заявление было ошибочным. Я узнал недавно, что Высший военный совет не выносил такого решения. Он только обсуждал этот вопрос.

Совещание, на котором присутствовал император, состоялось в кабинете, смежном с библиотекой императора, с 11 часов 50 минут дня 9 августа до 2 часов 20 минут ночи 10 августа. Было решено принять Потсдамскую декларацию на единственном условии сохранить суверенитет императора и императорского двора. Министр иностранных дел подготовил проект плана согласно решению его величества императора».

Если верить дневнику Кидо, то заседание в присутствии императора, начавшееся 9 августа и закончившееся в ночь на 10 августа, было примечательно только своей продолжительностью — 13 часов 30 минут. В действительности оно явилось ареной жестокой борьбы. Военные согласны были заключить мир на условии принятия Потсдамской декларации, но только с четырьмя весьма существенными оговорками, изложенными в дневнике Кидо. Эти условия, по существу, отвергали принцип безоговорочной капитуляции.

Того и его единомышленники выступали за принятие декларации, но с единственным условием — неприкосновенность прав и положения императора. Шел третий час ночи и четырнадцатый час совещания, а решения все не было.

Бывший премьер Кантаро Судзуки выступил на этом заседании перед его закрытием: «Мы долго обсуждали вопрос и не пришли ни к какому заключению. Положение требует принятия экстренных мер, и нельзя допускать никаких задержек в принятии решения. Поэтому я предлагаю просить его императорское величество высказать свои собственные взгляды. Его желания разрешат наш спор, и правительство должно будет повиноваться им».

Судзуки так описывает выступление императора на этом совещании: «Я согласен с мнением, высказанным министром иностранных дел... Мои предки и я всегда старались выдвигать на первый план заботу о благе народа и о мире во всем мире. Дальнейшее продолжение вой-

ны было бы продолжением жестокостей и кровопролития во всем мире и тягчайших страданий для японского народа. Следовательно, прекращение войны является единственным средством спасения народа от гибели и восстановления мира во всем мире».

И тут, как свидетельствует тот же Судзуки, император решил сказать о тех, кто, по его мнению, привел страну к катастрофе: «Оглядываясь на то, что было сделано до сих пор нашими военными властями, мы не можем не заметить, что их действия далеко отстали от составленных ими планов. Я не думаю, что это несоответствие может быть устранено в будущем».

Судзуки, которого в эти мгновения не одолевали никакие сомнения, не замедлил подвести итог: «Император высказал свое решение. Это должно означать конец настоящего совещания».

В тот же памятный день — 10 августа 1945 года — Кидо записал в своем дневнике слова императора, адресованные ему, когда они остались вдвоем после окончания совещания: «Я не могу выносить мысли о том... что те, кто ответствен за войну, будут наказаны... Но я полагаю, что сейчас настало время, когда надо выносить невыносимое».

Казалось бы, все решено, и милитаристам оставалось одно — подчиниться. Но так только казалось... 13 августа 1945 года в Токио получен ответ США, Великобритании и Китая по поводу статуса императора: император и японское правительство должны будут осуществлять власть под контролем верховного главнокомандующего союзными силами.

Как показал Трибуналу Судзуки, это вызвало новый взрыв возмущения японских ультра. Как же так? Положение императора стало главным и единственным пунктом переговоров, но и тут союзники полностью не пошли навстречу японским пожеланиям!

Во второй половине дня 13 августа вновь собрались на совместное совещание кабинет министров и военный совет. Обсуждался ответ четырех союзных держав. Вступление СССР в войну сделало положение Японии явно безнадежным, и это сказалось на результатах голосования: тринадцать министров голосовали за принятие ответа четырех союзных держав, трое были против. Категорически возражали также начальники военного и морского шта-

бов. Они требовали, чтобы Того просил союзников дать «более точный» ответ. Того отказался это сделать. Заседание тянулось бесконечно и снова зашло в тупик. Но ход событий не позволял ждать. Престарелый Судзуки, окончательно потеряв голову, поехал во дворец на «аудиенцию отчаяния». Он прибыл туда рано утром 14 августа, умоляя императора немедленно созвать новое экстренное совещание в его, императора, присутствии. Император и сам хорошо понимал, что история больше не дает отсрочки. Заседание, о котором просил Судзуки, открылось в 10 часов утра 14 августа. Военный министр генерал Анами и начальники обоих штабов снова заявили о своей неудовлетворенности ответом союзников. Тогда император, по словам Судзуки, тоном, не допускающим возражений, резюмировал: «Мне кажется, что ваше мнение никем не поддерживается. Я выскажу вам свое собственное мнение. Надеюсь, вы все согласитесь с ним. Ответ союзников кажется мне приемлемым». Император тут же приказал премьеру Судзуки подготовить рескрипт о прекращении войны. Было решено, что в 12 часов 15 августа решение императора будет передано по радио японскому народу.

Вопрос о роли императора в дни окончания войны и о соответствии этой роли требованиям японской конституции явился предметом специального допроса Того председателем Трибунала.

Вопрос: Когда император решил заключить мир без единодушного согласия на то участников заседания в присутствии императора, он действовал вопреки японской конституции?

Ответ: Я считаю, что этот вопрос не касается статей конституции. Но еще до провозглашения конституции обычно существовала практика, согласно которой его величество должен был ожидать советов от своих советников и только после этого принимать решения. Поэтому было совершенно естественно, что его величество император ожидал советов от своих приближенных или от своих официальных советников.

Однако в то время, поскольку вопрос требовал быстрых действий и поскольку не было времени добиваться единого мнения среди членов правительства или ожидать формирования нового кабинета, его величество император вынес свое героическое решение...

Когда же на Токийском процессе дело дойдет до заключительных речей, то главный обвинитель Кинан охарактеризует это решение императора как «беспрецедентный поступок».

Мы не можем в этом случае согласиться ни с подсудимым Того, ни с главным обвинителем Кинаном. В самом деле, когда император принял решение, альтернативой которому могла стать только гигантская национальная катастрофа, он действовал в полном соответствии с тогдашней японской конституцией (1889 года). Он действовал так, как надлежало главе государства и верховному главнокомандующему, наделенному неограниченными полномочиями.

14 августа 1945 года император сказал свое окончательное и решающее слово. Вечером в тот же день звукооператоры японской радиовещательной корпорации прибыли во дворец, дабы записать на пластинку послание императора к народу. Когда запись была закончена, пластинку передали Кидо, который сам спрятал ее в подвале министерства императорского двора. О том, что было дальше, повествует дневник Кидо, находившийся в распоряжении Трибунала. На основе этого дневника адвокат Логан описал дальнейший ход событий в своей заключительной речи. Из нее ясно, что фанатически настроенная группа «молодых офицеров», возглавляемая подполковником Хатанака, распространила по казармам слух «о подлом предательстве продажных советников императора», которых необходимо «покарать» в интересах армии и народа. Когда спустилась ночь, в городе, затемненном от налетов авиации, сотни решительно настроенных младших офицеров и солдат отправились на поиски «предателей». Они намеревались любой ценой помешать назначенной на следующий день радиопередаче с обращением императора к народу. Крупные отряды мятежников сожгли особняки премьера Судзуки и председателя Тайного совета Хиранума, а затем окружили резиденцию премьера. Но ни Судзуки, ни Хиранума найти не смогли. Кидо, вернувшись из резиденции императора, обнаружил, что его дом тоже захвачен мятежниками. Правда, они не узнали Кидо и не впустили его. Потрясенный маркиз почел за лучшее бежать обратно во дворец. Правда, и там вскоре тоже появились мятежники. Они без колебаний ворвались в резиденцию самого императора. Командир им-

ператорской дивизии, охранявшей дворец, генерал Мори пытался сопротивляться и был убит. Его солдаты присоединились к мятежникам. Связь дворца с внешним миром оказалась прерванной. Фанатики-мятежники принялись искать Кидо и министра императорского двора Исивата. Солдаты были уже близки к цели, однако Кидо и Исивата удалось скрыться в тайном бомбоубежище под дворцом. А в это время к резиденции императора в помощь бунтовщикам прибыли подкрепления — отряды пехотинцев и артиллеристов. Они принялись рубить двери и ломать стены, тщетно пытаясь найти людей, «стоящих за троном», а также пластинку, на которой было записано послание императора к народу. В половине четвертого утра 15 августа мятежники захватили токийскую радиостанцию и намеревались передать сообщение о перевороте. Однако им помешал очередной налет американской авиации. Пришлось использовать радиостанцию для оповещения жителей Токио о воздушной тревоге и о ходе налета.

В то же утро, но несколько позднее, командующий восточной армией генерал Сидзуити Тапака начал успешно наводить порядок. Он потребовал, чтобы восставшие войска немедленно покинули дворец и радиостанцию, а их вожаки «искупили оскорбление, нанесенное императору». Мятежники подчинились требованиям генерала Танака. А их руководители покончили с собой.

Только после этого начали выползать из своих убежищ Кидо, Исивата, Судзуки и Хиранума. В ту роковую ночь они, как и вся токийская правящая элита, в полной мере ощутили на собственной шкуре плоды своей многолетней политики.

В тот же день военный министр генерал Анами, возражавший против безоговорочной капитуляции, закололся мечом. Вслед за ним совершил харакири и генерал Танака, руководивший подавлением мятежа.

А на радиостанции, теперь усиленно охраняемой войсками и жандармерией, шли последние приготовления к важной передаче. Наконец была извлечена из хранилища та самая пластинка, которую тщетно разыскивали мятежники. В полдень заранее оповещенные жители Японии включили свои приемники. Они ожидали нового призыва «стоять насмерть». Но вместо этого услышали голос

императора: «Настоящим мы приказываем нашему народу сложить оружие и точно выполнять все условия...»

Пытаясь объяснять Международному военному трибуналу, почему в декабре 1941 года они бросили свою родину и свой народ в костер тихоокеанской войны, который сами же тщательно разжигали, все подсудимые, будто сговорившись, проводили одну и ту же несложную мысль. Япония, говорили они, страна с небольшой территорией. Она лишена всех важнейших видов промышленного и энергетического сырья. Имея тогда 80-миллионное население, наша страна могла существовать и развиваться только за счет захваченных территорий в Маньчжурии, Китае, Корее, Индокитае. Ей было жизненно необходимо приобретать, если можно, мирным путем, а если нет — и мечом привилегии и в других странах. Когда же Америка и Великобритания, категорически отвергнув эти притязания, начали применять экономические санкции, то подчинение таким требованиям означало, как утверждал Того, «акт национального самоубийства, ибо на карту было поставлено само существование японской нации».

Еще более патетичен был Тодзио, утверждавший перед Трибуналом, что если бы не состоялось решение начать войну, то это оказалось бы «равносильным самоуничтожению нашей нации. Чем ждать погибели, лучше было стать перед лицом смерти, прорвавшись через окружение, и найти средства к существованию».

Прошло более тридцати лет после окончания второй мировой войны, в результате которой Япония лишилась всех своих территориальных завоеваний. За это время ее население достигло 110 миллионов человек, а вопрос с промышленным и энергетическим сырьем стал еще более острым. И, несмотря на это, японская нация отнюдь не погибла, как предсказывали милитаристские горе-пророки сороковых годов. Япония ныне стала второй после США промышленной кузницей капиталистического мира и третьей на нашей планете индустриальной державой после Советского Союза и Соединенных Штатов. Разумеется, Япония, как и весь капиталистический мир, переживает сейчас немалые трудности. Но это уже вопрос совсем иного порядка.

Существенно и другое: опыт империалистической Япо-

нии, доведенной в результате собственной политики агрессии до грани национальной катастрофы, опыт, принесший неисчислимые жертвы и страдания многим народам, как и аналогичный опыт нацистской Германии, убедительный исторический урок. Урок этот подтверждает, что не только в наше время, но и в сороковых годах, в доатомную эру, когда СССР еще являлся единственной социалистической страной, уже тогда ни одна держава не могла рассчитывать на какой-либо выигрыш в результате развязывания агрессивной войны.

Рассмотренные нами исторические материалы свидетельствуют также, что тихоокеанская война была схваткой двух империалистических антагонистов — Японии, с одной стороны, США и Великобритании — с другой. Вашингтон и Лондон вели глобальную мюнхенскую политику, надеясь канализировать действия агрессоров на Западе и на Дальнем Востоке в одном направлении — против Советского Союза. Им казалось, что таким путем они не только сохранят, но упрочат и расширят свои империалистические позиции во всем мире.

В конечном счете, как известно, эта политика привела нацистскую Германию к берегам Ла-Манша, Средиземного моря и на север Африки, а милитаристскую Японию— в центр Китая, в Пёрл-Харбор, на границы Индии. Только решающая роль Советского Союза в антигитлеровской коалиции, а впоследствии вступление СССР в войну против милитаристской Японии изменило характер всей второй мировой войны как на Западе, так и на Востоке и придало ей ярко выраженный национально-освободительный характер.

ПО СЛЕДАМ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Четвертого июня 1946 года вступительной речью главного обвинителя американца Кинана открылась фаза предъявления Трибуналу многочисленных доказательств, уличающих подсудимых в совершении тягчайших преступлений. Кинан, в частности, утверждал: «...Принятый обвиняемыми план войны был таким же, каким руководствовались их соучастники по заговору — германские нацисты, чья тактика была основана на терроре, жестокости и диких зверствах, особенно в отношении беспомощных военнопленных и мирных жителей...»

В этой одинаковости совершенных преступлений имелась своя закономерность. Новейшая история свидетельствует, что если империалисты ведут захватнические войны или расправляются с национально-освободительным движением, то зверства как тень сопровождают каждый их шаг. Причем это не отдельные случаи садизма офицеров или солдат и отнюдь не проявление каких-то национальных или расовых особенностей одной из воюющих сторон, как это пытаются изобразить некоторые буржуазные психоаналитики.

В действительности эти зверства планировались, благословлялись и санкционировались заблаговременно на самом высоком уровне, а потому превращались в метод ведения империалистами агрессивных войн.

Токийский процесс, так же как Нюрнбергский, дал убедительные доказательства в пользу этого утверждения. И знаменательно, что под давлением неоспоримых фактов правильность такого вывода признавалась в Токио даже представителями обвинения из числа буржуазных юристов, придерживающихся порой весьма консервативных взглядов. Так, Кинан во вступительной речи энергично доказывал, что «японцы стремились, и это являлось частью их плана агрессии, подавить волю народов к борьбе, совершая зверства невероятной жестокости как по харак-

теру, так и по масштабам. Доказательства покажут, что бесчеловечный метод ведения войны носил всеобщий характер... Это является свидетельством существования определенного плана войны, характерного для японской военной агрессии».

Вопрос о зверствах актуален и сегодня. Некоторые события последних тридцати лет показывают, что такие методы ведения агрессивных войн, к сожалению, действуют и теперь. Они применялись в ряде несправедливых, так называемых локальных войн, которые вели империалисты после 1945 года.

Корни этой закономерности правильно показал недавно скончавшийся профессор А. И. Полторак в книге «Нюрнбергский процесс». Признанные международным правом законы и обычаи ведения войны, подчеркивает он, становятся непреодолимым препятствием для государства, ведущего несправедливую, захватническую войну. Вот почему они решительно отметаются агрессорами, и военные преступления становятся «одним из средств достижения антинародных целей агрессивной войны, а потому в значительной мере планируются заранее, составляя неотъемлемую часть военно-стратегического плана».

Действуя таким образом, империалистические стратеги пытаются компенсировать непрочность авантюристического фундамента своих захватнических замыслов применением массовых зверств.

Если с этих позиций оценивать природу военных преступлений в период второй мировой войны, то станет совершенно очевидной вся опасность современной гонки вооружений в области ракетного и ядерного оружия, навязанной человечеству реакционными империалистическими кругами. Ведь такое оружие в случае его умышленного применения в агрессивных целях положило бы вообще конец правовому регулированию военных конфликтов. Международное право было бы просто отброшено в сторону, а войны превратились бы в средство истребления целых народов, опустошения континентов. Вот почему так важна для существования человечества и современной цивилизации та неустанная и разносторонняя борьба за мир, которую ведут в послевоенный период страны социалистического лагеря во главе с Советским Союзом.

До тех пор пока мирное сосуществование государств с различным социальным строем не станет незыблемым фундаментом международного права, пока не будут запрещены и уничтожены современные средства массового истребления людей, нельзя забывать о военных преступлениях, совершенных агрессорами в тяжкий период 1941—1945 годов. Поскольку же свидетелей преступлений тех лет становится все меньше, необходимо, чтобы подавляющее большинство современного человечества, люди, родившиеся и выросшие под мирным небом, знали и постоянно помнили, какая опасность грозит им и их потомству.

Не месть и не желание разжечь национальную ненависть движет теми, кто постоянно напоминает современникам о мрачных и кровавых преступлениях тех лет. У них единственная цель — мирное будущее всех народов...

Следует также подчеркнуть, что, когда агрессоры органически включают в военно-стратегическое планирование террор, зверства, массовое уничтожение людей, они всячески стремятся гарантировать безнаказанность будущим исполнителям кровавых акций. Например, германское верховное командование в своей директиве от 13 мая 1941 года прямо декларировало: «Возбуждение преследования за действия, совершенные военнослужащими и обслуживающим персоналом по отношению к враждебным гражданским лицам, не является обязательным даже в тех случаях, когда эти действия... составляют воинское преступление».

Приказом от 16 декабря 1942 года германское верховное командование, ориентируя свои войска на преступные действия в борьбе против партизан, заранее амнистировало исполнителей этих акций: «Ни один немец, участвующий в боевых действиях против банд (так нацисты именовали участников национально-освободительной борьбы. — *Авт.*), не может быть привлечен к ответственности ни в дисциплинарном, ни в судебном порядке».

Надо сказать, что судьям на Токийском процессе повезло меньше, чем их нюрнбергским коллегам: прямых предписаний высших японских властей о совершении военных преступлений не оказалось в большинстве случаев ни в распоряжении обвинителей, ни в распоряжении Трибунала. Это вовсе не значит, что таких предписаний не существовало вообще. Речь идет о том, что суду не уда-

лось установить и доказать подобные факты с надежной точностью, которой требует закон по уголовным делам. О том, почему это не удалось, в приговоре Международного военного трибунала записано так:

«Когда стало очевидным, что Япония вынуждена будет капитулировать, были приняты организованные меры, дабы сжечь или уничтожить каким-либо другим образом документы и другие доказательства плохого обращения с военнопленными и гражданскими интернированными лицами. 14 августа 1945 года японский военный министр приказал всем штабам армий немедленно сжечь все секретные документы. В тот же день начальник жандармерии разослал различным жандармским управлениям инструкции, в которых подробно излагались методы эффективного уничтожения большого количества документов. Начальник отделения лагерей для военнопленных (административный отдел по делам военнопленных при бюро военных дел японского военного министерства) отправил 20 августа 1945 года начальнику штаба японской армии на острове Формоза циркулярную телеграмму, в которой предписывалось: «С документами, которые могут оказаться неблагоприятными для нас, если они попадут в руки противника, следует обращаться так же, как и с секретными документами, и по использовании уничтожать». Эта телеграмма была отправлена в японскую армию в Корее, в Квантунскую армию, в армии в Северном Китае, Гонконге, Мукдене, на острове Борнео, в Таиланде, в Малайе и на острове Ява».

Так заметались следы преступлений.

В этом же документе содержалась директива, адресованная лицам, совершившим военные преступления, директива настолько характерная и важная, что Трибунал нашел нужным в приговоре процитировать ее целиком: «Личному составу, который плохо обращался с военнопленными и гражданскими интернированными лицами или к которому относятся с большим недовольством, разрешается ввиду этого немедленно переехать в другое место или скрыться без следа».

Таким образом, японское военное министерство, уничтожая документацию, компрометирующую Токио, одновременно приняло все меры, чтобы, с одной стороны, спасти военных преступников, а с другой — избавиться от опасных свидетелей.

Хочется подчеркнуть, что при обсуждении проблем, связанных с военными преступлениями и военными преступниками, нередко всплывает вопрос: почему в армиях современных высокоразвитых империалистических государств с богатой материальной и духовной культурой, с вековыми традициями всегда находятся офицеры и солдаты, готовые совершить самые отвратительные военные преступления? Однозначного ответа здесь не существует, так как причин много. Здесь и образ жизни, пробуждающий в человеке все самое темное и низменное. И мощная идеологическая обработка с помощью печати, радио, кино, телевидения, подавляющая в людях, особенно в молодежи, все светлое и возвышенное. И героизация преступного мира. И многие другие особенности жизни и быта в капиталистических государствах, в силу которых еще в мирное время формируется множество опасных, жестоких преступников, особенно среди молодежи.

В августе 1975 года, когда писались эти строки, были опубликованы новые сведения о том, что в империалистических армиях специально готовят потенциальных преступников. Английская газета «Дейли телеграф» прямо утверждала, что некоторые специальные части вооруженных сил Великобритании обучают своих солдат «методу противостояния допросам со стороны противника». По сообщениям других органов западной печати, подготовка такого рода «специалистов» ведется и в армии США, и в армиях некоторых других государств — членов НАТО.

Вскоре, однако, выяснилось, что «метод противостояния» не содержит в себе ничего нового. Он применяется для «эффективности» допроса и подразумевает не что иное, как разнообразные пытки.

В этой связи Международная организация по защите прав человека обоснованно заявила, что речь идет о заранее планируемой еще в условиях мира методической подготовке инквизиторов в мундирах, и предупредила: «Тот факт, что в настоящее время существует большая группа людей, обученных методам применения пыток, является угрозой для основных прав человека».

Предупреждение это очень серьезное и своевременное. Человечество должно помнить о нем...

...Начало декабря 1937 года. Гитлер заканчивает подготовку к первому акту нацистской агрессии — захвату

Австрии. Зато в Азии союзник Германии — Япония уже девятый год ведет необъявленную жестокую войну против Китая, которая на языке токийских дипломатов деликатно именуется «инцидентом». В ходе этого «инцидента» в августе 1937 года было сломлено отчаянное сопротивление китайских войск и захвачен Шанхай. В начале зимы японские экспедиционные силы под командованием Иванэ Мацуи (впоследствии один из подсудимых.— *Авт.*) подошли к Нанкину — тогдашней столице Китая, крупнейшему городу с миллионным населением, а 13 декабря 1937 года овладели им.

О том, что произошло в этом городе после захвата его японскими войсками, сообщает обвинитель полковник Морроу. Он говорит горячо, возмущенно, позволяет себе некоторые обобщения и выводы, что, согласно англосаксонскому праву, недопустимо на стадии вступительных речей. Для пафоса, обобщений, выводов время наступит только тогда, когда придет черед фазе заключительных речей обвинения и защиты. Поэтому Трибунал, проявляя судейскую объективность, несколько раз останавливает взволнованного Морроу. Однако сдержать его трудно: обвинитель весь во власти жестоких, кровавых фактов. И он продолжает:

— Плодородная область Центрального Китая, лежащая между Шанхаем и Нанкином, одна из самых густонаселенных областей мира, была захвачена, разграблена, разбомблена, сожжена и опустошена во время военной агрессии, произведенной без объявления войны в нарушение международного права и всех установленных веками законов ведения войны. Китайских военнопленных связывали группами и подвергали массовому истреблению. Генералы Мацуи, Хата (тоже в дальнейшем подсудимый.— *Авт.*) и другие продолжали вести боевые действия... Когда эта агрессивная необъявленная война достигла высшей точки, 250 миллионов китайцев оказались под пятой японской армии и флота.

Кампания закончилась взятием столицы Китая — Нанкина. Мы покажем, что жители этого древнего города были подвергнуты пыткам, насилиям, что их грабили и убивали, что пожарная кишка, штык и пулемет, находившиеся в руках толпы солдат-садистов, сеяли смерть и ужас.

Защита прервала речь Морроу, требуя, чтобы все подобные обобщения и выводы были вычеркнуты из протокола судебного заседания. На это последовала характерная реплика председателя Трибунала:

— Трибунал уже заявил, когда и что он будет вычеркивать из протокола. В данном случае мы этого не сделали, но тем не менее мы вполне согласны с возражениями...

Однако пройдет два с половиной года, и на стол Трибунала лягут несколько увесистых томов, насчитывающих 650 аффидевитов свидетелей — очевидцев японских зверств в различных странах. Некоторые свидетели сами предстанут перед Трибуналом, пройдут через огонь перекрестных допросов защиты, а документы пополнят арсенал доказательств, переданных в распоряжение суда. Их окажется такое великое множество, что это будет отражено даже в приговоре, в разделе «Преступления против законов и обычаев ведения войны»: «После тщательного рассмотрения и изучения доказательств мы пришли к выводу, что в таком приговоре, каким является настоящий приговор, невозможно полностью изложить всю массу представленных устных и документальных доказательств. Для полного описания масштаба и характера зверств необходимо ссылаться на протокол заседаний Трибунала».

И не случайно большинство судей сочло необходимым сосредоточить все материалы о зверствах, установленных Трибуналом, в двухтомном дополнении к приговору, составленном редакционным комитетом большинства 23 июня 1948 года.

...У свидетельского пульта капитан санитарного корпуса китайских войск Лин Тин-фан, взятый в плен японцами в Нанкине. Он рассказывает, что произошло с ним и другими пленными китайцами в ночь на 17 декабря 1937 года:

— Японцы приказали нам отправиться на берег реки Янцзы. Нас было около пяти тысяч человек, и мы шли в колонне, которая растянулась на три четверти мили. Когда подошли к реке, нас расставили вдоль берега, с боков и сзади стояли японские солдаты с пулеметами, нацеленными на нас. На двух грузовиках привезли веревки, пленных начали связывать по пять человек. Кроме того, каждому связали за спиной руки. Я видел, как первых расстреливали из винтовок и их трупы сбрасывали в реку.

Японцев было около восьмисот человек, среди них много офицеров, сидевших в автомобилях. Нас выстроили прямо на берегу. Мы ждали своей очереди. Нас привели на берег в семь часов вечера... расстрел пленных продолжался до двух часов ночи. Светила луна, я видел все, что происходило. На руке у меня были часы, я заметил время. Мой друг и я решили бежать. Мы бросились к реке и прыгнули в воду. По нас открыли пулеметный огонь. Темнота мешала японцам увидеть нас. Однако они продолжали вести пулеметный огонь. Меня ранило в плечо. Я потерял сознание, а когда очнулся, друга не было рядом. Впоследствии он говорил мне, что посчитал меня мертвым...

Когда японцы выстроили нас, чтобы вести к реке, несколько американцев, имен которых я не знаю, пытались помешать этому, но им приказали не лезть не в свое дело, и побоище продолжалось...

И таких показаний было немало. Среди свидетелей встречались люди военные и гражданские, оказавшиеся очевидцами страшных и позорных деяний японских милитаристов.

Поэтому Кинан с полным основанием утверждал:

— Взятие Нанкина сопровождалось систематическими убийствами, издевательствами и пытками, которым подвергались десятки тысяч военнопленных, мирных жителей, женщин и детей, бесчисленными разрушениями множества домов, не имеющих никакого военного назначения. Эти события, получившие название нанкинской резни, не имеют себе равных в истории современной войны.

Но японские руководители тех лет всячески пытались убедить Трибунал, что они ничего не знали о судьбе Нанкина, хотя мировая пресса давала в тот период пространную информацию ибо всем, что там происходило.

На свидетельском месте — бывший министр — хранитель печати, а теперь подсудимый Коити Кидо, являвшийся в 1937 году министром просвещения. Допрос ведет Кинан. Он устанавливает, что Кидо отлично знает английский язык, любит английскую литературу, читает книги в подлиннике. Но вот английские и американские газеты с описанием зверств в Нанкине, оказывается, не попадались Кидо на глаза. Затем обвинитель спрашивает:

— Слышали ли вы в парламенте или в каком-либо

другом месте обсуждение действий японской армии в районе Нанкина?

Ответ: Я не помню.

Вопрос: Я обращаю ваше внимание на заявление, которое сделал в то время министр иностранных дел Хирота (тоже один из подсудимых. — *Авт.*): «Поскольку переговоры шли не гладко, было решено послать карательную экспедицию». Вы помните это? Вы слышали, как Хирота сделал такое заявление в парламенте? Было ли оно затем напечатано в газетах здесь, в Токио?

Но Кидо продолжает утверждать, что он не слышал заявления Хирота и ничего не знал о нанкинских событиях.

И Кинан продолжает допрос:

— Вы знали, что город Нанкин, столица Китая, был взят японскими войсками в результате большой военной операции?

Ответ: Да, я знал об этом.

— А разве не верно, господин Кидо, что варварское поведение японских войск отражалось на тысячах и тысячах невинных китайцев? Этот факт вам также был хорошо известен в то время. Однако вы и другие здесь, в суде, договорились молчать и отказываться от того, что вы знаете о действиях армии, так как они носили преступный характер.

Ответ: Нет, это совершенно не так. В то время мы не знали об этом...

Кидо, как мы видим, упорствует. Пройдет еще много месяцев, и китайский судья Ни в стадии рибатлла * предъявит официальный протокол бюджетного комитета палаты пэров, где ответ маркиза Кидо на запрос барона Окура по поводу нанкинской резни начинается так: «Я также слышал сообщение относительно действий японских войск в Нанкине и Шанхае, о которых вы говорите... Как уже сказал барон Окура, я тоже часто слышал о недостойных действиях наших подданных за границей, в Китае и Маньчжурии...»

Да, непросто было уличить этих людей!

Добро бы уж Кидо ничего не знал, ничего не ведал. Все-таки в те дни он находился в Токио и подвизался на

* Рибатлл — стадия в англо-американском процессе, в которой обвинение опровергает доводы защиты.— *Прим. авт.*

ниве просвещения. Удивительно другое: если поверить подсудимым, то, оказывается, ничего или почти ничего не знал о кровавых событиях в Нанкине и о преступном поведении там японских войск тот самый генерал Иванэ Мацуи, который тогда этими войсками командовал, руководил. операцией по захвату Шанхая и Нанкина!

Мацуи нарисовал суду идиллическую картину своей деятельности в Китае: «Во время военной службы я находился в Северном и Южном Китае около двенадцати лет. За весь этот период я делал все возможное, чтобы добиться сотрудничества между Японией и Китаем... Я всегда твердо верил, что борьба между Японией и Китаем была ссорой между двумя братьями в так называемом «доме Азии» и что Япония неизбежно должна была применить силу, спасая японских резидентов в Китае и защищая наши права. Это было не чем иным, как изгнанием младшего непослушного брата старшим братом после того, как он долго терпел его присутствие. Это действие имело целью заставить Китай одуматься, оно было продиктовано не ненавистью, а любовью... Поэтому я требовал от своих офицеров, чтобы они разъяснили каждому солдату действительное назначение нашей экспедиции. Мои инструкции сводились к следующему: борьба в районе Шанхая имеет своей целью лишь покорение китайских войск, выступающих против нас. Что же касается китайских чиновников и народа, то они должны быть успокоены и защищены по мере возможности».

Однако «младшие братья» оказались непонятливыми и отнеслись к «любви» «старших» без всякого восторга... Генерал Мацуи продолжает рассказ: «...После отчаянных боев в течение более двух месяцев экспедиционная армия получила возможность вытеснить китайскую армию из окрестностей Шанхая и к началу ноября захватить город, обеспечив безопасность японских резидентов.

Во время боев мое особое внимание привлекли антияпонские настроения китайского населения Шанхая, которые были очень ярко выражены...»

Подсудимый Мацуи утверждает, что военная обстановка якобы вынудила японцев после занятия Шанхая и Ханькоу продолжать агрессию и двинуться на Нанкин. С этой целью «5 ноября 1937 года шанхайские экспедиционные войска и 10-я армия были организованы во фронт в Центральном Китае. Я был назначен командующим

этим фронтом... Учитывая мою многолетнюю идею привести Японию и Китай к сотрудничеству и расцвету, при захвате Нанкина я принял все возможные меры предосторожности, чтобы эта кампания не явилась причиной страданий всего китайского населения...»

В то время, когда Мацуи пытался убедить во всем этом суд, Трибунал имел уже немало свидетельств той трагедии, которая постигла Нанкин. Поэтому подсудимый понимал, что на лирике и полном отрицании вины он далеко не уедет. И тут, разумеется, с оговорками и приведением смягчающих обстоятельств, Мацуи сквозь зубы вынужден кое-что признать: «Несмотря на все мои меры предосторожности, во время захвата Нанкина, в обстановке полного смятения, могли найтись возбужденные солдаты и офицеры, которые совершали акты бесчинства. К моему большому сожалению, я позже услышал о таких проступках. Но во время захвата Нанкина я был болен и лежал в постели в Сычоу, в ста сорока километрах от города, и не знал, что вопреки моим приказам там творились такие бесчинства. Прибыв в Нанкин 17 декабря, я впервые услышал о таких инцидентах от командующего жандармерией и тотчас же отдал приказ, чтобы каждая часть расследовала такие случаи и наказала виновных».

Мацуи отлично знает масштабы зверств и поэтому значительную часть преступлений хочет переложить на... самих китайцев, которые якобы с целью провокации сами бесчинствовали, дабы бросить тень на доблестное воинство Мацуи: «...Поэтому было бы неправильным возлагать всю ответственность на японских офицеров и солдат».

Подсудимый готов объяснить нанкинские события как угодно и чем угодно, привести всевозможные смягчающие обстоятельства. Однако под напором доказательств вынужден признать, что и при возвращении из Нанкина в Шанхай он снова услышал о зверствах: «Я приказал выяснить правдоподобность таких слухов и немедленно наказать виновных, если таковые окажутся. Однако до самого момента моего ухода с этого поста я не получал сообщений по этому поводу».

Итак, если верить Мацуи, он сделал все, что мог, правда, результаты, как он сам признал, были равны нулю. И Мацуи пытается уверить суд, что впервые о нанкинской трагедии он узнал только после капитуляции Японии: «Я заявляю, что впервые услышал об этом по радио

по окончании войны, когда американцы сообщали о якобы имевшей место в Нанкине резне массового характера и бесчинствах, о которых обвинение представляло здесь доказательства. Прослушав эту передачу, я попытался произвести расследование деятельности нашей армии после захвата Нанкина, однако к этому времени ответственных за это лиц уже не было в живых или они содержались под стражей, а соответствующие документы сгорели во время пожара».

Показания этого человека — образец лицемерия и ханжества: палач, кощунствуя, возносит молитвы за упокой души своих жертв... Последние строки аффидевита мы приводим полностью: «Я считаю, что китайский и японский народы призваны как братья сотрудничать друг с другом. Поэтому борьба между ними, которая стоила громадных человеческих жертв, была поистине несчастьем, и я глубоко сожалею об этом. Я надеялся, что этот инцидент даст возможность двум народам жить в мире и согласии, что те, кто отдал свою жизнь, заложили фундамент для новой Азии. Поэтому, вернувшись на родину, я построил на горе Идзу близ города Атами храм в память павших воинов обеих стран и молился за упокой их души. Более того, в этом храме я поставил статую богини милосердия и усыпал ее основание землей, привезенной с поля боя в долине реки Янцзы. Я днем и ночью молился перед этой статуей за упокой души павших воинов и за установление мира во всем мире».

Перекрестный допрос Мацуи продолжает обвинитель бригадный генерал Нолан. И временами подсудимому приходится туго.

Вопрос: В вашем аффидевите сказано, что некоторые взволнованные и возбужденные молодые офицеры и солдаты могли совершить акты бесчинства в Нанкине?

Ответ: Да, я заявил это. Я сам этого не видел, но получал об этом сообщения.

Вопрос: Что это были за акты?

Ответ: Грабежи населения, захват имущества.

Вопрос: И убийства?

Ответ: И убийства.

Вопрос: От кого вы получали эти сообщения?

Ответ: От нашей жандармерии.

Вопрос: Вы говорите, что слышали о зверствах после вступления в Нанкин 17 декабря от командующего воен-

ной жандармерией. Вы получали сообщения об этом и от кого-либо другого?

Ответ: Когда я был у японского консула в Нанкине, я слышал то же самое от консула.

Вопрос: Что вы слышали?

Ответ: Я слышал от японского консула в Нанкине, что некоторые солдаты и офицеры японской армии действительно совершали преступления.

Вопрос: Вы присутствовали на суде, когда свидетель Накаяма давал показания. Ведь он был офицером разведки вашего фронта?

Ответ: Да.

Вопрос: Он говорил, что вы получали дополнительные донесения о зверствах от командиров дивизий, находившихся под вашим командованием, а также и по дипломатическим каналам. Он ошибался, когда говорил об этом?

Ответ: Мне кажется, то, что вы говорите, Накаяма не показывал.

Вопрос: Доложил ли вам начальник штаба сразу после падения Нанкина о бесчинствах ваших войск?

Ответ: Он докладывал, заявляя, что это донесения жандармерии.

Вопрос: Его фамилия Цукада?

Ответ: Да.

Вопрос: Здесь, в суде, нам говорил свидетель Хидака, что сообщения о зверствах, полученные от иностранного резидента в Нанкине, посылались в министерство иностранных дел в Токио и в армию в Нанкине. Куда направлялись эти сообщения, если они были адресованы армии в Нанкине?

Ответ: Такие сообщения направлялись в штаб экспедиционной армии князя Асака.

Вопрос: В вашем аффидевите сказано, что, узнав об этих зверствах, вы немедленно приказали всем частям расследовать подобные факты и наказать виновных. Вам доложили о результатах?

Ответ: До самого моего отъезда из Шанхая в феврале следующего года я не получал никаких сообщений об этом расследовании...

А ведь события произошли тремя месяцами раньше. Да, тут Мацуи не проявил быстроты и оперативности, свойственных ему,— это ведь не захват Шанхая или Нанкина! Но что сказать, как объяснить это теперь здесь, в

суде? Настойчивый обвинитель между тем усиливает нажим.

Вопрос: Вы просили, чтобы об этих фактах докладывали вам? Что вам отвечали?

Ответ: Мне докладывали: «Мы занимаемся расследованием. Как только расследование закончится, мы дадим вам ответ».

Вопрос: Вы так и не получили ответа до отъезда из Китая в феврале 1938 года?

Ответ: Да, это так.

Вопрос: А из Токио приходили какие-либо сообщения?

Ответ: Я помню, что в конце января 1938 года, когда генерал-лейтенант Хомма был прислан ко мне из генерального штаба, он сказал, что власти в Токио обеспокоены сообщениями о бесчинствах, совершаемых японскими солдатами в Китае...

Но и после этого, пробыв еще месяц в Нанкине, Мацуи не предпринял никаких мер к розыску и наказанию виновных в нанкинской трагедии.

И Нолан продолжает допрос, стремясь показать Трибуналу подлинное лицо Мацуи.

Вопрос: 17 декабря вы собрали офицеров. Что это были за офицеры?

Ответ: Я отдал приказ собрать всех офицеров. Я полагаю, что все офицеры, по крайней мере в чине выше полковых командиров, были там.

Вопрос: А почему их собрали?

Ответ: Через начальника штаба я получил доклад начальника жандармерии о бесчинствах, совершенных японскими солдатами, и собрал офицеров, дабы дать им инструкции непосредственно...

Так под напором обвинения постепенно рушится идиллическая картина, которую пытался нарисовать суду Мацуи. Но, как и полагается кадровому генералу, подсудимый пытается отступать организованно и не торопится сдать без боя хотя бы одну позицию.

Вопрос: Как долго продолжались зверства в Нанкине, генерал?

Ответ: Большая часть бесчинств произошла сразу после нашего вступления в Нанкин.

Вопрос: Вы слышали показания свидетеля Мяги и свидетеля Бейтса... Они говорили, что зверства продолжались

в течение примерно шести недель после падения города. Вы знали об этом?

Ответ: Я слышал эти показания в Трибунале, но я не верю этому...

Десятки тысяч людей были убиты и искалечены во время нанкинской резни, и ни одного преступника не удалось установить. Если верить Мацуи, ответственные японские чиновники и офицеры в некоторых обстоятельствах проявляли поразительную нерасторопность и беспомощность.

Вопрос: На днях свидетель Окада говорил здесь, что у вас с ним была беседа в гостинице «Метрополь» в Нанкине 18 декабря и вы сказали, будто очень сожалеете, что ваши войска нанесли такой ущерб городу. Вы делали подобное заявление?

Мацуи обескуражен и начинает говорить лишнее:

— Да, как показал свидетель, у меня не было желания занимать Нанкин при помощи военных действий... Я не хотел превращать Нанкин в кровавое поле и чрезвычайно жалел, что это произошло.

Вопрос: Во время вашей инспекции города 19 декабря, о чем вы пишете в аффидевите, вы ездили в район, где находились беженцы?

Ответ: Нет.

Вопрос: Значит, вы не беседовали с теми беженцами, о которых говорил свидетель Окада?..

Мацуи явно растерян — организованного отступления не получилось. Отвечает неуверенно:

— Я не был в зоне беженцев, но был в храме на горе... Забыл точно где. Там я встретил нескольких беженцев и беседовал с ними...

А Нолан, как и полагается человеку военному, ведет наступление методично и планомерно:

— Генерал Мацуи, вы говорили, что очень сожалели о нанесении ущерба городу, что вы не хотели захватывать Нанкин силой. Однако свидетель Накаяма сказал нам здесь, что вы попросили генерала Цукада, начальника вашего штаба, издать приказ, адресованный всем штабным офицерам, где говорилось: «Поскольку Нанкин — столица Китая, наш захват этого города явится международным событием. Должно быть сделано все, чтобы поразить Китай военной славой Японии». Вы издали такой приказ?

— Да,—отвечает вконец сникший Мацуи...

Что же касается реакции Китая на захват Нанкина, то местные жители действительно были поражены, только не военной славой Японии, а невиданными зверствами, учиненными «доблестной» японской армией.

Вопрос: Вы слышали, как подсудимый Минами рассказал Трибуналу, что резня в Нанкине была описана мировой прессой. Вы читали эти сообщения?

Ответ: Нет. Если такие сообщения были напечатаны, то значительно позднее, когда я уже уехал из Шанхая в Японию...

Мацуи уже не сознает, сколь убог его метод защиты, он явно потерял контроль над собой. Иначе вряд ли бы он решился сказать, что западная пресса, известная своей оперативностью и любовью к сенсациям, имевшая в Китае немало корреспондентов, три месяца не удосуживалась дать сообщение о нанкинской резне.

Вопрос: Кто же утверждал, что зверства были совершены?

Ответ: Я считаю, что подобные слухи распространяли сами китайцы и иностранцы, которые что-то слышали от них и распространяли такие сведения, может быть, ради шутки.

Тут Мацуи неосторожно проговорился, обнажив свой безграничный цинизм.

Вопрос: Отбросим нелепое предположение о шутке. Кто передал вам эти сведения?

Ответ: Я не могу сейчас вспомнить. Это был один из моих подчиненных.

Вопрос: Может быть, это был ваш начальник штаба?

Ответ: Да.

Вопрос: Значит, ваши штабные офицеры систематически получали такие сообщения. Не так ли?

Ответ: Мои штабные офицеры сами ходили в жандармерию. Они предпочитали получать сведения там.

Вопрос: И затем они возвращались в штаб с докладами?

Ответ: Вы понимаете, в то время шли бои, войска находились в движении, было трудно узнавать о фактах. И поэтому сообщения были отрывочного характера.

Вопрос: Но ведь Нанкин оставался на месте. Он все еще там. Я хотел только узнать, что же сообщали вам ваши штабные офицеры?

Ответ: Они сообщали, что невозможно получить доказательства, подтверждающие конкретные факты.

Вопрос: Военные власти в Токио были недовольны поведением вашей армии в Китае, кого же они считали ответственным?

Ответ: Как я сказал раньше, очень трудно уточнить этот юридический вопрос. Я не знаю, что думали в генеральном штабе в Токио. Даже после моего возвращения в Японию я не получил ни выговора, ни замечания со стороны начальника генерального штаба или военного министра...

Что ж, это ценное для Трибунала признание. Оно является еще одним доказательством, что японское правительство хорошо знало о совершаемых военных преступлениях и своим невмешательством фактически поощряло такие акции.

Теперь Нолан вновь возвращается к вопросу о цели приезда в январе 1938 года в Шанхай, в штаб Мацуи, представителя японского генерального штаба генерала Хомма:

— Насколько я вас понял, генерал Хомма приехал в Китай потому, что верховное главнокомандование было обеспокоено действиями войск в Нанкине?

Ответ: Да.

Вопрос: Где он получил такие сведения?

Ответ: Судя по тому, что я услышал впервые в Трибунале, я полагаю, что он узнал об этом из сообщения нашего министерства иностранных дел...

Здесь необходимо разъяснить следующее. На Токийском процессе было установлено, что японское министерство иностранных дел концентрировало у себя все сообщения иностранной прессы и радио, все протесты других держав по поводу преступных действий японских войск и направляло соответствующие сводки в военное и военно-морское министерства, а также в генеральный штаб.

Нолан: А вы совершенно уверены, что сами не посылали сообщений в штаб в Токио?

Мацуи: В связи со зверствами?

Нолан: Да.

Мацуи: Нет. Возможно, я говорил об этом в генеральном штабе после моего возвращения в Токио, но официального доклада никогда не посылал...

Председатель прерывает допрос, который ведет Нолан.

Трибунал интересует, на чем конкретно Мацуи основывает свои провокационные заявления, что в Нанкине некоторые зверства были совершены не японскими, а китайскими войсками.

— 24 ноября вы сказали, что Накаяма и Хидака сообщили о зверствах, совершенных китайскими войсками в Нанкине. О каком количестве случаев вам сообщили?

Ответ: Я не слышал от них ничего конкретного. Они только сообщили мне о слухах по этому поводу...

Такова истинная цена утверждений Мацуи!

Заслушав показания Иванэ Мацуи и множества свидетелей — очевидцев нанкинской резни, рассмотрев документальные доказательства, Трибунал в своем приговоре дал картину того, что произошло в этом многострадальном городе : «...К моменту вступления японской армии в город утром 13 декабря 1937 года всякое сопротивление прекратилось. Японские солдаты бродили толпами по городу, совершали различного рода зверства. По словам одного очевидца, они, подобно варварской орде, осквернили этот город... Многие солдаты были пьяны, они проходили по улицам, без разбору убивая китайцев: мужчин, женщин и детей, пока площади, улицы и переулки не были завалены трупами. Насиловали даже девочек-подростков и старух. Многих женщин, изнасиловав, убивали, а их тела обезображивали. После ограбления магазинов и складов японские солдаты часто поджигали их. Улица Пайпин-роуд, главный торговый квартал, а также другие кварталы торговой части города были уничтожены пожаром... Через несколько дней стало ясно, что эти убийства и поджоги проводились планомерно, они продолжались в течение шести недель. Примерно одна треть города была таким образом уничтожена...

Немецкое (нацистское. — *Авт.*) правительство было поставлено своим представителем в известность «о зверствах и преступных акциях, совершенных не отдельными лицами, а целой армией, а именно японской». Эта армия была названа в том же докладе «дьявольской машиной» *.

* Этот любопытный документ был обнаружен союзниками в архивах германского МИДа и передан Международному военному трибуналу. Очевидно, его автор был дипломатом не риббентроповской школы. Он еще неясно осознал, какому режиму служит. Но пройдет три-четыре года, и вермахт покажет миру, что в варварстве и жестокости он не уступает своему восточному союзнику.— *Прим. авт.*

Подсчеты, сделанные позднее, указывают, что общее число гражданских лиц и военнопленных, убитых в Нанкине и его окрестностях в течение первых шести недель японской оккупации, превысило 200 тысяч человек...

Чиновники японского правительства прибыли в Нанкин с передовыми частями армии. 14 декабря 1937 года представитель японского посольства сообщил международному комитету, создавшему нанкинскую зону безопасности * о том, что «армия полна решимости проучить Нанкин, но что представители посольства, однако, стремятся смягчить эти действия».

В приговоре далее сказано: «Японский посланник в Китае Нобофуми Ито получал доклады от японского посольства в Нанкине и сообщения от представителей дипломатического корпуса и прессы относительно поведения японских войск и послал резюме этих докладов японскому министру иностранных дел Хирота. Эти доклады, так же как и многие другие, сообщавшие о зверствах, совершенных в Нанкине, направлялись Хирота, а тот в свою очередь сообщал их военному министерству...

Эти доклады обсуждались на совещаниях комитета по координации действий, на которых обычно присутствовали премьер-министр, военный и военно-морской министры, министр иностранных дел Хирота, министр финансов Кая (впоследствии тоже подсудимый. — *Авт.*) и начальники генерального штаба армии и генерального штаба военно-морского флота...

После этих неблагоприятных сообщений и давления общественного мнения многих стран японское правительство отозвало Мацуи и около восьмидесяти его офицеров. Однако оно не предприняло никаких действий для того, чтобы наказать кого-либо из них».

Трибунал признал Иванэ Мацуи виновным в военных преступлениях, совершенных в Нанкине. По остальным пунктам обвинительного заключения он был оправдан. Однако то, что произошло в Нанкине, было настолько страшным и трагичным, что Трибунал приговорил Мацуи к смертной казни. Вот как это мотивировалось в приго-

* Международная зона безопасности была создана посольствами некоторых иностранных государств, пользовавшихся тогда правом экстерриториальности в так называемом сеттльменте в Нанкине и других крупных городах Китая. В этой зоне пытались найти спасение многие жители Нанкина и солдаты китайской армии, потерпевшей поражение.— *Прим. авт.*

воре: «Эта оргия преступлений началась 13 декабря 1937 года после захвата города и закончилась только в начале февраля 1938 года... В разгар этих страшных событий 17 декабря Мацуи совершил триумфальный въезд в Нанкин и оставался там в течение пяти—семи дней. На основе собственных наблюдений и на основе сообщений работников своего штаба он должен был знать о том, что происходило... Он был командующим армией и несет ответственность за эти зверства... Он обладал достаточной властью, для того чтобы установить контроль над своими войсками и защитить несчастных жителей Нанкина. Это был его долг. Он должен нести уголовную ответственность за то, что не выполнил этот долг».

Был еще один подсудимый, который поплатился головой за участие в кровавых расправах над невинными жителями Нанкина и в заговоре против мира. Речь идет о Коки Хирота, который с марта 1936 года по февраль 1937 года являлся премьер-министром, а затем до мая 1938 года министром иностранных дел.

Вот как Трибунал сформулировал вину Хирота в части, касавшейся нанкинской резни: «Единственным доказательством, связывающим Хирота с военными преступлениями, являются зверства, совершенные в Нанкине... В качестве министра иностранных дел он получил сообщения об этих зверствах сразу же после вступления японских войск в Нанкин. Согласно доказательствам самой защиты, японское министерство иностранных дел поверило в достоверность этих сообщений, и вопрос передали в военное министерство. От военного министерства были получены заверения, что зверства будут прекращены. После того как эти заверения были даны, сообщения о зверствах продолжали поступать по меньшей мере в течение месяца. Трибунал считает, что Хирота пренебрег своим долгом, не настаивая перед кабинетом на том, чтобы предпринять немедленные действия, положить конец зверствам... Он удовлетворился заверением военного министерства, которое, как он знал, не выполнялось, в то время как ежедневно продолжались убийства, насилия над женщинами, зверства. Его бездеятельность была равносильна преступной халатности...»

Была равносильна, добавим мы, такому преступному попустительству, в результате которого были обречены на мучительную гибель 200 тысяч невинных людей!

Кровавые события, подобные нанкинским, правда в меньших масштабах, происходили на обширных территориях Китая, захваченных японскими милитаристами, на протяжении долгих восьми лет, вплоть до окончания второй мировой войны.

К свидетельскому пульту вызывается Альберт Дюрранс — управляющий «Стандардт оил компани» и председатель американской торговой палаты в Ханькоу. Его просят рассказать о событиях в этом городе в октябре 1938 года. Вот что показал Дюрранс:

— Я взошел на борт американского флагманского судна, стоявшего как раз у таможенной пристани, расположенной на берегу реки. Туда японцы и согнали несколько сот военнопленных китайцев.

Японские солдаты, которые стояли около сходней, время от времени входили в толпу военнопленных, выбирали трех или четырех из них и приказывали им выйти... Когда китайцы проходили мимо японских часовых, те направлялись за ними. Дойдя до края сходней, где была уже большая глубина, солдаты сталкивали китайцев в воду и стреляли, когда их головы показывались над водой. Мы наблюдали все это с мостика нашего судна довольно длительное время...—Затем Дюрранс рассказал, что он видел на улицах Ханькоу в те памятные осенние дни 1938 года: — Прежняя германская концессия вплотную прилегала к японской, которая расположена вдоль берега. Позади этих концессий находилась наша электрическая компания и компания водоснабжения... Я помню, что на территории бывшей германской концессии я видел много трупов расстрелянных китайцев, одетых в национальные халаты...

И таких свидетелей, как Дюрранс, было немало. Ведь то, что произошло в Нанкине и Ханькоу, повторилось 21 октября 1938 года в Кантоне, а 18 июня, 8 августа и 10 ноября 1944 года в городах Чанша, Хэнян, Квилин и Лючжоу.

Японские оккупанты зверствовали не только в городах, но и в деревнях Китая. Трибуналу были представлены доказательства, что весной 1943 года в деревне Цзянгочэн, провинции Хубэй, было уничтожено более 400 семей. В живых осталось только двадцать крестьян, проживавших на отшибе в одной избе. В провинции Ляонин в Маньчжурии в феврале 1942 года 3 тысячи китайцев

были согнаны на строительство военных сооружений, а затем умерщвлены в целях сохранения тайны.

На трибуне советский обвинитель полковник Иванов. Он произносит заключительную речь в отношении подсудимого Умэдзу. Полковник Иванов говорит о преступлениях Умэдзу в бытность его командующим Квантунской армией, а затем начальником генерального штаба.

— Умэдзу, как командующий Квантунской армией, несет ответственность за зверства, совершенные над китайцами в провинции Жэхэ в августе 1941 года японскими солдатами и солдатами марионеточной маньчжурской армии. Тогда в течение одной ночи под предлогом поисков партизан было убито более 300 семей и сожжена дотла деревня Сыдути в уезде Пичжуань. Карательные экспедиции в провинции Жэхэ, организованные командованием Квантунской армии, проводились также в 1942 и 1943 годах.

Во время пребывания Умэдзу на посту начальника генерального штаба в ноябре 1944 года было осуществлено вторжение японских войск в Гуэйлинь и Лючжоу (Китай). Умэдзу несет ответственность не только за само вторжение, но и за зверства, совершенные японской военщиной в районах Гуэйлиня, Лючжоу и в других районах Китая в 1944—1945 годах.

Умэдзу несет ответственность за плохое обращение с военнопленными в лагерях в Маньчжурии. В результате недоедания, чрезмерно тяжелых работ, плохого медицинского обслуживания многие пленные умирали от истощения и заболеваний.

Не легче была судьба китайских военнопленных, попадавших в лагеря, расположенные в самой Японии, например, в лагере Акита, находившемся в городе Нагоя. Их участь кратко описана во втором томе приложений к приговору: «В этом лагере содержался 981 китаец. Из этого числа 418 человек умерли от пыток и голода...»

Военные преступления японских империалистов в Китае продолжались даже тогда, когда Советский Союз уже объявил войну Японии и оставались считанные дни до ее капитуляции. Так, 9 августа 1945 года в городе Хайларе в Маньчжурии по приказу командующего Квантунской армией были проведены массовые казни местных жителей. Мотивы? Ответ на этот вопрос дает приговор Трибунала: «Жертвам не было предъявлено обвинения в совер-

шении каких-либо преступлений. Убийства были объяснены тем, что эти лица могли проводить диверсионную деятельность и шпионаж против японской армии».

Когда японские милитаристы начиная с 1937 года стали совершать в Китае массовые военные преступления, слухи об этом, несмотря на жестокую цензуру, широко распространились не только за рубежом, но и в самой Японии. «...Японские солдаты, возвратившиеся из Китая,—гласит приговор Трибунала,— рассказывали о преступных действиях армии в Китае, показывали награбленное добро, которое они привезли с собой. Такое поведение солдат стало настолько распространенным, что военное министерство, возглавляемое Итагаки (тоже подсудимый. — *Авт.*), попыталось избежать нежелательной критики как внутри страны, так и за границей, издав специальные приказы командирам действующих частей. В этих приказах предлагалось соответственно инструктировать возвращающихся офицеров и солдат о надлежащем поведении в Японии. Эти специальные приказы (обвинение представило их Трибуналу.—*Авт.)* составлялись в бюро военной службы военного министерства и классифицировались как совершенно секретные. Они подписаны заместителем военного министра Итагаки в феврале 1939 года. Приказы эти направлялись заместителем начальника генерального штаба командующим японскими армиями в Китае. В этих совершенно секретных приказах подробно излагались факты нежелательного поведения на родине возвращающихся с фронта солдат и указывалось, что это необходимо исправить».

Когда на суде в Токио приводились все эти факты, опровергнуть которые подсудимым оказалось не под силу, то защита выдвинула, как ей, видимо, представлялось, весьма оригинальный аргумент.

По мнению защиты, агрессия против Китая и все сопутствовавшие ей военные преступления не подпадали вообще под статьи международного права, не подпадали потому, что агрессор напал на свою жертву, даже не объявив ей войны. Иначе говоря, обстоятельства, отягчающие вину, преподносились как обстоятельства, исключающие ответственность агрессора.

Естественно, что такая аргументация была отвергнута в приговоре Трибунала.

Чтобы доказать нелепость рассуждений подсудимых и

защиты о «китайском инциденте», обвинение прежде всего решило показать суду, что фактически военные операции, которые вели японцы в Китае в 1928—1941 годах, были настоящей войной, причем весьма крупных масштабов.

Для этого обвинение воспользовалось данными японского происхождения, причем составленными на самом высшем уровне при участии японского генерального штаба. И этот факт вызвал смятение среди подсудимых и их адвокатов. Причина его станет ясна, если прочитать, например, заключительную речь британского обвинителя Коминс-Карра: «По числу убитых и раненых, по разрушениям конфликт с Китаем явился одной из самых больших войн, известных человечеству. Японские данные показывают, что уже к июню 1941 года было убито 2 миллиона 15 тысяч китайцев, что потери китайских вооруженных сил убитыми, ранеными и захваченными в плен составляли 3 миллиона 800 тысяч человек, что японцы захватили у китайцев в качестве трофеев 482 257 единиц различного вооружения... Наконец, сами японцы признают, что они потеряли убитыми 109 250 человек... Китайские потери не включают миллионы мирных жителей, которые были убиты и изувечены в ходе войны».

Материалы обвинения были столь впечатляющими, что единство скамьи подсудимых оказалось расколотым. Это дало Коминс-Карру основание заявить: «Если бы только могло существовать сомнение в отношении характера конфликта в Китае, то оно полностью исчезло бы после заявлений двух обвиняемых, причем оба они являются военными экспертами и достаточно хорошо квалифицированы, чтобы суметь признать факт состояния войны тогда, когда она ведется. И тем не менее они оба, и Муто, и Хата... признали во время допроса, что этот так называемый «конфликт» фактически был войной, хотя японское правительство рассматривало его как «инцидент».

Кстати, для фельдмаршала Хата участие в «китайском инциденте» закончилось пожизненным тюремным заключением.

Подытоживая совершенные японцами в Китае военные преступления, приговор констатирует, что они — не следствие преступной инициативы отдельных лиц, а результат правительственной политики. В этой связи Трибунал счел необходимым сослаться на выступление в пар-

ламенте бывшего премьера и подсудимого Хиранума, который в своей речи 21 января 1939 года заявил: «...Я надеюсь, что намерения Японии будут поняты китайцами настолько, что они смогут сотрудничать (?!) с нами. Что касается тех, кто не желает понять, то у нас нет другого выхода, как только уничтожить их».

И как известно, уничтожили сотни и сотни тысяч тех, кто отвергал «сотрудничество» с захватчиками.

По мере того как арена японской агрессии все расширялась, оказалось, что военные преступления в Китае не были исключением: сапог японской военщины повсюду оставлял свой преступный след. Военные преступления совершались на суше, в воздухе и на море. Причем на морях и океанах японский военно-морской флот свирепствовал не меньше, а больше, чем нацистский, больше потому, что он был гораздо многочисленнее и мощнее флота своего союзника. Так же как и германские, японские подводные лодки вели неограниченную морскую войну, грубо попирая Лондонский протокол 1936 года, подписанный токийским и берлинским правительствами. Протокол этот требовал, чтобы подводные лодки не атаковали вражеские и нейтральные суда без предварительного предупреждения, чтобы после потопления торпедированных судов подводная лодка принимала все меры для спасения их экипажей и пассажиров. Между тем и немцы, и японцы без предупреждения нападали в открытом море даже на невооруженные торговые корабли. Это уже само по себе являлось военным преступлением.

Однако в Нюрнберге защите удалось доказать, что Лондонский протокол 1936 года в равной мере нарушался военно-морскими силами США и Великобритании, что, кстати сказать, послужило основанием для оправдания по этому пункту обвинения адмирала Деница.

Оправдывая Деница, Трибунал следовал известному в международном праве принципу «ту кво кве» («как и другой»), то есть признал право одной воюющей стороны действовать, нарушая правила и обычаи ведения войны, если ее противник совершает аналогичные военные преступления. Позднее мы подробно покажем всю порочность такого принципа, фактически легализующего военные преступления. Вот почему, учитывая этот нюрнбергский

прецедент, японским военным преступникам даже не предъявляли обвинения в нарушении Лондонского протокола 1936 года, то есть обвинения в потоплении без предупреждения торговых кораблей и непринятия мер к спасению экипажей и пассажиров. Вместе с тем обвинение установило, что команды японских подводных лодок, как и их нацистские коллеги, расстреливали всех людей, захваченных на этих судах, а также уничтожали огнем пулеметов тех, кто пытался спастись на шлюпках или вплавь. Учитывая все это, Трибунал в своем обвинительном заключении, касаясь нарушения правил и обычаев ведения войны на море, вменил в вину главным японским военным преступникам только «массовые убийства военнопленных... и гражданских лиц... на море... или на потопленных японцами кораблях».

Из высших военно-морских чинов больше всех повезло подсудимому Осами Нагано, бывшему начальнику генерального штаба военно-морского флота в решающие 1941—1944 годы второй мировой войны. Повезло потому, что он умер в начале судебного процесса. На скамье подсудимых остались его коллеги — адмиралы Сигэтаро Симада и Такасуми Ока.

Обвинения в тяжких военных преступлениях на море были подкреплены бесспорными уликами. Ответственность за эти преступления несли не только японские военно-морские чины, но и премьер Тодзио, и посол в Берлине генерал Осима, и министр иностранных дел Сигэмицу. Однако если поверить подсудимым, то никакой их вины в этом нет: налицо просто недоразумение, которое должно рассеяться в ходе судебного следствия.

На свидетельском месте Хироси Осима, являвшийся всю войну японским послом в Берлине. Он осторожно дает показания о военных преступлениях на море, разумеется, только о немецких. Осторожен Осима потому, что знает — в руках обвинения множество захваченных союзниками совершенно секретных германских документов. «В январе 1942 года,—свидетельствует Осима,—я слышал от Гитлера, что он собирался издать приказ об уничтожении команд торпедированных торговых судов. Поскольку этот вопрос касался только немецкого флота и не имел прямого отношения к Японии, я не возражал».

Какой характерный штрих к портрету Осима: любые зверства, которые учиняет союзник Токио, не смущают

господина посла, поскольку они не имеют «прямого отношения к Японии». А где же, спрашивается, его совесть? Где понятия о нормах права и морали?!

«Я никогда,— продолжает Осима,—не сообщал об этом японскому правительству...»

Итак, стадия рибатлла. На трибуне американский обвинитель Тавеннер. В его руках подлинник протокола совещания от 3 января 1942 года. Это «секретный государственный документ» о беседе Гитлера с послом Осима, состоявшейся в Вольфшанце («волчье логово»), командном пункте Гитлера, в присутствии министра иностранных дел Германии:

«...Гитлер заявил, что совершенно не важно, какое количество кораблей строится Соединенными Штатами, потому что самой главной проблемой является недостаток личного состава. Именно по этой причине мы топим без всякого предупреждения торговые суда, считая, что бо́льшая часть экипажа погибнет. Если станет известно, что большинство моряков погибает при торпедировании кораблей, американцы в скором времени будут испытывать трудности с набором новых экипажей для своих судов. Кроме того, обучение моряков требует длительного времени.

Мы боремся здесь за наше существование, а потому не можем позволить, чтобы нами владели чувства гуманности. С этой целью он должен был издать приказ: в тех случаях, когда иностранные моряки не могут быть взяты в плен, а это не всегда возможно в открытом море, подводные лодки должны после торпедирования корабля подниматься на поверхность и обстреливать спасательные шлюпки.

Посол Осима искренне соглашается с заявлением фюрера и говорит, что японцы также вынуждены следовать подобным методам...»

Так обвинение изобличило Осима в явной лжи и, что еще важнее, используя его же слова, доказало, что японские подводники зверствовали на морях точно так же, как их нацистские коллеги, и что такой метод принят в Токио как метод ведения подводной войны.

Но вернемся к адмиралам. В стадии вступительных речей обвинение в качестве важнейшего доказательства преступлений, совершенных японским подводным флотом, предъявило приказ № 209, изданный в марте 1943 го-

да японской императорской ставкой и подписанный тогдашним начальником главного морского штаба адмиралом Нагано. Подлинник приказа был, разумеется, своевременно уничтожен, а вот одна копия этого приказа, адресованного непосредственно командирам подводных лодок, уцелела и 19 февраля 1944 года при захвате американцами острова Кваджелейн попала в их руки. Такие же копии разослал 20 марта 1943 года командир первого отряда подводных лодок своим подчиненным. Отряд этот дислоцировался тогда на островах Трук.

Трибунал признал документ настолько важным, что счел необходимым привести его содержание в приговоре, непосредственно связав этот факт с упоминавшейся беседой Гитлера и Осима. «...Гитлер объяснил,—указано в приговоре,— что он отдал своим подводным лодкам приказы всплывать на поверхность после торпедирования торговых судов и расстреливать спасательные шлюпки, чтобы распространились слухи, что бóльшая часть моряков погибает при торпедировании, чтобы Соединенные Штаты с трудом могли набирать новые команды. Осима одобрил это заявление и сказал, что японцы следуют этому же методу ведения подводной войны».

В марте 1943 года японская императорская ставка издала за подписью начальника главного морского штаба приказ, получивший известность как общий приказ № 209. Командующие соединениями подводных лодок довели этот приказ до сведения отрядов подводных лодок, находившихся под их командованием. Приказ, изданный командиром первого отряда подводных лодок на островах Трук 20 марта 1943 года, гласил: «Все подводные лодки должны взаимодействовать друг с другом, чтобы наносить концентрированные удары по караванам противника и полностью уничтожать их. Не ограничивайтесь потоплением кораблей и грузов, необходимо одновременно с этим уничтожать команды кораблей врага...» И Трибунал констатирует: «В то время, когда был издан приказ № 209, военно-морским министром являлся Симада. Он был также членом императорской ставки. Ока был начальником бюро военно-морских дел с 15 октября 1942 года по 31 июля 1944 года. Команды японских подводных лодок следовали этому приказу и вели бесчеловечную войну на море...»

Вот в каких условиях развернулась фаза защиты Сигэтаро Симада.

Но эта защита осложнилась еще одним существенным обстоятельством. Дело в том, что бывшие министры иностранных дел Японии в период второй мировой войны Сигэнори Того и Мамору Сигэмицу не имели никакого желания возглавить скамью подсудимых по обвинению в военных преступлениях. Уж коли они угодили на эту скамью, то мечтали занять на ней самое скромное место. Поэтому они утверждали, что, будучи министрами иностранных дел, они-де были обязаны только сигнализировать о ставших известными фактах военных преступлений. Сигнализировать кому? Совершенно очевидно — руководителям тех ведомств, по указанию которых только и могли совершаться эти преступления: военному и военно-морскому министерствам, а также генеральным штабам армии и военно-морского флота. Того и Сигэмицу доказывали, и небезуспешно, что сигнализировали они аккуратно.

Откуда же узнавали Того и Сигэмицу о совершенных военных преступлениях? Во-первых, из систематических официальных протестов союзных правительств против японских зверств, которые вручались министру иностранных дел Японии швейцарским посольством в Токио (швейцарское правительство в качестве нейтрального государства представляло в Японии интересы Америки, Великобритании и Голландии в период второй мировой войны). Во-вторых, министерство иностранных дел в Токио постоянно принимало по радио и стенографировало все выступления западных государственных деятелей, а также фиксировало материалы прессы, осуждавшие военные преступления японских милитаристов. Копии именно этих дипломатических протестов и зафиксированных текстов радиопередач ведомство Того и Сигэмицу аккуратно пересылало руководству заинтересованных министерств. Это обстоятельство было установлено на процессе с исчерпывающей полнотой. Понятно, что Того и Сигэмицу вошли поэтому в острую коллизию с другими подсудимыми, которые избрали несложную позицию «ничего не знаю, ничего не слышал». Эти подсудимые пытались уверить суд, что так случилось потому, что копии радиопередач и протесты союзных держав, которые поступали в их ведомство от министра иностранных дел, попадали в руки второстепенных чиновников. Именно эти чиновники и решали, что дальше делать с этими документами.

В такой отговорке не было даже намека на правдоподобие. Союзники неоднократно предупреждали Германию и Японию, что их преступные правительства будут сурово отвечать за нарушение законов и обычаев ведения войны. Эти декларации были известны всему миру. Особенно знаменитая декларация Рузвельта, Сталина, Черчилля, принятая в Тегеране, в которой указывалось, что союзные державы найдут военных преступников даже на краю света и предадут суровому суду. Кто же поверит, что, продолжая совершать преступления, руководители японской армии и флота, уже терпевших с 1943 года одно поражение за другим, не интересовались протестами союзных держав или выступлениями их лидеров по радио и в печати по этому поводу!

Но как ни слабы позиции защиты, борьба продолжается.

У пульта свидетель защиты Симада — Ёрио Такусавамото, его заместитель по военно-морскому министерству:

— Я не помню, чтобы в то время, когда я занимал пост заместителя министра, мы получали протесты в отношении обращения японцев с военнопленными. Я не говорю, что они не посылались в военно-морское министерство, так как я этого не знаю, но утверждаю, что если бы поступали такие протесты, то они, разумеется, разбирались бы нижестоящими чиновниками военно-морского министерства, поскольку эти вопросы в основном касались нашего министерства и министерства иностранных дел. Если я не получал этих протестов, то вполне вероятно, что адмирал Симада, занимая пост военно-морского министра, вряд ли получал подобные сведения.

Затем хорошо осведомленный защитой обо всем, что произошло до него в судебном зале, Такусавамото пытается порвать любую нить, которая может связать Симада и его самого с уже известным читателю оперативным приказом № 209:

— Военно-морской министр никогда не издавал приказов, связанных с оперативными действиями флота. Такие приказы обычно издавались командованием объединенного флота и начальником генерального штаба военно-морского флота. Однако в данном случае я никогда не слышал ни о каких приказах, предписывающих совершение зверств и нарушение законов и обычаев ведения вой-

ны. Неоднократно до начала войны и во время войны военно-морское министерство издавало положения относительно правил ведения войны. Поэтому невозможно, чтобы то же самое министерство издало приказ о совершении зверств и нарушении признанных правил ведения войны.

Впрочем, разве мог показать что-либо другое долголетний подчиненный Симада, его заместитель по министерству? И не случайно ответы Такусавамото на вопросы капитана Робинсона неопределенны и уклончивы.

Вопрос: Почему вы сказали, что приказ об уничтожении команд потопленных судов являлся приказом по флоту?

Ответ: Потому, что речь идет лишь об операции флота, и не было такого случая, чтобы военно-морской министр посылал какие-либо указания флоту.

Разумеется, с такой трактовкой нельзя согласиться: приказ подобного рода определял политику ведения подводной войны, и тщетно было относить его к категории чисто оперативных приказов.

Линию Такусавамото, но еще более отчетливо, продолжает следующий свидетель защиты — контр-адмирал Садатоси Томиока из оперативного отдела генерального штаба военно-морского флота. Он пытается вообще отделить военно-морское министерство от составления оперативных планов флота. Причем в планы оперативные походя включает и планы явно стратегические, например нападение на Пёрл-Харбор. Цель Томиока ясна: начальник генерального штаба военно-морского флота Нагано, так же как и командующий флотом Ямамото, мертв, а потому и за агрессию под Пёрл-Харбором, и за зверства спросить не с кого...

Томиока сменяет у свидетельского пульта Мита Хисами. Морской офицер высокого ранга, он имел уже прямое отношение именно к оперативным вопросам. Но его, увы, подводит память. Он забывает именно те факты, которые могут быть истолкованы не в пользу подсудимых, а также и его самого, ведь союзники приговорили к смертной казни немало японских офицеров и генералов, непосредственно отвечавших за зверства, учиненные их войсками. В этом ракурсе и следует воспринять показания Хисами: «20 марта 1943 года в звании контр-адмирала я был на-

значен командиром первой подводной эскадры, находившейся в ведении 6-го флота. Мне сказали, что обвинение представило в качестве доказательства приказ № 209 по подводным лодкам. В начале прошлого года обвинение неоднократно подвергало меня допросам относительно этого приказа, допросам во всех подробностях. Я сказал представителям обвинения, что, поскольку этот приказ написан в такой же форме, как и все остальные, я не помню никаких фактов относительно именно этого приказа».

Разумеется, военные приказы по форме всегда одинаковы: лаконичны, предельно ясны и безоговорочны. Но вот содержание! Как Хисами мог его забыть? Или приказы о совершении военных преступлений стали явлением повседневным?

Как и другие свидетели защиты, Хисами пытается начисто отделить ведомство Симада от любых приказов, касающихся боевой деятельности флота.

У пульта обвинитель Робинсон. Он ведет допрос Хисами:

— В приказе номер двести девять встречается слово «гунки». Что означает это слово?

Ответ: Оно означает «секретный документ вооруженных сил».

Вопрос: Такого рода документы посылались только командующему и высшему офицерскому составу?

Ответ: Да, только им.

Вопрос: Каковы были требования в отношении сохранения и уничтожения документов, помеченных таким образом?

Ответ: Обычно такой документ хранился у командира или у лица, исполнявшего обязанности командира. Очень часто эти документы уничтожались после выполнения приказа.

Вопрос: Отсюда следует, что этот документ должен был быть уничтожен до того, как он был захвачен 19 февраля 1944 года на острове Кваджелейн?

Ответ: Если бы такой документ существовал, он был бы уничтожен.

Вопрос: Знакомы ли вы с методом немецкого флота в отношении уничтожения команд, спасшихся при потоплении корабля, о котором говорил Гитлер в 1942 году?

Ответ: Нет, не знаком.

Вопрос: Вы слышали об этом до сегодняшнего дня?

Ответ: Да, я услышал впервые о подобных фактах после того, как были проведены допросы различных лиц...

Вопрос: А знаете ли вы, что приказ двести девять был практически применен японскими подводными лодками в Индийском океане в 1944 году по отношению к судам «Жан Николет» и «Дзисилак», а также к другим судам?

Ответ: Нет, я этого не знал.

Вопрос: А о том, что 27 марта и 2 июля 1944 года в районе Индийского океана действовала подводная лодка «1—8», входившая в восьмую эскадру подводных лодок?

Ответ: В то время мне это не было известно. Об этой подводной лодке я узнал несколько позже.

Вопрос: Кто был командиром этой подводной лодки?

Ответ: Не знаю.

Вопрос: Знакомо ли вам имя Ариидзуми?

Ответ: Да.

Вопрос: Кем он был?

Ответ: Одно время Ариидзуми был штабным офицером главного морского штаба, потом перешел на службу в подводный флот. Однако я не знаю, был ли он в то время, которое вы указываете, командиром подводной лодки «1—8».

Вопрос: Однако вы знаете, что в течение 1944 года или, по крайней мере, в течение некоторой части этого года он был командиром подводной лодки «1—8»?

Ответ: Да, я уверен в этом.

Вопрос: Он был одним из самых известных командиров подводных лодок Японии, не так ли?

Ответ: Он был одним из наиболее талантливых командиров подводных лодок.

Вопрос: И он занимал наиболее ответственные посты среди командиров подводных лодок?

Ответ: Прослужив на посту командира подводной лодки, он стал командиром эскадры подводных лодок, но я не знаю, в какую часть он был направлен после этого.

Вопрос: Вы говорили сейчас о капитане третьего ранга Ариидзуми. Не упоминалось ли его имя как командира подводной лодки «1—8» в связи с потоплением парохода «Дзисилак» 26 марта 1944 года и парохода «Жан Николет» 2 июля 1944 года?

Ответ: Нет, не знаю.

Вопрос: Не слышали ли вы о том, что именно он уничтожил команды потопленных кораблей, в точности следуя статье четвертой приказа номер двести девять?

Ответ: Я не знаю этого...

Поскольку Хисами заявил, что не знает о преступных действиях Ариидзуми при потоплении судов «Дзисилак» и «Жан Николет», обвинитель Робинсон оглашает аффидевит радиста подводной лодки «1—8» Дзиро Накахара. Вот выдержки из этих показаний, относящиеся к событиям, имевшим место в марте 1944 года: «Я слышал, как командир подводной лодки Ариидзуми на другой день после потопления парохода «Дзисилак» говорил лейтенанту Хонда, офицеру медицинской службы, и другому офицеру, находившемуся в кубрике, что главный морской штаб отдал приказ расстреливать всех членов экипажей потопленных кораблей. Я думаю, что этот приказ был передан всем членам экипажа. Мы все исполняли приказы, отдаваемые Ариидзуми, потому что знали, каким безжалостным он был. Среди команды он носил прозвище «гиянгу», что означает «гангстер».

Во время допроса капитана потопленного корабля командир подводной лодки Ариидзуми сказал мне, что японский главный военно-морской штаб издал приказ: всякий, кто находился на борту пароходов противника, должен быть убит. Он приказал нам не говорить никому об убийстве пленных.

Второй рейс продолжался с начала июня до первых чисел августа 1944 года. Мы несли патруль в том же районе, что и первый раз. В июле подводная лодка «1—8» потопила пароход «Жан Николет». При этом повторилось то же самое, что было с пароходом «Дзисилак» три месяца назад. Выпустив торпеду, наша лодка всплыла. По приказанию ее командира Ариидзуми я предложил людям, спасшимся с корабля, подплыть к нам и подняться на лодку. Их связали, под охраной проводили в носовую часть и посадили там. На этот раз спасшихся было около восьмидесяти человек. Капитана парохода «Жан Николет» и часть пленных отвели вниз. Остальных поочередно закололи штыками, прикончили саблями или просто сначала избили, а потом расстреляли. Сам я не был свидетелем смертной казни, однако члены экипажа подводной лодки говорили мне, что несколько человек, которые находились внизу, были обезглавлены и что командир подводной лод-

ки Ариидзуми сам принимал в этом участие. Я видел, как офицер инженерной службы вытирал кровь со своей сабли и мыл руки в продезинфицированной воде после того, как пленные были убиты.

В сентябре 1944 года я вернулся в Японию на подводной лодке «1—8» и возобновил работу в генеральном штабе военно-морского флота, где и проходил службу до августа 1945 года. Вскоре после возвращения меня вызвал начальник третьего отдела генерального штаба военно-морского флота, предупредил, чтобы я ничего не рассказывал о том, что видел во время службы на подводной лодке «1—8». Позднее до меня дошли слухи, что капитан 2 ранга Ариидзуми покончил жизнь самоубийством в конце августа 1945 года» (то есть после капитуляции Японии. — *Авт.*).

К свидетельскому месту подходит один из подсудимых — адмирал Сигэтаро Симада. Вот некоторые наиболее характерные выдержки из его аффидевита: «18 октября 1941 года я был назначен военно-морским министром. Позднее, в феврале 1944 года, я занял пост начальника главного морского штаба. 17 июля 1944 года я ушел в отставку с поста военно-морского министра, а 2 августа того же года — с поста начальника главного военно-морского штаба. Меня назначили военно-морским советником, а 20 января 1945 года по моей просьбе зачислили в список лиц, вышедших в отставку. В мои обязанности военно-морского министра входило издание инструкций об обращении с военнопленными, захваченными нашим флотом. Такие инструкции действительно были выпущены, и одна из них фигурирует в качестве доказательства...

Инструкции в том виде, как они издавались за моей подписью, вовсе не противоречили принятым международным стандартам».

Услышав, какими доказательствами располагает обвинение, Симада твердит, что он ничего не знал... Но вот неприятность: военно-морской министр обязан знать все, что касается флота. Об этом напоминают Симада, и он несколько меняет характер своих показаний: «Да... в отдельных случаях личный состав морского флота вел себя недопустимо... Только здесь, в суде, я узнал это. Я находился в военно-морском министерстве в Токио, ничего не знал о подобном и не мог контролировать поведение людей на фронте. И тем не менее, поскольку я занимал

руководящий пост, должен признать свою ответственность. Хотя это в основном моральная ответственность, та, которую испытывает отец за плохое поведение и неприглядные дела своего сына».

Какое ценное признание! И как назидательно звучит оно для тех, кто еще склонен был отрицать сами факты совершения военных преступлений!

Далее, прослушав показания Того и Сигэмицу, утверждавших, что они рассылали протесты союзников, в частности, в первую очередь тому министерству, которое возглавлял Симада, последний спешит заявить: «Я не получал протестов союзников по поводу плохого обращения с военнопленными! Не могу сказать, что копии этих протестов не доходили до военно-морского министерства. Но они никогда не доходили до меня».

О неправдоподобности такой позиции мы уже говорили...

Наконец, Симада переходит к одной из наиболее тяжких улик: «Обвинение представило то, что должно было бы быть секретным приказом номер двести девять о подводной войне. Даже имея очень богатое воображение, я не могу поверить, что был издан подобный приказ. Но если он был издан, то он исходил не из военно-морского министерства. Военно-морское министерство не издавало приказов подобного рода. Такие вопросы разрешались исключительно генеральным штабом военно-морского флота.

Симада было нетрудно сделать подобное признание: ведь его коллега и друг, начальник главного военно-морского штаба Нагано, к этому времени был мертв.

Поскольку Симада отрицал и факты совместных боевых действий германских и японских подводных лодок, и единство преступных методов обоих флотов в его бытность военно-морским министром, обвинитель Робинсон представил новые доказательства. На судейском столе — совершенно секретное донесение № 18, посланное 30 июля 1944 года начальником отряда подводных лодок в военно-морское министерство. Документ снабжен заголовком: «Военно-морскому министру. Материалы для представления к наградам по заслугам в войне за великую Восточную Азию с 1 декабря 1943 года по 31 мая 1944 года». Донесение исходило от контр-адмирала Хисаси Итиока, начальника 8-го отряда подводных лодок. Вот выдержка из этого донесения: «Что касается немецких подводных

лодок, отправленных для совместных операций Японии и Германии в Индийском океане, т.к. они оказали большую помощь в проведении японо-германских объединенных операций, которые помогли успешному осуществлению стратегического плана нарушения перевозок в районе Индийского океана.

Результаты этих боевых операций: потоплено 20 торговых судов водоизмещением 190 тысяч тонн, 8 парусных судов водоизмещением 1200 тонн, повреждено 1 торговое судно больших размеров. Захвачено в плен 9 членов экипажа, не считая английского капитана 1 ранга».

Огласив документ, обвинитель Робинсон прокомментировал его как косвенное, но весьма убедительное подтверждение того, что японское военно-морское командование точно следовало рекомендации Гитлера об уничтожении команд торпедированных судов. В самом деле, потоплено 28 судов общим водоизмещением 191 200 тонн, а в плен взято только 9 моряков! Это же подтверждает и аффидевит свидетеля Дзиро Накахара, рассказавшего, как рубили саблями и расстреливали не только моряков, но и женщин, спасшихся с торпедированных судов. Причем все это происходило в тот период, когда военно-морским министром и начальником генерального штаба военно-морского флота был Симада!

Еще в стадии вступительных речей советское обвинение представило доказательства, что японский военно-морской флот не только нарушал законы и обычаи ведения войны на море, действуя против торговых судов своих противников, но применял такие же методы и против советских судов вопреки пакту о нейтралитете. В частности, был такой случай. После потопления судна «Перекоп» советская команда пыталась спастись, но все оказалось тщетно: японцы расстреливали наших моряков из пулеметов и бомбили с воздуха.

После установления всех этих фактов обвинитель Робинсон переходит к перекрестному допросу Симада.

Вопрос: Адмирал, вы ведь сами были начальником генерального штаба военно-морского флота, занимая одновременно пост военно-морского министра в период с февраля по июль 1944 года. Не так ли?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы заняли пост начальника главного морского штаба в феврале 1944 года, то есть в том же месяце,

когда подсудимый Тодзио стал начальником генерального штаба армии?

Ответ: Да.

Вопрос: И именно в этот период, когда вы были начальником главного морского штаба и военно-морским министром, личный состав японских подводных лодок в массовом масштабе совершал зверства, оперируя в Индийском океане. В то же время аналогичные случаи имели место и в районе многочисленных островов Тихого океана, когда там действовали ваши подводные лодки. Разве не об этом говорят только что представленные суду доказательства?

Ответ: Я ничего не знал об этом...

Вопрос: Тогда не объясните ли нам, почему сразу после того, как в феврале 1944 года вы заняли оба этих командных поста, японские подводные лодки произвели особую операцию с целью перерезать коммуникации союзников в Тихом океане и начали массовые расстрелы команд и пассажиров торпедированных судов?

Ответ: Я никогда не знал о существовании подобных фактов и не верю, что они действительно имели место... Но я никак не могу проверить или установить правильность доказательств, представленных обвинением...

Какая неумная, какая беспомощная аргументация! Старый кадровый моряк Симада и его опытные адвокаты «не могут проверить правильность доказательств»! Но ведь открытый судебный процесс направлен именно на то, чтобы подсудимый мог это сделать. Не точнее ли будет сказать, что Симада и его адвокаты просто-напросто не смогли опровергнуть тяжкие для них улики, собранные обвинением.

Так бесславно кончилась фаза защиты адмирала Симада.

Надо сказать, что адмиралу Такасуми Ока повезло не больше, чем его бывшему начальнику и коллеге. В 1940—1943 годах Такасуми Ока — начальник бюро общих и военных дел военно-морского министерства, а в 1944 году — заместитель военно-морского министра. Вот и. о. председателя Трибунала ведет допрос свидетеля защиты Ока адмирала Дзэнсиро Хосино.

И. о. председателя: Вы знаете, каковы были обязанности начальника бюро морских дел в отношении военнопленных?

Свидетель: Он должен был помогать военно-морскому министру и следить, чтобы решения, вынесенные морским министром, выполнялись соответствующим образом.

И. о. председателя: Очень хорошо...

Значит, Ока имел прямое отношение к судьбе и быту военнопленных, захваченных японскими военно-морскими силами. Поэтому понятна реплика и. о. председателя Трибунала — «очень хорошо». Но «хорошо» отнюдь не для Ока, который, как и все подсудимые, занял банальную позицию: «Это ко мне не относилось, поэтому я ничего не знаю и, разумеется, не помню».

Ну а теперь обратимся к аффидевиту самого Ока: «Морские отряды на берегу или в море подчинялись только верховному командованию. Что касается морских операций, то военно-морское министерство не имело об этом ни малейшего понятия. Оно не знало о приказах командиров или о сообщениях относительно передвижения сил. Вот почему, занимая пост начальника бюро морских дел, я не знал о происшедших инцидентах. Впервые услышав об этом в Трибунале, я удивлен особенно тем, что командиры совершили эти действия без моего ведома».

Какое важное признание: значит, прав адмирал Хосино, утверждая, что без Ока не мог решаться ни один вопрос, касающийся военнопленных. Отсюда и деланное возмущение подсудимого: «Командиры совершили эти действия без моего ведома».

Но вот беда — обвинение вызвало в качестве свидетеля японского контр-адмирала Хироаки Абэ, а тот подтвердил, что зверства в отношении военнопленных совершались в соответствии с устными директивами центра, иначе говоря, с директивами бюро, которое возглавлялось Ока. Подсудимый тщетно пытается обойти этот подводный камень: «Заявление Абэ, что были получены устные инструкции от центрального командования, непостижимо».

Перекрестный допрос Ока ведет обвинитель капитан 3 ранга Коул.

Вопрос: Поинтересовались ли вы судьбой тех девяноста восьми граждан, которые были захвачены в плен на острове Уэйк в декабре 1941 года и позднее, в 1943 году, казнены по приказу адмирала Сакаибара?

Ответ: Нет.

Вопрос: Будучи начальником бюро морских дел, вы могли отдать распоряжение перевести этих военноплен-

ных из временного лагеря на острове Уэйк в лагерь для военнопленных в Японии. Не правда ли?

Ответ: Я не помню всех обстоятельств дела, но помню, что, получив сообщение о военнопленных, находящихся на острове Уэйк, я сказал, что нецелесообразно держать их на уединенном далеком острове и лучше бы перевести в Японию. Мне кажется, что после обсуждения этого вопроса различными бюро и отделами военно-морского министерства эти военнопленные были переведены в Японию. В таких случаях бюро морских дел само не имело полномочий издавать приказы...

Это, разумеется, ложь. Издание подобных приказов входило в компетенцию того бюро, которое возглавлял Ока. Но главное другое: переводить с острова Уэйк было некого, военнопленных расстреляли.

Обвинитель Коул всячески пытается добиться у Ока истины, одновременно показывая всю нелепость позиции отрицания, занятой подсудимым.

Вопрос: Трибуналу были представлены доказательства, что с 7 декабря 1941 года по 21 августа 1945 года в японском министерстве иностранных дел было получено 40 нот правительства Соединенных Штатов, в которых содержалась просьба дать сведения о пленных на острове Уэйк. Получали ли вы из министерства иностранных дел запросы относительно этих военнопленных на острове Уэйк, находившихся в распоряжении флота?

Ответ: Я не знал об этом в то время. Впервые услышал здесь, в Трибунале...

Вопрос: Не хотите ли вы сказать, что подсудимый Того пренебрег своими обязанностями и не послал вам эти запросы иностранных держав?

Ответ: Нет, я так не думаю. Я вам только что объяснил, как обстояло дело...

«Не знаю, не помню, этого не могло быть» — вот «набор средств», избранный для самозащиты адмиралом Ока. Вот все, что он мог противопоставить конкретным доказательствам, собранным обвинением!

И хотя, как было показано, против Симада и против Ока было собрано достаточно доказательств, чтобы осудить их за совершенные военные преступления, Трибунал в приговоре большинством голосов оправдал адмиралов по этому тяжкому обвинению, проявив странную непоследовательность. Вот как это было сформулировано в от-

ношении Симада: «Некоторое число самых позорных массовых убийств и отдельных убийств пленных было совершено представителями японского военно-морского флота на островах Тихого океана. Совершались также убийства людей, спасшихся с торпедированных кораблей. Те, кто несет непосредственную ответственность за это, имели звания адмирала и ниже.

Однако имеется недостаточно доказательств для того, чтобы обосновать решение, что Симада несет ответственность за эти акты, что он приказывал, уполномочивал или разрешал совершать военные преступления или что он знал, что они совершались, и не принял надлежащих мер, чтобы предотвратить их совершение в будущем».

А вот как формулировалось в приговоре оправдание Ока: «Имеются некоторые доказательства, содержащие указания, что Ока знал или должен был знать о военных преступлениях против пленных, которые совершались личным составом военно-морского флота. Причем его учреждение ведало делами военнопленных. Однако эти доказательства не отвечают необходимым требованиям процессуального закона, для того чтобы признать виновным подсудимого по уголовному делу».

Оба адмирала были приговорены к пожизненному тюремному заключению, но только как участники заговора против мира, в результате которого были подготовлены, развязаны и велись агрессивные войны.

Еще более яркое выражение принцип «как и другой» получил в связи с нарушением законов и обычаев ведения войны в воздухе. Причем здесь, так же как и при решении проблем войны на море, Трибунал полностью учитывал прецедент, установленный Международным военным трибуналом в Нюрнберге. Хорошо известно, что германская авиация с первых дней войны использовала террористические методы: бомбардировки мирных городов, расстрел из пулеметов на бреющем полете гражданского населения, разбрасывание зажигательных бомб над жилыми кварталами, что вызвало массовые пожары. В те годы появился даже новый глагол «ковентрировать» — от названия английского города Ковентри, который в самом начале войны подвергался варварской бомбежке нацистской авиации. «Ковентрировать» — значит преднамерен-

но уничтожать с воздуха мирные города и гражданское население, вести разбойничью тотальную воздушную войну.

Японская авиация и здесь пыталась в меру своих ограниченных по сравнению с Германией возможностей не отставать от западных союзников по «оси». Сперва она терроризировала своими налетами крупнейшие китайские города. В руках обвинения документ большой обличительной силы, настолько важный, что Трибунал счел необходимым привести его в приговоре полностью. Речь идет о донесении начальника штаба экспедиционных войск в Китае, датированном 24 июля 1939 года. Документ этот адресован тогдашнему военному министру, впоследствии подсудимому, генералу Итагаки. Оценивая военное положение, начальник штаба предлагал: «Военновоздушные силы армий должны совершать налеты на стратегические пункты в тылу, для того чтобы терроризировать вооруженные силы противника и гражданское население и таким образом посеять среди них антивоенные, пацифистские настроения. То, что мы ожидаем... это страх и паника, которые возникнут среди войск противника и гражданского населения... Мы подождем и увидим, как они в диком ужасе будут впадать в состояние нервной прострации... посмотрим, как они бешено начнут пацифистское движение против Чан Кай-ши».

Этому методу, грубо попирающему законы и обычаи ведения войны в воздухе, строго следовала японская авиация в Китае, пока не началась тихоокеанская война, которая отвлекла значительные силы японцев, в том числе и авиацию, на другие фронты.

Известно также, что сама тихоокеанская война началась массовыми налетами японской авиации на Пёрл-Харбор. В обвинительном заключении этому эпизоду посвящен специальный параграф: «Обвинение в убийстве адмирала Кидда и около 4 тысяч американских военнослужащих и гражданских лиц при нападении без объявления войны на США в Пёрл-Харборе 7 декабря 1941 года».

В тот день японская авиация принимала участие в таких же разбойничьих нападениях, без объявления войны, на Кота-Бару, Гонконг (владение Великобритании) и Давао (Филиппинская республика), о чем также говорилось в обвинительном заключении. Там тоже гибли люди — и не только военные, но и гражданские.

Когда же японская авиация довольно быстро (к 1942 году) утратила свое превосходство в воздухе и начались ответные массированные удары американской авиации по японской метрополии, японское правительство санкционировало зверское уничтожение пленных американских летчиков, и это положение сохранялось вплоть до конца войны.

Уничтожение пленных летчиков явилось предметом тщательного расследования на Токийском процессе. Во вступительной речи австралийский обвинитель Мэнсфилд утверждал, что Тодзио, премьер и военный министр, и Кимура, заместитель военного министра, ответственны «за законы, предписывающие казнить захваченных летчиков союзных воздушных сил. Согласно этому закону летчиков расстреливали без всякого суда».

Следует заметить, что Мэнсфилд был не совсем точен: никакого закона об обращении с пленными летчиками в Японии во время войны издано не было. Ведь под законом мы подразумеваем юридический акт, утвержденный в установленном порядке парламентом соответствующей страны. Между тем такого акта не существовало. А что же было?

Вот показания военного преступника номер один Хидэки Тодзио: «18 апреля 1942 года летчики эскадрильи, которой командовал американский полковник Дулитл, совершили налет на Токио. Они чинили зверства, нарушая международное право. Нет необходимости напоминать, что эти зверства, совершенные против гражданского населения, согласно международному праву являются военными преступлениями».

Когда в Нанкине, Ханькоу, Шанхае японские войска без объявления войны учиняли массовые убийства мирных жителей, когда бомбы японской авиации громили кварталы мирных китайских городов, чтобы «превратить» их жителей в «пацифистов», когда японские самолеты обрушивали свой смертоносный груз не только на военные объекты, но и на дома мирных жителей в Пёрл-Харборе, Кота-Бару, Гонконге, ни японское правительство, ни сам Тодзио не вспоминали о международном праве. Но вот когда американские бомбы обрушились на Токио, поднялась, по словам Тодзио, дикая шумиха и посыпались требования принять суровые меры с целью предотвращения подобных зверств в будущем.

«Поэтому, — продолжал Тодзио, — было решено, что все подобные дела должны быть переданы на рассмотрение суда, который после тщательного обсуждения решит, являются ли совершенные акты нарушениями международного права. Ввиду вышеизложенных обстоятельств заместитель военного министра дал в июле 1942 года указание, основанное на приказе военного министра (то есть самого Тодзио. — *Авт.*), «О мерах наказания для лиц, нарушивших во время воздушных налетов законы войны». В августе 1942 года от имени командующего японскими войсками в Китае Хата это указание было введено в силу...»

Таким образом, из показаний самого Тодзио явствует, что никакого закона по этому вопросу издано не было. Так называемый «закон» был попросту административным предписанием военного министерства.

«Закон» этот в руках обвинения, и в нем ясно указывается, что захваченные в плен летчики караются смертью не только за бомбардировки гражданского населения, но и за нападение на военные объекты как в самой Японии, так и на оккупированных ею территориях. В 1943—1944 годах японские газеты в Токио опубликовали указанный «закон», подчеркнув, что «все американские летчики, захваченные в плен, будут убиты».

Эти газеты обвинение также положило на стол суда.

Таким образом, применение «закона» о пленных летчиках фактически было попыткой терроризировать всех вражеских летчиков в надежде помешать им выполнять свой прямой воинский долг. Вот почему японские газеты в те годы широко рекламировали новый «закон». И это в условиях, когда японская авиация продолжала свою обычную боевую деятельность!

Но вернемся к показаниям Тодзио. Он заявил, что не в состоянии сказать, был издан этот «закон» от его имени или же от имени императорской ставки. «Однако неважно, кто издал этот приказ, ответственность несу за него я», — заявив это, Тодзио сам признал свою вину в массовом уничтожении пленных летчиков. Затем он продолжал: «Летчиков, совершивших налет на Японию 18 апреля 1942 года, судили в Шанхае согласно вышеупомянутому закону (суд проходил в последней декаде августа 1942 года. — *Авт.*), и все восемь заключенных были приговорены к смертной казни. Суд, как это требовалось,

сообщил о своем решении императорской ставке. Начальник генерального штаба армии обсудил вопрос с военным министром и заявил, что наказание, единогласно объявленное судом, должно быть приведено в исполнение».

По утверждению Тодзио, император имел к этому только такое отношение: «Будучи уверенным, что его величество в курсе дел, я в качестве военного министра сделал императору неофициальный доклад, и было решено, что казнены будут только три летчика, которые расстреливали в основном школьников».

В этой связи заметим прежде всего, что, как уже известно, самолеты эскадрильи Дулитла бомбили Токио 18 апреля 1942 года. Что же касается восьми летчиков этой эскадрильи, взятых японцами в плен, то два самолета, на которых они летели, были сбиты позже, уже над территорией Китая, в районе дислокации войск, находившихся под командованием Хата.

На чем же в этих условиях могло базироваться утверждение Тодзио, что казнены были именно те три летчика, которые якобы совершили террористические налеты на школьников? Такое обвинение могло быть понятным, если бы их самолет был сбит в том районе, где они бомбили школы или расстреливали на улицах учеников. Тогда имелись бы свидетели — очевидцы события. В данной же ситуации таких свидетелей быть не могло, и единственным доказательством служили только показания самих подсудимых.

На трибуне обвинитель Фиксель. Он произносит заключительную речь против Тодзио:

— Ложь, что летчики Дулитла намеренно участвовали в беспорядочной бомбежке мирного населения и школьников, родилась на процессе в Шанхае и подкреплена только признаниями, вырванными у некоторых летчиков после того, как их подвергли жестоким, нечеловеческим пыткам. Понятно, что такие признания не имеют никакой доказательной силы...

На чем основывалось такое утверждение Фикселя? По распоряжению подсудимого Хата, в то время командующего всеми экспедиционными войсками Японии в Китае, следствие и военно-полевой суд над восемью захваченными в плен летчиками Дулитла было поручено организовать командующему 13-й армией генералу Савада. Этот генерал и некоторые из его подчиненных были захваче-

ны впоследствии в плен американцами. Их судили в Китае и осудили как военных преступников. В числе обвинений Савада инкриминировалась и была доказана инсценировка суда над военнопленными летчиками Дулитла и незаконное ведение следствия по этому делу с применением к обвиняемым зверских пыток. Приговор и судебный протокол по делу Савада обвинение представило Трибуналу в Токио.

Идет фаза защиты подсудимого фельдмаршала Сюнроку Хата. Его адвокат Лазарус, касаясь дела восьми летчиков, считает необходимым прежде всего решительно отделить своего клиента от линии Тодзио, который пытался придать этому судебному делу и приговору какую-то видимость законности. Адвокат утверждает, что именно «генеральный штаб настаивал на смертном приговоре для всех летчиков... Об этих событиях расскажут два свидетеля — участники драмы. Их показания установят, что Хата никогда не был сторонником приговора и прилагал все усилия, чтобы процесс не состоялся».

И вот у пульта один из обещанных адвокатом Лазарусом свидетелей — генерал-майор Масатоси Мияно, бывший начальник первого отдела штаба Хата. Именно этому отделу было поручено руководить расследованием дела восьми летчиков. Мияно рассказывает, что 28 июля 1942 года был получен приказ генерального штаба судить этих летчиков согласно новому военному закону. Затем свидетель подробно описывает, как Хата боролся против этого, но вынужден был подчиниться приказу начальника генерального штаба, переданному устно через полковника Арисуэ. Начальник генерального штаба требовал смертного приговора, и Хата в конце концов подчинился.

Идет перекрестный допрос Мияно. Его ведет обвинитель Сэттон.

Вопрос: Находилась ли военная тюрьма в Нанкине в ведении фельдмаршала Хата?

Ответ: Да.

Вопрос: Распространялась ли юрисдикция фельдмаршала Хата на полицейские отряды в Китае?

Ответ: Да.

Вопрос: В течение того времени, что летчики находились в Китае перед отправкой их в Токио, не пытали ли их водой? Не избивали?

Ответ: Не знаю.

Вопрос: А не было ли такого случая, когда на лейтенанта Нейлсона надели наручники и подвязали его к потолку, где он висел до тех пор, пока не потерял сознание?

Ответ: Ни о чем подобном я не знаю.

Вопрос: А не был ли лейтенант Холлмарк распят на специальной машине, а его руки и ноги вывернуты?

Свидетель явно растерян, он не решается на категорическое «нет», но не может сказать «да»: ведь тогда его, как руководителя подобного «следствия», неминуемо ждет скамья подсудимых. И Мияно делится своими предположениями:

— Я отвечу. Вопросы подобного рода не входили в ведение генерального штаба, и я думаю, что фельдмаршал Хата также не знал ничего о таких инцидентах и случаях. Я даже думаю, что он не знал об этом вплоть до последнего времени.

Когда Мияно утверждал, что ни он, ни Хата ничего не знали о пытках, которым подвергались американские летчики при допросах, то обвинению было нетрудно уличить свидетеля во лжи. Пытки летчиков из эскадрильи Дулитла не были чем-то экстраординарным — это были методы допроса, широко рекомендованные и одобренные японскими властями. В руках обвинения захваченная союзными войсками брошюра — «Японская инструкция по проведению допросов». Параграф второй этой инструкции гласил: «Меры, которые должны применяться в обычном порядке... пытки обыкновенные, избиение, пинки и все, что дает физическое страдание... Это самый неудобный метод. Он может быть использован только тогда, когда другие средства не помогают...»

Разумеется, и Мияно, и Хата не могли не знать этой инструкции и «деталей» допросов.

О применении пыток при допросах восьми американских летчиков знали не только Мияно и Хата, знали и в Токио, причем люди более высокого ранга. В дневнике Кидо от 3 октября 1942 года есть запись, что в этот день премьер Тодзио сообщил ему о казни летчиков из эскадрильи Дулитла и о том, как с ними обращались.

Но вернемся в зал суда. Обвинитель Сэттон пытается приблизить Мияно к истине и, предъявляя свидетелю очередной документ, спрашивает:

— Это и есть тот самый военный приказ номер четыре от 13 августа 1942 года о смертной казни летчиков неприятеля? (Этот приказ был основан на аналогичном приказе генштаба от 23 июля 1942 года. — *Авт.*).

Ответ: Да, это тот приказ.

Вопрос: И этот приказ был издан фельдмаршалом Хата, командующим японскими экспедиционными войсками в Китае?

Ответ: Да.

Вопрос: Не просил ли генерал Савада фельдмаршала Хата дать ему письменный приказ о военном суде над летчиками?

Ответ: Да...

А дальше Сэттон с помощью ряда вопросов восстанавливает картину этого суда, который являлся настоящим издевательством над самим понятием «правосудие».

Вопрос: Имелись ли у летчиков защитники?

Ответ: Защитников у них не было... в соответствии с положением о военных судах.

Вопрос: Правда ли, что им не дали даже возможности признать себя виновными или невиновными? (Это четко видно из протокола судебного заседания. — *Авт.*)

Ответ: Я не знаю, как велись суды, и не знаю таких подробностей.

Вопрос: Должен ли был Хата видеть этот протокол суда? Читали ли вы по долгу службы протокол этого суда? (Протокол судебного заседания по делу летчиков эскадрильи Дулитла был приложен к судебному делу по обвинению Савада и других и предъявлен обвинением Международному военному трибуналу. — *Авт.*)

Ответ: Да, должен был. Я его читал, но я не помню деталей.

Вопрос: Представленные доказательства читались на японском языке без перевода на английский, не так ли?

Ответ: Этого я не знаю.

Вопрос: Верно ли, что вся эта процедура суда, включая приговор в отношении восьми летчиков, заняла менее двух часов?..

Ответа не последовало.

Теперь Сэттон с помощью свидетеля защиты Мияно хочет показать, что «противник» этого суда Хата в действительности прямо требовал смертной казни как единственной меры наказания. С этой целью Сэттон цитирует

выдержку из судебного протокола по делу Савада в Шанхае. Там, на этом процессе, Мияно тоже фигурировал в качестве свидетеля и ясно подтвердил, что Хата дал указание прокурору 13-й армии потребовать для американских летчиков смертной казни. Мияно вынужден подтвердить, что судебный протокол правильно отражает его показания.

Так еще один свидетель защиты крепко подвел тех, кто его вызвал, на этот раз подсудимого Хата и его адвоката Лазаруса.

Высшие власти в Токио отлично понимали всю незаконность суда над летчиками эскадрильи Дулитла. Во-первых, отсутствовали какие-либо доказательства, кроме признаний подсудимых, вырванных под жестокими пытками. Во-вторых, «закон», положенный в основу обвинения, был лишен убедительной правовой базы. В-третьих, этому «закону» была придана обратная сила: налет на Токио, как известно, был совершен в апреле 1942 года, а пресловутый «закон» был издан лишь в июле того же года.

В этой связи любопытно одно из показаний на суде бывшего министра — хранителя печати Кидо: «Я помню, что император упрекал генерала Сугияма за то, что он предложил немедленно расстрелять этих летчиков» (речь идет о летчиках эскадрильи Дулитла. — *Авт.*).

Сугияма, в то время начальник японского генерального штаба, внося такое предложение, очевидно, руководствовался следующим: зачем издавать и публиковать приказ по этому поводу, проводить какую-то судебную процедуру? Иначе говоря, зачем оставлять следы в таком незаконном деле? Сугияма оказался прозорливым. Следы остались, и о них стало известно Трибуналу. Другое дело — немедленный расстрел без всяких допросов, без документов! Конечно, это тоже стало бы известно в Соединенных Штатах Америки. Зато такой решительный акт устрашил бы американских летчиков, пожалуй, больше, чем суд. Потом, после войны, попробуй разберись, кого, как и за что казнили!..

Сугияма умер до того, как начался Токийский процесс, и допросить его не удалось. Но Тодзио хорошо понял, что Трибунал именно так может расценить предложение Сугияма, и поэтому на суде энергично опровергал показания Кидо в этой части.

Между тем необходимо отметить, что если по делу летчиков эскадрильи Дулитла была соблюдена хотя бы видимость суда, то в дальнейшем в огромном большинстве случаев пленных летчиков казнили без всякого суда и следствия, по распоряжению тех офицеров, во власти которых они оказывались.

В заключительной речи американский обвинитель Горвиц обобщил результаты такой практики и обнажил ее корни:

— Этот «закон», как известно Трибуналу, предусматривал смертную казнь за бомбардировку, обстрел, а также какое-либо другое нападение на гражданские или военные объекты. Такая формулировка освобождала японцев от необходимости даже формального проведения суда, чем они и пользовались. Предлогом для назначения казни служило любое нападение на военные объекты. Без суда казни проводились на острове Бугенвиль, на острове Новая Британия, в Амбоине, на Целебесе, в Батавии, на Борнео и в Бирме. В этих местах в общей сложности без суда было казнено 56 летчиков союзных держав. Большая часть этих территорий — малонаселенные джунгли, где почти не было гражданских объектов. Кроме того, население этих стран дружески относилось к союзникам, и поэтому не имелось никаких оснований убивать или терроризировать население.

На Новой Гвинее офицер, издавший приказы о казни, признал, что он издал их потому, что американские самолеты бомбили территорию, где дислоцировалась его часть.

В декабре 1944 года трех американских летчиков, которые спустились на парашютах с самолета и участвовали в воздушной операции под Ханькоу, провели по улицам, неоднократно избивали, затем облили бензином и сожгли. На Филиппинах в марте 1945 года два американских летчика были обезглавлены на острове Себу.

В Сингапуре в период с мая по июль 1945 года, когда подсудимый Итагаки стал командующим 7-м фронтом, из тюрьмы «Оутрам Роуд» были взяты и казнены без суда 26 летчиков союзных держав (так выявился четвертый подсудимый по делу летчиков — Итагаки. — *Авт.*).

Но подлинно массовые убийства произошли в самой Японии в период июнь — август 1945 года, когда было казнено 112 летчиков, из которых 99 не прошли через

суд. Цель, которую, очевидно, преследовали японцы, заключалась в том, чтобы помешать летчикам выполнять свой воинский долг.

Приведенный Горвицем факт казни без суда 112 пленных летчиков был подтвержден, как, впрочем, и многие другие преступления, одним из свидетелей защиты Садао Симомура. Этого свидетеля вызвал Блэкни, чтобы доказать, что его подзащитный генерал Умэдзу, последний и единственный оставшийся в живых начальник японского генерального штаба армии, ничего не знал о зверствах. Самому Умэдзу этот свидетель, может быть, чем-нибудь и помог, зато обвинению в целом он оказал несомненную услугу. Вот что показал Симомура:

— Когда 15 августа 1945 года военный министр генерал Анами покончил жизнь самоубийством, заколовшись мечом, премьер-министр на некоторое время занял его пост, а 23 августа 1945 года назначил военным министром меня, и я вступил на эту должность в тот же день. Я узнал о казнях в июле — августе американских летчиков в самой Японии без суда и без вынесения приговора военно-полевым судом впервые только после моего назначения. Как военный министр, я посчитал своей обязанностью строго наказать тех, кто в этом виновен, и сообщил об этом начальнику генерального штаба армии генералу Умэдзу. Он был весьма удивлен тем, что я ему сказал, и согласился с моим мнением, заявив следующее: «До настоящего времени я ничего не знал об этих фактах. Даже если эти нарушения были результатом возмущения, вызванного бомбежками американских самолетов, то все равно казнить летчиков без суда было совершенно неправильно. И нет необходимости дожидаться инструкций союзных войск по этому вопросу, мы сами после расследования фактов должны вынести виновным строгое и справедливое наказание».

Допрос свидетеля ведет председатель Трибунала:

— Вы говорите, что, будучи военным министром, несли ответственность за то, чтобы все нарушители были строго наказаны. Как далеко распространяется ваша ответственность военного министра в отношении этих нарушений правил ведения войны?

Ответ: Поскольку я стал военным министром только после окончания войны, я считал своим долгом расследовать эти факты, происшедшие во время войны, и нака-

зать нарушителей теми средствами, которые имелись в моем распоряжении.

Вопрос: В действительности кто-нибудь понес наказание?

Ответ: В то время, когда я занимал этот пост, фактически не было вынесено ни одного приговора. Виновные не были наказаны.

Вопрос: Сколько времени вы были военным министром?

Ответ: С 23 августа по 30 ноября 1945 года.

Вопрос: Почему вы не добились наложения наказания в этот период?

Ответ: В этот период я уделил все свое внимание расследованию и до своей отставки не смог получить точного отчета о результатах этого расследования.

Вопрос: Судебное расследование было начато?

Ответ: Нет, в то время оно не начиналось.

Так японские милитаристы вели «расследования» и «наказывали» своих военных преступников, даже когда война кончилась для них безоговорочной капитуляцией.

В описательной части приговора военные преступления, совершенные японской военщиной против пленных летчиков, нашли надлежащее отражение: «18 апреля 1942 года, когда американские самолеты под командованием полковника Дулитла бомбили Токио и другие города Японии... начальник японского генерального штаба Сугияма потребовал смертной казни для всех летчиков, которые бомбили Японию, хотя до этого налета не существовало каких-либо законов или инструкций японского правительства, в соответствии с которыми могла бы быть применена смертная казнь. Премьер-министр Тодзио приказал издать инструкцию, имевшую обратную силу по отношению к моменту налета, что позволило вынести смертный приговор летчикам полковника Дулитла...

Так стала проводиться политика уничтожения союзных летчиков, попадавших в руки японцев. Она осуществлялась не только в Японии, но и на оккупированных территориях в течение остального периода тихоокеанской войны. До убийства захваченных в плен летчиков обычным явлением были голод и пытки. Чаще всего не соблюдалась даже проформа суда. Если до убийства проводился военно-полевой суд, то оказывалось, что этот суд был нарушением основ правосудия. На оккупированных терри-

ториях один из методов убийства заключался в том, что пленных летчиков обезглавливали японские офицеры».

Во втором томе приложений к приговору более детально изложены факты этих зверств уже в последние дни войны.

Пожалуй, хватит? Казалось бы, картина предельно ясна, и нет сомнений, что пленные союзные летчики стали объектом зверских военных преступлений. Доказано также, что японская авиация систематически и злостно нарушала обычаи и законы ведения войны. Выявлены и посажены на скамью подсудимых главные преступники, организаторы и вдохновители этого дела — Тодзио, Хата и Итагаки. Это подтверждено не только судебным следствием, но, как мы видели, и самим приговором в его описательной части, а также приложениями к приговору, где детализируются совершенные военные преступления.

И тут происходит нечто такое, что достойно особого внимания криминалистов своей беспрецедентностью. Признав в описательной части приговора преступления совершенными, назвав Тодзио их основным организатором и инициатором, а Хата и Итагаки его соучастниками, Трибунал тем не менее в приговоре, формулируя индивидуальную вину каждого подсудимого, обошел полным молчанием военные преступления, совершенные тремя подсудимыми против пленных американских летчиков.

Если, как мы видели, в приговоре хотя и необоснованно, но все же с приведением каких-то мотивов адмиралы Симада и Ока были оправданы по обвинению в военных преступлениях на море, то в вопросе о пленных летчиках и нарушениях японской авиацией законов и обычаев ведения войны подавляющее большинство судей, формулируя индивидуальную вину подсудимых, предпочли вообще отмолчаться.

Чтобы объяснить это молчание, необходимо напомнить о том, с чего мы начали эту главу: в данном эпизоде применение принципа «как и другой» нашло еще более яркое выражение, чем в вопросе о нарушениях законов ведения войны на море. В то же время и тут и там судьи в Токио полностью учитывали прецедент, созданный их коллегами в Нюрнберге. Мы уже приводили примеры разбойничьих налетов германской авиации на мирные города и села. Рассказали о том, как родился новый жуткий глагол «ковентрировать». И все же никто не осудил гит-

леровские преступные методы воздушной войны, никто не покарал конкретных виновников этих преступлений — ни Международный военный трибунал в Нюрнберге, ни национальные военные трибуналы западных держав. И случилось это потому, что на последнем этапе войны американская и английская авиация сама совершала массированные налеты, не вызывавшиеся никакой военной необходимостью, на такие крупные германские города, как Кельн, Дрезден, Нюрнберг.

Не оспаривал такой практики и главный американский обвинитель генерал Тельфорд Тейлор на так называемых «малых» нюрнбергских процессах, имевших место после 1946 года. Он мотивировал это тем, что «воздушная война велась с обеих сторон с величайшими нарушениями, и поэтому такое обвинение не включено ни в один из приговоров» (имеются в виду нюрнбергские приговоры. — *Авт.*).

Надо признать, что и в тихоокеанской войне американская авиация допустила ряд грубых нарушений законов и обычаев ведения воздушной войны при бомбардировках японских городов. Особенно тяжелым нарушением была атомная бомбардировка Хиросима и Нагасаки в канун капитуляции Японии.

Этими фактами, разумеется, не замедлили воспользоваться защитники на Токийском процессе. Еще в начале судебного следствия — 14 мая 1946 года — американский адвокат майор Блэкни, выступая от имени защиты в целом, сделал следующее заявление: «Если гибель адмирала Кидда при налете на Пёрл-Харбор является убийством, то мы знаем имя того человека, руками которого была сброшена атомная бомба над Хиросима, мы знаем начальника штаба, который составлял план этой операции. Мы знаем главнокомандующего ответственного за это государства».

Именно поэтому большинство судей, представлявших в Токио тогдашние страны англосаксонского блока, творя правосудие по соседству с Хиросима и Нагасаки, предпочли в приговоре обойти полным молчанием вопрос о преступных действиях японской авиации, совершенных во время бомбежек китайских городов, а также при нападении без объявления войны на военные и гражданские объекты в Пёрл-Харборе, Кота-Бару, Гонконге и других местах. Это было ярким проявлением принципа «как и

другой» в действии, ярким проявлением нежелания большинства судей развернуть дискуссию на зыбкой почве этого принципа...

В свете таких обстоятельств англосаксонское большинство судей предпочло даже оставить безнаказанными японских военных преступников, виновных в зверском уничтожении американских летчиков.

Нельзя не склонить головы перед трагической судьбой этих людей. Могли ли они думать, погибая, что после победы, ради которой они отдали жизнь, их соотечественники — американские адвокаты в военной форме — будут оправдывать на процессе их мучителей, что судьи, говорящие по-английски, не воздадут должное их убийцам!

Такой оппортунистический подход к оценке военных преступлений должен быть, конечно, подвергнут жесткой критике. Нельзя не согласиться с профессором А. И. Полтораком, который в уже цитированной нами работе, говоря об аналогичных решениях нюрнбергских судов и критикуя принцип «как и другой», приходит к правильному выводу, «что общепризнанным основам уголовного права глубоко чужд этот принцип, провозглашающий безнаказанность кого-либо за совершение преступления, если такое же преступление совершил другой. Уголовное право — это не имущественный спор между людьми, где возможны любые расчеты, перерасчеты и учет взаимных претензий».

Нам представляется, что своим приговором Международный военный трибунал для Дальнего Востока должен был дать решительный отпор попыткам защиты и в этом вопросе, попыткам создать в уголовном деле гражданско-правовую конструкцию «смешанной ответственности».

Факт уничтожения американских летчиков приводит к еще одному выводу: и в Нюрнберге, и в Токио защитники выставляли в качестве фундамента всех своих рассуждений два, так сказать, основополагающих аргумента, которые до сих пор находят признание и горячую поддержку в теоретических изысканиях реакционных буржуазных юристов.

Во-первых, заявляли адвокаты, до Устава Международного военного трибунала, утвержденного только после победы во второй мировой войне, международное право нигде ясно и недвусмысленно не устанавливало принцип

преступности агрессии и, следовательно, уголовной ответственности за нее. Поэтому победители, впервые провозгласив в Уставе новый закон, не могут применить его к главным военным немецким и японским преступникам, не придав ему обратной силы. Между тем придание обратной силы любому закону противоречит принципам цивилизованного правосудия. Во-вторых, утверждали защитники, в армии выполнение любого приказа исключает уголовную ответственность, исключает независимо от тяжести наступивших последствий, независимо от того, что лицо, выполняющее приказ, может занимать даже высший пост в военной иерархии.

Приговором Международного военного трибунала в Нюрнберге эти доводы защиты были полностью и обстоятельно опровергнуты. Токийский трибунал в своем приговоре присоединился к этому полностью. Не вдаваясь в подробности, мы считаем сейчас важным констатировать только наличие этих двух основополагающих принципиальных положений, выдвинутых защитой и в Нюрнберге, и в Токио. Почему? Да потому, что применительно к факту уничтожения пленных американских летчиков подсудимые и их защита на Токийском процессе считали оба эти принципа абсолютно несущественными.

Во-первых, летчики Дулитла совершили налет, как уже известно, 18 апреля 1942 года. «Закон» же, по которому их приговорили к смертной казни, был всего лишь простым административным предписанием и к тому же был издан три месяца спустя, в июле того же года. Таким образом, ему была придана обратная сила.

Во-вторых, казненные американские летчики тоже выполняли боевые приказы и при этом занимали весьма невысокие военные посты.

Так Тодзио и его присные требовали для себя на суде того, чего, находясь у власти, никогда не предоставляли другим.

После начала тихоокеанской войны огромные масштабы приобрели военные преступления, совершенные японскими вооруженными силами как на территориях оккупированных стран, так и в самой Японии. Объектом преступлений являлись военнопленные, а также гражданские лица, включая стариков, женщин, детей.

Характеризуя эти события, главный обвинитель Кинан в своей вступительной речи заявил:

— В течение четырех лет, с ноября 1941 вплоть до сентября 1945 года, эти обвиняемые навязывали войну на суше, на море и в воздухе, во всех ее безжалостных и ужасающих проявлениях, соседним с ними народам континентов и островов в районах Тихого и Индийского океанов, на территории, которая простиралась более чем на 10 тысяч миль с востока на запад и более чем на 5 тысяч миль с севера на юг.

Один из коллег Кинана подсчитал, что огонь тихоокеанской войны охватил, таким образом, четвертую часть земного шара.

Неудивительно в этих условиях, что союзные державы уже в первые недели войны обратились к Японии с запросом, собирается ли она выполнять положения Женевской конвенции 1929 года о гуманном обращении с военнопленными. Запрос был вызван тем, что хотя японские представители участвовали в выработке Женевской конвенции и даже подписали ее, однако вплоть до начала тихоокеанской войны Токио ее не ратифицировал.

По этому вопросу дает показания Трибуналу Сигэнори Того, тогдашний министр иностранных дел:

— Среди вопросов о войне стоит вопрос о военнопленных. Министерство иностранных дел стало этим заниматься с января 1942 года, когда через швейцарское правительство были получены ноты английского и американского правительств, в которых спрашивалось, собирается ли Япония следовать решениям Женевской конвенции 1929 года... Запросы, которые прислали Соединенные Штаты и Англия касательно Женевской конвенции, были переданы в военное министерство, уполномоченное решить вопрос. Наш ответ гласил, что мы выполним условия Женевской конвенции «с дальнейшими необходимыми изменениями». Хотя обвинение считает, что, дав такой ответ, Япония приняла обязательство выполнять решения Женевской конвенции в такой же степени, как если бы она ратифицировала ее, я утверждаю, что мы давали обещание придерживаться конвенции настолько, насколько это позволяли обстоятельства...

В то же время, хорошо зная, что на деле Япония не только не соблюдала положений Женевской конвенции, но и совершала бесчисленные военные преступления как

против безоружных военнопленных, так и против беспомощного гражданского населения, Сигэнори Того тут же стремится уменьшить собственную вину:

— Зная, какую высокую репутацию заслужила Япония своим гуманным отношением к военнопленным как во время русско-японской, так и во время первой мировой войн, я принял как должное, что эти прецеденты повторятся. Эта уверенность не оставляла меня и дальше, когда мы стали получать протесты союзных держав против плохого обращения с военнопленными. Именно это обусловило то, что я обращал мало внимания на протесты союзников... и, направляя их в военное министерство, не терял уверенности, что все меры будут приняты, дабы устранить недоразумения, если таковые существуют.

Я хочу подчеркнуть, что министерство иностранных дел получало протесты и запросы относительно военнопленных и отвечало на них не как организация, несущая за это ответственность, а только как передаточная инстанция. Ответы, которые посылались иностранным правительствам, не были в действительности составлены министерством иностранных дел. Обычно их передавало в министерство иностранных дел наше информационное бюро по делам военнопленных (бюро находилось при военном министерстве. — *Авт.*), однако министерство иностранных дел было единственным местом, куда могла приходить корреспонденция от иностранных правительств и откуда могли посылаться ответы.

Помнит подсудимый и о тех массовых зверствах, которые были совершены вооруженными силами и властями Японии именно в последние месяцы войны, когда он, Того, снова возглавил министерство иностранных дел. А помня об этом, он упорно стремится убедить судей в том, что он, министр иностранных дел, и его ведомство были только передаточной инстанцией, этаким почтовым отделением, куда поступали протесты и откуда уходили ответы на них. Того делает вид, что он не понимает, каковы были его подлинные обязанности... Ведь, став снова министром и попав под град протестов против зверств, Того имел только два выхода из создавшегося положения, разумеется, если бы сам он был честен: либо добиться немедленного прекращения зверств, либо, если он был бессилен это сделать, выйти в отставку в знак протеста.

Он не сделал ни первого, ни второго. И показания Того не в состоянии разорвать порочный круг, который он сам в свое время добровольно переступил:

— Весной и летом 1945 года, когда я вторично занял пост министра иностранных дел, положение японской армии на фронтах сильно ухудшилось... Вопрос о военнопленных являлся очень важным вопросом. По мере продвижения союзных войск в различных южных районах к нам стали поступать протесты относительно обращения японской армии с военнопленными и интернированными в этих районах. Поскольку в эти дни Япония подвергалась жестоким воздушным налетам, посланники нейтральных держав, представлявшие интересы воюющих с нами стран, переехали в Каруидзава, и связь с ними была сильно затруднена. Несмотря на это, по моим инструкциям министерство иностранных дел передало все протесты и запросы нашим компетентным властям и собрало от них составленные ответы. Таким образом, мы использовали все возможности, чтобы преодолеть возникшие трудности...

3 июня 1945 года, когда швейцарский посланник передал мне протест правительства Соединенных Штатов относительно зверств, которым подвергались американские военнопленные в Пуэрто-Принсеса, на острове Палаван, я лично обратил особое внимание военного министра Анами на этот вопрос и попросил его обеспечить честное и великодушное обращение с военнопленными. Он согласился. Несмотря на эти усилия, обстановка стала такой, что мы не могли дать удовлетворительного ответа на запросы союзных держав. Военные власти ссылались на поражения, в результате чего связь с войсками на фронте была сильно затруднена, часто не было возможности получить нужные сведения. Даже когда связь налаживалась, беспорядок, царивший в японских войсках, делал невозможным расследование этих фактов.

Надо было не расследовать факты бесспорных зверств, а дать из Токио категорический приказ войскам под страхом суровых наказаний строго соблюдать законы и обычаи ведения войны. Но все дело в том, что эти преступления являлись принятым японскими властями методом ведения войны.

Но вернемся к показаниям Сигэнори Того. В них среди моря лжи иногда неожиданно возникает островок правды:

— Возможно, что министерство иностранных дел предпринимало это («заботу» о военнопленных и интернированных лицах. — *Авт.*) в собственных интересах, потому что на территории воюющих с нами стран находились сотни тысяч наших подданных, за улучшение жизненных условий которых мы несли ответственность. Совершенно очевидно, что между этими двумя вопросами была тесная связь.

Вот, оказывается, почему в своих нотах Того нагло лгал, уверяя союзников в гуманности японских властей: в Токио боялись ответных репрессалий в отношении своих подданных, находившихся под юрисдикцией союзных держав. Того и его друзья по кабинету мерили всех на свой аршин. Однако подсудимый желает, чтобы обманутым в числе других считали и его самого:

— Что касается правдивости или лживости ответов, которые давали армия и в некоторых случаях военно-морской флот на запросы воюющих стран, то министерство иностранных дел не имело к этому никакого отношения.

Сбить Того с такой позиции оказалось для обвинения делом несложным, и с этим успешно справился в заключительной речи американский обвинитель Воут:

— Утверждения Того сводятся к следующему: он не нес ответственности за то, что торжественные заверения, данные им же от имени японского правительства союзным державам (речь идет о соблюдении Женевской конвенции 1929 года. — *Авт.*), постоянно нарушались. Если верить Того, то решение вопроса, действительно ли политика японского правительства находилась в прямом противоречии с его обязательствами по договорам, выходило за рамки функций министерства иностранных дел. Ложность таких утверждений очевидна. Будучи членом правительства, подсудимый нес ответственность за общую политику своего правительства, даже если он как министр иностранных дел и не имел какой-нибудь иной, непосредственной связи с этим вопросом...

Давая лживые ответы на протесты и запросы союзников, Того таким образом способствовал совершению преступлений, ныне ему инкриминируемых. Ответственность министерства иностранных дел по этому вопросу ясно изложена в экзибите, который содержит японскую инструкцию о создании нового бюро в самом министерстве иностранных дел. В ведение этого бюро передавались

все вопросы о японских подданных во вражеских странах и о подданных вражеских стран, оказавшихся в Японии. Правда, это бюро приступило к работе только 1 декабря 1942 года, однако до этого его обязанности выполнялись бюро договоров министерства иностранных дел...

Того также отказался выдать разрешение представителям третьих (нейтральных. — *Авт.*) держав на инспектирование лагерей для военнопленных и интернированных лиц на оккупированных территориях.

Так как в последние месяцы войны положение пленных все ухудшалось, то 14 июня 1945 года швейцарский посланник обратился в министерство иностранных дел с протестом, где в резких выражениях заявлял, что правительства союзных держав требуют ответа на свои неоднократные просьбы предоставить информацию о военнопленных и улучшить их жизненные условия. В этом протесте указывалось, в частности, что как министерство иностранных дел, так и посланник знают, что, может быть, никогда не было такого ужасного положения (военнопленных и интернированных лиц. — *Авт.*), как за последние шесть месяцев. Однако... швейцарский посланник так и не получил ответа, а потому не мог передать какие-либо сведения союзным державам.

Дальнейшие подробности нет необходимости излагать. Политика японского правительства не менялась вплоть до капитуляции. Подсудимый знал, что это была за политика, знал ее результаты. Он не сделал никаких попыток изменить эту политику, а, наоборот, принимал активное участие в ее проведении, одобряя ее и относясь к ней снисходительно.

Мы позволим себе добавить, что, как признал в приговоре Трибунал, именно в последние месяцы войны, когда министром иностранных дел был Сигэнори Того, японские милитаристы не только расширили масштабы зверств, но и еще более ужесточили методы допросов и пыток.

Тем более странным представляется решение Трибунала оправдать Того по обвинению «в преступном непринятии мер к обеспечению соблюдения правил обращения с военнопленными и интернированными гражданскими лицами или к прекращению военных преступлений, совершаемых в отношении военнопленных и гражданских интернированных лиц» (имеется в виду § 55 обвинительного заключения. — *Авт.*). Ведь, как было показано,

действия Того прямо подпадают под состав преступления, предусмотренный этим параграфом. Того был осужден к двадцати годам лишения свободы за участие в заговоре против мира, выразившемся в подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны против США, Великобритании и Голландии. Непоследовательность Трибунала в решении этого вопроса, как мы увидим, получила свое выражение еще и в том, что за совершение аналогичных действий коллега Того, министр иностранных дел с апреля 1943 года по апрель 1945 года Сигэмицу, был совершенно правильно осужден на основании того же § 55 обвинительного заключения. Другое дело, что мера наказания Сигэмицу, по совокупности содеянного, была, на наш взгляд, мягкой.

Поскольку защитные аргументы Сигэмицу в части военных преступлений были абсолютно аналогичны доводам Того, мы не приводим их. Ограничимся лишь опровержением этих доводов, которые содержатся (и это уже не удивит теперь читателя) в показаниях очередного свидетеля защиты Тадакацу Судзуки.

Судзуки вызвал для защиты Того и Сигэмицу адвокат Фернес. Свидетель начинает свои показания с того, что с апреля 1943 года по август 1945 года, когда министрами иностранных дел были сперва Сигэмицу, а потом Того, он, Судзуки, неизменно являлся начальником бюро по делам японских резидентов во вражеских странах, которое ведало вопросами защиты интересов японских резидентов в этих странах. И сразу характерная деталь: Судзуки приводит название своего бюро не полностью. На самом деле оно именовалось бюро по делам японских резидентов, проживающих во вражеских странах, и подданных вражеских стран, проживающих в Японии. И бюро это, как мы увидим из японских документов, имело целью защиту прав и интересов как тех, так и других. Однако оговорка Судзуки не случайна: видимо, в японском МИДе именно так односторонне понимали задачи названного бюро.

Затем, так же как и его бывшие патроны Того и Сигэмицу, свидетель стремится убедить Трибунал, что министерство иностранных дел было лишено активных прав в вопросе о военнопленных и интернированных лицах, а являлось лишь передаточной инстанцией: «Всякий раз, когда поступал запрос от какой-либо вражеской страны,

мое бюро немедленно передавало его соответствующим властям... Доклады в устной форме я часто делал на совещаниях представителей соответствующих министерств по вопросу защиты японских резидентов во вражеских странах. Такие совещания созывались в моем бюро два раза в месяц».

И тут из показаний свидетеля защиты ясно видно, насколько широк был круг японских правительственных чиновников, которых систематически и откровенно информировали о зверствах, творимых японскими вооруженными силами и должностными лицами: «На этих совещаниях присутствовали представители многих министерств: военного, военно-морского, иностранных дел, транспорта и связи, финансов и других. Военное и военно-морское министерства были представлены информбюро по делам военнопленных и бюро военно-морских дел. На этих совещаниях мы занимались вопросами охраны интересов японских резидентов, но, касаясь этого вопроса, я попутно затрагивал и вопросы о военнопленных. После совещания мои подчиненные и я беседовали с глазу на глаз с представителями соответствующих властей».

Нет сомнения, что во время этих интимных бесед обе стороны выкладывали на стол правду, страшную правду о чинимых зверствах. Таким образом, существенную лепту в дело обвинения внес еще один свидетель защиты.

«Министерство иностранных дел прилагало все усилия к тому, чтобы улучшить обращение с военнопленными,— продолжал Судзуки. — Могу привести следующий пример. Когда в феврале 1944 года от правительства США был получен пространный протест, известный ныне Трибуналу, министр иностранных дел Сигэмицу лично посетил военного министра (подсудимый Тодзио тогда занимал посты премьера и военного министра. — *Авт.*) и приказал мне добиться (значит, у министерства иностранных дел были и активные права и возможность их реализации! — *Авт.*), чтобы обращение с военнопленными было улучшено... ускорено решение вопроса о посещении лагерей представителями нейтральных стран, которые уже неоднократно об этом просили, но не добились никаких результатов... Господин Сигэмицу приказал нам использовать для информации и вражеские источники, даже если они не были основаны на официальных протестах».

Авторитетное свидетельство Тадакацу Судзуки пока-

вывает, что японское правительство и Высший военный совет хорошо знали, что творится в лагерях военнопленных и интернированных лиц, но не хотели что-либо предпринять, так как это был метод ведения агрессивной войны: «Примерно в апреле или мае 1944 года господин Сигэмицу предлагал кабинету министров создать нечто вроде комитета по международному праву и обычаям, который обсуждал бы вопросы о военнопленных. Доктор Тадао Ямакава, бывший начальник бюро договоров и специалист по международному праву, и я под руководством Сигэмицу работали над этим планом. Этот план предусматривал создание под юрисдикцией премьер-министра комитета, который бы изучал вопросы, связанные с военнопленными. Однако этот план не был реализован, так как административные вопросы о военнопленных находились в ведении армии. Кроме того, в октябре 1944 года Сигэмицу поднял вопрос о военнопленных на заседании Высшего военного совета. На этом заседании он указал, что, как стало известно из информации, полученной из вражеских источников, обращение японцев с военнопленными оставляет желать много лучшего. Он заявил далее... что ответственным лицам соответствующими властями должны быть даны указания полностью изучить этот вопрос. В состав Высшего военного совета входили: премьер-министр, министры военный, военно-морской и иностранных дел, начальники генеральных штабов армии и военно-морского флота. Офицер связи при информбюро по делам военнопленных (информбюро входило в состав военного министерства. — *Авт.*) сообщил мне, что это бюро отправляло своих сотрудников в лагеря для военнопленных и поручало им произвести расследование по вопросу об обращении с военнопленными».

Значит, господа из военного и военно-морского министерств и Высшего военного совета, в состав которого входили начальники генеральных штабов армии и военно-морского флота, слышали и знали о зверствах не только из нот, протестов и радиопередач союзных держав, но и сами имели возможность убедиться на местах в масштабах и изощренности этих зверств, убедиться в ходе проверок, о которых показал свидетель защиты Судзуки. Однако ничего не изменилось. Еще десять месяцев шла война, а зверства все продолжались, нарастая, пока не достигли апогея в апреле — августе 1945 года.

На трибуне — обвинитель полковник Морнэн. Он приступает к перекрестному допросу Судзуки.

Вопрос: Вы заявляли в своем аффидевите, что Сигэмицу дал распоряжение использовать материалы, полученные из вражеских источников, для улучшения обращения с военнопленными?

Ответ: Да, я писал это.

Вопрос: Какие это были источники? Радиопередачи противника входили в них?

Ответ: Да, входили. В течение войны мы слушали передачи из-за границы в МИДе... Коротковолновые передачи. Их слушали не только в нашем министерстве, но также и в военном, и военно-морском.

Вопрос: Министерство иностранных дел распределяло записи этих передач среди других министерств?

Ответ: Да...

Вопрос: А знали ли вы, что Женевская конвенция 1929 года предусматривала право держав-протекторов * посещать лагеря для военнопленных?

Ответ: Да, я знал это очень хорошо...

Вопрос: Обсуждал ли когда-нибудь господин Сигэмицу вопрос о положении военнопленных с подсудимым Тодзио?

Ответ: Министр иностранных дел Сигэмицу разговаривал об этом с министром Тодзио, я слышал об этом от самого Сигэмицу...

А вот Тодзио, когда его попросят занять свидетельское место, будет уверять, и мы убедимся в этом, что он якобы ничего не знал о зверствах, хотя его лично информировал об этом Сигэмицу, а положение на местах, по свидетельству Судзуки, проверялось офицерами из аппарата военного министерства, которым ведал тот же Тодзио.

Пришла очередь обвинения сказать свое слово. Обвинение против Сигэмицу поддерживал один из авторов книги — Л. Н. Смирнов. Он доказывал, что действия подсудимого «устанавливают соучастие Сигэмицу в совершении преступлений против законов и обычаев ведения войны. В частности, он способствовал зверскому обращению с военнопленными в японских лагерях для военнопленных

* Страны из числа нейтралов, которые представляли в Токио интересы воюющих государств.— *Прим. авт.*

и сознательно вводил в обман протектирующие державы».

Чтобы обосновать этот тезис, обвинитель прежде всего обращается к японским документам:

— Ответственность министра иностранных дел Сигэмицу за обращение с военнопленными вытекает из императорского указа об организации министерства иностранных дел и из положения о создании бюро по делам японских резидентов, проживающих во вражеских странах, и подданных вражеских стран, проживающих в Японии. При этом статья восьмая императорского указа предусматривала также, что подчиненное министру бюро договоров и конвенций... ведает вопросами, имеющими отношение к договорам и конвенциям, и вопросами международного права и соглашений.

Далее обвинитель анализирует «положение», на основании которого было создано бюро по делам японских резидентов во вражеских странах и подданных вражеских стран, проживающих в Японии. Он цитирует статью третью этого положения. В ней ясно и недвусмысленно формулируется круг обязанностей министра иностранных дел в отношении военнопленных и интернированных лиц. Оказывается, в компетенцию этого бюро входили все «вопросы, касающиеся интернированных иностранных подданных, военнопленных и лиц, находящихся под юрисдикцией Японии», а также «контроль за проведением мероприятий, связанных с обращением с вышеупомянутыми подданными противника (одежда, питание, жилые помещения, запросы и ответы о безопасном существовании этих лиц, сообщение списка их имен, назначение времени для посещения лагерей уполномоченными стран, принявших на себя защиту интересов противника, и делегациями Международного Красного Креста). К вышеперечисленным функциям относится также обязанность отвечать на предложения, исходящие из вражеских стран и других источников».

Таким образом, согласно японскому закону, на министерство иностранных дел прямо возлагался активный контроль за условиями жизни, питания и безопасности военнопленных и гражданских интернированных лиц и за соответствием этих условий международным договорам и соглашениям. Сигэмицу, так же как и Того, категорически это отрицал. Оба они всячески старались убедить Трибу-

нал, что МИД Японии в этих вопросах был наделен лишь функциями передаточной инстанции, а все остальное являлось прерогативой только министерств — военного, военно-морского и внутренних дел.

Документально опровергнув утверждения Того и Сигэмицу, Л. Н. Смирнов продолжал:

— Будучи министром иностранных дел, Сигэмицу не мог не знать о бесчеловечном обращении с военнопленными в японских лагерях. — Обвинитель приводит документы, подтверждающие этот факт: — Так, 5 апреля 1943 года японский МИД получил ноту правительства США, в которой содержалось предупреждение, что Соединенные Штаты накажут японских военнослужащих и чиновников, которые ответственны за плохое обращение с американскими военнопленными и за зверства, совершенные в отношении их. Швейцарское правительство неоднократно обращало внимание японского министерства иностранных дел на факты бесчеловечного обращения с союзными военнопленными в лагерях как в самой Японии, так и на оккупированных территориях и просило разрешения на посещение лагерей...

Сигэмицу не мог не знать, что в конце января 1944 года Корделл Хэлл от имени США и господин Иден от имени Великобритании выступили с публичными заявлениями, передававшимися по радио, в которых излагались факты плохого обращения с военнопленными со стороны японской администрации.

Следует подчеркнуть, что все заявления такого рода принимались радиостанцией японского МИДа, что подтвердили и Того, и Сигэмицу, и свидетель защиты Судзуки.

По этому же поводу, — продолжает обвинитель,— было сделано предупреждение верховного главнокомандующего союзных держав, адресованное японским руководителям, в октябре 1944 года. На все эти сообщения... Сигэмицу неизменно отвечал пустыми отписками, содержащими ложную информацию, и отказами дать разрешение посетить лагеря.

Далее Л. Н. Смирнов приводит дополнительно многочисленные примеры таких отписок и отказов. Он подчеркивает, что в период «между 25 апреля 1944 года и 19 марта 1945 года швейцарская миссия от имени Великобритании представила большое количество протестов против зверского обращения с военнопленными во время их

переброски в район Бирма — Таиланд, а также в лагерях Рангуна и других районах Бирмы. В своих ответах Сигэмицу отрицал, что подобные факты вообще имели место».

И тут Л. Н. Смирнов наглядно уличает Сигэмицу в неуклюжей попытке скрыть истину:

— Лживость этих утверждений подсудимого с бесспорностью доказывается показаниями свидетеля защиты генерал-лейтенанта Вакамацу и специальным докладом японскому правительству о положении в лагерях, составленным после капитуляции. Все это свидетельствует, что в свое время в распоряжении японского правительства имелась достаточная информация по этому поводу. Наконец, в показаниях полковника Котса и полковника Уайльда, содержавшихся во время войны в этих лагерях, подробно охарактеризован режим физического уничтожения пленных, который там господствовал.

Полковники Уайльд и Котс, захваченные в плен, содержались в японских лагерях в Бирме и Таиланде. Они были выбраны представителями интересов военнопленных перед японской администрацией. Уайльд и Котс неоднократно сами подвергались издевательствам, а иногда и пыткам, мужественно отстаивая интересы своих оказавшихся в плену соотечественников. Их показания и перекрестный допрос, занявший десятки страниц стенограммы, восстанавливают потрясающую картину зверств, которые чинили японские милитаристы в этих лагерях. Допрос Уайльда и Котса показал также, что сами они люди высокого чувства долга, мужественные и волевые офицеры.

Обвинитель подчеркивает, что «Сигэмицу неоднократно отрицал факты нападения японских подводных лодок на тех, кто спасся с потопленных торговых судов союзных стран... Однако, доказательства, представленные обвинением, свидетельствуют о лживости заявлений Сигэмицу».

Заканчивая свою речь, Л. Н. Смирнов сказал:

— Пытаясь опровергнуть обвинение в отношении Сигэмицу, защита выставила свидетеля бывшего начальника бюро по делам японских резидентов во вражеских странах и подданных вражеских стран, проживающих в Японии, Тадакацу Судзуки. О чем говорят показания Судзуки? Он подтвердил, что Сигэмицу знал о протестах протектирующих держав... Сигэмицу систематически откло-

нял просьбы протектирующих держав дать разрешение посетить лагеря военнопленных.

Таким образом, эти показания лишь подтвердили виновность Сигэмицу.

Что же противопоставил этим неопровержимым уликам адвокат Фернес, который осуществлял защиту Сигэмицу и Того?

Прежде всего защита попыталась найти точку опоры в паутине хитросплетений квази-юридического характера. Фернес утверждал, что уже известный читателю § 55 обвинительного акта «не содержит ни одного из составов преступлений, предусмотренных Уставом Трибунала».

Между тем этот пункт был сознательно введен в обвинительный акт, с учетом специфики Токийского процесса: как уже известно читателю, японские власти успели сжечь почти всю документацию, которая могла уличить их в том, что военные преступления совершались не только с их ведома, но и по прямому указанию.

В то же время обвинение располагало неоспоримыми уликами, что японское правительство на протяжении всей войны хорошо и в деталях знало о зверствах, творимых военщиной. Зная все это, токийские лидеры палец о палец не ударили, чтобы положить предел зверствам. И проявили, таким образом, страшное по своим последствиям пренебрежение служебным долгом и непосредственными обязанностями.

Именно такую бездеятельность допускали и Сигэмицу, и Того, будучи министрами иностранных дел. Однако Фернес утверждал, что лишь прямые активные действия обвиняемых могут образовать состав военных преступлений. Здесь же «только пренебрежение своими обязанностями». Иначе говоря, халатность, которая, по мнению адвоката, согласно Уставу якобы не составляет военного преступления.

Но ведь в национальном праве всех цивилизованных стран известна уголовная ответственность за преступную халатность в различных формах, если эта халатность, или, иначе говоря, пренебрежение своим долгом и обязанностями, вызывает тяжкие последствия. Здесь же пренебрежение Сигэмицу и Того своим долгом и своими обязанностями способствовало гибели сотен тысяч ни в чем не повинных людей. Почему же такой состав преступления не мог иметь места и в международном праве?

И все же Фернес частично добился успеха: оправдав Сигэмицу по обвинению в заговоре против мира, Трибунал осудил его за участие в ведении агрессивных войн и за пренебрежение своими обязанностями в отношении военнопленных и интернированных лиц по § 55 обвинительного акта, определив при этом весьма мягкую меру наказания — всего семь лет лишения свободы.

Вот как малоубедительно, на наш взгляд, это сформулировано в приговоре: «...В период с апреля 1943 года до апреля 1945 года, когда Сигэмицу был министром иностранных дел, протектирующие державы подавали в японское министерство иностранных дел протест за протестом, которые они получали от союзников...

Нельзя читать длительную переписку между японским министерством иностранных дел и главными протектирующими державами, не заподозрив, что в основе того, что японская военщина не снабжала свое министерство иностранных дел удовлетворительными ответами на эти протесты, лежал злой умысел... Все ответы, без исключения, содержали отрицание того, что было основанием протеста... Отказ военщины разрешать инспектирование лагерей, ее отказ разрешить представителям держав-протекторов беседовать с пленными без присутствия японских свидетелей, а также непредоставление подробных сведений о пленных, находящихся в руках японцев, показывают, что у военщины было что скрывать.

Мы не совершим несправедливости по отношению к Сигэмицу, если будем считать, что обстоятельства в том виде, в котором они были известны ему, заставили его подозревать, что обращение с пленными не было таким, каким ему надлежало быть. Действительно, один свидетель, вызванный Сигэмицу, давал такие показания (речь идет о Тадакацу Судзуки.— *Авт.*). После этого Сигэмицу не принял никаких надлежащих шагов для того, чтобы было проведено расследование, хотя он в качестве члена правительства нес главную ответственность за надлежащее содержание пленных. Он должен был настаивать на этом расследовании и в случае необходимости даже уйти в отставку... Трибунал признает Сигэмицу виновным по § 55...

В вопросе о военных преступлениях в качестве смягчающих обстоятельств мы учитываем, что, когда Сигэмицу был министром иностранных дел, военщина полно-

стью контролировала Японию... и чтобы обуздать ее от всякого японца, требовалась большая решимость».

Вскоре Сигэмицу был освобожден. В начале пятидесятых годов, в разгар «холодной войны», он снова пришелся ко двору и на некоторое время вновь уселся в хорошо знакомое кресло министра иностранных дел Японии.

Читатель не раз убеждался, что ложь, коварство, обман были признанным методом действий дипломатии милитаристской Японии. Эти же средства служили токийским дипломатам тех лет для способствования совершению военных преступлений и сокрытию следов. Мы знаем, что японское правительство обязалось соблюдать Женевскую конвенцию «с изменениями» (мутатис мутандис).

Международный трибунал полностью вскрыл, что таилось за такого рода шахматным ходом японского правительства. Суть заключалась в том — и это выявилось, как известно, уже в ходе допроса Того, — что к началу войны в странах, подвергшихся нападению Японии, оказались сотни тысяч японских подданных, а чем дальше шла война, тем больше росло количество японских военнопленных, захваченных войсками союзников. Стремление защитить этих людей, оградить их права — вот что было решающим в коварном и лживом согласии Японии соблюдать Женевскую конвенцию.

Оценивая все это, Трибунал подчеркнул в приговоре, что обещание Тодзио соблюдать Гаагскую и Женевскую конвенции может быть правильно понято только «в свете его заявления, сделанного на совещании исследовательского комитета Тайного совета 18 августа 1943 года. Он тогда сказал: «...Международное право должно рассматриваться с точки зрения ведения войны и согласно нашим собственным взглядам». Приговор указывает, что именно «эта идея являлась основанием, на котором строилась политика японского правительства в обращении с военнопленными и гражданскими интернированными лицами».

Защита была настолько поколеблена и дезорганизована фактами бесчисленных зверств, фигурировавшими на процессе, что предпочла просто обойти собранные доказательства молчанием, не подвергая перекрестному допросу свидетелей обвинения и уклоняясь от анализа соответствующих документальных доказательств. Адвокаты вступали в бой только в тех редких случаях, когда, как они считали, оставалась хоть тень надежды оспорить от-

дельные обвинения или подвергнуть сомнению непосредственную ответственность своих клиентов. Так, например, страшное истощение на почве голода и гибель множества военнопленных, оставление их без медицинской помощи защита пыталась объяснить поражениями японской армии. Трибунал в приговоре дал решительный отпор таким попыткам:

«Защита... утверждала, что недостаточное количество продовольствия и медикаментов во многих случаях объяснялось дезорганизацией и недостатком транспорта, явившихся результатом наступательных действий союзников. Какое бы значение ни имел этот аргумент в своем узком толковании, он теряет всякую силу перед лицом доказательств, что союзные державы предлагали японскому правительству послать для военнопленных и интернированных лиц необходимое продовольствие и одежду. Однако это предложение было отвергнуто японским правительством».

Обвинение доказало и Трибунал в приговоре согласился, что совершенные милитаристской Японией преступления в отношении военнопленных и интернированных гражданских лиц явились результатом определенной правительственной политики, а не следствием эксцессов, хотя бы и массовых, со стороны отдельных лиц или групп:

«Доказательства, относящиеся к зверствам и другим преступлениям против законов и обычаев ведения войны, представленные Трибуналу, устанавливают, что с начала войны в Китае до капитуляции Японии в августе 1945 года пытки, убийства, изнасилования и другие акты жестокости самого бесчеловечного и зверского характера широко практиковались японской армией и флотом. В течение нескольких месяцев Трибунал принимал устные и письменные показания свидетелей, которые подробно сообщали о зверствах, совершенных на всех театрах войны в широком масштабе и тем не менее по одному и тому же образцу. Из этого можно сделать только один вывод, а именно: эти зверства совершались либо по секретному приказанию, либо с разрешения японского правительства или отдельных его членов и руководителей вооруженных сил».

Распоряжения высших японских властей об уничтожении опасной для них документации позволили Трибуналу прийти в приговоре к правильному выводу: «Эти

распоряжения подтверждают, что японское правительство было хорошо осведомлено о том, каково было действительное обращение с военнопленными, разрешало и прощало такое обращение, поскольку это отвечало его политике».

Да, эти приказы о сожжении документации — убедительное свидетельство нечистой совести их авторов.

Но может быть, токийская верхушка сохранила какие-нибудь документы о соблюдении Гаагской и Женевской конвенций, адресованные своим подчиненным? Их-то ведь сжигать было не только бессмысленно, но и вредно, так как всем тогда уже было ясно, что суд неминуем. Такие доказательства оказались бы весьма полезными и нужными защите! Но ни одного подобного документа адвокаты не смогли положить на судейский стол.

Зато обвинение, даже в таких трудных условиях, с помощью союзного командования сумело раздобыть и представить суду весомые улики. Некоторые нам уже знакомы, другие заслуживают того, чтобы о них рассказать. Например, японские приказы о массовых убийствах филиппинцев, изданные начальником береговой обороны в Маниле и датированные декабрем 1944 года, а также январем и февралем 1945 года. Вот один из них: «Будьте осторожны, чтобы не совершить ошибок во время взрывов и пожаров, когда вторгнется противник. При убийстве филиппинцев собирайте их вместе, по возможности в один пункт: таким образом вы сэкономите боеприпасы и свой труд».

Свыше ста тысяч ни в чем не повинных филиппинцев погибли в результате подобных акций.

В руках обвинения дополнительное доказательство, ясно показывающее, как Тодзио и компания понимали соблюдение Женевской конвенции «с необходимыми изменениями». В лагере на Формозе был захвачен документ, содержавший указание начальника штаба 11-го отряда военной полиции в укрепленном районе Цзилун относительно «крайних мер», применимых к военнопленным. В нем подробно описывался метод осуществления таких «крайних мер»: «Они (военнопленные. — *Авт.*) уничтожаются либо поодиночке, либо группами путем бомбежки, отравления ядовитыми дымами, ядами, утопления, обезглавливания или уничтожения другими средствами, в зависимости от обстановки. Во всяком случае, этим пресле-

дуется цель не дать ни единому человеку возможности спастись. Уничтожайте их всех до единого и не оставляйте никаких следов». Этот «рецепт», между прочим, рекомендовался во всех случаях, «когда побеги пленных из лагеря могли привести к созданию враждебных боевых отрядов».

Придет время, и Трибунал в приговоре сочтет нужным полностью воспроизвести этот документ как весьма важную улику, тем более что все подобные директивы находили рьяных исполнителей среди японских военнослужащих.

Все это свидетельствует о том, что и в последние месяцы войны, когда неотвратимо надвигалось поражение, ярость японских милитаристов не только не спадала, а, наоборот, нарастала. Так, 11 марта 1945 года заместитель военного министра Сибаяма издал общий приказ, в котором говорилось: «Ниже излагаются методы обращения с военнопленными в том случае, если обстановка станет напряженной и если военные действия начнутся в метрополии, в Маньчжурии и других районах. Мы надеемся, что вы будете следовать этому приказу и не допустите никаких ошибок». К приказу был приложен краткий перечень таких «методов». В частности, в разделе «Политика» указывалось: «Прилагайте все меры к тому, чтобы военнопленные не попали в руки противника... переводите военнопленных в другие места заключения, если это необходимо».

А если такое перемещение было невозможно? Что же тогда? Тогда пленных просто уничтожали, как это предписано в приведенном выше документе, захваченном союзными войсками на Формозе. Разумеется, начальники лагерей принимали «все меры», чтобы военнопленные не были освобождены наступавшими войсками союзных держав и не допускали «никаких ошибок». В числе таких мер было не только массовое уничтожение пленных, но и получившие печальную известность на Токийском процессе «марши смерти», когда пленных перегоняли с места на место в таких условиях, что большинство гибло в пути.

В качестве примера в приговоре приводится «батаанский марш смерти»: «...Неизвестно точно, сколько человек умерло во время этой переброски из Батаана в лагерь О'Доннелл. Доказательства содержат указание, что умерло примерно 8 тысяч американских и филиппинских военно-

пленных. Как свидетельствуют доказательства, в лагере О'Доннелл с апреля по декабрь 1942 года умерло не менее 27 тысяч американцев и филиппинцев».

Следовательно, те, кто прошли «батаанским маршем» и остались в живых, были в таком состоянии, что не пережили его последствий. Но может быть, такое страшное испытание было лишь преступной импровизацией местного военного командования? Ведь то, о чем рассказано выше, случилось за три года до издания приказа Сибаяма... Нет, это была не импровизация. Показания самого Тодзио опровергают подобную версию, и приговор отмечает:

«Тодзио признал, что слышал об этом марше в 1942 году из многих источников. Он показал, что, по полученным им сведениям, военнопленных заставили во время жары пройти пешком большое расстояние, и многие умерли во время этого «марша». Признал также, что был получен протест правительства Соединенных Штатов против незаконного обращения с этими военнопленными. Этот протест обсуждался на совещаниях начальников бюро военного министерства, созывавшихся раз в две недели, вскоре после того, как имел место этот «марш смерти». Однако он оставил решение вопроса на усмотрение начальников бюро».

В ходе перекрестного допроса Тодзио дал весьма своеобразное объяснение своему преступному бездействию: «Согласно японским обычаям, командующий действующими экспедиционными войсками, выполняющий определенные задачи, не был ограничен конкретными приказами из Токио, а обладал значительной самостоятельностью». Очевидно, под «значительной самостоятельностью» командующего экспедиционными войсками Тодзио в данном случае понимал также и «право» совершать тяжкие военные преступления. Ведь, как установлено на суде, пленных, доведенных до полного истощения, во время «марша» били, закалывали штыками и расстреливали.

И приговор приходит к единственно правильному выводу: «Это может только означать, что, согласно японскому методу ведения войны, подобные зверства предполагались или, по меньшей мере, разрешались и что правительство не заботилось о том, чтобы предотвратить их».

Были и другие «марши смерти», менее значительные по масштабам, но столь же драматические для их участ-

ников. Например, «марш» в Сандакан-Бруней на Борнео (ныне Калимантан), после которого из двух тысяч военнопленных в живых осталось только шесть.

И Трибунал в приговоре дал общую оценку тем условиям, в которых проходили эти «марши смерти», а также условиям содержания пленных в лагерях: «...Военнопленных, включая больных, вынуждали проходить большие расстояния в условиях, которые не могли бы вынести даже хорошо натренированные войска; многих военнопленных, которые отставали, конвоиры пристреливали или закалывали штыками. Принудительный труд в тропической жаре, без защиты от солнца, полное отсутствие жилищ и медикаментов... вызывало тысячи смертных случаев... Избиения и пытки всех видов... убийства без суда пойманных военнопленных — все это только часть военных преступлений, о которых свидетельствуют доказательства, представленные Трибуналу».

Международный закон и Женевская конвенция рассматривают побег пленного из лагеря как его неотъемлемое право. Ведь это проявление патриотических чувств, желание продолжать выполнение воинского долга в рядах армии своего государства. Это, наконец, один из видов законного сопротивления врагу в условиях плена. Но Тодзио по-своему истолковал право пленных на побег. И вот обвинение предъявляет инструкцию военного министерства от 9 марта 1943 года, где содержится следующее предписание: «Руководитель группы лиц, которые действовали совместно при осуществлении побега, подлежит смертной казни или каторжным работам... Другие лица, участвовавшие в побеге, подлежат или смертной казни, или каторжным работам...»

И приговор неоспоримо констатирует: «Эти инструкции являлись прямым нарушением международного права и противоречили конвенции, которую Япония обещала применять».

Согласно международному праву, военнопленные могут использоваться только на работах, никак не связанных с ведением войны, и лишь с их согласия. Но ведь для Тодзио международное право и конвенция обязательны только в той мере, в какой они соответствуют интересам Японии. И вот 25 июня 1942 года Тодзио рассылает инструкцию вновь назначенным начальникам лагерей для военнопленных: «В Японии мы имеем свою собственную

точку зрения относительно военнопленных, которая, естественно, делает обращение с ними более или менее отличающимся от обращения с военнопленными в Европе и Америке... Вы не должны допускать, чтобы они хотя бы один день сидели сложа руки и даром ели хлеб. Их труд и технический опыт должны быть полностью использованы для увеличения выпуска продукции. Они должны внести свой вклад в дело ведения войны за великую Восточную Азию. И для этого должны быть приложены все усилия».

Приговор подчеркивает, что в нарушение международного закона и конвенции применялись «постоянные побои и непосильный труд больных и раненых военнопленных, страдавших от недоедания. Их заставляли работать на военных предприятиях до тех пор, пока они не умирали от болезней, недоедания и истощения».

Среди военных преступлений, санкционированных на высшем уровне власти, стоит строительство дороги Бирма — Таиланд. На Токийском процессе это строительство стало печально знаменито — тысячи военнопленных легли костьми вдоль полотна этой дороги, а тысячи навсегда стали инвалидами. Документально доказано, что заведомо незаконное решение строить военную дорогу Бирма — Таиланд руками пленных и без должной материальной базы было вынесено в 1942 году императорской ставкой, куда тогда входили начальник генерального штаба армии генерал Сугияма (умер до начала процесса), начальник генерального штаба военно-морского флота адмирал Нагано (умер в начале процесса), а также военно-морской министр Симада и военный министр Тодзио.

На свидетельском месте Хидэки Тодзио. Его показания на процессе утомительно длинны. Однако по ряду эпизодов он предпочитает краткость. Его ответы на вопросы, связанные со строительством дороги Бирма — Таиланд, — один из примеров такого лаконизма. Там, где улики образуют замкнутый круг, там, где прямое участие Тодзио в военных преступлениях доказано неопровержимо или налицо следы его преступной халатности, он предпочитает простое перечисление установленных фактов. Так было и с его показаниями по поводу строительства этой дороги: «...Железная дорога была обследована и построена по предложению генерального штаба армии. В качестве военного министра я обсуждал этот вопрос и согласился на

предложение генерального штаба. Линия железной дороги проходила на далеком расстоянии от фронта, где не велись военные операции, а потому строительные работы не могли быть причислены к работам, связанным с военными действиями, в которых согласно Гаагской и Женевской конвенциям не могли быть использованы военнопленные».

Здесь Тодзио рядится в тогу святой наивности: достаточно посмотреть на карту, чтобы убедиться — это железная дорога стратегического значения, соединяющая в труднопроходимом районе джунглей Бирму с Таиландом. Японцы строили ее руками пленных. Когда шло наступление, эта территория была у них в тылу. Но строили дорогу не для мирного экономического развития захваченных земель, а как одну из артерий, снабжавших армию в этом районе, отличающемся полным бездорожьем. Впоследствии железнодорожная магистраль пригодилась как в период перехода к обороне, так и во время отступления. Так что напрасно Тодзио пытался темнить: факт привлечения пленных к этой работе являлся грубейшим нарушением Гаагской и Женевской конвенций.

Однако указанный факт бледнеет перед всем дальнейшим, и Тодзио сквозь зубы вынужден признать: «Непосредственно строительством железной дороги руководил начальник генерального штаба армии, однако я, будучи военным министром, нес ответственность за административные вопросы как начальник всех лагерей для военнопленных. Когда в мае 1943 года мне сообщили о плохих санитарных условиях и плохом обращении с военнопленными, я послал для расследования начальника контрольного отдела по делам военнопленных генерала Хамада и нескольких врачей. Командир роты, который несправедливо обращался с военнопленными, был предан военному суду. Я также освободил от должности начальника строительства железной дороги...»

Как был наказан командир роты, Тодзио предпочитает умолчать. Очевидно, мера наказания по сравнению с содеянным была ничтожной. Что же касается начальника строительства, непосредственного виновника всего происшедшего, то он был только отстранен от должности.

И только тогда, когда Тодзио попал под огонь перекрестного допроса, когда заговорили свидетели, потрясающая картина строительства дороги Бирма — Таиланд

встала перед судом во всех своих жутких деталях. Это и отметил в своей заключительной речи обвинитель Фиксель. Он подчеркнул, что Тодзио в своих показаниях относительно строительства железной дороги Бирма — Таиланд подтвердил, что в мае 1943 года, когда ему сообщили об ухудшении там санитарных условий и обращения с военнопленными, он направил туда из бюро медицинского обслуживания несколько экспертов-хирургов во главе с начальником отдела по контролю над военнопленными генералом Хамада...

Во время допроса 25 марта 1946 года Тодзио признал, что он и его помощники неоднократно проводили многочисленные расследования по поводу плохого обращения с военнопленными на железной дороге Бирма — Таиланд.

На основе этих фактов Фиксель справедливо оценивает решающую роль Тодзио в совершенных военных преступлениях.

Впрочем, отъявленного лицемера Тодзио речами пронять было трудно. Ведь это он на одном из допросов заявил: «Мы даже не подозревали о том, что могли твориться такие вещи... подобное поведение недопустимо в Японии, характер японского народа таков, что он верит: ни небо, ни земля не потерпят совершения таких преступлений».

Подлинная оценка роли «ничего не подозревавшего» Тодзио дана в приговоре: «31 марта 1942 года было опубликовано «Положение об обращении с военнопленными», которым создавался административный отдел по делам военнопленных внутри бюро военных дел военного министерства под руководством и контролем Тодзио как военного министра. Тодзио осуществлял этот контроль и руководство через Муто, начальника бюро военных дел...

Начальники лагерей должны были представлять ежемесячно доклады в административный отдел по делам военнопленных при бюро военных дел военного министерства. Эти доклады содержали статистические данные относительно высокой смертности в лагерях... Тодзио признал, что этому вопросу он уделял особое внимание».

И на этих же совещаниях в присутствии Тодзио обсуждались многочисленные протесты союзных держав.

Разумеется, о совершаемых военных преступлениях знали не только Тодзио, Того, Сигэмицу, Кимура, Симада и Ока, об этом знала вся токийская правящая клика.

Обвинение обращает внимание Трибунала на то, что в дневнике бывшего министра — хранителя печати Кидо, принятом как документ обвинения, имеется следующая запись, датированная 29 марта 1942 года: «Ко мне явился министр императорского двора и рассказал мне о речи Идена в парламенте относительно зверств, совершенных нашими солдатами в Гонконге. Мы обменялись мнениями».

Военные преступления были сколь многочисленны, столь и разнообразны. В сентябре 1943 года инженерное училище японской армии выпустило методическое пособие под названием «Как обнаружить и обезвредить мины», переданное затем обвинением в распоряжение Трибунала. Там имеется и такая рекомендация: «Было бы очень хорошо, если бы военнопленных, местных жителей или животных посылали вперед по пути продвижения войск в качестве меры предохранения». И рекомендация эта выполнялась, причем животных использовали в последнюю очередь, когда под рукой не было военнопленных или местных жителей. Ведь животные могли пригодиться для питания японских войск...

В своей вступительной речи главный обвинитель Кинан заявил, что в Баликпапане на Борнео «в январе 1942 года было убито все белое население, которое отказалось передать японцам нефтепромыслы в неповрежденном виде».

Судебное следствие показало, что это военное преступление планировалось в Токио заблаговременно. Для того чтобы это доказать, обвинение передало суду документ японского министерства иностранных дел, датированный 4 октября 1940 года и помеченный грифом «совершенно секретно». В нем содержался «предварительный проект японской политики в отношении южных районов».

По Голландской Ост-Индии в проекте предлагалось следующее: «Если какие-либо из важных естественных ресурсов будут уничтожены, то все лица, связанные с сырьем, и десять соответствующих правительственных чиновников будут жестоко наказаны как ответственные за это лица».

Японии было чрезвычайно важно захватить неповрежденными нефтяные промыслы в Голландской Ост-Индии. Ведь обеспеченность нефтью была решающим условием успешной агрессии в районе Южных морей.

И приговор резюмирует: «В аффидевите очевидца Трибуналу было дано описание массового убийства белого населения в Баликпапане численностью от 80 до 100 человек. Они были подвергнуты жестокой казни 24 февраля 1942 года, когда их загнали в море и после этого расстреляли. Некоторых убили путем отсечения рук и ног мечом».

Приведенный выше документ японского МИДа и казни в Баликпапане суд рассматривал в приговоре в неразрывной связи и как еще одно доказательство того, что военные преступления совершались по прямому указанию японского правительства. Поэтому приговор констатирует: «С учетом того факта, что японское правительство официально приказало уничтожить все компрометирующие документы, этот проект министерства иностранных дел приобретает особое значение...»

Уже в конце войны японские вооруженные силы в течение многих месяцев уничтожали методически и зверски мирное население и пленных на Филиппинах. По своему масштабу резня на Филиппинах, пожалуй, уступала только нанкинскому побоищу.

На трибуне — обвинитель от Филиппинской республики Лопец. Он произносит свою вступительную речь:

— Более 131 тысячи филиппинцев и американцев встретили ужасную смерть от руки врага-садиста. Эта цифра не показатель военных потерь, она не включает тех, которые погибли на полях сражений. Она также не включает гораздо большего числа американцев и филиппинцев, спасшихся от смерти, но переживших весь ужас неописуемых страданий и унижений.

Мы покажем, что японские зверства на Филиппинах... совершались в отношении лиц обоего пола, всех возрастов и классов, на всех стадиях филиппинской оккупации, с декабря 1941 года до августа 1945 года.

Следует упомянуть и массовое убийство в Маниле, когда 800 мужчин, женщин и детей были собраны в здании колледжа св. Павла. Их согнали в центр зала к столам, на которых были разложены сладости и которые стояли под пятью висящими в чехлах канделябрами. Японский моряк дернул за веревку, и гранаты, спрятанные за чехлами в канделябрах, взорвались с такой силой, что снесли крышу здания. Было сразу убито большое количество присутствовавших в зале. Оставшиеся в

живых в панике попытались выбраться из огненного ада, но их встретил пулеметный огонь часовых, расставленных вокруг здания. В Каламба, в месте, почитаемом филиппинцами как родина их знаменитейшего национального героя доктора Ризаля, 2500 мужчин, женщин и детей были расстреляны и заколоты штыками. В живых осталось немного. На острове Понсон, в Себу, в Центральном Васайяе, всему населению деревни было приказано собраться в церкви. Сто человек было расстреляно из пулемета и заколото штыками в этих священных стенах. За остальными охотились до тех пор, пока не перебили в собственных домах и в болотах... В Баско, в районе Батангае, было арестовано 80 ни в чем не повинных жителей. Некоторых из них подвешивали к стропилам и обливали воспламеняющейся жидкостью, других били, ломали руки, лишали зрения. Убиты были все. В Давао были хладнокровно умерщвлены 169 мужчин, женщин и детей.

Обвинитель продолжает перечислять факты, один страшнее и трагичнее другого. И как показало судебное следствие, утверждения о зверствах на Филиппинах, о которых говорилось во вступительной речи, нашли прочное подкрепление в предъявленных Трибуналу доказательствах. Защита, очевидно, была проинформирована своими клиентами о японских зверствах на Филиппинах. А поэтому решила избежать боя на почве фактов, попытавшись просто сорвать рассмотрение так называемой «филиппинской фазы» по квазиюридическим мотивам. Сделать это было задумано раньше, чем Лопец начнет свою вступительную речь, впечатляющую сухой и жуткой фактологией. Однако Трибунал отклонил явно необоснованные ходатайства защиты.

И вот после этого решения Трибунала любопытно хотя бы вкратце познакомиться, как построили свою фазу защиты подсудимый Муто и его адвокат Коул (однофамилец обвинителя. — *Авт.*). Нет, ни Муто, тогда начальник штаба войск генерала Ямасита на Филиппинах (осужден американским трибуналом к смертной казни за военные преступления. — *Авт.*), ни Коул не пытались отрицать злодеяний, учиненных японскими войсками на Филиппинах: слишком много неопровержимых доказательств положило обвинение на судейский стол. Позиция Муто и его защиты была иной.

Вот адвокат Коул произносит вступительную речь:

— Американские войска на Филиппинах, значительно превосходящие противника в снаряжении, транспорте и боевой мощи, продвигались с поразительной скоростью, и японские войска были рассечены на отдельные группы. Эти группы японских войск были почти полностью изолированы друг от друга, и роль командующего Ямасита была сведена на нет. Осуществлять единое командование стало совершенно невозможно... И ни Ямасита, ни подсудимый Муто не только не давали своего согласия (на учинение зверств. — *Авт.*), но и не знали о них. Муто не имел полномочий предотвратить их, хотя он и делал все возможное. Это освещалось в показаниях Сюдзиро Кобаяси и других свидетелей во время общих фаз.

Что же мог делать Муто, если он ничего не знал? Тут Коула подвели свидетели защиты — они перестарались, убеждая суд, что Муто не только не поощрял зверств, но и боролся с ними, однако старания его были тщетны — войска стали неуправляемы.

— Для подтверждения нашей точки зрения, — продолжал Коул, — мы представим свидетеля, который был сотрудником штаба японских войск на Филиппинских островах. Кроме того, для подтверждения хаотической обстановки, сложившейся в то время, будут представлены выдержки из доклада генерала Маршалла. Этот доклад показывает, что подсудимый Муто не в силах был предотвратить события, имевшие место в Маниле.

Да, так же как уже известный нам генерал Дин, начальник штаба американской армии генерал Маршалл, в дни процесса уже пересевший в кресло государственного секретаря Соединенных Штатов, тоже решил протянуть защите руку помощи. По запросу адвокатов он выслал в Токио копию своего совершенно секретного доклада военному министру США о ходе кампании в Бирме и на Филиппинах. Там, между прочим, упоминается, что стремительное наступление американской армии внесло хаос в поведение войск противника, рассекло их на части. Вот на этот хаос защита и возлагала свою единственную надежду, когда речь шла о зверствах в Бирме и на Филиппинах. Так же как Дин, Маршалл хорошо понимал, кому и по какому вопросу пытается помочь. Но «холодная война» имела свои законы, столь же непреложные, как законы любой войны.

Свидетельское место занимает Акира Муто. Этот офицер прошел школу нанкинской резни, долгое время возглавлял бюро военных дел военного министерства, где поощрял военные преступления, затем оказался на полях сражений, сперва на Суматре, а потом на Филиппинах.

Прежде всего Муто, хорошо знавший, какие дела творились в лагерях военнопленных и интернированных на Суматре, попытался укрыться от этих дел за иерархическим забором. Он, столько лет проработавший в военном министерстве, делал вид, будто не знает, что командующий несет прямую ответственность за лагеря, расположенные на территории, занятой его войсками: «Я никогда не получал жалоб на свою дивизию ни со стороны военной администрации, ни со стороны местных жителей».

И это говорилось после всего, что уже было известно Трибуналу о зверствах войск Муто на Суматре!

Затем Муто переходит к Филиппинам: «Получив назначение на пост начальника штаба 14-го фронта, я выехал из Медана на Филиппинские острова 12 октября 1944 года».

Что в действительности обнаружил на этих островах генерал императорской гвардии, мы, разумеется, из его показаний не узнаем. Зато в них очень четко просматривается линия его защиты. Если поверить Муто, то виновник всех военных злодеяний на Филиппинах хаос, и только хаос. Поэтому зверства, имевшие место во время его пребывания на Филиппинских островах, и были совершены в этом хаосе войны...

Однако Муто, видимо, сознавал, что ссылками на хаос не парируешь тяжкого обвинения, а потому у него имелся запасной козырь. Тот самый козырь, который часто пускали в ход его нацистские коллеги в Нюрнберге: если и были зверства, то только в ответ на незаконные действия партизан.

Так же как и на Суматре, Муто пытается напрочь отделить себя от какой-либо связи с лагерями военнопленных и интернированных: «Когда 20 сентября 1944 года я приехал на Филиппинские острова для занятия своей должности, военнопленные и интернированные на этих островах находились под контролем генерала Ямасита».

А теперь обратимся к приговору. Доказанная в нем виновность Муто еще раз подтверждает, что военные преступления были не чем иным, как японской правительст-

венной политикой: «...20 апреля 1942 года Муто был назначен командующим императорской гвардией, находившейся в северной части Суматры. Он являлся японским военным командующим в северной части Суматры со штабом в Медане до 12 октября 1944 года, когда был переведен на Филиппинские острова. Во время пребывания его в этой должности он осуществлял на практике политику, которую отстаивал, будучи начальником бюро военных дел военного министерства в Токио. В районе, который был оккупирован его войсками... имели место случаи самых страшных зверств...»

А затем в формуле индивидуальной ответственности Муто приговор резюмирует: «С апреля 1942 года по октябрь 1944 года Муто командовал второй императорской гвардейской дивизией на Северной Суматре. В течение этого периода на территории, оккупированной его войсками, были широко распространены зверства, ответственность за которые разделяет Муто. Военнопленных и гражданских интернированных лиц морили голодом, им отказывали в медицинской помощи, их пытали и убивали, а гражданское население истреблялось.

В октябре 1944 года Муто был назначен начальником штаба генерала Ямасита на Филиппинских островах. Он занимал этот пост до капитуляции. Его положение значительно отличалось от того, которое он занимал во время так называемой нанкинской резни (тогда он, по мнению Трибунала, не занимал высокого командного поста в армии Мацуи. — *Авт.*). В то время он был в состоянии оказывать влияние на политику. Когда он занимал должность начальника штаба на Филиппинах, японские войска проводили кампанию массовых убийств, пыток и других зверств в отношении гражданского населения, а военнопленных и гражданских интернированных лиц морили голодом, подвергали пыткам и убивали. Муто разделяет ответственность за эти вопиющие нарушения законов ведения войны. Мы отвергаем утверждение защиты о том, что он ничего не знал об этих событиях. Это совершенно невероятно».

Отсюда закономерный приговор — смертная казнь. Судьба Муто была не единственным примером того, как подсудимые, перемещенные с токийского правительственного олимпа на поприще непосредственной практической деятельности, осуществляли те военные преступления, ко-

торые ранее они предписывали совершать своим подчиненным.

Еще одним таким примером была деятельность также осужденного к смертной казни Кимура. Он, как Доихара и некоторые другие подсудимые, предпочел не давать показаний, дабы не поставить под огонь перекрестного допроса свою весьма шаткую позицию отрицания всех обвинений. О нем в приговоре говорится: «11 марта 1943 года заместитель военного министра Кимура подал в отставку. Он был назначен командующим японской армией в Бирме с 30 августа 1944 года и находился на этом посту до момента капитуляции. Находясь в Бирме, он проводил в жизнь политику, осуществлению которой содействовал во время пребывания на посту заместителя военного министра. Вначале он расквартировал свой штаб в Рангуне. В то время имели место зверства, совершенные в этом районе... В конце апреля 1945 года Кимура переехал со своим штабом в Моулмейн. После этого зверства начались в Моулмейне и его окрестностях. Все население острова Калагоу было вырезано 7 июля 1945 года. Это произошло в десяти милях от штаба Кимура по приказу подчиненных ему офицеров. Массовые убийства имели место и в Моулмейне после прибытия туда Кимура, жандармы стали еще более бесчеловечны в обращении с бирманцами и интернированными в лагере Тавой, где бирманцев и интернированных морили голодом и избивали».

И Трибунал в приговоре, оценивая все доказательства, касающиеся военных преступлений, с которыми судьям довелось ознакомиться на протяжении двух с половиной лет процесса, пришел к следующему выводу: «Пытки военнопленных и гражданских интернированных лиц производились почти во всех районах, где располагались японские войска, как на оккупированных территориях, так и в самой Японии.

Японцы занимались подобной практикой в течение всего периода тихоокеанской войны. Методы пыток, применявшиеся во всех районах, были настолько единообразны, что они указывают на определенную политику как в обучении, так и в повседневной практике. К этим пыткам относились пытки водой, прижигание тела, пытки электричеством, растягивание коленных суставов, подвешивание, принуждение стоять на коленях на острых предметах и порка».

Приговор констатирует, что в результате такого обращения 27 процентов всех британских и американских пленных погибли в лагерях. Многие тысячи других навсегда остались инвалидами.

Когда читаешь эти трагические итоги японских военных преступлений, то невольно вспоминается одно место в показаниях Тодзио на суде: «...Мое заявление, что отношение японцев к вопросу о военнопленных отличается от отношения европейцев и американцев, означает, что еще с незапамятных времен японцы считали позорным сдаваться в плен. Поэтому все воины получали наказ идти на смерть, но не становиться военнопленными. При таком положении вещей считалось, что ратификация Женевской конвенции заставила бы общественное мнение поверить, что власти поощряют японцев сдаваться в плен... Поэтому в ответ на запрос нашего министерства иностранных дел относительно действия Женевской конвенции военное министерство заявило, что хотя оно не может объявить о полном согласии с ее принципами, но и не возражает против их применения с необходимыми оговорками. В январе 1942 года министр иностранных дел объявил через посольства Швейцарии и Аргентины, что Япония будет следовать Женевской конвенции с изменениями».

Теперь становится ясным, как понимали «необходимые оговорки» к Женевской конвенции Тодзио и его правительство: очевидно, «эти изменения» должны были наглядно показать европейцам и американцам, что гибель в бою или смерть от собственной руки много легче японского плена. Системой зверств они, видимо, надеялись запугать солдат и офицеров союзных армий, подорвать их волю к борьбе и победе. Этого, как известно, не произошло. Японских милитаристов и их нацистских сообщников, так же как и их многочисленных предшественников, действовавших в разные времена и на разных континентах, в конце концов, подвела вера во всесилие массового террора и зверств.

Сотни страниц приговора и два тома приложений к нему посвящены только описанию конкретных фактов злодеяний, учиненных японскими милитаристскими войсками в ходе второй мировой войны. Для того чтобы читатель получил представление о характере и садистской изощренности этих преступлений, мы процитируем только не-

сколько выдержек из приговора и приложений к нему, по возможности избегая комментариев, ибо здесь факты говорят сами за себя:

«Во время резни в Гонконге японские войска захватили военный госпиталь в колледже св. Стефана, закололи штыками больных и раненых... изнасиловали и перебили медсестер, находившихся на дежурстве...»

«Японские военные врачи практиковали вивисекцию военнопленных японцами, которые не были врачами... В Кадоке с военнопленным, который описывается как «здоровый, не имеющий ранений», поступили следующим образом. Человека привязали к дереву... Вокруг него встали японский врач и четыре японских студента-медика. Сначала они вырезали у него ногти на пальцах, затем разрезали грудную клетку и удалили сердце. Взяв сердце в руки, врач демонстрировал его работу...»

В захваченном дневнике одного японца, очевидно офицера, описывается следующий случай на острове Гуадалканал: «26 сентября. Обнаружили и поймали двух военнопленных, которые прошлой ночью бежали в джунгли. Чтобы предотвратить их вторичный побег, им прострелили ноги из пистолета. Военный врач Ямадзи вскрыл тела этих двух военнопленных, когда они были еще живы, удалив у них печень. Я впервые увидел внутренние органы человека. Это было очень поучительно...»

«К концу тихоокеанской войны в японской армии и флоте дошли до людоедства и ели... военнопленных, которых они незаконно убивали... Один японский военнопленный во время допроса заявил: «10 декабря 1944 года штаб 16-й армии издал приказ о том, что войскам разрешается есть мясо погибших граждан союзных держав, но что они не должны есть мясо своих соотечественников». Это заявление было подтверждено захваченным циркуляром по вопросу о дисциплине, который находился у одного генерал-майора. В указанном циркуляре имеются следующие строки: «Хотя это и не предусмотрено уголовным кодексом, однако те, кто употребляет в пищу человеческое мясо, зная, что оно является таковым (это не относится к убитым солдатам и офицерам противника), должны приговариваться к смертной казни как самые опасные преступники против человечности».

«Иногда людоедство обставлялось для офицеров торжественными церемониями. В них принимали участие

даже высшие офицеры в звании генералов и контр-адмиралов. Доказательства свидетельствуют о том, что людоедство процветало даже в тех случаях, когда в наличии имелись другие продукты. Иначе говоря, этой отвратительной практики придерживались по собственному выбору, а не в силу необходимости».

В выдержке из заявления, принятого Трибуналом и сделанного военнопленным Эйдзи Ямагидзава (личный номер ГА 162002, солдат 9-й роты 3-го батальона 239-го пехотного полка, в числе других взят в плен австралийскими войсками) указывалось, что командир 41-й пехотной дивизии генерал-майор Аоцу 1 ноября 1944 года обратился с речью к своим войскам, призвав сражаться с союзниками «до последнего предела». Таким «пределом» генерал-преступник считал людоедство и открыто к этому призывал.

Всюду на оккупированных территориях в лагерях для военнопленных и интернированных гражданских лиц царил тот же режим, стиравший грань между тюремщиками и хищным зверьем. Но двуногие звери заметно превосходили обитателей джунглей в проявлениях садизма. И снова факты, факты, факты...

Фактов так много, что необходимы не часы, а дни, дабы перечитать все, зафиксированное Трибуналом в приговоре и приложениях к нему.

Мы уже говорили, что обвинение имело не только документальные доказательства злодейского обращения японцев с военнопленными (материалы обследования лагерей военнопленных и интернированных лиц, освобожденных союзными войсками, материалы обследования тюрем, где содержались эти лица). Было также допрошено почти 700 очевидцев, прошедших через этот ад и оставшихся в живых. К началу суда большинство этих мучеников вернулись на родину. Об этом хорошо знала защита. Знала и понимала, что никто не согласится снова собирать в Токио со всех концов света этих доведенных до предела отчаяния людей. Знала и потому потребовала, чтобы их вызвали в суд, дабы защита воспользовалась своим правом провести перекрестный допрос этих свидетелей. Хотя опытные американские адвокаты хорошо понимали, что такой перекрестный допрос весьма опасен для защиты и подсудимых.

Для чего же адвокаты настаивали на своих требованиях, столь неразумных с позиций защиты? Прежде всего для того, чтобы этот факт был отражен в протоколе судебного заседания, что позволило бы заявить в заключительных речах, что право подсудимых на защиту было незаконно сужено Трибуналом. Это была также «работа на историю», подходящая пища для будущих реакционных историков и ученых-юристов, избравших для своих опусов тему «Юстиция победителей».

И, как бы предвидя все это, австралийский обвинитель судья Мэнсфилд еще в начале процесса, когда адвокаты заявили свое ходатайство, бросил вызов защите, сделав такое предложение: «В отношении вызова свидетелей следует указать, что все или большинство из тех, кто фактически совершал зверства, описанные в аффидевитах, в настоящее время находятся в Японии, поскольку они работали в тюремной охране или входили в состав японских вооруженных сил, поэтому защита, если она этого желает, может их вызвать и опровергнуть все, что им предписывается в аффидевитах» (имеются в виду аффидевиты свидетелей — жертв военных преступлений.— *Авт.*).

Но адвокаты не подняли брошенной им перчатки. Ведь если не они сами, то их клиенты хорошо знали, что творили с военнопленными и интернированными лицами агенты милитаристского правительства Японии. Поэтому перспектива иметь палачей в качестве свидетелей защиты оказалась не только малопривлекательной, но еще более опасной: не хватало только поставить этих кандидатов на скамью подсудимых под огонь перекрестного допроса! Ведь давно известно, что те, кто издевается над беззащитными жертвами, как правило, столь же подлы и жестоки, сколь и трусливы. Что они еще могут рассказать, спасая собственную шкуру? Не вспомнят ли эти свидетели токийские директивы, на основе которых они действовали и которые успели уничтожить? Не назовут ли имен тех, чьи подписи украшали эти директивы, или тех, кто дал указание сжечь все улики?

И кончилось дело тем, что в заключительных речах адвокаты, учитывая многочисленность и непреодолимую силу улик, собранных обвинением, не осмелились оспорить факты. Защита признала их, а признав, выдвинула перед собой, как ей казалось, более ограниченную и более легкую задачу: каждый из адвокатов доказывал, что

лично его подзащитный не имел касательства к военным преступлениям, даже не знал о них. Что же касается многочисленных дипломатических протестов и выступлений лидеров союзных держав, передававшихся по радио, то их расценивали как вражескую пропаганду. Азарт судебной борьбы, видимо, настолько увлек защиту, что никто из адвокатов не задумался над простым вопросом: к какому же выводу придут судьи, если в совещательной комнате суммируют воедино эти высказывания? Ведь если только подытожить подобные выступления, то оказывалось, что огромные по масштабу и единые по методам совершения военные преступления, длившиеся целых восемь лет (1937—1945 гг.) и охватившие в момент кульминации японских военных успехов одну четверть земного шара, явились результатом разрозненных, так сказать, самочинных действий исполнителей низшего ранга, которые творили все это на свой страх и риск.

Однако такой тезис начисто противоречил не только элементарной логике, но и множеству доказательств, собранных обвинением и предъявленных Трибуналу.

Вот еще одно из таких разительных доказательств. 10 августа 1945 года, после вступления в войну СССР, шло срочно созванное заседание Высшего военного совета в присутствии императора. Ясна необходимость безоговорочной капитуляции. «Однако, — свидетельствует подсудимый Того, — верховное командование армии и военно-морского флота выставило еще три условия».

Для нас сейчас важно третье из них, гласящее, что «наказание военных преступников будет поручено самим японцам». Того свидетельствует, что высшие представители вооруженных сил так упорно настаивали на этом своем требовании, что заседание Высшего военного совета было закрыто из-за невозможности принять позитивное решение. В тот же день император вызвал к себе членов Высшего военного совета и, как показал Того, согласился с их мнением: необходимо принять Потсдамскую декларацию, но только с одним условием — «сохранить основную структуру государства» (иначе говоря, существующий социальный строй. — *Авт.*).

Ну а что же господа военные? «Они, — заявил на суде Того, — остались при своем мнении по вопросу о суде над японскими военными преступниками, но вынуждены были подчиниться решению императора».

Здесь поистине на воре шапка горит: значит, во-первых, японское правительство хорошо знало о масштабе и характере военных преступлений, во-вторых, высшее военное руководство, которое в первую очередь несло ответственность за эти преступления, готово было продолжать бессмысленное и гибельное для страны кровопролитие в призрачной надежде спасти военных преступников, в том числе, разумеется, и самих себя, от справедливого возмездия. Военные хорошо понимали, что «при условии сохранения основной структуры государства» японский суд для них не страшен.

Пройдет еще несколько дней, и Кидо запишет в своем дневнике слова императора: «Мысль о привлечении к суду военных преступников для меня невыносима, но сейчас пришло время выносить невыносимое».

В этих необычно трудных для защиты условиях американские адвокаты решили выпустить на авансцену своего японского коллегу — профессора международного права Такаянаги. Именно ему была поручена нелегкая миссия произнести, так сказать, «теоретическую» речь в защиту всех подсудимых.

Наткнувшись на стену неотразимых улик, Такаянаги, не стесняясь, клеветал на собственный народ, лишь бы спасти подлинных преступников. «Даже если все зверства, о которых здесь говорилось, имели место и метод их совершения был единым, — утверждал адвокат, — это не может оправдать подобное предположение (имеется в виду предположение, что все эти преступления санкционировались японским правительством и командованием. — *Авт.*). Такой вид действий может являться лишь отражением национальных или расовых особенностей. Преступления не меньше, чем величайшие произведения искусства, могут выражать характерные черты, отражающие нравы расы...»

Переходя к вопросу о массовых убийствах, отрицать которые Такаянаги не решается, он позволяет себе такие утверждения: «Массовые убийства, о которых идет речь... по-видимому, были совершены, если они действительно были совершены, при подавлении местных попыток к восстанию. Вооруженный мятеж нельзя ликвидировать с помощью розовой водички. Совершенно не обязательно, что должны были проводиться формальные суды до осуществления казни в тех случаях, когда власти стояли перед лицом вооруженных мятежников и предателей...

Если будет доказано, что военнопленных иногда убивали, то это происходило, когда поблизости находились вооруженные силы противника, готовые к вторжению. Убийства военнопленных при подобных обстоятельствах могут иногда быть вполне допустимой мерой военной предосторожности...»

Когда слышишь эти утверждения, абсурдные с позиций международного права и чудовищные по своей бесчеловечности, то начинаешь понимать, почему американская часть защиты поручила развить такую «теоретическую схему» своему японскому коллеге. Кому приятно брать подобную миссию на себя!

И в заключение, кончая свои объяснения по делу, Такаянаги утверждает и угрожает: «Нет необходимости напоминать высокому Трибуналу, что несправедливое наложение суровых наказаний за преступления, которые неизвестны праву, вызовет лишь озлобление в сердцах грядущих поколений и помешает установлению вечного мира, необходимого для обеспечения дружественных отношений между Востоком и Западом. Будущие поколения восточных народов, а также всего мира, рассматривая это историческое решение с точки зрения широкой исторической перспективы, могут прийти к выводу, что была допущена величайшая несправедливость путем наказания лидеров одной из наций Восточной Азии, в то время как государственных деятелей и генералов западных держав на протяжении последних трех столетий никогда не наказывали за их агрессивные действия на Востоке».

Здесь в речи Такаянаги есть серьезный элемент исторической правды: да, европейские и заокеанские колонизаторы совершали в Азии немало тяжких преступлений, совершали на протяжении столетий и оставались безнаказанными. Но шли века, шло вперед и человечество, развивалось и совершенствовалось международное право. К огорчению Такаянаги, это международное право задолго до его речи твердо декларировало наказуемость военных преступлений и объявило агрессию тягчайшим криминалом как для западных, так и для восточных государственных деятелей...

* * *

Тому, кто приедет в Токио наших дней, нелегко будет найти бывшее здание военного министерства, где заседал Международный военный трибунал.

Дом этот, казавшийся внушительным и объемным в сороковых годах нашего века, ныне теряется на фоне великанов из бетона и стекла, выросших в послевоенное время. Сейчас здесь казарма одной из воинских частей токийского гарнизона. И ничто не напоминает теперь об исторических событиях, которые происходили в этих стенах... Прошлое предано здесь забвению. И это не удивительно в «свободном» мире. Ведь в Токио судили не только главных военных преступников. Здесь, как и в Нюрнберге, помимо воли большинства буржуазных судей на скамье подсудимых незримо присутствовал еще один обвиняемый. Этот обвиняемый — империалистическая политика и дипломатия, но на сей раз в японо-милитаристском варианте, политика и дипломатия, которые вместе со своим нацистским союзником ввергли человечество в пучину второй мировой войны.

СОДЕРЖАНИЕ

Лев Николаевич Смирнов,
Евгений Борисович Зайцев

СУД В ТОКИО

Редактор *М. Д. Конюшенко*
Художник *В. В. Васильев*
Художественный редактор *А. М. Голикова*
Технический редактор *Г. В. Фатюхина*

Корректоры *Т. Е. Антонова и Е. В. Соловьева*

ИБ № 2062

Г-32892. Подписано к печати с матриц 20.11.80 г. Формат 84×108/32. Гарнитура обыкнов. новая. Печать высокая. Печ. л. 17, усл. печ. л. 28,56+1 вкл.; печ. л. 1/16, усл. печ. л. 0,105. Уч. изд. л. 30,300. Бумага тип. № 2. Тираж 100 000. Цена 2 р. 20 к. Изд. 3/7601. Зак. № 1-19.

Воениздат
103160, Москва, К-160
Набрано и сматрицировано в 1-й типографии Воениздата

Отпечатано на книжной фабрике им. М. В. Фрунзе РПО «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.

2р.20к.

Л.Н.СМИРНОВ
Е.Б.ЗАЙЦЕВ
СУД В ТОКИО